

ДК
56
В42

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВИЗАНТИЙСКИЙ ВРЕМЕННОК

31

1 9 7 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

ДК
56

В42

В
И
З
А
Н
Т
И
Й
С
К
И
Й
В
Р
Е
М
Е
Н
Н
И
К

Том 31

ОБЩЕСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1971

Г П И Б
ОБМЕН. ФОНД

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

доктор исторических наук *З. В. Удальцова* (отв. редактор),
действительный член Академии художеств СССР *М. В. Алпатов*,
член-корреспондент АН Грузинской ССР *С. Г. Каухчишвили*,
член-корреспондент АН СССР *В. Н. Лазарев*,
член-корреспондент АН СССР [*Н. В. Цигулевская*],
доктора исторических наук *А. П. Каждан*, *Е. Э. Липшиц*,
кандидаты исторических наук *Г. Г. Литаврин* (зам. отв. редактора),
Р. А. Наследова (отв. секретарь),
доктора исторических наук *Е. Я. Скржинская*, *М. Я. Сюзюмов*

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ПОГАЩЕНО
1977 г.

СТАТЬИ

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ УЧЕНИЕ И ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОГО ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЯ

22 апреля 1970 г. исполнилось 100 лет со дня рождения В. И. Ленина, великого теоретика и руководителя пролетарской революции, создателя Коммунистической партии Советского Союза и основателя первого в мире социалистического государства.

Отмечая вместе со всем советским народом и прогрессивным человечеством эту знаменательную дату в современной истории, советские византисты подводили итоги развития марксистского византиноведения в нашей стране за истекшее полу столетие и определяли основные задачи своей науки на ближайшее будущее.

В нашу эпоху — эпоху победного шествия ленинских идей по планете и развернутого строительства коммунизма в Советском Союзе — неизмеримо возросло значение марксистско-ленинского материалистического познания закономерностей исторического развития человеческого общества.

Основным содержанием резко обострившейся социальной борьбы, характерной в наше время для большинства капиталистических стран, является в конечном итоге борьба за социализм — магистральный путь развития человеческого общества на современном этапе. В соответствии с глубокой поляризацией классовых сил, приобретающей всемирный характер, столь же всеобъемлющей становится и борьба двух главных идеологий нашего времени: идеологии коммунизма и идеологии империализма. С ослаблением надежд господствующих классов капиталистического мира на военное подавление крепнущих сил социалистической системы все большее значение приобретает идеологическая борьба. Успех в этой борьбе определяется в значительной степени тем, насколько последовательно утверждается материалистическое миросозерцание, насколько глубоко представители общественных наук овладевают марксистской философией и методом диалектического материализма, насколько высока квалификация каждого из них в своем деле.

Идеологическое воспитание невозможно без познания законов развития человеческого общества на всем протяжении его истории, представляющей собой закономерную и последовательную смену общественно-экономических формаций. Основательное знание отечественной и всемирной истории является серьезным оружием в идеологической борьбе. Оно составляет необходимый компонент духовного богатства народа, связанный тысячами нитей с бесчисленными сферами созидательной деятельности человека.

Острая идейная борьба пронизывает в настоящее время все отрасли науки об обществе, в том числе и историческую науку.

Советские византисты отчетливо сознают ту роль, которую они призваны играть и в утверждении материалистического мировоззрения, и

в современной идеологической борьбе. Стремительное и всеобщее развитие науки в наши дни, особенно в последнюю четверть столетия, характерно также и для византиноведения. За этот период как в социалистическом, так и в капиталистическом мире оформились новые научные течения и школы византиноведения, выделились и утвердились новые отрасли византиноведческой науки, возникли и окрепли новые византиноведческие центры, умножилось количество специальных византиноведческих изданий.

В научный оборот введена масса ранее неизвестного материала, активно пересматривается источниковедческая база прежних научных теорий, применяются различные, более совершенные методы исследования, создаются новые, современные концепции истории Византии, нередко в корне исключающие друг друга по своей идейной направленности. Многие проблемы теперь ставятся и решаются иначе, чем раньше, впервые выдвинуто немало новых сложных вопросов, имеющих кардинальное значение для понимания всего хода византийской истории. Примечательной и немаловажной чертой современного мирового византиноведения является все возрастающий поток научно-популярной литературы для массового читателя, ярко отражающей идейное содержание научной полемики и находящей широкий спрос на книжном рынке.

Ведя исследовательскую и учебную работу по своей специальности и определяя задачи на будущее, советские византилисты учитывают специфику своей отрасли науки и концентрируют внимание на решении таких проблем, которые имеют принципиальное идеологическое значение для развития марксистско-ленинской теории в области исторического познания вообще.

Византия представляет собой единственный тип средневекового государства, основные территории которого простирались на значительные пространства Европы, Азии, а в отдельные периоды и Африки и в социальной структуре общественных институтов которой нашли глубокое отражение специфические черты многовекового предшествующего развития истории этих континентов.

Византия была единственным средневековым государством в Европе, не пережившим крушения государственной системы в период великого переселения народов: история ее основных территорий насчитывала семь столетий непрерывного государственного существования к моменту возникновения средневековых европейских государств. Переход от античности к средневековью совершался здесь в условиях сохранения государственности и имел свои специфические особенности сравнительно с остальным европейским миром.

Непосредственная преемница античной, греко-римской цивилизации, Византия вплоть до конца XII в. являлась наиболее культурной страной средневековой Европы; она выделялась среди других стран интенсивностью своей общественной жизни, утонченностью культуры и искусства и оказывала широкое и многообразное влияние на окружавшие ее и далекие народы Европы, Азии и Африки.

Византия, наконец, была страной, с которой Древняя Русь в течение многих веков находилась в особенно тесных экономических, политических и культурных связях. Влияние Византии отразилось на многих сферах общественной и культурной жизни Руси, в частности на распространении христианства и письменности. Некоторые некогда принадлежавшие Византии территории входят ныне в пределы Советского Союза (часть Крыма, Армении и Грузии); внутри бывших границ Византийской империи находятся три европейских государства, вступившие на путь социалистического развития (Болгария, Югославия, Албания).

Уже одни эти особенности свидетельствуют о том, сколь принципиально решение на материале истории Византии таких, например, актуальных

в современной мировой историографии вопросов, как: типология феодализма, взаимоотношения города и деревни, особенности развития государства в связи с коренной эволюцией социальной стратиграфии общества; характер классовой борьбы на различных этапах истории Византии, значение культуры и идеологии в общественной и социальной жизни страны, степень преемственности элементов старого общественного строя при смене формаций, а также при взаимодействии двух или нескольких одновременно существующих, но разных по социальной и государственной структуре обществ.

Обращаясь к решению этих и других важных проблем современного византиноведения, советские византилисты руководствуются марксистско-ленинской методологией, строго оценивая место и значение новых фактов, накопленных наукой, и творчески подходя к теоретическому обобщению их на новом этапе научного познания. «Мы, — говорил В. И. Ленин о русских марксистах, — не смотрим на теорию Маркса как на нечто законченное и неприкосновенное; мы убеждены, напротив, что она положила только краеугольные камни той науки, которую социалисты должны двигать дальше во всех направлениях, если они не хотят отстать от жизни»¹.

Не прекращая исследований, посвященных социально-экономической истории Византийского государства (в области которой марксистское византиноведение в прошлом достигло особенно больших успехов), и признавая их определяющее значение, советские византилисты в настоящее время выдвигают вместе с тем задачу целостного охвата всего хода исторического развития Византии, во всех его проявлениях, т. е., говоря словами В. И. Ленина, задачу изучения истории «как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса»².

Преимущественное исследование базиса феодального византийского общества советские византилисты сочетают с изучением внутривнутриполитической истории империи, а также ее государственной структуры, общественной мысли, идеологии и культуры, т. е. с рассмотрением надстроечных явлений, находящихся в непрерывном и взаимообуславливающем взаимодействии с базисом.

Только изучив византийскую историю на каждом ее этапе как «живой организм в его функционировании и развитии»³, можно действительно научно и достаточно точно ответить на вопрос о типе византийского феодального общества и тем самым внести вклад в решение общетеоретической проблемы типологии феодализма, которой уделяется столь большое внимание в современной историографии.

Именно такой подход способен привести к успеху, ибо, как говорил В. И. Ленин, «весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь а) исторически; б) лишь в связи с другими; γ) лишь в связи с конкретным опытом истории»⁴.

Вопрос о социальной структуре Византийского государства, его классовой природе и эволюции еще не ставился в полном объеме в советской историографии. Между тем эта проблема требует самого пристального внимания историков-марксистов. «Едва ли найдется другой вопрос, — говорил В. И. Ленин, — столь запутанный умышленно и неумышленно представителями буржуазной науки, философии, юриспруденции, политической экономии и публицистики, как вопрос о государстве»⁵. Именно так и обстоит дело в современной буржуазной византиноведческой лите-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 4, стр. 184.

² Там же, 21, стр. 41.

³ Там же, т. 1, стр. 166.

⁴ Там же, т. 49, стр. 329.

⁵ Там же, т. 29, стр. 434—435.

ратуре, где Византийское государство характеризуется как непосредственное продолжение Поздне-Римского, ничем принципиально от него не отличавшееся даже многие столетия спустя после гибели Западной Римской империи и образования феодальных монархий Запада. Этот тезис, кстати говоря, является одним из основных аргументов, выдвигаемых против марксистской концепции феодальной природы византийского средневекового общества.

С враждебных марксистской методологии позиций рассматриваются в буржуазном византиноведении и другие аспекты проблемы Византийского государства: отрицается его классовая сущность, централизация и экспансионизм порой ассоциируются с прочностью государственного строя, народные движения против централизованного гнета представляются в лучшем случае как «бунты черни», вопрос об их социальной природе даже не поднимается и т. д.

Марксистско-ленинское учение о классовой природе любого государства, существующего в условиях антагонистического общества, является исходным пунктом в исследовании проблемы Византийского государства во все периоды его истории.

В области изучения византийской идеологии и культуры особую активность развивают представители современной буржуазной науки. При этом они проявляют ярко выраженную тенденцию рассматривать религиозную по преимуществу византийскую идеологию в отрыве от породившей ее действительности, сводя ее основное содержание лишь к вопросам богословия и схоластики. Богатейшее наследие византийской литературы объявляется лишенным социального звучания, далеким от борьбы мнений и течений современной ей эпохи, чуждым важным политическим и социальным проблемам.

Советские византилисты, занимаясь широким комплексным изучением культуры и идеологии Византии, четко различают два аспекта этой важной проблемы. С одной стороны, они ясно отдают себе отчет в том, что духовная жизнь общества определяется ее общественными, классовыми отношениями, а это, по словам К. Маркса, «значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу»⁶.

С другой стороны, вскрывая классовую сущность тех или иных проявлений византийской духовной культуры, исследователи-марксисты объективно оценивают их прогрессивное значение в развитии культуры как самой Византии, так и европейского средневековья вообще. Немало шедевров византийского гения вошли в сокровищницу мировой цивилизации, овладение богатствами которой В. И. Ленин считал обязательным условием для создания новой, пролетарской культуры⁷.

В расколоте на классы и сословия византийском обществе на всем протяжении его истории шла напряженная социальная и классовая борьба, проявлявшаяся в острых столкновениях враждебных идеологических течений, как бы ни были причудливы средневековые формы их выражения. Этой идейной борьбы, в частности, не была чужда ни открытая, ни тайная (апокрифическая) византийская литература. Задача советских византистов состоит в кропотливом и внимательном восстановлении важнейших элементов идеологии угнетенного населения византийского города и деревни, в пристальном исследовании многочисленных ерети-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 3, стр. 45, 46.

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 259, 262.

ческих учений, которые неоднократно приводили к широким народным движениям в Византии против классового и социального гнета.

Наконец, в тесной связи с изучением проблемы идеологии и культуры Византии находится и выявление размеров византийского влияния на Древнюю Русь, народы Кавказа и славян Балканского полуострова. В современной буржуазной историографии исследование этой проблематики ведется нередко в откровенно тенденциозном, далеком от науки плане. Идеологическая борьба в области византиноведения бывает порой на этом участке особенно острой, и долгом советских византинистов является глубокое и неустанное изучение всего комплекса вопросов, относящихся к этой проблеме.

Советское византиноведение вступает в следующий этап своего развития, который должен подготовить почву для новых теоретических обобщений, соответствующих общему прогрессу марксистско-ленинской науки об обществе. Начало этого этапа характеризуется следующими основными чертами: советские византинисты переходят к решению новых, ранее не ставившихся проблем; применяя новые методы комплексного исследования, они критически пересматривают некоторые устаревшие теории и концепции; в сферу их внимания включается вся сумма накопленного на сегодняшний день фактического материала, имеющего отношение ко всем сторонам жизни изучаемого ими общества.

Разрабатывая названные выше и другие проблемы византиноведения, советские византинисты и впредь будут твердо стоять на ленинской позиции партийности в науке, «не поступаясь цельностью и определенностью мирозерцания», к чему призывал В. И. Ленин, видевший в этом непрременный долг ученого-марксиста ⁸.

⁸ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 559, прим. 1.

З. В. УДАЛЬЦОВА

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ПРОКОПИЯ КЕСАРИЙСКОГО

Наиболее выдающимся византийским историком VI в., бесспорно, является Прокопий Кесарийский. В научной литературе Прокопию повезло: без преувеличения можно сказать, что ни об одном из византийских авторов раннего периода не было столько написано, как о Прокопии¹. Был проведен детальный текстологический анализ всех произведений Прокопия, и недавно увидело свет новое критическое издание его трудов². Много раз подвергалась проверке достоверность исторических сообщений Прокопия, особенно его отдельных экскурсов, посвященных различным народам и странам³.

Поистине неисчерпаема научная литература, касающаяся анализа топонимических, географических, демографических и просопографических данных Прокопия. Да это и не удивительно, ибо сочинения Прокопия, особенно его «Трактат о постройках» и «История войн Юстиниана с персами, вандалами и готами», действительно являются своего рода этно-географической энциклопедией VI века⁴. Многообразные сведения Прокопия о природе и населении, городах и торговых путях, гражданских и оборонительных сооружениях, языке, нравах и обычаях жителей как самой Византии, так и соседних с ней стран в равной мере интересовали историков и археологов, этнографов и лингвистов. При этом многие сообщения Прокопия выдержали самую строгую проверку на точность⁵.

¹ G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I. Berlin, 1958, S. 496—500.

² Procopii Caesariensis Opera omnia, recognovit J. Haury, editio stereotypa correctior, addenda et corrigenda adjectit Gerhard Wirth, vol. I—IV. Lipsiae, 1963—1964; G. Wirth. Mutmassungen zum Text von Procop's' Gotenkrieg. — «Helikon», IV, № 1—4, 1964; V, № 2—4, 1965.

³ Из новейших работ следует указать: R. Benedicty. Procopios' Berichte über die Slavische Vorzeit. Beiträge zur historiographischen Methode des Prokopios von Kaisareia. — «Jahrbuch der Österreichischen Byzantinischen Gesellschaft», XIV, 1965, S. 51—78; *idem*. Die auf die Frühslavische Gesellschaft bezügliche Byzantinische Terminologie. — «Actes du XII Congrès International d'Études Byzantines», II. Beograd, 1964, S. 45—55; P. Бенедикти. Эскурсе о Фуле у Прокопия Кесарийского (К вопросу об архаизации при этнографических описаниях в византийской литературе.) — ВВ, XXIV, 1964, стр. 49—57.

⁴ J. Haury. Zur Beurteilung des Geschichtsschreibers Prokopios von Cäsarea. München, 1896; G. Soyter. Procopius von Caesarea. — ВЗ, 44, 1951; B. Rubin. Procopios von Kaisareia, eine Zentralgestalt der östromischen Geschichtsschreibung. — «Forschungen und Fortschritte», 29, 1955; *idem*. Procopios von Kaisareia. Stuttgart, 1954.

⁵ В последние годы дебатруется вопрос об историографическом методе Прокопия и способе использования им античных авторов: P. Бенедикти. Взятие Рима Аларихом (К вопросу об историографическом методе Прокопия Кесарийского). — ВВ, XX, 1961, стр. 23—31; R. Benedicti. Die Milieu-Theorie bei Procop von Kaisareia. — ВЗ, 55, 1962, S. 1—10.

Длительное время со страниц византиноведческой литературы не сходили споры о «Тайной истории» Прокопия. И хотя ныне подлинность этого сочинения и принадлежность его Прокопию не вызывают сомнений, однако дискуссии об общей оценке этого труда не затихают по сей день.

Не меньший интерес продолжает вызывать и мировоззрение⁶ Прокопия. Немало было сделано попыток объяснить противоречивость политической позиции автора в его официальных трудах и в «Тайной истории». Особо рассматривался вопрос о философских и религиозных взглядах Прокопия⁷. В новейшей литературе некоторые ученые отходят от общепринятой ранее точки зрения, согласно которой Прокопий был далек от христианской религии, являясь чуть ли не тайным приверженцем язычества; теперь Прокопий все более и более «христианизируется», доказывается его полная лояльность в отношении официального вероучения⁸.

К сожалению, до сих пор недостаточно освещен вопрос о социальных корнях и политической направленности мировоззрения Прокопия⁹. Спорность и противоречивость оценки его мировоззрения в науке дают право вновь вернуться к этому вопросу.

Незаурядный политический деятель и искусный дипломат, занимавший высокие посты в византийской администрации, Прокопий был человеком, обладавшим недюжинным литературным талантом, широким для своего времени научным кругозором и большой любознательностью. Куда бы ни забрасывала его судьба, какие бы отдаленные страны он ни посещал, всюду он жадно смотрел на окружающее, а главное — понимал, беседовал с очевидцами, старался все запомнить и узнать. Пытливый ум и зоркая наблюдательность помогли Прокопию собрать ценнейший исторический материал о своей эпохе, описать многие важнейшие события, свидетелем, а зачастую и участником которых он был. Его полная тревог и дальних походов жизнь сама давала обильную пищу для исторических наблюдений и сопоставлений.

Сведения о жизни Прокопия мы черпаем как из его собственных трудов, так и из произведений других современных ему и более поздних писателей. Прокопий родился в Кесарии Палестинской в конце V или в самом начале VI в. (вероятнее всего, между 490 и 507 гг.)¹⁰. Он происходил из знатной, достаточно состоятельной семьи и получил превосходное образование. Позднейшие писатели называют его ритором (ῥήτορ) и софистом (σοφιστής), подчеркивая тем самым, что он обладал основательными знаниями по риторике и философии. Много занимался Прокопий и юриспруденцией, высоко ценившейся в его время. Познания в юриспруденции открыли ему дорогу к придворной и дипломатической карьере. Прокопий сам рассказывает о том, как он поднимался по служебной лестнице. Еще молодым человеком в 527 г. он стал секретарем (σύμβουλος) известного полководца Велисария, а во время африканского похода получил уже звание советника по юридическим делам (πάρεδρος) своего прославленного патрона. Поток жизни захватывает и уносит Прокопия в самую гущу политической борьбы его времени: походы против персов, экспе-

⁶ O. Veh. Zur Geschichtsschreibung und Weltauffassung des Procop von Caesarea, I—III (Bayreuth, Gymn. Progr., 1950/51; 1951/52; 1952/53). Bayreuth, 1951—1953.

⁷ G. Downey. Paganism and Christianity in Procopius. — «Church History», 18, 1949, p. 89—102.

⁸ Averil M. Cameron. The «Scepticism» of Procopius. — «Historia», 15, 1966, p. 466—482.

⁹ См. Б. Панченко. О «Тайной истории» Прокопия. — ВВ, 2, 1895, стр. 24—57; 340—371; 3, 1896, стр. 96—117; 300—316; 460—527; 4, 1897, 402—451; З. В. Удальцова. Вступит. статья к кн.: Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 3—60.

¹⁰ G. Moravcsik. Byzantinoturcica, I, S. 489. Там же (S. 496—500) см. обширную литературу о Прокопии.

диции в Северную Африку и Италию — калейдоскоп лиц, событий, стран и народов проходит перед взорами будущего историка.

Трудно сказать, когда именно в тревогах военной и суеде придворной жизни, среди политических интриг и борьбы за карьеру, в душе советника Велисария окрепло желание описать виденное, сохранить пережитое в памяти потомков. Скорее всего, уже в эти годы, в перерывах между сражениями и дипломатическими переговорами, в походных палатках и на бивуаках далеких стран, Прокопий вел дневник, куда записывал свои впечатления, беседы с очевидцами, характеристики выдающихся деятелей и полководцев, с которыми встречался.

Он интересовался всем: природой и диковинными животными стран, куда забрасывала его судьба, бытом и культурой народов, встречавшихся на его пути, преданиями и легендами, рассказываемыми при свете походных костров. Но особенно интересовали его тайные пружины политических драм, разыгрывавшихся в различных областях империи, секреты дипломатических переговоров, заговоры, которые плелись при дворах варварских правителей и в константинопольском дворце. Доверие и высокое покровительство Велисария открывали ему доступ ко многим скрытым от посторонних глаз документам. Не менее сведущ он был и в военных делах, хотя сам, видимо, не имел вкуса к военным подвигам. Отдавая дань уважения древности, Прокопий всем своим существом тяготел к современности и хотел именно современные события донести во всей полноте до будущих поколений.

К осуществлению своего замысла Прокопий приступил между 543 и 545 гг., когда начал писать «Историю войн Юстиниана». В 550 г. историческое сочинение Прокопия в его первой редакции уже увидело свет ¹¹.

Оно принесло Прокопию признание читателей и одобрение двора. Однако слава не могла заглушить в душе Прокопия глубокой неудовлетворенности. Он остро ощущал лживость официальной концепции, проводимой в этом труде. Он знал, сколько раз приходилось ему кривить душой, скрывая или искажая истинные причины событий, приукрашивая деятельность сильных мира сего, и в первую очередь самого Юстиниана и его полководца Велисария. Все сильнее зрело решение написать такое сочинение, где бы можно было все тайное сделать явным. Плодом этих глубоких раздумий, борения острых политических и личных страстей, партийных симпатий и антипатий явилась «Тайная история» Прокопия, произведение поистине единственное в своем роде в византийской историографии ¹². Написанная в том же 550 г. «Тайная история» как бы собрала в единый, туго сплетенный клубок все тайные наблюдения автора, весь его трудный жизненный опыт, с предельной откровенностью обнажила его политические настроения, его жизненное кредо ¹³.

Но вскоре политик опять взял верх над писателем, и Прокопий через 16 лет после «Тайной истории» создал последний труд — «Трактат о постройках Юстиниана» ¹⁴, прославляющий в неумеренно хвалебных тонах строительную деятельность этого императора.

Своим панегириком Прокопий, видимо, настолько угодил деспотическому правителю, что, возможно, именно за этот трактат был назначен на высокий пост префекта города, получил титул *illustrius*, и позднейшие писатели называют его патриkiem ¹⁵.

¹¹ *Procop. Caesariens. Op. cit. (De bello Persico — далее: Proc. B. P.; De bello Vandalico — далее: Proc. B. V.; De bello Gothico — далее: Proc. B. G.)*.

¹² *Procop. Caesariens. Op. cit., vol. III (Historia quae dicitur arcana — далее: Proc. H. a.)*.

¹³ *J. A. Evans. The Dates of the Anecdota and the De Aedificiis of Procopius. — «Classical philology», 64, 1969.*

¹⁴ *Procop. Caesariens. Op. cit., vol. III, 2.*

¹⁵ *G. Moravcsik. Op. cit., I, S. 489; III. Диль. Юстиниан и византийская цивилизация VI в. СПб., 1908, стр. VII.*

События последних лет жизни и дата смерти Прокопия до сих пор остаются неизвестными. Как в его жизни, так и в творчестве была глубоко трагическая и вместе с тем бросающая тень на его нравственный облик *двойственность*. В знаменитом историке уживались как бы *два человека*, находящиеся в постоянном противоречии друг с другом.

Один из них — несколько суховатый и холодный, замкнутый в себе *чиновник*, быстро продвигающийся по служебной лестнице. Это дипломат, обладающий трезвым умом, большой сдержанностью и скрытностью, душа которого закрыта наглухо для всего внешнего мира. Он бесспорно *карьерист*, который для достижения высоких постов готов использовать свой талант, зная, как мечтает Юстиниан о своем придворном историке, воспевающем его деяния. Карабкаясь к вершинам власти, Прокопий как опору использует свои официальные исторические труды. Всю эрудицию и жизненный опыт он отдает на службу императору, иногда даже пресмыкаясь перед ним и его любимцами. Он не боялся чрезмерностью похвал оттолкнуть упоенного властью императора, и его расчет оказался правильным, ибо, приписав в этом плоском панегирике всю строительную деятельность в империи исключительно Юстиниану, Прокопий добился его милостей.

В «Истории войн Юстиниана» Прокопий также всячески подчеркивает свою лояльность. Но внимательное изучение сочинения показывает, что здесь сквозь завесу официозного повествования уже начинает пробиваться пока еще робкая критика существующего строя. Подспудно, приглушенно начинает звучать голос второго человека, который живет в Прокопии. Прокопий позволяет себе, хотя и в завуалированной форме, отметить недостатки правления Юстиниана. Однако, чтобы обезопасить себя от доносов правительственных шпионов, он перемежает похвалу Юстиниану и его полководцу Велисарии с отдельными оппозиционными замечаниями, которые в целях маскировки вкладывает в уста явных внешних врагов императора ¹⁶.

Однако и в этом труде осторожный карьерист и политик еще берет верх над критически мыслящим ученым, который таясь в Прокопии рядом с придворным льстецом. Прокопий — ученый, страстный обличитель юстиниановского режима, пылающий самой непримиримой ненавистью к императору Юстиниану и императрице Феодоре, а также к их клеветам, трепеща за свою жизнь, в обстановке кровавого террора и самого гнусного шпионажа, таясь даже от самых близких людей, пишет тайную хронику правления Юстиниана ¹⁷. В предисловии к этому необычному произведению Прокопий сам объясняет задачи труда и причины его создания. Цель историка — возвышенна: сохранить для будущих поколений истину и научить потомков делать добро и избегать зла. Написать обличительный труд историка подвигло желание, чтобы тираны будущих времен опасались отмщения за свои преступления, имея перед гла-

¹⁶ Примеров замаскированной критики в «Истории войн» довольно много. Наиболее яркий из них — жалобы армянских послов на Юстиниана в речи, обращенной к персидскому шаху Хосрову I (*Proc. V. P.*, II, 3; ср. I, 2; *V. G.*, IV, 15, 13—18). Прокопий осуждает Юстиниана за промахи в ведении войны в Италии, за увлечение бесплодными догматическими спорами, отвлекавшими его от государственных дел (*Proc. V. G.*, III, 32, 10). Порой Прокопий не скрывает сочувствия к врагам императора. Так, он всячески оправдывает Ипатия, одного из руководителей сенаторской оппозиции во время восстания Ника (*Proc. V. P.*, I, 24, 17—58); рассказывая о заговоре Артабана, Арсака и Германа, он проявляет симпатию к Герману и особенно к Марцеллу (*Proc. V. G.*, III, 31—32).

¹⁷ Прокопий говорит, что он не мог писать правдивую историю, пока были еще живы вершители всех этих дел. «Ведь сделать это незаметно при том множестве шпионов, какое тогда было, для меня не представлялось возможным, а уличенный, я неизбежно должен был погибнуть самую жалкою смертью: ведь в этом случае я не мог полагаться даже на самых близких своих родных» (*Proc. H. a.*, I, 2).

зами Юстиниана и Феодору, которые понесли возмездие за позорные поступки и образ жизни¹⁸. Для тех же, кто в будущем подвергнется насилиям тиранов, будет утешением сознание, что не они одни подвергались подобным бедствиям¹⁹.

Сколько ни возвышенна цель писателя, надо признать, однако, что средства ее достижения довольно сомнительны. Ведь Прокопий в своих официальных трудах восхваляет существующий режим, а в «Тайной истории» обрушивает на правителей ушаты грязи, вскрывая не только действительные преступления, но и приписывая им порою столь немислимые пороки, которые могут быть лишь плодом неудержимой фантазии, питаемой глубокой ненавистью.

Справедливо отмечалось, что «Тайная история» — не историческое сочинение в собственном смысле, а скорее политический памфлет, написанный желчью, а не чернилами²⁰. В непримиримой злобе к Юстиниану Прокопий теряет рассудительность, забывает о необходимости для историка строгой проверки фактов. Он неразборчиво собирает все, что может скомпрометировать Юстиниана и Феодору. «Тайная история» полна самых нелепых, подчас несправедливых нападок на Юстиниана, который изображается неким демоном, явившимся на погибель жителям империи²¹. Чего стоит, например, рассказ Прокопия о том, что демон-Юстиниан бродит по ночам без головы по покоям императорского дворца, пугая ночную стражу²². В нападках на Юстиниана Прокопий теряет чувство меры. Его легковерию нет границ, если дело касается злобных рассказней о Юстиниане и Феодоре.

В «Тайной истории» Прокопий приписывает Юстиниану все пороки, терзавшие империю, все дурные деяния с такой же горячностью, с какой в «Трактате о постройках» провозглашает его источником всех полезных начинаний в государстве.

Он с радостью и злорадством смакует самые грязные сплетни, рассказываемые на улицах и базарах Константинополя о правящей чете²³ или о Велисарии и его жене Антонине²⁴.

Даже хорошие поступки Юстиниана в «Тайной истории» истолковываются в дурном свете. Рассказ Прокопия при этом эмоционален и гиперболичен, в то время как в «Истории войн Юстиниана» его повествование течет спокойно, внешне бесстрастно и холодновато, порою даже сухо.

Но вместе с тем именно эта страстная партийность Прокопия помогла ему, хотя бы в своем тайном труде, разоблачить тиранию Юстиниана, деспотизм и жестокость его правления. «Тайная история» Прокопия обличает растленные нравы византийского двора VI в. с неменьшей силой, чем «История 12 цезарей» Светония разоблачала разложение Римской империи.

Именно благодаря оппозиционным настроениям Прокопия, политической тенденциозности «Тайной истории» мы располагаем единственными в своем роде сведениями о тяжелом положении народных масс при Юстиниане. Историк с радостью обнажает язвы, развещающие византийское общество, пороки администрации²⁵, безмерную тяжесть налогов²⁶ —

¹⁸ *Proc.* Н. а., I, 8.

¹⁹ *Ibid.*, I, 10.

²⁰ *Ш. Диль.* Указ. соч., стр. XI.

²¹ *Proc.* Н. а., XII, 14; XVIII, 1.

²² *Ibid.*, XII, 18—28.

²³ О Юстиниане (*Proc.* Н. а., VI, 19—27; VIII, 11—33; XIII, 1—33); о Феодоре (*Proc.* Н. а., X, 1—22; XV, 1—39; XVI, 1—28; LX, 1—54).

²⁴ *Proc.* Н. а., I, 11—42; II, 1—37; III, 1—34; IV, 13—45; V, 1—27.

²⁵ *Ibid.*, XX, 1—4, 7—14; XXI, 1—12; XXIV, 1—7; о продажности суда см. *Proc.* Н. а., VII, 31—32; XIII, 20; XIV, 6—22; XV, 21—22.

²⁶ Прокопий рассказывает о таких тяжелых поборах, как принудительная скупка хлеба — синона (*Proc.* Н. а., XXII, 14—22; XXIII, 11—14), диаграфэ (*ibid.*, XXIII, 9);

словом, все, что скрывалось в его официальных трудах и в сочинениях его товарищей по перу.

В «Тайной истории» Прокопий показывает скрытые пружины многих злодеяний Юстиниана и Феодоры; не жалея черных красок, он рисует политическую атмосферу императорского двора, где борьба за власть, низкая клевета и интриги зачастую были двигателями важных политических событий²⁷. Картина разложения дополняется обрисовкой недовольства различных слоев общества, интересы которых ущемлялись правительством²⁸. Это в свою очередь проливает дополнительный свет на характер и причины многих сложных социальных и религиозных движений в империи²⁹.

В этом особая ценность «Тайной истории» как исторического источника, хотя нельзя забывать, что она крайне тенденциозна и требует строгой проверки.

Ученые давно спорят о том, в чем причина оппозиционных настроений Прокопия, породивших «Тайную историю». Уже опровергнуты чисто субъективистские оценки Прокопия, сводящие его оппозиционность к личным качествам писателя, хотя, конечно, совершенно игнорировать внутренние, психологические причины раздвоенности Прокопия также нельзя³⁰. Уже были намечены пути определения социально-политической направленности трудов Прокопия; отмечалось, что его враждебность к Юстиниану отражала настроения старой сенаторской аристократии, идеологом которой он являлся³¹.

Но, думается, следует сделать еще шаг в разрешении этой проблемы: надо рассмотреть мировоззрение Прокопия в целом, проследить его социально-политические, философские, этические, религиозные взгляды и представления.

Причиной оппозиционных настроений Прокопия, естественно, были не только личные, нравственные качества, не только личная ненависть к правительству, проистекающая, быть может, от каких-то обид, причиненных ему при дворе³². Эта оппозиционность имела более глубокие корни. Его раздвоенность была порождена самой жизнью, сложнейшей идейно-политической борьбой внутри господствующего класса империи VI в.

Для мировоззрения Прокопия характерно, что он нападает на правительство Юстиниана справа, с позиций консервативных кругов старой сенаторской аристократии. Оппозиционность Прокопия лишена черт демократизма, свободомыслия, стремления критиковать правительство с точки зрения интересов широких социальных слоев населения. Это была оппозиционность узкого круга недовольных аристократов и высших государственных чиновников, фрондирующих против неугодного им императора. Но фрондирующая группировка знати стремилась изобразить себя

аэрикон (ibid., XXI, 2—4); эпидемия (ibid., XXIII, 9) и др. Система монополий (Proc. Н. а., XX, 5—6; XXV, 13; XXVI, 19); увеличение таможенных сборов (ibid., XXV, 5—7); порча монеты (ibid., XXV, 11—13); злоупотребления сборщиков податей (ibid., XXV, 20—21) вели к росту цен, особенно на хлеб (ibid., XXV, 10), и к обнищанию народных масс.

²⁷ Proc. Н. а., XV, 1—39; XVI, 1—28; XVII, 1—45.

²⁸ О притеснении торгово-ремесленных кругов (Proc. Н. а., XXV, 1—26); о несправедливостях Юстиниана в отношении воинов (ibid., XXIV, 1—31); о преследовании интеллигенции (ibid., XXVI, 1—7).

²⁹ О движении римов см. Proc. Н. а., VII, 1—41; XVIII, 32—35; XXIX, 27—38. О гонениях против еретиков и народных восстаниях на этой почве см. ibid., XI, 13—32.

³⁰ F. Dahn. Procopius von Cäsarea. Berlin, 1865; N. Jorga. Medaillons d'histoire byzantine, I. Procop. — Byz., 2, 1925, p. 237—241.

³¹ Б. А. Панченко. Указ. соч., З. В. Удальцова. Вступит. статья к кн.: Прокопий из Кесарии. Война с готами, стр. 14—18.

³² Ш. Диль. Указ. соч., стр. XI.

защитником интересов всего общества и всех подданных империи, угнетаемых Юстинианом.

В своей историко-политической концепции всемирной истории Прокопий — непримиримый противник каких-либо социальных переворотов и защитник всякой законной *монархической власти*. Он фрондирует именно против данного «дурного» правительства, против *тирании* Юстиниана, а не против императорской власти вообще. Он выдвигает определенные требования к «мудрому правителю» государства, восхваляя предшественников «высочек» Юстина и Юстиниана, *законных* правителей империи: Феодосия — за справедливость и воинские доблести³³, Аркадия — за то, что он советовался с «разумными людьми, обыкновенно заседающими в советах царских»³⁴, и, наконец, Анастасия — за бережливость, предусмотрительность, снятие недоимок³⁵.

В недовольстве правлением Юстиниана немалую роль играли *династические интересы* той части аристократии, которая хотела вновь посадить на престол наследников законной династии Анастасия. Прокопий явно на стороне этих заговорщиков. Это проявляется в описании восстания Ника. Если восстание народа («бунт черни») вызывает страх и ненависть историка, то династические планы знатных участников восстания — сенаторов, наоборот, встречают сочувствие Прокопия. Он всячески стремится обелить племянника Анастасия Ипатия, отделить его от восставшего народа, подчеркнуть, что он был невинной жертвой Юстиниана. Прокопий поддерживает малоправдоподобную версию, что Ипатий якобы сам не стремился занять императорский престол, а был насильно коронован восставшим народом³⁶. Прокопий в «Тайной истории» не скрывает своих симпатий к подвергшимся гонениям сенаторам, участвовавшим в восстании Ника. Он осуждает Юстиниана и Феодору за конфискацию имущества знатных заговорщиков. В этом рассказе можно даже уловить намек на личную близость Прокопия к сенаторским кругам, подвергшимся репрессиям. Закljučая рассказ о преследовании сенаторов, Прокопий пишет: «Поэтому в моих глазах и глазах многих моих (διό δι᾽ ἐμοῦ καὶ τοῖς πολλοῖς ἡμῶν) они [Юстиниан и Феодора] казались вовсе не людьми, а какими-то демонами, чумой и гибелью страны»³⁷.

Кроме того, резко нападая на борьбу цирковых партий венетов и прасинов, особенно на бесчинства стасиотов партии венетов, пользующейся покровительством Юстиниана, Прокопий хвалит поведение умеренной части этой партии во время восстания. Сенатор Ориген и вожди венетов были против наступательной тактики в восстании и, испугавшись народного движения, фактически предали восставшую «чернь»³⁸. Благодаря такому поведению, с точки зрения Прокопия, они в крайних обстоятельствах «оказались самыми умеренными и благоразумными из всех людей»³⁹.

Краеугольным камнем идеального государства Прокопий считает соблюдение законов и повиновение властям. Для идеального царства необходима крепкая, устойчивая, законная власть и особенно опасна *тирания*. При Юстиниане же «ни закон, ни установления не имели силы и не оставались неприкосновенными; везде царил беспорядок, везде господствовало насилие. Государственный строй был совершенно подобен *тирании*, и притом не такой, которая уже установилась и окрепла, но такой, которая меняется каждый день»⁴⁰. Сильный и мудрый правитель, опираю-

³³ Proc. В. Р., I, 2. 1—3.

³⁴ Ibid., I, 2. 6.

³⁵ Proc. Н. а., XIX, 5—7; XVIII, 7.

³⁶ Proc. В. Р., I, 24. 17—25; 31; 42—58.

³⁷ Proc. Н. а., XII, 14.

³⁸ Proc. В. Р., I, 24. 26 sq.

³⁹ Proc. Н. а., VIII, 3.

⁴⁰ Ibid., VII, 31.

щийся на лучших людей государства, советующийся с сенатом и соблюдающий законы, — вот идеал Прокопия.

Прокопий — по существу *консерватор*, оплакивающий упадок старых «добрых» порядков Римской империи. Он со страстью нападает на действительные и мнимые «новшества» Юстиниана⁴¹. Особый гнев Прокопия и его единомышленников вызывает, конечно, притеснение Юстинианом сенаторов. Для Прокопия, как известно, сенаторское сословие — избранная, «величайшая» часть Римской империи⁴².

Немудрено, что историк искренне негодует против возвышения Юстинианом лиц низкого происхождения вроде Иоанна Каппадокийского⁴³, Петра Барсима и многих других⁴⁴. Историк с возмущением говорит о низком происхождении Юстина, Юстиниана и особенно Феодоры⁴⁵.

Особо выделяет он в обществе лиц сенаторского сословия и никогда не забывает провести грань между даже наиболее состоятельными гражданами, но не принадлежащими к сенаторскому сословию, и сенаторами⁴⁶. Он негодует на царственную чету за унижения сенаторов, особенно за их ограбление и ограничения сенаторского землевладения⁴⁷.

Прокопий подчеркивает при этом, что звание патриция несовместимо с понятием бедности и поэтому разорение особенно тяжело и оскорбительно для лиц столь высокого звания⁴⁸.

Историк оплакивает несчастную судьбу знатных и добродетельных людей, ставших жертвами мстительной злобы Феодоры⁴⁹. Он с сочувствием к жертвам рассказывает, что Феодора насильно выдавала знатных девушек сенаторского сословия за нищих и ничего не стоящих людей с целью унижить сенаторское звание⁵⁰. С горечью и даже с некоторой иронией говорит Прокопий об упадке былого величия римского сената. Ныне он не обладал уже никакой реальной властью и «часто бывало, что то, что было поставлено сенатом и затем поступило на утверждение императора, в конце концов получало у него совершенно обратное решение»⁵¹. Сенат собирался лишь для видимости и покорно выполнял волю императора и императрицы⁵². Возмущаясь тем, что император Юстиниан

⁴¹ «Охранять то, что было установлено, он [Юстиниан] не считал нужным, — пишет Прокопий, — вечно он хотел делать *по-новому*; одним словом, он был величайшим разрушителем всего того, что прежде было хорошо устроено» (*Proc. N. a.*, VI, 21). В правление Юстиниана, по словам Прокопия, «в делах было большое расстройство; не оставалось и следа от прежних привычных установлений» (*ibid.*, XIV, 1). Прокопий осуждает Юстиниана за уничтожение старых государственных должностей и введение новых, за изменение законов и реформу армии. Он подчеркивает, что все это делалось не в силу необходимости, не для пользы дела, «но для того, чтобы все было *по-новому* и носило его имя» (*ibid.*, XI, 1).

⁴² *Proc. N. a.*, XI, 17.

⁴³ *Proc. B. P.*, I, 24. 12—15; 25. 3—10.

⁴⁴ *Proc. N. a.*, XIII, 14.

⁴⁵ *Ibid.*, VI, 1—17; XX.

⁴⁶ *Ibid.*, XI, 40—41.

⁴⁷ Он сообщает об ограблении Юстинианом сенатора Зенона, внука западного императора Анфимия (*Proc. N. a.*, XII, 1—4); об ограблении при помощи подложных завещаний сенаторов Тагиана, Демосфена и Гилары (*ibid.*, 5); сенаторов Дионисия из Либаиа, Иоанна из Эдессы и др. (*ibid.*, 6—7); о конфискации имущества сенаторской знати (*ibid.*, XII, 11—14; XXVI, 3. 16; XXIX, 20).

⁴⁸ *Proc. N. a.*, XV, 25—35.

⁴⁹ *Ibid.*, XV, 20—35; XVI, 15—28; XVII, 1—3. Например, Феодора наказала позорной казнью друга Велисария Феодосия, «хотя он носил звание сенатора». Брошенный в темное подземелье, где его привязали к стойлу, и испытывая невыносимые мучения, он сошел с ума и затем умер (*Proc. N. a.*, III, 9—11).

⁵⁰ *Ibid.*, XVII, 7—13.

⁵¹ *Ibid.*, XIV, 7.

⁵² «Сенат сидел, как какая-нибудь картинка, лишь для украшения, не имея права ни самостоятельно вынести решение, ни выступить с достойным предложением; его собирали только для вида, для выполнения древнего закона, так как никому из созванных сюда не полагалось вообще даже голоса подавать, а постановление выносилось императором и его супругой» (*Proc. N. a.*, XIV, 6).

женился на бывшей актрисе и куртизанке, Прокопий признает, что «никто из сенаторов, видя такой позор, которым покрывалось государство, не решился высказать свое порицание и воспротивиться этому; все готовы были хоть сейчас поклоняться Феодоре, как божеству»⁵³.

Прокопий осуждает рабское пресмыкательство сенаторов и других сановников перед Юстинианом и особенно перед Феодорой, хотя и сам, видимо, не раз грешил этим. «Способность суждения, — пишет он, — даже у первых лиц в государстве была подобна той, какая бывает у людей, насмерть перепуганных: пораженные рабским страхом перед одним человеком, они и мыслили в этом направлении»⁵⁴.

Картина раболепия высшей знати в приемной Феодоры потрясает своей жизненностью⁵⁵. «Таким образом, — завершает свой рассказ Прокопий, — вся политическая жизнь обратилась в сплошное холопство, а она была надсмотрщицей и дрессировщицей этих рабов»⁵⁶.

Прокопий резко выступает против тирании — конечно, такой, которая задевает интересы знати. Так, в знаменитом предисловии к «Тайной истории» он пишет: «Ведь большинство властителей — люди малообразованные, легко и охотно подражают всему дурному, что было у их предшественников, и без труда, не задумываясь, склоняются к порокам и преступлениям прошлых веков»⁵⁷. Сознвая, что тиранический режим Юстиниана привел к упадку былых доблестей римской аристократии, не способной свергнуть тирана, Прокопий ищет идеал политического устройства в далеком прошлом⁵⁸.

Он особо подчеркивает, что честных граждан Юстиниан считал людьми старого уклада, не призывая их на государственную службу. Они были у него всегда в немилости⁵⁹.

Прокопий не верит в существование политических разногласий между Юстинианом и Феодорой и считает, что они всегда действовали заодно, стремясь расколоть своих противников. «И вот всегда, — пишет Прокопий, — при помощи таких махинаций на основе взаимной договоренности, наружно показывая вид несогласий, они могли держать разобщенными своих подданных и тем свою тиранию делать наиболее прочной»⁶⁰.

Консерватизм Прокопия тесно переплетается со своеобразным римским патриотизмом. Он всегда мыслит себя прежде всего гражданином мировой Римской державы. Все человечество византийский историк делит на римлян (ромеев) — носителей высокой древней культуры и государственности — и на варваров. Прокопий не закрывает глаза на огромные перемены, происшедшие в современном ему мире. Он ясно видит, что римляне все больше и больше теряют бывшее господство, что они сами способствуют отпадению покоренных народов своей неразумной грабительской политикой⁶¹. Прокопий хорошо сознает, что силы варваров возрастают, а напор их на империю делается все более грозным. И тем не менее, видя грандиозное столкновение двух миров — римского и варварского, Прокопий полон самоуверенной надежды на полную победу империи.

⁵³ *Proc. N. a.*, X, 6.

⁵⁴ *Ibid.*, VII, 32.

⁵⁵ *Ibid.*, XV, 13—15.

⁵⁶ *Ibid.*, XV, 16.

⁵⁷ *Ibid.*, I, 7.

⁵⁸ Прокопий оплакивает упадок древних римских учреждений и законов. Римские полководцы на западе Бонифаций и Боэций для него — последние римляне, воплотившие в себе все добродетели прежних римлян (*Proc. B. V.*, I, 3, 28—30). Он упрекает Юстиниана за то, что он не обладал ничем свойственным древнему званию императора и по языку, внешнему виду и образу жизни уподоблялся варварам (*Proc. N. a.*, XIV, 2).

⁵⁹ *Proc. N. a.*, XIII, 25.

⁶⁰ *Ibid.*, X, 23.

⁶¹ *Proc. B. G.*, I, 5. 17; II, 20. 13—33; III, 1. 23—24; 33; *Proc. N. a.*, XXIV, 9.

В описании Прокопием варварских народов, несмотря на то, что он отдает должное воинственности, доблести, гостеприимству и другим качествам некоторых варварских племен, все же звучат нотки презрительного превосходства образованного римлянина над грубыми варварами ⁶².

По своим социальным симпатиям и образу жизни Прокопий — утонченный аристократ, поклонник античной культуры, восхваляющий добродетели знати и презирающий народ, грубую, легковую и кровожадную чернь. Прокопий подчеркивает изменчивость настроений масс: народ «не может ни переносить настоящего положения, ни предвидеть будущее, но легкомысленно берется за невыполнимое и умеет только по своей неосмотрительности гибнуть» ⁶³. Прокопий подчеркивает легковерие толпы, которая, как это обыкновенно случалось, желала быть зрителем происшествий, сопряженных с опасностью для других ⁶⁴. Говоря об изменчивости настроений народа, Прокопий подчеркивает его преклонение перед сильной властью. После провозглашения Феодоры императрицей «народ, который прежде был зрителем ее выступлений в театре, немедленно и до неприличия просто считал справедливым стать ее рабом и, воздевая с мольбой кверху руки, поклоняться ей» ⁶⁵. Вместе с тем Прокопий иногда говорит о народе с симпатией. Так, во время осады Антиохии персами «народ Антиохийский, беззаботный, шуточный и дерзкий на слова, собираясь на стенах, ругал Хосрова и шутил над ним с громким смехом» ⁶⁶.

Во время последовавшего затем штурма Антиохии многие юноши из народа мужественно защищали свой родной город и проявили даже больше доблести, чем византийские воины ⁶⁷. При этом перед лицом общей опасности были даже забыты распри цирковых партий. «Многие молодые люди из народа, — пишет Прокопий, — которые прежде на конских ристаниях были всегда в раздоре между собой, спустившись со стен, не предавались бегству, а оставались на месте» и храбро сражались ⁶⁸. За это Хосров жестоко с ними расправился. Римские же воины обратились в бегство, давя народ, и Антиохия была сдана персам. Прокопий признает, что во время осады войсками Хосрова города Эдессы против персов сражались не только римские воины, но и поселяне из окрестных деревень и горожане из народа. Некоторые из поселян проявляли в бою чудеса храбрости ⁶⁹. Участие народных масс способствовало победе над персами.

Но если Прокопий, высокомерно относясь к народу, все же иногда воздает ему должное, то в отношении рабов историк остается истым рабовладельцем, совершенно отказывая рабам в каких-либо достоинствах и приписывая им самые низкие пороки: рабы лживы, коварны, им нельзя доверять, они ненавидят своих господ, совершенно невозможно принимать во внимание их показания против хозяев ⁷⁰.

Мировоззрение Прокопия, как и его политические взгляды, является ярким отражением той *кризисной, переходной эпохи*, в которую жил историк.

В трудах Прокопия звучат нотки пессимизма, разочарованности, неверия в будущее, столь свойственные уходящим с исторической арены общественным классам. Вряд ли можно найти в византийской историографии другое столь же мрачное произведение, как «Тайная история».

⁶² Proc. V. G., III, 14.22—30. Прокопий удивлен, что «человек, родом герул (Фара. — З. У.) не является коварным и не предается пьянству, а выделяется своей доблестью» (Proc. V. V., II, 4.29).

⁶³ Proc. V. G., II, 3.24—25.

⁶⁴ Proc. V. V., I, 10. 6.

⁶⁵ Proc. H. a., X, 8.

⁶⁶ Proc. V. P., II, 8.6.

⁶⁷ Ibid., II, 8. 11—12.

⁶⁸ Ibid., II, 8.17; 17—19; 26—28; 34.

⁶⁹ Ibid., II, 27.23.

⁷⁰ Proc. H. a., I, 21—27; XI, 35.

Для Прокопия эпоха, в которую он живет, — «печальные времена» ⁷¹, когда «и в частной жизни, и в общественной было одно горе и уныние, как будто какое-то несчастье свалилось на них с неба, и жизнь у всех стала безрадостной» ⁷².

Прокопий рисует мрачными красками жизнь современного ему общества: «Сидя ли у себя дома или встречаясь на рынках и в храмах, люди не разговаривали ни о чем другом, как о своих бедах и несчастьях, о чудовищных размерах этого небывалого горя» ⁷³.

По своим философско-этическим взглядам Прокопий во многом является эклектиком.

Как и его младший современник и продолжатель — Агафий, Прокопий некоторые свои философские взгляды заимствовал у античных философов. Большое влияние на формирование его философских взглядов, видимо, оказала скептическая школа философии. Отсюда почерпнул он идеи о непознаваемости мира и природы вещей, отсюда его крайне пессимистическое мнение о сущности человеческих страстей и характеров. Он глубоко убежден, что нет предела испорченности человеческой природы ⁷⁴. Его труды изобилуют сентенциями о дурных чертах человеческих характеров. Он подчеркивает, например, что зависть свойственна человеку, «а с завистью нигде не уживается справедливость» ⁷⁵. Людям при сущи непостоянство, склонность к измене. «Так, люди вместе с обстоятельствами обыкновенно меняют и мнения, составленные ими о прежних мерах» ⁷⁶.

Одной из основных философских идей, проходящих красной нитью через все произведения Прокопия, является идея изменчивости и непрочности всего земного. Счастье случайно и кратковременно и дается людям отнюдь не за их заслуги и добродетели; часто оно дарит своими милостями людей недостойных ⁷⁷. Зато оно всегда изменчиво и непостоянно. «Я думаю, — пишет Прокопий, — недалеко от истины древнее мнение, что бог не дает людям чистого счастья иначе, как смешав его с несчастьем. К благополучию всегда приковано злополучие, к удовольствиям — горесть, не позволяющая никогда насладиться полным благоденствием». Оттого и смеемся мы не без слез, заключает свои рассуждения автор ⁷⁸.

В мировоззрении Прокопия некоторые черты античного мирозерцания соединены с элементами христианской идеологии. Античное понимание судьбы ⁷⁹ сопряжено у Прокопия с верой в божественный промысел, который управляет судьбами людей ⁸⁰.

Прокопий с некоторой иронией говорит о философах, пытающихся объяснить и понять все явления окружающего мира, постичь причины изменчивости человеческих судеб. «Может быть, люди с дерзновенным умом, — пишет он, — могут найти причины всему тому, что небо посылает на землю; так и делают те, которые способны высокопарно объяснять причины *непостижимого* и составлять сверхъестественные системы о природе, хотя знают сами, что в словах их нет ничего здорового; между тем для них довольно, если им удастся кого-нибудь убедить обманом. Что ка-

⁷¹ Proc. H. a., XXIII, 18.

⁷² Ibid., XXVI, 10.

⁷³ Ibid., XXVI, 11.

⁷⁴ Ibid., XXI, 22—26. Прокопий рассказывает, что Юстиниан ставил во главе правления людей негодных, «первых по подлости», а их преемники были еще подлее, проявляя еще большую нравственную испорченность, что свидетельствует о том, что нет предела испорченности человеческой природы.

⁷⁵ Proc. B. P., II, 2.15.

⁷⁶ Proc. B. V., I, 5. 50.

⁷⁷ Proc. B. P., II, IX.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ Proc. H. a., X, 9—10; B. P., II, 13; II, 17.

⁸⁰ Ibid., IV, 44—45; B. P., II, 22.

сается до описываемого здесь бедствия (чумы. — З. У.), то нет возможности ни сказать, ни придумать другой причины, кроме воли божьей»⁸¹. В этих словах Прокопия звучат с большой силой идеи непознаваемости мира, непостижимости сущего, слабости человеческого разума перед тайнами природы, которые могут быть объяснены только произволом божества. Здесь можно усмотреть некоторые элементы агностицизма в философских взглядах Прокопия.

Иногда Прокопий все изменения в делах человеческих приписывает велению судьбы. Так, возведением на императорский престол Феодоры судьба как бы хотела показать свое могущество. «Она, господствуя над всеми человеческими делами, меньше всего заботится, чтобы то, что совершается, казалось вполне естественным или чтобы оно происходило согласно с человеческими расчетами»⁸². Судьба внезапно поднимает кого-либо на предельную высоту и без всякого к тому основания, тогда все препятствия рвутся и все уступают дорогу двигающейся вперед судьбе. «Но пусть обо всем этом говорят и пусть оно и будет так, как угодно богу», — завершает свои размышления о силе судьбы автор⁸³. Вместе с тем, признавая могущество судьбы, Прокопий не призывает человека к полной покорности ей, не обрекает его на пассивную бездеятельность. Он считает, что «никакие старания не могут быстро исправить бедствий, происходящих по воле судьбы, но рассудок легко может исправить зло, причина которого — сам человек»⁸⁴.

В мировоззрении Прокопия античная идея судьбы, рока причудливо переплетена с христианской верой в божественное предопределение, в то, что все свершается по воле единого божества.

Так, Прокопий пишет: «В течение всех прошлых веков многое другое можно было видеть случившимся против всяких надежд и ожиданий, и всегда и в будущем будет оно случаться, пока *судьба* людей будет оставаться такой же»⁸⁵. Причем провидение иногда достойных разит, а дурных милует⁸⁶.

Но в других случаях Прокопий неожиданно иронизирует над самим понятием *судьбы* и заменяет его «божьем соизволением». «Таким образом, выходит, — пишет Прокопий, — что все человеческие дела управляются не планами людей, но божьим соизволением; это то, что люди привыкли называть судьбой, не зная, почему события, которые совершаются на их глазах, пошли этим путем, а не иным. Всему тому, что является непонятным, любят давать имя судьбы. Но пусть каждый о подобных вещах судит по своему усмотрению, как ему угодно»⁸⁷.

Скептицизм, неверие в силы человека, всецело подчиненного божеству, судьбе, неверие в прочность человеческого счастья — вот идеи, часто встречающиеся в трудах Прокопия. «Я не могу постигнуть, — замечает он, — почему богу угодно поднимать на такую ступень высоты одного человека или один город, потом низвергать его и обращать в прах без всякой причины, нам видимой»⁸⁸.

Затем, как бы спохватившись, что подобный скептицизм противоречит христианской религии, Прокопий заявляет: «Но этим я не хочу сказать, —

⁸¹ Proc. В. Р., II, 22.1—2.

⁸² Proc. Н. а., X, 9.

⁸³ Ibid., X, 10.

⁸⁴ Proc. В. Р., I, 14. 22.

⁸⁵ Proc. В. V., II, 7.18. Говоря о быстром и легком завоевании Северной Африки Велисарием, Прокопий приписывает это воле судьбы (Proc. В. V., II, 7. 20—21); крепость Петра в Лазике попала в руки персов по той же причине (Proc. В. Р., II, 17.16).

⁸⁶ Так, чума по воле провидения поражала лучших людей и пощадилла многих дурных (Proc. В. Р., II, 23.16).

⁸⁷ Proc. В. Р., II, 10.5.

⁸⁸ Ibid., II, 10.4.

это было бы нечестиво, — будто *не все* совершается по его [бога] высшему усмотрению»⁸⁹.

Перейдем к рассмотрению вопроса об отношении Прокопия к христианству. Это отношение довольно противоречиво. Историк совершенно чужд христианской ортодоксальности. И хотя Прокопий, естественно, не мог выступать открыто против христианства, особенно в своих официальных трудах, он тем не менее не скрывает сочувствия к аристократам-язычникам, гонимым за их религиозные убеждения⁹⁰. Политик в Прокопии всегда берет верх над христианином. Так, ставя превыше всего интересы старой сенаторской аристократии, он выступает в защиту светского землевладения в его борьбе с церковным. Его крайне раздражает покровительство со стороны Юстиниана высшему духовенству, он негодует против расширения владений церкви в ущерб сенаторской знати⁹¹.

Прокопий осуждает Юстиниана за его благочестие. «В вере христианской, — пишет Прокопий, — он (Юстиниан. — З. У.) считал себя твердым, но и это, [как и все] у него, служило на погибель его подданных. Церковнослужителям он позволял с полной безнаказанностью совершать насилия над ближними, и если они грабили соседей, он неизменно выражал им сочувствие и оказывал поддержку, думая, что этим проявляет свое почтение к богу»⁹². Прокопий осуждает церковнослужителей за то, что они не мешали провозглашению Феодоры императрицей и беспрекословно готовы были признать ее владычицей⁹³.

Чаще всего Прокопий довольно индифферентен к вопросам веры. Он подчеркнуто не вмешивается в религиозную борьбу своего времени и, в отличие от других византийских и латинских авторов VI в., очень мало говорит о религиозных спорах монофиситов, ариан, православных, о борьбе по вопросу о трех главах и о других религиозных разногласиях, волновавших его современников. Более того, он, как уже упоминалось, осуждает Юстиниана за увлечение в конце жизни богословскими спорами в ущерб государственным делам⁹⁴. Чрезвычайно показательно, что в своей ненависти к Юстиниану он доходит до того, что резко осуждает его за преследования еретиков, что, с точки зрения ортодоксального христианина, должно было, наоборот, заслужить одобрение. Так, он пишет: «Стремясь к тому, чтобы заставить всех исповедовать одинаковым образом христианскую веру, он, не обращая внимания ни на что, губил людей инаковерующих, делая это под видом благочестия. Он считал, что не является убийством, если гибли от его руки и умирали люди, бывшие не одного с ним исповедания»⁹⁵. Вместе с тем Прокопий отмечает колебания в религиозной политике Юстиниана, подчеркивая, что «когда он был владыкой римлян, не было по отношению к богу ни крепкой веры, ни исповедания. . .»⁹⁶. Прокопий, конечно, не оправдывает еретиков и считает их учение заблуждением. «Во всей Римской империи, — говорит он, — было много *превратных* учений, которые обычно называются ересями: учение монтанистов, саббатиганов и многие другие, в которых обычно *заблуждаются* мысли человеческие»⁹⁷. Но вместе с тем он резко осуждает Юстиниана за преследование и истребление приверженцев еретических сект⁹⁸. Кроме того, Прокопий считает, что гонение против бо-

⁸⁹ Proc. V. P., II, 10. 5.

⁹⁰ Proc. H. a., XIII, 4.

⁹¹ Ibid., X, 8.

⁹² Ibid., XIII, 4.

⁹³ Ibid., X, 8.

⁹⁴ Proc. V. G., III, 32.9.

⁹⁵ Proc. H. a., XIII, 7.

⁹⁶ Ibid., XIII, 23.

⁹⁷ Ibid., XI, 14.

⁹⁸ Ibid., XI, 15—29.

гатого арианского духовенства привело к потере работы и обнищанию ремесленников-православных, трудившихся в мастерских арианских храмов ⁹⁹.

Такое равнодушие к церковно-догматическим спорам и вопросам христианской религии было, видимо, вообще довольно распространенным явлением среди сенаторской аристократии, к которой близко стоял Прокопий. Ведь именно в ее среде были еще сильные античные традиции, античное миропонимание, преклонение перед древней цивилизацией. Недаром именно в кругах рабовладельческой аристократии дольше всего жило язычество, так жестоко преследуемое Юстинианом.

Однако отнюдь нельзя утверждать, что сам Прокопий — не христианин, а чуть ли не тайный язычник. Для подобных выводов нет никаких оснований. Прокопий верит в бога, в промысел божий ¹⁰⁰, однако эта вера не носит характера ортодоксального благочестия, а окрашена в тона умеренной, «официальной» религиозности. Он признает добродетельный образ жизни монашества и говорит о монахах как о «самых воздержанных христианах» ¹⁰¹.

Прокопий восхваляет подвижническую жизнь некоего блаженного Якова, жившего в Сирии близ Амиды и творившего различные чудеса ¹⁰². Вообще Прокопий довольно суеверен и повторяет в своих трудах многие рассказы и легенды о различных чудесах, ходившие в народе в его время.

Вера в сверхъестественные силы ¹⁰³, в предзнаменования ¹⁰⁴, сны ¹⁰⁵, гадания ¹⁰⁶ является также характерной чертой мировоззрения Прокопия, как, впрочем, и почти всех других византийских авторов VI в.

Вместе с тем Прокопий далек от какого-либо религиозного фанатизма, мистики, ему глубоко чужды идеи умерщвления плоти, отказа от радостей земной жизни, аскетизма и подвижничества.

По своему мирозерцанию, как и по своим внутренним симпатиям, он все еще погружен в мир прекрасного прошлого и остается приверженцем неуядаемой античной цивилизации.

Как историк Прокопий во многом еще — продолжатель традиций античной историографии.

⁹⁹ Ibid., XI, 16—20.

¹⁰⁰ Proc. В. Р., II, 10. 4—5; Хосрой выступил не против Юстиниана, а против бога, которому, единственному, поклоняются христиане (ibid., II, 26.2).

¹⁰¹ Ibid., I, 7.22.

¹⁰² Ibid., I, 7. 5—11. Со всей серьезностью Прокопий говорит, что, когда войны-эфталиты напали на Якова и хотели поразить его стрелами, их руки внезапно были парализованы по воле праведника.

¹⁰³ Ibid., II, 13. 22—23; Дару спас от персов некий сверхчеловек. Прокопий подозревает, что Юстиниан и Феодора — демоны (Proc. Н. а., XII, 14—23; XVIII, 36).

¹⁰⁴ Прокопий приводит предсказание, что «мир (mundus) погибнет с потомством», которое якобы сбылось, когда погибли полководец Мунд и его сын (Proc. В. Р., I, 6.7). Затмение солнца, по мнению Прокопия, предвещало войну и моровую язву (Proc. В. В., II, 14.4—6). Взятие Антиохии персами предвещало то, что знамена византийских воинов повернулись сами к Востоку. Это чудо, по словам историка, явил жителям Антиохии бог (Proc. В. Р., II, 10.1—3). Накануне битвы при Трикамарре в Северной Африке в лагере византийцев засветились острия копий; такое же чудо вновь повторилось у византийцев в Италии много лет спустя. Первый раз, по рассказу Прокопия, они еще не знали, что оно предвещает, потом они уже знали, что это знамение победы (Proc. В. В., II, 2.6—7). Но Прокопий отказывается толковать, что предвещает появление кометы (Proc. В. Р., II, 4; 1—3).

¹⁰⁵ Proc. Н. а., XIX, 1—4; В. В., I, 12.

¹⁰⁶ Прокопий верит в «божественное внушение» (Proc. В. Р., II, 23.15). Во время чумы многие во сне и наяву видели демонов, что предвещало им гибель. Совершение священных обрядов не спасало от чумы, и люди умирали в храмах (Proc. В. Р., II, 22.10—12). Колдуны предсказывали, по словам Прокопия, Иоанну Каппадокийскому верхнюю власть. По этому поводу Прокопий пишет: «Так демон находит удовольствие в том, чтобы людям, не имеющим здравого рассудка, представлять в блистательных надеждах предмет, имеющий для них особенную прелесть» (Proc. В. Р., II, 30.51—53).

Подобно античным историкам, он провозглашает, что основной задачей его сочинений является выяснение истины. Он убежден, что речи оратора должна быть свойственна сила красноречия, поэзии — вымысел, истории — истина. Поэтому он провозглашает принципом полную объективность и заявляет, что в своих трудах не скрывает дурных поступков даже самых близких друзей, но со всей точностью описывает их деяния как хорошие, так и дурные ¹⁰⁷. Увы, мы знаем, насколько можно верить этой объективности Прокопия. Лишь в тех случаях, когда социально-политические симпатии и антипатии не ослепляют его и не превращают из историка в злобного памфлетиста, рассказ Прокопия отличается точностью, наблюдательностью, критическим отбором материала ¹⁰⁸.

Прокопий — человек блестяще образованный, знаток и горячий поклонник античной культуры. Поэтому немудрено, что образы античной мифологии для него близки и понятны, и он широко вплетает в художественную ткань повествования античные мифы, легенды, предания, анекдоты, почерпнутые из сокровищницы древней греко-римской цивилизации ¹⁰⁹. В композиции и стиле исторических произведений, в порядке изложения материала Прокопий, как известно, нередко подражает античным авторам. Труды Геродота, Фукидида, Полибия были для него образцами. Особенно ярко это проявляется в его пристрастии, вслед за античными историками, использовать в историческом повествовании речи главных героев событий ¹¹⁰.

Вместе с тем Прокопий — отнюдь не копиист своих великих предшественников; очень многое в его трудах почерпнуто из жизни — свидетельство широкого кругозора автора, рисующего красочное историческое полотно реальной действительности своей эпохи.

Существование в мировоззрении Прокопия античных, языческих по существу, и христианских элементов мирозерцания еще раз показывает, сколь характерной для этой кризисной переходной эпохи была борьба старого с новым во всех сферах идеологии и культуры.

¹⁰⁷ *Proc. V. P.*, I, 1.4—5.

¹⁰⁸ В смысле богатства материала очень ценны экскурсы Прокопия о быте и нравах соседних с Византией народов: хотя они и не лишены тенденциозности, важны точные географические, топографические и топонимические сведения, нередко подтверждаемые современной археологией. Интересны данные о военной технике, армии, гражданском устройстве как самих византийцев, так и других народов. *V. Beševliev. Zur Topographie der Balkanhalbinsel in Prokops' Werk «De aedificiis».* — «*Philologus*», 111, 1967; *idem. Zur Deutung der Kastelnamen in Prokops' Werk «De aedificiis».* Amsterdam, 1970.

¹⁰⁹ Античные реминисценции у Прокопия: упоминание о Мееде и Ясоне (*Proc. V. P.*, II, 17.2); о Скилле и Харибде (*Proc. V. G.*, I, 8.1); сравнение стрелков эпохи Гомера с современными Прокопию (*Proc. V. P.*, I, 1.9); упоминание о мифе об Ифигении и Оресте в связи с легендой о построении Орестом храма в Золотой Комане (*Proc. V. P.*, I, 17.11—20) и многое другое. См. *T. Pekkanen. Procopius and the Periplus of Arrian.* — «*Eranos*», 62, 1964.

¹¹⁰ См. речь армянских послов, обращенную к шаху Хосрову I (*Proc. V. P.*, II, 3.32—53), речь послов Гелимера перед Юстинианом (*Proc. V. V.*, I.9), речь лазских послов (*Proc. V. P.*, II, 15.14—30).

Я. Н. ЛЮБАРСКИЙ

О ЖАНРОВОЙ И КОМПОЗИЦИОННОЙ СПЕЦИФИКЕ
«ХРОНОГРАФИИ» МИХАИЛА ПСЕЛЛА

«Хронография» Михаила Пселла — уникальное явление даже на отнюдь не бедном литературном фоне Византии XI—XII вв. Это произведение находится на уровне лучших образцов европейской литературы средневековья и раннего Ренессанса и вполне заслуживает того, чтобы к нему подходили с критериями, обычно применяемыми при оценках выдающихся художественных памятников прошлого. В научной литературе «Хронографию» использовали главным образом как исторический источник и памятник общественной мысли, а выдающиеся литературные достоинства этого сочинения большинством авторов отмечались попутно. О необходимости комплексного изучения произведения Пселла и встающих в связи с этим вопросах еще в 20-х годах писал в рецензии на издание «Хронографии» И. Сикутрис¹, однако большинство поставленных Сикутрисом проблем и поныне остается без решения². Настоящая статья представляет собой попытку выяснить жанровую специфику и в связи с этим особенности композиции сочинения Пселла.

Михаилу Пселлу, как и многим другим византийским авторам, свойственно рационалистическое отношение к собственному творчеству. Писатель почти не говорит о вдохновении, зато многократно упоминает о правилах, искусстве (τέχνη) литературного труда. Поэтому всякий разговор о художественном своеобразии произведений Пселла следует начинать с установления теоретических принципов автора.

Вынесенный в заглавие термин *χρονογραφία* без сомнения принадлежит самому Пселлу и свидетельствует о сознательном отнесении этого сочинения к хорошо известному жанру хронографии³. Вместе с тем Пселл

¹ J. Sykoutres. — BZ, 27, 1927, S. 99 ff.

² Анализ стиля Пселла посвящено большое исследование: E. Renauld. Étude de la langue et du style de Michel Psellos. Paris, 1920. Отдельные вопросы, связанные с художественным методом Пселла, рассматриваются в следующих работах: J. Sikutris. Zum Geschichtswerk des Psellos. — BZ, 30, 1929/30, S. 61—71; J. Hussey. Michael Psellos, The Byzantine Historian. — «Speculum», X, 1, 1935, p. 81—90; K. Svoboda. Quelques observations sur la méthode historique de Psellos. — «Bulletin de la société historique bulgare», XVI—XVIII. Sofia, 1940, p. 384—389.

³ «Хронографией» называет Пселл свое произведение и в самом его тексте (Chron., I, p. 101). Все ссылки на «Хронографию» даются нами по изданию: Michael Psellos. Chronographie ou histoire d'un siècle de Byzance (967—1077), texte établi et traduit par E. Renauld, 1—2. Paris, 1926—1928. Интерес представляет упоминание «Хронографии» в одном из писем Пселла: Bibl. gr., V, p. 352—353 [Bibliotheca graeca medii aevi, ed. C. Sathas, Paris, IV (1874), V (1876)]. Некий Махитарий, друнгарий вилгы, обрушился с нападками на Пселла. «А я-то, — сетует в ответном письме Пселл, — создавая свою «Хронографию» и рассказывая в ней о благородных мужах, в числе

строго не придерживается этого термина, а, напротив, чаще именует свое сочинение *ἱστορία*⁴, что лишний раз свидетельствует об отсутствии в византийской литературе четкого разделения жанров хронографии и истории.

В одном случае писатель несколько подробнее останавливается на жанровой специфике своего произведения. Заявив о том, что он не собирается писать подробной истории и вдаваться в детали, Пселл продолжает: «... Поэтому-то я и опустил в истории многое достойное упоминания, не расчленил ее по олимпиадам и не разделил, подобно Историку (Фукидиду. — Я. Л.), по временам года, но просто повествую о наиболее важном и о том, что у меня всплывает в памяти, когда я пишу. Как я уже сказал, я избегаю сейчас подробного рассказа о всех событиях и предпочел средний путь между теми, кто писал о владычестве и деяниях древнего Рима, и теми, кто в наши дни создает хронографии; я не подражаю ни пространному изложению первых, ни сжатости последних, и я не хочу, чтобы мое произведение ни оказалось бы перенасыщенным, ни обошло молчанием значительное»⁵. В приведенном отрывке высказаны три сознательные авторские установки. Прежде всего, Пселл отказывается от анналистической традиции в расположении материала. Во-вторых, Пселл открыто провозглашает мемуарный характер своего сочинения. Фраза «Я просто повествую о наиболее важном и о том, что у меня всплывает в памяти, когда я пишу», — стереотип мемуарной литературы любой эпохи. И, наконец, в-третьих, Пселл говорит о своей промежуточной позиции между древними историками и современными ему авторами хронографических сочинений⁶.

Известный интерес для характеристики жанровой специфики «Хронографии» представляет также следующее: рассуждая о задачах историка и о границах жанров истории и энкомия, Пселл замечает: «Я взялся за повествование о жизнях императоров» (*ἱστορεῖν δὲ τοὺς τῶν αὐτοκρατόρων ἐπιβέβληται βίους*)⁷. Эти слова указывают на связь «Хронографии» с жанром античных *βίοι*, представленных Плутархом⁸.

Таким образом, Пселл в «Хронографии» сознательно не примыкает ни к одному определенному античному или византийскому жанру, хотя и явно ощущает свою связь с некоторыми из них. Такая позиция полностью согласуется с общим отношением Пселла к литературной традиции (главным образом в применении к стилю), неоднократно декларировавшимся писателем в ряде сочинений. «Мне приходилось читать многих достойных и великих древних ораторов, — пишет Пселл, — но не в пример многим я не позволял им (ораторам. — Я. Л.) водить себя за нос, а добавил нечто свое к некоторым положениям Лонгина, во многом исправил искусство

первых упомянул тебя. . . » Из письма, написанного в период правления императора Исаака Комнина (1057—1059), ясно, что Пселл приступил к работе над своим историческим произведением раньше 1059 г. — даты, которую обычно принимают исследователи (см. *Н. Скабаланович*. Византийское государство и церковь в XI в. СПб., 1884, стр. VII; *G. Moravcsik*. *Byzantinoturcica*, I, Berlin, 1958, S. 437—438).

⁴ См. Chron., I, p. 32, 37; II, p. 70, 76, 160.

⁵ Chron., I, p. 152—153.

⁶ По мнению Е. Рено (Chron., I, p. 152, n. 3), Пселл имеет здесь в виду, с одной стороны, Дионисия Галикарнасского, с другой — Скилицу. И то и другое отождествление представляется нам недоказанным. Под греческими историками, писавшими о древнем Риме, вполне могли подразумеваться Полибий или Дyon Кассий, хорошо известные в Византии того времени. Что же касается Скилицы, то вряд ли он способен служить лучшим примером хронографической краткости. Трудно также предположить, что Пселлу в период написания первой части «Хронографии» уже был известен труд Скилицы.

⁷ Chron., I, p. 129.

⁸ Эта фраза Пселла не может не вызвать в памяти весьма известные слова Плутарха в предисловии к биографиям Александра Македонского и Юлия Цезаря: *οὐτε γὰρ ἱστορίας γράφομεν ἀλλὰ βίους*.

Адриана, Сопатра же почти целиком осудил. . .»⁹. Интересно полемическое противопоставление себя «многим» (т. е. своим современникам) и энергичное выражение («не позволил водить себя за нос»), которое писатель находит для осуждения слепого следования античным образцам.

В сочинении, озаглавленном «О стиле некоторых сочинений», Пселл перечисляет писателей (Демосфена, Исократа, Аристиды, Фукидида, Платона, Плутарха, Лисия, Григория Богослова), у каждого из которых он что-то заимствовал для себя. Заканчивается трактат интересной характеристикой собственного творчества: «Если же говорить обо мне, то нет у меня достоинств и силы этих писателей, однако речь моя все время оказывается многообразной (ποικίλλεται δέ μοι διὰ πάντων ὁ λόγος). Свойства каждого (из упомянутых писателей. — Я. Л.) смешиваются у меня в единое целое (εἰς μίαν ἰδέαν). Таким образом, состоя из многих, я един (κάγω μὲν ἐκ πολλῶν εἷς)»¹⁰. По сути дела та же мысль, только в применении к Григорию Богослову, содержится в произведении «Стиль красноречия Григория Богослова, Василия Великого, Златоуста и Григория Нисского». «Он (Григорий. — Я. Л.) не состоит как бы из многих риториков и не следует каждому из них в разных частях своих речей, но, подобно тому, как смешение красок дает новый цвет, краше тех, из которых он произошел, так и цвет речи Григория блещет тысячью цветов. Но по сравнению с ними там есть нечто другое, и он намного их лучше; я не считаю его речь собранием чего-то разнородного и чуждого друг другу, но полагаю, что по своей природе она единообразна (μονοειδῆ τῆ φύσιν)»¹¹.

В приведенных высказываниях Пселл в какой-то степени отдает дань византийскому эклектизму, в то же время позиция писателя весьма знаменательна: теоретик византийской литературы, которую часто (и не совсем без оснований) расценивают как собрание застывших форм, отрицает всякое некритическое следование традиции и утверждает, что сочетание заимствованных элементов должно породить некое новое качество и поднять творчество писателя на более высокую ступень¹².

Большое место, особенно в «Хронографии», занимают рассуждения о границах истории и энкомия. Интерес Пселла к этому вопросу понятен. Значительную часть «Хронографии» занимают характеристики-портреты императоров. Образы монархов с античных времен были предметом изображения главным образом двух жанров: истории и прозаического энкомия. Мастером того и другого жанра был и сам Пселл. Естественно, что соотношение обоих жанров и методов характеристики героев заботит византийского писателя.

Пселл, совершенно не разграничивавший термины «история» и «хронография», неоднократно настаивает на строгом различии жанров истории и энкомия. «. . . В мои намерения входит сейчас не писать энкомий, а создавать истинную историю»; «Поскольку я пишу не энкомий, а истинную историю. . .»; «Если бы я решил создавать энкомий, а не истинную историю. . .»¹³, — подобными замечаниями пестрит текст «Хронографии». Од-

⁹ *Michaelis Pselli Scripta minora*, ed. E. Kurtz, F. Drexl, I—II. Milano, 1936, 1941, I, p. 370.

¹⁰ *Psellos. De operatione daemonum*, ed. Boissonade. Nüremberg, 1838, p. 48—52.

¹¹ *De opor. daem.*, p. 127—128. В другом сочинении Пселл пишет, что Григорий сочетает в себе лучшие элементы стиля античных риториков («не для подражания им», но «чтобы остаться самим собой» (A. Mayer. *Psellos' Rede über den rhetorischen Charakter des Gregorios von Nazianz*. — *BZ*, 20, 1911, S. 48).

¹² Аналогичные характеристики стиля как сочетания лучших элементов творчества предшествующих писателей встречаются в оценках речей Демосфена Дионисием Галикарнасским и Гермогеном (см. A. Mayer. *Op. cit.*, S. 62). Обращает на себя внимание настойчивое повторение Пселлом мысли об оригинальности заимствующих писателей, о новом качестве, возникающем из смешения старых элементов.

¹³ *Chron.*, I, p. 119; II, p. 146, 149.

нако наиболее подробное противопоставление обоих жанров содержится в биографии Константина Мономаха. «... Как же я преступлю законы истории и буду следовать законам энкомия, — пишет Пселл, — и, как бы забывая о собственном замысле или пренебрегая искусством, не буду проводить грани между произведениями (μη διακρίνων τὰς ὑποθέσεις) и стану сводить к единой цели то, чье назначение различно (ὄν διάφοροι οἱ σκοποί)». Объясняя далее, почему он писал раньше энкомии в честь Константина, и оправдывая льстивость своих прежних панегириков, Пселл раскрывает специфические особенности метода энкомиаста. Константину свойственны как хорошие, так и дурные качества. Однако, создавая энкомий, Пселл «отбрасывает дурное, выбирает только хорошие свойства, соединяет их в своем порядке (ἐναρμόζω τὰτα κατὰ τὴν οἰκείαν τάξιν), склеивает их и тклет славословия из одних добродетелей»¹⁴. И дальше: «Пишущий энкомий закрывает глаза на дурные свойства, присущие человеку, в честь которого создается произведение, и сплетает ему хвалу из одних его хороших свойств. Если же у этого лица много противоречивых качеств, риторю достаточно и одного доброго дела, чтобы иметь достаточный материал для энкомия. А бывает, что энкомиаст так софистически подает дурные свойства, что превращает их в источник славословия. Напротив, пишущий историю — судья нелицеприятный и беспристрастный, он не склоняется ни в ту, ни в другую сторону, в своих произведениях все меряет равной мерой, не применяет мудрости ни для хороших, ни для дурных»¹⁵.

Приведенные рассуждения имеют определенный интерес для характеристики представлений о литературных жанрах и нуждаются в комментарии. Главное различие между обоими жанрами Пселл видит в различии целей (σκοποί) истории и энкомия. Как известно, значительная часть литературных произведений в Византии имела прикладное значение, и естественно поэтому, что разграничение жанров определялось внелитературными критериями. Главными оказывались не художественные признаки, а назначение сочинения: восхваление — для энкомия, объективное изложение событий для истории¹⁶. Однако различие целей определяет и различие применяемых литературных средств. Смещение жанров, по Пселлу, означает не только отход от собственных замыслов, но и пренебрежение искусством. В отличие от историка, энкомиаст пишет «софистически», он выбирает только добродетели, которые соединяет «в своем порядке». Последнее замечание особенно интересно. Переводчики «Хронографии» понимали выражение κατὰ τὴν οἰκείαν τάξιν в значении «в надлежащем порядке»¹⁷. Наш перевод «свой», «собственный» (т. е. привнесенный автором) передает основное значение прилагательного οἰκείος и выражает смысл высказывания писателя. Иными словами, панегирист из положительных качеств своего героя создает некий «каталог добро-

¹⁴ См. Chron., I, p. 129—130. Любимец Константина Мономаха Пселл был многим ему обязан и в свое время написал в его честь несколько панегириков. Давая в «Хронографии» критическую характеристику своему бывшему покровителю, писатель считает нужным объяснить эту свою позицию требованиями жанра исторического сочинения. Поэтому и появляются рассуждения о жанрах истории и энкомия.

¹⁵ Chron., II, p. 150.

¹⁶ Ср. наблюдения Д. С. Лихачева над системой литературных жанров древней Руси: «Литературные жанры древней Руси имеют очень существенные отличия от жанров нового времени: их существование в гораздо большей степени, чем в новое время, обусловлено их применением в практической жизни. Они возникают не только как разновидности литературного творчества, но и как определенные явления древнерусского жизненного уклада, обихода, быта в самом широком смысле слова». И дальше: «... Жанры различаются по тому, для чего они предназначены» (Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 48—49).

¹⁷ Dans l'ordre convenable (Е. Рено), putting it in proper order (Сьютер).

детелей», изложенных в порядке, определяемом не свойствами образа, а авторской волей¹⁸.

На основании приведенных суждений можно было бы предполагать, что Пселл категорически отрицает всякое взаимопроникновение жанров. Но на деле происходит обратное. «Я поставил себе цель характеризовать (*χαρκτηρίζειν*) этого мужа, а не прославлять его, — пишет Пселл в одном из своих сочинений, — но не следует удивляться, если в этой характеристике (*ὁ τοῦ χαρακτῆρος λόγος*) будут и приметы энкомия, ведь эти сочинения близки друг другу и часто переплетаются между собой»¹⁹. В «Похвальном слове Константину Мономаху» Пселл просит императора простить его, если в сочинении не окажется ничего возвышенного. «Принявшийся за историю (*ιστορίας ἀπτόμενος*) придает ей соответствующий характер, но в конце для похвалы прибавит нечто прекрасное и привлекательное по виду»²⁰.

Как видно, Пселл прямо говорит о возможности соединения признаков разных жанров в пределах одного произведения. Эта возможность, допущение которой, на первый взгляд, противоречит воззрениям писателя²¹, на самом деле вполне соответствует его общим теоретико-литературным представлениям, в особенности касающимся проблем стиля.

Воззрения Пселла на стиль художественной речи сами по себе могли бы составить предмет специального исследования. В данном случае нас интересует только один аспект теорий писателя. Как и большинство древних и средневековых авторов, Пселл чрезвычайно рационалистически подходит к проблеме выбора стиля для своих произведений²², неоднократно рассуждает об уместности или неуместности того или иного стиля в конкретной ситуации, гордится своим умением пользоваться любым слогом и приспособлять его к разным обстоятельствам. Более того, Пселл вполне допускает сочетание разных стилей в пределах одного произведения²³. При этом переход от одного стиля к другому обусловлен изменением предмета и задачи повествования. Иными словами, истинный писатель озабочен подысканием соответствующей формы для каждой части сочинения.

¹⁸ Ср. рассуждения самого Пселла в «Эпитафии кесарисе Ирине»: Мне нужно одновременно славословить (*ἐγκωμιάζειν*) и оплакивать (*θρῆνεῖν*), замечает Пселл, а это совершенно разные задачи, «ибо энкомий включает в себя каталог добродетелей и систему славословий (... ἀρετῶν ἔχει κατάλογον καὶ εὐφημίας οἰκονομίαν). Напротив, надгробный плач не имеет точных правил искусства, но состоит из искренних жалоб, стонов горестной души и слез» (Scr. min., I, p. 146). Интересно, что строгая форма, по мнению Пселла, должна быть свойственна энкомию в отличие от эпитафии.

¹⁹ Scr. min., I, p. 55.

²⁰ Bibl. gr., V, p. 119. Становится понятным поэтому, почему Пселл, говоря об Исааке Комнине в «Хронографии», прерывает его характеристику замечанием: «Достаточно для него энкомия» (*ταῦτα δὲ αὐτῆς μὲν εἰλεῖν ἐγκώμιον*), и приступает к исторической части повествования.

²¹ Такое же противоречие наблюдается и в античных литературных теориях: строгое разграничение и в то же время допущение смешения жанров. См. *W. Steidle. Sueton und die antike Biographie. München, 1951, S. 4 ff.*

²² Сознательность в выборе стиля речи, а также забота о его соответствии условиям произведения и предмету речи — характерная черта как античных, так и средневековых риторических теорий. См. *С. Меликова-Толстая. Античные теории художественной речи. — «Античные теории языка и стиля». М., 1936, стр. 147 сл.; P. Kirm. Das Bild des Menschen in der Geschichtsschreibung von Polybios bis Ranke. Göttingen, 1955, S. 28.* В применении в древнерусской литературе об этом же пишет и Д. С. Лихачев (*Д. С. Лихачев. К истории художественных методов русской литературы XI—XVII вв. — ТОДРЛ, XX, 1964, стр. 8.*)

²³ См. De orer. daem., p. 182: «Гомер славил мужа, который умел «справа и слева держать щит, бычьей обтянутой кожей». Что же касается меня, то я не только умею перебрасывать с бока на бок свое оружие — речи, но могу его выставлять то впереди, то сзади. У речей не один цвет и не одна форма, и то и другое разнообразно и пестро, и кто умеет их смешивать и сочетать между собой, явит любителям многообразное зрелище».

Наиболее четко эти взгляды выражены в «Энкомии Симеону Метафрасту» — трактате, имеющем исключительное значение для воссоздания византийских литературных теорий²⁴. Симеон, как никто другой, умел найти точную форму для своих сочинений (*ἀκριβέστεραν δὲ ἰδέαν ὅς εἶλετο συνδέσσει συγγραμμάσει*) и всегда приспособлял свою речь к лицам и обстоятельствам. Однако наибольшее его искусство — умение варьировать стиль, не изменяя при этом общего характера и замысла сочинения. Симеон не подбирал содержание под стиль, а наоборот, изменял стиль при изменении содержания.

Таким образом, представитель византийской риторики, славящейся своим выспренным пустословием, одно из главных достоинств писателя видит в его умении привести форму сочинения в соответствие с содержанием.

Такая позиция Пселла должна была, без сомнения, допускать сочетание различных жанровых признаков в одном произведении (как уже указывалось, жанр, по Пселлу, определяется целью и содержанием сочинения).

Почти все элементы теоретико-литературных представлений Пселла, касающихся проблем жанра, основываются на античных воззрениях. Это, однако, не дает права отрицать за Пселлом качеств самостоятельного мыслителя: неоригинальность составных частей — не есть доказательство неоригинальности системы в целом.

Перейдем к вопросу о том, как теоретические воззрения преломлялись в собственном творчестве писателя.

Отнеся свое сочинение к хронографическому жанру, Пселл, как кажется, старается выдержать и его принципы. «Хронография» по-деловому начинается сообщением о смерти императора Иоанна Цимисхия и восшествии на престол Василия Болгаробойцы²⁵ и завершается характеристикой царствования Михаила VII Дуки, при котором Пселл заканчивал свое сочинение²⁶.

Писатель последовательно повествует о правлении сменявших друг друга императоров; рассказ о каждом из них начинается моментом восшествия на престол и заканчивается смертью, отречением или постригом. Однако этими внешними факторами в большинстве случаев и ограничивается действие хронологического принципа в построении «Хронографии». В сочинении не указано ни одной даты, о многих важнейших событиях не упоминается вовсе, хронологическая последовательность часто нарушена, а все произведение по сути дела разделено на ряд биографий, большинство из которых и по содержанию, и по форме представляют собой законченное целое²⁷.

Можно ли выделить какие-то устойчивые жанровые признаки, характерные для всей «Хронографии»? Для ответа на этот вопрос мы воспользуемся главным образом методом анализа композиции отдельных биографий, ибо именно в композиции ярче всего проступают жанровые особенности произведения Пселла²⁸.

²⁴ Scr. min., I, p. 94—97.

²⁵ Недоумение исследователей обычно вызывает отсутствие в сочинении Пселла традиционного введения. Нередко это объясняется тем, что Пселл мыслил свою «Хронографию» как непосредственное продолжение «Истории» Льва Диакона.

²⁶ Не совсем ясен вопрос о письме императора Фоке, присоединенном к «Хронографии». См. *J. Sikutris. Zum Geschichtswerk des Psellos*, S. 62 ff.

²⁷ Некоторые биографии (главным образом императоров с непродолжительным сроком правления) не представляют собой самостоятельных рассказов, а служат как бы мостами между другими жизнеописаниями. Таковы, например, рассказы о Зое, Феодоре, Евдокии.

²⁸ Жанровые особенности «Хронографии», как и любого другого произведения, проявляются и в ее стиле. Мы не ставим здесь задачу анализировать стиль, отметим только, что Пселл в «Хронографии», как и в ряде других сочинений, бесконечно варьирует стиль, свободно переходя от безыскусного рассказа к выспренному пацегрику.

Прежде всего следует отметить выпадение из стиля «Хронографии» двух биографий: Михаила VII Парапинака и Константина X Дуки. Композиция и стиль этих жизнеописаний приближаются к композиции и стилю византийского энкомия. Поставленный перед необходимостью возносить хвалы этим императорам (Пселл пишет в период правления Михаила, сына Константина Дуки), писатель вводит в историческое произведение принципы жанра, приспособленного для прославления²⁹. Хотя использование в «Хронографии» методов энкомия объясняется конъюнктурными соображениями, сама возможность такого использования, как мы видели, вытекает из литературных теорий писателя.

Рассмотрение остальных биографий начнем с анализа жизнеописания Константина VIII (Chron., I, p. 25—31). Этот выбор определяется чисто методологическими соображениями: биография Константина невелика, легко обозрима, в ней нет столь характерных для Пселла обширных отступлений, затемняющих основную структуру рассказа³⁰. Наша задача: выделить определенную композиционную схему биографии и выяснить, насколько она приложима к другим жизнеописаниям.

Приведем краткий план биографии Константина: 1. Восшествие на престол (I, 1—6). 2. Нрав (I, 7—11). 3. Щедрость (III). 4. Женитьба Константина, его дочери (IV—V). 5. Передача управления ученым людям, любовь к представительству (VI). 6. Любовь к зрелищам и прочим развлечениям (VIII—X). 7. Поиски наследника, смерть (X)³¹.

²⁹ Исследователи отмечали несхожесть двух частей «Хронографии», написанных в разное время (первая — кончая жизнеописанием Исаака I, вторая — начиная с биографии Константина X). См. *J. Hussey. Michael Psellos. . .*, p. 82 sq.; *J. Sikutris. Zum Geschichtswerk. . .*, S. 64 ff. Биография Михаила представляет собой типичный «каталог добродетелей», по терминологии Пселла. Композиция жизнеописания Константина более усложненная, но и в ней много черт, характерных для энкомия.

³⁰ Пселл не мог описывать по памяти время Константина VIII и должен был пользоваться какими-то источниками. Сам писатель, начиная изложение свойств императора, предупреждает: *Τούτων τὸν ἀνδρα ὑπογράφων ὁ λόγος τοιοῦτον ἐκδίδωσι*. Е. Рено и Сьютер (авторы английского и французского переводов) полагают, видимо, что речь идет об устной традиции (*ὑπογράφων ὁ λόγος* — у Рено: *les récits*; у Сьютера: *tradition*). Между тем наиболее вероятный перевод: «Таким изображает этого мужа сочинение, в котором он описывается». Напомним, что в биографии брата Константина — Василия II — Пселл прямо ссылается на письменные источники. О предполагаемом здесь источнике можно только догадываться. Единственный параллельный Пселлу памятник, повествующий о событиях того времени, — сочинение Иоанна Скилицы. Скилица пользовался для своего труда письменными источниками (см. *Georgius Cedrenus Ioannis Scylitzae opus ab I. Bekkero suppletus et emendatus*, I. Вонпае, 1839, p. 4—5). Трудно себе представить, чтобы Пселл, самый образованный человек своей эпохи, не знал сочинений, использованных Скилицей. Обычных признаков наличия общего источника — лексических совпадений и точного соответствия порядка изложения между Пселлом и Скилицей — обнаружить не удается. Тем не менее, по нашему мнению, имеются следы знакомства обоих авторов с одним и тем же письменным памятником. Все немногочисленные факты и практические детали, приведенные Пселлом в этой биографии, встречаются и у Скилицы (расправы Константина с заговорщиками — Chron., I, p. 25; *Skyl.*, p. 282—283; приближение ко двору незнатных евнухов — Chron., I, p. 26; *Skyl.*, p. 485; назначение наследником Романа Аргира — Chron., I, p. 31; *Skyl.*, p. 484—485). Подобных совпадений нет больше ни в одном из разделов сочинений этих авторов. Их зависимость от одного и того же источника, как нам кажется, особенно ясно видна в двух последних из упомянутых эпизодов. Фраза Скилицы: «От дочери патрикия Алипия, на которой он женился еще при жизни Василия, у Константина было 3 дочери, старшая из них Евдокия приняла постриг» (*Skyl.*, p. 485) — развернута у Пселла в целый эпизод, в котором, однако, нет никаких практических сведений, кроме упомянутых Скилицей. Заполняют же эпизод главным образом характеристики жены и старшей дочери Константина (у Скилицы таких характеристик не бывает вовсе). Обращает на себя внимание совпадение у обоих авторов необязательных деталей: Константин женился еще при жизни Василия, его жена — дочь Алипия и т. д. Во многих частностях совпадают и рассказы о поисках и назначении престолонаследника Константина (первоначальное обращение к Константину Делассину, сопротивление жены Романа, ее постриг и т. д.).

³¹ В планах биографий мы ссылаемся не на страницы издания Е. Рено, а на главки, на которые разбита каждая биография.

Первый и последний пункты приведенного плана (восшествие на престол, смерть, иногда постриг) представляют композиционную и логическую рамку биографии и являются обязательным компонентом всех жизнеописаний. Объем этих разделов (мы называем эти пункты, ввиду их обязательности, первым и последним разделами той «идеальной» схемы пселловских биографий, которую намерены установить) может быть очень различным: от сухого сообщения до подробного повествования об обстоятельствах принятия власти или смерти. Что же касается остальной, средней части биографии, то и она четко делится на два раздела, которые мы условно назовем «предварительной характеристикой» (пп. 3—4) и «детальной характеристикой» (пп. 5—7). Формальной границей между обоими разделами служит фраза: «Пусть же мой рассказ охарактеризует самодержца, ничего не прибавляя и ничего не отнимая от действительности» (Chron., I, p. 28).

Разделы отличаются друг от друга своей структурой. Первый из них представляет собой характеристику императора, построенную по чисто эйдологическому принципу: без всякого стремления установить какую бы то ни было хронологическую последовательность Пселл перечисляет свойства Константина и сообщает некоторые сведения, представляющиеся ему наиболее существенными. Третий же раздел построен иначе: уже его первая фраза возвращает читателя к моменту принятия Константином единодержавной власти³², а заканчивается он непосредственным переходом к сообщению о смерти (раздел IV). В отличие от раздела II здесь видна определенная тенденция построить рассказ во временной последовательности. Однако хронологическая связь эпизодов при ближайшем рассмотрении оказывается иллюзорной. Как видно из плана, фактически это та же эйдологическая характеристика, лишь имитирующая хронологическую последовательность. Характерен в этом отношении переход к рассказу о смерти Константина, который не обусловлен ни хронологией событий, ни даже логикой повествования, а выполнен с помощью словесно-ассоциативной связи, своеобразного риторического трюка: Пселл повествует об увлечении императора игрой в кости и неожиданно прерывает рассказ словами: οὕτω γούν αὐτὸν τὸ κράτος διαπεπτεῖοντα ὁ θάνατος κατελήφει³³.

Такова структура биографии Константина VIII. В композиционном отношении к ней ближе всего жизнеописание Михаила IV (Chron., I, p. 53—85). И здесь повествование, заключенное между рассказами о восшествии на престол и постригом, смертью императора четко делится на два раздела (II — предварительная эйдологическая, III — детальная мнимохронологическая характеристика). Так же как в биографии Константина VIII, после предварительной характеристики императора рассказ возвращается к началу царствования Михаила. И здесь, в разделе III, хронологическая последовательность фактически заменена ассоциативной связью между эпизодами. В данном случае Пселл, начиная с гл. XVI, вводит мотив, который становится композиционным стержнем всего раздела. Этот мотив — болезнь императора. Рассказав о перемене императора к Зое и сообщив, что одной из ее причин была болезнь, заставлявшая императора стыдиться жены, Пселл переходит к рассказу о самой болезни и о ее влиянии на поведение Михаила (гл. XVIII). Отметив далее, что сам он видел императора как больным, так и здоровым, писатель кратко повествует о его благих делах в перерывах между приступами болезни (гл. XIX). Однако поскольку силы покидали императора, начинаются интриги Иоанна Орфанотрофа в связи с кандидатурой наследника престола. Это позволяет писателю ввести

³² Ἐπεὶ γὰρ εἰς αὐτὸν τὸ πᾶν τῆς διοικήσεως ἀνηρτήσατο (Chron., I, p. 28).

³³ Эту фразу Пселла легче всего передать образом, заимствованным из области карточной игры: «И вот его, ставящего на карту державу, таким образом постигла смерть».

большой эпизод о кознях Иоанна и приближении племянника Михаила (гл. XX—XXXI). Вновь вернувшись затем к мотиву болезни, Пселл сообщает о набожности и богоугодных делах, которыми занялся император ввиду приближающегося конца (гл. XXXI—XXXVIII). Так, подведя читателя к общей положительной оценке Михаила, Пселл для иллюстрации ее, «выбрав один из многих подвигов», рассказывает о подавлении императором восстания болгар (гл. XXXVIII—XL). Конец повествования о болгарском походе вновь возвращает читателя к доминирующему мотиву — болезни: Михаил вступает в столицу, измученный недугом. Это сообщение позволяет писателю легко перейти к заключительному разделу биографии — смерти самодержца.

Таким образом, и в этом жизнеописании хронологический принцип оказывается внешним и формальным. На самом деле основной раздел биографии представляет собой сумму соединенных ассоциативной связью эпизодов, служащих для характеристики фигуры императора. Хронологический принцип — не более как внешняя рамка, которая «изнутри» разбивается стремлением писателя к обрисовке своего героя³⁴.

Откуда был заимствован писателем этот тип построения биографий? Для ответа на данный вопрос немаловажным представляется тот факт, что аналогичную композицию можно обнаружить в речах Пселла, содержащих характеристику исторических деятелей. В частности, деление характеристики на «предварительную» (чисто эйдологическую) и «детальную» (мнимо-хронологическую) с четкими словесно выраженными границами между ними встречается в речах, посвященных Михаилу Кируларию (Bibl. gr., IV, p. 303 sq.), Константину Лихуду (Bibl. gr., IV, p. 338 sq.), Иоанну Мавроподу (Bibl. gr., V, p. 142 sq.), и в некоторых других. Не говорим уже о словесно-ассоциативной связи, чрезвычайно типичной для композиции многих византийских риторических произведений. Это наблюдение выводит нас за рамки хронографического жанра и вводит в область риторики, знатоком и мастером которой был Пселл. К нему вполне применима характеристика литературного метода Плутарха, данная А. Вайцзером: Плутарх, пишет немецкий ученый, старался решить исторические проблемы риторическими средствами³⁵.

Установленное нами деление на четыре раздела характерно почти для всех жизнеописаний. Основным из этих разделов, естественно, оказывается «детальная характеристика». Композиционное различие между биографиями более всего сказывается в разнице методов построения этого основного раздела. Принцип словесно-ассоциативной связи соблюдается почти везде, однако во многих жизнеописаниях появляется и нечто новое, о чем речь пойдет ниже. Начнем с биографии наиболее показательной — жизнеописания Исаака Комнина.

Раздел III этой биографии начинается с общих рассуждений о том, почему Исааку не удалось достичь своих целей³⁶ (Chron., II, p. 114—115). Вскоре, однако, Пселл «спохватывается» и заявляет, что для избежания сумбурности повествования последовательно расскажет, во-первых, о том, как чрезмерно расползло тело государства, во-вторых, как Исаак при-

³⁴ К этому же типу биографий с известными вговорками можно отнести и жизнеописание Константина X Дуки, в котором немало признаков чистого энкомия (см. выше). В этой биографии особенно четко выражено деление на «предварительную» и «детальную» характеристику. Границей между ними служит фраза Пселла: «Охарактеризовав этого мужа в общих чертах, я сейчас опишу его более подробно» (Chron., II, p. 140).

³⁵ A. Weizsäcker. Untersuchungen über Plutarchs biographische Technik. Berlin, 1931, S. 59.

³⁶ Пселл заканчивает раздел II этой биографии словами: «Этого достаточно ему для энкомия». Характерно, что термином энкомий писатель обозначает здесь «эйдологический» раздел своего сочинения, по принципам построения действительно напоминающий энкомий.

нялся отсекать его больные члены, и, в-третьих, как у императора ничего из этого не вышло³⁷. Таким образом, сам Пселл предупреждает о трехчастном делении основного раздела биографии и строго его придерживается, расчлняя свой рассказ на три «периода» (*καιροί*) жизни государства и императора.

«Первый период» (*πρῶτος καιρός*) — это время прогрессирующей болезни государства³⁸. «Второй период» (*δευτερος καιρός*) — время, когда император, принявшись за лечение государства, некстати применил быстройдействующие средства³⁹. И наконец, «третий период» (*τρίτος καιρός*) — время, когда в характере императора наступают изменения⁴⁰, он становится подозрительным и суровым, отходит от дел и все время проводит на охоте. Последнее дает возможность Пселлу путем ассоциативной связи перейти к рассказу о болезни императора (он простудился на охоте), а уже от болезни логически — к отречению, поискам наследника и т. д.

Как можно заключить из слов писателя, «первый период» включает в себя годы, предшествующие правлению Исаака, начиная со времени царствования Василия II (именно тогда «тело государства» начало раздвигаться), а также начальный этап царствования самого Исаака. Наиболее подробно повествует Пселл о «втором периоде», когда император пытался «лечить тело государства». Фактически писатель рассказывает здесь о мероприятиях Исаака во внутренней и внешней политике. Примечательно, однако, что прагматическая история и здесь мало интересует Пселла: в композиционном отношении изложение исторических фактов подчинено тезису о скоропалительности решений императора и заключается выводом о резком изменении характера Исаака под влиянием событий. Сообщение об этом изменении и составляет композиционную грань между второй и третьей частями («периодами») раздела III.

Таким образом, основной раздел биографии Исаака в гораздо большей степени, чем в рассмотренных выше жизнеописаниях, выдержан хронологически. Однако ведущим принципом оказывается здесь не временная последовательность, а «хронология характера» героя. То, что этот принцип не является случайным, должен показать анализ других жизнеописаний.

«Хронография» начинается рассказом о Василии II. В отличие от биографии Исаака, Пселл основывается здесь не на личных воспоминаниях, а на каком-то неизвестном источнике. Интересно, что именно из него Пселл, по-видимому, почерпнул сведения об изменении характера Василия⁴¹ — факт, положенный писателем в основу жизнеописания.

³⁷ В рассказе об Исааке Пселл пользуется распространенной метафорой: тело государства (*τὸ τῆς πολιτείας σῶμα*) болезненно вздулось, и император лечит его прижиганиями и хирургическими операциями.

³⁸ Пселл заканчивает рассказ об этом периоде: «Таков первый период (*ὁ μὲν οὖν πρῶτος καιρός οὗτος*), который вместо людей породил многочисленных животных, столь разжиревших, что потребовалось немало очистительных лекарств. . .» (*Chron.*, II, p. 118). Слова *καιρός* Сюютер переводит в данном случае *crisis*, Рено — *sit constance*. Между тем слово *καιρός* в этой биографии всегда имеет специфическое значение: «период». Так, говоря о некоторых скоропалительных мероприятиях императора, Пселл пишет, что Исаак *ὑπεράλλεται καὶ ταυτὸν τὸν καιρόν*, т. е. «перемахнул через этот период», как бы проводил нужные мероприятия, но не в свое время. Рено считает эту фразу неясной. Ср. дальше (*Chron.*, II, p. 121): «Если бы император предназначил для своих дел нужные периоды, то он бы вместо беспорядка установил бы порядок. . .» Ср. прим. 39.

³⁹ «Я не ставлю этому мужу в упрек его начинания, но я осуждаю его за период (*τὸν καιρόν*), который он выбрал для своих ошибочных действий». «Повременем говорить о третьем периоде, подробнее расскажем о втором» (*Chron.*, II, p. 118—119).

⁴⁰ «Таким образом, нрав императора изменился, кончился второй период, и с этого момента начался третий» (*Chron.*, II, p. 128).

⁴¹ «Как я слышал от историков, которые описывали его (*ὡς δὲ ἐγὼ τῶν ἀρχαιο-λογούντων περὶ αὐτὸν ἐγγράφων ἤκουσα*), император сначала вовсе не был таким; на-

Упомянув уже в самом начале раздела III⁴² о трансформации нрава Василия, Пселл сразу же приступает к изложению тех событий, которые к этой трансформации привели: восстаний Варды Склира и Варды Фоки. Как и в других биографиях, прагматическая история оказывается своеобразным комментарием к характеристике нрава императора, расширенным изложением обстоятельств, приведших к изменению его характера. Лишний раз это подчеркивается в конце рассказа: «С этого момента (имеется в виду гибель Варды Фоки. — Я. Л.) император стал совершенно другим. Стал подозрительно относиться ко всему. . .»⁴³. Таким образом, изменение характера и здесь оказывается композиционным рубежом в биографии: остальная часть раздела III посвящена описанию деяний «изменившегося» императора, проявлению благоприобретенных дурных свойств. Сюда входят расправа с паракимоменом Василием, постепенное отстранение от власти брата Константина, приближение незнатных людей, накопление сокровищ и т. д. Следует при этом учесть, что изменение нрава Василия Пселл датирует концом 80-х годов и, таким образом, события его остального почти сорокалетнего царствования излагаются без распределения во времени (вместо хронологической связи и здесь — ассоциативное сцепление эпизодов). Как и в биографии Исаака, Пселла больше интересует хронология характера, чем хронология событий⁴⁴.

Наблюдения, сделанные при анализе биографий Исаака Комнина и Василия Болгаробойцы, можно подтвердить и примером жизнеописания Романа Аргира (Chron., I, p. 32—52).

После ярко выраженного здесь раздела II⁴⁵ повествование обращается к началу царствования Романа. Рассказывая о его правлении, Пселл дважды отмечает изменение его характера. Более других самодержцев склонный прежде к раздачам и благодеяниям, Роман, «будто с ним случилось какое-то неожиданное и непредвиденное изменение», «стал вдруг совсем непохож на себя»⁴⁶. Это первое изменение характера приводит к резкому ухудшению отношений Романа с женой Зоей.

Однако композиционное значение имеет здесь главным образом второе изменение характера императора, наступившее после неудачной кампании против «сарацин» (1030 г.): «Раскаявшись в содеянном и терзаясь душой, он резко переменился и обратился к неподобающей жизни»⁴⁷. Надеясь вернуть растраченные на войне богатства, Роман стал скорее сборщиком налогов, чем императором. Это заявление дает писателю возможность перейти к описанию мероприятий императора, которые служат как бы иллюстрацией к высказанной мысли.

В определенной степени к этому же типу биографий примыкает и жизнеописание императора Романа Диогена, хотя роль композиционного стержня здесь выполняет не резкое изменение нрава, а нечто другое. В раз-

против, от распущенного и изнеженного он перешел к строгому образу жизни, обстоятельству как бы укрепили его нрав, они сделали крепким то, что в нем было ослабленным, твердым то, что было размягченным, и целиком преобразили его жизнь» (Chron., I, p. 4).

⁴² Раздел II этой биографии — традиционное сличение характеров (σύχρησις) братьев: Василия и Константина (Chron., I, p. 2—3).

⁴³ Chron., I, p. 11.

⁴⁴ Скорее всего, именно это обстоятельство и приводит Пселла в некоторых случаях к нарушению реальной хронологии. Так, согласно Пселлу, изгнание паракимомена Василия произошло после гибели Варды Фоки, т. е. после 989 г. На самом деле паракимомен был отстранен от дел четырьмя годами раньше. Поскольку борьба с Фоккой, по Пселлу, — одна из причин изменения характера Василия, а изгнание паракимомена — результат этого изменения, реальное хронологическое соотношение фактов искажено. Иными словами, хронологическая ошибка — следствие своеобразного авторского способа расположения материала.

⁴⁵ «Так вернемся же к рассказу о происхождении его власти», — заканчивает Пселл «предварительную» характеристику императора (Chron., I, p. 34).

⁴⁶ Chron., I, p. 35.

⁴⁷ Ibid., I, p. 40.

деле II («предварительная характеристика») Пселл сообщает об основных, с его точки зрения, свойствах Романа: император был лукав и спесив (так лишь приблизительно можно передать значение эпитетов *εἰρωνικός* и *ἀλαζών*), стремился к самовластию в управлении всеми делами⁴⁸. Именно эти качества, по Пселлу, и заставили Романа отправиться в первый поход против сельджуков в 1068 г. Успех кампании становится для императора «предлогом для наглости» (*πρόφασις τῆς ἀλαζονείας*)⁴⁹: Роман третирует императрицу, благодаря которой получил престол, и т. д.

Но еще больше наглость и спесь императора возрастают в результате успешного окончания второго похода в 1069 г.⁵⁰ С императрицей он стал обращаться, как с пленницей, а кесаря Иоанна Дуку даже собрался предать смерти. И, наконец, высшим выражением «наглости» императора становится третий, закончившийся трагедией при Манцикерте поход 1071 г. Неудача служит естественным поводом для Пселла перейти к рассказу о драматических перипетиях судьбы Романа последних месяцев его жизни (плен, ослепление, смерть)⁵¹.

Нетрудно заметить, что эпизоды этой биографии располагаются в хронологической последовательности: временную канву создают три похода императора против сельджуков. Однако хронология событий оказывается тесно связанной с «хронологией характера»: каждый поход Романа является некоей новой ступенью в проявлении его «наглости».

Итак, структура группы рассмотренных выше биографий определяется главным образом стремлением автора показать эволюцию нрава героя под влиянием событий. Это стремление вытекает из собственных этических теорий Пселла: характер человека, особенно если этот человек император, принципиально не является постоянным, а подвержен непрерывным изменениям⁵².

Особое место среди биографий занимает жизнеописание Константина IX Мономаха. Прежде всего оно значительно превосходит по объему все остальные (около трети текста всего произведения, содержащего рассказы о 14 царственных персонах)⁵³. Дело, однако, не в объеме. Рассмотрим подробнее композицию биографии.

После весьма обширного раздела I⁵⁴, включающего историю возвышения Константина, начинается раздел II, который здесь весьма оригинален. Пселл начинает издали: он не хотел писать истории и принялся за этот труд только под влиянием уговоров друзей. В особенно трудном положении он находится при составлении жизнеописания Мономаха. Как совместить

⁴⁸ Chron., II, p. 157.

⁴⁹ Ibid., II, p. 158.

⁵⁰ Ibid., II, p. 160: Ἐντεῦθεν οὖν αὐτῷ πλείων ὁ κόμπος καὶ μείζον τὸ φράγμα.

⁵¹ Ibid., II, p. 163 sq. Последний раздел этой биографии наиболее подробен, ибо большую роль в событиях играл сам Пселл.

⁵² Представления Пселла о человеческом характере заслуживают специального рассмотрения. Сошлемся лишь на его рассуждения в биографии Константина IX, представляющие полемику с другими биографами: «Большинство тех, кто посвящает себя жизнеописанию императоров, удивляются тому, что никто из властителей до конца жизни не остается добропорядочным, но одни лучше в начале, другие — в конце жизни. . . Что же касается меня, то я, напротив, удивился бы, если бы было иначе. Ведь не так просто пайти даже частного человека, который бы от начала до конца шел бы прямой дорогой. А человеку, получившему от всевышнего царскую власть, да еще к тому же живущему долгие годы, вообще невозможно осуществлять свою власть с помощью одних только прекрасных деяний. Ведь частному человеку для добродетели достаточно природы его души и первого жизненного состояния, ибо он встречается с небольшим числом внешних противодействий и обстоятельств не изменяют его души. Совсем иное дело с императором, ни одно мгновение жизни которого не обходится без бедствий» (См. Chron., I, p. 130—131).

⁵³ Сам Пселл говорит, что он превысит обычный размер биографий, ибо Мономах царствовал дольше других, больше других совершил как хорошего, так и дурного, и Пселл постоянно при нем находился (Chron., I, p. 124).

⁵⁴ План биографии см. ниже, стр. 36.

в одном произведении похвалу энкомия (Пселл не хочет оказаться неблагодарным⁵⁵) с объективным изложением фактов? И вот для обоснования своей позиции он излагает взгляды на человеческий характер вообще. «Некоторые, — пишет Пселл, — поскольку деяния царственных особ смешанные (т. е. представляют собой смешение добрых и злых поступков. — *Я. Л.*), не умеют ни порицать с начала до конца, ни только хвалить, их приводит в замешательство соседство противоположностей»⁵⁶. «... Ничего удивительного, если ни один из императоров не вел бузупречной жизни. Если не всем, то хотя бы моему императору хотел бы я приписать такую долю, но не по нашей воле развиваются события. . .», — заканчивает свои рассуждения Пселл. Эти мысли предшествуют детальной характеристике императора, занимают место раздела II («предварительной характеристики») и по сути дела таковой и являются: Пселл называет тут основное свойство характера — «соседство противоположностей», раскрытию которого и служит остальная биография.

Как и полагается, раздел III начинается с характеристики начала правления императора. И здесь хронологическая последовательность постоянно подменяется ассоциативной связью, а реальные исторические события служат иллюстрацией свойств и состояний героя⁵⁷. Пользуясь этими традиционными для себя приемами, писатель, казалось бы, доводит повествование до логического конца (Пселл приступает к рассказу о болезни, предшествовавшей смерти, описывает внешность императора⁵⁸), однако в этот момент, когда по канонам пселловских биографий следовало бы ожидать заключительного раздела, повествование неожиданно возвращается назад. «Поскольку, — заявляет Пселл, — как и обычно в данном сочинении, я многое опустил в этом рассказе (*πολλὰ τῶν ἐν μέσῳ τῆς ὑπόθεσεως τῆς δε παραλειπομένων*), я вновь вернусь к Константину, прежде, однако, рассказу о Зое, а затем вновь примусь за другой рассказ» (*ἐτέρας ἔξομαι ὑπόθεσεως*). Таким образом, все, о чем повествовал Пселл до сих пор, оказывается первым рассказом (*ὑπόθεσις*), за которым должно последовать новое повествование о Константине — «другой рассказ» (*ἐτέρα ὑπόθεσις*). Писатель выполняет обещание: после характеристики Зои действительно следует новый рассказ об императоре, продолжающийся уже до начала раздела IV — сообщения о смерти Константина.

Интересно, что «другой рассказ» композиционно параллелен «первому» и соответствует уже установленному нами типу построения биографий: он начинается с «предварительной характеристики», за которой следует характеристика «детальная», иллюстрируемая рядом исторических экскурсов. Таким образом, в этой биографии происходит своеобразное дублирование композиционной схемы⁵⁹.

⁵⁵ См. выше, стр. 26, прим. 14.

⁵⁶ *Chron.*, I, p. 129. Не вызывает сомнений, что в данном случае под «некоторыми» (*οἱ μὲν*) Пселл имеет в виду других авторов жизнеописаний императоров. В английском переводе Сьютера *other writers* (Рено переводит *les autres hommes*). В этом нас убеждают непосредственно следующие за этим слова (см. выше, прим. 52), где писатель противопоставляет себя «большинству тех, кто посвящает себя жизнеописанию императоров». Взгляд на человека как на существо изменчивое, конгломерат противоречивых свойств и качеств неоднократно высказывается Пселлом (ср. *VibI. gr.*, V, p. 435—436; *Scr. min.*, II, p. 62).

⁵⁷ Для биографии Константина Мономаха характерна усложненная рамочная композиция. Эпизоды заключены друг в друге («по принципу матрешки»).

⁵⁸ Ср. биографию Василия II, где рассказ о внешности непосредственно предшествует сообщению о смерти.

⁵⁹ Последнее событие, о котором Пселл повествует в *ὑπόθεσις* I, относится к 1049 г., первое датируемое событие *ὑπόθεσις* II произошло в 1043 г. Таким образом, Пселл не только повторяет композицию, но и возвращается назад в чисто хронологическом отношении. Интересно, что как *ὑπόθεσις* I, так и *ὑπόθεσις* II начинаются с рассуждений о границах истории и энкомия. Это уже не только композиционная, но и смысловая параллель.

Чтобы наглядней представить сложную композицию этой большой биографии, приведем схему ее построения:

Р а з д е л I

Восшествие на престол (XV—XXI)

ἑπίθεσις I («Первый рассказ»)

Р а з д е л II

Предварительная характеристика (XXII—XXVIII).

Р а з д е л III

- А) Начало царствования, раздача чинов (XXIX—XXX).
- Б) Доброта и приятный нрав (XXXI—XXXIV).
- Р а с с к а з о с а м о м с е б е (XXXV—XLVI)⁶⁰.
- В) Легкомыслие императора, связь со Склириной (XLVII—LXXI).
- Г) Нежелание императора заниматься делами.
 - 1. Восстание Георгия Маниака (LXXIV—LXXXIX).
 - 2. Нападение русских на Византию (XC—XCV).
 - 3. Мятеж Льва Торника (XCVIII—CXXXIII)⁶¹.
- Д) Внешность императора (CXXIV—CXXVI).
- Е) Болезнь императора, беспечное отношение к болезни (CXXVII—CXXXIII).
- Ж) Беспечное отношение к охране своей персоны.
 - 1. Первое покушение на Константина (CXXXIV—CXXXVII).
 - 2. Второе покушение на Константина (CXXXVIII—CLV).
- Х а р а к т е р и с т и к а и м п е р а т р и ц ы З о и (CLVII—CLX)

ἑπίθεσις II («Другой рассказ»)

Р а з д е л II^a

«Предварительная характеристика» (CLXI—CLXIV)

Р а з д е л III^a

- А) Милосердие Константина (CLXV—CLXXII).
- Б) Любовь к удовольствиям и развлечениям (CLXXIII—CLXXIV).
- В) Неуравновешенность характера.
 - 1. Приближение евнуха Иоанна (CLXXVII).
 - 2. Возвышение и падение Константина Лихуда (CLXXVIII—CLXXXII).
 - 3. Горе по поводу смерти Зои (CLXXXIII—CLXXXIV).
 - 4. Сооружение роскошного храма (CLXXXV—CLXXXIX).
- Г) Стремление Константина к упрочению власти (CLXXXIX—CXC).
- П о с т р и г П с е л л а (CXCI—CC).

Р а з д е л IV

Болезнь и смерть Константина (CC—CCIII).

Естественно возникает вопрос, в чем заключается причина столь сложного построения биографии. Лучше всего, думается нам, на него отвечает сам Пселл в конце жизнеописания: «Рассказ об этом императоре, — пишет Пселл, — как будто противоречит самому себе, он изменяется и преобразуется вместе с ним (Константином. — *Я. Л.*). Он построен по законам

⁶⁰ Нами выделены эпизоды, представляющие собой отступления от основного рассказа, столь частые в «Хронографии».

⁶¹ На плане можно легко видеть, как исторические эпизоды (они обозначены арабскими цифрами) служат у Пселла иллюстрацией черт характера или свойств императора (под буквенным обозначением).

правды, а не риторики, уподобляется и как бы соперничает ему (Константину. — Я. Л.)»⁶². Другими словами, противоречивость и сложность этой биографии — не что иное, как отражение противоречивости и сложности самой личности Константина Мономаха. Вспомним, что «соседство противоположностей», по Пселлу, — основное свойство этого императора.

Пселл, говорили мы, провозглашает в теории соответствие формы произведения его содержанию. Он и на практике старается идти не от канона и догмы, а от специфики предмета повествования и от своей целевой установки⁶³.

⁶² Chron., II, p. 72.

⁶³ Уже после того, как настоящая статья была набрана, автор ознакомился с книгой Р. Анастаси, специально посвященной «Хронографии» Пселла (*R. Anastasi. Studi sulla Chronographia di Michel Psello. Catania, 1969*). Выводы итальянского ученого, к сожалению, не смогли быть использованы в работе.

Ф. ВИНКЕЛЬМАН

«ЦЕРКОВНАЯ ИСТОРИЯ»
НИКИФОРА КАЛЛИСТА КСАНФОПУЛА
КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Никифор (род. ок. 1256 — ум. в 1317 г.) — священник храма св. Софии и писатель, известный своими многочисленными историческими, литургическими и агиографическими трудами, завершает собою галерею византийских церковных историков¹. Его «Церковная история», судя по «введению», должна была охватывать период от начала христианства до времени самого Никифора, но оглавление перечисляет лишь 23 книги, доведенные до 991 г., из которых сохранилось только 18 книг (до 610 г.). Хотя в этом сочинении повествование доходит лишь до смерти императора Фоки, оно остается самым обширным византийским трудом по истории церкви. Эпохой расцвета византийской церковно-исторической литературы были IV—VI вв.; она начинается с Евсевия Кесарийского, труд которого охватывает период от истоков христианства до 324 г.; за ним следуют: Геласий Кесарийский (от Констанция Хлора до Юлиана), Сократ (от 325 до 439 г.), Созомен (от 325 до 423 г.), Феодорит Киррский (от 325 до 428 г.), Филосторгий (от 325 до 425 г.), Филипп из Сиды (приблизительно до 434 г.), Геласий Кизикский (время Константина I), Иоанн Диакриномен (от 429 до 518 г.), Феодор Анагност (от 439 до 518 г.), Захария Ритор (от 450 до 491 г.), Василий Киликиец (около 450—540 гг.) и Иоанн Эфесский (до 586 г.). Закачивается эта эпоха Евагрием Схоластиком (от 431 до 594 г.)². Большинство трудов названных авторов сохранилось до нашего времени³.

В чем же причина того, что в период от Евагрия до Никифора не было создано ни одного обобщающего труда по истории церкви? Ведь в это время церковь и христианское учение также пережили довольно много интересных этапов в своей истории. В Византии к тому же историческая мысль была всегда хорошо развита, и византийские историки проявляли постоянный интерес к делам церкви. Никифор задавал себе тот же вопрос, но также

¹ О жизни Никифора известно очень мало. См. *M. Jugie.* — «*Dict. Théol. Cath.*», 11, 1931, 446—452; *R. Guillard.* *Correspondance de Nicéphore Grégoras.* Paris, 1927, p. 382—385; *J. Sykutris.* «*Ελληνικά*», 3, 1930, σελ. 29—33; о его сочинениях см. *H. G. Beck.* *Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich.* München, 1959, S. 705—707; *K. Krumbacher.* *Geschichte der byzantinischen Litteratur.* München, 1897, S. 291—293; *F. Halkin.* *Bibliotheca Hagiographica Graeca.* Bruxelles, 1957 (далее — BHG). *Index auctorum*, p. 260.

² Литературу по этим трудам см.: *B. Altaner-A. Stuiber.* *Patrologie.* 7. Aufl. Freiburg. 1966, S. 218 sq. 225—229.

³ Сюда относятся значительные хроники этого периода, трактующие также и церковные проблемы. Они принадлежат перу Евсевия, Феопана, Георгия Монаха, Иоанна Малады, Иоанна Зонары, Георгия Кедрина, Феофилакта Симокатты. См. об этих хрониках: *G. Moravcsik.* *Byzantinoturcica*, I. Berlin, 1958. О более поздних хрониках см. *ibid.*, S. 233—243, 412—414.

не мог назвать ни одной причины, объясняющей столь долгую паузу в перковно-исторической хронографии: *οὐκ οἶδα εἴτε ῥαστώνῃ δὴ τινι παραλιπόντες τῆς φύσεως, εἴτε καὶ πρὸς τὸ μέγεθος τῆς ὑποθέσεως ἀποκνήσαντες*⁴. А о том, что потребность в таком сочинении существовала, свидетельствует хотя бы та высокая оценка, которую труд Никифора получил в кругу представителей греческой церкви.

Указанные выше произведения обладают разными степенями объективности, имеют различные тенденции в изложении событий, обусловленные богословской позицией их авторов, но все они — даже самые необъективные и тенденциозные — весьма важны для исследователя благодаря имеющимся в них ссылкам на источники, письма и акты, а также на данные не дошедших до нас литературных памятников и свидетельства очевидцев⁵. Более того, важны эти труды не только для изучения истории церкви: для большинства из них характерно серьезное внимание к светским событиям, при изложении которых, с одной стороны, ярко проявлялась богословская позиция, с которой в христианском духе осмыслялась вся совокупность мировых событий, а с другой стороны — отразилась широта духовных интересов их авторов⁶.

В оценке труда Никифора нет того единодушия, которое проявилось в отношении к трудам IV—VI вв. Греки действительно, как мы упоминали, высоко оценивали эту книгу. На Западе же, познакомившемся с ней только в 1553 г. по латинскому переводу Иоанна Ланге и только в 1630 г. — по греческому оригиналу, она не раз встречала неприязнь, отчасти по богословским причинам (прежде всего у протестантов), отчасти по научным, так как считалась слишком некритичной. С другой стороны, ее цитировали как очень важный источник, подлинная ценность которого, однако, не была достаточно взвешена. Впоследствии, когда К. де Боор высказал мнение, что Никифор лишь списал какой-то утерянный труд X в.⁷, его «Церковную историю» стали считать вообще не имеющей значения для науки. Хотя Г. Гентц и указал на несостоятельность этой гипотезы⁸, он все-таки также не считал труд Никифора заслуживающим внимания современным ученого. По его мнению, Никифор якобы не внес ничего существенного в реконструкцию текста своих главных источников — более древних церковно-исторических произведений; все они дошли до нас в достаточно сохранном виде, Никифор же неточно переводил свои первоисточники, потому что не всегда верно их понимал. Таким образом, остался в силе приговор,

⁴ *Nicophori Callisti Xanthopuli ecclesiasticae historiae libri XVIII*. — PG, t. 145, col. 608, C, D.

⁵ Почти все историки были «православными». В арианском духе выдержана, видимо, не случайно сохранившаяся только в извлечениях работа Филосторгия. Сильные новацианские симпатии характерны для константинопольского юриста Сократа. Большинство авторов стремилось к добросовестности и объективности изложения, прежде всего — Евсевий, Сократ и Евагрий. Самой тенденциозной халтурой можно назвать сочинение не останавливающегося даже перед грубыми извращениями Геласия Кесарийского. По критичности и строгости в отборе фактов первое место занимают Евсевий и Сократ. Однако и они, как и прочие хронисты, весьма легковерны и склонны к передаче разных чудес и знамений. О важности этих источников и о методе работы с ними см. *E. Schwarz. Über Kirchengeschichte*. «*Nachrichten von der K. Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen*». 1908, S. 106—122 (Gesammelte Schriften, I. Berlin, 1938, S. 110—130).

⁶ В качестве примера следует указать хотя бы на то, сколько важных материалов извлек Д. Моравчик из этих трудов для истории гуннов (*G. Moravcsik. Op. cit.*, S. 257, 459, 473, 508, 510, 519, 524). Необходимо при этом отметить две крайности — труд Евсевия выдержан в чисто церковно-историческом духе: даты правления императоров дают ему лишь хронологическую опору для повествования, из области светской истории его интересуют только гонения на христиан, в соответствии с целями, о которых он говорит в предисловии. Напротив, к сожалению, утерянная история церкви Филиппа Сидского содержала столь много светского материала, что была сурово осуждена Сократом (VII, 27) и Фотием (*Myriobiblon*, Cod. 35).

⁷ «*Zeitschrift für Kirchengeschichte*», 6, 1884, S. 478—494; BZ, 5, 1896, S. 16—23.

⁸ «*Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*», 42, 1949, S. 105 f., 110—117.

вынесенный этому произведению Э. фон Добшютцем в 1904 г.: «Вряд ли труд Никифора имеет какую-либо ценность для подлинной истории; из-за манеры пересказа он почти непригоден даже для критики текста древнейших источников»⁹. Поэтому в настоящее время сочинение Никифора больше не принимается во внимание в ходе исторических исследований. В результате этого оказались сброшенными со счета важнейшие материалы, что я и постараюсь показать в данной статье. Поэтому мне хотелось бы ограничиться здесь лишь этой проблемой, оставив пока в стороне другие, не менее интересные аспекты, например, мнение о стиле Никифора, как об отнюдь немаловажном для филологов предмете, или также то обстоятельство, что это сочинение представляет собой написанное с православной точки зрения всеобщее историческое обозрение первых семи веков христианской эры, которые позволяют достаточно ясно определить идейный климат в церкви того времени и сделать некоторые важные наблюдения над тенденциями, свидетельствующими о величии и слабостях греческой церковно-исторической литературы¹⁰. Произведение Никифора «повторяет ее всю в себе», как удачно выразился Ф. Х. Баурр¹¹.

Хотя Никифор не называет ни одной хроники в качестве своего источника, можно сказать, что он, наверное, использовал XVIII книгу труда Феофилакта Симокатты (главы 27, 30—32, 34, 36, 39—43). Очень вероятно непосредственное заимствование труда Феофана в книгах XIV—XVIII. Существуют тесные связи между сочинениями Никифора и Иоанна Малалы, Иоанна Зонары (см., например, XV, 12; XVI, 24; XVIII, 55 сл.) и Георгия Кедрина (например, XV, 16; XVIII, 33). Однако зависимость Никифора от этих авторов не вполне достоверна. Здесь, вероятнее всего, могли быть использованы какие-то другие, не известные нам сочинения, потому что Никифор приводит материал, который не содержится в дошедших до нас хрониках¹². Знаменательно, что хронология в труде Никифора не совпадает с хронологией ни одного из известных нам трудов¹³.

Некоторые места хотелось бы привести в пример: сообщение (XVIII, 28—29) об аварской войне при императоре Маврикии (582—602 гг.) находит параллели у Феофана¹⁴ и Феофилакта Симокатты¹⁵, но общая картина совершенно отлична от той, которую рисуют эти авторы; кроме того, у Никифора имеются и уникальные сведения. Следовательно, можно предположить, что он использовал какое-то неизвестное описание этой войны¹⁶. И в других местах имеются параллели у известных хронистов, но тоже с многочисленными отклонениями. Например, в книге XIV, 57 использован Евагрий¹⁷, есть кое-какие параллели с Малалой¹⁸, книга

⁹ «Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche», 14, 3. Auflage. Leipzig, 1904, S. 22. Ср. *M. Schmidt*, in: «Die Religion in Geschichte und Gegenwart», III, 3. Aufl. Tübingen, 1959, S. 1424.

¹⁰ Эти тенденции достаточно точно определены К. Крумбахом (*K. Krumbacher*. *Op. cit.*, S. 226—230).

¹¹ «Die Epochen der kirchlichen Geschichtschreibung». Tübingen, 1852, S. 32. См. об этих проблемах также: *G. Gentz—F. Winkelmann*. *Die Kirchengeschichte des Nicephorus Callistus Xanthopulus und ihre Quellen*. 2. Aufl. Berlin, 1966 (TU 98).

¹² Византийские хроники, их взаимосвязи, источники и особенности развития хронографии в Византии все еще недостаточно хорошо изучены.

¹³ В конце каждой книги он приводит точные даты: например, I, 40—49 год правления Тиберия в 5539 г.; II, 46—14 год правления Нерона в 5575 г.; VIII, 55 — смерть Константина I в 5847 г.; XII, 50 — смерть Феодосия I в 5909 г.; XVIII, 56 — смерть Фоки в 6130 г.

¹⁴ *Theophanis Chronographia*, I. Lipsiae, 1883 (далее — *Theoph.*), p. 267—269, 273 sq.

¹⁵ *Theophylacti Simocattae Historia*. Lipsiae, 1887 (далее — *Theophyl. Sim.*), VI, 1 sq.

¹⁶ Продолжение аварской войны (XVIII, 37 сл.) мы рассмотрим ниже.

¹⁷ *The ecclesiastical History of Evagrius with the Scholia*, ed. J. Bidez and L. Parmentier. London, 1898 (далее — *Evagr.*), I, 19.

¹⁸ *Joannis Malalae Chronographia*. Bonnae, 1831. (далее — *Mal.*), p. 533 C; 541 B.

XV, 29 содержит, видимо, выписки из Евагрия¹⁹, к которым встречаются параллели у Зонары²⁰, Феодора Анагносты²¹ и Малалы²². Однако подлинные источники Никифора остаются неизвестными, так как указанные хроники здесь оригиналами быть не могли.

Труд Никифора может быть привлечен для реконструкции эпитомэ церковно-исторического сочинения Феодора Анагносты. Хотя Никифор также не знал²³ полного большого труда Феодора, охватывавшего время с 430 по 518 г. и сохранившегося лишь в нескольких фрагментах²⁴, однако он использовал какое-то извлечение из эпитомэ этого труда, которое также было впоследствии утеряно и дошло до нас только в разных выдержках. Никифор почти полностью заимствовал отсюда извлечение, представленное в Cod. Baross. gr. 142, fol. 236 об.—240 об.²⁵, но во всяком случае он не придерживался при этом принятого в этой рукописи порядка следования пассажей. Другие заимствованные Никифором отрывки покрываются извлечением, сохранившимся в Cod. Ath. Vatop. gr. 286²⁶, к тому же и в хронике Феофана имеются параллели к Феодору Анагносту, во многих случаях существенно отклоняющиеся от параллельных Феодору текстов Никифора (к фрагментам 22, 23, 41, 57 и 74).

Рассмотрим же параллели к этим пяти фрагментам. Параллель к фрагменту 22 у Никифора (XIV, 23) возникла, вероятно, лишь косвенным путем, потому что Никифор, кажется, здесь все-таки зависел от Зонары (Zon., p. 242. 25—243, 12). Иначе обстоит дело с другим пассажем труда Никифора (XIV, 58). Этот пассаж составлен из данных, параллельных к Кедрину (Cedr., I, p. 602. 8—603. 3), Малале (Mal., p. 545C; 548A) Феофану (Theoph., p. 103, 6—16), Зонаре (Zon., p. 245, 1—10) и Феодору Анагносту (I, 1 и фрагмент 23). Рассмотрим несколько подробнее это сопоставление: а) Феодосий II находится в эфесском храме Иоанна Богослова (ср. с Малалой, где это, однако, изложено более кратко); б) войско возвращается после войны против Атиллы (ср. с Феофаном, где этот рассказ гораздо короче); в) император терпит неудачу на охоте (ср. с Феодором Анагностом I, 1 и фрагмент 23; Кедрином и Малалой); г) переговоры императора с Пуль-

¹⁹ *Evagr.*, II, 17.

²⁰ *Joannis Zonarae Annales*. II. Bonnae, 1844, p. 254 sq.

²¹ *PG*, t. 86, col. 24, 27.

²² *Mal.*, p. 560 B.

²³ Это видно с первого взгляда на сохранившиеся фрагменты; их сюжеты: а) (об ариане Олимпии), с) (о последователях Диоскура из Александрии), е) (о Юлиане и Тимофее I), g) (о Диоскуре из Александрии) и i) (о Севере) — совсем не затрагиваются в труде Никифора. Темы остальных фрагментов он заимствовал из других источников: фрагмент b) (о Палладии из Антиохии — XVI, 20) — из Евагрия (*Evagr.*, III, 23 в), фрагмент d) (выступление Тимофея I Константинопольского против почитания памяти Македония — XVI, 2) — из эпитомэ (II, 29), фрагмент f) (о Геннадии I из Константинополя — XV, 23) — из эпитомэ (I, 15—17), фрагмент h) (о Ксенайсе — XVI, 27) — из Феофана (*Theoph.*, p. 134, 11—19), фрагмент k) (осуждение Акакия из Константинополя Феликсом III из Рима — XVI, 17) отразил вторую схолию к Евагрию (*Evagr.*, p. 244, sch. zu 119.25; ср. Cod. Baross. gr. 142), фрагмент l) (Македоний II из Константинополя — XVI, 35 б) заимствован из эпитомэ (II, 16); фрагмент m) (статуя императрицы Евдоксии в Константинополе — XIII, 18 f.) из Созомена [*Sozomenus. Kirchengeschichte*, hrsg. v. J. Bidez und G. Ch. Hansen. Berlin, 1960 (далее — *Soz.*), VIII, 20] и Сократа [*Socratis Scholasticae Ecclesiastica historia*, ed. R. Nussey, t. I—III. Oxonii, 1853 (далее — *Sokr.*), VI, 18.1—11], фрагмент n) (о процессиях во время большого землетрясения при Феодосии II — XIV, 46) — из неизвестного источника (этот пассаж будет подробно рассмотрен ниже).

²⁴ Они точно приведены со ссылками на их источники X. Г. Опитцем (RE, 2. Reihe, 10. Halbband, Sp. 1873 f.).

²⁵ *PG*, t. 86, col. 165—216. На л. 236 об. есть пометка на полях: ἀπὸ φωνῆς Νικηφόρου Καλλιέστου τοῦ Εὐαγροπόλου. Возможно, это извлечение было сделано самим Никифором (ср. G. Gentz, in: «Zeitschrift für die neutestamentische Wissenschaft», 42, 1949, S. 113—117).

²⁶ Издан А. Пападопуло-Керамевсом (ЖМНП, ч. 333, 1901, отд. класс. филологии, стр. 1—24).

херией о Маркиане (ср. с Кедриным и Малалой, однако полного совпадения здесь нет); д) Пульхерия делает Маркиана императором (ср. с Кедриным, Феофаном, Зонарой и Феодором Анагностом, фрагмент 23. Только в одном этом фрагменте встречается параллель к сообщению о месте коронавания); е) похороны Феодосия. Даты (ср. отдельные параллели у Кедрина и Малалы). Выше, касаясь хроник, мы уже установили, что не удастся засвидетельствовать прямого использования Никифором трудов Кедрина, Малалы и Зонары. Во всяком случае, в данной главе нельзя твердо установить ни одной прямой параллели к какому-либо из названных авторов. Но все же в абзаце е) имеется параллель к Феодору Анагносту (фрагмент 23), а также следы использования эпитомэ Феодора Анагноста. Мы склонны допустить, что вся глава 58 или ее большая часть были случайно заимствованы из эпитомэ Феодора Анагноста. Отсюда как будто следует, что Никифор был знаком либо с полным эпитомэ, либо с таким же крупным извлечением из него, какое сохранили рукописи Barocc. gr. 142, Vatop. gr. 286, Paris. gr. 1555A, Paris. suppl. gr. 1156.

Схожая ситуация обнаруживается в пассаже XV, 21 труда Никифора (в сообщении о константинопольском пожаре). Здесь Кедрин (Cedr., I, p. 612. 18—20), Малала (Mal., p. 553 B, C), Зонара (Zon., p. 253. 12—16) и Феодор Анагност (фрагмент 57) составляют единую параллель, поэтому нельзя указать прямую зависимость Никифора от какого-то одного из них. Этому противоречит один отдел в следующей главе — 22 (PG, t. 147, col. 65 C sqq.), слово в слово совпадающий с фрагментом 41 Феодора Анагноста. Наконец, Никифор не использовал фрагмент 74 этого автора при написании пассажа XVI, 17b, а списывал Феофана (Theoph., p. 132, 27—33).

Возникает вопрос, нет ли в других местах каких-либо признаков того, что Никифору было известно нечто, помимо сохранившихся донныне извлечений из эпитомэ?

Возвратимся с этой целью еще раз к отрывку XV, 20—26: его 20 глава основана на Евагрии (Evagr., II, 12, 14). Главу 21 мы только что рассмотрели. Глава 22 содержит шесть различных тем: 1) Маркиан. Никифор сообщает о нем намного подробнее, чем Феодор Анагност (I, 23). Житие ВHG, 1034 (Маркиан), напротив, гораздо обширнее, чем текст Никифора. Поэтому нельзя установить, черпал ли он сведения из этого жития или нет. 2) Даниил Столпник. Это сообщение у Никифора несколько подробнее, чем у Феодора Анагноста (I, 18), но, с другой стороны, ничто не указывает на использование им жития ВHG 490 (Даниил). Вторая часть отдела совпадает с трудом Феодора Анагноста (I, 32, 33). 3) Аскет Авксентий. К этой теме в сохранившихся выдержках из Феодора Анагноста никаких параллелей нет. При известных допущениях оригиналом могла быть глава 4 жития ВHG, 199 (Авксентий). 4) Аскет Иаков. Заимствовано из Феодора Анагноста (I, 10, 11). Имя Барадата Никифор мог узнать из Евагрия (Evagr. II, 9, p. 61. 13). 5) Еще раз Маркиан. Параллели у Феодора Анагноста (I, 13) и фрагмент 41 — см. выше. 6) Церковные постановления Льва. Взято из Феодора Анагноста (I, 14). Большая часть главы 23 определенно восходит к этому автору (I, 15b; 16; 15a; 17a; 19; 26; II, 43). Мне не удалось найти в других источниках того, о чем рассказывается в середине этой главы, а именно, что Маркелл построил монастырь для «бодрствующих» монахов, в котором они совершали богослужение в три очереди и в котором жил Иоанн Каливит. Далее, невозможно решить, могло ли быть использовано Никифором в качестве источника значительно более обширное житие ВHG, 1004 или 1005m (Сергий). Глава 24 касается перенесения покрова Марии в Константинополь. Одна более краткая параллель к ней встречается у Георгия Монаха²⁷ в том отделе, который К. де Боор считал происходящим

²⁷ *Georgii Monachi Chronicon*, ed. C. de Boor, v. I—II. Lipsiae, 1904 (далее — *Georg. mon.*), II, p. 617, 5—13.

из Феодора Анагноста²⁸. Таким образом, можно предположить, что Никифор здесь также зависит от Феодора Анагноста и что он, следовательно, знал из эпитомэ больше, чем это сохранилось в выдержках из него в четырех рукописях: Paris. gr. 1555A, Paris. suppl. gr. 1156, Vatop. gr. 286 и Варосс. gr. 142. Главы 25 и 26 посвящены богородичной церкви τῆς πηγῆς. Никифор использует при этом свое собственное произведение (ВНГ, 1073).

Итак, следует ли делать вывод, что Никифор заимствовал весь отрывок с 21 до 24 главы из Феодора Анагноста? Поскольку его метод заключается в составлении своих известий по разным источникам, поэтому было бы вполне возможным предположение, что и здесь он, наряду с Феодором Анагностом, использовал также соответствующие данным темам жития. Однако можно указать на четыре места (в гл. 21, 22, 23 и 24), в которых было, по всей вероятности, использовано какое-то более обширное эпитомэ из Феодора Анагноста, чем то, которое сохранилось. Действительно, три из этих мест подтверждаются другими, хотя и более сжатыми, но достоверными экцерптами труда Феодора Анагноста.

Еще более гипотетичны выводы из наблюдений над текстом пассажа XIV, 46. И в начале этой главы, повествующей о событиях в Константинополе во время землетрясения при Феодосии II, и в конце ее Никифор привлекает в качестве источника Евагрия (Evaogr., I, 17 и I, 18). В середине главы содержится более значительный отрывок о чуде во время молитвенного шествия, о постройке стен, о строительстве богородичной церкви ἐν τοῖς Κόρον и пр. Кое-что здесь сходное с Феофаном (Theoph., p. 93, 7—20; 96.33—97.15) и Георгием Монахом (Georg. mon., p. 604, 20 sq.), но, по-видимому, вне всякой зависимости от них Никифора, а прочее не имеет известных нам параллелей. Совпадение в одном месте между Феофаном и Георгием Монахом можно было бы объяснить общим происхождением их сведений из Феодора Анагноста²⁹, от которого в таком случае мог зависеть в данном месте и Никифор. Но на вопрос, не заимствовал ли Никифор весь пассаж у этого хрониста, ответить нельзя. Остается неизвестным также, откуда он взял добавления к рассказу (соответствующему Evaogr., I, 17 в начале этой главы), а именно, что константинопольские городские стены были тоже разрушены; в Александрии и Антиохии имели место большие опустошения; землетрясение, по-видимому, возобновлялось непрерывно в течение шести месяцев³⁰.

Наконец, хотелось бы еще обратить внимание на гл. XVI, 26: тайное удаление патриарха Македония II (496—511) императором Анастасием (PG, t. 147, col. 165—168). Тот же сюжет излагает и Феофан (Theoph., p. 154. 25 sq.), который зависит при этом от эпитомэ Феодора Анагноста, как показывает сходство с одним из его фрагментов, сохранившимся в Cod. Paris. suppl. gr. 1156. Выписывал ли Никифор здесь из «Хронографии» Феофана, или его сведения прямо восходят к эпитомэ Феодора Анагноста, установить не удалось, однако, последнее, по меньшей мере, остается возможным.

Полагаю, что примеров довольно. Подводя итоги, следует сказать, что Никифору не был полностью известен большой церковно-исторический труд Феодора Анагноста, но весьма вероятно, что он все-таки использовал какую-то более обширную форму эпитомэ этого труда, чем то, которое дошло до нас в четырех названных выше манускриптах. Поэтому, сочинения Никифора следует привлекать при изучении незнакомого нам по эпитомэ Феодора Анагноста материала с целью реконструкции прежнего состава эпитомэ.

²⁸ «Historische Untersuchungen Arnold Schaefer. . . gewidmet». Bonn, 1892, S. 283.

²⁹ См. H. G. Opitz. — RE, 2. Reihe, 10. Halbband, Sp. 1874.

³⁰ Евагрий не дает на этот счет никаких сведений; Феофан (Theoph., p. 93, 6 sq.) говорит о четырех месяцах, а Георгий Монах (Georg. mon., II, p. 604, 20) сообщает о трех месяцах.

Оговоримся, однако, что было бы, конечно, ошибкой приписывать эпитоме Феодора Анагноста все те многочисленные места, для которых у Никифора мы не можем указать источника и которые относятся к периоду, о котором трактует Феодор Анагност. Из большого числа этих мест я хотел бы выделить несколько.

Труд Никифора содержит четыре характеристики исторических персонажей: Иисуса (I, 40), Петра и Павла (II, 37), Константина I (VIII, 55). В I, 40 Никифор попросту списал главу 15 жития Марии Епифания Монаха (ВНГ, 1049). Что касается обоих описаний в II, 37, то Э. фон Добшютц³¹ усматривал их источник в изданной К. Типендорфом «Живописной книге» Эльпия Ромея³² из Cod. Paris. Coisl. gr. 296³³ (начало IX в.). Действительно, некоторые существенные черты сходства здесь налицо, ибо в основном клише образов обоих апостолов давно утвердилось; однако в большинстве наиболее характерных признаков описания апостолов у Никифора и у Эльпия Ромея решительно расходятся друг с другом. Последовательность этих описаний также различна. Поэтому тезис фон Добшютца, на мой взгляд, не состоятелен. Для образа Константина I (Nik., VIII, 55) Эльпий не содержит никаких параллелей, но поскольку изображение внешности и характера Константина, данное в VIII, 55, построено по той же схеме, что и другие описания из книги Эльпия, мне кажется правомерным вывод, что Никифор заимствовал все три описания (II, 37 и VIII, 55) из какой-то неизвестной нам «Живописной книги» и что VIII, 55 не восходит, следовательно, к одному из собраний, дающих описания императоров, появлявшихся обычно со времен Светония.

В III, 37, а (PG, t. 145, col. 973—976) Никифор подробно рассказывает, как один еврей, по слабости неспособный больше идти через пустыню, был крещен песком, и, выздоровев от этого, с успехом продолжал путь. Дионисий Александрийский крестил его вторично, но уже водой. Нечто подобное будто бы случилось и при Анастасии Александрийском. Я не мог до сих пор найти источник для этого рассказа.

Пассаж VIII, 20 Никифор посвятил политическим событиям на рубеже III и IV вв. Здесь он кое-что извлек из жития Константина (ВНГ, 364—р. 319.20 — 320.15) и из Евсевия³⁴, однако, источник для большинства данных не поддается определению. Это относится также и к XI, 19—20, где Никифор говорит о братьях, сестрах и друзьях Василия Великого. Наряду с сочинением Сократа (Sokr., IV, 26.26 sq., 27) использовано много неизвестного нам материала.

XV, 8—10 Никифор посвятил мятежу и чуме при Маркиане (450—457). Здесь наш автор сильно зависит от Евагрия и Феодана, но добавляет эпизод о смещении епископа Ювенала Иерусалимского (422—458) монофиситским монахом Феодосием и о его изгнании дуксом Палестины Дорофеем в 453 г.

В пассаже XVII, 9 рассказывается об осуждении Анфима I Константинопольского (535/36) и о том, как Мену назначил патриархом (536—552) папа Агафон. Здесь Никифор допустил некоторую путаницу, так как Агафон в действительности жил в VII в. и был в Константинополе только на Шестом вселенском соборе (680/81). Источник Никифора Ксанфонула в данном пассаже неизвестен.

³¹ E. v. Dobschütz. Der Apostel Paulus, II. Halle, 1928, S. 46, Anm. 8.

³² «Anectoda sacra et profana». Leipzig, 1861, S. 129 f.

³³ Saec. XIII, membr. fol. 68.

³⁴ Eusebius Pamphilus. Kirchengeschichte, hrsg. v. E. Schwartz. — «Die griechischen christlichen Schriftsteller der ersten drei Jahrhunderte. hrsg. v. der Kirchenväter-Commission der königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften, Bd. 9, p. 1—3. Leipzig, 1903—1909 (далее — Eus.), VIII. 13.

В XVIII, 37—42 сообщается об аварской войне и убийстве императора Маврикия (582—602) Фокой. Никифор использует при этом Феофана (Theoph., p. 280 sq.) и Феофилакта Симокадту (Theophyl. Sim., VIII, 6. sq.), однако для многих мест источник определить не удастся³⁵.

Наконец, хотелось бы коснуться пассажа XVIII, 45—54, представляющего собой экскурс о ересях, возникших между четвертым и пятым вселенскими соборами (Халкидонский 451 г. и Константинопольский 553 г.): глава 45 соответствует при этом отделу IX и X «Сокровищницы православия» Никиты Хониата (PG, t. 140, col. 45C/48B; 69A/172B. 73C—D); глава 46 — отделу X (ibid., col. 72B—73A); глава 47 — отделу IX (ibid., col. 52A—C.), однако Никифор добавил сюда собрание трудов монофосита Иоанна Филопона и их сопоставление с православным учением. Эта часть могла быть написана самим Никифором и не требует отыскания ее источника; глава 48 соответствует отделу X «Сокровищницы» (ibid., col. 72 C — 73 B, C.). Может быть, при этом был привлечен также отдел VIII, но не исключено, что это был другой неизвестный нам источник; глава 49 соответствует отделу IX (ibid., col. 48C—49D; 52 B). Глава 50 касается агноитов. Никита рассматривает тот же сюжет в отделе XIV, однако этот отдел еще не издан, так что пока мы не можем решить, зависит ли здесь Никифор от Никиты или нет. То же самое следует сказать и о главе 51, посвященной феопасхитам — ереси, о которой Никита говорит также в еще не опубликованном отделе XIII. Глава 52 (о якобитах) опирается на неизвестный источник, как и глава 53, посвященная армянам, потому что Никита, хотя и занимается той же темой в отделе XVII, дает при этом совершенно иную трактовку, чем Никифор. Поэтому возникает сомнение и относительно зависимости Никифора от Никиты также и в главах 50 и 54. Вопрос этот, видимо, можно будет разрешить только тогда, когда труд Никиты будет опубликован полностью. Глава 54 (о почитаниях креста) восходит к неизвестному источнику.

Мы уже отметили выше оригинальные дополнения Никифора. Они рассеяны по всей работе. Частью это — редакционные примечания, частью — критические выводы о православной точке зрения, частью — поправки к высказываниям использованных им авторов, частью — отрывки из его других агиографических и литургических сочинений или из составленных им каталогов, частью — заметки по поводу исторически важного современного Никифору материала. В связи с последним пунктом мне бы хотелось привести несколько примеров.

Выше, касаясь пассажа III, 37, я уже упомянул эпизод о крещении еврея. К этому сообщению, заимствованному из неизвестного источника, Никифор добавил следующий рассказ (PG, t. 145, col. 976B, C): будто бы некий священник св. Софии, еще живший при Никифоре, по происхождению еврей, был в детстве крещен христианами детьми во время купания, затем стал настоящим христианином и, наконец, был посвящен в священники.

В VI, 16 Никифор сообщает об иконах Иисуса, Марии и апостолов, а также о других реликвиях, еще существовавших в его время.

В XII, 34—35 говорится о церковных обычаях, причем здесь Никифор большей частью зависит от Сократа и Созомена, добавляя кое-что об обычаях своей эпохи (см. PG, t. 146, col. 857, 860, 864).

Никифор был большим почитателем Иоанна Златоуста, и в пассаж XIII, 2 он ввел некоторые оценки и литературные сопоставления, опираясь на этого автора (PG, t. 146, col. 928 sq., 933, 941, 953, 1052).

Пассаж XIV, 39 касается вопроса о перемещении епископов — темы, которая очень волновала Никифора. Пускаясь в объяснения низложе-

³⁵ Исчерпывающе изложено в «Texte und Untersuchungen», Bd. 98, S. 177 f.

ния Прокла Константинопольского (434—446), Никифор рассматривает все случаи перемещения епископов, имевшие место вплоть до его времени. В начале он опирается на Сократа Схоластика (Sokr., VII, 36, 37), несколько дополняя его данные, затем продолжает перечень, добавив список из 23 епископов до эпохи образования Латинской империи и, наконец, заключает рассказом о современных ему перемещениях по всем патриархиям. Во всех случаях он указывает более точные данные, называет и инициаторов перемещения (собор, император, патриарх) и т. д.

В XIV, 46 Никифор вносит дополнения относительно некоего чуда, которое совершилось в связи с процессией при Феодосии II. Речь, видимо, может идти о передаче Никифором местных константинопольских слухов, циркулировавших в столице в его время.

Рассмотрение Никифором в пассаже XVII, 31 вопроса о том, считался ли император Юстиниан еретиком, содержит важные сведения о мнениях, имевших место в кругах официальной церкви того времени: все отклонения от православия прощались Юстиниану за его добрые дела, в числе которых на первом месте названа постройка св. Софии.

Теперь уже общепризнано большое значение агиографической литературы в качестве источника для историков. Мне бы хотелось, пусть мимоходом, показать, что и в этом отношении труд Никифора также заслуживает внимания.

Если в «*Texte und Untersuchungen*», Bd. 98, я предположил, что в качестве источника для Никифора при написании пассажа XIV, 45 (легенда о семи спящих отроках) послужило Метафрастово житие ВHG, 1594³⁶, и принял гипотезу, что Никифор сам сочинил обрамляющий легенду рассказ, то здесь я считаю нужным поправить себя: я полагаю теперь, что всю главу, т. е. и обрамляющий рассказ, и вставленную в него легенду Никифор, несомненно, заимствовал из несохранившегося источника.

Итак, как будто приведены в доказательство нашей идеи главные моменты композиции Никифора. В обрамляющей «рамке» повествуется о следующем: во времена Феодосия II (408—450) появились еретики, не верившие в воскресение во плоти, причем одни держались толкования саддукеев, что вовсе не может быть никакого воскресения, тогда как другие считали возможным воскресение только через обретение нового тела³⁷. Спорный вопрос смогли разрешить в православном духе благодаря примеру с недавним пробуждением семи эфесских юношей от 372-летнего сна, от коего они восстали с совершенно невредимыми телами и одеждой. Юноши эти заснули в пещере еще во времена гонения Деция на христиан, что якобы подтверждалось найденной в пещере табличкой и сохранившимися у отроков монетами времени Деция. Отрока, захотевшего на них сделать в Эфесе покупки после перерыва в 372 года, архонт повелел бичевать как вора. Наконец, когда достоверность воскресения отроков была установлена, сам Феодосий II провел вместе с ними семь дней и разделил с ними трапезу.

В такой форме для этой легенды я не нашел точных параллелей: числовые данные расходятся; у Никифора не названы имена; многие детали в его рассказе отсутствуют, другие, напротив, есть только у него; обрамляющего рассказа такого рода нет у других авторов³⁸. М. Хубер установил большинство параллелей к самой легенде в арабской версии Евтихия Александрийского (Саид ибн Батрак, 876—939 гг.)³⁹, однако

³⁶ PG, t. 115, col. 428—448.

³⁷ Обрамляющая «рамка» и вставленная в нее легенда написаны в одном стиле, поэтому не следует считать «рамку» творением самого Никифора.

³⁸ См. в связи с этим: М. Huber. Die Wanderlegende von den Siebenschläfern. Leipzig, 1910, S. 91—104.

³⁹ Ibid., S. 18.

и у этого автора есть много других дополнительных данных. Отсутствие имен и точного описания местности, сравнительная сжатость и ясность рассказа Никифора указывают, по моему мнению, на какую-то раннюю форму легенды в качестве протооригинала пересказа нашего автора ⁴⁰.

Вопрос о привлечении Никифором агиографических сочинений еще до конца не выяснен, так как многие жития и целые их группы остаются не изданными, поэтому пока нельзя сказать, сколько неизвестных форм житий и неизвестного агиографического материала использовал Никифор. Приведу здесь только несколько примеров: 1) III, 29 (Евстафий) — ср. ВHG, 644 sq. (Synaxar. Constantinopol., 20 Sept.); (Элевферий) — ср. ВHG, 568 sq. (Synaxar. Constantinopol., 15 Dez.); 2) III, 32 (Юстин)-Eus., IV, 16, 1—5; 7—9; ср. также ВHG, 972 z sq.; 3) XI, 48 (мученик Никита — гот) — ср. ВHG, 1339—1340 b; 4) XII, 23 (Арсений, воспитатель сыновей Феодосия I) — некоторые параллели встречаются у Кедрина (Cedr., I, p. 573.11—17; 576.10—13), но здесь все короче, чем у Никифора, который мог использовать одно из житий ВHG, 167y—169; 5) XV, 23 (Сергий) — ср. ВHG, 1004, 1005 m; 6) XVIII, 25 (персидская мученица Голиндуха) — ср. ВHG, 700—702 b.

Довольно, однако, примеров. Подводя итоги всему изложенному выше, мы должны сказать, что если, с одной стороны, нельзя некритически переоценивать труд Никифора, то с другой — необходимо ясно осознать его несомненное значение как свода материала источников для историков древнего мира и медиевистов, изучающих историю общества, нравов, церкви и религии того времени. Мало того, едва ли было бы правомерным использование этого труда только в качестве подобного свода, не учитывая тех его существенных особенностей, о которых говорилось на первых страницах данной статьи.

Перевод с немецкого Н. Семпер.

⁴⁰ Относительно оценки легенды ср. *M. Huber*. Op. cit., S. 355 f. (см. здесь и далее также ссылки на литературу); *A. Allgeier*. — ВNg Jbb. 3, 1922, S. 311—331; *P. Peeters*. Analecta Bollandiana, 41, 1923, p. 369—385. Ссылки на литературу см. также: *J. Oswald*. Lexikon für Theologie und Kirche, 9. Freiburg, 1964, S. 738.

А. П. КАЖДАН

ВИЗАНТИЙСКИЙ МОНАСТЫРЬ XI—XII ВВ.
КАК СОЦИАЛЬНАЯ ГРУППА

Выяснять специфические особенности византийского общества можно различными путями: давно уже было отмечено, в частности, что своеобразие политической организации резко отличало Византию от западноевропейского средневекового мира. Были отмечены также особенности присвоения прибавочного продукта в Византии: назовем ли мы существовавшие здесь формы присвоения централизованной рентой или будем считать их налогом, основанным на государственно-правовых принципах, это не затенит того обстоятельства, что в Византии эксплуатация народных масс в значительной степени осуществлялась централизованно, через государство. Ныне все чаще ставят вопрос о своеобразии классовой структуры византийского общества, особенно о вертикальной динамике правящей элиты, о незавершенности консолидации византийской аристократии, об относительной слабости позиций высшего духовенства.

Есть еще одна область социальных связей, исследование которой могло бы, как мне кажется, способствовать прояснению проблемы византийской специфики. Это — характер малых групп, или микроструктур, к числу которых так или иначе относятся семья, сельская община, ремесленная коллегия и даже городская община.

Малой социальной группой являлся и монастырь.

О византийских монастырях написано немало: о топографии и судьбах отдельных монастырей или групп монастырей, о монастырском землевладении, о взаимоотношениях монастыря как коллективного собственника с его зависимыми крестьянами, об экспансии монастырей и присвоении крестьянских угодий, об участии монахов в крупнейших общественных явлениях (христологические споры, иконоборчество, исихазм, борьба против унии), наконец — об этических и религиозных идеалах монахов. Эта статья, однако, посвящена иному — рассмотрению монастыря как социальной группы, т. е. исследованию общественных отношений *внутри* монастыря. Выяснить, отражала ли структура монастыря специфические особенности общественных отношений в Византийской империи, — такова задача.

Я ограничиваю исследование XI—XII столетиями. Ограничение такого рода естественно для статьи, а самый выбор данных веков легко может быть оправдан состоянием источников — ведь именно к XI и XII вв. относятся важнейшие из монастырских уставов (типиконов), источника, наиболее существенного для решения поставленной выше задачи.

При исследовании малых групп византийского общества монастырь занимает особое место. Это вызвано, с одной стороны, тем случайным

обстоятельством, что, в отличие от семьи, сельской общины или ремесленной коллегии, византийский монастырь XI—XII вв. подробно охарактеризован в источниках и прежде всего в специфических памятниках — типиконах; жизнедеятельность монастыря предстает в таких подробностях, на которые мы, к сожалению, не можем рассчитывать при исследовании других элементарных ячеек византийского общества. Создается неминуемая угроза диспропорции.

Во-вторых — и это обстоятельство усугубляет только что отмеченную угрозу, — монастырь и по существу представлял собой микроструктуру особого рода, искусственно создаваемую общность. Д. Саврамис, автор единственной работы по социологии византийского монашества, отмечая определенное сходство монастыря с семьей, выделяет два пункта различия между ними: во-первых, семья основана на кровном родстве, тогда как монастырь — «социальная категория союза»; во-вторых, член семьи был одновременно и членом общества, тогда как монашеская община замкнута и отделена от «мира»¹. Определения эти носят частный характер и не совсем точны.

Если семья в самом деле основана на кровном родстве, то уже домохозяйство — микроструктура, выходящая за рамки кровных связей. В еще большей степени такое определение относится к ремесленной коллегии, которая конституируется как «категория союза» и в этом смысле не отличается от монастыря. Таким образом, первое положение Саврамиса не определяет специфики монашеской общины. Что касается отделенности монаха от общества, то она была — как видно, в частности, из книги самого Саврамиса (она как раз посвящена в большей степени влиянию монашества на общество, чем функционированию монастыря как микроструктуры) — скорее идеалом, чем реальностью, причем идеалом, вытекающим из принципиальной особенности монастыря.

Дело в том, что функционирование монастыря определялось не только социальными и экономическими стимулами (в их существовании не приходится сомневаться), но и религиозными потребностями. Будучи в незначительной степени элементом религиозной жизни, монастырь представлял собой не только реальное объединение людей, связанных общностью обитания, хозяйства и убеждений, но и превратный образ, дубликат, идеальную конструкцию²; в принципе он должен был явить собой недостижимую в реальных, земных отношениях форму человеческого общения; это была микроструктура, отрицающая все «земные» микроструктуры, хотя и построенная из тех же земных «кирпичей». Подобная особенность монастыря в кругу византийских общественных связей также может привести исследователя к аберрации.

Сами византийцы воспринимали монастырь как общину: для его обозначения использовали и термин *σὸςτημα*³, прилагавшийся к ремесленным коллегиям, и термин *κοινότης*⁴. Однако монашеское сообщество (*κοινωνία*) рассматривалось как учреждение особого порядка, как подобие ангельского состояния⁵.

¹ D. Savramis. Zur Soziologie des byzantinischen Mönchtums. Leiden, Köln, 1962, S. 16 f. Близкая по теме книга: F. R. Farag. Sociological and Moral Studies in the Field of Coptic Monasticism. Leiden, 1964 — содержит в действительности не социологический анализ, а панегирик монашеству.

² К этому определению Саврамис приближается, говоря о монастыре как о воплощенной утопии (D. Savramis. Zur Soziologie. . ., S. 91).

³ Например, устав Христодула (MM, VI, 59.18; 60.26); устав монастыря в Ареа (MM, V, 180.10).

⁴ Typicon Gregorii Pacuriani, ed. S. Kauchtschivili. Tbilisiis, 1963 (далее: Васур.), р. 66. 25—26; 124.21. Ср. также Житие Ильи Спилеота (AASS, Septembr. III, 873 A).

⁵ Устав Христодула — MM, VI, 69.16—17. О монастыре как об *ἀγγελική πολιτεία* см. устав Атталиата (MM, V, 302.23). Монастырь также уподобляется раю

Поэтому уход в монастырь в идеале означал разрыв со всеми мирскими связями и умерщвление в себе человеческой жизни и земных устремлений⁶.

Часть монастырей была воздвигнута в труднодоступной местности, в горах, в пустынных районах — но для Византии, пожалуй, не менее характерен городской монастырь⁷. Основанный в гуще общественной жизни, он отгораживался от нее стеной, ворота которой охранялись специальным привратником. В принципе монахи должны были оставаться за монастырскими стенами, и Симеон Богослов рекомендовал выходить за их пределы не чаще, чем раз в месяц⁸. Соответственно, доступ мирян в монастырь если не запрещался вовсе, то ограничивался специально предусмотренными казусами⁹.

Впрочем, ограничение это носило чисто идеальный характер. Монахи активно участвовали в политической жизни, выступали советниками императоров¹⁰. Собственники земли и ремесленных мастерских, они множеством нитей были связаны с хозяйственной жизнью империи, и Евстафий Солунский с возмущением говорит о глубокой заинтересованности игуменов и братии в земледельческом доходе¹¹. Монастыри не пренебрегали рынком, покупая пропитание и одежду, имели свои корабли и торговали своей продукцией¹². Вопреки известному принципу неотчуждаемости земельной собственности монастыри продавали и обменивали земли¹³; они широко практиковали сдачу участков в аренду¹⁴.

(Васил., р. 50.7—9). Ср. еще *И. Соколов*. Состояние монашества в византийской церкви с половины IX до начала XIII века. Казань, 1894, стр. 420 и сл. О монастыре как «ангельском сообществе» в памятниках IV—V вв. см. *K. Frank*. Ἀγγελικός βίος. Münster, 1962, passim.

⁶ Это настоятельно подчеркивает Симеон Богослов (*Syméon le Nouveau Théologien* (далее: *Syméon*). Catéchèses, t. 2. Paris, 1962—1965, p. 66.236—237). Ср. еще устав Пандократора (*А. Дмитриевский*. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного востока, т. I. Киев, 1895, стр. 701.32—36). Об отвержении византийским монашеством реальных общественных и нравственных условий см. особенно *А. Harnack*. Das Mönchtum, seine Ideale und seine Geschichte, 7. Aufl. Giessen, 1907, S. 30. Ср. *Ph. Meyer*. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athoskloster. Leipzig, 1894, S. 1; *K. Frank*. Op. cit., S. 21 f.

⁷ Одной из важных задач является статистическая обработка сохранившихся сведений о византийских монастырях: в какое время, где и сколько может быть зафиксировано монастырей. Пока можно говорить лишь о впечатлениях — не более того. Ранневизантийское монашество как своеобразное отрицание античного полиса исходило из сельского монастыря: глухие районы Египта, Сирии и Палестины, Каппадокии были основными центрами монашества. Начало монашества в Константинополе относится к сравнительно позднему времени (см. *H. Delehaye*. Byzantine Monasticism. — «Byzantium». Oxford, 1948, p. 144). С конца VIII в. столичное монашество (особенно студиты) играет ведущую роль, но с X в. вновь начинается подъем сельских монастырей, в первую очередь — афонских. Однако новые монастыри — в отличие от обителей Пахомия и Василия — не общины совместно трудящихся монахов, а собственники земли и получатели солемниев.

⁸ *Syméon*. Catéchèses, t. 2, p. 302.483—486.

⁹ См. *И. Соколов*. Состояние монашества. . . , стр. 327—331.

¹⁰ Иоанн Оксит порицает монахов, которые гонятся за чинами и властью и берут на себя управление хозяйством (*P. Gautier*. Jean V l'Oxite, patriarche d'Antioche. Notice bibliographique. — REB, 22, 1964, p. 152. 29—30).

¹¹ *Eustathii Thessalonicensis* Opuscula. Francof. a. M., 1832, p. 258 sq.

¹² Ср. *И. Соколов*. Состояние монашества. . . , стр. 465 и сл.

¹³ Так, в 1034 г. Герман, игумен богородичного монастыря в Плакия, и его брат монах Петр продали за 20 золотых монет целинную землю игумену Эсфигменского монастыря Феоктисту (*L. Petit*, *W. Regel*. Actes d'Esphigmenou. — BB, XII, 1906. Приложение, № 1). Устав Пандократора упоминает земли, перешедшие монастырю по обмену (*А. Дмитриевский*. Описание. . . , I, стр. 698.1—3). Грамоты упоминают и земельные тяжбы между монастырями. См., например, *L. Petit*. Actes de Chilandar, I. BB, XVII, 1911. Приложение (далее: Хил.), № 1. 1—2, 1009 г.

¹⁴ См., например, Лавра, № 45.9—10. Устав Бачковского монастыря, запрещая продажу или сдачу в аренду монастырской земли посторонним лицам, допускает парическую аренду (Васил., р. 140.25—28).

Монастыри держали в своих руках общественную благотворительность: руководили больницами и странноприимными домами, осуществляли раздачу бедноте¹⁵; в значительно меньшей мере они ведали школьным делом¹⁶.

Вся эта политическая, экономическая, благотворительная и учительская деятельность неминуемо нарушала монастырский идеал замкнутости: монахи должны были надолго покидать монастырь, странствовать¹⁷, а миряне приходили в монастырь по делам или за советом¹⁸.

Наконец, существование частных (киторских) монастырей и передача императором или патриархом монастырей под власть светских лиц — характеристика вела также к разрыву замкнутости, поскольку китор или киторский не только руководил хозяйственной деятельностью или взимал долю монастырских доходов, но влиял на прием новых монахов и вмешивался в дисциплинарные вопросы.

Число монастырей при Мануиле I достигало, по сообщению русского путешественника Антония, 14 тысяч¹⁹. В какой мере цифра эта заслуживает доверия, сказать трудно. Число константинопольских монастырей Саврамис исчисляет в 300²⁰, однако он не учитывает, что не все они существовали одновременно: на актах собора 536 г. стоят подписи представителей 68 столичных монастырей²¹; от XI—XII вв., к сожалению, не сохранилось аналогичного документа.

Византийские монастыри были невелики²². Р. Жанэн прекрасно показал, насколько преувеличены данные греческих и латинских авторов о составе константинопольских монастырей²³: говорить о сотнях монахов даже в крупнейших из них не приходится.

Согласно XIV новелле Льва VI, в монастыре должно было быть не менее трех монахов²⁴, и, видимо, немало обителей приближалось к минимальной цифре. В конце X в. на острове Гимнопелагисий существовал монастырек, в котором обитали трое монахов; позднее этот монастырек перешел под власть Лавры Афанасия (Лавра, № 12). В монастыре Келареи было 4 монахини (ММ, V, 372.29). Небольшими, видимо, были и построенные крестьянами монастыри, об одном из которых

¹⁵ D. Savramis. Zur Soziologie. . . , S. 24—38; Cp. D. J. Constantelos. Byzantine Philanthropy and Social Welfare. New Brunswick, 1968, p. 88—110.

¹⁶ Cp. J. Hussey. Byzantine Monasticism. — «History», XXIV, 93, 1939, p. 61 sq.

¹⁷ О монахах, бродящих по городам, говорит в самом общем виде Зонара (PG, t. 137, col. 665 C). Пселл рассказывает о монахе Илье, который постоянно странствует (C. Sathas. Bibliotheca graeca medii aevi, vol. V. Venetia, Paris, 1876, p. 402.26—27; 403.18). Евстафий Солунский возмущается монахами, что скачут верхом на лошадях, и именует их кентаврами (Opuscula, p. 255.31—41). См. И. Соколов. Состояние монашества. . . , стр. 467 и сл.

¹⁸ В этом отношении очень показательны предписание Нила Тамасийского, разрешавшего архонтам садиться за стол вместе с настоятелем, тогда как бедняков он запрещал пускать в монастырь (ММ, V, 422.10—17). Евергетидский устав даже разрешает доступ в монастырь знатым и, разумеется, добродетельным женщинам (А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 650.13—18).

¹⁹ П. Савваитов. Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград. СПб., 1872, стр. 183.

²⁰ D. Savramis. Zur Soziologie. . . , S. 54.

²¹ H. Delehaye. Byzantine Monasticism, p. 145.

²² Cp. W. Nissen. Die Regelung des Klosterwesens im Rhomäerreiche bis zum Ende des 9. Jhs. Hamburg, 1897, S. 12.

²³ R. Janin. Le monachisme byzantin au moyen âge. — REB, 22, 1964, p. 29 sq. По свидетельству «Жития Мелетия», вокруг его монастыря возникло 22 «паралаврия», в каждом из которых было 8—12 монахов, во всяком случае не менее 6 (В. Г. Васильевский. Николая, епископа Мефонского, и Феодора Продрома, писателей XII столетия, жития Мелетия Нового. — ПНС, т. VI, вып. 2, 1886, стр. 19.5—7). Таким образом, в монастыре жило свыше 150 монахов (позднее число их достигло 300. — Там же, стр. 21. 17). Однако доход монастыря исчисляется в 422 номисм (там же, стр. 49.20), т. е. менее 3 номисм на человека, на что прожить было невозможно.

²⁴ P. Noailles, A. Dain. Les nouvelles de Léon VI le Sage. Paris, 1944, p. 57.8.

упоминает Пселл²⁵. В женском монастыре, основанном отцом Григория Антиоха, обитали 12 монахинь²⁶.

Монастырские уставы XI—XII вв., обследованные Жанэном²⁷, дают следующие цифры:

монастырь Атталиата	5—7 монахов
монастырь Мидикария	6
монастырь Галакрины	6 ²⁸
монастырь богородицы Милостивой	10
монастырь Анфемия	12
монастырь Предтечи	12, умеющих читать
монастырь Монокастана	16
монастырь Сатир	18
монастырь Носсиев	18 ²⁹
монастырь Илиу Вомон в феме Опский и его константинопольский метох	20
монастырь св. Маманта	20
монастырь богородицы Благодатной	24 монахини ³⁰
монастырь в Арее	36 ³¹
Бачковский монастырь	51
монастырь Спасительницы мира	74
монастырь Пандократора	80

Монастырь Пандократора считался большим, и Ансельму Хавельбергскому показалось, что там подвизаются 700 человек (PL, t. 188, col. 1156 D). Видимо, лишь в редких случаях численность братии переваливала за сто.

Наконец, на Афоне, где были многочисленные обители, общее число монахов в середине XI в. достигало 700 человек³², а наибольший монастырь — Лавра Афанасия — насчитывал 120 человек.

Физический труд продолжал оставаться обязанностью византийских монахов, тогда как на Западе уже Бенедикт Анианский на рубеже VIII и IX вв. освободил монахов от сельскохозяйственных работ, а клюнийцы еще последовательнее отвергали ручной труд³³. Устав Бакуриани прямо наставлял, что монах не должен пренебрегать физической работой, ибо труды приближают к богу (Васил., р. 86.7—9). Устав монастыря Предтечи рекомендует следовать примеру «египетских отцов» и собственным трудом зарабатывать себе на пропитание и на подаяние нуждающимся³⁴. Монастырское «рукоделие» (ἐργασίον) неоднократно упоминают и Симеон Богослов, и уставы³⁵. Иногда мы узнаем о конкретных формах этого рукоделия. Симеон высмеивает ленивого монаха, который уклоняется и от ухода за мулами, и от обязанностей хлебопека, и от труда повара³⁶.

²⁵ C. Sathas. Bibliotheca graeca, V, p. 376.7—8.

²⁶ А. П. Кавдан. Григорий Антиох. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 79.

²⁷ R. Janin. Op. cit., p. 30 sq.

²⁸ L. Petit. Le monastère de Notre-Dame de Pitié. — ИРАИК, VI, 1900, p. 72.28. У Жанэна отсутствует.

²⁹ Шесть монастырей, подчиненных Пандократору (см. А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 676.16—30): Мидикария, Галакрины, Анфемия, Монокастана, Сатир и Носсиев — не учтены Жанэном.

³⁰ ММ, V, 337.10. У Жанэна отсутствует.

³¹ ММ, V, 179.18. Жанэн с ошибочной отсылкой к стр. 72 указывает цифру 10. Такой же была численность и женского монастыря, переведенного из Арей в Вузи (ibid., p. 178.16).

³² Ph. Meyer. Die Haupturkunden. . . , S. 157.2.

³³ См. L. J. Daily. Benedictine Monasticism. New York, 1965, p. 146, 156.

³⁴ А. И. Панадопуло-Керамевс. Noctes Petropolitanae. СПб., 1913, стр. 16.16—20.

³⁵ Syméon. Catéchèses, t. 2, p. 162.127—128; 180.157 и др.; устав Атталиата. — ММ, V, 312.11—13; Еврегетидский устав. — А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 640.20—21; устав Илиу Вомон. — Там же, стр. 749.25.

³⁶ Syméon. Catéchèses, t. 1, p. 454.904—917. В «Житии Симеона» (J. Hausherr. Un grand mystique byzantin. — «Orientalia christiana», XII, 1928, § 47.7—9) упоминается точно так же уход за мулами и поварской труд, а также доставка воды.

Среди монахов монастыря св. Маманта — виноградари, пекарь, садовод³⁷, в монастыре Нила Тамасийского — хлебопек, сапожник, плотники, кузнецы (ММ, V, 420. 24; 28—29), в афонском Филофеевом монастыре — плотник, сапожник, бочар, портной, ткач (Лавра, № 56). По словам Месарита, монахи — настоящие труженики: многие ходят за плугом, работают мотыгой, возделывают виноградники, обрабатывают кожу, занимаются кузнечным делом³⁸.

И все же византийский монастырь XI—XII вв. — не трудовая община, не аналог сельской общины или ремесленной коллегии, но их дубликат; монашеская теория и практика, размышления о божестве и церковный обряд заполняют в первую очередь время братии; труд же остается на периферии монастырской деятельности. Именно идеальное (дубликатное) бытие монастыря в качестве ἀγγελικῆ πολιτεία делало в конечном счете необходимым внешнее обеспечение его источником существования, его реальное бытие как присвоителя чужого прибавочного продукта. Чем монастырь больше, тем значительнее его недвижимость и доходы: благосостояние монастыря создается, как правило, вне его — трудом зависимого населения, добротным подаением и передачей монахам доли налоговых поступлений.

Восточные монастыри, начиная с IV в., формируются как два основных типа: отшельнические и общежительные (киновии). Традиции отшельников продолжали затем келлиоты, однако положение их к XI—XII вв. коренным образом отличалось от статуса анахоретов времен Антония. Идея Василия Каппадокийского, считавшего киновию высшей формой монастырской организации, утвердилась: даже на Афоне келлиоты потеряли всяческую самостоятельность³⁹. Все сохранившиеся уставы этого времени — общежительные, и кельи, если они есть, образуют редкое окружение киновий и полностью им подчинены.

Из 120 монахов Лавры Афанасия только 5 были келлиотами⁴⁰. В кипрской киновии Нила Тамасийского 5 или 6 братьев обитали в «крохотных кельях» (ММ, V, 394.9—12); при этом они должны были подчиняться предстоятелю монастыря (ММ, V, 428.7—8). Точно так же устав Христодула настаивает, что отшельники-исихасты остаются в подчинении игумена, занимаются «рукоделием» по его указанию и на субботу и воскресенье приходят в киновию, чтобы принять участие в богослужении и общей трапезе, а затем возвращаются к себе, захватив припасы и материал для труда (ММ, VI, 76.17—77.1).

Впрочем, кое-где келлиотство еще оставалось распространенным: из шести подчиненных Пандократору монастырей (см. выше, прим. 29) только обитель Носсиев была общежительная, остальные же — келлиотскими⁴¹. По-видимому, келлиотская организация преобладала в монастыре Неофита Затворника на Кипре⁴².

Таким образом, тенденция исторического развития идеала монастырской жизни состояла в упрочении общежительных начал. Относительно слабой корпоративности в реальных общественных отношениях соответствовала тенденция к сплоченности в религиозном дубликате византийской общины — монастыре. В то время как семья постепенно упрощалась, превращаясь в основную хозяйственную и социальную кле-

³⁷ А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 709. 31—710.5; 713.19—21.

³⁸ А. Heisenberg. Neue Quellen zur Geschichte des lateinischen Kaisertums und Kirchenunion, III. — SBAW, 1923, № 3, S. 24.31—25.1.

³⁹ Ph. Meyer. Die Haupturkunden. . . , S. 37.

⁴⁰ Ibid., S. 28.

⁴¹ А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 676. 5—7.

⁴² J. Ch. Hatzijoannis. 'Ιστορία και ἔργα Νεοφύτου πρεσβυτέρου μοναχοῦ καὶ ἐκκλησίου. Alexandria, 1914, p. 103 (мне недоступно. См. R. Janin. Le monachisme byzantin. . . , p. 31).

точку византийского мира, «семейная» форма монашества — келлиотство — отходила на задний план.

Но общежительная сплоченность оказывалась в XII в. лишь идеалом монашества. Вальсамон, приведя отрывок из СХХIII новеллы Юстиниана о киновиях, замечает, что до его времени эта форма монастырского устройства почти не сохранилась: монахи мужских обителей не живут совместно, и только в женских общежительных монастырях удержались совместная трапеза и обитание. И далее Вальсамон противопоставляет византийские порядки латинским: на Западе, по его словам, все монахи и ели, и спали совместно (PG, t. 138, col. 176 CD).

Вопреки прямому свидетельству Вальсамона, представление о реальной победе киновии над анахоретством утвердилось в научной литературе. По мнению Х. Г. Бека, причины этой победы коренятся в «хозяйственной политике», которая превращала большой монастырь в материальную силу в государстве⁴³. Однако — не говоря уже о том, что особенности монастырской жизни не могут быть непосредственно выведены из экономических отношений, — победа киновии осталась скорее в сфере идеальной: корпоративность византийского монастыря представлялась самим современникам весьма относительной.

К тому же победа киновии была временной: с конца XIV в. в Византии разворачивается движение за так называемый идиоритм, т. е. за официальную индивидуализацию монашеской жизни⁴⁴.

Общежительный монастырь, киновия, рассматривался в принципе как идеальное единство. Монахи — это члены единого тела — монастыря (Устав монастыря богородицы Благодатной. — ММ, V, 381.6—7), подобие золотой цепи⁴⁵; слова «мое» и «твое», раздражающие человеческую общность на составные части, им чужды⁴⁶. Идеальное единство должно было пронизывать весь монашеский быт; у монахов был общий стол (например, Васил., р. 38. 14—19), и всем — от первого до последнего — полагалась одинаковая пища⁴⁷; тайное ее вкушание вне трапезной воспрещалось⁴⁸. Евергетидский устав требовал равенства не только в еде и питье, но также в одежде и обуви⁴⁹. Какие-либо приобретения, даже ничтожные, без ведома предстоятеля карались⁵⁰. Устав Пандократора, как бы суммируя подобные предписания, формулирует, что у монахов все общее — трапеза, жилище, участие в богослужении, молитва и исповедь перед игуменом⁵¹.

Из общности вытекает и принципиальное равенство монахов. Как

⁴³ См. *H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur im byzantinischen Reich*. München, 1959, S. 127. Вместе с тем ряд исследователей подчеркивают сохранение обеих форм ранневизантийского монастырского устройства — киновий и анахоретства (см., например, *J. Hussey. Byzantine Monasticism...*, p. 58; *R. Janin. Le monachisme byzantin...*, p. 31).

⁴⁴ *И. Соколов* («Состояние монашества...», стр. 339 и сл.) полагает, что идиоритм существовал на протяжении всей истории Византии и, в частности, в XI—XII вв. Однако в это время *ιδιорρυθμικος* было бранным выражением (см., например, ММ, VI, 77.13—17). О времени возникновения идиоритма см. *Ph. Meyer. Die Hauptkunden...*, S. 2. Ср. еще: *P. Dumont. Vie cénobitique ou vie hésychaste dans quelques «typica» byzantines.* — «L'Église et les Églises», II. Chevetogne, 1955; *H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur...*, S. 127 f.

⁴⁵ Евергетидский устав. — *А. Дмитриевский. Описание...*, I, 636.28—31. Ср. устав Нила Тамасийского. — ММ, V, 425.19—21.

⁴⁶ *L. Petit. Le monastère de Notre-Dame...*, p. 73.6—8. Формулировка Иоанна Злагоуста — PG, t. 48, col. 749, 29.

⁴⁷ Например, в уставе монастыря Илиу Вомон. — *А. Дмитриевский. Описание...*, I, 730.9. Ср. там же, стр. 748.26.

⁴⁸ Например, в уставе Пандократора. — Там же, стр. 664.15—16.

⁴⁹ Там же, стр. 642.24.

⁵⁰ Евергетидский устав. — Там же, стр. 641.10—11.

⁵¹ Там же, стр. 672.24—27.

формулирует устав Илиу Вомон, ни возраст, ни знание, ни деятельность, ни благородство, ни размер вклада не дают в монастыре предпочтения⁵².

С принципом общности тесно переплетается идея нестяжательства. Монахам надлежало подвизаться в нестяжательстве (*ἀκτῆσία*), которое распространялось не только на деньги, но и на пропитание⁵³. У братьев не могло быть ни своих животных в кельях, ни сосуда с водой (Васил., р. 38.23—25, 31) — ничего, кроме необходимой одежды (Устав Христудула. — ММ, VI, 75. 24—25).

Законодательство Юстиниана предписывало в монастырях-киновиях устраивать обще спальные, и этим же принципом руководствовался в начале IX в. Феодор Студит⁵⁴. В монастырях XI—XII вв. общие дормитории были редкостью: так, в женском монастыре богородицы Благодатной монахиням предписывалось ночевать всем вместе, в одном помещении (ММ, V, 337.29) — обычно же иноки жили в кельях, чаще всего по двое⁵⁵. Тем не менее вся их жизнь была подчинена публичности распорядка, и автор Евергетидского устава проявляет беспокойство, чтобы монахи не погружались в кельях в рассеянность и легкомыслие, забывая о подлинных благах⁵⁶. Кельи подлежали неусыпному контролю: на них запрещалось навешивать замки, ибо у монаха не могло быть тайн⁵⁷. Евергетидский устав требует ежемесячного осмотра келий (в не-ожиданное время) с тем, чтобы изымать у монахов «излишки» и передавать их в монастырскую ризницу⁵⁸. Устав Нила Тамасийского предлагает настоятелю и избранным им лицам наведываться в кельи братьев с целью обыска (*ἀναφλασῶν*), проверяя, не занимаются ли монахи «рукodelием» без ведома игумена; все найденное следовало сжигать или раздавать бедным (ММ, V, 422.27—32).

Выражение монастырского единства — беспрекословное повиновение игумену. Монах следует принципу ученичества, а не учительства, заявляет Вальсамон (PG, t. 138, col. 960B). Симеон же Богослов прямо воспрещает монаху идти против предстоятеля; даже если тот кажется развратником и пьяницей, дурно управляющим делами, даже если он обрекает монаха на кары и позор (Catéchèses, t. 2, p. 276.132—137). Исповедь перед игуменом, обнажение своих грехов, рассматриваются как важнейшее условие спасения: кто не исповедуется, не допускается к причастию⁵⁹; такого следует отсекают, как гниющий член (устав Нила Тамасийского. — ММ, V, 405.4—8). Как правило, исповедник — игумен монастыря⁶⁰ или лицо, облеченное доверием игумена⁶¹. Евергетидский устав строжайше запрещает монаху менять исповедника⁶²; впрочем, Симеон Богослов придерживался иного принципа и разрешал переход к другому духовному отцу, «если святой дух направит тебя» (Catéchèses, t. 2, p. 334.54—55).

⁵² А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 758.4—6.

⁵³ Устав Илиу Вомон. — А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 738.18—20; устав монастыря богородицы Благодатной. — ММ, V, 366.10—12.

⁵⁴ E. Hertan. Die Regelung der Armut in den byzantinischen Klöstern. — Or. Chr. Per., 7, 1941, S. 428 f.

⁵⁵ L. Petit. Typicon du monastère de la Kosmosotira près d'Aenos. — ИРАИК, XIII, 1908 (далее: Косм.), стр. 45.21—22. L. Petit. Le monastère de Notre-Dame. . . , p. 73.14—15. См. R. Janin. Le monachisme byzantin. . . , p. 32.

⁵⁶ А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 618.18—21.

⁵⁷ Устав монастыря Предтечи тоу Фовероу. — А. И. Пападопуло-Керамевс. Notes. . . , p. 58.19—22.

⁵⁸ А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 643.4—6.

⁵⁹ Евергетидский устав. — А. Дмитриевский. Описание. . . , I, 623.7—9.

⁶⁰ См. R. Janin. Le monachisme byzantin. . . , p. 24.

⁶¹ Устав Нила Тамасийского. — ММ, V, 405.27; 406.5—7.

⁶² А. Дмитриевский. Описание. . . , I, 636.32—33; 637.3—4.

Внешним выражением монашеской дисциплины было строгое соблюдение «порядка» (εὐταξία), благочинности поведения; важнейшая обязанность — доксология, публичное восславление бога в монастырском храме, в соответствии со строго установленными нормами, которые регламентировались типиконом. День монаха начинался с утрени, с коллективного богослужения, и завершался вечерней — опять-таки коллективным богослужением. Участие в общей доксологии дополнялось индивидуальной молитвой в келье.

Поведение монаха во время богослужения подчинено было определенным правилам: Симеон Богослов требует постоянного напряжения во время молитвы — не прислоняться к стенам или колоннам, не переваливаться с ноги на ногу, но крепко соединить руки, ровно и твердо поставить ноги и прямо держать голову (Catéchèses, t. 3, p. 72.28—31).

Еще более детально регламентируется поведение братии в столовой. После утрени монахи монастыря богородицы Благодатной собирались в нарфике и по удару била, возглавляемые экклесиархисой, входили в трапезную, отвечивали игуменье поклон, с пением псалма тихо подходили к столу и благопристойно рассаживались по своим местам⁶³. Вкушать пищу следовало без шума и болтовни: только игумен мог говорить, остальные лишь отвечали на его вопросы⁶⁴; ничего нельзя было брать без разрешения игумена⁶⁵. Специальное должностное лицо — трапедзарий — наблюдало за тишиной и порядком во время еды⁶⁶.

Монашеское единство поддерживалось и благодаря принципу замкнутости: монастырь отделял себя от внешнего мира, возбраняя посторонним доступ внутрь монастырских стен, и в свою очередь ограничивал выход монахов вовне⁶⁷; так, устав Пандократора запрещал братьям почевать вне обители⁶⁸, а устав монастыря Предтечи тоб Фовероб вообще рекомендовал монахам не общаться со случайными людьми⁶⁹.

Поступления в монастырь — замкнутый союз — носило определенную форму — пострижения⁷⁰, облачения в особые одежды: рясу и куколь (капюшон)⁷¹, принятия нового имени.

Препятствия к пострижению были весьма незначительны: возраст — несовершеннолетних не постригали⁷² — был преходящим фактором, к тому же детей, особенно сирот, принимали на монастырскую службу, чтобы они после 18 лет становились монахами (см. ниже, стр. 61); при наличии семьи согласие супруга было необходимо, причем идеальным считался уход мужа и жены в монастырь⁷³; до какой-то степени мешало

⁶³ ММ, V, 361.3—9. Ср. Евергетидский устав. — А. Дмитриевский. Описание. . . , I, 624.26—31.

⁶⁴ Там же, стр. 625.5—9. Ср. устав Илчу Вомон. — Там же, стр. 733.7—11.

⁶⁵ Евергетидский устав. — Там же, стр. 625.35—626.4; устав монастыря богородицы Благодатной. — ММ, V, 362.1—5. Ср. также *Symeon*. Catéchèses, t. 3, p. 80. 130—140.

⁶⁶ Евергетидский устав. — А. Дмитриевский. Описание. . . , I, 625.9—12; устав монастыря Предтечи тоб Фовероб. — А. И. Пападопуло-Керемевс. Noctes. . . , стр. 39.3—5.

⁶⁷ См. И. Соколов. Состояние монашества. . . , стр. 327—331.

⁶⁸ А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 673.11—14.

⁶⁹ А. И. Пападопуло-Керемевс. Noctes. . . , стр. 43. 2—5. Со ссылкой на Василия Каппадокийского — PG, t. 31, col. 1360 D.

⁷⁰ См. А. Alivisatos. 'Η κοινὴ τῶν κληρικῶν καὶ μοναχῶν κατὰ τὸ κανονικὸν δίκαιον τῆς ὁρθοδόξου ἐκκλησίας. — ЕЕВБ, 23, 1953, сел. 236.

⁷¹ О монашеском одевании см. Ph. Koukoulès. Vie et civilisation byzantines, t. VI. Athènes, 1957, p. 102—103. Ср. И. Гошев. Облекло на старобългарските монаси. — «Изв. на народния етнографски музей в София», X—XI, 1932, стр. 49—65.

⁷² Согласно правилу 40-го Трулльского собора — только с 10 лет. См. W. Nissen. Regelung des Klosterwesens im Rhomäerreiche. . . , S. 21.

⁷³ Ср. И. Соколов. Состояние монашества, стр. 334. X. Г. Бек, ссылаясь на Nov. СХХIII, 40, утверждает, что пребывание в браке не служило препятствием для ухода в монастырь (H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur. . . , S. 130).

постригу и оскончение — во всяком случае евнухов принимали не во все монастыри, особенно строгие препоны чинили им афонские уставы ⁷⁴. Что касается социального фактора, то рабское состояние продолжало служить препятствием — требовалось согласие господина или, по крайней мере, трехлетняя давность ⁷⁵. Впрочем, на практике монастыри подчас отказывали рабам в приеме ⁷⁶. Введенное при Маврикий запрещение постригать обязанных воинской службе ⁷⁷, по-видимому, не имело силы в XI—XII вв.

Пострижению предшествовал срок новициата — в принципе трехлетний ⁷⁸, который, однако, можно было сократить до 6 месяцев (ММ, V, 355.9—13). Люди знатные (*περιφαυεῖς*) и известные монахам постригались в пределах 6 месяцев ⁷⁹, тогда как случайные и неизвестные через 7 дней после заявления надевали одежду послушника и в течение трех лет служили монастырю с полным смирением, после чего получали «ангельскую схиму» и монашескую мантию ⁸⁰. Послушнический срок, однако, не был в полном смысле слова испытательным сроком — Вальсамон категорически возражает против попыток подвергать послушника испытанию и возвращать его в мир, коль скоро тот будет сочтен непригодным. Нехорошо, заявляет он, если тот, кто ныне проходит по улице в рясе, завтра облачится в шелк. Нельзя позволить монаху через три года вернуться в свет, из монастыря только один путь в свет — изгнание за недостойное поведение (PG, t. 138, col. 1361 B—1369 C). Евергетидский устав говорит о праве настоятеля (после 6 месяцев?) решать, постригать послушника или нет ⁸¹ — однако неясно, идет ли речь о возвращении в мир (вразрез предписаниям Вальсамона) или о продлении срока послушничества.

Особое внимание уставы уделяют приему чужепостриженников, т. е. монахов другого монастыря. В теории действовал принцип *stabilitas loci* — переход из монастыря в монастырь осуждался ⁸². Некоторые монастыри отказывались принимать монахов, постриженных в другом месте ⁸³, или ограничивали их права: так, устав Нила Тамасийского запрещал чужепостриженнику становиться игуменом (ММ, V, 427. 10—12) ⁸⁴. Во всяком случае от чужепостриженника требовали согласия

⁷⁴ И. Соколов. Состояние монашества. . . , стр. 331—333; R. Janin. Le monachisme byzantin. . . , p. 22.

⁷⁵ X новелла Льва VI. См. P. Noailles, A. Dain. Les nouvelles. . . , p. 45.14—20. Ср. Вальсамон. — PG, t. 138, col. 1293 D.

⁷⁶ Такой случай описан Пселлом: раб хочет поступить в монастырь с разрешения господина — и все-таки монастырь отказывает ему (*Michaelis Pselli Scripta minora*, vol. II. Milano, 1941, p. 190.16—19).

⁷⁷ F. Dölger. Regesten, I, № 110.

⁷⁸ Трехлетний срок установлен Юстинианом (Nov. V, 2; CXXIII, 25). Об этом сроке в XI в. говорил Иоанн Антиохийский (PG, t. 132, col. 1141 A), в XII в. — Вальсамон (PG, t. 138, col. 1361 BC).

⁷⁹ См. устав Илиу Вомон. — А. Дмитриевский. Описание. . . , I, 739.7—9; устав Нила Тамасийского. — ММ, V, 406.21—23. Ср. еще: Вальсамон. — PG, t. 138, col. 1377 B.

⁸⁰ Устав Нила Тамасийского. — ММ, V, 406.24—30. В уставе Илиу Вомон предусматривается двухлетний срок новициата. — А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 739.10—15. См. еще: R. Janin. Le monachisme byzantin. . . , p. 23.

⁸¹ А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 648.20—23.

⁸² О *stabilitas loci* см. H. G. Beck. Kirche. . . , S. 135. Осуждение монашеских переходов см., например, в уставе монастыря *τῶν Φοβερῶν*. — А. И. Пападопуло-Керамеес. *Noces*. . . , стр. 15.9—12.

⁸³ См. И. Соколов. Состояние монашества. . . , стр. 336. Он ссылается на устав монастыря богородицы Благодатной (ММ, V, 367.25—29).

⁸⁴ Ср. также устав монастыря в Арее. — ММ, V, 186.33—34. Напротив, устав Илиу Вомон разрешал иноку из чужой обители занимать игуменский пост (см. А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 721.3—7). И. Соколов, ссылаясь на *Leunclavius. Jus grasso-romanum*, III, 222, утверждает, что патриарх Лука Хрисоверг дал подобное разрешение в общем виде (И. Соколов. Состояние монашества. . . , стр. 387 и сл.), однако в «Регестах» В. Грюмели такое постановление не значится.

его игумена ⁸⁵, а устав Пандократора предусматривал тщательное расследование, откуда пришел монах и имеет ли он разрешение настоятеля ⁸⁶.

В принципе пострижение было пожизненным, и VIII новелла Льва VI запрещала монахам возвращение в мир ⁸⁷, а Вальсамон, как было отмечено, допускал лишь одну причину оставления монашества — изгнание за недостойное поведение. Впрочем, иногда расстрижение совершалось официально, и бывшему монаху возвращали его имущество и жену (Theoph. Cont., p. 419.19).

Итак, монастырь мыслится как замкнутая корпорация, как идеальная община, основанная на принципах нестяжательства и равенства. Такова его основная общественная функция «дубликата», идеального восполнения отчужденного, индивидуалистического, на внутрисемейных связях основанного византийского социального порядка. Однако монастырь — не только ἀγγελική πολιτεία, не только корпоративный идеал, но и реально существующее учреждение. И как таковое он принадлежит византийской действительности и является отрицанием собственных теоретических принципов.

Вопреки принципу нестяжательства, византийский монах мог иметь личное имущество. Монахи-келлиоты, жившие обособленными «семьями», разумеется, не могли не обладать в том или ином объеме вещными правами ⁸⁸. Более сложен вопрос о личном имуществе в киновиях. По-видимому, до Юстиниана (и даже в раннем законодательстве этого императора) за иноками признавалось право распоряжаться имуществом, но в Юстиниановых новеллах монашескому идеалу нестяжательства была придана сила закона ⁸⁹. Как принцип, Юстиниановы нормы, установившие, что все имущество постригшегося (после выделения законной доли детям) должно принадлежать монастырю, были восприняты каноническим правом ⁹⁰. Однако известная брешь в этих представлениях была пробита V новеллой Льва VI, допустившей право монаха распоряжаться по завещанию как имуществом, приобретенным до пострижения, так и позднейшими приобретениями ⁹¹.

Э. Герман полагает, что монахи действительно могли составлять завещание не только в момент пострижения ⁹², но и после длительного пребывания в монастыре ⁹³. Впрочем, все приводимые им примеры относятся к XIII—XIV вв., кроме завещания монаха Геронтия от 1192 г. (MM, IV, 204—203). Что же касается этого завещания, то оно носит особый характер: Геронтий не простой монах, а ктитор монастыря Марины в Милах, и основная часть завещания — передача и закрепление прав на имущество за монастырем Марины и за сыном Геронтия монахом Матфеем; лишь несколько деревьев в новом саду завещатель передает своей сестре Каллинике, которая много потрудилась на благо монастыря.

⁸⁵ W. Nissen. Die Regelung. . . , S. 23. В XII в. этот принцип принимал Вальсамон. — PG, t. 138, col. 972 C.

⁸⁶ А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 670.33—36.

⁸⁷ P. Noailles, A. Dain. Les nouvelles. . . , p. 39 sq. См. об этом: B. Granić. Das Klosterwesen in der Novellengesetzgebung Kaiser Leons des Weisen. — BZ, 31, 1931, S. 66.

⁸⁸ E. Herman. Die Regelung der Armut. . . , S. 453 f.

⁸⁹ См. B. Granić. Die privatrechtliche Stellung der griechischen Mönche im V. und VI. Jh. — BZ, 30, 1929—30.

⁹⁰ E. Herman. Die Regelung der Armut. . . , S. 414, 424 f.

⁹¹ P. Noailles, A. Dain. Les nouvelles. . . , p. 29 sq. Ср. И. Соколова. Состояние монашества. . . , стр. 333 и сл.; B. Granić. Das Klosterwesen. . . , S. 67 f.

⁹² Примером завещаний, составленных в момент пострижения, могут служить тестаменты куропалата Симватия (в монашестве Саввы) Бакуриани и его вдовы Кали (в монашестве Марии). Они изданы с болгарским переводом: Г. Цанкова-Петкова. За аграрните отношения в средновековна България. XI—XIII в. София, 1964, стр. 174—192.

⁹³ E. Herman. Die Regelung der Armut. . . , S. 436 f. Ср. еще: A. Steinwenter. Byzantinische Mönchstestamente. — «Aegyptus», 12, 1932, S. 60.

Следовательно, Геронтий действует не как монах и сочлен обители, но как представитель монастыря или, скорее, как ктитор — его собственник. Завещание 1192 г. не служит подтверждением повеллы Льва VI — остальные же завещания, как уже сказано, выходят за избранные нами хронологические рамки.

Сатирики и моралисты XI—XII вв. свидетельствуют о частном владении отдельных монахов. Так, Евстафий Солунский, активный сторонник нестяжательства, с возмущением писал об обогащении иноков, марающих своим поведением высокий идеал (*Opuscula*, p. 229.41—47), и в соответствии с принципами Юстинианова права требовал, чтобы все приобретенное монахом поступало в общую собственность обители (*Opuscula*, p. 229.74—75).

И в агиографической литературе мы обнаруживаем рассказы о монахах, обладавших собственными деньгами или вещами. Житие Лазаря Галесийского повествует о борьбе святого против этого нарушения монашеского идеала⁹⁴. Житие Симеона Богослова передает еще более любопытный эпизод. Влиятельные враги Симеона, этого активнейшего проповедника монашеского нестяжания, подозревали, что он скопил золотые клады; по распоряжению высшей церковной администрации был наряжен обыск в его келье — агиограф высмеивает эту попытку, но походя бросает обмолвку: кое-какое личное имущество у Симеона скопилось — книги, одежда и «другие вещи» (Житие, § 97.13—24).

Э. Герман ставит вопрос, каким образом монах мог распоряжаться имуществом, если оно оставалось значительным, и приходит к выводу, что он сохранил за собой лишь собственность, тогда как право пользования передавалось другому лицу или даже монастырю⁹⁵. В действительности же монахи реально распоряжались имуществом.

Некоторые акты XI в. говорят об особой форме монашеской собственности — владении на срок жизни. Монаху монастыря Галеагра Феодору его дядя, игумен монастыря Евстратий, выделил из монастырских владений поле на срок жизни. Когда обрабатывать поле Феодору стало не под силу, он вернул его монастырю и сам возвратился в монастырь, чтобы вместе со всеми братьями нести ту службу, какую укажет игумен; что же касается поля, то оно должно было быть у монастыря в прежней собственности⁹⁶. Монах Петр получил от игумена монастыря Кацари клочок земли, где разбил виноградник и маленький сад; он должен был владеть этой землей до конца жизни и сохранил свои права даже после того, как верховная собственность на его угодья перешла к обители св. Трифона⁹⁷. Таким образом, в условной собственности монахов могла находиться даже недвижимость.

Наличие у монахов имущества и права передавать часть его родным создавало для монастырей постоянную угрозу утечки собственности. Вопреки монашескому идеалу, инок не порывал сплошь и рядом со своей семьей и жертвовал интересами монастыря во имя прежних семейных связей. Симеон Богослов запрещал монахам подкармливать монастырским хлебом братьев и друзей (*Catéchèses*, t. 1, p. 286.72—75); своего преемника он наставлял не раздавать имущество обители родне⁹⁸. Точно

⁹⁴ AASS, Nov. III, 536, 552, 566. См. анализ этих мест: *E. Herman*. Die Regelung der Armut. . . , S. 431—433.

⁹⁵ *E. Herman*. Die Regelung der Armut. . . , S. 438.

⁹⁶ *L. Petit*, *W. Regel*. Actes d'Esphigménou. — BB, XII, 1906. Приложение, № 2. 15—25. Грамота 1051 г.

⁹⁷ Акты Русского на св. Афоне монастыря. Киев, 1873, стр. 12.4—9. Грамота 1034 г.

⁹⁸ Житие Симеона, § 62.21—22. Любопытно, что на полях рукописи жития (Paris, 1610, XIV в.) специально оговорено право игумена кормить своих родителей, если они голодают (*I. Hausherr*. Un grand mystique. . . , p. 84, n. 26).

так же и уставы постоянно воспевают игуменам благодетельствовать родственников за монастырский счет⁹⁹. Устав Бачковского монастыря запрещал выбирать игуменом человека, имеющего многочисленную семью, дабы он не ставил своих родных на монастырские службы (Васир., р. 52.15—19). Но даже в уставах делались уступки, и монахам разрешалось поддерживать связи с семьей: хотя у них, рассуждает автор устава богородицы Благодатной, нет на земле никакой семьи, все же приходится идти навстречу человеческой слабости и допускать, чтобы монахини принимали у себя мать, сестру, невестку или племянницу, а к родственникам-мужчинам выходили за монастырские ворота¹⁰⁰. Более того, Бачковский устав прямо дарует родне ктитора преимущественные права при поступлении в монастырь (Васир., р. 124.2—4).

Не было среди братии и идеального равенства — напротив, в византийских монастырях существовали разнообразные градации и соответствующие им формы подчинения¹⁰¹. Согласно Евергетидскому уставу, недавно постригшиеся повинуются тем, кто давно стал монахом, невежественные — разумным, простецы — опытным, молодые — старым¹⁰². Обычным было деление на тех, кто посвящает себя молитве, и на *ὑποουροῦντες*, выполняющие соответствующую службу (*δουλεία*) для поддержания благолепия храма и всего уклада монастыря (Косм., стр. 60.7—10): в монастыре Спасительницы мира на 50 монахов, служащих богу, приходились 24 прислужника (Косм., стр. 21.2—5); в столичном монастыре Пандократора на 50 занятых в богослужении — 30 занятых обслуживанием¹⁰³.

Грань в этом случае проходит между монахами, участвующими в богослужении, и монахами, выполняющими административно-хозяйственные функции. К числу «дулецов» устав Пандократора относит не только хлебопеков, садовников и поваров, но также должностных лиц — помощников экклесиарха, помощников эконома и т. п.¹⁰⁴ Евергетидский устав включает в число «диаконов» настоятеля, эконома, экклесиарха и всю должностную верхушку обители (*λοιπῶν προκρίτων διακονητῶν*)¹⁰⁵, а вместе с тем келарей, хлебопеков, поваров, надзирателей за мулами, управителей метохов, надзирателей за монастырскими владениями, представителей монастыря в столице¹⁰⁶.

По-иному разделяет братию Симеон Богослов; его градации зиждятся не на противопоставлении богослужбных и административно-хозяйственных функций, а исключительно на месте монаха в административно-хозяйственной жизни. Симеон выделяет игуменов, должностных лиц (*οἱ ἐν διακονίαις*) и тех, кто находится в подчинении и занят ручным трудом, или, как он выражается, «низшим и вместе с тем предпочтительным служением» (*Catéchèses*, t. 1, р. 448.828—833).

В византийских монастырях существовал и иной принцип разграничения иноков — по степени совершенства монаха в его духовном служении. Уже во времена Феодора Студита сложилось деление на иноков малой схимы и великосхимников; Феодор осуждал это деление,

⁹⁹ Например, Евергетидский устав. — А. Дмитриевский. Описание... I, стр. 639. 2—3; устав Нила Тамасийского. — ММ, V, 426.28—29.

¹⁰⁰ ММ, V, 346.33—347.13. Ср. Косм., стр. 45.13—20.

¹⁰¹ В конфессиональной литературе, напротив, господствует представление о реальном равенстве и отсутствии разрядов в византийском монастыре. См., например, С. Pujol. Il monachesimo bizantino? nella legislazione del Mp. «Postquam apostolicis litteris». — Il monachesimo orientale. Roma, 1958, р. 63.

¹⁰² А. Дмитриевский. Описание... I, 642.5—6.

¹⁰³ Там же, I, 671.17—20.

¹⁰⁴ Там же, I, 671.24—26. Термин «дулевец» в том же значении см. там же, стр. 671. 31—32, 679.30, 681.37. 685.14 и 21.

¹⁰⁵ Там же, стр. 640.1—2.

¹⁰⁶ Там же, стр. 645.9—11.

бывшее в ту пору, видимо, нововведением¹⁰⁷. Позднее появилась категория рясофоров, т. е. послушников, имеющих право носить монашеское одеяние; Вальсамон считает их, как мы видели, настоящими монахами, не имеющими права вернуться в мир¹⁰⁸.

Нижшую категорию в монастыре составляли дети и юноши, готовящиеся стать монахами. Устав Христодула говорит о *καιδία*, с малолетства воспитываемых при обители: если они хорошо служат, их принимают в ряды братии (ММ, VI, 83.10—12). Некоторые уставы не допускают юношей до 18 лет в монастырь, разрешая им жить в монастырских проастиях и служить братии, покуда не вырастет борода¹⁰⁹.

Эти юноши, работающие в монастырских проастиях, внешне напоминают цистерцианских конверзов, однако здесь есть и коренное различие: конверзы, хотя и объявлялись членами общины, никогда не могли стать полноправными монахами — орден тщательно сохранял свою аристократическую структуру; напротив, состояние византийских *καιδία* было временным, и по достижении определенного возраста они получали возможность сделаться иноками.

Общественные градации закреплялись в ритуале, например в особой форме приветствия. Монахи равного положения приветствовали друг друга особым движением пальцев, изображая крест¹¹⁰; послушники же склоняли перед монахами голову в знак повиновения и смирения, а монахи осеяли их знаком креста и возлагали руки на склоненную голову¹¹¹. За столом в трапезной строго блюлось местничество: на первых местах сидели эконоом и экклесиарх, за ними — священники по степеням, диаконы (по возрасту и чести) и, наконец, остальные — по указанию игумена¹¹². Даже на кладбищах выделялись, согласно уставу монастыря богородицы Благодатной, особые ряды (*σταταρία*) для игумений, для великосхимниц и для рядовых монахинь и прислужниц (ММ, V, 373. 17—19).

Монастырские градации были связаны не только с честью и общественным лицом монаха, но и с определенными материальными привилегиями. Игумену монастыря Пандократора, например, полагались специально испеченный хлеб первого сорта, лучшее вино и опсоний из кладовой¹¹³. Руга игумена в монастыре Атталиата исчислялась в 12 номисм, диаконы получали 8, священники — 7, рядовая братия — 6. Соответственно этому при выдачах хлеба, вина, приварка и денег на покупку оливкового масла (ММ, V, 315.34—316.6) игумен получал больше остальных. В Бачковском монастыре игумену на приобретение одежды выдавали ежегодно 36 трахей, избранным монахам, т. е. священникам, эпитропам, экклесиарху, скевофилаку, образовавшим первый разряд, — 20, монахам второго разряда — 10 трахей (Васир., р. 70.11—20). Согласно Продрому, привилегированный инок носил рясу из козьей шерсти и шелка (*αἰγιοπέταξα*), а простой — из холстины (*σαχολέβαν*)¹¹⁴. Византийский

¹⁰⁷ См. P. de Meester. Le rasphorat dans le monachisme byzantin. — «Сборник в память на П. Никова». София, 1940, стр. 323 и сл.

¹⁰⁸ Ibid., р. 325—330. Н. Красносельцев (Рецензия на кн.: И. Соколов. Состояние монашества. . . — ВВ, II, 1895, стр. 212), ссылаясь на схиматологию, выделял, помимо рясофоров, категорию новоначальных иноков, т. е. послушников в полном смысле слова.

¹⁰⁹ L. Petit. Le monastère de Notre-Dame. . . , р. 89. 29—32; А. П. Панадопуло-Керамевс. Noctes. . . , р. 77. 18—23.

¹¹⁰ Nicetas Stéthatos. Opuscles et lettres. Paris, 1961, р. 496, cap. 7.5—6.

¹¹¹ Ibid., cap. 8.6—11.

¹¹² См., например, устав Илиу Вомон. — А. Дмитриевский. Описание. . . , I, 751.1—9; устав Нила Тамасийского. — ММ, V, 409.21—25.

¹¹³ А. Дмитриевский. Описание. . . , I, 675.20—22.

¹¹⁴ D. C. Hesselring, H. Pernot. Poèmes prodromiques en grec vulgaire. Amsterdam, 1910, р. 52.77. Об этих терминах см. комментарий — ibid., р. 113, 237.

сатирик высмеивает роскошь быта игуменов, противопоставляя их образ жизни бедности рядовых монахов¹¹⁵.

Помимо подобных — специфически монастырских — градаций, в монастырях сохранялось социальное членение, унаследованное от «мира». Хотя некоторые уставы прямо запрещают монахам иметь рабов (устав Нила Тамасийского. — ММ, V, 414.28) или слуг (δπουρροί)¹¹⁶, однако на практике это запрещение соблюдалось далеко не последовательно. В монастыре Христула, помимо мистиев, были молодые δπουρροί, которым, между прочим, запрещалось сидеть в трапезной и пить вино (ММ, VI, 86.26—27). У монахов Студия были ипурги: согласно уставу Атталиата, после смерти монаха-студита его ипург может 40 дней жить в доме призерения, построенном Атталиатом (ММ, V, 320.7—9). Устав монастыря Илиу Вомон прямо следует принципам Евергетидского монастыря: монахи не должны иметь ни ипургов, ни рабов, но каждый сам обязан служить себе и другим¹¹⁷; тем не менее устав предусматривает случай, когда в монастырь поступает человек высокого общественного статуса, привыкший к изнеженной жизни: этому барину игумен может разрешить иметь ипурга-монаха, особенно если вельможный инок приносит обители пользу благодаря своему положению или щедрым вкладам¹¹⁸.

Итак, если на одном полюсе кинувий оказывались монахи-ипурги, то на другом располагалась светская знать, не отрезкаясь и после пострижения от своих аристократических привычек.

Симеон Богослов знает, что монахи из числа богатых и вельможных часто не склонны к смирению (Catéchèses, t. 1, p. 450.847—849), что они нарушают монастырскую дисциплину, устраивая братии угощения (Catéchèses, t. 1, p. 336.269—271). Типиконы тем не менее мирятся с этим. Устав Пандократора предписывает всей братии одинаковый образ жизни и тут же оговаривается: если какой-нибудь человек необходим монастырю, он удостоивается привилегий, причем игумену предлагается следить, чтобы уход за ним соответствовал приносимой им пользе¹¹⁹. Так, монах Константин Пафнутий, сделавший в 1197 г. вклад монастырю Иоанна Богослова на Патмосе, должен был получать одежду и содержание, монастырь выделял ему прислужника и обязывался не обременять его работой (ММ, VI, 134 sq.). Устав монастыря богородицы Благодатной предусматривает пострижение внучек Ирины Дукены — дочерей Анны Комниной или Марии. Поскольку они привыкли к изнеженному образу жизни и не могут перенести монастырской скудости — формулы устава почти буквально совпадают с упомянутой формулой устава Илиу Вомон, — их участие в делах кинувий ограничивается исповедью перед духовным отцом. И песнопения монашка-аристократка совершает одна, и живет в отдельной келье, где ей прислуживают две женщины, свободные или рабыни (ММ, V, 336.1—12). Если в этом монастыре пострижется какая-нибудь другая вельможная дама, ей разрешается иметь одну служанку (ММ, V, 336.27—35).

Поскольку богатство и знатность постригающегося в монахи оказывали — вопреки общим декларациям — определенное влияние на его статус в монастыре, вопрос о вкладе приобретал значительную остроту. В принципе вклады не возбранялись. Устав Нила Тамасийского, к примеру, тщательно описывает процедуру передачи вклада: если пострига-

¹¹⁵ См. E. Jeanselme, L. Oeconomus. La satire contre les hégoumènes. — Byz., I, 1924, p. 324.

¹¹⁶ Евергетидский устав. — А. Дмитриевский. Описание... I, 641.28. За ним следует устав монастыря Предтечи τού Φοβερού. — А. И. Пападопуло-Керамевс. Notes... p. 58.7.

¹¹⁷ А. Дмитриевский. Описание... I, 749.16—17.

¹¹⁸ Там же, стр. 742.31—743.9.

¹¹⁹ Там же, стр. 671.4—9.

мый передает монастырю движимость, он должен войти в алтарь и возложить ее своими руками на священный престол; если же он дарит недвижимое, то кладет на престол дарственную грамоту (ММ, V, 407.8—14). Однако уставы специально подчеркивают, что вклад не дает преимущества перед другими братьями¹²⁰.

Правда, в свете только что изложенного можно усомниться в действительности этого принципа. Материальная выгода от пострижения явно учитывалась монастырями — недаром Вальсамон выступал против симонии и протестовал против практики пострижения за деньги (PG, t. 137, col. 981B). Чтобы преодолеть противоречие теории и действительности, монашество вырабатывает в XII в. дефиницию между двумя типами вкладов. Устав Нила Тамасийского четко разграничивает «дурной» и заслуживающий осуждения вклад — ἀποταγή или προσένηςις — и благочестивое дарение (δῶρον), милостыню (ἐλεημοσύνης ἐπίδοσις) или посвящение (ἀνάθημα) (ММ, V, 407.18—19).

Впрочем, термины ἀποταγή и προσένηςις далеко не всегда употреблялись с оттенком осуждения. Христовул в XI в. охотно принимал от жителей острова Кос προσένηςις — движимое и недвижимое имущество (ММ, VI, 63.21—23). Симеон Богослов без всякого осуждения говорит о монахах, приносящих в монастырь большие ἀποταγαί и все свое имущество¹²¹. Устав Бакуриани не употребляет этих терминов: он пользуется описательным выражением, разрешая принимать те дары (δῶρα), которые не несут вреда монастырю (Васир., р. 110, 10—12).

Негативный оттенок придан термину ἀποταγή в новелле Алексея I¹²² и соответственно в докладной записке 1096 г., где харистикарии обвиняются во взимании больших ἀποταγαί¹²³. По-видимому, в это время складывается то техническое значение термина, которое раскрыто в уставе Нила Тамасийского, — вклад на определенных условиях (ММ, V, 407.20—22). Разрешая безусловные вклады, типиконы XII в. запрещают ἀποταγή (см. устав монастыря в Арее. — ММ, V, 185.28—30), а иногда и другие виды дарений¹²⁴.

Ссылаясь на казус, описанный в Пире (XV, 15), Герман пришел к выводу, что ἀποταγή было взносом, за который монастырь предоставлял вкладчику право на жилище и пропитание — ситиресий¹²⁵. Действительно, институт монастырского ситиресия или аделъфата хорошо известен источникам XI—XII вв. Устав Атталиата разрешает посвящать монастырю недвижимость, если вкладчик будет получать пожизненный ситиресий (ММ, V, 313.26—28). Точно так же и Вальсамон не считал зазорным или противоречащим канонам приобретение за деньги в монастырях аделъфата, или ситиресия (PG, t. 137, col. 904B). По-видимому, аделъфата в Манганском приюте добивался Псевдо-Продром, обращаясь со стихотворными просьбами

¹²⁰ Евергетидский устав. — А. Дмитриевский. Описание..., I, стр. 649. 5—6; устав Нила Тамасийского. — ММ, V, 407.22—24.

¹²¹ Syméon. Catéchèses, t. 2, 270.43—44. О термине ἀποταγή в источниках X—XI вв. см. E. Herman. Die Regelung der Armut..., S. 439 f.

¹²² См. E. Herman. Die Regelung der Armut..., S. 441 f.

¹²³ J. Darrouzès. Dossier sur le Charisticariat. — «Polychronion». München, 1966, p. 160.21—22. Против ἀποταγή выступает уже в конце X в. устав Лавры Афанасия Афонского (Ph. Meyer. Die Haupturkunden..., S. 117.28—31), но, поскольку там рекомендуется раздавать ἀποταγή беднякам (ibid., S. 119.9—10), ясно, что термин здесь не имеет того значения (вклад на определенном условии), какое он приобрел в XII в.

¹²⁴ Устав монастыря богородицы Богодатной воспрещает ἀποταγή и προσένηςις при пострижении, а также συνθήσια и траπεζιατικόν (ММ, V, 338.11—12), тогда как в некоторых случаях допускалась уплата траπεζιατικόν (застольных денег) и ψαλλις (платы за пострижение) (см. W. Nissen. Die Diataxis des Michael Attaleiates von 1077. Jena, 1894, S. 61 f.).

¹²⁵ E. Herman. Die Regelung der Armut..., S. 443 f.

к Мануилу I¹²⁶. Напротив, устав Нила Тамасийского воспрещает продажу ситиресиев как мирянам, так и монахам, даже если это сулит обители большую выгоду (ММ, V, 428.18—22). Вклады этого типа носили особый характер, поскольку аделъфат-ситиресий получали лица, не входившие в состав монастырской общины, — миряне или эксомониты¹²⁷.

Однако, правомерно ли считать, что *ἀποταγή* приобрело тот технический смысл, который вкладывает в него Герман? Памятники XII в., говоря об установлении аделъфатов, не пользуются этим термином; Пира же была составлена в первой половине XI в., когда слово *ἀποταγή* не имело еще технического значения; ее автор пользуется им, скорее всего, как синонимом *προσένεξις* или *δῶρον*, подобно своему современнику Симеону Богослову. Кроме того, монастырские уставы постоянно связывают *ἀποταγή* с пострижением в монахи, тогда как аделъфат-ситиресий предполагает установление чисто внешних отношений между монастырем и вкладчиком.

Таким образом, общественные градации в монастыре были двойными: одни — временные и личные, связанные с возрастом и административным положением инока; они — преходящи, ибо в принципе каждый монах, если он не был чужестранцем, мог рассчитывать на путь от *παίδιον*, служащего братии в монастырском проатии, до эконома и настоятеля. Другие — унаследованные от «мира» и обусловленные богатством и социальным положением в «миру», до принятия схимы.

Соответственно монастырь не представлял собой того идеального сообщества, каким он должен был быть в соответствии с принципами *ἀγγελικῆ πολιτείας*. Уставы полны опасений перед нарушением внутреннего мира, страха перед монашескими возмущениями, столкновениями и злопаметством¹²⁸. Устав монастыря в Арее предусматривает, что монахов-бунтарей следует запереть в кельях, а если эта мера окажется безрезультатной, — изгнать из обители (ММ, V, 186.16—21). Местничество в трапезной было постоянным источником столкновений — уставы неоднократно подчеркивают, что непристойно требовать более высокое место¹²⁹. Симеон Богослов рассказывает о монахах, добивавшихся лучших мест в храме или в трапезной (Catéchèses, t. 1, p. 328.163—165). Устав богородицы Благодатной предписывает спорщицу, требующую «председания», сажать на последнее место, а если она не исправится, — изгонять из монастыря (ММ, V, 361.25—31). Требовательность игумена и нежелание монахов выполнять предписанную службу вызывали столкновения¹³⁰. Выборы нового предстоятеля проходили часто в обстановке враждебности^{130а}.

Эти тенденции, обусловленные внутренними противоречиями монастырского уклада, усугублялись в XI—XII вв. усиливавшимся обмирщением монашества.

Несмотря на ограниченные размеры, монастырь обладал довольно большим числом должностных лиц: игумен, или настоятель; эконома — руководитель хозяйственной жизни киновии; дохиар, или казначей;

¹²⁶ С. Пападимитриу. Феодора Птохопродрома Манганские стихотворения. — «Летопись истор.-филол. общества Новоросс. унив.», VII, 4, 1899, стр. 9.177—180 (термин «аделъфат» употреблен в надписании — см. там же, стр. 3).

¹²⁷ В. Ниссен (*W. Nissen. Die Diataxis. . .*, S. 62) считал эксомонитов монахами, живущими вне монастыря, Герман (*E. Herman. Die Regelung der Armut. . .*, S. 444, A. 1), ссылаясь на Иоанна Оксита (PG, t. 132, col. 1142 sq.), полагает, что это были как светские люди, так и епископы или монахи других монастырей.

¹²⁸ Евергетидский устав. — А. Дмитриевский. Описание. . . , I, 635.5.

¹²⁹ Устав Илиу Вомон. — А. Дмитриевский. Описание. . . , I, 750.22—23; устав Нила Тамасийского. — ММ, V, 409.5.

¹³⁰ *Symeon. Catéchèses, t. 1, p. 290.126—128.*

^{130а} См., например, у Симеона Богослова (Catéchèses, t. 2, p. 274.122—123; 282.207—210). Ср. еще: устав Пандократора. — А. Дмитриевский. Описание. . . , I, 673.33—34.

келарь, ведающий кладовой; экклисиарх — блюститель храма; скевофилак, ведающий церковной утварью, и ряд других¹³¹. Монастырское хозяйство было построено на принципе строгой отчетности: в Бачковском монастыре эконома два раза в год — в сентябре и на пасху — принимал отчет своих помощников и других должностных лиц, а затем сам отчитывался перед настоятелем (Васил., р. 126.1—7). Устав монастыря Илиу Вомон подробно описывает процедуру хозяйственного управления монастыря, вся братия которого исчислялась в 20 человек: деньги должны были храниться в ларце, который запечатывался и распечатывался в присутствии игумена, эконома, экклисиарха и скевофилака; когда вся коллегия выдавала дохиару деньги на ежедневные расходы, сумма тут же фиксировалась в описи расходов; дохиар же вел запись, которую дважды в неделю представлял на подпись игумену: исчерпав полученную сумму, он делал представление игумену и всей коллегии и отчитывался в расходах¹³².

Высшая власть принадлежала игумену. Его постановление — закон, подобный божественному (Васил., р. 88.1—2). В теории он несменяем до конца жизни¹³³, управляет всеми делами как владыка (*δεσποτικός*), постригает новых монахов и изгоняет бунтарей¹³⁴. Он разбирает тяжбы между монахами и назначает наказания — эпитимьи: как покаяние, так и принудительное воздержание от пищи, временное отстранение от общей доксологии и причащения, монастырский карцер¹³⁵. Физических наказаний, свойственных бенедиктинскому уставу¹³⁶, византийские игумены, по-видимому, не применяли.

Настоятель назначал всех должностных лиц (см. устав богородицы Благодатной. — ММ, V, 348.22—23) и контролировал их деятельность. В принципе он неподотчетен — братия не должна судить его, и в своих поступках он дает отчет только перед Страшным судом¹³⁷.

Впрочем, это монархическое самовластье настоятеля ограничено. Во-первых, игумен не мог преступить определенные традиции. Так, Евергетидский устав воспрещал игумену далеко уезжать из обители — он мог поехать только в близлежащие проастии, да и то без ночевки. Лишь вызов императора или патриарха служил извинением, а кроме того — вражеское нашествие¹³⁸. Во-вторых, монашеская верхушка — во всяком случае в ряде монастырей — контролировала игумена: в монастыре в Арее избранные братья (ММ, V, 187.20) пользовались большим влиянием, и настоятель не мог ничего предпринять без согласия эконома, экклисиарха и дохиара (ММ, V, 180.31—181.4); по уставу Пандократора, игумен не имел права принимать важные хозяйственные решения — например сдавать землю в аренду без ведома эконома¹³⁹. В-третьих, самовластность игумена, оказывается, имела определенные пределы.

Устав монастыря Спасительницы мира повторяет традиционное положение о том, что братия не должна судить игумена, и тут же добавляет: «если только он явно или тайно не ведет к гибели монастыря» (Косм., стр. 60.10—14). Бачковский устав предписывает игумену каждую пасху давать отчет экономам, дохиару и братии, и если его уличат в растрате,

¹³¹ См. *И. Соколов*. Состояние монашества. . . , стр. 396—408.

¹³² *А. Дмитриевский*. Описание. . . , I, 729.7—24.

¹³³ *L. Petit*. Le monastère de Notre-Dame. . . , p. 82.4.

¹³⁴ *Ibid.*, p. 82.7—12.

¹³⁵ См. *К. М. Rhallis*. Περὶ τῆς ποινῆς τῆς ἀπὸ τῆς μονῆς ἀποβολῆς. — «Πρακτικὰ τῆς Ἀκαδ. Ἀθηνῶν», 10, 1935; *H. G. Beck*. Kirche. . . , S. 134.

¹³⁶ *L. J. Daily*. Benedictine Monasticism, p. 88.

¹³⁷ Евергетидский устав. — *А. Дмитриевский*. Описание. . . , I, 638.33—35, 639.10.

¹³⁸ Там же, стр. 632.12—20.

¹³⁹ Там же, стр. 696.19—22.

он обязан вернуть деньги, а сам лишается должности (Васур., р. 126. 12—20). В другом месте снова говорится о преступлении игумена или кого-либо из «первенствующих»: если они нарушат устав и причинят вред братии, монахи, и в первую очередь славные добродетелью и знаниями старцы, обязаны единодушно воспротивиться (Васур., р. 108.4—5, 10—16). Если игумен окажется волком, а не пастырем, если он будет продавать монастырские угодья, надо попытаться воздействовать на него увещаниями, но коль скоро они не помогут, с согласия и решения общины (*xp̄isci tobъ хотъобъ*) его надо удалить из монастыря (Васур., р. 108.23—110.1).

Возможность низложения недостойного игумена предусматривается и рядом других уставов¹⁴⁰.

Таким образом, положение игумена было двойственным: теоретическое всевластие настоятеля сочеталось с ответственностью перед братией, с известным «демократизмом» административного устройства.

На Западе аббата в принципе выбирала монастырская братия: либо единогласно, либо большинством голосов, либо через коллегию выборщиков¹⁴¹. Последняя — представительная — система византийским монастырям, видимо, не была известна. Зато здесь более отчетливо обнаруживаются другие элементы: монархическое назначение преемника настоятелем, автоматическое замещение должности и «божье избрание».

В принципе назначение преемника было прерогативой игумена¹⁴². Однако прерогатива эта ограничивалась волей монахов: игумен в полной тайне от братии выдвигал трех кандидатов, чьи имена заносились в список, хранившийся в запечатанном виде в скевофилакии до смерти настоятеля; затем братии предстояло избрать одного из трех. Однако она могла преступить волю игумена и поставить на освободившийся пост лицо, не внесенное им в список; на это, однако, требовалась санкция императора¹⁴³.

Автоматизм избрания ярко выражен в Евергетидском уставе, где предусматривалось существование рядом с действительным игуменом второго настоятеля, так называемого *ἀνετος*, автоматически занимавшего пост предшественника¹⁴⁴. В монастыре Предтечи *тобъ Фозеробъ* формальным считалось избрание в игумены эконома¹⁴⁵, который таким образом выступал как потенциальный преемник настоятеля.

Однако наиболее своеобразной формой было избрание «божьим судом» — по жребию. При отсутствии единодушия устав Пандократора рекомендовал не выборы большинством голосов или создание коллегии выборщиков, а жеребьевку: после молитвы имена кандидатов заносились на три листка и неграмотный монах клал хартии на престол под священные покровы; три дня спустя другой неграмотный монах брал из-под покровов одну хартию: тот, чье имя стояло на этом листке, признавался избранным¹⁴⁶. «Божье избрание» считалось предпочтительнее единогласного выбора: поэтому по уставу монастыря богородицы Благодатной жеребьевка применялась даже в том случае, если в обители лишь одна монахиня

¹⁴⁰ Например, устав богородицы Благодатной. — ММ, V, 344.5—41; устав Илиу Вомон. — А. Дмитриевский. Описание. . ., I, 722.10—24 (в том же уставе сформулирован и противоположный принцип — неподсудности игумена: там же, стр. 756.21). См. И. Соколов. Состояние монашества. . ., стр. 394. Тринадцать пунктов, дающих основание низложить игумена, перечисляет житие Кирилла Филеота (см. E. Sargolgos. La Vie de Saint Cyrille le Philéote, moine byzantin. Bruxelles, 1964, cap. 39.10).

¹⁴¹ U. Berlier. Les élections abbatiales au moyen âge. Bruxelles, 1927, p. 5—12.

¹⁴² И. Соколов. Состояние монашества. . ., стр. 390 и сл.

¹⁴³ См. устав Пандократора. — А. Дмитриевский. Описание. . ., I, стр. 674. 25—35.

¹⁴⁴ А. Дмитриевский. Описание. . ., I, стр. 631.29—32.

¹⁴⁵ А. И. Пападопуло-Керамевс. Noctes. . ., стр. 52.9—18.

¹⁴⁶ А. Дмитриевский. Описание. . ., I, стр. 673 и сл. Тот же порядок выборов предусмотрен и в уставе Илиу Вомон. — Там же, стр. 717—720. В уставе Атталиата выбор хартии возлагался на «шевинное и незлобивое дитя» (ММ, V, 310.24).

достойна сана игуменши, — в этом случае следовало найти в другом монастыре благочестивую и способную сестру и внести ее имя в хартию для избрания (ММ, V, 342.17—23).

В некоторых монастырях право избрания игумена принадлежало не всей братии, но старейшим, *πρόκριτοι*¹⁴⁷.

XI—XII столетия были на Западе временем создания монастырских конгрегаций и орденов. К началу XII в. в клюнийскую конгрегацию входило около 200 монастырей, и хотя расцвет монашеских орденов относится к более позднему времени, уже в эти века сложились валломброзанское, картезианское, цистерцианское и ряд других объединений. Ничего подобного византийское монашество не создало: в принципе здесь существовало единое *μοναχικόν τάγμα*¹⁴⁸, а практически каждый монастырь являлся самостоятельной общиной и вместе с тем — элементом общности, всей совокупности монастырей.

Межмонастырские связи могли быть здесь либо индивидуальными, либо территориальными. Индивидуальные — это связи между двумя конкретными монастырями, основанные на видимости договора или вещного права, но не на вхождении монастырей в корпорацию-орден. Характер этих связей мог варьировать от собственности одного монастыря на другой до чисто номинальных привилегий чести. В конечном счете подчиненный монастырь мог превратиться в хозяйственную единицу, метох. Сравнительно редкий в XI—XII вв. термин «метох» употребляется в двух значениях: как сельская усадьба¹⁴⁹ или как место приюта в городе для приезжающих по делам монахов¹⁵⁰.

В других случаях подчиненный монастырь сохранял свою специфику: в 1169 г. при передаче Русскому монастырю прав на монастырь Ксилурга было оговорено, что русские монахи будут обладать собственностью со всей полнотой прав — но они не должны превращать Ксилург в усадьбу (*ἀγρός*), а пользоваться им как дочерним монастырем (*παρικοναστήριον*), где остаются монахи и эконо¹⁵¹. Система дочерних монастырей хорошо известна по уставу Пандократора; у этого монастыря было 6 зависимых монастырьков с братией от 6 до 18 человек в каждом¹⁵²; управляли ими не

¹⁴⁷ Ph. Meyer. Die Haupturkunden. . ., S. 108.13—31; 128.11—16. Ср. H. G. Beck. Kirche. . ., S. 132. О выборах игумена см. еще A. Hergès. Election et déposition des higoumènes au 12-e siècle. — EO, 3, 1899—1900, p. 40—49.

¹⁴⁸ O. Rousseau. Le rôle important du monachisme dans l'Eglise d'Orient. — «Il monachismo orientale». Roma, 1958, p. 45.

¹⁴⁹ Так, в уставе Нила Тамасийского идет речь о братье, посылаемой во время жатвы в метохи (ММ, V, 413.20—23). В уставе монастыря богородицы Милостивой этот термин приравнивается к зевгилатию — усадьбе (L. Petit. Le monastère de Notre-Dame. . ., p. 38.8—9; см. Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, стр. 162, прим. 4а).

¹⁵⁰ У монастыря Спасительницы мира в Константинополе был метох св. Стефана — для приезжающих в столицу монахов; там постоянно пребывали три инока (Косм., стр. 70.22—25, 31—32). Метох в Константинополе был у монастыря Илну Вомон (А. Дмитриевский. Описание. . ., I, стр. 717.15); метох в Мосинополе принадлежал Бачковскому монастырю (Васур., p. 26.18—19). М. М. Фрейденберг («Монастырская вотчина в Византии XI—XII вв». — Учен. зап. Велколукского педин-та», IV, 2, 1959, стр. 62 и сл.) стремится показать, что метох сохранял элементы специфически монастырских функций, ссылаясь на грамоту 1287 г., где упомянут метох Иоанна Богослова и близ (*ἐγγύς*) него расположенный храм мученицы Марины (W. Regel, E. Kurtz, V. Korablev. Actes de Philothée. — ВВ, XX, 1913. Приложение, № 4.29—35). Но храм св. Марины не принадлежал к метоху Иоанна Богослова! Другие примеры еще менее обоснованы: грамота Русского монастыря (стр. 74, а не 34, как у Фрейденберга) вообще не упоминает термина «метох», а грамота 1292 г. (W. Regel, E. Kurtz, V. Korablev. Actes de Philothée, № 5.14—25), описывая ряд метохв Филофеева монастыря, перечисляет только их хозяйственные угодья. В XIII в. термин «метох» более употребителен. См. А. П. Каждан. Аграрные отношения в Византии XIII—XIV вв. М., 1952, стр. 67 и сл.

¹⁵¹ Акты Русского. . . монастыря. . . Киев, 1873, стр. 74.16—20.

¹⁵² А. Дмитриевский. Описание. . ., I, стр. 676.16—30.

игумены, а экономы¹⁵³ (как и Ксилургом); доходы шли в первую очередь на удовлетворение своих нужд, избыток же направлялся в главный монастырь¹⁵⁴.

Монастырь мог осуществлять по отношению к другому монастырю права харистикария, т. е. условного собственника.

Но складывались и межмонастырские отношения, которые не могут быть подведены под категорию вещных прав. Известной экономической и административной властью пользовался игумен Студийского монастыря над дочерними монастырями, хотя и имевшими своих игуменов. Эта система сложилась в IX¹⁵⁵, но сохранялась, видимо, и в XI столетии: так, основанный Атталиатом монастырь был связан со Студийским, и студийскому игумену принадлежало право инвеституры (*σφραγίς*) игумена в монастыре Атталиата; при этом было оговорено, что у студитов нет ни эфории, ни какой-либо власти, но лишь инвеститура (ММ, V, 317.28—31). В доме призрения Атталиата имел право найти себе приют на 40 дней слуга умершего монаха-студита (см. выше, стр. 62).

Территориальные объединения («конфедерации») монастырей возникали в разных местах: на Вифинском Олимпе, на Латрской горе, вокруг монастыря Симвулона, основанного Мелетием, и, конечно, в первую очередь — на Афоне¹⁵⁶. Афонские монастыри обладали элементами материальной общности, напминавшей коллективную собственность сельской общины. На Афоне была общая земля (*ὁ τοῦ κοινῶς τόπος* или *ἐπίκοινος τόπος*), которую возбранялось дарить и продавать¹⁵⁷. Помимо того, монастыри обладали известными правами на чужую землю: устав Константина IX разрешал монахам брать дрова в любом месте, лес для строительства — невозбранно «на общей горе», а с ведома настоятеля и монахов — даже во владениях других монастырей¹⁵⁸. Соответственно Савва Сербский в грамоте 1193 г. подтвердил права соседей-монахов рубить лес, косить траву и собирать каштаны вблизи от основанной им лавры (Хил., № 2.53—56).

Афонские монастыри имели общее управление, возглавляемое протом. Однако власть прота была ограниченной¹⁵⁹, и влияние его, видимо, уступало влиянию главных игуменов: во всяком случае на совет он имел право являться в сопровождении 3 игургов, тогда как свита игумена лавры Афанасия состояла из 6 человек, а настоятелей Ватопеда и Ивирского монастыря сопровождали по 4 прислужника¹⁶⁰. Основные монастыри Афона были автономны и управлялись по своим уставам; при основании Сербского монастыря было определено, что он не подлежит власти прота (Хил., № 4.57—59; №5.20).

В монастырских уставах и жалованных грамотах монастырям постоянно подчеркивается их свобода и самовластность, независимость от царских, церковных или вельможных властей¹⁶¹. Эти формулы рассматриваются обычно как свидетельство реальной свободы и независимости

¹⁵³ А. Дмитриевский. Описание . . . , стр. 676.31—32.

¹⁵⁴ Там же, стр. 676.2—3.

¹⁵⁵ G. Rezāč. Le diverse forme di unione frai monasteri orientali. — «Il monachesimo orientale». Roma, 1958, p. 117—125. Автор следует в основном за старой работой: А. П. Доброклонский. Преп. Феодор, исповедник и игумен студийский. Одесса, 1913.

¹⁵⁶ Огромная библиография трудов об Афоне (см. I. Doens. Bibliographie de la Sainte Montagne de l'Athos. — «Le Millénaire de l'Athos», v. II. Chevotogne—Venezia, 1965, p. 336—495) насчитывает свыше 2½ тысячи названий. Обзор сведений об отдельных монастырях см. H. G. Beck. Kirche und theologische Literatur. . . , S. 200—229.

¹⁵⁷ Ph. Meyer. Die Haupturkunden. . . , S. 159.12—19.

¹⁵⁸ Ibid., 159.5—10.

¹⁵⁹ «Конкретный объем власти [прота] трудно определить», — говорит Дж. Резач (G. Rezāč. Le diverse forme. . . , p. 128).

¹⁶⁰ Ph. Meyer. Die Haupturkunden. . . , S. 160.12—17.

¹⁶¹ См., например, в Евергетидском уставе. — А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 630.24—30; в уставе Илиу Вомон. — Там же, стр. 724.17—21; в уставе Предтечи тоῦ Φοῦερῶν. — А. И. Пападопуло-Керамевс. Noctes. . . , стр. 51.7—12; в хри-

монастырей и их экономической автономии¹⁶², тогда как в действительности свобода и автономия были весьма ограниченными.

Достаточно приглядеться к формулам уставов, чтобы поставить под сомнение реальность принципа самовластия. Так, в уставе Нила Тамазийского мы находим прежде всего традиционную формулу автодеспотии и неподвластности царским, церковным и вельможным властям (ММ, V, 397.2—4) и столь же стандартное утверждение, что эпитропы монастыря — господь и богоматерь (ММ, V, 429.14—15). Вслед за тем оказывается, что к числу эпитропов принадлежит также и император и, более того, — наместник острова (ММ, V, 429. 17—21): составитель устава прямо и недвусмысленно признает зависимость монастыря от центральных и провинциальных властей.

В уставе Спасительницы мира опять-таки стоит формула свободы от всех властей (Косм., стр. 26.6—9; 37.26—31), и тут же признается патриаршая юрисдикция (Косм., стр. 21.33—36; ср. еще стр. 71.27—30). Формула монашеской свободы понимается здесь очень ограниченно — как отсутствие частной власти, эфории (Косм., стр. 26.9, 27). О том же говорит и устав монастыря в Арее: свобода есть неподчиненность эфору или харистикарию (ММ, V, 181.12—14).

Свободные монастыри обычно подлежали инвеституре местного епископа, который взимал за это небольшую плату¹⁶³. Судебного иммунитета монастыри XI—XII вв. не имели, а податная экскупсия была ограниченной и могла быть пересмотрена центральной властью¹⁶⁴. Императоры и патриархи широко практиковали систему пожалований монастырей под покровительство частных лиц или других монастырей — так называемый харистикий. Такое пожалование, кстати сказать, тоже не вело к освобождению монастыря от власти патриаршей администрации — вопреки устремлениям харистикариев: докладная записка 1096 г. от имени великого сакелария и других чинов канцелярии св. Софии содержит жалобу на то, что многие монастыри, ссылаясь на грамоты об освобождении (*ἐλευθερίας ὑπορρήματα*) или на дарение монастыря на срок одного и двух поколений, отказывались принимать патриарших посланцев и давать им отчет¹⁶⁵; сакеларий требовал свободного доступа в пожалованные монастыри, и указ Алексея I от 1096 г. подтвердил это право¹⁶⁶. Любопытно, что записка 1096 г. считает подконтрольными патриарху и переданные в харистикий, и «свободные» монастыри.

Хотя теоретически собственность монастырей считалась неотчуждаемой, императорская власть пользовалась правом конфискации монастырских владений¹⁶⁷.

И в экономическом отношении византийские монастыри сплошь и рядом не были самостоятельными, отличаясь в корне от западных аббатств, которые уже в IX в. стали крупными собственниками, живущими на доходы от своих земель и крестьянскую ренту. Что касается византийских монастырей, то у них даже в XI—XII вв. чисто вотчинные доходы далеко не исчерпывали всех источников их существования.

совуле Алексея I от 1106 г. — *L. Petit. Le monastère de Notre-Dame. . .*, p. 28.9—11. Список легко может быть продолжен.

¹⁶² *E. Herman. Ricerche sulle istituzioni monastiche bizantine. — Or. Chr. Per.*, 6, 1940, p. 362. По мнению И. Соколова («Состояние монашества. . .», стр. 353), «вполне самовластные и самоправные» были не только «независимые», но и «царские» монастыри.

¹⁶³ См., например, Косм., стр. 38.27—29; *L. Petit. Le monastère de Notre-Dame. . .*, p. 88. 8—15. В уставе оговорено, что он пользуется этой привилегией не как эфор, а как местный иерарх (*ibid.*, p. 88.18—20).

¹⁶⁴ См. подробно: *А. П. Каждан. Экскупсия и экскупсаты в Византии X—XII вв. — «Виз. очерки». М., 1961, стр. 202—209.*

¹⁶⁵ *J. Darrouzès. Dossier sur le Charisticariat*, p. 160.14—20, 27—30.

¹⁶⁶ *Ibid.*, p. 160.33.

¹⁶⁷ См. *А. П. Каждан. Деревня и город в Византии IX—X вв. М., 1960, стр. 141 и сл.*

Иоанн Оксит в общем виде говорил о разнообразных доходах монастырей, взимаемых многими способами (PG, t. 132, col. 1133 B).

Основанный Мелетием монастырь Симвулон вообще не имел земли, кроме огорода¹⁶⁸, и существовал за счет добротных приношений¹⁶⁹. Многие монастыри получали выдачи деньгами и продуктами из казны. Никифор Вотаниат пожаловал в 1079 г. Арсению Скипури, построившему две кельи на острове Кос, солемний в 16 номисм из кассы диикита Кикладских островов (ММ, VI, 22.7—8). Патмосский монастырь при Алексее I получал 300 модиев хлеба и 24 номисмы в год (ММ, VI, 100.25—27), Иоанн II увеличил выдачи хлеба до 400 модиев (ММ, VI, 101.8—10), а Мануил I в 1161 г. пожаловал из критского акростиха 2 литры «трехглавых» номисм (ММ, VI, 118.2). В 1160 г. монастырь богородицы Милостивой получил права на 30 «трехглавых» номисм из акростиха фемы Струмица¹⁷⁰. При Мануиле же монастырю Нила Тамасийского стали выплачивать 50 «трехглавых» номисм в год (ММ, V, 394.3), а монастырь Илиу Вомон получал солемний в 100 «трехглавых» номисм¹⁷¹.

Таким образом, византийский монастырь XI—XII вв. предстает как сложная и противоречивая социальная группа. Как религиозный дубликат и идеальный институт он мыслится независимой общиной («ангельским сообществом»), но тем ярче бросается в глаза относительная слабость монашеской корпоративности: сохранение келлиотства и обилие мелких монастырьков придавало византийскому монашеству «семейный», а не корпоративный облик; отсутствие орденов и ограниченность межмонастырских связей усиливали индивидуализацию обитателей; многообразные градации внутри братии и права иноков на личное имущество влекли за собой — в нарушение общежительного принципа — внутреннее разобщение. Тот идейный индивидуализм, который обнаруживается в мировоззрении идеолога византийского монашества XI в. Симеона Богослова¹⁷², находит известное обоснование в характере монастыря как микроструктуры.

Впрочем, я хотел бы сказать, что индивидуализм отличает не только монастырь в Византии: здесь и сельская община, и ремесленная корпорация, и городская «коммуна» оказываются более рыхлыми, чем на Западе, тогда как семья все более консолидируется и — в отличие от римского времени — становится реальной хозяйственной и социальной единицей общества.

Тенденция к индивидуализму сочеталась в византийских монастырях с экономической и административной зависимостью от государства¹⁷³, которая выступала в этом случае, так сказать, с обратным знаком: если сельская община и ремесленная коллегия были обложены повинностями в пользу казны, то монастыри, наоборот, получали из нее солемнии. Однако политическим следствием этих щедрот, как и следствием фискального подчинения сельской общины и ремесленной корпорации, была прямая власть государства, осуществлявшего — непосредственно, или через патриаршую канцелярию, или через харистикариев — контроль за монастырями, вопреки всем торжественным формулам монастырского самовластья.

Эта двойственность монастыря (индивидуализация и подчинение внешней силе — государству) находила выражение и в двойственности административного устройства: демократические тенденции (вплоть до чуждого Западу принципа избрания игумена по жребию) сочетались с принципом монархической власти настоятеля внутри монастыря.

¹⁶⁸ Житие Мелетия. — ППС, VI, 2, стр. 21.17—19.

¹⁶⁹ Там же, стр. 32.16—17; 33.23—24.

¹⁷⁰ L. Petit. Le monastère de Notre-Dame. . . , p. 31.12—14.

¹⁷¹ А. Дмитриевский. Описание. . . , I, стр. 717.5—6.

¹⁷² См. А. П. Каждан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. — BS, 25, 1967.

¹⁷³ Ср. также D. Savramis. Zur Soziologie. . . , S. 87.

Я. Н. ЩАПОВ

УСТАВ КНЯЗЯ ЯРОСЛАВА И ВОПРОС
ОБ ОТНОШЕНИИ К ВИЗАНТИЙСКОМУ НАСЛЕДИЮ НА РУСИ
В СЕРЕДИНЕ XI В.

Похвальное слово великому князю Владимиру, произнесенное в Киеве в конце 40-х годов XI в., как принято считать в современной науке, Иларионом, вскоре ставшим киевским митрополитом, содержит интересное указание на большую законодательную деятельность этого князя.

Сравнивая заслуги Владимира с деятельностью «великого Константина», создавшего Первый вселенский Никейский собор, Иларион дает такую яркую характеристику правотворчеству на Руси в начале XI в.: «Онъ [Константин] съ святыми отци Никеискааго събора законъ челоуѣкомъ полагааше; ты же [Василий — Владимир] съ новыми нашими отци епископы сънимааяся часто, съ многымъ съмѣреніемъ съвѣщаваашеся, како въ челоуѣцѣхъ сихъ, новопознавшіихъ господа, законъ уставити»¹. Эта формула сопоставления законоустановной деятельности двух великих христианских монархов — не художественный образ в речи придворного ратора, каких много в других разделах этой «Похвалы». Здесь в слове «сънимааяся» упоминается особая форма высшего государственного законодательного органа Древней Руси — съиѣмъ [снем, сним], хорошо известная по Повести временных лет, летописям XII—XIII вв. и Русской Правде. В. Т. Пашуто определил политическое значение этого совета как высшего органа власти феодалов, который рассматривал вопросы основного законодательства, а также распределения земель, войны и мира². Таким советом, состоящим из князя и епископов, выступает и снем в Похвале Илариона. Здесь говорится, что целью этих совещаний было установление новых законов для древнерусского общества, недавно ставшего христианским.

В чем заключались трудности такой деятельности, хорошо показывает другое известие о тех же совещаниях князя с епископами, содержащееся в Повести временных лет. После создания новой церковной организации, как указывает Повесть, под влиянием епископов Владимир пытался провести важную судебную реформу: отменить традиционный древнерусский (и варварский европейский вообще) принцип наказания за уголовные преступления крупными денежными штрафами (вирами), получивший от-

¹ Н. Н. Розов. Синаодальный список сочинений Илариона — русского писателя XI в. — «Slavia», t. 32. Praha, 1963, S. 167—168; L. Müller. Des Metropolitens Ilarion Lobrede auf Vladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis. Wiesbaden, 1962, S. 117—118.

² В. Т. Пашуто. Черты политического строя Древней Руси. В кн.: «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 20—24.

ражение в Русской Правде, заменив их системой физических наказаний, которые были обычными в Византии и являлись модификацией норм Римской империи³. Однако эта реформа оказалась неприемлемой. Общественный строй Руси того времени не позволил лишить государственный бюджет тех значительных средств, которые давали виры. Восстановление «устроения отъня и дедья», сделанное, как сообщает Повесть, по настоянию уже не только епископов, но и «старцев» — очевидно, представителей местной раннеклассовой знати (еще одного участника снемов), явилось капитуляцией новой церковной организации, стремившейся ввести некоторые основы византийского пенитенциального права, перед стойкими и экономически оправданными древнерусскими правовыми нормами. Вынужденное признание этих норм церковью делало возможным применение их не только в светском, княжеском суде, но и в церковном (о чем ниже).

Приведенные свидетельства позволяют пристальнее взглянуть в то, как на Руси после официального принятия христианства шел процесс приспособления христианских норм и принципов, признанных в Византии и принесенных на Русь греческими иерархами и книгами, к местным условиям и как в результате этого складывались новые древнерусские христианские нормы, отличные как от прежних языческих, так и от современных им христианских византийских.

Наряду с отмеченными особенностями древнерусского христианства в правовой области в нашем распоряжении находятся не менее показательные феномены раннего христианства на Руси в области религиозного догматизма, в частности — обряд крещения мертвых. Повесть временных лет под 6552 (1044) г. сообщает о крещении князем Ярославом костей его дядей Ярополка и Олега Святославичей, умерших язычниками еще до официального принятия Русью христианства⁴, и о перенесении их в Десятинную церковь⁵. Обряд крещения мертвых был известен у ранних христиан гностического толка в пору становления христианской догматики, неоднократно осужден в сочинениях Климента Александрийского (150—225), Иоанна Златоуста (ок. 347—407) и других и был официально запрещен на местном Карфагенском соборе 397 г., хотя и известен кое-где в западной церкви до начала VI в.⁶ Существование этого обряда на Руси в середине XI в. связано, очевидно, с тем, что в то время христианство на Руси, трансформированное под влиянием языческой религиозной философии, заново проходило некоторые стадии развития, аналогичные тем, которые на территории Восточной Римской империи были преодолены к V в.

По учению господствующей церкви, для спасения в загробной жизни, кроме крещения, необходима и вера⁷, но князь Ярослав этого второго условия спасения своим дядьям создать уже не мог. Конечно, такой важный акт, как крещение князей и перенесение их мощей, должно было быть сделано в Киеве каким-то главой местной церкви, а не случайным священником. Нужно согласиться поэтому с П. П. Соколовым, что акт 1044 г. мог иметь место только в то время, когда греческого митрополита в Киеве не было: «Трудно допустить, чтобы митрополит-грек не мог разъяснить

³ «Живяше же Володимерь в страсть божьи. И умножишася зело разбоеве, и рѣша епископи Володимеру: «Се умножишася разбойници; почто не казниши ихъ?». . . Володимерь же отвергъ виры, нача казнити разбойники, и рѣша епископи и старци: «Рать многа; оже вира, то на оружьи и на коних буди». И рече Володимерь: «Тако буди». И живяше Володимерь по устроенью отъня и дѣдню» [Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950 (далее: ПВЛ, I), стр. 86—87].

⁴ Первый в 980, второй в 977 г.

⁵ «Выгребоша 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею, и положиша я въ церкви святыя Богородица» (ПВЛ, I, стр. 104).

⁶ E. Dinkler. Totentaufe. — «Die Religion in Geschichte und Gegenwart», Bd. VI. Tübingen, 1962, Sp. 958.

⁷ «Иже веру имет и крестится, спасен будет» (Марк, XVI, 16).

благочестивому Ярославу недопустимость крещения покойников»⁸. Напомню, что правило Карфагенского собора, запретившего этот обряд, входило в состав Номоканона XIV титулов, известного в ряде греческих списков VII—XIII вв.⁹, и в славянский его перевод, сохранившийся в списках XII—XVI вв.¹⁰ Кроме того, осуждение этого обряда в трактате Елифания Кипрского о ересьях (правда, в столь темном переводе, что без греческого текста оно сейчас непонятно), также находится в этих древнерусских списках. Очевидно, обряд был исполнен в отсутствие греческого митрополита кем-то из древнерусских епископов, может быть, одним из ранних, не известных нам глав белгородской кафедры, при участии попов Десятинной церкви. Для всех них, как и для сообщающего об этом автора киевского летописного свода конца XI в., такое крещение было достаточно благочестивым, укрепляя основы христианства на Руси и авторитет самого Ярослава, имевшего отныне среди своих предков не только христиан-родителей и бабу-христианку, но и еще двух «христиан» — членов княжеской семьи-патронимии.

Середина XI в. — время государственной деятельности одного из интереснейших персонажей, не принадлежавшего, в отличие от других таких деятелей, к княжескому роду, — митрополита Илариона. К периоду, когда он занимал киевскую митрополичью кафедру, относится третье свидетельство о совместной правотворческой деятельности древнерусских высших светской и церковной властей, продолживших создание местной системы церковного права. Основы ее были оформлены в виде особого судебника — устава князя Ярослава о церковных судах.

Устав князя Ярослава сохранился в большом числе обработок, которые связаны археографической традицией, специальной местной терминологией и особенностями содержания с рядом земель феодально-раздробленной Руси XII—XIV вв.: Киевом, Западной Русью, Литовским великим княжеством, Новгородом, Москвой, Кирилловым монастырем и др. Текстологическому исследованию устава, наряду с изучением его денежного счета, терминологии, правового содержания и места среди других княжеских уставов, мною посвящена другая работа. Здесь я позволю себе кратко изложить некоторые ее результаты. Древнейший облик устава реконструируется по двум ранним его редакциям: Пространной (архетип — XII — первой половины XIII в., отдельные изводы — XIV—XV вв.) и Краткой (архетип — середины XIV в., изводы — конца XIV—XV в). Это судебник, состоящий из вступительной, двух заключительных и 40 судебных статей, которые могут быть объединены по своему содержанию в несколько групп.

⁸ П. П. Соколов. Русский архиперей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913, стр. 44—45. А. Поппе, напротив, думает, что в Константинополе так часто нарушали каноническое право и патриархи терпели эти нарушения, что указанное крещение костей в Киеве не может свидетельствовать об отсутствии там в это время митрополита (а следовательно, и о неучастии его в этом акте). См. А. Поппе. Państwo i kościoł na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968, str. 101—102. С этим, однако, трудно согласиться. Нарушения канонических норм брака и развода и соборных решений по политико-административным вопросам, как представляется, не могут сравниться с указанным отклонением в догматике, бывшим одним из положений еретических и преследуемых официальной церковью учений. Кроме того, отсутствие сведений о крещении мертвых в Византии позже V в. (см. об этом названную энциклопедическую статью Э. Динклера и указанную в ней литературу), как и известий о совершении его древнерусскими иерархами позднее, не позволяет считать, что византийская церковь интересующего нас времени терпимо относилась к этому обряду.

⁹ В. Н. Бенешевич. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII в. до 883 г. СПб., 1905.

¹⁰ В. Н. Бенешевич. Древнеславянская кормчая XIV титулов без толкований, т. I. СПб., 1906, стр. 397; Я. Н. Щапов. О составе древнеславянской кормчей Ефремовской редакции. — В сб.: «Источники и историография славянского средневековья». М., 1967, стр. 208—212.

Поскольку во вступительной статье («Се яз князь великии Ярослав, сын Володимерь, по данию отца своего съгадал есмь с митрополитом с Ларионом, сложил есмь греческии номоканун; аже не подобает сих тяжь судити князю, ни бояром, дал есмь митрополиту и епископом») далее в трех обработках устава следует различный текст, говорящий об объеме феодального иммунитета церкви ¹¹, а в четвертой он вообще отсутствует ¹², есть основания считать, что все эти тексты появились вместе с возникновением соответствующих изводов: «распусты» и «осмьничее» упомянуты в Пространной редакции, которая включила в себя большой комплекс статей о распусном праве; ссылка на «правила» и «номоканон» появилась в Краткой редакции, которая сама была включена в номоканон в XIV в.

Первая статья устава содержала лишь три пункта: Ярослав, во-первых, «съгадал с митрополитом Ларионом», во-вторых, «сложил греческии номоканон» и, в-третьих, дал митрополиту и епископам «си тяжи», которые подробно перечисляются ниже в уставе, поскольку их «не подобает судити» князю и боярам. Наиболее крупная группа в 25 статей о браках и взаимоотношениях между родственниками и свойственниками касается языческих форм брака, заключения и расторжения его с нарушением церковных правил, блуда между родственниками. Устав в древнейшем своем составе являлся, таким образом, в основном кодексом брачного и семейного права.

Кроме того, в устав входят статьи об оскорблении словом и острижении волос, о драках и избиениях, о скотоложестве. Особая группа из пяти статей о суде по делам церковного причта и монахов делает устав также кодексом ведомственного, внутрицерковного права. Ряд статей показывает соответствие норм архетипа устава Ярослава другим уставам XI—XII вв.: умыкание в уставах Владимира и Ярослава стоит на первом месте, как и «уволочение» в Смоленской уставной грамоте; пошибание есть в уставах Ярослава и Владимира, двоеженство — в уставе Ярослава и Смоленском уставе; распусты — во всех трех уставах, причем краткое упоминание их в уставе Владимира и Смоленской грамоте расшифровывается шестью статьями устава Ярослава; брак в близких степенях родства и суд по делам причта и монахов — во всех трех уставах.

Изучение древнего текста устава Ярослава показывает также, что этот памятник в своей основе современен Русской Правде. Оба судебника трактуют о своем круге дел, почти не вторгаясь в другой. Сравнение некоторых дублирующих статей — об оскорблении, повреждении бороды, поджоге (статья вставлена в устав Ярослава, очевидно, в XII в. и не на место), краже клетки и одежды — показывает, что нормы устава Ярослава ближе к Пространной Правде, чем к Краткой, а в Краткой — ближе к Правде Ярославичей третьей четверти XI в., чем к Древнейшей. Общие нормы устава и Правды появились в уставе во второй половине XI в. и в XII в., когда складывались соответствующие части и обработки Правды. Можно проследить соответствие норм устава и с внешнеторговыми договорами Руси, особенно с договором конца XII в. с Готским берегом.

Здесь важно не только хронологическое соответствие устава другим древнерусским памятникам второй половины XI—XII в., но и соответствие их правовых норм, в частности форм наказания — штрафов в пользу публичной власти, а также почти полное взаимоисключение сфер ведомственной юрисдикции по Правде и уставу.

С другой стороны, нормы устава, будучи, несомненно, христианскими и церковными, значительно отличаются от христианских церковных норм,

¹¹ Макарий. История русской церкви, т. I, изд. 2. СПб., 1868, стр. 273 (Основной изв. Пространной ред.); Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I, пол. 1, изд. 2. М., 1901, стр. 629 (Архивный изв. Пространной ред.); В. Н. Бенешевич. Сборник памятников по истории церковного права. Пг., 1915, стр. 78 (Краткая ред.).

¹² Гос. Библиотека им. В. И. Ленина, собр. Овчинникова 154, л. 376 об.

которые были зафиксированы в греческих номоканонах и пользовались в VIII—X вв. распространением в Византии. Это, во-первых, отнесение в уставе исключительно к церковной юрисдикции поступков, которые по византийским нормам ей не принадлежали, а были подведомственны светской власти, хотя церковь налагала за них, в свою очередь, как за грехи, епитимью. Таковы поступки, которым посвящены основные статьи устава: похищения, изнасилования, разводы, рождение ребенка незамужней, прелюбодеяние, брак в близких степенях родства, двоеженство, скотоложество, оскорбление словом и действием, кражи. Это различие усиливалось тем, что церковь по уставу Ярослава должна была рассматривать дела, которые не известны ни церковной, ни светской юрисдикции в Византии, например ответственность родителей за невыдачу замуж дочери, за превышение власти при насильственной женитьбе детей, убийство во время свадебных игр и прочее.

Во-вторых, формы наказания, о которых уже говорилось: виры и продажи в денежном выражении в пользу митрополита, кроме возмещения потерпевшему. Византийская церковь не присуждала гражданских наказаний, и церковное наказание не сопровождалось гражданскими последствиями. Канонические правила предусматривали только церковно-дисциплинарные средства воздействия: увещания, епитимью, отлучение от церкви.

В-третьих, судебный иммунитет духовенства, монашества и лиц, зависимых от церкви, относительно светской власти, в частности, князя, провозглашенный в уставе. В Византии лица духовного звания, освободившиеся от светского суда, подлежали, однако, верховному суду императора.

Это своеобразное толкование, вернее, этот особый тип церковного права давно обратил на себя внимание исследователей. Еще К. А. Неволин, один из первых серьезных исследователей памятника, в недоумении спрашивал, «каким образом в недрах церкви, и притом получившей свое образование от церкви греческой, могла родиться мысль обложить преступления, предоставленные церковному суду, денежными пенями?»; он впервые обратил внимание на противоречие норм устава византийскому церковному праву. «Номоканону, правилам святых отец, — писал он, — совершенно неизвестны денежные взыскания с нарушителей церковных постановлений»¹³. На это же обратил внимание и историк русской церкви Е. Е. Голубинский: «В греческом номоканоне вовсе нет того, чтобы дела гражданские и преступления уголовные, которые предоставляются нашими уставами (Владимира и Ярослава) суду митрополита и епископов, предоставлялись суду последних»¹⁴; правда, он видел в этом противоречии свидетельство подложности уставов.

Украинский историк церковного права А. И. Лотоцкий справедливо считал, что различие норм свидетельствует о сознательной замене «жесточкого» уголовного права греческого номоканона местной системой выкупов и вир. Он видел в упоминании в первой статье устава митрополита Илариона путь к объяснению возникновения этого памятника. Замена одной системы права другой была «шагом большого значения, требовавшим большой и смелой инициативы. Едва ли на такой шаг отважился и такую инициативу проявил какой-либо митрополит из греков, ибо греческие иерархи были тесно связаны со своими церковными кодексами»¹⁵.

Важные сведения для понимания характера акта содержатся в первой статье устава. Здесь говорится, что устав был принят в результате соглашения между князем Ярославом и митрополитом Иларионом, т. е. в течение недолгого пребывания Илариона на кафедре, в 1051—1053 гг., не позже февраля 1054 г., когда умер Ярослав. Такое хронологическое уточ-

¹³ К. А. Неволин. Полное собрание сочинений, т. VI. СПб., 1859, стр. 300—301.

¹⁴ Е. Е. Голубинский. Указ. соч., стр. 405.

¹⁵ О. Лотоцкий. Украинські джерела церковного права. Варшава, 1931, стр. 252.

нение возникновение памятника, который я отношу к XI в., вполне реально. Но что дает это уточнение для определения причин его возникновения? Почему устав был принят Ярославом (который, как говорил о нем Иларион лежащему в гробу Владимиру, «не рушаща твоихъ уставъ, нъ утвержающа») именно с Иларионом, а не с другим митрополитом, например не с греком Феопемптом? Вслед за Лотоцким я считаю, что здесь имело значение содержание судебного кодекса, который мог быть утвержден тогда, когда на кафедре сидел не грек, а местный деятель церкви.

Для определения того, насколько указанное различие древнерусской и византийской систем церковного права было осознано в Киеве в середине XI в. и какое значение придавалось там принятию устава, важно правильно понять формулу «сложил есмь греческий номоканун». Исследователи не дали ее специального толкования, а между тем она его заслуживает. Эта формула находилась уже в архетипе устава, ибо входит во все древние его обработки и принадлежит его первоначальному тексту. В некоторых поздних текстах, например в Основном и зависящих от него изводах Пространной редакции конца XIV—XV в., перфект единственного числа изменен на аорист множественного: «сложихом греческий номоканун». В поздних списках и обработках формула «сложил есмь» изменяется, писцы и редакторы стремятся показать, что устав составлен в *соответствии* с номоканоном. Так, в некоторых списках XVI—XVII вв. эта формула изменена на «разложил есмь», т. е. раскрыл греческий номоканон, чтобы в соответствии с ним составить устав. В Архивном изводе формула опущена совсем, а в Маркеловском пропущены слова «греческий номоканон». В Устюжской редакции начала XVI в. формула изменена в «сложил есмь со греческим манагануном», т. е. сверил с номоканоном, привел в соответствие с ним. Н. М. Карамзин внес это чтение в свое издание устава, понимая формулу как выражение соответствия устава номоканону, и оказал влияние на многих последующих исследователей памятника.

Каково же первоначальное значение формулы «сложил есмь греческий номоканун», восходящей к акту 1051—1053 гг.? Глагол «сложить» без предлога имел в древнерусском языке два основных и, очевидно, первоначальных значения¹⁶. Первое: *составить, сотворить* — например, составить выписки из книг, установить мир, прекратив войну; создать животное; предпринять поход; второе: *снять* — например, снять груз с плеча, идиоматическое выражение «сложить голову», т. е. потерять ее, и производное от значения снять: *отменить, отвергнуть, отказаться от чего* — например, отменить дани, снять вину, снять сором, отвергнуть целование. Это значение появляется очень рано, в переводных памятниках киевского времени, распространено оно и позже (сложить — отвергнуть дань, пошлины, ясаки, оброк, таможеню и пр.).

Что же сделали Ярослав вместе с Иларионом: составили греческий номоканон или отвергли его? В славянской письменности известны правила епитимийного характера, которые носили название «номокануна». Некоторые из них, содержавшие нормы, далекие от канонических, в устах хранителей чистоты византийского православия на Руси презрительно назывались «худыми номоканунцами»¹⁷. Нужно признать, что устав князя Ярослава, с этой точки зрения, был своего рода худым номоканунцем, ибо содержал нормы, противоречившие соборным правилам. Однако два обстоятельства мешают видеть здесь в словах «сложил есмь» первое значение этого термина. Номоканон — памятник не только гражданского, но и церковного права; епитимийные же номокануны, в том числе и худые, во-

¹⁶ См. материалы картотеки словаря древнерусского языка XI—XIV вв. в Институте русского языка АН СССР в Москве.

¹⁷ С. И. Смирнов. Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины. М., 1912, стр. 412—415.

обще не связаны со светской государственной властью. Кроме того, в уставе сказано «сложил есмь *греческии* номоканун». Греческий номоканон — кормчая книга, в XI в. — это кормчая в XIV титулах без толкований, известная на Руси при Ярославе и сохранившаяся, как было сказано, в древнерусских списках XII в. и более позднего времени. Естественно, нельзя видеть в этих словах утверждения князя о составлении им *греческой* кормчей книги. Для понятия «перевел» существовали другие термины: *преложи*, *переведе*.

Сказанное выше позволяет предположить в загадочной формуле второе значение слова «сложил» и переводить ее как «отверг греческий номоканон», сколь ни кажется такое понимание неожиданным, а подобное заявление от имени князя и митрополита невероятным.

Если это так, устав князя Ярослава становится важнейшим источником не только для изучения истории древнерусского права Древней Руси вообще, но и для понимания событий начала 50-х годов XI в. и для характеристики Илариона как политического деятеля. В дискуссии о причинах его поставления и о его политических взглядах, которая ведется в настоящее время в науке¹⁸, этот материал не может быть обойден.

Акт 1051—1053 гг. был отменен, очевидно, сразу после смерти Ярослава и ухода митрополита Илариона, с появлением в Киеве нового митрополита-грека. Сменивший Илариона Ефрем, носитель придворного титула *протопроедр протосинкеллов*, придя в Киев, заново освятил Софийский кафедральный собор. Возможно, как предполагает А. Поппе, это было сделано именно в связи с деятельностью в нем не признанного Константинополем прежнего митрополита¹⁹. Ефрему наследовал другой грек, митрополит Георгий-синкелл.

Естественно, что влияние византийских правовых норм на древнерусские нормы, начавшееся еще с первого знакомства Руси с византийским христианством и получившее особый стимул с учреждением церковной организации, пробивало себе дорогу. Древнерусские иерархи митрополит-грек Иоанн II в конце XI в., новгородский епископ-грек Нифонт в середине XII в. проводят византийские канонические нормы в жизнь²⁰. Ряд норм права развода из Прохирона появляется в переработке самого устава Ярослава конца XII в. — его Пространной редакции²¹.

Акт 1051—1053 гг. оказался всего лишь эпизодом в истории церковного права на Руси, но его появление не случайно. Экономическое и политическое развитие Руси привело к возникновению раннего классового общества, шедшего по пути феодализации, к созданию государства, соответствующего уровню этого общества, к необходимости централизации языческих культов, а затем и замене их христианским. Принятие христианства сделало возможным широкое проникновение на Русь христианской культуры, идеологии, религиозной догматики, институтов и пр. Древнерусское государство стало составной частью христианского средневекового мира Европы и Передней Азии, укрепляло этот мир в меру своих возможностей и расширяло его, используя свои дружины, миссионеров и книги.

Однако, как и каждое варварское общество, самостоятельно выросшее и создавшее свое государство и право, свою религиозную систему, свою раннеклассовую цивилизацию, еще бесписьменную и дохристианскую, Древняя Русь сохранила многое из основ этой цивилизации и тогда, когда

¹⁸ D. *Obolensky*. Byzantium, Kiev and Moscow: a Study in Ecclesiastical Relations. — DOP, XI, 1957; L. Müller. Op. cit., S. 1—32; Н. Н. Розов. Указ. соч., стр. 150; Г. Г. Лутаврин. Иссл. о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 80—86; А. Поппе. Op. cit., стр. 130—151.

¹⁹ А. Поппе. Op. cit., стр. 150.

²⁰ «Русская историческая библиотека», т. VI, изд. 2. СПб., 1906, № 1 и 2, стб. 1—62.

²¹ Я. Н. Щапов. Новый памятник русского права XV в. (Запись «о разлучении»). — В сб.: «Славяне и Русь». М., 1968, стр. 377—378.

стала членом христианского мира, оказалась политически, идеологически и матримониально тесно связанной с Западом и Югом, когда в Киеве на митрополичьей кафедре сидели греческие дипломаты, носившие высшие титулы византийского императорского двора.

При изучении византийского наследия на Руси в XI—XII вв. можно выделить две большие группы явлений. Одни из них, которые появились на Руси в результате христианизации и не имели древних местных корней (например, строительство каменных храмов, иконописание, книжное искусство, производство стекла, литургия и многое другое), при наличии соответствующих условий переносились в готовом виде и лишь постепенно, в течение первых десятилетий и столетий, в процессе приспособления к местным условиям, изменяли свой характер. Другие явления и институты, выросшие на Руси самостоятельно как результат местной эволюции и оказавшиеся стадияльными современниками христианских принципов, при столкновении двух систем, древнерусской и византийской, в XI—XII вв. одерживали победу, хотя и приобретали новую, христианскую сущность. Здесь можно назвать и такой мелкий факт, как сохранение на Руси древнеславянского языческого мартовского начала года и календаря ²², и такие более крупные, как приспособление неизвестной в Византии языческой государственной системы обеспечения культа десятиной к христианскому культу ²³, как возникновение на Руси особой сложной религиозной формы философии и догматики, именуемой в науке двоеверием. К этой группе явлений нужно отнести и возникновение особого древнерусского церковного права, отличающегося как от христианского византийского, так и от языческого славянского.

Те большие успехи в усвоении и развитии христианской культуры на Руси, на которые с удивлением обращали внимание старые исследователи, были возможны, очевидно, именно потому, что многое в них базировалось на твердых местных основах, не отброшенных, а органически вошедших в XI в. в христианскую культуру этой страны.

²² Н. Г. Бережков. Хронология русского летописания. М., 1963, стр. 9.

²³ Я. Н. Шапов. Церковь в системе государственной власти Древней Руси. — В кн.: «Древнерусское государство и его международное значение». М., 1965, стр. 315—326.

Г. Л. КУРБАТОВ

ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНЫХ СВЯЗЕЙ
РУССКОЙ ВИЗАНТИНИСТИКИ

(В. Г. Васильевский в Германии)

Общезвестна роль В. Г. Васильевского в создании и развитии русской школы научного византиноведения, его огромное влияние на последующую эволюцию русской византистики. Его труды быстро выдвинули русское византиноведение на одно из первых мест в мировой науке. Поэтому для нашей историографии большой интерес представляют данные научной биографии Васильевского, особенно раннего периода, когда он формировался как ученый. Они очень немногочисленны, и их порой приходится собирать по крупицам. Среди них есть и сведения о связи Васильевского с немецкой наукой, оказавшей на него влияние, в частности, в период его стажировки в Германии в 1862—1864 гг.

Его знакомство с немецкой наукой, по-видимому, в основном началось во время обучения в Ярославской семинарии. По воспоминаниям его друга, русского либерального историка В. И. Модестова, Васильевский уже в ту пору великолепно владел немецким языком и прочитал большую часть общих работ 30—40-х годов по всемирной истории¹.

Его представления о немецкой науке пополнились в Главном педагогическом институте в Петербурге, куда Васильевский поступил в 1856 г. Там он занимался у ряда профессоров, тесно связанных с немецкими научными школами и проходивших подготовку при различных германских университетах.

К их числу следует прежде всего отнести М. С. Куторгу, оказавшего несомненное влияние на становление научных воззрений и формирование исследовательских методов Васильевского.

Куторга, которого В. П. Бузескул не без оснований называл «первым самостоятельным исследователем в области древнегреческой истории»² в России, был одним из создателей исторической школы Петербургского университета³. В эти годы он вел занятия и в Главном педагогическом институте. Васильевский был не только одним из его слушателей — Куторга стал позднее и руководителем его магистерской диссертации.

Начало связям Куторги с немецкой наукой положили занятия у профессоров — выучеников германских университетов, учеников «стар-

¹ В. И. Модестов. В. Г. Васильевский (Время высшего образования и пригласения к кафедре). — ЖМНП, 1901, ч. 329, стр. 140.

² В. П. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России, ч. I. Л., 1931, стр. 100.

³ С. Н. Валк. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. — «Труды юбилейной научной сессии». Л., 1948, стр. 30.

шего поколения немецких филологов-классиков, которые за своим учителем Х. Г. Гейне и в лекциях, и в ученых занятиях главное внимание обращали на эстетическую, художественную сторону древней культуры, не касаясь, как правило, реалий (особенно политического и социального характера)»⁴. На формирование Куторги, как и многих ученых его поколения, оказало влияние и развитие нового критического направления, зародившегося в Германии⁵. Важную роль в ознакомлении с новыми направлениями немецкой науки для Куторги и других сыграла их подготовка в Профессорском институте в Дерпте и последующая командировка в Берлин, где Куторга слушал лекции А. Бека и Леопольда Ранке, учеников Гегеля—Геннинга, Михелета, Ганса — по философии. Его интерес к внутренней жизни древнегреческого общества, проблемам социального развития был во многом связан с влиянием его учителя Августа Бека⁶.

В своей исследовательской деятельности он был последовательным сторонником критического метода, распространение которого способствовало беспорному подъему классической филологии, совершенствованию критики источников. В то же время Куторга выступал против крайностей гиперкритицизма, широко распространившихся тогда среди западноевропейских филологов⁷. В известной мере Куторге Васильевский был обязан как развитием своего интереса к проблемам политической и социальной истории, так и овладением современными методами работы над письменными источниками, в частности, методом их глубокого филологического анализа. Однако Куторга, хотя ему и принадлежит первая в русской историографии работа о рабах и вольноотпущенниках, так и не пришел к признанию важного значения социально-экономических факторов, не смог вырваться из круга характерного для его эпохи широкого гегельянского историко-филологического подхода к проблемам истории, представлений о доминирующем значении проблем политической истории античности, идей гражданственности и свободы⁸. С этим связано его преимущественное внимание к литературным памятникам.

Значительно большее влияние на формирование научно-исследовательских интересов и методики Васильевского оказал другой профессор Главного педагогического института — Н. А. Благовещенский, которого сам Васильевский признавал одним из основных своих учителей. Благовещенский в начале 40-х годов также проходил подготовку к профессуре в немецких университетах. Он специализировался по римской литературе. Помимо лекций Шпенгеля и Шлоссера, он посещал занятия А. Вестерманна, слушал «археологию» — «римские древности» у Крайцера⁹, изучал греческую и римскую литературу и искусство у проф. Хаупта и Беккера¹⁰.

⁴ Э. Д. Фролов. Русская историография античности (до середины XIX в.). Изд-во ЛГУ, 1967, стр. 118—119.

⁵ Там же, стр. 119.

⁶ Там же, стр. 132.

⁷ М. С. Куторга. Очерк новейших историков Западной Европы. — «Библиотека для чтения», т. 99, 1850, отд. III.

⁸ О взглядах М. С. Куторги см.: А. Д. Константинова. Жизнь и научная деятельность М. С. Куторги. — В сб.: «Вопросы историографии всеобщей истории», вып. 2. Казань, 1967, стр. 80—122; *её же*. К вопросу о научных взглядах М. С. Куторги. — В сб.: «Вопросы истории, филологии и педагогики». Казань, 1968, стр. 23—28; *её же*. Проблемы античного рабства в трудах М. С. Куторги. — В сб.: «Вопросы историографии всеобщей истории», вып. 1. Казань, 1964, стр. 55—58; М. А. Алпатов. Мировоззрение М. С. Куторги и его концепция истории Древней Греции. — ВДИ, 1955, № 3 и др.

⁹ «Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского СПб. Университета», т. I. СПб., 1896, стр. 54—55.

¹⁰ В архиве Лейпцигского университета сохранились данные о пребывании Н. А. Благовещенского в Лейпциге (1842—1844), список прослушанных и сданных им курсов: Archiv der Karl-Marx Universität Leipzig. Rep. I, Cap. XVI. Verzeichnis de-

Благовещенский впоследствии занимался преимущественно римской сатирой, но как ученого и преподавателя его выгодно отличало от многих профессоров-классиков того времени, ограничивавшихся чисто филологическим, литературным анализом памятников, стремление связать изучение последних с историей их времени, привлечь к их объяснению данные археологии и памятников искусства. Его занятия, знакомившие с элементами «исторического анализа»¹¹, привлекали Васильевского и, видимо, сыграли немалую роль в развитии его интереса к римской истории, в том числе и к более поздним ее периодам. Известно, что литература и исторические проблемы истории Римской империи разрабатывались в Москве в это время только С. В. Ешевским¹². Можно также считать несомненным, что из занятий с Благовещенским Васильевский вынес не только интерес к римской истории и глубокое убеждение в значении данных археологии и памятников искусства для изучения истории античного и средневекового обществ, но и приобрел известные навыки в привлечении подобного материала. Уже в студенческие годы Васильевский заинтересовался работами Г. Моммзена. По воспоминаниям Модестова, «одной из первых им была приобретена «Римская история» Моммзена, к которому он всегда чувствовал большое влечение и вполне разделял взгляд его на Римскую империю. . .»¹³. Он читал Моммзена в немецких изданиях и настолько хорошо знал немецкий текст его «Истории», что в последние годы обучения, будучи крайне недоволен русским ее переводом, сам перевел часть его работы и готовил ее для издателя¹⁴.

Все это в известной мере объясняет направление интересов Васильевского и его желание готовиться к профессуре именно в Германии, и прежде всего в Берлине. В 1862 г. Васильевский был командирован в Берлинский университет. Приехав туда¹⁵, он прежде всего записался на лекции Моммзена по римской истории и его курс по Privat-Reden Цицерона, а также слушал «методологию и энциклопедию исторических наук» Дройзена¹⁶ (в письме от 29 октября 1862 г. он пишет, что «заплатил два золотых Дройзену и один Моммзену»). Слушая лекции Моммзена по истории римского государственного права в период республики, Васильевский большое внимание уделял самостоятельному изучению крупнейших авторов эпохи империи, готовясь к дальнейшим занятиям у Моммзена.

В следующий семестр Васильевский продолжал посещать лекции Моммзена по государственному праву римлян и по истории «первых времен» империи и готовился к обещанным им «упражнениям» (Übungen) в римской истории. Интересны его собственные суждения об этих занятиях: «Для меня собственно критические упражнения, — писал он, — только и могут быть вполне полезны в области римской истории»¹⁷. Васильевского особенно восхищало умение Моммзена привлекать данные археологии, эпиграфики, нумизматики, папирологии для исторического исследования.

rjenigen Studierenden. . . bis Juni 1844. List. C., Sect. VII., Bd. I., № 25, § 90. Автор пользуется случаем выразить свою сердечную признательность д-ру Р. Дрюккер, заведующей архивом, за помощь в разыскании этих материалов.

¹¹ Биографический словарь. . ., стр. 54.

¹² История эпохи Империи по политическим соображениям не имела особой популярности среди русских либеральных исследователей. Пользовавшийся большим влиянием Куторга считал достойной изучения только классическую античность и не сочувствовал интересам Васильевского к римской истории.

¹³ В. И. Модестов. Указ. соч., стр. 143.

¹⁴ Там же, стр. 144.

¹⁵ В архиве Берлинского университета, в Amtliches Verzeichnis des Personals und der Studierenden, сохранилась запись о Васильевском (Berlin, 1862, S. 42). Васильевский жил в Берлине на Мауэрштрассе, 47.

¹⁶ Отчет В. Г. Васильевского за 1862 г. от 11 ноября 1862 г. — ЖМНП, 1862, ч. 116, стр. 164—166.

¹⁷ Отчет В. Г. Васильевского за 1863 г. — ЖМНП, 1863, ч. 119, стр. 41.

Он говорил, что у Моммзена все использовано — «и хронология, и монеты . . .»¹⁸.

Кроме лекций Моммзена, Васильевский посещал лекции и занятия Яффе (по римской и средневековой хронологии), которого он считал «неблестящим, но в высшей степени полезным»¹⁹ в области латинской палеографии, дипломатики и хронологии. Меньшее влияние на него оказали занятия Кёпке. Из отчетов Васильевского видно, как в эти годы крепло у него убеждение в значении изучения истории Римской империи. Уже во втором своем официальном отчете он утверждал, что «римская история представляет равный интерес» с греческой²⁰. И влияние на него в этом отношении Моммзена бесспорно. По воспоминаниям Модестова, «от начальных ее периодов он перешел на второй год к Римской империи, куда его увлекли . . . лекции Моммзена»²¹.

Однако влияние Моммзена на Васильевского едва ли следует преувеличивать. Из отчетов Васильевского видно, что его возраставшее неудовлетворение вызывали лекции тех профессоров, которые ограничивались «политической историей»²². В связи с этим обращает на себя внимание развитие его интереса к экономическим проблемам. Уже по приезде в Берлин Васильевский записался и посещал лекции проф. Гнейста по «политической экономике»²³. Вынужденный в 1863 г. выехать для лечения на воды, Васильевский затем некоторое время занимался в Лейпциге (1863—1864 гг.). Здесь его особое внимание привлекли лекции проф. В. Г. Ф. Рошера по истории народного хозяйства и национальной экономики²⁴. Как видно из отзыва Васильевского, Рошер ему нравился своим «историческим подходом», и он характеризовал его прежде всего как «представителя исторического направления в политической экономике»²⁵. Посещение занятий Рошера он продолжил и в следующем семестре²⁶. В остальное время Васильевский преимущественно занимался совершенствованием в исторической критике.

Характерно, что в этот период он уже делает упор не столько на филологическую, сколько на историческую критику. «Занятия, — писал он, — дают драгоценную возможность — ознакомиться под руководством опытных мастеров исторического искусства с самими приемами, техникой науки»²⁷. Лично же Васильевского в то время все более интересовали важнейшие писатели эпохи империи, и прежде всего Тацит, «которые, сколько мне известно, менее всего разрабатывались критикой исторической, не избираются или, по крайней мере, не избирались предметом специальных курсов»²⁸. Васильевский внимательно следил за всеми новыми работами по Тациту и истории империи. Одним из первых опубликованных его трудов был написанный в Германии обзор «О новых сочинениях по истории

¹⁸ В. И. Модестов. Указ. соч., стр. 159. «Такого соединения громадной специальной учености, — писал Васильевский, — и живого понимания, представления дела я, конечно, не встречал».

¹⁹ ЖМНП, 1863, ч. 119, стр. 40.

²⁰ Там же, стр. 38—39.

²¹ В. И. Модестов. Указ. соч., стр. 153.

²² ЖМНП, 1862, ч. 115, стр. 146.

²³ В. И. Модестов. Указ. соч., стр. 158.

²⁴ Перечень его лекций за 1863/64 г. см.: Verzeichnis der im . . . 1863/64 auf der Universität Leipzig zu haltenden Vorlesungen, S. 8, 9.

²⁵ Отчет В. Г. Васильевского за сентябрь, октябрь и ноябрь 1863 г. — ЖМНП, 1864, ч. 121, стр. 226. Очевидно, частично основные идеи этих лекций были изложены Рошером в «Ansichten der Volkswirtschaften aus dem geschichtlichen Standpunkt», 2., univ. Auflage, Leipzig—Heidelberg, 1861.

²⁶ Отчет В. Г. Васильевского за январь, февраль и март 1864 г. — ЖМНП, 1864, ч. 122, стр. 466.

²⁷ Там же, стр. 467 (прежде всего он, по-видимому, имеет в виду занятия Г. Курциуса, А. Вестерманна, Р. Клотца, Фриште).

²⁸ Там же, стр. 437.

Римской империи», в котором он рассматривал книги Штара (Tiberius. Berlin, 1863) и Штруве (Tacitus und Tiberius)²⁹. Обращает на себя внимание то, что эти работы вызвали неудовлетворение Васильевского прежде всего неглубоким проникновением авторов в сущность исторических событий³⁰. Васильевского, как видно, привлекала уже не столько политическая история императорского Рима, сколько другие, социально-экономические ее аспекты³¹. При всем уважении к Моммзену³², Васильевского, по-видимому, не совсем удовлетворяло в нем то, что Моммзен в русле общей немецкой традиции основное внимание все же концентрировал на политической, государственной истории Рима и провинций.

Таким образом, суммируя итоги пребывания Васильевского в Германии³³, следует прежде всего отметить усовершенствование им приемов и методов исторического анализа. Как справедливо отмечал Модестов, Васильевский «не достиг бы» и в изучении византийской истории «того сильного положения, которое выпало ему на долю, если бы не приступил к ней во всеоружии превосходной подготовки именно по римской истории»³⁴. Отмечая значение Моммзена и Л. Ранке, лекции которого по истории Римской империи также слушал в Берлине Васильевский³⁵, для изучения византийской истории, Г. А. Острогорский особо подчеркивал, что после работ того и другого стало невозможно больше поддерживать «легенду о тысячелетнем упадке какого-либо государства»³⁶. Возможно, что в известной мере и этим исследователям отчасти обязан В. Г. Васильевский утверждением своих представлений о прогрессивном развитии Византии. В то же время развитие его интереса к проблемам социально-экономической истории, видимо, было в большей мере связано с интересом к этим проблемам в России³⁷.

Пребывание Васильевского в Германии оказалось полезным еще в одном отношении. Столкнувшись с резко шовинистическими и националистическими воззрениями ряда немецких историков (Дройзен³⁸ и др.), Васильевский укрепился в своем неприятии националистических тенденций в науке. Может быть, этим мы отчасти и обязаны тому, что Васильевскому оказались чужды те резкие черты панславизма, которые были так характерны для многих крупных византинистов и славистов второй половины XIX — начала XX в. Поездка Васильевского положила начало научным связям русской и немецкой византистики. Крупнейший немецкий византинист К. Крумбахер специально изучил русский язык для того, чтобы читать работы русских византинистов и, как вспоминает А. А. Васильев, специально приезжал в Петербург, чтобы установить с ними контакты.

²⁹ ЖМНП, 1864, ч. 121, стр. 256 и сл.

³⁰ Там же, стр. 256.

³¹ Мы не имеем прямых упоминаний об этом в отношении Моммзена, но лекциями Кёпке Васильевский был не удовлетворен прежде всего потому, что тот ограничивался только «политическими событиями» (ЖМНП, 1862, ч. 115, стр. 146).

³² См., например, его рецензию на издание Моммзена: *Jordanis Romana et Getica. Monumenta Germaniae Historica. Auctorum antiquissimorum tomi V, Pars prior.* Berlin, MDCCCLXXXII. — ЖМНП, 1888, ч. 222, стр. 371—388.

³³ ЖМНП, 1863, ч. 117, стр. 298.

³⁴ В. И. Модестов. Указ. соч., стр. 163.

³⁵ ЖМНП, 1863, ч. 119, стр. 37.

³⁶ G. Ostrogorsky. *Histoire de l'état Byzantin.* Paris, 1956, p. 32.

³⁷ D. Obolenski. *Modern Russian attitudes to Byzantium.* «Jahrbuch der Österreichischen byz. Gesellschaft», XV, 1966, S. 68; J. Irmischer. *Zum Byzanzbild der Deutschen Historiographie des 18. und 19. Jahrhunderts.* S. 97—99.

³⁸ См., например, за те же годы отчет Стефановича (ЖМНП, 1864, ч. 122, стр. 378). О Дройзене см. В. Bravo. *Philologie, histoire, philosophie de l'histoire. Etude sur J. G. Droysen, historien de l'Antiquité.* Wroslaw—Varsóvie—Cracovie, 1968. Возможно, что все это также было одной из причин, почему Васильевский перестал ходить на лекции по средневековой и немецкой истории.

М. А. ЗАБОРОВ

ИЗВЕСТИЯ РУССКИХ СОВРЕМЕННОК О КРЕСТОВЫХ ПОХОДАХ *

В плане сопоставления сведений латинских хронистов о крестовых походах на Восток с известиями других современников представляют существенный интерес материалы русских повествовательных источников XII—XIII вв. Они занимают особое положение среди остальных памятников, относящихся к исследуемому сюжету.

Как нами уже было показано, латинские хроники отражают апологетические тенденции католической историографии крестовых походов¹. Составители этих сочинений стремились прославить завоевания в «заморских землях», предпринятые по призыву апостольского престола. В повествованиях же арабских, армянских, сирийских, византийских авторов войны против франков (латинян) рисуются с противоположных, чем у латино-католических писателей, позиций, отражающих настроения и взгляды тех, кто был жертвами западнофеодальной агрессии, осененной священными символами. Отсюда — неприязненное или даже откровенно враждебное, подчас прикрываемое злой иронией, отношение восточных историков к крестоносцам, усиливается конфессиональными мотивами.

Все это объясняет пристрастность в освещении событий представителями «обеих сторон», которые столкнулись в двухвековом конфликте в Восточном Средиземноморье. Эта пристрастность была порождена в конечном счете противоположностью классово-политических интересов западноевропейских рыцарей-завоевателей и оказавшихся временно под их игом восточных народов.

Рассказы русских авторов XII—XIII вв. по характеру своему отличаются и от проникнутых апологетикой творений западных монахов и сенюров, и от сообщений восточных и византийских историков, окрашенных неприязнью к крестоносцам. Киевская Русь никогда не участвовала в крестовых походах на Ближний Восток; по крайней мере, какие-либо прямые

* В настоящем очерке предпринята попытка выяснить, в какой мере интерес к истории крестовых походов западного рыцарства проявлялся у русских летописцев и путешественников XII—XIII вв. В задачу работы не входит ни оценка позиции Древней Руси по отношению к крестовым походам, ни, тем более, разбор общеисторических воззрений упоминаемых ниже повествователей. Речь идет лишь об установлении того, каковы были их сведения о крестовых походах, какие события этих войн и в какой мере привлекали внимание русских современников, в чем ценность и значение передаваемых ими известий. Исторические и религиозно-политические взгляды авторов разбираемых свидетельств затрагиваются только в связи с изучением точки зрения этих писателей на изображаемые ими конкретные эпизоды крестовых походов.

¹ См. М. А. Заборов. Введение в историографию крестовых походов (Латинская хронография XI—XIII вв.). М., 1966, стр. 30 сл., 199 сл.

и притом достоверные известия об этом отсутствуют как в латинских², так и в русских³ источниках. По-видимому, тут действовали многообразные, в том числе не в последнюю очередь внешнеполитические факторы, выступавшие, по условиям эпохи, в религиозном обрамлении. Русские феодалы в массе своей едва ли могли испытывать желание принимать участие в крестовых походах уже потому хотя бы, что то были папские предприятия. Урбан II, поднимая Запад на священную войну против «поганого племени турок»⁴, звал опоясаться мечом для освобождения гроба господня лишь своих *fideles*, т. е. католиков, — к «схизматикам», почти полвека назад отпавшим от римско-католической церкви (1054 г.), он вовсе не обращался.

И, что еще более важно, уже в конце XI в., начиная с понтификата Григория VII, отчетливо обозначилось антирусское направление миродержавной политики папства. С этого времени Русь надолго заняла свое место в экспансионистских планах курии⁵. Позднее, с XII в., русские земли, как и другие славянские, стали непосредственным объектом крестоносной агрессии немецкого рыцарства, тайно и явно инспирировавшейся папами и их окружением (зловещая роль аббата Бернара Клервоского, заклയാтого врага славянских народов, организатора похода 1147 г. и вместе с тем Второго крестового похода на мусульманский Восток, хорошо известна)⁶. В начале XIII в. под эгидой папства образуется военно-мо-

² В. Т. Пашуто в монографии «Внешняя политика Древней Руси» (М., 1968, стр. 140—141) отмечает сообщение «Истории Иерусалима и Антиохии» об участии русских воинов в сражении крестоносцев Первого похода за Никею (1097 г.). Однако сообщение это, являющееся единственным в своем роде, более чем сомнительно. Оно не принадлежит участнику событий; это известие весьма позднего происхождения. Хронисты — очевидцы Первого крестового похода, подробнейшим образом называющие различные народности, представленные в крестоносной рати, *нигде* не упоминают русских ратников в составе воинства, двинувшегося в 1096 г. освобождать палестинские святыни. У Фульхерия Шартрского, к примеру, перечень крестоносцев по их национальной и этнической принадлежности насчитывает до двух десятков наименований (см. *Fulcherii Carnotensis Historia Hierosolymitana*. — РНС, t. III. Paris, 1866, p. 337—338); аналогичные известия находим в хрониках Петра Тудебода, Альберта Аахенского, Раймунда Ажильского. Подробнее см. М. А. Заборов. Указ. соч., стр. 91, прим. 175.

³ Сохранились, впрочем, весьма глухие данные, судя по которым, какие-то русские силы будто бы сражались с мусульманами в конце XII в. Мы имеем в виду то место «Слова о полку Игореве», где автор обращается с призывом защитить Русскую землю к Ярославу Владимировичу, князю Галицкому, и, отгнетая выгодное стратегическое положение владений князя, его могущество и т. д., заявляет: «Ты... стреляешь с отчего золотого престола салтапов за землями». Вслед за этим идет клич: «Стреляй же, господин, в Кончака, поганого раба, за землю Русскую, за раны Игоря, буйного Святославича» («Слово о полку Игореве»). Под ред. В. П. Адриановой-Перетц, М.—Л., 1950, стр. 66—67. Указано нам А. А. Зиминным). Истолкование этого места как свидетельства участия галичан в крестовых походах было дано Д. С. Лихачевым (там же, стр. 443—444, со ссылкой: «догадка Д. Дубенского» и в кн.: «Слово о полку Игореве». М.—Л., 1955, стр. 78). Автор поясняет цитируемый им текст «Слова» в скобках, перебивающих цитату: «Ты посылаешь войска против салтана Саладина в Палестину». Ср. также стр. 77, где Д. С. Лихачев прямо указывает, что Ярослав Галицкий, согласно «Слову», «посылает свои войска в помощь крестоносцам против султана Саладина». Нам такая интерпретация представляется не слишком убедительной: ведь события, связанные с поражением князя Игоря, разыгрались в 1185 г., за четыре года до Третьего крестового похода (1189—1192). В каком же предприятии против египетского султана могли участвовать воины Осмомысловича? Во всяком случае, в латинских источниках никаких указаний на этот счет мы не встречали.

⁴ См. М. А. Заборов. Указ. соч., стр. 181 и сл.

⁵ Подробнее см. Б. Я. Рамм. Папство и Русь в X—XV вв. М.—Л., 1959, стр. 60 сл. Там же — библиография вопроса.

⁶ См. Н. П. Грацианский. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты. — ВИ, 1946, № 2—3. В. Т. Пашуто с полным основанием отмечал органическое родство двух главных направлений крестовых походов («Франкского» и «тевтонского») и указывал на тесную связь их судеб друг с другом (см. В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства. М., 1959, стр. 403). Представление о прямой взаимозависимости двух аспектов политики римской курии (в России и на Ближнем Востоке) раз-

нашеский орден меченосцев. Он создается по образцу организованных в Палестине (после Первого и Третьего противомусульманских крестовых походов) рыцарских сообществ. Орден меченосцев, как и Тевтонский, перенесший в начале XIII в. поле своей деятельности в Восточную Европу, под покровительством апостольского престола развернул кровавую экспансию в Прибалтике и против русского Северо-Запада⁷. Большую активность проявляло папство и по отношению к Юго-Западной, Галицко-Волынской Руси⁸, не останавливаясь при этом даже перед тем, чтобы использовать в своих интересах степняков-половцев⁹.

Всего этого было более чем достаточно, чтобы удержать феодальную Русь в стороне от борьбы за «спасение» христианских святынь на Ближнем Востоке, вдохновлявшейся курией: ведь, организовав эти вооруженные экспедиции, Рим добивался вместе с тем и подчинения своему влиянию русских земель¹⁰.

К этому необходимо добавить, что широкая теократическая программа папства, осуществлявшаяся с помощью оружия крестоносцев, включала в сферу притязаний Рима и Византию, а с ней Русь связывала тесные церковно-политические узы и культурные контакты¹¹. Крестоносцы, отправляясь в Палестину, неоднократно разоряли византийские области; в 1204 г. они и вовсе разгромили Константинопольскую империю.

Могла ли Русь при таких условиях включаться в крестовые походы?

В эпоху, когда феодальный Запад устремился в богатые страны Восточного Средиземноморья для захвата земель «неверных», самой Руси пришлось беспрестанно воевать со степными кочевниками-иноверцами. Половцы являлись со второй половины XI в. постоянной угрозой для Руси. В первые десятилетия XIII в. на русские города и села обрушились татаро-монгольские орды. Героическое трехлетнее сопротивление, ока-

вивается им также в статье «Некоторые данные об источниках по истории монгольской политики папства» («Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России». — Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961, стр. 209), в рецензии на монографию Э. Винтера «Россия и папство» («История СССР», 1961, № 1, стр. 220), а особенно в кн.: «Внешняя политика Древней Руси», стр. 227 сл., 278 сл. и др.)

⁷ См. подробно в книгах: В. Т. Пашуто. Героическая борьба русского народа за независимость (XIII в.). М., 1956; *его же*. Образование Литовского государства; *его же*. Внешняя политика Древней Руси.

⁸ См. В. Т. Пашуто. Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950, стр. 242 сл.; *его же*. Внешняя политика Древней Руси, стр. 243 сл.

⁹ Один из характерных, однако до недавнего времени остававшихся малоизученным эпизодов папской агрессии в этих областях — создание в 1228 г. Половецкого епископства (в районе Серета, Прута и Днестра) — раскрыт в статье: В. Т. Пашуто. Половецкое епископство. — «Ost und West in der Geschichte des Denkens und der kulturellen Beziehungen. Festschrift für Eduard Winter zum 70 Geburtstag». Berlin, 1966, S. 33—40.

¹⁰ См. В. Т. Пашуто. О политике папской курии на Руси (XIII в.). — ВИ, № 5, 1949, стр. 52—76. Интересен тезис этого ученого о принципиальном совпадении интересов славянских, прибалтийских и арабских народов в борьбе против крестоносной агрессии, направлявшейся из папского Рима (см. В. Т. Пашуто. Образование Литовского государства, стр. 401). Однако такое совпадение интересов, очевидное в ретроспективном плане, едва ли осознавали русские современники крестовых походов. Автор Ипатьевской летописи, например, с сокрушением сообщал об отвоевании Иерусалима мусульманами в 1187 г. Более того, в этом событии он усматривал прямое оскорбление и православно-христианскому миру («нам же укоренным сущим, понос принимающим от беззаконных тех агаря»). — ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 135). Характерно также, что упоминание о выступлении в крестовый поход Фридриха I (Барбароссы) сопровождается рассуждениями, восхваляющими немецкого «кесаря» и немцев как святых мучеников, проливающих кровь за Христа [см. там же, стр. 139 (под 1190 г.)]. Комментарий издания полагают даже, что «эта похвала крестоносцам, без сомнения, выписана из какой-нибудь латинской легенды» (там же, стр. 139, прим.).

¹¹ Подробно см. в кн.: М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956, стр. 450 сл.

занное им здесь, избавило Западную Европу от татаро-монгольского нашествия: Запад продолжал свои восточные крестовые авантюры. В сложившейся ситуации это движение оставалось в тем большей степени политически чуждым Руси, что апостольский престол, организуя крестовую агрессию, пытался использовать татаро-монголов для покорения русских земель¹².

Все эти обстоятельства в известной мере объясняют причины неучастия Руси в крестовых экспансиях, остававшейся делом феодально-католической Европы.

Если русские люди в XI—XII вв. и интересовались Палестиной¹³, то отнюдь не рассматривая ее в качестве объекта возможных захватов. Они ездили туда, как и в Константинополь и вообще на Ближний Восток, с мирными — религиозными¹⁴ или хозяйственными — целями¹⁵. Число русских паломников в Иерусалим было весьма значительным¹⁶. Одно из наиболее известных странствований — «хождение» игумена Даниила в начале XII в. с большой группой киевлян и новгородцев (в том числе знатных людей), посетившего Константинополь, а затем обошедшего и «землю Галилейскую» (о сопровождавших его лицах он писал: «Вся дружина моя русские сынове, и приключишася тогда и ноугородци и кияне, Седеслав Иванковичь, Горослав Михалкович, Кашкича два и инии мнози») ¹⁷. К нему мы еще вернемся в дальнейшем.

Сказанным определяется и специфика русских летописных известий о занимающих нас событиях. Они встречаются сравнительно редко и в большинстве своем сугубо фрагментарны: как правило, те или иные эпизоды крестовых походов передаются из вторых рук. Многие этим историкам было просто, по-видимому, неизвестно: они вносят в свои творения вести о далеких войнах «латинников» в том самом виде, в котором были услышаны ими. Иногда это — лишь мельком, попутно брошенная фраза, в которой, однако, явственно виден широкий кругозор историка. Патриарх русского летописания, автор «Повести временных лет» — превосходный тому пример. Он упоминает о переходе Иерусалима к христианам, передавая под 986 г. ходячую легенду о великом князе Владимире, якобы ведшем дискуссию с представителями «трех вер» (мусульманства, христианства, иудаизма). Излагая этот спор, Нестор вкладывает в уста хазарских евреев, отвечающих на уточняющий вопрос киевского князя о судьбе Иерусалима, слова: «Разгнѣвася бог на отци наши и расточи ны по странам грех ради наших и предана бысть земля наша хрестея-

¹² См. Б. Я. Рамм. Указ. соч., стр. 146 сл.

¹³ См. Д. В. Айдалов. Некоторые данные русских о Палестине. — «Сообщения Православного Палестинского общества», т. XVII, вып. 3. СПб., 1906, стр. 334 сл.

¹⁴ См. А. Palmieri. I pellerinagi russi in Terrasanta. — «Bessarione», VIII, 1900, p. 571—605.

¹⁵ Подробнее о восточно-византийском направлении русской торговли того времени, о посещениях русскими купцами городов Сирии и Палестины см. Б. А. Рыбаков. Торговля и торговые пути. — «История культуры Древней Руси», т. I. М.—Л., 1948, стр. 339—340; М. В. Фельнер. Некоторые сведения археологии по истории русско-восточных экономических связей до середины XIII в. — Сб. «Международные связи России до XVII в.» М., 1961, стр. 49, 52 сл.; Ю. А. Лимонов. Из истории восточной торговли Владимиро-Суздальского княжества. — Там же, стр. 62; А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто. Внешняя торговля Древней Руси (до середины XIII в.) — «История СССР», 1967, № 3, стр. 107 сл. В числе прочих паломников, отправлявшихся на Восток, были так называемые «калики переходные»: так, в 1168 г. в Новгород из Иерусалима возвратились 40 калик переходных, привезших с собой различные реликвии, которые им вручил иерусалимский патриарх. См. Д. В. Айдалов. Указ. соч., стр. 345—346.

¹⁶ См. перечень паломничества: М. В. Левченко. Указ. соч., стр. 470; В. Leib. Rome, Kiev et Byzance à la fin du XIe siècle. Paris, 1924, p. 277 sq.

¹⁷ Цит. по: «Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века (1113—1115)». Под ред. А. С. Норова. СПб., 1864, стр. 144 (далее: Даниила).

ном»¹⁸. В этой последней части фразы многие исследователи (С. М. Соловьев, Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский, в наше время Д. С. Лихачев) усматривали намек на взятие Иерусалима крестоносцами в 1099 г.¹⁹, против чего решительно возражал А. А. Шахматов²⁰. Как бы то ни было, следует признать, однако, что летописец (а ведь «Повесть временных лет» относится к началу XII в.) не обнаруживал ни сколько-нибудь устойчивого интереса к развертывавшимся в далеком Иерусалиме событиям, ни, тем более, должной осведомленности. Точно так же обстоит дело и с некоторыми другими летописными сообщениями.

Разрозненные упоминания об отдельных фактах восточных войн западных «хрестеян» встречаются в Ипатьевской и Густинской летописях, но они носят спорадический характер и весьма кратки. К тому же последняя составлялась в XVII в. и опиралась, видимо, на латинские хроники²¹. Так, в Ипатьевской летописи под 1187 г. говорится о падении Иерусалима («взят бысть Ерусалим безбожными срацины») ²². Густинская летопись под 1099 г. лаконично отмечает взятие Иерусалима западными единоверцами («в се лето христиане взяша Иерусалим под турком») ²³. Слабо осведомленный летописец ошибается: ведь «священный град» был отвоеван крестоносцами не у турок, — еще в августе 1098 г. арабы отняли его у сельджуков, и город находился под властью египетского султана.

Там же под 1190 г. упомянута гибель «кесаря немецкого» Фридриха (т. е. Фридриха I Барбароссы)²⁴.

В Типографской летописи имеется известие от 1218 г. о том, что «ходи король со угры и с нъмци в Иерусалим, и бия за гроб господень со срацины, и не успев ничто же возвратися»: это — сообщение о Пятом крестовом походе²⁵.

Из цитированных данных ясно, что они едва ли могут иметь существенное значение для уяснения событий истории крестовых походов, которые не были бы известны из более полноценных источников.

Другое дело, что взятые сами по себе, эти сообщения проливают некоторый свет на исторические воззрения отечественных летописцев, но рассмотрение данной проблемы находится за рамками темы нашего исследования. Отметим лишь, что в цитированных сообщениях отчетливо проступают черты провиденциализма, свойственного не только западным, но и русским средневековым историкам. Более того: создается даже впечатление, что подчас тот или иной факт из истории крестовых походов вообще отмечается летописцем лишь постольку, поскольку в его глазах

¹⁸ «Повесть временных лет», часть первая. М.—Л., 1950, стр. 60. Указано нам В. Т. Пашуто. Последний обращается к цитируемому месту «Повести» для доказательства тезиса об оживлении связей Руси с Палестиной после образования Иерусалимского королевства (см. В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси, стр. 140 сл.). На наш взгляд, доказательная сила данного известия «Повести» именно в этом плане невелика: если летописец действительно имел в виду захват Иерусалима крестоносцами в 1099 г., то не исключено, что столь крупная новость международной жизни могла прийти на Русь, минуя каналы, непосредственно соединявшие ее с Ближним Востоком (т. е. с Запада или из Византии).

¹⁹ См. А. А. Шахматов. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908, стр. 674 сл. Указано нам А. П. Новосельцевым. См. также: «Повесть временных лет», часть вторая. М.—Л., 1950, стр. 329—330 (комментарии со ссылкой на указанную выше работу Айналова).

²⁰ А. А. Шахматов. Указ. соч., стр. 674—675.

²¹ В. Leib. Op. cit., p. 277, n. 1.

²² Ипатьевская летопись — ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 135.

²³ Прибавление к Ипатьевской летописи. Густинская летопись. — Там же, стр. 285.

²⁴ Там же, стр. 323.

²⁵ Указано нам А. П. Новосельцевым. См. оценку этого фрагмента: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, стр. 288.

он заслуживает внимания исключительно с религиозной точки зрения (как повод для высказывания благочестивых соображений, как подтверждение символической значимости небесных знамений или невозможности постичь предназначения всевышнего и пр.).

Автор Ипатьевской летописи, бегло упомянув о переходе Иерусалима к «беззаконным агаряном», обстоятельно рассуждает по этому поводу о существующей, по его мнению, прямой зависимости между данным событием и солнечным затмением, случившимся в тот же день (15 сентября), когда град святого гроба достался мусульманам. Оказывается, «таковая бо знамения не на добро бывають», но что если «во дни наша преда господь град Ерусалим святы беззаконным тем агаряном», то и всякая попытка постичь промысел божий была бы тщетной²⁶.

У большинства русских современников, питавшихся преимущественно случайными известиями о занимающих нас событиях, не встретить не только цельных повествований, подобных латинским хроникам, но даже и выдержанных в сколько-нибудь широком хронологическом масштабе описаний какой-либо из крестовых войн, как то наблюдается в произведениях восточных и византийских историков XII—XIII вв.

В этом и нет чего-либо удивительного: русские люди, отделенные тысячами километров и от западных стран, где рождались завоевательные замыслы, и от стран Востока, где развертывались битвы франков против «неверных», конечно, не были в состоянии дать систематизированные рассказы об этих событиях. Даже их относительно обстоятельные повествования касаются отдельных эпизодов крестовых походов, свидетельствами которых доводилось быть только немногим выходцам из Руси. Как источник сведений эти сочинения носят совершенно иной характер, нежели приведенные выше краткие упоминания летописцев. Здесь мы имеем дело поистине с первоклассным материалом, вносящим порой принципиальные поправки, уточнения и дополнения к сообщениям латинско-католических историков, подчас меняющие всю картину событий.

К таким произведениям, занимающим достойное место среди остальных источников по истории крестовых походов, принадлежат два литературных памятника: составленные названным уже паломником игуменом Даниилом записки о его странствовании по святой земле²⁷, напоминающие отчасти (и по форме, и по содержанию) многочисленные итинерарии западных пилигримов этой эпохи²⁸, и знаменитая «Повесть о взятии

²⁶ ПСРЛ, т. II, стр. 285.

²⁷ См. выше, стр. 87, прим. 17. «Хождение» мниха Даниила впервые было издано Сахаровым: «Путешествия русских людей по Святой земле», ч. I. СПб., 1839; им же переиздано в кн.: «Сказания русского народа», т. II, кн. 8. СПб., 1849. Вместе с русским и французским переводами, а также обширным комментарием издано затем А. С. Норовым, позднее — в другой редакции — опубликовано М. А. Веневитиновым («Житие и хоженье Даниила Русския земли игумена, 1106—1107 гг.» — ППС, т. I, в. 3. СПб., 1883; т. III, в. 3. СПб., 1885). Этот памятник неоднократно привлекал к себе внимание исследователей. Обстоятельная библиография о нем собрана в статье: В. В. Данилов. К характеристике «Хождения» игумена Даниила. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954. В. В. Данилов, однако, не включил сюда сокращенный русский перевод «Хождения», опубликованный в хрестоматии М. М. Стасюлевича («История средних веков в произведениях ее писателей. . .», т. III. СПб., 1865), а также упустил один из ранних исследовательских этюдов, посвященных памятнику: H. Hagenmeyer. Über Pilgerreise des Abtes Daniel von Kiev in das gelobte Land zu Anfang des 12-ten Jahrhunderts. — In: *Ekkehardi Uraugiensis. . . Hierosolymita. Beilage VI.* Tübingen, 1877, S. 359—364). Новейшие работы учтены также в статье: Ю. П. Глушакова. О путешествии игумена Даниила в Палестину. — «Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963, стр. 79, прим. 3.

²⁸ См. в кн.: *Itinéraires a Jérusalem et descriptions de la Terre Sainte rédigés en français au XI-e, XII-e et XIII-e siècles*, publiés par H. Michelaut et G. Raynaud. Genève, 1882.

Царьграда фрягами»²⁹, вошедшая в Новгородскую летопись и принадлежащая русскому очевидцу захвата византийской столицы крестоносцами.

Несмотря на то, что каждый из этих памятников описывает лишь отрывочные эпизоды крестоносных войн на Востоке, уместающиеся в ограниченные временные рамки, оба источника обладают большими преимуществами перед многими другими. Преимущества эти обусловлены тем, что как мних Даниил, так и новгородец, писавший о походе 1202—1204 гг., были, с одной стороны, свободны от апологетической тенденциозности латинских историков, а с другой — от «нигилистического» отношения к действиям западных «варваров», наблюдающегося в сочинениях восточных и греческих писателей. Выходцы из Руси описывали крестовые походы относительно беспристрастно. Эти повествователи, будучи свидетелями описываемых ими событий, сумели проявить острую наблюдательность, но в то же время не привнесли в свои рассказы столь откровенной «заинтересованности», как их собратья по перу из других стран: стремление возможно точнее воспроизвести увиденное, сдержанность в оценках, даже при освещении самых неблагоприятных поступков «воинов христовых», — таковы наиболее важные достоинства известий упомянутых путешественников.

Правда, то обстоятельство, что Русь непосредственно не была замешана в войнах христианского Запада против мусульманско-византийского Востока, сказалось на свидетельствах названных писателей и иным образом: подчас они не знают в точности о каких-то событиях, недостаточно осведомлены о них, подлинные факты подменяют сконструированными на основе догадок или сведений от третьих лиц, поэтому трудно использовать отдельные показания этих писателей как источник фактических данных.

Остановимся подробнее на каждом из упомянутых двух произведений. Начнем с «Хождения игумена Даниила по Святой земле». В какой мере заслуживает оно внимания историка крестовых походов?

Игумен Даниил³⁰ пилигримом посетил Палестину в начале XII в.³¹

²⁹ Далее цит. по изд.: Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, под ред. А. Н. Насонова. М.—Л., 1950.

³⁰ Анализ вопросов, относящихся к его биографии, социальному положению до принятия монашества, политическим взглядам и т. п., подробнее всего дан в отмеченной выше статье В. В. Данилова (ТОДРЛ, т. X, 1954). Автор этой работы придерживается распространенной точки зрения, согласно которой Даниил был черниговского происхождения (В. В. Данилов. Указ. соч., стр. 99). До пострижения Даниила, по гипотезе того же историка, являлся земельным вотчинником (там же, стр. 102); исследователь показал, что по своим политическим воззрениям Даниил был русским патриотом XII в. (там же, стр. 103 сл.). Политическую направленность и характер патристических воззрений Даниила убедительно определил В. Л. Янин в работе «Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Даниила» (ТОДРЛ, т. XVI, 1960). Вопреки В. П. Адриановой-Перетц и другим ученым, которые, указывая на патриотизм Даниила и даже отмечая, что он носил общерусский характер, фактически превращали писателя лишь в патриота Черниговского княжества, а то и своего монастыря, зависевшего от черниговских князей (В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 114), В. Л. Янин доказал, что в «Хождении» вообще не отдается никакого предпочтения черниговским или каким-либо иным южнорусским князьям. Напротив, игумен Даниил выступает перед нами поборником той системы взаимоотношений между князьями, которая установилась на Руси в конце XI—начале XII в. и в которой он видел «средство от усобиц, разорения Русской земли и братоубийственных войн» (там же, стр. 131).

³¹ Точное время Даниилова паломничества не установлено. А. С. Норов приурочивал его к 1113—1115 гг., исходя из того, что в рассказе игумена о походе Балдуина к Дамаску (см. ниже, стр. 95) якобы имеются в виду события 1115 г. (Даниил. Предисловие, стр. V—VI). Последняя гипотеза была отвергнута Г. Хагенмайером, посвятившим этому вопросу особый экскурс в Приложении к изданному им «Иерусалимцу» Эккехарда Ауроского (см. *Ekkehardi Uraugiensis. . . Hierosolymita, Beilage VI, S. 359—361*). Позднее М. А. Веневитинов, редактор нового издания памятника, датировал «Хождение» 1106—1108 гг. (см. «Житие и хоженье Даниила Русьския земли игумена. . .»). Под ред. М. А. Веневитинова. — ППС, т. I, в. 3. СПб., 1883, стр. II—V). Однако

По его собственному сообщению, он прожил в Иерусалиме 16 месяцев «в метухии св. Савы» (т. е. в подворье этого православного монастыря)³² и «оттоле походив испытав вся та святая места и видех добре»³³. Возможно, путешествие Даниила — одно из ранних свидетельств ставших впоследствии регулярными связей Древней Руси с православным миром Малой Азии и Восточного Средиземноморья³⁴. В научной литературе выдвигалось также предположение, будто Даниил не был простым паломником, отправившимся в странствование лишь по религиозным мотивам: он якобы выступал посланцем великого князя Святополка, который использовал этого странника для установления контактов с государем Иерусалимского королевства — Балдуином I (1100—1118)³⁵. Хотя соображения, приводившиеся в обоснование этой гипотезы, весьма логичны (из текста «Хождения» действительно видно, что Балдуин I особо благоволил к русскому пилигриму-мниху, поставил его в привилегированное положение, обеспечил охраной из своих воинов и пр.³⁶), однако едва ли обладают необходимой доказательной силой. Если допустить, что игумен Даниил был облечен дипломатическими полномочиями, то в чем могла состоять его миссия? Какие общие «военно-политические» цели могли объединить тогда великого князя киевского с латинскими завоевателями Иерусалима?

Сравнительно недавно была сделана попытка подкрепить эту гипотезу другой, к сожалению, столь же малообоснованной: миссию Даниила якобы надлежит расценивать в связи с византийской дипломатией Святополка Изяславича, а именно: это путешествие являлось дипломатической акцией киевского князя, предпринятой в ответ на призывы Византии о помощи против . . . сельджуков³⁷. Несостоятельность всей конструкции определяется шаткостью ее фундамента: выдвинувшая эту гипотезу молодая исследовательница Ю. П. Глушакова опиралась на лишенное всяких ссылок высказывание Н. М. Карамзина, высказывание совершенно голословное, не подтверждаемое никакими источниками. Однако, если даже гипотеза была бы верна, спрашивается: какое отношение к Иерусалиму имела акция киевской дипломатии в Царьграде, будто бы искавшем поддержку на Руси против сельджуков? Видимо, Ю. П. Глушакова допускает какую-то возможность совместных действий русского князя против сельджуков не только с Византией, но и с Иерусалимским королевством? Думать так — значит из области реальных фактов переноситься в область совершеннейшей фантазии³⁸.

его аргументация также не дает, что признавал и он сам, окончательного решения этой трудной проблемы. В. Л. Янин, ссылаясь на М. А. Веневитинова, полагает, что «Хождение» «было создано в тот период, когда между княжескими отношения на Руси на какой-то срок были определены постановлениями совещаний в Любече (1097 г.), Городце (1102 г.), Витичеве (1100 г.) и в Киеве (1102 г.)» (В. Л. Янин. Указ. соч., стр. 112). Иначе говоря, В. Л. Янин в общем близок к веневитиновской датировке «Хождения» (1106—1108 гг.). То же самое в основном применимо и к выводам Ю. П. Глушаковой (указ. соч., стр. 82—83). Д. С. Лихачев, однако, относит этот памятник к эпохе Владимира Мономаха (см. «История русской литературы», т. I. Литература X—XVIII вв. М.—Л., 1958, стр. 85).

³² О знании русским игуменом греческого языка см. В. В. Данилов. Указ. соч., стр. 94 сл., 98 (исследователь насчитал в тексте «Хождения» 32 греческих слова; метухия — лишь одно из них). Утверждение Ю. П. Глушаковой, будто Даниил «пробыл два с лишним года» в Палестине — чистейшее недоразумение.

³³ Даниил, стр. 3.

³⁴ См. Л. В. Черепнин. Отражение международной жизни XIV—начала XV в. в московском летописании. — Сб. «Международные связи России до XVII в.» М., 1961, стр. 234 сл.

³⁵ См. В. В. Данилов. Указ. соч., стр. 94.

³⁶ Там же, стр. 92—93.

³⁷ Ю. П. Глушакова. Указ. соч., стр. 83—84.

³⁸ Между прочим, в качестве доказательства своего представления о дипломатической подоплеке паломничества Даниила исследовательница приводит следующее соображение: игумена сопровождали светские лица, киевляне, новгородцы и прочие,

Выдвигалась и другая гипотеза, согласно которой Даниил был послан в Иерусалим черниговскими князьями, которые будто бы искали поддержки против Владимира Мономаха, пользовавшегося, в свою очередь, сочувствием византийской церкви. Автор этой гипотезы — Д. С. Лихачев — считает «вполне естественной» такую попытку черниговских князей противопоставить церковному авторитету Константинополя церковный авторитет Иерусалима³⁹. Трудно, однако, допустить, что эти князья рассчитывали опереться на погрязший во внутренних неурядицах и совершенно не обладавший престижем в международных делах латинско-католический патриархат Святой земли⁴⁰ в своих расправах с Владимиром Мономахом. Решающим же доводом против этой гипотезы служит тот факт, что Даниил, якобы посланный «противниками Мономаха», датирует свое путешествие правлением великого князя Святополка Изяславича, внука Ярослава, а вовсе не Владимира Мономаха, о вступлении которого на киевский престол в 1113 г. он, по всей видимости, должен был узнать уже по возвращении.

Таким образом, отпадает и тезис о каких-то общих «религиозно-политических» целях русских князей и иерусалимской церкви⁴¹. Кстати, в латинских хрониках и документальных материалах нам не удалось обнаружить ни малейших указаний на дипломатические сношения первого иерусалимского короля с Русью⁴². Да ведь и у самого Даниила какие-либо прямые данные на этот счет тоже полностью отсутствуют⁴³.

Приходится констатировать, что мы не знаем, было ли его паломничество отягощено дипломатическим багажом⁴⁴. С точки зрения оценки «Хождения» как источника по истории Иерусалимского королевства это и не так уж существенно. Важнее другое: записки русского игумена — едва ли не единственный русский литературный памятник, в котором освещается положение Иерусалимского королевства вскоре после его основания.

«тогда как при обычных обстоятельствах (?? — М. З.) он должен был бы стоять во главе лид духовного звания» (Ю. П. Глушакова. Указ. соч., стр. 83—84). Этот довод носит произвольный характер: история паломничеств на Восток знает немало случаев, когда во главе больших групп пилигримов становились именно церковные иерархи, ведущие за собой и духовных, и мирян. Укажем хотя бы на известное паломничество 1064—1065 гг. немецких рыцарей, епископов и др.: 7000 пилигримов разного звания возглавлял архиепископ Майнцский. См. подробно в статье: E. Ioranson. The Great German Pilgrimage 1064—1065. — «The Crusades and Other Historical Essays Presented to Dana S. Munro», ed. L. J. Pactow. New York, 1928, p. 3—43. Следовательно, нет никаких причин расценивать наличие в окружении игумена Даниила светского элемента как свидетельство посольского характера его пребывания в Палестине.

³⁹ См. Д. С. Лихачев. Литература второй половины XI—первой четверти XII века. — «История русской литературы», т. I, стр. 85.

⁴⁰ См. А. С. Попов. Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев, ч. I. СПб., 1903, стр. 83—92, 331 сл.

⁴¹ Интересно, что заманчивые, хотя и лишённые твердой почвы, гипотезы относительно «дипломатической» миссии русского игумена на Востоке полонили даже такого трезвомыслящего ученого, как В. Т. Пашуто, который также называет игумена Даниила и его спутников «посольством» — и даже дважды (В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси, стр. 141).

⁴² Об этом не пишет и никто из новейших исследователей истории Иерусалимского королевства. См., например, R. Grousset. Histoire des croisades et du royaume franc de Jérusalem, t. I. Paris. 1934, p. 495 sq.; J. Richard. Le royaume latin de Jérusalem. Paris, 1953, p. 40 sq.

⁴³ Ю. П. Глушакова связывает благосклонное отношение Балдуина I к Даниилу с русской политикой Рима, точнее, с его стремлением подчинить русскую церковь (указ. соч., стр. 84). Но какие имеются основания рассматривать иерусалимского короля в качестве орудия папской дипломатии на Руси? Хронологическое совпадение этих фактов не может служить подтверждением их причинной связи!

⁴⁴ В. Т. Пашуто расценивает «дружеское отношение» Балдуина к «русскому посольству» как «попятное» само собой (В. Т. Пашуто. Внешняя политика Древней Руси, стр. 142), приводя в качестве аргумента «широкое участие Руси в средиземноморской политике» (там же). Для начала XII в., по крайней мере, это представление, на наш взгляд, — явно преувеличенное.

Отправляясь в дальние страны, мних Даниил, несомненно, воодушевлялся религиозными чувствами: он был понужден «мыслию своею и нетерпением своим, восхотех видети святыи град Иерусалим»⁴⁵. Естественно, паломник обращал свой взор в первую очередь на религиозные памятники «земли Галилейской». Их подробный перечень и тщательное описание составляют главное содержание его сочинения, которое, таким образом, является своего рода религиозно-географическим трактатом, написанным под непосредственным впечатлением увиденного («неложно, якоже бо видех очима своима грешныма, и тако написах») ⁴⁶. Описания различных освященных евангельской традицией местностей, связанных с деятельностью Иисуса Христа, с творившимися им чудесами (Кана Галилейская ⁴⁷ и др.), выполнены пилигримом весьма детально. Они свидетельствуют не только об основательной богословской образованности игумена, но и — это нас особенно интересует — о его стремлении к максимальной точности во всем, что касается характеристики как описываемых религиозных святынь, так и их антуража ⁴⁸. По своему характеру сообщения Даниила в этом плане представляют собою типично средневековое сочетание самого истового благочестия и самой пылкой любознательности к земному, горячего желания узреть священные для христианина места и предметы, дабы рассказом о них укрепить в вере будущего читателя и вместе с тем — познакомить его с этими святынями в их поустороннем, реальном облике. Любопытный штрих: сведя знакомство с ключарем гроба господня и пролинув по его «шротекции» ⁴⁹ в эту святыню, Даниил не только «шклянул» гробу тому святому и облобызав место то честное, иде же лежало тело пречистое господа нашего», но и постарался выяснить размеры гробницы богочеловека: «тогда бо измерих гроб святыи в длину, и в ширину, и в высоту» ⁵⁰. Вследствие такого своеобразного переплетения сугубо религиозных реминисценций с вполне мирским подходом к палестинским святыням страницы, рисующие их, представляют определенный интерес для понимания собственно религиозной жизни в Иерусалимском королевстве в начале XII в., когда еще не угас фанатический дух крестового похода 1096—1099 гг.

Так, немало замечок, показывающих наблюдательность нашего путешественника, найдем мы в его рассказе о нисхождении благодатного огня (или святого света) на гроб господень и обстановке, в которой совершалась эта пасхальная церемония, обстоятельно, как известно, рисуемая и латинскими, и арабскими авторами ⁵¹. Даниил хорошо подметил реальные черточки этой торжественно обставившейся ежегодной мистификации, которая привлекала в Иерусалим массу религиозно настроенных людей. В «Хождении» упоминается и тщательная подготовка к церковно-магическому действию (лампады, или «кандила», старательно моют и затем наполняют «одним чистым деревянным маслом, без воды») ⁵²; рассказывается и о собирающихся накануне священнодействия перед храмом воскресения Христова огромных толпах богомольцев «от всех стран», так что образуется «велика теснота тогда в церкви и около церкви», настолько большая, что многие «задыхаются от тесноты людей тех» ⁵³. Подчеркивает Даниил и такой факт, как, видимо, бросавшееся в глаза

⁴⁵ Даниил, стр. 1.

⁴⁶ Там же, стр. 114.

⁴⁷ Там же, стр. 134 сл.

⁴⁸ О точности и добросовестности игумена Даниила см. также в кн.: «Культура Древней Руси», т. II. М.—Л., 1951, стр. 194.

⁴⁹ См. ниже, стр. 97.

⁵⁰ Даниил, стр. 146.

⁵¹ См. об этом: М. А. Заборов. Введение в историографию. . . , стр. 68—69.

⁵² Даниил, стр. 138.

⁵³ Там же, стр. 141.

«территориально-литургическое» размежевание между представителями католического и православного духовенства, участвовавшими в великосубботней пасхальной службе: латинские священники «в величии алтаре стояху», а православные чернецы и попы (среди них — и сам автор) помещались на возвышении над гробом; обе части церковнослужителей творили молитвы каждая на свой лад⁵⁴. Описание великосубботнего действия у Даниила прекрасно дополняет свидетельства латинских хронистов, в частности о несовершенствах творившейся церковниками магии: ведь и Даниилу привелось увидеть, как религиозное действо с самовозжиганием «кандил» в гробе господнем не получилось в том виде, как оно замыслилось организаторами «чуда» (зажглась лишь часть лампад: «от тех кандил ни единого же не возгорѣся тогда, толико те 3 едини възжглися»)⁵⁵.

В отличие от авторов латинских итинерариев, отдаленных и близких предшественников Даниила (Аркульфа, Виллибальда, Бернара Мудрого, Зевульфа, посетившего Палестину всего лишь несколькими годами ранее русского игумена — в 1102 г.⁵⁶), чьи записи обычно сухи и почти лишены индивидуального колорита, Даниил живо интересовался и всей окружающей святыни естественной средой. Его описания местностей, озер, растительного и животного мира Палестины словно предвосхищают созданную выше столетие спустя «Восточную историю» Жака де Витри. Даниил выступает весьма любознательным путешественником-географом. О мертвом (Содомском) море он пишет, что оно «мертво есть, не имать в себе животно ничтоже, никакой рыбы ни сколки, ни рака»⁵⁷. Напротив, Тивериадское озеро изобилует живностью: «Рыб же в нем много суть. И есть же рыба едина дивна вельми и чудна, образом яко коропъ; ту же рыбу любил в снѣдь сам Христос, сладка бо бѣ рыба та паче всех рыб; ядохом бо и мы, грешнии, рыбу ту не единою, но многожды»⁵⁸. Поэтичным и в то же время трезво-определенным выглядит облик гористого Ефранта близ Вифлеема: «И есть земля та. . . красна зело, на горах, и дрѣвеса многа овощная стоят по пригорию тому красно; масличие и рожци, смокви же и виноградие много ту суть около Вифлеома, и нивы по удолием мнози и обилны суть»⁵⁹.

Такого рода наблюдения, само собой, представляют большую ценность для историка государства крестоносцев, помогая воссоздать тот «фон», на котором разворачивались события.

И все же, хотя заметки Даниила, касающиеся религиозной жизни Иерусалимского королевства и его естественно-географической среды, во многом расширяют и дополняют известия западных итинерариев и латинских хронистов, главная ценность «Хождения» прежде всего в другом: в тех, пусть даже мимолетных, наблюдениях, которые характеризуют общее положение дел, сложившееся здесь к началу второго десятилетия владычества западного рыцарства.

Игумен Даниил вовсе не был человеком «не от мира сего». И из описаний, и из многократных «лирических» отступлений автора проступает его вполне земной облик. Недаром он сам «уличает» себя в недостатке монашеских добродетелей, в том, что, находясь в «святом пути» и в самом Иерусалиме, вел себя «неподобно», предавался «слабости и лености, пья и яды»⁶⁰. Пусть эти упреки в собственный адрес — традиционное

⁵⁴ Даниил, стр. 142—143.

⁵⁵ Там же, стр. 140.

⁵⁶ Там же, стр. IV.

⁵⁷ Там же, стр. 70.

⁵⁸ Там же, стр. 117.

⁵⁹ Там же, стр. 81.

⁶⁰ Там же, стр. 2.

самоуничтожение черноризца, своего рода привычные *exercitia spiritualia*, приверженность странника к посторонним благам и непосредственный интерес к происходящему отлично уживаются в его душе с историко-религиозной любознательностью⁶¹.

В описаниях увиденного Даниилом в Иерусалимском королевстве отчетливо проявляются острый глаз, внимание к деталям, стремление к точности и объективности⁶².

Автор «Хождения» внимателен, в частности, к хронологии событий, и некоторые его заметки, думается, весьма важны для уточнения данных латинских источников. Таково, например, сообщение (кстати сказать, ускользнувшее от новейших исследователей) о продолжительности его пребывания у Иордана после того, как паломник расстался (на мосту через реку) с «князем» Балдуином, двинувшимся со своими рыцарями к Дамаску: с этого дня и до возвращения иерусалимского короля с войны прошло, оказывается, всего 10 дней (князь «поиде к Дамаску с вой своими воевать; мы же идохом в град Тивериад и пребыхом ту дний 10, дондеже прииде князь с войны тоя от Дамаска»)⁶³. Между тем о длительности похода латинские источники, в том числе официальный историограф Иерусалимского королевства Фульхерий Шартрский, не говорят ничего.

Подчас Даниил замечает и то, о чем умалчивали латинские писатели, панегирически воспевавшие в первую очередь подвиги князей и рыцарей. В «Хождении» нет никакой идеализации порядков Иерусалимского королевства: подлинный характер основанного на насилии господства западных сенсоров обрисован, правда, скупо, но достаточно выразительно и объективно. С этой точки зрения, показательны известия Даниила, касающиеся обхождения короля Балдуина I со своими подданными и единоверцами. Этот государь, судя по всему, оказал самый любезный прием высокому саном гостю из Русской земли⁶⁴. Не удивительно, что Балдуин охарактеризован путешественником во вполне положительном тоне: это был «муж благ и смирен, и ни гордить ни мало»⁶⁵. Он разрешил ему поставить свою лампаду над гробом господним, и Даниил удовлетворил свои патристические чувства, поставив «кандило» «за вся князя наша и за вся Русскую землю, за вся христиане Русская земля»⁶⁶. В описании Балдуина I отразилось, однако, скорее личное отношение нашего паломника к покровительствовавшему ему государю, который «познал бо мя добре и любляше мя велми»⁶⁷. Что касается наиболее существенного в освещении «деяний» этого короля, то здесь, напротив, мы не заметим ничего, что говорило бы о попытках его идеализации. Так,

⁶¹ Б. Лайб, несомненно, ошибался, считая, будто Даниил ничего не замечал вокруг себя, кроме святынь (*B. Leib. Op. cit.*, p. 278, n. 2).

⁶² «Наблюдателен и расторопен» — такова лаконичная, но меткая характеристика, данная ему в монографии В. Т. Пашуто («Внешняя политика Древней Руси», стр. 144).

⁶³ *Даниил*, стр. 115.

⁶⁴ Король Балдуин I имел двукратную встречу с Даниилом и оказывал ему всяческое покровительство. О близости к нему русского паломника говорит и тот факт, что на пасхальной заутрене в храме гроба господня Даниил зажег свою свечу от королевской свечи — честь, которой удостоивались немногие. См. *В. В. Данилов. Указ. соч.*, стр. 93.

⁶⁵ *Даниил*, стр. 139.

⁶⁶ Там же. См. о патриотизме Даниила: «Культура Древней Руси», т. II, стр. 194; *В. В. Данилов. Указ. соч.*, стр. 103—105.

⁶⁷ *Даниил*, стр. 139. По мнению В. Т. Пашуто, «примечательно (курсив наш. — М. З.) отсутствие у Даниила религиозной нетерпимости к Балдуину I» («Внешняя политика Древней Руси», стр. 141), в доказательство чего и приводится это высказывание игумена. Несколько ранее автор, однако, сам указывает на «дух веротерпимости», вообще царивший тогда в княжеской среде (там же, стр. 131). Но в этом случае ничего достопримечательного в Данилиной оценке позиции Балдуина I по отношению к нему нет.

передавая впечатления от пасхальной службы, состоявшейся в день нисхождения «святого света» на гроб господень, Даниил со всей прямою своею натуры отмечает бесцеремонность обращения короля с меньшей братией. Не имея возможности из-за скопления множества людей войти в храм воскресения Христова, Балдуин «повеле воем своим разгнати люди насильством, и сотвориша яко улицу сквозе люди. . . до гроба господня»⁶⁸. Одна эта сцена основательно подрывает доверие к апологетическому изображению латинскими хронистами прочного единения, якобы царившего среди христиан разных рангов в Иерусалимском королевстве.

Не менее важно и другое наблюдение игумена Даниила, также поднимающее завесу, созданную умолчаниями латинских писателей: мы имеем в виду те стороны в жизни Палестины под властью крестоносных завоевателей, которые характеризуют возникшие здесь глубокие социальные и религиозно-этнические противоречия. Пришелец из далекой Руси с ее развитыми общественными антагонизмами, зорко вглядываясь в окружающее, схватывает такие факты, которые раскрывают напряженность внутренней обстановки в стране, обусловленную взаимоотношениями «освободителей гроба господня» с покоренными ими, но не покорившимися им иноплеменниками-мусульманами.

В глазах местного населения не только франкские сеньоры, осевшие в Палестине, но и все христианские паломники, даже если они прибывали сюда на короткий срок, казались захватчиками. Паломникам постоянно чинились различные препоны, которые Даниил испытал на себе. Многие святые места, рассказывает он, недоступны для тех, кто хочет пройти туда небольшим отрядом («никто не может пройти в мале дружине») ⁶⁹, так как «туда бо ходят мнози срацины и разбивают в горах тех и в дебрях страшных». Даниил смог благополучно совершить свое странствование по Галилее только благодаря тому, что король Балдуин I, к которому пришлось обратиться за поддержкой, распорядился присоединить русского пилигрима к своей дружине, собиравшейся выступить к Дамаску ⁷⁰. «Князь», по просьбе Даниила (видно, этот титул казался ему наиболее подходящим для обозначения верховного правителя крестоносцев), «повеле ми итти с собою; и идох с ним, и приряди мя ко отроком своим. Тогда язь с радостию великою наях (кони) под ся, и так проидохом места та страшная с вой царьскыми без страха и без пакости» ⁷¹. Это впечатление русского очевидца хорошо дополняет скудные обрывки сведений о непрекращавшейся в Иерусалимском королевстве борьбе мусульман против при-

⁶⁸ Даниил, стр. 142.

⁶⁹ Там же, стр. 105.

⁷⁰ Там же, стр. 104: «. . . Аз же идох к князю тому, и рекох ему с молбою, кланяяся: князе господине, пойма мя с собою» и т. д. Как полагал А. С. Норов, автор «Хождения» якобы рассказывает здесь о предпринятом в 1115 г. походе Балдуина I, Рожера Антиохийского и Поития Триполийского против мосульских сельджуков, готовивших контрнаступление на франков. См. Даниил, стр. 107 (католические сеньоры вступили тогда в союз с сирийскими мусульманами: Туттехином Дамасским и Бадр-аль-Дином Алеппским. — См. R. Grousset. Op. cit., p. 495—503). В литературе высказывалась и другая точка зрения на данное сообщение Даниила — его относили к более ранним, чем война 1115 г., событиям (Г. Хагенмайер). К 1106—1107 гг. приурочивали эти события М. А. Веневитинов в своем издании памятника и Б. Лайб (B. Leib. Op. cit., p. 278); последний полагал, что Даниил примкнул к Балдуину I, отправлявшемуся в январе 1107 г. в очередную экспедицию против арабов, постоянно тревоживших набегами Иерусалимское королевство. См. также R. Röhricht. Geschichte des Königreiches Jerusalem. Innsbruck, 1898, S. 68. Ю. П. Глушакова, принимая в основном версию М. А. Веневитинова, сделала интересную попытку подкрепить ее дополнительными материалами и соображениями и тем самым уточнить: ее вывод сводится к тому, что пребывание Даниила в Палестине «можно датировать 1104—1106 или 1105—1107 гг.» (указ. соч., стр. 82—83). Этот вывод принят и В. Т. Пашуто («Внешняя политика Древней Руси», стр. 141).

⁷¹ Даниил, стр. 104.

шельцев-франков, сведений, содержащихся в хрониках Фульхерия Шартрского, Гийома Тирского, Бурхарда Сионского ⁷².

Стоит отметить и еще одно обстоятельство, передаваемое Даниилом со всей наивностью бесхитростного монаха и проливающее свет на обычаи и нравы светских и духовных властителей Балдуинова государства.

Он видел воочию державшиеся в глубокой тайне укрепления и святости крестоносцев. Его впустили даже в иерусалимскую цитадель, «столп Давидов», который латиняне «блюдут... велми, не дадут никомуже влѣзти в оны» ⁷³. И уж совсем, казалось бы, невероятная вещь: ключарь гроба господня не только впустил Даниила в эту святая святых, но даже «уломи ми тако камени того святого нечто мало на благословение» ⁷⁴. Чем объясняется такое непостижимое расположение к русскому? Конечно, нельзя полностью исключить предположения о дипломатическом характере его вояжа, хотя, как уже говорилось, такая гипотеза покоится на зыбких основаниях. Но из рассказа паломника с совершенной очевидностью вырисовывается другая причина, обеспечившая ему такую степень благорасположения со стороны ключаря. Эта причина — в том, что, как чисто-сердечно признается автор «Хождения», он «тому ключареву подах нечто мало» ⁷⁵. Да и не только ему перепала толика от нашего игумена. Во вступлении к своим запискам Даниил по-монашески лицемерно сообщает, что «у себя имея в руку худого моего добытка, и от того всем подавах» ⁷⁶. Едва ли речь идет тут лишь о простой милостыне с этого «худого добытка»: скорее всего, с его помощью этот паломник и прокладывал путь ко всему, что влекло к себе его любознательность. Если это так, то подобные признания автора «Хождения» лишний раз подтверждают справедливость отзыва Анны Комнины о франках как о «племени очень жадном на богатство» ⁷⁷, которые «из корыстолюбия готовы продать за обол своих жен и детей» ⁷⁸.

Какая, однако, разница в характере освещения облика латинян у обоих авторов! В каждой фразе порфирородной Анны звучит безоговорочное презрение к западным «варварам». Игумен Даниил — бесхитростен и объективен: он не стремится порочить и чернить тех, кто, худо ли, хорошо ли, проявил к нему расположение. Но именно благодаря этой естественности его рассказ вызывает доверие. Автор «Хождения» был чужд враждебного латинянам пристрастия. Обращенный против «варваров» сарказм Анны у русского игумена Даниила оборачивается лишь слегка ироничным по отношению к собственной особе, но проникнутым объективностью в отношении внешних фактов изложением. Нельзя, однако, пройти мимо одной примечательной черты «Хождения»: хотя автор записок о «земле Галилейской» побывал в ней спустя всего несколько лет после водворения там крестоносцев, он странным образом вовсе не упоминает ни об этих глубоких недавних переменах на Востоке, ни о самом крестовом походе конца XI в. Трудно допустить, что мних Даниил, который был лично знаком с королем Балдуином и находился в контакте с латинскими рыцарями и духовными лицами, мог совершенно не знать об этих событиях.

Да и независимо от этого, как упоминалось выше, на Руси было известно, что Иерусалим перешел к латинянам от «поганых». Русские феодальные круги должны были находиться в курсе того, что происходило в восточных странах, хотя бы потому, что были связаны политико-династическими узами с рядом правящих домов Запада, представители которых

⁷² См. М. А. Заборов. Крестовые походы. М., 1956, стр. 112 сл.

⁷³ Даниил, стр. 33.

⁷⁴ Там же, стр. 146—147.

⁷⁵ Там же, стр. 146.

⁷⁶ Там же, стр. 3.

⁷⁷ См. Анна Комнина. Алексиада. М., 1965, стр. 278.

⁷⁸ Там же, стр. 295.

так или иначе были причастны к крестоносному движению. Венгерский король Коломан, например, собирался искать спасения при дворе своего «родственника» — киевского князя Святополка — от банд фламандских крестоносцев, которые, предводительствуемые Эмихо Лейнингенским, наводнили Венгрию в конце 1096 г. (об этом сообщает Альберт Аахенский)⁷⁹. Другой «родственник» — датский король Эрик Добрый, крестоносцем отправившийся в Палестину, избрал даже путь на Восток через русские земли, и Святополк обеспечил его надежным военным эскортом⁸⁰.

Таким образом, какая-то информация все же поступала на Русь. И тем не менее факт остается фактом: автор «Хождения» не обмолвился ни словом относительно самого вторжения крестоносцев в Палестину, случившегося максимум за полтора десятка лет до его странствования. Даниил не проявляет никаких чувств по поводу совершившегося «спасения» столь дорогого для него «святого гроба»: он просто не упоминает о событиях, предшествовавших установлению господства латинян на Востоке. Факты же, касающиеся положения Иерусалимского королевства в настоящем, излагаются им так, будто само оно существует с давних пор.

О причинах умолчания Даниила о крестовом походе 1096—1099 гг. можно лишь догадываться. Быть может, Даниил был настолько поглощен своими религиозными заботами, что просто не интересовался недавними судьбами самой страны, куда его привели благочестивые помыслы. Не исключены и другие объяснения: например, возможно, автор записок не считал этот предмет (крестовый поход) соответствующим теме. Едва ли, однако, мы вправе предположить, что Даниил был совсем не осведомлен о походе конца XI в., о чем знали его соотечественники. Скорее всего, его умолчание — явление того же порядка, что и лапидарность сообщений на этот счет русских летописцев. Крестовый поход латинян, происходивший в очень далеких краях (недаром мних Даниил тщательно исчисляет расстояния между городами, через которые ему довелось идти), не затрагивал непосредственных политических интересов феодальной Руси, занятой внутренними усобицами и войнами против куда более близкого врага — половцев. Поэтому русские современники и касались собственно исторических судеб Святой земли лишь бегло и мимоходом.

Так или иначе внимание Даниила было всецело приковано к настоящему Палестины, находившейся под властью латинского короля. В описаниях русского паломника много ценных наблюдений, которые и делают «Хождение» важным источником по истории Иерусалимского королевства в ранний период его существования⁸¹.

Спустя менее ста лет после написания «Хождения» выступил другой русский, которому также довелось стать свидетелем деяний крестоносцев — на этот раз в единоверной ему Византии: в 1204 г., обуреваемые жадной разбогатеть, франки жестоко разгромили ее столицу, а саму империю уничтожили, основав на ее месте собственное государство — Латинскую империю. Очевидцем этих драматических событий был некий новгородец, находившийся в Константинополе в памятные дни апрельского погрома. Вскоре после завоевания Константинополя он составил рассказ о виденном — «Повесть о взятии Царьграда фрягами», включенную затем в Новгородскую летопись⁸².

⁷⁹ Alberti Aquensis Historia Hierosolymitana. — RHC, t. IV. Paris, 1879, p. 294.

⁸⁰ См. подробнее: В. Leib. Op. cit., p. 278.

⁸¹ Значение записок Даниила как источника для истории Палестины (а также Византии) в общем виде отмечал М. Н. Тихомиров («Источниковедение истории СССР», вып. I. М., 1962, стр. 163).

⁸² В источниковедческом аспекте (преимущественно) «Повесть» впервые была изучена П. М. Бицилли (Новгородское сказание о IV крестовом походе. — «Исторические известия», № III—IV. М., 1916). Всесторонне (и текстологически, и по содержанию) памятник исследовал Н. А. Мещерский в статьях: «Древнерусская повесть

Этому произведению свойственна та же главная черта, которую мы констатировали в «Хождении» Даниила: относительная беспристрастность или, по удачному выражению Н. А. Мещерского, «нейтральность»⁸³, делающая «Повесть» источником большой достоверности. Наблюдательность летописца, отметившего немало любопытных деталей двукратной осады византийской столицы крестоносцами, точность хронологических и топографических данных, обнаруживаемая сравнением известий «Повести» с сообщениями других современников и очевидцев, — все это придает памятнику значение одного из содержательных источников по истории Четвертого крестового похода⁸⁴. Так, бросается в глаза большая четкость в описании батальных сцен. Вероятно, новгородец был неплохо знаком с военным делом и многое успел увидеть из военных действий: сухопутные и морские баталии обрисованы им деловито и вполне «квалифицированно». Описания эти в основном совпадают с соответствующими данными латинских мемуаристов Четвертого похода, однако во многом и уточняют их, что лишний раз говорит о несомненной достоверности свидетельств новгородца.

Действительно, он с обстоятельностью непосредственного наблюдателя рассказывает, как в дни второй осады крестоносцы «лучины зажгъгша, пустиша на хоромы, якоже и пръже (т. е. в 1203 г. — М. З.) пожъгъгша град»⁸⁵, как Константинополь был атакован и с кораблей, и с суши. Обращается внимание на большую численность фряжского флота: там было сорок одних только крупных галер, таких, в которых уже наготове стояли «людье на коних, одени в бръне и коне их» (деталь, видимо, особо поразившая русского очевидца)⁸⁶. Эти известия почти целиком совпадают с рассказом Робера де Клари. Он также упоминает о венецианских кораблях, в трюмах которых были размещены рыцари, уже находившиеся в седле; через особые дверцы они могли выходить прямо на берег в полной боевой готовности⁸⁷. Впрочем, пикардийский рыцарь-хронист, видимо,

о взятии Царьграда фрягами в 1204 году» (ГОДРЛ, т. X, 1954); *его же*. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник по истории Византии (ВВ, IX, 1956 — сокращенный вариант первой из названных статей). На основании филологического анализа «Повести» автор пришел к предположительному выводу о ее южнорусском происхождении; лишь впоследствии, по его мнению, она вошла в Новгородский свод (см. ВВ, IX, 1956, стр. 184—185). Подробнее разбор и оценку работ обоих авторов см. в наших статьях: «Крестовые походы в работах русских историков начала XX в.» — (ВВ, XXV, 1964, стр. 139 сл.); «Советская историография крестовых походов» (СВ, вып. 25, 1964, стр. 281).

⁸³ Как указал Н. А. Мещерский, сопоставление с записками Жоффрау Виллардуэна и другими латинскими хрониками Четвертого похода свидетельствует, что в «Повести» правильно названы дни первого и второго штурма Константинополя (в апреле 1204 г.) и дата избрания латинским императором графа Балдуина Фландрского (9 мая 1204 г.); здесь скрупулезно и лучше, нежели в западных хрониках, обозначены границы константинопольских кварталов, обжатым огнем пожарниц во время первой осады города в 1203 г., когда «пожъженъ бысть град. . . и святое Софие притвор погорѣ, . . . и подрубье и до моря; а семо по Цесарев затворѣ и Суда погорѣ» (Новгородская летопись, стр. 46—47). Ср. Н. А. Мещерский. Древнерусская повесть о взятии Царьграда фрягами как источник. . . , стр. 179—180.

⁸⁴ Трудно, впрочем, оспаривать соображение автора цитируемой выше работы, справедливо подчеркивающего, что нет оснований и преувеличивать ценность «Повести» в качестве собственно исторического произведения, ибо это прежде всего памятник русской художественной литературы. Исследователь указал, что в «Повести» налицо и домыслы фольклорного происхождения (такова изложенная здесь версия бегства «Олексы» в Европу, совершенного будто бы в бочке с тройным дном. — Новгородская летопись, стр. 46), и явные, с исторической точки зрения, фактические везения, например погрешности в хронологии византийской истории (Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 181).

⁸⁵ Новгородская летопись, стр. 48. Жоффрау Виллардуэн, сообщая о пожарах, утаивает их виновников (*Ville-Hardouin. La Conquête de Constantinople, t. I, ed. E. Faural. Paris, 1938, p. 208*).

⁸⁶ Новгородская летопись, стр. 48.

⁸⁷ *Robert de Clari. La Conquête de Constantinople, ed. Ph. Lauer. Paris, 1924, p. 42—43.*

стремясь преуменьшить силы крестоносцев, рисует дело так, будто больших галер у них имелось всего пять⁸⁸. Прекрасно схвачены в «Повести» наиболее характерные черты сражения: в то время как рыцари, атаковавшие город, приставляли к стенам высокие лестницы («скалы великия»), по которым устремлялись наверх, греки и варяги стремились поразить этих воинов «каменнем и стрѣлами»⁸⁹ — рассказ, в главном сходный с тем, о чем пишет и Жоффрау Виллардуэн⁹⁰.

Внимательный очевидец, новгородец хорошо показывает расположение отрядов латинян у столичных стен: «Приступиша к граду, солнцю въсходящю, противу святому Спасу, зовеми Вергетись, противу Испигасу, стояща же и до Лахерны»⁹¹. Не опускает он и некоторых деталей, относящихся к действиям флота: так, сообщается, как один из кораблей крестоносцев был ветром прибит к городской стене, когда они кинулись на штурм византийской столицы; о том же рассказывают и Виллардуэн, и Робер де Клари, усматривающие в этой случайности чудо божье, «ибо море, которое отнюдь не было спокойно, само вынесло его» (корабль) к башне⁹².

Интересны, как можно полагать, гораздо более близкие к действительности, чем у латинских хронистов, цифровые данные русского летописца о потерях сторон. По данным Виллардуэна, выдающего желаемое за реальность, завоеватели, овладев городом с населением в 400 тыс., сами потеряли лишь одного рыцаря, а новгородец отмечает, что только при отражении их первой атаки «нъ фряг избиша близ 100 мужь»⁹³. Объективны сообщения летописца и о поведении латинян во взятом ими 12 апреля городе: войдя в него, они не отважились продвигаться до утра («и стаха на мѣсте») и провели ночь («и ту стаха и на ночь») там, где раньше находилась ставка императора Алексея V Мурцуфла: только с восходом солнца ворвались они в храм св. Софии⁹⁴.

Мы уже указывали, что латинские историки, будучи апологетами рыцарского воинства (Жоффрау Виллардуэн, Робер де Клари, Гунтер Пэрисский), обходили молчанием или стремились смягчить его недостойные «подвиги» в Константинополе. Они воспевали захват города как величайшее историческое событие.

Еще более усиливая и словно обосновывая это представление, папа Иннокентий III усматривал в завоевании Византии католиками истинное «чудо божье»⁹⁵. Не в пример латинским повествователям, русский очевидец рассказывает о взятии Константинополя сдержанно (он чужд, конечно, всякого панегиризма), зато правдиво рисует вандализм рыцарей, проявленный ими в древней столице империи. Новгородец хорошо понимает тайные мотивы, руководившие крестоносцами. Вот лаконичная, но проникновенная оценка этих мотивов действий крестоносцев вкупе с их предводителями. Они встали на сторону «Олексы», соблазненные обещанной им наградой: «Фрязи же и вси воеводы их възлюбиха злато и срьбро, иже мьяншат имъ Исаковиць»⁹⁶.

С печалью передаются в «Повести» подробности изничтожения фрягами драгоценной утвари храма св. Софии: «вънидоша в святую Софию, и одьраша двѣри и расъекоша, а онболъ окованъ бяше весь сребром, и

⁸⁸ *Robert de Clari. Op. cit., p. 73.*

⁸⁹ Новгородская летопись, стр. 48.

⁹⁰ *Ville-Hardouin. Op. cit., t. II. Paris, 1939, p. 42—44.*

⁹¹ Новгородская летопись, стр. 48.

⁹² *Robert de Clari. Op. cit., p. 42—43. Cp. Ville-Hardouin. Op. cit., t. II, p. 42—43.*

⁹³ Новгородская летопись, стр. 48. О фальсифицированных цифровых выкладках в записках Виллардуэна см. *М. А. Заборов. Введение в историографию. . .*, стр. 365 сл.

⁹⁴ *Ср. Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 179.*

⁹⁵ *См. М. А. Заборов. Паństwo и крестовые походы. М., 1960, стр. 185 сл.*

⁹⁶ Новгородская летопись, стр. 46.

столпы серебряные 12, а 4 кивотьяны, и тябло иськоша, и 12 креста, иже надь олтарем бяху, межи ими шишкы, яко дръва вышыша муж, и прьграды олтарныя межи стълпы, а то все серебряне. . .» и т. д.⁹⁷ Это и следующее далее описание грабежей фрягов в византийских церквях и монастырях превосходно оттеняют не только алчность крестоносцев, но и с поразительной обстоятельностью уточняют масштабы истребления предметов культа, о чем западные мемуаристы умалчивают: правда, они отмечают огромные размеры добычи, взятой в Константинополе⁹⁸, но такой прямо-таки «инвентарной описи» погубленного и присвоенного церковного имущества, которую составил русский очевидец апрельских событий 1204 г., не найти, пожалуй, ни у кого из латинских мемуаристов.

Вместе с тем, описывая бесчинства фрягов, автор «Повести» не позволяет себе чрезмерного «нажима», подобного тому, с которым писал свою «Историю» византийский сенатор Никита Хониат, также являвшийся очевидцем событий. Последний явно не скупится на горькие филиппики против латинян; он то и дело выражает чувства гнева и скорби, прибегает к сарказму, чтобы поведать миру о надругательствах захватчиков над жителями Константинополя, о творившихся ими кощунствах в храмах и на площадях, о варварском истреблении старинных памятников искусства. Местами его рассказ, давно сделавшийся хрестоматийным, представляет собою явную стилизацию «плача» об участи великого города (в духе «Иеремиады»), стенание о злосчастной судьбе тех, кто пал жертвами насилий латинских завоевателей, и о гибели замечательных культурных ценностей, веками накапливавшихся в столице и в два дня обращенных в груды развалин и пепла⁹⁹.

Новгородец, тоже проживавший в Константинополе в достопамятные дни вторжения рыцарей, излагает виденное совсем иначе — гораздо «строже, проще и эпически объективнее. И он рисует факты как непосредственный свидетель, но рисует их, словно из некоего близкого «далека». Возможно, отчасти это объясняется тем, что сам он, в отличие от греческого историка, не пострадал от латинян и вообще не был лично причастен к событиям¹⁰⁰: ему было легче писать о виденном, делая это как бы на расстоянии. Отсюда — известная объективность тона, составляющая бесспорное достоинство «Повести» как источника. Автор опечален гибелью константинопольских святынь, как и всего «Греческого царства», но печаль не застилает ему глаза: он верен долгу историка и старается передать факты так, как сам их наблюдал.

Нельзя, однако, не заметить и другого: повествуя о бесчинствах крестоносцев, новгородец переносит центр тяжести на описание их преступного поведения в константинопольских церквях. Если Никита Хониат подробно перечислял, что было разрушено из архитектурных, скульптурных, художественных ценностей, то его единовец, русский летописец, пишет лишь о разграблении драгоценных предметов церковного обихода. Как уже отмечалось выше, главным образом он перечисляет святотатственные деяния латинян в храме св. Софии, где они «тряпезу чюдьную одьраша драгый камень и велми жьньчюг, а саму невѣдомо камо ю дѣша; и 40 кубьковъ великихъ, иже бяху прѣд олтаремъ, и понекадъха и свѣтила серебряная, яко не можем числа повѣдати, с праздьничными съсуды бесцѣнными поимаша»¹⁰¹.

Н. А. Мещерский связывал это обстоятельство с особенностями воззрений и положения историка в Константинополе. Новгородец потому

⁹⁷ Там же, стр. 48—49.

⁹⁸ *Ville-Hardouin*. Op. cit., t. II, p. 60.

⁹⁹ См. *Nicetae Choniatae Historia*. Bonnae, 1835, p. 757 e. a.

¹⁰⁰ Ср. Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 180.

¹⁰¹ Новгородская летопись, стр. 49.

якобы не удостоил вниманием золотых и медных статуй, украшавших дворцы, ипподром и площади города, что в его глазах они были предметами языческого культа. Кроме того, ему, дескать, пришлось соблюдать осторожность в своих описаниях, поскольку сам он находился в городе, захваченном рыцарями, и, следовательно, зависел от них¹⁰².

Едва ли эти гипотезы доказуемы. «Осторожность» не помешала новгородскому историку нарисовать весьма выразительную и не делающую чести рыцарям креста картину разгрома ими храмов. Новгородец не побоялся упомянуть и о том, что фряги надругались над монахами, монашенками и священниками, подвергали их избиениям («черньче же и чернице и попы облупиша, и нѣколикo ихъ избиша»¹⁰³), о чем нет ни слова в латинских хрониках. Это представляется тем более достоверным, что, в отличие от Никиты Хониата, склонного сгущать краски, русский историк пишет об избиениях лишь некоторых особ духовного звания. Что же касается его мнимого «пренебрежения» как христианина к предметам древнего идолопоклонства, то, думается, представление о такой конфессиональной узости взглядов летописца не вяжется с данным им описанием святотатств завоевателей, которое свидетельствует о высоких эстетических идеалах автора, о свойственном ему тонком чувстве прекрасного.

Само собой, то был сын своей эпохи, своей страны. Перед нами, несомненно, человек, разделяющий известный комплекс религиозно-этических идей православия. Неудивительно поэтому, что, подобно Никите Хониату, он уделяет в «Повести» значительное внимание надругательствам латинян над константинопольскими святынями¹⁰⁴. Это — паломник, и для него рассказать о том, что случилось с церквями и их содержимым, — задача первостепенной важности. Рассказ этот внешне сдержан, но за «спокойствием» повествователя чувствуется опаляющая его душу печаль и возмущение против диких выходок захватчиков, откровенно глумившихся над «схизматиками» и их святынями. Возможно (как предполагал Н. А. Мещерский), новгородец, взирая на эти кощунства, не удержался до конца на позиции стороннего наблюдателя и оказал прямую помощь «добрым мужам» в сокрытии от алчных пришельцев какой-то части церковного имущества¹⁰⁵.

Тем не менее ценность награбленного и разрушенного латинянами в церквях определялась для этого русского человека отнюдь не только собственно религиозной значимостью тех или иных предметов культа. В не меньшей мере они привлекали новгородца и как творения искусства — угол зрения, к слову сказать, абсолютно чуждый латинским хроникам, которые даже реликвии оценивали «на вес»¹⁰⁶. Новгородец сокрушался (нигде, впрочем, не афишируя столь подчеркнутую свою скорбь, как Никита Хониат) о гибели церквей, монастырей, об истреблении церковных украшений и как христианин, и как образованный русский человек, преклоняющийся перед красотой, умеющий ценить замечательные памятники церковной архитектуры, прикладного искусства, живописи.

Рисуя повальные грабежи рыцарей в константинопольских и других византийских церквях, автор «Повести» делает упор на том, что разграблению подверглись именно прекрасные по своему исполнению предметы. «Иные церкви в градѣ и вьнѣ града, и монастыри в градѣ и вьнѣ града, пограбиша все, им же не можемъ числа, ни красоты ихъ сказати»¹⁰⁷ (!). В этих словах звучит искренняя печаль религиозно настроенного чело-

¹⁰² См. Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 180.

¹⁰³ Новгородская летопись, стр. 49.

¹⁰⁴ Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 180.

¹⁰⁵ Новгородская летопись, стр. 48. Ср. Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 178.

¹⁰⁶ См., например, *Robert de Clari*. Op. cit., p. 81—82, 84—85.

¹⁰⁷ Новгородская летопись, стр. 49.

века, скорбящего о гибели церквей. А вместе с тем для него красота архитектурных форм имеет самодовлеющее значение, он очарован достижениями византийского зодчества и не может примириться с их бессмысленным уничтожением. Та же черта его взглядов — умение ценить «художество» проступает и в описании спасенных от рук рыцарей предметов церковного обихода. С «божьей помощью», как полагает новгородец, удалось «добрым людям» унести икону богоматери — «Одигитрию»: радуясь тому, что она уцелела и что можно, как и раньше, молиться перед ней, новгородец тут же оттеняет и художественную ценность этого создания византийской живописи: «Дигитрию же чюдьную (!), иже по граду хожаше, — пишет он, и этот эпитет в его устах чрезвычайно характерен, — съблюде ю богъ добрыми людьми, и ныне есть, на нюже надѣмся»¹⁰⁸.

Как видно из сказанного, вряд ли есть основания думать, будто у нашего летописца отсутствовало чувство прекрасного. И точно так же ничто не доказывает опасений историка перед латинянами, в окружении которых создавалась «Повесть». Как свидетельства очевидца, переданные сдержанно и объективно, эти известия творца «Повести» существенно дополняют картину разгрома Константинополя крестоносцами Четвертого похода, нарисованную в латинских хрониках и в сочинениях Никиты Хониата; самый же подход к отбору фактов лишний раз подтверждает высокий уровень художественной культуры феодальной Руси начала XIII в.

Интересны также, но скорее уже в сугубо историографическом аспекте, некоторые представления автора «Повести» о предшествующей взятию Константинополя стадии этого крестоносного предприятия. Разумеется, они лишены доказательности, равной той, которая составляет несомненную силу других подобных сообщений. Ведь новгородец не присутствовал ни при рождении замыслов антивизантийской авантюры, ни при их осуществлении, он свидетельствовал лишь о завершающем акте «деяний» крестоносцев. Его данные о событиях до разгрома Константинополя, прежде всего — событиях международного порядка, почерпнуты из вторых рук и подчас явно тенденциозны. Но кое-что все же заслуживает внимания и в этой части «Повести»: и она содержит в себе оценки и суждения, более близкие к истине, нежели пронизанные апологетикой взгляды большинства латинских бытописателей Четвертого крестового похода.

Пожалуй, наиболее показательным в этом смысле является проводимая в «Повести» концепция дипломатической предыстории крестоносной авантюры 1202—1204 гг., в частности представление о сущности и роли венецианской и папской политики. Если наш новгородец и не располагал относительно нее безусловной информацией, то зато здесь в полной мере сказались преимущества историка, смотревшего на события «с другой стороны», а потому в принципе делавшего подчас более верные выводы даже из сообщений, не являвшихся целиком достоверными в строгом смысле слова. Так, подобно эльзасцу Гунтеру Пэрисскому, автор «Повести» обвиняет венецианцев во главе с дожем Энрико Даноло в злосчастном исходе крестового похода, в повороте «рати христовой» в сторону Константинополя¹⁰⁹. Венецианцы двинули сюда свой флот, ибо «съ же дуж много брань замышляше на град» (ср. точку зрения более осведомленного паписта Гунтера Пэрисского, который писал о «коварстве и подлости» венецианцев, стремившихся подорвать морскую мощь Константинополя, поскольку тот, «гордый множеством своих кораблей, изъявлял притязания владычествовать на всем этом море»)¹¹⁰.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Там же.

¹¹⁰ *Guntheri Parisiensis Historia Constantinopolitana*. — P. Riant. *Exuviae sacrae Constantinopolitanae*, t. I. Genevae, 1877, p. 70—71, 85. Подробнее об антиве-

Что же касается трактовки дипломатии Иннокентия III в событиях 1202—1204 гг., то новгородец и здесь проявил проницательность и политическое чутье. Действительно, источники, исходящие из папской канцелярии, рисуют этого папу решительным противником всякого «уклонения крестоносцев с пути», всяких попыток использовать крестоносное воинство в целях, не соответствующих официальной программе папства, в частности ради восстановления на константинопольском престоле низвергнутого еще в 1195 г. Исаака II и его сына Алексея¹¹¹. Напротив, источники, свободные от апологетики в отношении папства, свидетельствуют о прямой заинтересованности Иннокентия III в осуществлении проектов восстановления законных государей в Византии с помощью крестоносцев¹¹². Среди таких источников — наряду с Морейской хроникой, хрониками француза Альбрика де Труафонтэн и венецианца Мартина де Канале, а также произведениями византийцев Никиты Хониата и Георгия Акрополита — и наша «Повесть». Русский очевидец, имевший возможность беседовать с участниками похода¹¹³, сообщает чрезвычайно важные сведения, проливающие свет на подлинную позицию Иннокентия III. К сожалению, сохранилась только часть этого интересного рассказа.

Данные Новгородской летописи заставляют предполагать, что между Иннокентием III и послами немецкого короля Филиппа Швабского, покровительствовавшего своему шурина, царевичу Алексею, была достигнута договоренность относительно его восстановления на византийском престоле¹¹⁴. Русский летописец приводит совместные увещания, с которыми папа и Филипп якобы обратились к крестоносцам. Они рекомендовали им посадить царевича Алексея в Константинополе и лишь после этого идти дальше на Восток¹¹⁵. Если в этих и других представлениях и слышатся отголоски «гибеллинской версии» событий (стремление подчеркнуть, что франки своими дальнейшими действиями якобы нарушили требование Филиппа Швабского не навязывать грекам «Исааковица» и не чинить зла городу¹¹⁶), если, тем более, допустить, что единый план папы и Штауфенского короля в отношении использования сил крестоносцев, предполагаемый рассказом новгородца, относится к области вымыслов¹¹⁷, то и тогда в его сообщениях нетрудно уловить зерно исторической истины. Иннокентий III действительно втайне ратовал за под-

нецианских инвективах Гунтера Парисского см. *М. А. Заборов*. Введение в историографию. . . , стр. 293 сл.

¹¹¹ См. подробнее: *Н. П. Соколов*. Образование Венецианской колониальной империи. Саратов, 1963, стр. 365 сл.

¹¹² См. подробно: *М. А. Заборов*. Иннокентий III и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII века. — ВВ, V, 1952, стр. 159 сл.

¹¹³ См. *П. М. Бицилли*. Новгородское сказание, стр. 56—58; *Н. А. Мещерский*. Указ. соч., стр. 182 сл. Посредством скрупулезного филологического анализа новгородского сказания, главным образом особенностей начертания в нем собственных имен и географических названий (они передаются летописцем на немецкий лад: «Бери» — Верона, «Венедикт» или, по другому списку, «Венедик» — Венеция и т. п.), а также на основании давно отмеченного исследователями знакомства русских летописцев с немецкими сказаниями, в том числе о Дитрихе Бернском, упоминаемом и в Новгородской летописи, П. М. Бицилли пришел к заключению, что источником информации для автора «Повести» были немецкие крестоносцы. Развивая и уточняя этот вывод путем исследования лексики «Повести», Н. А. Мещерский подтвердил представление о непосредственном «изуственном общении» автора «Повести» с рыцарями, жившими в Царьграде «и до захвата крестоносцами и особенно умножившимися после основания Латинской империи» (*Н. А. Мещерский*. Указ. соч., стр. 182).

¹¹⁴ Новгородская летопись, стр. 46.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Узнав о смерти «Исааковица», фряги «печальни бывше за преслушание свое: не тако бо бѣ казалъ имъ цесарь нѣмѣчскый и папа римскый, яко си зло учиниша Цесарюграду» (Новгородская летопись, стр. 47).

¹¹⁷ Н. П. Соколов (указ. соч., стр. 498, прим. 1) считает, что «всякая попытка представить Иннокентия III союзником Филиппа Швабского, как это иногда делается в исторической литературе, — автор указывает в качестве примера точку зрения

держку притязаний византийского царевича. Недаром позднее, уже в 1205 г., Бонифаций Монферратский, вождь крестоносцев, напоминал папе, что в свое время он (Бонифаций) взял на себя дело Алексея, между прочим, и потому, что «таков был совет» «возлюбленного сына апостольского престола, легата Петра»¹¹⁸. Итак, новгородский летописец отражает факты (о сути которых он, возможно, скорее догадывался, чем доподлинно знал ее), близкие к истине; его мысль, не связанная пиететом перед папой, работала вполне реалистично: он понимал, что папа, говоря словами Альбрика де Труафонтэн, «очень хотел, чтобы Алексей был восстановлен крестоносцами в отчих владениях»¹¹⁹.

Но «Повесть» справедливо обращает внимание и на другое обстоятельство: Иннокентий III вместе с Филиппом Швабским предписал крестоносцам («и тако увѣчаста») «яко нъ воевати на Цесарьград». Он требовал: «пакости не деите Грѣчьской земли»¹²⁰. Это соответствует официальному политическому курсу папства, зафиксированному в его эпистолярии. Иннокентий III, естественно, не мог дать формального согласия на изменение направления крестового похода. На словах, в грозных посланиях своему воинству, он самым решительным образом осуждал любую попытку «уклонения» крестоносной рати от цели. Тем более папа не мог санкционировать разграбление Константинополя. В письмах крестоносцам он не раз призывал не нападать на христианские земли и вообще не наносить ущерба христианам (важна, однако, оговорка: «разве только сами они станут необдуманно чинить препятствия вашему походу»¹²¹). Не исключено, что новгородец, черпавший свои сведения от участников похода, знал об этих лицемерных папских запретах, которые и передал в своей «Повести». Но у ее автора не вызывало сомнения главное — наличие «папина велѣнья»¹²² крестоносцам восстановить Алексея в Константинополе.

Иначе говоря, ему был очевиден смысл политики Иннокентия III. Пером русского летописца (в отличие от иных латинских хронистов) не руководило желание во что бы то ни стало уберечь престиж папства от приговора потомков, и это отсутствие предвзятости позволило ему раскрыть активную роль Иннокентия III в судьбах Четвертого крестового похода в целом ближе к действительности, чем находившемуся во всеоружии фактов автору «Деяний Иннокентия III». Сведения новгородского историка перекликаются с аналогичными сообщениями и наиболее объективно мысливших западных современников (Созомен из Пистории, Бурхардт из Урсберга, Главные Кельские анналы и др.). Даже папист Гунтер Пэрисский дважды отмечает ненависть Иннокентия III к Константинополю: папа очень желал, «чтобы этот город был завоеван католиками»¹²³.

Любопытно, что версия «Повести» получила отражение и в некоторых других русских летописных повествованиях. Близок к ней рассказ Густинской летописи под 1201—1202 г. И здесь мы читаем о том, как после бегства царевича из константинопольской темницы на Запад к тестю (Филиппу Швабскому), «кесарь же послал его в Рим ко Келестину папе» (Целестин здесь явно перепутан с Иннокентием III, и последовательность событий

Ф. И. Успенского («История крестовых походов». СПб., 1900, стр. 125) и нашу, — должна быть признана по меньшей мере сомнительной». Необоснованность такого рода скепсиса, высказывавшегося задолго до Н. П. Соколова (А. Люшер и др.), была нами раскрыта в статье «Иннокентий III и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в.», стр. 161 сл.

¹¹⁸ См. *Epistolarum Innocentii III Romani pontificis libri undecim*, ed. St. Baluzius, t. I. Parisiis, 1688, lib. III, № 133.

¹¹⁹ *Albrici monachi Trium Fontium Chronica*. — MGH SS, t. XXIII, p. 880.

¹²⁰ Новгородская летопись, стр. 46.

¹²¹ *Epistolarum Innocentii III* . . . , lib. V, № 162.

¹²² Новгородская летопись, стр. 46.

¹²³ *Gunth. Paris. Op. cit.*, p. 78.

передана неверно. — М. З.), как папа договорился с германским королем и они «послаша войска римские и немецкие ко Цариграду с Алексеем Исааковичем, наказаше их тако: . . . не починайте брани со греки, лучше бо есть с турками битися о божий гроб всем, нежели со христианы нову брань зачинати, оя же не вемы каков конец будет»¹²⁴. Это в основном — та же концепция, восходящая к устной традиции, усвоенной автором «Повести».

Сходен с нею и рассказ летописца о последующих событиях похода, выдержанный во враждебном тоне к «латинникам»: сперва они «принудили греков приняти на царство Алексея Исааковича», а после того, как он «неблагоразумен» «низложи Исаакия отца своего из царства» и стал «творити насилье греком», отчего в Царьграде «бысть великое нестроение», «латинники» «хитростью взяша Цариград»¹²⁵. Летописец особенно раздосадован переменами в церковной иерархии: завоеватели «извергоша же и патриарху православного Иоанна, и поставиша латинника патриархою». Он крайне опечален гибелью реликвий, увезенных крестоносцами из византийской столицы¹²⁶.

В заключение отметим необоснованность мнения Н. А. Мещерского, что автор «Повести» вообще якобы сравнительно терпим к крестоносцам¹²⁷. Сказанное выше свидетельствует об обратном. Что касается рассказа Густинской летописи, то он имеет явно антилатинскую направленность: захватив Царьград, фряги пренебрегли общехристианскими интересами, внесли «нестроение» в политическую и церковную жизнь Византии. Не отсюда ли ведет начало позднейшая концепция «вины Запада перед христианством», которая получила развитие в трудах ряда русских византистов конца XIX—начала XX в. (Ф. И. Успенский и др.)?¹²⁸

Таким образом, сведения русских нарративных памятников XII—XIII вв., касающиеся истории крестовых походов и государств крестоносцев, могут быть разделены на две группы.

К одной относятся довольно редкие и отрывочные упоминания в летописях об отдельных событиях этих войн. Такие упоминания лаконичны, несколько расплывчаты и в целом не имеют сколько-нибудь существенного значения для реконструкции самих событий. Они свидетельствуют, что историки Древней Руси не обнаруживали устойчивого интереса к папско-рыцарским священным войнам, которые в исторических условиях, переживавшихся тогда Русью, не привлекали внимания русских феодалов; религиозные и торговые потребности, обуславливавшие необходимость контактов с Палестиной, могли быть целиком удовлетворены мирными способами. Изучение летописных данных важно поэтому преимущественно с точки зрения анализа религиозно-политической идеологии и исторической методологии самих летописцев.

Ко второй группе сообщений по занимающим нас сюжетам принадлежат историко-литературные записи русских очевидцев ряда событий, отчасти последовавших за утверждением крестоносцев в Палестине, отчасти же развернувшихся в начале XIII в. в связи с Четвертым крестовым походом.

Разбор сведений этих очевидцев показывает, что позиция русских современников соответствовала той, которую занимал феодальный мир Киевско-Новгородской Руси по отношению к конфликту католического Запада с мусульманским Востоком: Русь была от него в стороне, она не могла принимать участия в агрессивных войнах, вдохновлявшихся пап-

¹²⁴ ПСРЛ, т. II, стр. 327.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Н. А. Мещерский. Указ. соч., стр. 180.

¹²⁸ См. об этом: М. А. Заборов. Крестовые походы в работах русских историков начала XX в.— ВВ, XXV, стр. 122 сл.

ством. Вследствие этого известия русских очевидцев выделяются среди прочих своей сравнительной объективностью в изложении фактов; они содержат тонкие наблюдения о виденном в Иерусалимском королевстве и в захваченном крестоносцами Константинополе. Игумен Даниил в начале XII в. и безымянный автор «Повести» в начале XIII в., каждый по-своему, нарисовали богатые конкретными подробностями и достоверные картины событий, свидетелями которых им довелось быть. Сопоставление с сообщениями латинских хронистов и византийских историков выявляет точность и наблюдательность русских современников — качества, благодаря которым их рассказы нередко позволяют дополнить, исправить, конкретизировать материалы предвзятых латинских и византийских повествований. Известия русских очевидцев событий крестовых походов расширяют наши представления о завоевательных предприятиях феодального Запада, организовывавшихся и вдохновлявшихся римской курией.

Б. Л. ФОНКИЧ

О РУКОПИСИ «СТРАТЕГИКОНА» КЕКАВМЕНА

Греческая рукопись Государственного Исторического музея (ГИМ) в Москве № 436¹ известна в науке уже почти 200 лет, с тех пор как Х. Ф. Маттеи воспользовался ею для своего издания *басен Синтипы*². В составе этой рукописи среди множества интересных памятников средневековой греческой литературы до нас дошел *единственный* список ценнейшего источника византийской истории X — XI столетий — «Стратегикона» Кекавмена. Впервые введенное в научный оборот в начале 80-х годов прошлого века³ и вскоре полностью изданное В. Г. Васильевским и В. К. Ернштедтом⁴, сочинение Кекавмена на протяжении многих десятилетий привлекает к себе исследователей различных сторон византийской культуры⁵. Результатом длительного изучения этого памятника явилась потребность в переиздании его текста, переиздании, базирующемся на новом, углубленном исследовании особенностей той уникальной рукописи, которая сохранила для нас «Стратегикон» Кекавмена⁶.

Своей работой мы и хотели бы еще раз привлечь внимание специалистов к кодексу № 436.

Прежде чем изложить наши наблюдения, касающиеся истории текста «Стратегикона» и судьбы манускрипта ГИМ, приведем, вслед за Х. Ф. Маттеи и архим. Владимиром, его подробное описание⁷.

¹ Номера всех рукописей ГИМ приводятся по каталогу: Архимандрит *Владимир*. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Часть первая. Рукописи греческие. М., 1894.

² *Syntipae philosophi Persae Fabulae LXII. Graece et latine. Ex duobus codicibus mosquensibus primum edidit et animadversiones adjecit Chr. Fr. Matthaei. Lipsiae, 1781.*

³ *В. Г. Васильевский*. Советы и рассказы византийского боярина XI века. По неизданной греческой рукописи XV века. — ЖМНП, ч. 215, 1881 г., стр. 242—299; ч. 216, 1881 г., стр. 102—171, 316—357.

⁴ *В. Wassiliewsky — V. Jernstedt*. Cecaumeni strategicon et incerti scriptoris de officii regis libellus — «Записки Историко-филологического факультета Имп. СПб. университета», ч. XXXVIII. СПб., 1896.

⁵ Библиографию работ, посвященных Кекавмену, см. *G. Moravcsik*. Byzantinoturcica, I². Berlin, 1958, S. 350—352.

⁶ См. прекрасную монографию П. Лемерля — итог многолетнего изучения списков Кекавмена: *P. Lemerle*. Prolégomènes à une édition critique et commentée des «Conseils et Récits» de Kékauménos. — Académie Royale de Belgique. Classe des lettres. Mémoires. T. LIV. Bruxelles, 1960.

⁷ *Chr. F. Matthaei*. Accurata codicum graecorum mss. bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio, t. I—II. Lipsiae, 1805, p. 186—187. Описание Х. Ф. Маттеи, снабженное важными библиографическими сведениями и собственными наблюдениями над рукописью, повторил *В. Г. Васильевский* (указ. соч. — ЖМНП, ч. 216, стр. 351—357); Архим. *Владимир*. Указ. соч., стр. 662—664. Отдельные тексты на лл. 115, 214, 214 об, 215, 215 об., 216, 302 об. описаны М. А. Шангиным («Catalogus

Кодекс № 436 (298/CCLXXXV) представляет собой соединение двух первоначально самостоятельно созданных и длительное время независимо друг от друга существовавших рукописей, позднее сплетенных в единый сборник: I — лл. 6—350 об. (после л. 284 нумерация: 285, 286, 285, 286, 287 и т. д., т. е. к числу листов первого кодекса нужно прибавить еще два листа); II — лл. 351—577 (в нумерации отсутствуют лл. 414, 476, 484; имеется л. 493 bis)⁸. Доказательством этому служат сильно загрязненные первые и последние листы каждой части нынешнего конволюта.

Таким образом, в рукописи № 436 — два основных почерка, особенности которых позволяют их датировать XIV веком⁹. Кроме того, в рукописи прослеживается рука еще трех писцов: лл. 1—5 (XIV в.); лл. 58—58 об. (XIV в.); лл. 492—493 об. (XV в.).

Первый кодекс. 230/233 × 153/165, количество строк 23—25, сигнатуры отсутствуют¹⁰.

1. (лл. 6—109 об.). В заставке: ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΣ Ο ΜΑΚΕΔΩΝ. ΚΑΛΙΣΤΡΟΘΕΝΗΣ Ο ΙΣΤΟΡΙΟΓΡΑΦΟΣ ΩΣ ΠΕΡΙ ΒΑΛΛΗΝΩΝ/ΣΥΓΓΡΑΜΜΕΝΟΣ ΟΥΤΩΣ ΙΣΤΟΡΙ ΚΑΙ ΛΕΓΕΙ/ΤΑ ΚΑΤΑ ΤΟΝ ΒΑΣΙΛΕΑ ΤΩΝ ΜΑΚΕΔΟΝΩΝ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΝ. Нач. 'Αριστος δοκεῖ γενέσθαι καὶ γενεότατος 'Αλέξανδρος ὁ Μακαίδων... К о н. ἦτοι ἀπὸ τῆς τελευτῆς 'Αλεξάνδρου μέγρη καὶ τοῦ Στϛβ ἔτους ασίς.

Текст: *Pseudo-Callisthenes*, в кн.: *Arriani Anabasis et Indica*. Ex optimo codice Parisino emendavit et varietatem eius libri retulit Fr. Dübner. Reliqua Arriani et scriptorum de rebus Alexandri M. fragmenta collegit, Pseudo-Callisthenis Historiam fabulosam ex tribus codicibus nunc primum edidit, itinerarium Alexandri et indices adjecit C. Müller. Parisiis, 1846, pp. 1—151.

Текст нашего списка принадлежит, согласно делению К. Мюллера, к редакции В и содержит многочисленные, в сравнении с указанным первым изданием Псевдо-Каллисфена, расхождения¹¹. Отсутствие под-

codicum astrologorum graecorum». Т. XII. Codices Rossicos descripsit M. A. Šangin. Bruxellis, 1936, p. 78). В нашем описании сохраняются особенности орфографии книгописца. Ссылки на издания и сведения о рукописной традиции даются преимущественно тогда, когда они могут оказать помощь в исследовании рукописи № 436.

⁸ В дальнейшем мы будем называть эти части сборника «первой» и «второй» рукописью, кодексом, манускриптом и т. п.

⁹ К сожалению, весь сборник написан на бумаге восточного происхождения без филиграней, которые могли бы помочь в уточнении датировки. Исследователи, непосредственно изучавшие нашу рукопись, предлагали следующие датировки: Х. Ф. Маттеи («Syntipae... fabulae», p. VI, VIII) — XIV или XIII в.; он же. «Accurata codicum... notitia» p. 186) — XV в.; В. Г. Васильевский (указ. соч. — ЖМНП, ч. 215, стр. 242, 252) — XV в.; А. Виктор (в «Стефанит и Ихнилат». Изд. Общества любителей древней письменности, LXIV и LXXVIII. М., 1881, стр. XVIII) — XV в.; В. К. Эрнштедт («Забытые греческие пословицы». — В кн.: *Victoris Jernstedt opuscula*. Сборник статей по классической филологии Виктора Карловича Эрнштедта. СПб., 1907, стр. 179) — XV в.; Архим. *Владимир* (указ. соч., стр. 662, 664) — I кодекс — XV в., II—XIII—XIV в.; Ю. А. Кулаковский («Стратегика императора Никифора». — «Записки Императорской Академии наук», VIII серия, историко-филологическое отделение, т. VIII, № 9. СПб., 1908, стр. VII) — XV в.; В. К. Эрнштедт (*Mich. Andreopuli Liber Syntipae*. — «Записки Императорской Академии наук», VIII серия, историко-филологическое отделение, т. XI, № 1. СПб., 1912, стр. 11) — I кодекс — XIV в., II—XV в.

¹⁰ Имеются сигнатуры, проставленные позднейшей (XV—XVI вв.?) рукой в нижнем левом или, чаще, правом углу первого листа тетради. Цифры стоят через каждые 8 лл., кроме тетради ιδ (лл. 110—115) и λζ (лл. 277—283). В нумерации отсутствуют тетради λε и λς. Счет тетрадей обрывается на л. 298 (сигнатура μ).

¹¹ Часть этих расхождений указал В. Г. Васильевский (см. прим. 7). В. М. Истрин «имел в виду издать из этого сборника Александрию» (*В. Истрин*. Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893, стр. 4), но не осуществил своего намерения.

лино критического издания греческой Александрии, которое было бы основано на анализе всех существующих рукописей, не позволяет в настоящее время проследить более точно связи кодекса с другими манускриптами в процессе передачи текста романа об Александре.

2 (лл. 109 об.—115). **Ἀποφθέγματα καὶ γνῶμαι διαφόρων φιλοσόφων σὺν Ἀλεξάνδρῳ τῷ βασιλεῖ.** Н а ч. Ἀλέξανδρος ὁ βασιλεὺς, πληρώσας ποτὲ ὀστέον πίνακα, ἐπέμψε Διογένη τῷ κωνικῷ φιλοσόφῳ. . . К о н. ἵνα μὴ τὸ μὲν ὑπάρχεις δοῦλος, τὸ δὲ τυγχάνης ἀνόητος ἐλεύθερος.

3 (лл. 115—115 об.). **Ρούφου φιλοσόφου περὶ τῆς τοῦ πηγάνου χρήσεως δεδοκισμασμένον διὰ πείρας.** Н а ч. Πήγανον οὐδὲν ἔγνωμεν εἰς τὴν ἰατρικὴν χρησιμότερον. К о н. συνεχῶς ἀντλουμένη Θέρμα.

4 (лл. 115 об.—136 об.). **Στρατηγηκεῖ ἐνθεσεις καὶ σύνταξις Νικηφόρου δεσπότου.** Н а ч. Περὶ πεζῶν. Πρέπο ἄρα καὶ ὀφειλόμενον ἔστιν ἀπὸ τε ρωμαίων καὶ ἀρμενίων στρατιώτας ἐκλέεσθαι. К о н. πρὸς τοὺς πεναντίους χωρεῖν.

Текст: Ю. А. Кулаковский. Указ. соч., стр. 1—21.

5 (лл. 136 об.—229). **«Стратегикон» Кекавмена** (лл. 136 об.—139 об.). Πήναξ ἀκριβῆς τοῦ παρόντος Στρατηγηκοῦ. (лл. 139 об.—140). Πρόλογος τοῦ στρατηγηκοῦ. (лл. 140—229) (текст «Стратегикона»). Н а ч. Ἄριστος. . . ἕτερος δὲ ἀδίκως ὑπήχθη δια. К о н. οὐδὲν ἀγαθὸν τῇ βασιλείᾳ τῶν ρωμαίων ἐγεγόνει.

Текст: В. Wassiliewsky—V. Jernstedt. Op. cit.

6 (лл. 229—232). **Ἀποφθέγματα.** Н а ч. Καλλιὰς ὁ φιλόσοφος ἐρωτιθεῖς, τί ἐστὶ φίλος, ἔφη. К о н. καὶ μνήσης τὸν πλησίον καὶ διαθόκην ὕψιστου.

7 (лл. 232 об.—246 об.). **Συντίπα τοῦ φιλοσόφου ἐκ τῶν παραδειγματικῶν αὐτοῦ λόγων.** Н а ч. Ὅνος ἀκούσας φωνῆν τέτυγος. К о н. Ὁ μῦθος δηλοῖ, ὡς οὐδ᾽ ἔτιν᾽ αὐτῶν ἀχρήστον καὶ ἀνόητον ἐφήεσθαι.

Текст: Chr. F. Matthaei. Syntipae philosophi Persae Fabulae LXII, p. 3—52; B. E. Perry. Aesopica. A series of texts relating to Aesop or ascribed to him or closely connected with the literary tradition that bears his name. Vol. I. Greek and Latin Texts. Urbana, 1952, p. 529—550.

Басни Синтипы, переведенные на греческий язык с сирийского в конце XI в. Михаилом Андреопуллом, сохранились в четырех рукописях: 1) В, первый кодекс рукописи № 436, лл. 232 об.—246 об., XIV в.; 2) А, второй кодекс рукописи № 436, лл. 531—549 об., XIV в.; 3) М, cod. Monacensis 525, лл. 29—33¹², XIV в.; 4) V, cod. Vindobonensis phil. gr. 166, XVI в., представляющий собой копию текста басен Синтипы списка М¹³. Писцы обеих московских рукописей пользовались общим оригиналом, протографом которого в свою очередь был оригинал кодекса М¹⁴. Разночтения Мюнхенской рукописи первым опубликовал Х. Ф. Маттеи: Chr. F. Matthaei. Ποικίλα Ἑλληνικά, seu Varia Graeca. Mosquae, 1811, p. 276—280.

8 (лл. 246 об.—247). **Σεκοῦνδου φιλοσόφου ἐπίγραμμα.** Н а ч. Ἀνδρηανὸς ἐρώτισε Σεκοῦνδον τί ἐστὶν ἄνθρωπος. К о н. πολυπύνηρον ζῶον, ἀναγκέακον.

9 (лл. 247—249 об.). **Διαφόρων φιλοσόφων καὶ ἡθιωθελ. ω. . . ἀρχὴ α.** Н а ч. Ἀρχὴ ἀνδρῆας δικαιοσύνην φίλη. К о н. Ἀρχὴ τοῦ ω στοιχείου. Ὡς δεινὸν . . . ἀπλειοσειά. Ὡς τὰ πάντα τιμῆς.

10 (лл. 249 об.—250 об.). **Ἐκ τοῦ Ἐσώπου τοῦς μύθους ἔνε τοῦτο.** а) Ἀνὴρ τις ὄνομα ἐν ταῖς τρυφαῖς σχολάζων, οὐκ ἦν πρεσβύτης. б) Κόραξ κρέας ἀρπάσας, ἐπὶ τινος δένδρον καθέστηκεν. в) Ζεὺς βουλόμενος βασιλέα τοῖς ὀρνέοις καταστήσαι.

11 (лл. 250 об.—251). **Σχέδος πρὸς τὸν ἀγράφη, ὅς καὶ ἄνθρωπος (?).** Н а ч. Πρὸς βασιλέα. Τολμῶν ὁ δοῦλος τῆς βασιλείας σου, ὑπομνήζω τὸ κράτος σου δέσποτα μου. . .

¹² I. Hardt. Catalogus codicum manuscriptorum Bibliothecae Regiae Bavaricae, t. V. Monachii, 1812, p. 299—316.

¹³ B. E. Perry. Op. cit., p. 512.

¹⁴ Ibid., p. 527.

Лл. 250 об. и начало 251 занимают формулы обращения к светским лицам; среди них — обращение к дуге τοῦ ἁγίου ἡμῶν αὐθέντου καὶ βασιλέως τοῦ μεγάλου Κομνηνοῦ. Л. 251 — формулы обращения к духовным лицам, имеющие заголовок: Πρὸς πατριάρχην καὶ πᾶσι τοῖς ἱερομονάχοις. Н а ч. Παναγιώτατε δεσποτα, Θεοπρόβλητε οἰκουμενικὲ πατριάρχα... Здесь встречается также формула: τοῦ ἁγίου... βασιλέως τοῦ μεγάλου Κομνηνοῦ.

12 (лл. 251 об.—303 об.). «**Книга Синтипы**» (л. 251 об.). Οἱ ἀρχὴ τῆς βίβλου ἔνε οὗτος. Н а ч. Τοῦ μυθογράφου Συντίπα κατὰ σύρους. Κ ο н. πράξεις ἐπαινεῖ τὰς καλῶς εἰργασμένας.

Текст: *Chr. F. Matthaei. Syntipae philosophi Persae Fabulae LXII, p. VIII; Mich. Andreopuli Liber Syntipae. Ed. V. Jernstedt.* — «Записки Императорской Академии наук». VIII серия, историко-филологический отдел, т. XI, № 1. СПб., 1912, стр. 2;

(лл. 252—303 об.). Πρόλογος τοῦ προτοτύπου ἦτοι τοῦ ἀντιβολαίου τῆς συρικῆς βίβλου τῆς λεγομένης Συντίπα τοῦ φιλοσόφου ἔχων αὐταῖς λέξεσιν οὕτως. Н а ч. Διήγησις ἐμφιλόσοφος συγγραφῆσα παρημῶν περὶ τοῦ τὸν Περσῶν βασιλέως Κήρου. Κ ο н. καὶ τοῦ Συντίπα μία, πάντων ἐξηγήσεις κζ¹.

Текст: *Mich. Andreopuli Liber Syntipae, p. 3—130.* О порядке листов в этой части рукописи см. указ. издание В. К. Ернштедта, стр. II.

«Книга Синтипы» существует в трех рукописях: А) рукопись ГИМ № 436 (XIV в.); В) cod. Vaticanus 335 (XIV—XV вв.); С) cod. Monacensis 525 (XIV в.). Наибольшую близость между собой показывают чтения кодексов А и С¹⁵.

13 (л. 302 об.). Δεῖ εἶδένε πῶς τρέχει ὁ ἥλιος ἀπὸ ἀνατολῶν ἕως δυσμῶν. Н а ч. Ἡ ἡμέρα ἔχη ὥρα ιβ̄. Текст обрывается на словах: καὶ ὁ μὲν ἥλιος τέσσαρσι κεροῖς τοῦ.

14 (лл. 304—334 об.) (**Βαρθολομαίου τοῦ Ἐδεσηνοῦ ἔλεγχος ἀγαρηνοῦ**). Н а ч. ... τι πρὸ τοῦ Μουχοῦμετ τῷ ἕως φόρω ἄστρω. Первые 15 строк текста отсутствуют в PG, t. 104, col. 1384. Κ ο н. καὶ εἶπεν πρὸς ἀβ[τούς] (= PG, t. 104, col. 1440B).

15 (лл. 335—339). Περὶ τῆς σατανικῆς αἰρέσεως τῶν κακοδόξων ἀρμενίων καὶ τῶν ἐναγῶν νηστειῶν αὐτῶν τῶν ἐπτὰ εὐδομάδων τῶν παρ' αὐτοῖς ψύλασσομένων δι' ἄλλου (sic) τοῦ ἐνιαυτοῦ, καὶ παρὰ τῶν πέντε αἰρέσεων ὧν ἐκ τῆς βασιλείας περσῶν Χοσρόη τοῦ λεγομένου Βραμπαποῦ. Н а ч. Μετὰ ἐκχωρισθῆναι τὸ γένος τῶν κακοδόξων Ἀρμενίων. Κ ο н. ἡμεῖς δὲ ὁ νέος Ἰσραὴλ δοξολογοῦμεν πατέρα καὶ υἱὸν ἐν δύο φύσει καὶ πνεῦμα ἅγιον νῦν καὶ αἰεὶ καὶ εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰῶνων. Ἀμήν.

16 (лл. 339—340 об.). Λόγος στιλιτευτικὸς κατὰ Ἀρμενίων. Ὁμοφρόνων · εὐτηχηῖ καὶ διοσκόρω. Н а ч. Ἐπηδῆπερ εὐτηχηῖς καὶ διδοσκορος Τιμόθεος ὁ αἰλουρος καὶ οἱ αὐτῶν ὁμόφρονες. Κ ο н. καὶ ὁ πατήρ μου μεῖζον μου ἐστίν.

17 (лл. 340 об.—341 об.). Σύνοδος τῶν κακοδόξων Ἀρμενίων. Н а ч. Οἱ Θεομάχοι οὗτοι ἀρμένιοι. Κ ο н. ὅθεν καὶ τὸ ἀνάθεμα κληρονομούντες ὡς τὸ αὐτῷ ποιῆσαντι.

18 (лл. 341 об.—344). Διᾶλεκτος τοῦ ἁγίου Κυρίλλου Ἀλεξανδρείας πρὸς τὸν δυσεβῆ Νεστόριον. Н а ч. Νέστορος. Ὅταν ἡ θεία γραφὴ διαλέγεται γέννησιν Χριστοῦ. Κ ο н. ἡ φορῶν περὶ Θεοῦ, ᾧ ἡ δόξα εἰς τοὺς αἰῶνας. Ἀμήν.

19 (лл. 344—348). Τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Ἰακώβου ἀδελφοῦ (sic) τοῦ κυρίου καὶ τῶν λοιπῶν ἀποστόλων ἐκ τῶν διὰ Κλήμεντος βιβλίων περὶ ζήτησεως καὶ τοῦ ἄρτου καὶ τοῦ ἄλατος καὶ τοῦ ποτηρίου καὶ τῆς λόγῃς. Н а ч. Χάρις καὶ ἔλεος, εἰρήνη ἀπὸ Θεοῦ πατρὸς ἡμῶν. Κ ο н. εἰς ἁγιασμὸν ἔσονται καὶ εἰς ζωὴν αἰώνιον. Ἀμήν.

20 (лл. 348—349). Ἀπὸ τοῦ βίου τοῦ ἁγίου ἱερομάρτυρος Ἀρέθα κατὰ τοῦ δυσεβοῦς ἐραίσσεως νεστοριανῶν. Н а ч. Ἰουστίνος ὁ παλαιὸς καὶ εὐσεβεῖς βασιλεὺς. Κ ο н. καὶ ὅσα κατὰ τὸν χριστιανῶν ἐγράφη.

¹⁵ *Mich. Andreopuli Liber Syntipae, p. III.*

21 (лл. 349—350 об.). *Περὶ τῶν φράγγων καὶ λοιπῶν λατίνων λόγος.* Н а ч. 'Ο πάπας 'Ρώμης καὶ ὅσοι τοῦ μέρους τῆς δύσεως χριστιανοί. Κ ο н. 'Τὸ ἀλληλοδία οὐ ψάλλουσιν. Πάντων τῶν καλῶν Χριστὸς ἀρχὴ καὶ τέλος (последняя строка писана чернилами карминного цвета).

Второй кодекс. 233 × 167, количество строк 22—23 и 25—26, сигнатуры отсутствуют.

1 (лл. 351—438 об.). Киноварная заставка и заголовок: *Ἐκ τῆς τῶν ἀρράβων διαλέκτου μετένεξης Συμεῶν Μαγίστρου καὶ φιλοσόφου τοῦ Σηθ μυθηκῆ διήγησις τὸ κατὰ Στεφανίτου καὶ Ἰχνηλάτου λεγομένη σαρακινῆ διαλέκτῳ Κιλυλὲ καὶ Δημία.* (лл. 351—386). Τμήμα α. Н а ч. 'Ο τῶν Ἰνδῶν βασιλεὺς Ἀβεσσαλῶμ. Κ ο н. καὶ τοὺς φίλους διίστησιν. (лл. 386—397) Τμήμα δεύτερον. Н а ч. 'Ο δὲ βασιλεὺς Ἀβεσσαλῶμ τῷ φιλοσόφῳ εἶπεν. Κ ο н. εἰς ὃν κατεργάσατο βόθρον ἐμπροσθεῖται. (лл. 397—411) Τμήμα τρίτον. Н а ч. 'Ο δὲ βασιλεὺς εἶπε τῷ φιλοσόφῳ. Κ ο н. οἱ ὀρθῶς φιλοῦντες τῶν οἰκειῶν φίλων ἀεὶ ἀντέχονται (лл. 411—424) Τμήμα τέταρτον. Н а ч. 'Ο δὲ βασιλεὺς πάλιν πρὸς τὸν φιλόσοφον εἶπεν. Κ ο н. εἰ καὶ εὐνοίαν ἐπίδεικνύνται (лл. 424—428) Τμήμα πέμπτον. Н а ч. 'Ο δὲ βασιλεὺς τῶν Ἰνδῶν εἶπε τῷ φιλοσόφῳ. Κ ο н. πάντως τοῦ ἔργου ἀποτυγχάνουσιν. (лл. 428—429 об.) Τμήμα ἕκτον. Н а ч. 'Ο δὲ βασιλεὺς εἶπεν. Κ ο н. ὡς μὴ ἀνεχόμενοι σφάλονται (лл. 429 об.—437) Τμήμα εἴδομον. Н а ч. 'Ο δὲ βασιλεὺς Ἀβεσσαλῶμ καὶ αἰθὶς ἔφη πρὸς τὸν φιλόσοφον. Κ ο н. καὶ ταῦτα περὶ ὀνείρων, δέσποτα, ἐξηγήθην σοι. (лл. 437—438 об.) Τμήμα ὀγδόον. Н а ч. 'Ο δὲ βασιλεὺς αἰθὶς τῷ φιλοσόφῳ διεπύθετο. Κ ο н. ἀπειμιᾶν ὑποστρόφως. Τέλος τῶν κατὰ Στεφανίτην καὶ Ἰχνηλάτην λόγων τε καὶ παραδειγμάτων καὶ ἐξηγήσεων.

Текст: *L.-O. Sjöberg. Stephanites und Ichnelates. Überlieferungsgeschichte und Text.—«Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Graeca Upsaliensis», 2. Stockholm, Göteborg, Uppsala, 1962, S. 151—244.*

Текст московской рукописи наиболее близок тексту рукописей XIV в.: *Monacensis 525, Vindobonensis phil. 173 и Baroccianus 131*¹⁶.

2 (лл. 439—491 об.). Киноварная заставка, в заставке: *Βίος Αἰσώπου τοῦ φιλοσόφου.* Н а ч. 'Ο κατὰ πάντα τὸν βίον γενόμενος βιοφελέστατος Αἰσώπος. Κ ο н. ἐξεδίκησαν τὸν τοῦ Αἰσώπου μέρος. Γ

Текст: *B. E. Perry. Op. cit., p. 81—107.* Текст московской рукописи наиболее близок тексту рукописей *Monacensis 525* и *Baroccianus 194*¹⁷.

3 (лл. 492—493 об.). Н а ч. *Περὶ τῶν μὴ ἤξιωτας, ὡς ἐν τύπῳ τοι σημείω...* Κ ο н. συγχώρησιν δέχεσθαι οὐδὲ παρ' ἰδιώτου· εἰμαρμένε δὲ, οὔτε ἦν, οὔτε ἐστίν, οὔτε ἔσται τὸ σύνολον.

4 (лл. 494—530). *Μῦθοι Αἰσώπου κατὰ ἀλφάβητον.* Н а ч. Ἀλώπηξ μήπω θεασαμένη λέοντα. Κ ο н. γαλλινῶσα γάρ πρὸς μειδιά καὶ ἀπατώσα ἀποπνίγει.

Текст 103 басен Эзопа московской рукописи наиболее близок тексту *cod. Monacensis 525*¹⁸.

5 (лл. 530—531). *Αἰσώπος εἶπεν κοσμικᾶς κωμωδιᾶς κατὰ ἀλφάβητον.* Н а ч. Ἀρχὴ αἰδιδίας, χαίρε φαλακρέ. Κ ο н. Ὁρας μιᾶς ἔργον... καὶ τὰ πάντα κάτω.

Текст «Мирских комедий Эзопа» имеется лишь в московской и мюнхенской (*Monacensis 525*) рукописях. См. *B. K. Ернштедт. Забытые греческие пословицы, стр. 179—206; ego же. К мирским комедиям Эзопа. — В кн.: Victoris Jernstedt opuscula. СПб., 1907, стр. 207—216.*

6 (лл. 531—549 об.). *Σιντύπα τοῦ φιλοσόφου ἐκ τῶν παραδειγματικῶν αὐτοῦ λόγων.* Н а ч. Ὅνος ἀκούσας φωνῆς τέτιγγος. Κ ο н. Ὁ μῦθος δηλοῖ, ὡς οὐ χρὴ τινὰ τῶν ἀχρήστων καὶ ἀνοητῶν ἐφίεσθαι.

См. описание лл. 232 об.—246 об. первого кодекса.

¹⁶ *L.-O. Sjöberg. Op. cit., S. 62.*

¹⁷ *B. E. Perry. Op. cit., p. 29—30.*

¹⁸ *Ibid., p. 310.* Издание текста басен Эзопа по рукописям различных рецензий см. там же, стр. 321—507.

7 (лл. 550—577) Τοῦ ἐν ἀγίοις πατρὸς ἡμῶν Ἐπιφανίου ἀρχιεπισκόπου Κύπρου φυσιολογικά. Нач. Ἀρξόμεθα λαλεῖν περὶ τοῦ λέοντος τοῦ βασιλέως τῶν θηρίων. К он. τῶν ἀποστόλων καὶ προφητῶν.

На прилетенных к рукописи лл. 1—5 рукой XIV в. писан отрывок из церковного устава.

Таков состав этого большого и интересного конволюта, донесшего до нас в окружении памятников первого сборника текст «Стратегикона» Кекавмена.

* * *

Итак, мы располагаем *единственным* списком сочинения Кекавмена, сочинения, возникшего в последней трети XI в. Как жил этот памятник византийской литературы на протяжении трех столетий, пока рука переписчика XIV в. не внесла его текст на листы первого кодекса № 436? Ответ на поставленный вопрос, при полном отсутствии других списков «Стратегикона», можно дать лишь в том случае, если наша уникальная рукопись сохранила какие-либо факты, которые могут пролить свет на историю интересующего нас текста. В свою очередь понять, распознать в рукописи указания на существование предшествовавших нашему списку этапов истории памятника можно лишь тогда, когда мы имеем достаточно полное представление о создавшем наш сборник книгописце, знаем его интересы, степень квалификации, приемы работы с оригиналом.

Каков же писец «Стратегикона»?

То обстоятельство, что в известных по каталогам и описаниям собраниях греческих рукописей нет ни одного сборника XIV в., который был бы абсолютно идентичен по своему составу первому кодексу № 436 (больше того, нет ни одного современного нашему сборнику, который, включая в себя литературу того же плана, что и наш первый кодекс, содержал бы такое же количество самых разнообразных сочинений), заставляет видеть в переписчике «Стратегикона» человека с совершенно определенными литературными интересами (в общих чертах — это интерес к памятникам назидательной литературы) и считать его *активным* составителем сборника, не копирующим подряд все сочинения доступных ему рукописей, но производящим сознательный отбор нужных текстов.

Отсутствие стабильности в написании отдельных букв и соединений, низкое качество заставок (выполненных, безусловно, самим переписчиком), весь облик страницы создают впечатление, будто работа исполнена не писцом-профессионалом, а человеком, не занимающимся постоянно трудом книгописца. Это впечатление усиливает полное неумение писца «Стратегикона» правильно передать написание оригинала: подавляющее большинство ошибок первого кодекса принадлежит к ошибкам итацизма — явление, которого мы никогда не увидим в таком масштабе в работе копиистов-профессионалов.

К сожалению, ни для одного текста первого сборника не может быть указан непосредственный оригинал, и поэтому отсутствует всякая возможность изучить приемы работы писца с протографом. Однако сделанное выше наблюдение о литературных интересах писца «Стратегикона» позволяет предполагать его бережное отношение к своему оригиналу, а отсутствие свойственных писцам-профессионалам автоматизма в работе и приемов переписывания текста (устранение несущественных, с их точки зрения, деталей и т. п.) может вселять надежду на сохранение основных особенностей протографа.

Посмотрим теперь, в каком состоянии дошел до нас текст сочинения Кекавмена.

«Стратегикон» состоит из пинакса (оглавления), пролога (от которого

сохранилось лишь начало) и разделенного на параграфы (каждый из которых имеет свое название и номер) текста. Между прологом и началом текста, на л. 140, имеется киноварная помета: ἡ ἀρχὴ τῆς βίβλου ἀρα τοῦ προλόγου διέρρηει καὶ διέφθη· εἶσος καὶ ἕτερα προῖδντος τῆς βίβλου. На л. 229 после текста, но не сразу вслед за последней строкой сочинения, а отделенная от нее чистым местом объемом в шесть строк, находится киноварная строка следующего содержания: ἐπιᾶσθη ἡ Κωνσταντινούπολις παρὰ τῶν λατίνων ἐνέτους ΣΨιβ μηνὸς ἀπριλλίου ἡμέρα β̄.

Имеем ли мы здесь текст, без всяких изменений и дополнений переписанный из протографа, или перед нами — итог обработки оригинала, предпринятой составителем сборника XIV в.? Обратимся к анализу сочинения.

Пинакс дошел до нас в неполном виде: он не охватывает последние 34 параграфа текста. Можно ли считать писца рукописи Исторического музея составителем пинакса? Если да, то нужно предположить, что 1) либо он не довел свою работу до конца, 2) либо полное оглавление утратило впоследствии конечную часть. Первое предположение должно отпасть: едва ли писец, не окончив составлять оглавление, принялся бы переписывать пролог и текст. Если бы это все же произошло, он обязательно оставил бы свободное место, чтобы в удобный момент закончить работу. Однако в рукописи такого свободного места нет, и сразу же вслед за пинаксом идет пролог. Второе предположение также невозможно: в рукописи после оглавления нет (и не может быть: последний параграф пинакса написан не в самом конце л. 139 об., а за шесть строк до конца листа) никаких лакун. Итак, пинакс в том виде, в каком он дошел до нас в рукописи № 436, существовал уже в протографе.

То же самое можно сказать о прологе и тексте: помета на л. 140 свидетельствует о том, что лакуны в прологе и самих записках Кекавмена имелись уже в протографе.

Кому принадлежит помета на л. 140? Содержание пометы предполагает, что ее автор внимательно изучил свой оригинал, знает его особенности и недостатки. Между тем, в помете нет ни слова о состоянии пинакса, который первоначально обнимал собой весь текст «Стратегикона» (подробнее об этом см. ниже), но ко времени работы книгописца XIV в. уже утратил последнюю часть. Можно предполагать, что помета поставлена тогда, когда оглавление было полным, а лакуны существовали лишь в прологе и тексте. Это подтверждается тем местом, которое занимает помета в рукописи Исторического музея: если бы пинакс имел утраты, автор пометы поставил бы ее не между прологом и первой строкой текста, а, скорее всего, там, где обрывается оглавление. Из всего этого следует, что писец рукописи № 436, имевший в своем распоряжении оригинал с уже исчезнувшим концом пинакса, не мог быть автором пометы на л. 140: он *скопировал* ее из протографа.

Обратимся, наконец, к анализу киноварной строки на л. 229. Перед нами либо запись, сделанная писцом рукописи № 436, либо запись одного из владельцев содержащего «Стратегикон» протографа, скопированная затем писцом XIV в. Первое предположение не может быть признано верным: подбор произведений, сделанный писцом сочинения Кекавмена, не служит подтверждением его активного интереса к факту взятия Константинополя крестоносцами в 1204 г. Наиболее правильным нам кажется истолкование этой строки как хронологической заметки, сделанной современником указанного в ней события, владевшим в начале XIII в. протографом нашей рукописи¹⁹. Как правило, различного рода пометы

¹⁹ P. Lemerle. Op. cit., p. 8—9. П. Лемерль приводит запись с ошибкой; ее правильный текст см. В. Wassiliewsky—V. Jernstedt. Op. cit., p. 104.

и записи делались владельцами в конце книги, на свободном месте ²⁰. В рукописи Исторического музея заметка о падении Константинополя находится *после* текста «Стратегикона», причем она расположена не сразу же вслед за последней строкой записок Кекавмена, а отделена от нее шестью строками чистого места. По-видимому, *протограф заканчивался «Стратегиконом» Кекавмена*, а на оставшемся свободном от текста месте, на некотором расстоянии от последней строки книги, владелец начала XIII в. сделал заметку об одном из важнейших событий современной ему истории — взятии столицы Византийской империи крестоносцами. Писец первого кодекса № 436, старательно копирующий «Стратегикон», либо из желания точно передать все особенности его текста в лежавшем перед ним протографе, либо — и это вероятнее всего — не поняв значения свободного места, отделявшего запись от текста, и приняв его за одну из тех лакун, которые не раз встречались ему при работе над сочинением Кекавмена, сохранил для нас то расположение текста и хронологической заметки, которое было в его оригинале, позволив тем самым назвать верхнюю границу датировки протографа — 1204 г.

Итак, сделанные наблюдения, подтвердив высказанное выше предположение о бережном отношении писца рукописи Исторического музея к своему оригиналу и передаче им основных особенностей протографа, дали возможность определить по крайней мере два этапа в истории текста «Стратегикона»:

1. Протограф до 1204 г., заканчивающийся «Стратегиконом» Кекавмена и содержащий полный пинакс, пролог и текст с лакунами, помету о лакунах в прологе и тексте, заметку владельца о взятии Константинополя латинянами в 1204 г.

2. Рукопись XIV в., скопировавшая «Стратегикон» в том виде, в каком он находился в протографе, за исключением пинакса, конец которого существовал еще на грани XII—XIII вв. и исчез между 1204 г. и временем создания первого кодекса № 436.

Обратимся к изучению протографа. Анализ пинакса, пролога и текста записок Кекавмена приводит к следующим наблюдениям.

а) Названия параграфов в тексте принадлежат самому Кекавмену; об этом свидетельствует название § 140: *παράγγελεῖα πρὸς τοὺς παῖδας μου*. Следовательно, и разбивка сочинения на параграфы — дело рук автора.

б) Нумерация параграфов в тексте не принадлежит Кекавмену: сам автор не мог включить в «Стратегикон» отдельные выписки о сатирах и драконах, о громах и молнии (§ 228—234), не имеющие никакого отношения к темам, затронутым в его сочинении. Следовательно, нумерация параграфов в тексте — явление позднее.

в) Пролог, где повествование ведется от третьего лица, не принадлежит Кекавмену, говорящему о себе в книге в первом лице. Следовательно, пролог — также явление позднее.

г) Пинакс составлен уже тогда, когда существовали пролог (помеченный в оглавлении номером $\bar{\alpha}$), нумерация и названия параграфов в тексте. Пинакс использует эти названия, часто сокращая, а иногда и несколько изменяя их. Составитель оглавления, пользовавшийся текстом, уже имевшим большие лакуны (отсутствуют § 148—154, 157—159, 161—167, 193—217, 227), не обращает никакого внимания на нумерацию параграфов текста; оглавление имеет собственную нумерацию, совпадающую, естественно, в значительной части с нумерацией текста, но независимую от последней.

²⁰ Именно поэтому мы исключаем всякую возможность связать запись о падении Константинополя не с концом «Стратегикона», а с началом следующего текста — *Ἀποφθέγματα φιλοσόφων*.

Эти наблюдения позволяют представить историю текста «Стратегикона» в следующем виде.

Кекавмен закончил свое сочинение в 70-х годах XI в. О том, что труд был закончен, свидетельствует содержание § 189—192. Текст был разбит на параграфы, каждый из которых получил свое название. При этом отсутствие систематического образования, неопытность Кекавмена как писателя не позволили ему произвести умелое деление текста на части, дать каждой части полностью соответствующее ее содержанию название; по-видимому, цель автора была в том, чтобы только остановить внимание читателя на данном отрывке, сообщив ему минимум характеризующих этот отрывок сведений. «Стратегикон» — таково было заглавие всей книги²¹. Несмотря на завершение работы над записками, Кекавмен не оформил свой труд в виде переплетенного кодекса, в виде рукописного издания для читателей. Сочинение представляло собой тетради и отдельные листы, куда сам автор, уже закончив работу, внес немало различных дополнений²². При жизни Кекавмена «Стратегикон» хранился в архиве автора.

После его смерти сочинение попало в руки человека, имевшего доступ к архиву Кекавменов; можно предполагать, что это был один из потомков автора «Стратегикона». Решив, по-видимому, привести интересные записки в порядок и приготовить их рукописное издание, он принялся за работу над текстом. С именем этого «издателя» мы связываем появление пролога, представлявшего автора книги читателям, и нумерации параграфов текста. «Издатель», однако, не вник как следует в содержание и пронумеровал все части сочинения в том порядке, в каком они находились в его время²³, приняв при этом за параграфы «Стратегикона» (и дав им соответствующие номера) не имеющие никакого к нему отношения выписки о сатирах, драконах и т. п. Эти выписки (вероятно, представлявшие собой изложенные языком Кекавмена конспекты отдельных мест читавшихся им сочинений) могли быть включены «издателем» в состав «Стратегикона» только в том случае, если они были написаны, как и вся книга, *рукой самого Кекавмена*. Таким образом, смещение текста записок с другими материалами, существовавшее, нужно думать, еще при Кекавмене, в его архиве, продолжало сохраняться спустя несколько десятилетий после смерти автора, в конце XI — начале XII в., когда, вероятно, протекала деятельность «издателя».

Можно ли с именем этого последнего связывать новый этап в истории текста «Стратегикона»? Нет. Имея в своем распоряжении автограф Кекавмена, он не сделал с него нового списка, а лишь присоединил к сочинению пролог (быть может, написав его на одном из чистых начальных листов) и проставил на полях номера параграфов текста.

²¹ Хотя собственно «Стратегикон» составляет лишь часть всего сочинения Кекавмена, мы не согласны с П. Лемерлем в том, что сам автор не мог дать такое заглавие своей книге (ср. *P. Lemerle. Op. cit.*, p. 12—18). Сопоставление тех сведений, которые сообщает Кекавмен о своем образовании, своих возможностях как писателя, с анализом литературных достоинств его труда приводит к убеждению, что *восный* человек, полководец, проводивший свою жизнь в походах, передавая собственный жизненный опыт детям, не мог, несмотря на затронутое им значительное количество не имеющих отношения к военному делу вопросов, назвать книгу иначе, чем «Стратегикон». Требовать точного соответствия заглавия содержанию в данном случае нет никаких оснований.

²² Например, «Советы топарху» и «Советы императору».

²³ Очень интересно предположение П. Лемерля о том, что вышедшая лакуна в 25 параграфов (после § 192) была заполнена прежде состоящими также из 25 параграфов «Советами императору» (*P. Lemerle. Op. cit.*, p. 16). Однако, если с этим согласиться, мы не сможем объяснить разрыв в нумерации между § 192 и § 218. Приходится думать, что после § 192 существовал исчезнувший впоследствии большой кусок текста, не являвшийся «Советами императору», но равный последним по объему. «Советы императору», если не при Кекавмене, то во всяком случае во время работы «издателя», занимали именно то место, где мы находим их в рукописи XIV в.

По-видимому, значительный промежуток времени, в течение которого в тексте «Стратегикона» образовались большие лакуны, отделяет работу «издателя» от составления пинакса. Гибель отдельных мест пролога и текста и образовавшаяся вследствие этого путаница в нумерации параграфов привели к тому, что составитель пинакса отказался следовать в оглавлении прежней нумерации и зафиксировал (допустив при этом несколько ошибок) порядок *всех* (ибо первоначально пинакс, безусловно, должен был охватывать собой все сочинение: трудно допустить, чтобы по каким-либо причинам в него не были включены последние 34 параграфа) дошедших до него частей сочинения новыми номерами. Полученное в процессе этой работы представление о состоянии текста нашло свое отражение в помете, поставленной составителем оглавления в том месте, где обрывается пролог и отсутствует начало «Стратегикона»: *ἡ ἀρχὴ τῆς βίβλου ἄμα τοῦ προλόγου διεσπάρει καὶ διέσθη · ἴσως καὶ ἕτερα προΐοντος τῆς βίβλου.*

Можно ли с именем составителя пинакса связать новый этап в истории текста записок Кекавмена? *Нет.* Если бы составитель пинакса изготовил новый список «Стратегикона», он, вероятно, устранил бы расхождение между нумерацией параграфов оглавления и текста. Так как этого не произошло, мы можем заключить, что у составителя пинакса не было никакой необходимости в изготовлении нового списка «Стратегикона»: *он был владельцем автографа Кекавмена, к которому и присоединил (написанный, видимо, на отдельных листах) свой пинакс.*

Датируя деятельность автора пролога концом XI — началом XII в. и предполагая, что для исчезновения из рукописи значительного по объему текста требуется немалое время, мы (помня, что верхней границей датировки восстановленного нами протографа является 1204 год) относим составление пинакса ко второй половине XII в.²⁴

Быть может, сам составитель оглавления (или следующий за ним владелец сочинения Кекавмена) явился современником захвата Константинополя крестоносцами в апреле 1204 г. Запись об этом событии и была сделана в конце рукописи, ниже последней строки «Стратегикона».

Подводя итоги исследования протографа, мы приходим к следующему выводу: *единственный сохранившийся до нашего времени список «Стратегикона» сделан непосредственно с автографа Кекавмена.*

Итак, история текста «Стратегикона» имеет два этапа.

1. Автограф Кекавмена (70-е годы XI в.) со следами работы «издателя» (конец XI — начало XII в.; пролог и нумерация параграфов текста) и составителя оглавления [вторая половина XII в.; полный пинакс, помета о лакунах в прологе и тексте, запись о взятии Константинополя латинянами в 1204 г. (?)].

2. Список XIV в. Точная передача особенностей протографа (уже утраченного последний лист пинакса); писцу принадлежит, быть может, лишь указание некоторых лакун в тексте.

Какова судьба рукописи Исторического музея?

Арсений Суханов купил в Иверском монастыре на Афоне в 1654 г. уже конволют²⁵; следовательно, первый и второй кодексы были заключены в еди-

²⁴ Образование больших лакун в тексте за примерно столетний промежуток времени — явление исключительно редкое для рукописи, облеченной в переплет. Это наводит на мысль о том, что и после работы «издателя» книга Кекавмена не была переплетена. Ее первым переплетчиком явился составитель пинакса, сохранивший уже сильно поврежденные записки византийского полководца от дальнейшего разрушения.

²⁵ Об этом свидетельствует номер ρм, которым конволют как единая книга был помечен по приезде Суханова в Москву (л. 1: Ярсени ρм). Об этом же говорит и нынешний (кон. XVIII в.) переплет рукописи, сменивший прежний: при перемете переплетов рукописей Московской Синодальной библиотеки отдельные части книг (в том числе конволюты) не развединялись.

ный переплет по крайней мере до середины XVII в. Однако общая судьба связывает оба манускрипта не только в столь позднее время. Текст л. 314, написанный рукой писца *второго* сборника ²⁶, и наблюдения над рукописной традицией басен Синтипы ²⁷ позволяют сделать следующий вывод: *первый и второй кодексы написаны одновременно, в одном месте, двумя книгописцами, имевшими одинаковые литературные интересы и использовавшими общие оригиналы.*

Упоминание (дважды: лл. 250 об. и 251) в формулах обращения к светским и духовным лицам «святого самодержца и царя Велико-Комнина» приводит к заключению о том, что *оба сборника появились в пределах Трапезундской империи.* Подтверждением этому служит постоянно показываемая текстами и первого и второго кодексов исключительная близость к оригиналам рукописи *Monacensis* 525, написанной в 1361 г. прототабулярием и хартофилаксом Трапезундской митрополии Андреем Ливадином ²⁸.

В какой среде созданы наши сборники? Ответ на этот вопрос был бы чрезвычайно важен для историков византийской литературы. Однако отсутствие колофонов не позволяет прийти к определенному выводу, и мы можем, базирясь на впечатлении от оформления обеих рукописей, а также приняв во внимание состав сборников (особенно второго) и наличие нескольких писцов, работающих над текстами определенного жанра, высказать лишь предположение, что первый и второй сборники были составлены в среде книжников-монахов.

Помета на верхнем поле л. 101: *μοισθιτη χ(ύρι)ε καὶ συνχώρισον τὴν δουλὴν τοῦ καὶ ραχάτου, принадлежащая женщине* (владелице или читательнице первого кодекса), свидетельствует о том, что еще на грани XV—XVI вв. ²⁹ рукопись не попала на Афон.

Афонский период жизни двух кодексов начинается, по-видимому, в конце XVI — начале XVII в. На л. 350 об. имеется написанная черными чернилами монограмма, которая читается как *Ἀβεσσαλώμ ἱερομόναχος.* Среди греческих рукописей Исторического музея имеется еще несколько книг с такой же пометой: № 204, 442, 444 ³⁰.

Особенно важна запись в рукописи № 442: ее 13 строк ³¹ дают представление о почерке иеромонаха Авессалома, зная который, мы можем выявить несколько манускриптов, частично или полностью переписанных его рукой. Это № 204, 443, 445, 478 ³². Судя по дате и характеру подписи,

²⁶ Писец второго сборника продолжил прерванную на короткое время работу писца первого сборника: л. 313 об. (первый писец) — PG, t. 104, col. 1400 D (кон. τὴν θυγατέρα αὐτοῦ Φατράν); л. 314 (второй писец) — PG, t. 104, col. 1400 D — 1401 B (нач. καὶ αὐθις λέγει ὁ Χριστός, кон. ἀλλ' οὐδέτιν τῶν ἀγγέλων ἢ προφητῶν εἶπεν, κάθου); л. 314 об. (первый писец) — PG, t. 104, col. 1401 B (нач. ἐκ δεξιῶν μου).

²⁷ См. прим. 14 и описание текста 7 первого кодекса.

²⁸ I. Hardt. Op. cit., p. 299—316.

²⁹ Той же рукой писаны несколько строк записи на л. 493 об. Датировать этот почерк чрезвычайно трудно: он не принадлежит грамотному и привыкшему писать человеку. Поэтому нашу датировку не следует считать окончательной.

³⁰ Эти пометы находятся в № 204 на л. 4, в № 442 на л. I, в № 444 на л. I.

³¹ № 442, л. I: ἡ βίβλος αὕτη πέφυκε τῆς μονῆς τῶν Ἱβήρων, / καὶ εἰ τις τέως βουληθῆ ταύτην ἀποστερῆσαι, / κευχωρισμένος ἔσεται αὐτῆς τῆς θεοτόκου / καὶ τοῦ παντάνακτος θεοῦ καὶ πάντων τῶν ἁγίων / ἐν τῷ αἰῶνι τούτῳ γε καὶ τῷ ἐλευσομένῳ. / Ἀβεσσαλώμ γέγραφα πολυμαρτήμιον, / μὴ τις πλανηθῆ βιβλεραστῆς τὴν φρένα / ταύτην ἐρῶσαι, οὐδενὸς μὴ εἰδότης, / καὶ τῆς μονῆς ταύτης γε τοῦ προσετώτος. / λήψει τὴν ἀράν αὐτῆς τῆς θεοτόκου, / καὶ κληρονόμος ἔσεται τῷ αἰωνίῳ / πυρὶ ἀβέσσω καὶ βρυγῶν τε δόντων / σὺν τῷ ταρτάρῳ καὶ σκόλῃ καὶ ἀκοιμήτῳ. / Ἀβεσσαλώμ ἱερομόναχος ζῆτι μαίφ ἱβ.

³² № 445 и 478 полностью переписаны Авессаломом, № 443 — тоже, исключая лл. 207—208, а в № 204 его рукой писаны лл. 1—1 об., 4—11 об., 26—88 об., 101—106 об., 107 об. В рукописи нет записи книгописца, а имеется лишь сделанная его рукой помета на л. 1 об.: ἐν ἔτει ζῤῥμγϞ μηνὶ ἰουλλίῳ κγ' ἐσέβη. . . / εἰς τὴν Πορταίτησαν πρὸ ἐμοῦ ὄντος π. . . / κύρ Γρηγόριος ὁ διδάσκαλος. Рукопись № 445 также не датирована самим писцом, но она содержит в заглавии очень важные для харак-

автографом Авессалома является также рукопись Иверского монастыря на Афоне № 205³³.

Кто же такой иеромонах Авессалом, чья деятельность, согласно его собственным пометам и записям, относится к 1607—1635 гг.?

Он, бесспорно, — монах Афоноиверского монастыря: 1) в заглавии рукописи № 445 он называет себя «хранителем храма Вратарницы»; 2) записи в кодексах № 204, 443, сделанные рукой Авессалома, относятся к Иверскому монастырю; 3) все известные нам книги, связанные с именем Авессалома, после его смерти остались в Иверской библиотеке. Одна из них, № 204, принадлежала позже игумену Ивера Дионисию и вместе с ним пошла в Россию, другие — либо доставлены из Иверского монастыря Арсением Сухановым, либо продолжают свою жизнь на полках той же библиотеки.

Помета 'Αβεσσαλῶν ἱερομόναχος на рукописях XIV—XVI вв. (№ 436, 442, 444), казалось бы, заставляет видеть в ней экслибрис и считать Авессалома владельцем этих книг. Но этому противоречат некоторые факты.

Авессалом переписывает интересный сборник № 443. Своим содержанием он частично повторяет помеченные экслибрисом Авессалома рукописи № 442 и 444 (обе — XVI в.), а из № 444 он даже в точности переписывает текст лл. 385—403 (лл. 103—114 в № 443) и, по-видимому, заимствует систему сигнатур³⁴. Рукопись № 205 содержит переписанного Авессаломом «Стефанита и Ихнилата», т. е. тот же текст, которым начинается второй кодекс рукописи № 436, также имеющей экслибрис Авессалома.

Если бы Авессалом был владельцем трех указанных выше книг XIV—XVI вв., зачем понадобилось бы ему еще раз переписывать тексты собственных рукописей? Скорее всего, он брал манускрипты из библиотеки своего монастыря, читал, переписывал заинтересовавшие его сочинения.

Это предположение может подтвердить помеченная Авессаломом рукопись № 442. На ее 39-м листе имеется необычайно интересный текст эпитаграммы в честь Иоанна Ивера. Хотя Иоанн Святогорец и является основателем Иверского монастыря на Афоне, важнейшего очага средневековой грузинской и греческой культуры, однако он не был настолько знаменит, чтобы привлечь в XVI в. (а именно так датируется № 442) чье-либо внимание, кроме самих иверитов. По-видимому, эта эпитаграмма была составлена в Иверском монастыре, едва ли получила широкое распространение³⁵, была переписана афонским книгописцем в XVI в. в составе рукописи № 442 и хранилась в библиотеке Ивера до начала XVII в., когда ее читал и пометил своим именем Авессалом. При этом он отмечает, что книга «принадлежит Иверскому монастырю». Но эта же рукопись,

теристики личности Авессалома сведения: л. 4 — 'Εξήγησις ἀλληγορικῆ εἰς τὴν πλᾶσιν τοῦ ἀνθρώπου, ἐκ τῶν αἰσθητῶν εἰς τὰ νοητά. Τοῦ εὐτελοῦς 'Αβεσσαλῶν ἱερομόναχου καὶ νεωκόρου τῆς Πορταϊτῆσσης. Кодексы № 204 и 478 датированы переписчиком. № 204, л. 105 об.: Γόνει μὲν ζεύξας, ὑποκλίνας δὲ κάραν, / χεῖρας ἐκτείνας πρὸς τὰς θείας τετράδας, / ἐκπεπλήρωκα τὴν θεόδοτον βίβλον, / πληρώσθην εἶπον, Χριστέ, σοὶ δόξα πρέπει, / τλήμων 'Αβεσσαλῶν, ἀρετῆς πάσης ξένος. ζριε. На л. 107 об. — интересная запись книгописца: ἦλθα ἀπὸ χαλέπη εἰς τὸ μοναστήρι ἐν ἔτει ζρλδ μηνὶ μαίω β'. № 478, л. 73 об.: τέλος Εὐριπίδου 'Εκάβης. ζριη. Подробное описание всех связанных с именем Авессалома рукописей см. архим. Владимир. Указ. соч.

³³ Sp. P. Lambros. Catalogue of the Greek Manuscripts on Mount Athos, t. II. Cambridge, 1900, p. 58: ζριη μαίω β' ἡμέρα 8 τῆς Μεσοπεντηκοστῆς. 'Αβεσσαλῶν ἱερομόναχος.

³⁴ Авессалом не употребляет цифры для нумерации тетрадей. Сигнатурой в переписанных им книгах служит кустод, написанный вертикально к строкам текста на обороте каждого последнего листа кватерниона. Точно такая же система сигнатур — в рукописи № 444.

³⁵ Нам не удалось найти по каталогам рукописей подобной эпитаграммы в честь Иоанна Ивера. Полагая, что она может вызвать интерес у картвелологов, мы решили привести ее текст. В рукописи текст сопровождается стоящими над каждым объясняемым словом интерлинеарными глоссами, которые помещаются в публикации после текста. Римские и арабские цифры указывают соответственно номера строк и слова текста, комментируемые глоссами.

с момента своего создания находящаяся в Иверской библиотеке, имеет и экслибрис Авессалома.

Очевидно, слова: Ἀβεσσαλωμ ἱερομόναχος не являются экслибрисом и не подчеркивают факт владения книгой. Этими словами, нам кажется, отмечены те рукописи, которые постоянно интересовали Авессалома, которые он тщательно изучал (на полях некоторых кодексов имеются написанные его рукой комментарии), переписывал из них отдельные сочинения — рукописи, которые Авессалом закреплял за собой на длительное время³⁶. Не исключено также, что Авессалом был иверским библиотекарем и способствовал увеличению книжных богатств родной обители.

Авессалому и принадлежит монограмма на л. 350 об. рукописи № 436; он же сделал пометки на лл. 156 (первый кодекс) и 351 об. (второй кодекс).

Читал ли иверский иеромонах Авессалом два отдельных кодекса и, поняв единство жанра большинства содержащихся в них сочинений, облек их общим переплетом, или они уже попали ему в руки в виде единого коволюта? Определенный ответ тут едва ли возможен. Бесспорно одно: оба сборника связаны единой судьбой с момента своего появления на свет в XIV в. до наших дней, когда они покоятся на полке одного из богатейших в мире рукописных собраний — Отдела рукописей ГИМ.

ГИМ, № 442 (260/CCXLVII), л. 39 (XVI в.).

1. Ἐπιγράμματα εἰς τὸν ὄσιον Ἰωάννην τὸν Ἰβηρα.
Παχωμίου τὰδ' ἄζυγος μελίματα,
Κάλλιφ' (1) ἅπαντα βίοιο (2) Ἰωάννης τάδε (3) κεδνός (4),
πῶν (1) εὐγενίην (2), πληθοσύνην (3) κτεάνων (4),
5. χρυσόν (1) αἰθόμενον (2), δμῶν (3) ἀγορῆν (4), ἐὶν (5) πάτρην (6),
Χριστῷ (1) δ' ἔσπετ' (2) ἔχων (3) σταυρόν (4) ἐπωμᾶδιον (5),
οὔρεσι (1) βαίνων (2) δ' οἶα (3) Ἰωάννης (4) τὸ πάροιθε (5),
νῆν (1) τῶδε (2) μέγαν (3) στήσατο (4) προφρονέως (5).
Ἀβραὰμ ἄλλον (1) σ' ἀντολίηθεν (2) ἐπισπέρχοντα (3)
10. ἱερτὴν ἐπὶ γαῖαν (1) ἀθωνίτ' (2) ὠπώπεισαν (3),
ἀντ' Ἰσαὰκ (1) Εὐθύμιον (2), εἰκόν' ἄγοντα (3) θεοῖο (4),
ἀντι δὲ Λῶτ (1) ἐπάγοντα (2) Γεώργιον (3), ἧς ποιμήνης τε (4)
ἄμφω (1) ποιμέν' (2) ἀρίστω (3) ὑστάτιον (4) γεγαῶτε (5),
νῦν δὲ γ' (1) Ἐδὲμ (2) σὺν τοῖσδε (3) Ἰωάννη (4) ἀπολαύεις (5).
15. Ἐνθάδε (1) Θέντομ' Ἰβηρα (2) Ἰωάννην ἐμοὶ (3) οὔεις (4),
ἀμφικαλύψαντες (1) τῶδε λίθω (2) κρυερῷ (3),
πιστὸν (1) ἐπίτροπον (2), ἠδὲ (3) συνίστορ' (4) Ἀθανασίοιο (5),
λαυρῶν (1) ἀμφοτέρων (2) αἶσα (3) κηδόμενον (4),
ἀλλ' ὃ φίλιτα (1) θῦτ' (2) Εὐθύμιε κήδεο (3) τῶνδε (4)
20. Κλήμεντος (1) Μελανῶν (2), μνωόμενος (3) φιλήεις (4).
Глоссы. III, 1 — κατέλιπεν, 2 — τοῦ βίου, 3 — τὰ ἐνταυθα παρόντα, 4 — ὁ τίμιος;
IV, 1 — τῶν συγγενῶν, 2 — τὴν εὐγενεῖαν, 3 — τὴν πληθύν, 4 — τῶν κτημάτων; V, 1 — τόν,
2 — τὸν λάμποντα, 3 — τῶν δούλων, 4 — τὸν ὄμιλον, 5 — συνίζησις, 6 — τὴν ἰδίαν πατρίδα;
VI, 1 — τῷ Χριστῷ, 2 — ἠκολούθησε δὲ, 3 — φέρων, 4 — τὸν ἴδιον, 5 — ἐπὶ τῶν ἰδίων ὤμων;
VII, 1 — ἐν ὄρεσι δὲ, 2 — πορευόμενος, διατρίβων, 3 — καθάπερ, 4 — ὁ πρόδρομος, 5 — τὸ
πρότερον; VIII, 1 — ναόν, 2 — τούτω, 3 — θαυμαστόν, 4 — ἐστήσατο, ἴδρυσε, 5 — προθύμως;
IX, 1 — ἕτερόν σε, 2 — ἐξ Ἀνατολῆς, 3 — ἐπισπεύδοντα; X, 1 — ἐπὶ τὴν ἐπιθυμητὴν γῆν,
2 — οἱ τοῦ Ἄθω, 3 — ἐωράκεισαν; XI, 1 — ἀντι μὲν τοῦ, 2 — ἐπάγοντα κατάσυνεχῶν τὸν,
3 — καὶ τύπον φέροντα, 4 — τοῦ Χριστοῦ; XII, 1 — τοῦ (перед Λῶτ), 2 — ἐπιφερόμενον,
3 — τὸν ἀδελφίδου, 4 — τῆς αὐτοῦ; XIII, 1 — τοὺς δύο, 2 — ἀρχηγούς, 3 — σπουδαίους,
4 — μετὰ ταῦτα, 5 — γενομένους; XIV, 1 — ἀρτίως δὲ, 2 — τοῦ παραδείσου, 3 — τούτοις, 4 — ὃ
(перед Ἰωάννη), 5 — τρυφᾶς; XV, 1 — ἐνταυθα, 2 — ἀπέθεντο με τόν, 3 — οἱ (перед ἐμοὶ),
4 — οἰοί; XVI, 1 — περικαλύψαντες, 2 — τῷ (перед λίθω), 3 — τῷ φρικτῷ ἢ ψυχρῷ; XVII,
1 — ἀληθῆ, 2 — φροντιστὴν, 3 — καί, 4 — συνεπιστήμονα ἢ συνασκητόν, 5 — Ἀθανασίου;
XVIII, 1 — τῶν μονῶν, 2 — ὁμοῦ τῶν δύο, 3 — τὰ καθήκοντα, 4 — ἐπιμελούμενον; XIX,
1 — πεφιλεμένη νιέ, 2 — ἱερεῦ 3 — ἐπιμελοῦ, 4 — τῶν λαυρῶν; XX, 1 — τῆς τοῦ, 2 — καὶ
τῶν, 3 — μεμνημένος, 4 — τῆς κατὰ θεὸν ἀγάπης. Против строк 3—8 и 15—20 написано
книоварью: ἡρωελεγεῖοι, а против строк 9—14 — ἡρωικοί.

³⁶ Подобная практика существовала во второй половине XVII в. на Московском Печатном дворе, справщики которого закрепляли за собой книги, принадлежавшие Типографской библиотеке. Эти книги постоянно находились у них в работе, служили справочниками или просто чем-то интересовали их. Помеченные именем справщика, они после смерти временного владельца поступали опять в Типографскую библиотеку.

В. Г. ПУЦКО

ДВА ФРАГМЕНТА
 КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИХ ЛИЦЕВЫХ РУКОПИСЕЙ
 ТРЕТЬЕЙ ЧЕТВЕРТИ XI В. ИЗ СОБРАНИЯ ГНБ
 (ГРЕЧ. 334 И 373)

В Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде есть два фрагмента византийских лицевых рукописей, поступившие в библиотеку в 1883 г. в составе обширного собрания греческих рукописей епископа Порфирия Успенского¹, ныне известные под шифрами: греч. 334 и греч. 373².

Оба упомянутых фрагмента, судя по сохранившимся на них пометам, вывезены Порфирием Успенским из Иерусалима. Относительно происхождения одного из них, а именно греч. 334, между специалистами существуют разногласия. По мнению В. Н. Бенешевича и В. Н. Лазарева, греч. 334 является фрагментом кодекса Патриаршей библиотеки в Иерусалиме Τάφου 14³, содержащего Слова Григория Богослова и Слово Иоанна Дамаскина на Рождество Христово⁴.

¹ См. Краткий обзор собрания рукописей, принадлежавшего преосв. Порфирию, в изд.: «Отчет Имп. Публичной Библиотеки за 1883 год». СПб., 1885, № 77, стр. 132; № 116, стр. 139.

² Упоминания о рукоп. греч. 334 см. *M. Alpatoff und V. Lasareff. Ein byzantinischen Tafelwerk aus der Komnenenepoche. — «Jahrbuch der preussischen Kunstsammlungen», Bd. 46. Berlin, 1925, Н. 2, S. 149 (со снимком); Н. П. Лихачев. Историческое значение итало-греческой иконописи. СПб., 1911, рис. 332; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I. М., 1947, стр. 312—313; т. II. М., 1948, табл. 130; *его же*. Царьградская лицевая Псалтирь XI в. — ВВ, III, 1950, стр. 215; *Е. Э. Гранстрем*. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 3. Рукописи XI в. — ВВ, XIX, 1961, стр. 220. О рукоп. греч. 373 см. *В. Н. Лазарев*. История византийской живописи, т. I, стр. 108, 313; т. II, табл. 1356; *его же*. Царьградская лицевая Псалтирь XI в., стр. 215; *Е. Э. Гранстрем*. Указ. соч., стр. 231—232.*

³ *В. Н. Бенешевич*. Подготовительные материалы к каталогу греческих рукописей ПБ, л. 308 (Отдел рукописей ГНБ); *В. Н. Лазарев*. История византийской живописи, т. I, стр. 313; *его же*. Царьградская лицевая Псалтирь XI в., стр. 215.

⁴ Слова Григория Богослова, содержащиеся в кодексе Τάφου 14, опубликованы в изд.: PG, t. 35, col. 396; t. 36, col. 624, 608, 428; t. 35, col. 51, 1044; t. 36, col. 313, 493, 356, 360; t. 35, col. 832, 1081; t. 36, col. 457; t. 35, col. 933. Слово Иоанна Дамаскина (Ἰωάννου τοῦ ταπεινοῦ καὶ ἐλαχίστου μοναχοῦ τοῦ Δαμασκηνοῦ λόγος εἰς τὴν ἁγίας γέννησιν. Нач.: Ὅπου τὸ ἔαρ ἐπέλθῃ); см. PG, t. 96, col. 817. Н. П. Кондаков считал это слово приписываемым Иоанну Дамаскину (*Н. П. Кондаков*. Археологическое путешествие по Сирии и Палестине. СПб., 1904, стр. 282). О кодексе Патриаршей библиотеки в Иерусалиме Τάφου 14 см. Ἄ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη. . . , т. I. Ἐν Πετροπόλει, 1891, сел. 45—65; *Н. П. Кондаков*. Указ. соч. стр. 281—283; *G. Schlumberger*. L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle, т. III. Paris, 1905, p. 32, 33, 37, 117, 125 (fig.); *G. Millet*. L'art byzantin. Histoire de l'art depuis les preiers

Е. Э. Гранстрем это отождествление считает ошибочным в силу следующих причин:

«1) почерк писца (насколько об этом можно судить по имеющимся в каталоге Пападопуло-Керамевса двум снимкам) описываемой рукописи отличается от почерка писца, написавшего рукопись Патриаршей библиотеки № 14; 2) хотя в описании Пападопуло-Керамевса указано (стр. 45), что № 14 писан в два столбца, на снимках видно, что рукопись писана в один столбец; 3) согласно каталогу Пападопуло-Керамевса, № 14 содержит произведения Григория Богослова и Иоанна Дамаскина, однако ни у того ни у другого не удалось найти текст, содержащийся в описываемой рукописи»⁵.

Действительно, при сравнении фрагментов иерусалимского кодекса, воспроизведенных в каталоге Пападопуло-Керамевса, и ленинградской рукописи греч. 334 можно установить ряд случаев графически не совпадающих по форме отдельных букв. Данное обстоятельство, конечно, дает основания предполагать исполнение этих двух фрагментов разными писцами, но при этом следует учесть, что рукописи такого объема, как *Τάφος 14*, описание которой в печатном каталоге заняло более 20 страниц, могли быть продуктом коллективного труда переписчиков одной мастерской, работавших в одинаковой или сходной манере, хотя, вполне естественно, почерк каждого из них в написании отдельных букв имел свои отличия (Пападопуло-Керамевс при описании кодекса, не выделяя почерков, лишь отмечает, что рукопись написана прекрасным почерком).

О принципе расположения текста в рукописи *Τάφος 14* (в пределах листа) довольно ясное представление дают снимки, имеющиеся в работах Г. Шлюмберже и В. Н. Лазарева⁶, говорящие о том, что текст рукописи (и ее ленинградского фрагмента) в преобладающей части писан в два столбца, как и указано в каталоге Пападопуло-Керамевса.

Рукопись *Τάφος 14* состоит из трех частей. Первая содержит 16 слов (литургических гомилий) Григория Богослова, которые занимают 1—91 и 113—306 лл. Вторая часть включает Слово на Рождество Христово, которое принято приписывать Иоанну Дамаскину, хотя, по сообщению К. Вейцмана, некоторые исследователи считают его автором Иоанна Эвбейского⁷; занимает оно в кодексе 92—112 лл. Третья содержит текст так называемого Псевдо-Нонна с комментариями Григория на классические мифы; они помещены на 307—313 лл. Последняя часть писана в один столбец. Снимки листов из этой части и приложены к каталогу Пападопуло-Керамевса.

Более сложным является вопрос об авторе беседы, фрагмент которой содержит рукопись греч. 334. Не исключено, что этот фрагмент, насколько можно судить по содержанию отрывка, принадлежит к Слову на Рождество Христово, автор которого пока не установлен.

temps chrétiens jusqu'à nos jours publiée sous la direction d'André Michel, t. I, Paris, 1905, p. 245, 247; *idem*. Recherches sur l'iconographie de l'évangile aux XIV-e, XV-e et XVI-e siècles. Paris, 1916, p. 141; V. Lasareff. Two Newly Discovered Pictures of the Lucca Scholl. — «Burlington Magazine», 1927, LI, p. 61; *его же*. История византийской живописи, т. I, стр. 108, 312; т. II, табл. 129; *его же*. Царьградская лицевая Псалтирь XI в., стр. 215; W. H. P. Hatch. Greek and Syrian Miniatures in Jerusalem. Cambridge-Mass., 1931, p. 58—75, Pl. I—XVIII; K. Weitzmann. Greek Mythology in Byzantine Art. Princeton, 1951; *idem*. Ancient Book Illumination. Cambridge-Mass., 1959, p. 96—97, Pl. XLIX, fig. 103; *idem*. The Survival of Mythological Representations in Early Christian and Byzantine Art and their Impact on Christian Iconography. — DOP, 14, 1960, p. 52, fig. 13; *idem*. Geistige Grundlagen und Wesen der Makedonischen Renaissance. Köln und Opladen, 1963, S. 17, Abb. 8; *idem*. Byzantine Miniature and Icon Painting in the eleventh Century. Oxford, 1966, p. 11, Pl. 27; L'art byzantin, art européen. Athènes, 1964, № 345; M. Chatzidakis, A. Grabar. La peinture byzantine et du haut Moyen Âge. Paris, 1964, pl. 93—94.

⁵ Е. Э. Гранстрем. Указ. соч., стр. 220.

⁶ G. Schlumberger. Op. cit., t. III, p. 32, 33, 37, 117, 125; W. H. P. Hatch. Op. cit.; В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, табл. 129.

⁷ Приношу глубокую благодарность проф. К. Вейцману за ценные указания, полученные мною при работе над статьей.

Ряд таких фактов, как предельно точное соответствие размера листа кодекса и фрагмента⁸, одинаковое количество строк в столбце, близость почерка и один и тот же тип разлиновки⁹, убедительно говорят о том, что рукопись Гос. публичной библиотеки греч. 334, несомненно, является фрагментом кодекса Τάφου 14 Патриаршей библиотеки в Иерусалиме.

Рукопись греч. 334 состоит из одного листа пергамента размером 32.0 × 25.5 (размер текста — 19, 57 × 15.0). Текст писан минускулом, коричневыми чернилами, в два столбца. Вокруг текста широкие поля, на которые частично выходят украшающие рукопись миниатюры, более узкие просветы оставлены между столбцами. Рукопись содержит отрывок беседы на евангелие от Матфея, гл. II, ст. 13—18; начало отрывка: Ἀναχωρησάντων δὲ τῶν μάγῶν ὤφθη ἄγγελος κυρίου τῷ Ἰωσήφ λέγων... , конец: καὶ οὐκ ἤθελεν παρακληθῆναι ὅτι οὐκ εἰσὶν¹⁰ (рис. 1, 2).

Миниатюры в рукописи располагаются следующим образом: На лицевой стороне листа, справа вверху — Сон Иосифа (рис. 3а)¹¹. Иосиф спит на закругленном в изголовье ложе. Явившийся ему ангел, энергично жестикулируя правой рукой, левой же придерживая края развевающегося гиматия, сообщает о повелении бога бежать в Египет. Слева и справа видим палаты, которые соединены сплошной стеной¹².

Колористическая гамма строится на сочетании голубых, лиловых, красных и зеленых цветов.

Ниже — Бегство в Египет (рис. 3б)¹³. Впереди фронтально развернутой группы идет Иосиф.левой рукой он указывает путь и, полуобернувшись, ведет за собой осла, на котором сидит Богоматерь с младенцем Христом на руках. Позади святого семейства идет юноша в короткой тунике с золотой оторочкой по подолу и рукавам¹⁴. Путников встречает женщина с распущенными, откинутыми назад волосами, которая олицетворяет здесь Египет. В глубине виднеются горы, отделяющие Иудею, символически изображенную в виде столпообразного прямоугольного здания с двускатной крышей, от окруженного стеной с зубчатыми выступами египетского города.

Колорит строится на сочетании фиолетовых, синих, зеленых и коричневых цветов.

На обороте листа, справа внизу — Избиение младенцев (рис. 4)¹⁵, две сцены. В первой изображен сидящий под высоким киворием Ирод, одетый в красную тунуку и синий паллиум. Один из воинов занес меч над младенцем; два других воина мечами убивают детей. Во второй сцене, помещенной под первой, матери оплакивают убитых воинами младенцев.

⁸ А. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Op. cit., t. I, p. 45; Е. Э. Гранстрем. Указ. соч., стр. 220. В книге Н. П. Кондакова (указ. соч., стр. 282) ошибочно указан размер в четвертку.

⁹ См. K. and S. Lake. Dated Greek Minuscule Manuscripts to the Year 1200, vol. VI (Manuscripts in Moscow and Leningrad). Boston, 1936, pl. 16 (II, 34 e), 434, 439.

¹⁰ В. Н. Бенешевич (указ. соч.) считал, что это отрывок из Четвероевангелия.

¹¹ Иллюстрирует 13-й стих II главы. Размер 7,35 × 7,20.

¹² Ср. роспись южной апсиды в Атели (X в.). См. Ш. Я. Амиранашвили. История грузинской монументальной живописи, т. I. Тбилиси, 1957, стр. 88, табл. 67, 69; миниатюры евангелия из Гелатского монастыря (XII в.), л. 19; Н. Покровский. Миниатюры евангелия Гелатского монастыря XII в. СПб., 1887 (отд. оттиск), стр. 16.

¹³ Иллюстрирует 14—15 ст. той же главы. Размер — 7,85 × 10,70.

¹⁴ В аналогичной по сюжету миниатюре Лондонской псалтири возле фигуры юноши надпись ИКΘΒ. См. G. Millet. Op. cit., fig. 119; Минеи-Четьи под 25 декабря также сообщают об Иакове, сопровождавшем святое семейство при бегстве в Египет. Об этом упоминается и в службе Иакову (23 октября), во второй стихире на стиховне. См. также: Евсевий. Церковная история. СПб., 1858, стр. 94—95. Описание наружности Иакова см. в сербской рукописи XVI в. в собр. А. Ф. Гильфердинга (ГПБ, № 42, л. 99). См. также: Ложные и отреченные книги русской старины, собр. А. Н. Пылиным. СПб., 1862, стр. 90.

¹⁵ Иллюстрирует 16—18 ст. той же главы. Размер — 15,3 × 10,55.

Из-за горы виднеется фигура праведной Елизаветы с Иоанном Предтечей на руках, которого воин собирается убить ударом копья ¹⁶.

Преобладают красный, синий, зеленый и коричневатый цвета. Миниатюры, иллюстрирующие отрывок беседы, едины по стилю и настолько близки по манере исполнения, что вопрос об их принадлежности одному и тому же художнику не вызывает сомнений. Фигуры большей частью изображены в профиль или в три четверти. Одежды ложатся сухими тонкими складками. В трактовке тела заметно ощущается аскетическое начало. Все сцены кажутся вписанными в пределы весьма ограниченного пространства. Растительность в некоторых случаях приобретает почти геометрические очертания. Везде господствует тонкая абстрактная линия ¹⁷. Лишенные обрамлений, миниатюры как бы «вписываются» в иллюстрируемые тексты, образуя с ними единое композиционное целое ¹⁸. Остро подмеченные движения фигур сообщают изображениям жизненную убедительность. Тонким, изящным фигуркам чужда тяжеловесность, присущая памятникам провинциального происхождения ¹⁹. В ряде сцен обнаруживается типичная для искусства Византии тенденция к равноголовью ²⁰.

Отличительной чертой композиционного построения миниатюр является рационально используемый прием изокефалии в сочетании с орнаментальной ритмичкой расположения фигур и симметричностью фронтально развернутых сцен. Однако, благодаря выразительной меткости обрисовки деталей и характерности движений фигур, внутренняя динамика и жизненная убедительность изображенных ситуаций несколько не снижаются. Наиболее характерна в этом отношении сцена Бегства в Египет. Окруженные нимбами головы Иакова, Богоматери и Иосифа расположены на одном уровне. Фигуры размещены симметрично, причем центральная фигура Богоматери, сидящей на осле, изображена на фоне высокой горы. Сама фигура Богоматери значительно меньших размеров, чем фигуры Иакова и Иосифа, но, будучи расположена на фоне горы с лещадками и гармонизируя с ней по цвету, она кажется находящейся выше других путников. Полную симметрию этой сцены нарушают фигура женщины, олицетворяющей Египет, и египетский город, занимающий в композиции миниатюры более значительное место, чем параллельно ему расположенное здание слева. Приемом введения элементов симметрии художнику удается сосредоточить внимание на смысловом центре иногда довольно сложных по ситуации композиций. В сцене Бегства в Египет таким центром является Богоматерь с младенцем на руках, в верхней части композиции Избиения младенцев — фигурка вертикально распластанного младенца с занесенным над ним мечом, а строго по вертикали над этим умерщвляемым младенцем художник изображает в корзинке среди ветвей высокого дерева другого младенца — спасенного, спрятанного и сберегаемого матерью. Так художник постепенно раскрывает перед зрителем смысл происходящей трагедии.

¹⁶ Очевидно, здесь иллюстрация эпизода, когда, согласно одной из христианских легенд, расступилась скала, пропуская Елизавету с Предтечей, и тотчас же сомкнулась, заграждая путь воину. См. *Псевдо-Евстафий Антиохийский* (PG, t. XVIII, col. 776), и *Никифор Каллист* (PG, t. CXLV, col. 676). Для иконографического типа ср. Евангелие Равулы, л. 406; Митологий Василия II в Ватиканской библиотеке (ок. 986 г.), гр. 1613, под 29 декабря; Евангелие Парижской Национальной библиотеки (третья четверть XI в.), гр. 74, л. 5; *Н. Покровский*. Указ. соч., стр. 17.

¹⁷ *В. Н. Лазарев*. История византийской живописи, т. I, стр. 106—107.

¹⁸ Рукописи, оформленные по такому принципу, принято относить к монастырской редакции, в отличие от светской, придворной, предполагающей более роскошное оформление. См. *В. Н. Лазарев*. История византийской живописи, т. I, стр. 109.

¹⁹ Ср. Евангелие 1067 г. монастыря св. Екатерины на Синае (греч. № 172); три листа с миниатюрами в РГБ в Ленинграде (греч. 291). См. *В. Н. Бенешевич*. Памятники Синая, вып. I. Л., 1925, табл. 37; *Н. П. Лихачев*. Материалы для истории русского иконописания, ч. II. СПб., 1906, № 699.

²⁰ Ср. *Л. Ф. Жегин*. Некоторые пространственные формы в древнерусской живописи. В кн.: «Древнерусское искусство, XVII в.» М., 1964, стр. 186, табл. 16-б.

Блестящее мастерство миниатюрист обнаруживает и в передаче жестов. Достаточно посмотреть на изображение Христа, цепко ухватившегося за руки матери, на робкий и осторожный жест Иосифа, на радостно и энергично простертую руку обрадованного приближением к городу после утомительного и опасного путешествия Иакова, чтобы увидеть еще один из приемов, благодаря которым мастер достигает большой выразительности в характеристике своих персонажей²¹. По-своему интересна трактовка женской фигуры, олицетворяющей Египет. Ее поза, распущенные волосы, скорбное выражение лица скорее заставляют видеть в ней поверженную властительницу взятого приступом города, молящую победителей о пощаде, чем олицетворение богатой страны, дающей приют беглецам²². Особым драматизмом отличаются сцены Избиения младенцев. Несмотря на традиционную условность композиции²³, а также на некоторую стилизацию отдельных фигур, художнику все же удается достигнуть большой убедительности в передаче происходящего. Сюжет Избиения младенцев трактуется как единая двухчастная композиция, не только раскрывающая развитие действия, но и посредством контраста различных сцен, а также общности некоторых их мотивов углубляющая драматическую сущность изображения. В сцене избиения это, с одной стороны, достигается показом рассеяния воинами в присутствии Ирода детей, с другой — изображением еврейских женщин, оплакивающих убитых по повелению Ирода младенцев; третий остродраматический момент, общий для обеих сцен, составляет мотив спасения двумя матерями (сидящей на вершине горы и праведной Елизаветой) своих детей. Изображая отдаленные по времени события, художник, тем не менее, смело вводит в композиции современные ему костюмы и обстановку. Ирода он изображает в традиционном костюме византийских василевсов, с характерной по форме золотой диадемой на голове²⁴; короткие, опоясанные, поднятые на бедрах туники воинов скорее напоминают костюмы охотников или одежды скоморохов²⁵. С большой убедительностью трактует художник сцену оплакивания, в которой своеобразно отражены элементы реальной ситуации. Особенно выразительно изображение второй женщины справа, судорожно обхватившей своего умирающего младенца. Убитая горем мать с мертвым ребенком на коленях в отчаянии рвет на себе волосы²⁶. Не лишена интереса и фигура хитрой матери, спрятавшей младенца в корзинке, подвешенной среди ветвей высокого дерева. Для этого изображения едва ли можно указать ближайшие параллели в византийской живописи. Заметный контраст с изображениями матерей составляют фигурки убиваемых младенцев. Их неестественно

²¹ Характерно, что другая миниатюра кодекса на этот же сюжет имеет несколько отличающийся иконографический извод: так, вместо Иакова (в греч. 334) изображены два демона. Такое несоответствие можно объяснить, скорее всего, наличием различных образцов.

²² Ср. миниатюру в Миналогии Василия II, а также миниатюры в Евангелии (с Синаксарем) в Ватиканской Библиотеке (gr. 1156), в Евангелии Парижской Национальной библиотеки (№ Suppl. gr. 914) и в Евангелии Лаврентцианской библиотеки (№ plut. VI cod. 23).

²³ Ср. миниатюры Евангелия Равулы (л. 286), а также кодекса Григория Богослова в Парижской Национальной библиотеке (gr. 510, лл. 137, 215 об.).

²⁴ Ср. Евангелие Ватиканской библиотеки (gr. 1156), Псалтирь Британского музея (Add. Ms. 19352); Евангелие Парижской Национальной библиотеки (gr. 74). Этот костюм к XI в. становится традиционным вообще для изображения царей. См. миниатюру с изображением мучения Маккавеев в Иерусалимском кодексе *Τάφου* 14 (W. H. P. Hatch. Op. cit., Taf. VI), мозаику церкви монастыря Неа Мони на Хиосе (A. Grabar. Byzantine painting. Geneve, 1953, fig. 75) и др.

²⁵ Ср. миниатюры кодекса Оппиана в Парижской Национальной библиотеке (gr. 2736), а также фрески Софии Киевской («История русского искусства», т. I. М., 1953, стр. 171).

²⁶ Ср. Четвероевангелие 1282 г. в ГПБ в Ленинграде (греч. 105), л. 13; E. C. Colwell, H. R. Willoughby. The Four Gospels of Karahissar, v. II. Chicago, 1936, pl. XIV, p. 119—124.

вытянутые тела лишены всякой пластичности; отсутствие ее вместе с холодноватым колоритом изображений подчеркивает их безжизненность.

Рукопись греч. 373 состоит из одного листа пергамена размером 36,8 × 26,0 см; размер текста 27,0 × 18,0 см. Текст писан минускулом в два столбца по 29 строк. Тип разлиновки — II 40²⁷. На лицевой стороне листа и в левой части на обороте содержится конец жития святых мучеников бессребренников Космы и Дамиана (1 ноября)²⁸, в правом же столбце на обороте — начало (всего три строки) мучения святых мучеников Акиндина, Пегасия, Анемподиста, Афтония и Елпидифора, редакция Симеона Метафраста²⁹. Перед началом миниатюра, заставка и инициал.

На миниатюре представлены расположенные в два яруса пять фронтально стоящих фигур мучеников в туниках и длинных хламидах с тавлиями, с крестами в руках. Вверху над миниатюрой надпись: *σαγοι πεντηκοντη* (рис. 5, 6).

Заставка орнаментированная (мотив трехлистника)³⁰. Ниже — инициал с изображением птицы. Мученики изображены в патрицианских хламидах, застегнутых на плече фибулами³¹. Слева вверху представлен Анемподист, в ярко-красной тунике с отороченным золотом подолом и зеленоватой хламиде. Мученик средних лет, с темной бородой, широкое скуластое лицо подчеркнуто впадинами на щеках, лоб полуприкрыт волосами. Стоящий рядом с ним Пегасий в светло-зеленой тунике и сероватой хламиде. Справа — седовласый старец Акиндин. В нижнем ряду помещены юные Афтоний и Елпидифор. Расположенные в два ряда фигуры мучеников размещены с некоторыми нарушениями симметрии в расстановке. Этот прием вместе с цветовой ритмикой, строящейся на сочетании зеленовато-черных, красных и голубых тонов, позволяет художнику избежать той скучной монотонности, которая могла бы быть внесена в миниатюру при соблюдении строгой симметрии в размещении изображений. Святые представлены стоящими на узких полосках поэма оливково-зеленоватого цвета, фоном служит цвет пергамена^{31а}.

Стройные, изящные, несколько вытянутые фигуры с маленькими головами, окруженными золотыми нимбами, с тонкими конечностями представляют один из самых типичных образцов византийской столичной книжной миниатюры третьей четверти XI в. Художник, иллюстрировавший рукопись, удачно сопоставляет фиолетовые и зеленые, голубоватые и ярко-красные тона, оттеняемые ярким лазурно-синим с белым кантиком обрамлением. Такие обрамления принято считать характерными для ру-

²⁷ K. and S. Lake. Op. cit., vol. VI.

²⁸ Конец жития: *σώσας με ἐκ χειρὸς τοῦ αἰμοβόρου διαβόλου... διὰ τοῦτο αἰνῶ καὶ δοξάζω σε τὸν ἐπὶ πάντων Θεόν... ἀμήν* (Bibliotheca Hagiographica Graeca, t. I, 3e éd. Bruxelles, 1957, p. 126, № 372 d); см. L. Deubner. Kosmae und Damian. Leipzig, 1907, S. 87—96.

²⁹ Начало: *εἰ καὶ πρῶτοι Πέρσαι Χριστὸν ἐκ παρθένου γεννώμενον προσκύνησαν* (Bibliotheca Hagiographica Graeca, t. II, p. 6, № 23; PG, t. CXVI, col. 9—36; Acta Sanctorum... collegit Bollandus cet., t. IV. Bruxelles, 1925, t. c. 491—504).

³⁰ Ср. K. Weitzmann. Die byzantinische Buchmalerei des 9. und 10. Jahrhunderts. Berlin, 1935, Taf. XLII, Abb. 242.

³¹ Иконография представленных в миниатюре святых на сегодняшний день почти совершенно не разработана. В существующей литературе имеются сведения об их изображениях в стенописи в Убиси (Грузия). См. Ш. Я. Амирашвили. Убиси. Материалы по грузинской стеной живописи. Тифлис, 1929, табл. XI, XLI, CIII-2; CIV, CIV-2, CV-2, CVI-2, CVII-1. Изображение Анемподиста встречается среди фресок Протата на Афоне (L. Réau. Iconographie de l'art chrétien, t. III, 1. Paris, 1958, p. 87). Ср. также: Codices e Vaticanis Selecti, v. VIII. II Menologio di Basilio II (Cod. Vatic. gr. 1613), t. II. Torino, 1907, tav. 155. Славянские переводы мучения упомянутых святых см. «Великия Минеи Четьи, ноябрь, дни 1—12» («Памятники славяно-русской письменности»). СПб., 1897, стб. 47, 50—70.

^{31а} Ср. The Walters Art Gallery. Early Christian and Byzantine Art. Baltimore, 1947, № 706.

копией так называемой монастырской редакции. По такому принципу оформлен кодекс 1063 г. Житий святых и Слов в Гос. Историческом музее в Москве, греч. 9 (382)³², грузинское Алавердское четвероевангелие 1054 г., миниатюры которого, очевидно, повторяют их византийский прототип³³. Почерк писца, написавшего рукопись греч. 373, очень близок к почерку одного из писцов, переписавших московский кодекс 1063 г.; довольно большую близость к миниатюрам последнего обнаруживает и изображение мучеников ленинградского фрагмента. Не исключено, что этот, находящийся ныне в Государственной публичной библиотеке фрагмент Синаксаря принадлежит к рукописи, переписанной в 60-е годы XI в. в той же константинопольской мастерской, что и московский кодекс 1063 г., происходящий, как гласит имеющаяся в нем запись, из Афонского монастыря Ставроникиты³⁴. Ближайшие стилистические аналогии к фигурам мучеников на миниатюре греч. 373 находим в Евангелии с Синаксарем в Ватиканской библиотеке (gr. 1156), в Минологиях Национальной библиотеки в Вене (Hist. gr. 6), Национальной библиотеки в Париже (gr. 580), Бодлеянской библиотеки (Варосси 230)³⁵.

Оба рассмотренных фрагмента греческих рукописей обнаруживают ближайшее иконографическое и стилистическое сходство с группой лицевых византийских рукописей, представляющих достижения константинопольской миниатюры третьей четверти XI в.³⁶ Несмотря на фрагментарность, высокое мастерство художественного оформления дает право считать фрагменты рукописей греч. 334 и греч. 373 подлинными жемчужинами книжного искусства византийской столицы.

³² См. В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, табл. 132 В, Г; К. Weitzmann. Byzantine Miniature and Icon Painting, Pl. 7—8.

³³ Ф. Жордания. Описание рукописей Тифлисского церковного музея, т. II. Тифлис, 1902, стр. 46—51; Ш. Я. Амиранашвили. Грузинская миниатюра. М., 1966, стр. 20, илл. 24—25.

³⁴ Описание рукописи см. Архимандрит Владимир. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки, ч. I. Рукописи греческие. М., 1894, стр. 575—577.

³⁵ Библиография предыдущих рукописей есть в кн.: В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 312—313.

³⁶ Перечень их и библиографию см. В. Н. Лазарев. Царьградская лицевая Псалтирь XI в., стр. 214—217.

М. Ф. ТОНБЕРГ

ГРЕЧЕСКИЕ РУКОПИСИ БИБЛИОТЕКИ ИМ. М. ГОРЬКОГО
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОРДЕНА ЛЕНИНА
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА ИМ. А. А. ЖДАНОВА

Собрание греческих рукописей библиотеки им. М. Горького Ленинградского университета не учтено в обширной литературе, посвященной описанию греческих рукописей. О нем нет упоминания ни в публикуемом Е. Э. Гранстрем сводном каталоге греческих рукописей Ленинграда¹, ни в справочнике Ришара, характеризующем собрания греческих рукописей всего мира².

Данное собрание состоит из 18 единиц. К сожалению, не удалось выяснить его местонахождение до поступления в библиотеку университета. Основное ядро рукописного фонда библиотеки сложилось еще в дореволюционный период преимущественно за счет пожертвований и покупок. Никаких актов о поступлении рукописей в библиотеку не сохранилось. В ежегодных отчетах о деятельности университета лишь приводятся общие сведения о количестве приобретенных рукописей без указания их названия и языка, на котором они написаны. Поэтому судить о первоначальном составе рукописного фонда, а также проследить его историю не представляется возможным. На всех греческих рукописях имеется печать библиотеки С.-Петербургского университета и цифры дореволюционного времени. Лишь одна рукопись, без шифра, принадлежала Петербургскому археологическому институту, о чем говорит штамп этого института. При каких обстоятельствах и когда она попала в библиотеку университета, выяснить невозможно.

В хронологическом порядке рукописи можно расположить следующим образом: самая ранняя относится к XIII в., следующая — к XVII в., далее пять рукописей созданы в XVIII в. и остальные девять — в XIX в. Большая их часть содержит богослужебные тексты, две являются сборниками песнопений с нотами, одно — евангелие и одно — грамматическое сочинение.

1. Самая древняя рукопись (четвероевангелие) относится к XIII в. Место ее написания неизвестно, записей писца не сохранилось. Написана она на пергамене³ беглым минускулом. На каждом листе имеются пометки писца с указанием сроков чтений отдельных отрывков. На обороте первой

¹ Публикуется в отдельных томах «Византийского временника», начиная с ВВ, XVI, 1959.

² *M. Richard. Répertoire des bibliothèques et des catalogues de manuscrits grecs. Paris, 1958.*

³ Все остальные рукописи собрания ЛГУ написаны на бумаге.

доски переплета сохранилась запись владельца, представляющая собой хозяйственный счет; на последней доске переплета запись церковного содержания. Обе записи XVII—XVIII вв. Л. 64 — оглавление Евангелия от Марка, после оглавления на чистом листе — запись владельца XVII в. Рукопись содержит 213 листов. Данное Евангелие в литературе неизвестно.

2. Рукопись содержит два различных текста. Первый текст — сочинение Димитрия с Крита ⁴, сборник песнопений с нотами. XVII в. 5 листов. Заставка в форме орнамента. Последний лист обрезан. Имеются пометки и рисунки владельца. На второй стороне обложки надпись: εἶναι τὴν ὁμιλίαν παρὰ τοῦ ἀρχιεπισκόπου Κύπρου Χρησάνθου εἰς τὸ ἔτος 1779 (напечатана архиепископом кипрским Хрисанфом в 1779 г.) Следовательно, когда рукопись попала к автору надписи, уже существовал ее печатный текст. Вторая часть рукописи представляет собой текст службы евангелисту Луке, читаемой 18 октября. Написан он в 1631 г. священником Николаем Братзали. Текст украшен орнаментом. 30 листов. На первой странице подпись владельца: Григорий Бурниа (Γρηγ. Μπουρνία). Его же рукой сделана надпись и в первом тексте рукописи. Переплет пергаменный, XVIII в. Оба текста написаны независимо друг от друга, разными почерками, на разной бумаге и были переплетены вместе позднее, как относящиеся к одному веку.

3. Сборник песнопений, обработанный двумя авторами: Григорием лампадарием и Арсением Малым (Γρηγόριος ὁ Λαμπαδάριος, Ἀρσένιος ὁ Μικρός) ⁵. XVIII в. На последней странице пометы владельца. Переплет кожаный с тиснением. 149 листов. Рукопись имеет штамп Археологического института в Петербурге.

4. Введение в грамматику Феодора Газы. Рукопись представляет собой подобие карманного справочника. Написана на Афоне иеромонахом Мефодием Олимпийским в 1751 г. Пометки писца грамматического характера. Переплет кожаный, кожа прострочена. 58 листов. Страницы помечены греческими цифрами самим писцом.

5. Служба Филофею, жившему на Афоне ⁶ (читается 21 октября). Вторая половина XVIII в. Конец текста отсутствует. Вероятно, это отрывок из большей по объему рукописи, ибо он начинается словами: τῷ αὐτῷ μηνί, καὶ («в том же месяце, 21-го»). На первой странице запись: ὅρα τὸν βίον τοῦ ἐκ τοῦ νέου παράδεισου («смотри жизнь в новом раю»). Может быть, это указание на какой-либо сборник житий, где поименован и Филофей. 10 листов.

6. Служба, посвященная перепесению праха Христудула, и житие его. Написана в монастыре Иоанна Богослова с Патмоса в 1705 г. иеромонахом монастыря Афанасием. Переплет позднего времени. 90 листов. На первой и последней страницах подпись владельца — уже известного нам Григория Бурниа.

7. Служба Мелетию. XVIII в. Многочисленные пометы и записи разных владельцев. На первой странице запись Григория Бурниа о приобретении рукописи. На 15-ой странице надпись одного из более ранних владельцев с указанием даты (1817 г.). 10 листов. Некоторые оборваны. Переплет кожаный с тиснением.

⁴ Имя его в справочниках отсутствует.

⁵ Имена гимнографов проверены в следующих изданиях: *S. Eustratiades and Arcadios Vatopedinos. Catalogue of greek manuscripts in the Library of the monastery of Vatopedi on Mt. Athos (Harvard theological studies, t. 11). Cambridge, 1924*; *Α. Παλαδόπουλος-Κωραμής. Μαυρογορδάτειος βιβλιοθήκη. . . Α'.* 'Εν Κωνσταντινουπόλει, 1884; *Γ. Σακελλίων καὶ Α. Σακελλίων. Κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς Ἑθνικῆς Βιβλιοθήκης τῆς Ἑλλάδος.* 'Εν Ἀθήναις, 1892.

⁶ Большинство рукоп сей, вышедших из монастырей, представляет церковно-служебные тексты, предназначенные для нужд монастыря.

8. Рукопись состоит из трех частей: а) Служба св. Герасиму; б) Житие его; в) Канон Герасиму⁷. Рукопись является точной копией печатной книги, изданной в Яссах в 1820 г. На титульном листе проставлены имя издателя (Георгий Густ), место и год издания (Яссы, 1820). 19 листов.

9. Служба святому Варвару (читается 8 и 14 мая). Рукопись в XIX в. переписана с книги, изданной в Венеции в 1734 г.⁸ Орнамент, копирующий книжный. Имеется запись писца: 'Ανεγράφη τῆ, 21 Σεπτεμβρίου 1890, ἐν Ἀθήναις. Κτήση Γρηγ. Μπορνιά («Переписано 21 сентября 1890 г. в Афинах. Собственность Григория Бурниа»). Рукопись создана по заказу Григория Бурниа для его собственных нужд.

10. Служба чудотворцу Власию, архиепископу Севастийскому (читается 11 февраля). XIX в. Запись писца; ἐξ ἀρχαίου χειρογράφου ἀντίγραφον. Ἀνήκον εἰς τὴν βιβλιοθήκην Γρηγορίου Μπορνιά. («Копия с древней рукописи. Принадлежит библиотеке Григория Бурниа»). Ниже следует подпись владельца с указанием места и даты: «В Афинах 6 декабря 1886 г». Это вторая рукопись, переписанная специально для библиотеки Бурниа. К сожалению, личность его выяснить не удалось. Можно предположить, что он был собирателем рукописей и книг и жил в Афинах в конце XIX в. Несомненно, он коллекционировал и церковно-служебные рукописи. Вследствие нехватки интересующих его текстов он имел их копии, переписанные от руки по его заказу. В нашей коллекции Бурниа принадлежит шесть рукописей: одна — XVII в., две — XVIII в., и три — XIX в.⁹

11. Служба святому Анастасию Персу и житие его. Написано в монастыре в Вулкане (Βουλκάνου) в Мессении, в районе горы Ифомы иеромонахом Каллистратом из Синая в 1841 г.¹⁰ В конце рукописи две записи владельца. Первая касается покупки рукописи в Афинах 24 ноября 1889 г. Вторая запись сделана рукой Григория Бурниа 6 февраля 1890 г. с его подписью 42 листа.

12. Служба святой великомученице Харитине (читается 4, 5 октября и 12 января). Запись писца гласит, что данная служба и составлена, и написана в монастыре Святых бессребренников в Гермione в 1880 г. 18 листов.

13. Служба пророку Амону (читается 15 и 16 июня). Написана в Гермione в том же монастыре 2 января 1881 г. 23 листа. На обложке приведено заглавие рукописи в виде приписки владельца, помеченной 1883 г.¹¹ Имя писца, писавшего две эти рукописи, мы узнаем из третьей, написанной его же рукой.

14. Канон святому Илье Фесбиту (читается 10 июня). Из записи писца следует, что Канон написан 15 мая 1881 г. монахом Агафоном в монастыре пророка Ильи, в котором он жил и умер. 8 листов. Хотя имя писца и не приведено в предыдущих двух рукописях, но при сличении их с последней очевидно, что все они вышли из-под пера одного писца. Кроме сходства почерка, они одинаково оформлены (каждая страница заключена в рамку, а на колонтигуле приведено заглавие рукописи). По-видимому, монах Агафон был приглашен в монастырь для написания данной службы.

15. Служба святому мученику Козьме и житие его. Написана в 1854 г.

⁷ В заглавии текста Жития и Канона читаем Γεράσιμος ὁ νέος. Следовательно, это местный святой, живший в более позднее время.

⁸ Списки с печатных изданий указывают на то, что монастыри, по всей вероятности, не могли обеспечить себя церковно-служебной литературой, и монахи переписывали книги с нужными для монастыря текстами.

⁹ Когда статьи уже была в наборе, удалось обнаружить имя Григория Бурниа среди корреспондентов В. К. Ерштета. См. Архив АН СССР. Обзорение архивных материалов, т. IV. М.—Л., 1959, стр. 214.

¹⁰ Текст службы не совпадает с текстами служб Анастасию Персу, приведенными в Bibliotheca Nagiographica graeca. Bruxelles 1957, pars. 1, p. 27—28. По-видимому, в нашей рукописи — текст местной службы.

¹¹ Приписка, вероятно, сделана в монастыре, владевшем рукописью.

Миниатюра, изображающая икону Богоматери. Орнамент. Имя писца записано тайнописью. 13 листов.

16. Память святых мучеников Карпа, Папила, Агафодора и Агафонки (читается 12 и 13 октября). XIX в. 17 листов. Имеются пометки владельцев. На первой странице знакомая нам запись: «Смотри жизнь в новом раю». Обе эти записи сделаны одним почерком, следовательно, рукописи принадлежали одному владельцу.

17. Служба святому Вениамину дьяку. Написана в 1870 г. Орнамент по восточному образцу вокруг каждой страницы. 15 листов.

18. Служба новомученику Георгию Младшему, жившему у Тсурхле (Τσοῦρχλη Янинской епархии). Это местная служба, посвященная местному святому и исполняющаяся в пределах Янинской епархии. Служба составлена Лаеном, жителем города Янины. 15 листов.

Итак, большая часть греческих рукописей библиотеки ЛГУ относится к XIX в. и имеет единое происхождение: написаны они в монастырях и являются текстами церковных служб. Это тем более интересно, что греческие рукописи XIX в. изучены далеко не полностью. Особое внимание привлекают службы новомученикам, пострадавшим при турецком иго, и службы местным святым, не зарегистрированные в справочниках. Это маленькое собрание, на наш взгляд, должно повысить интерес к изучению рукописного наследия XIX в.

Е. Э. ГРАНСТРЕМ

КАТАЛОГ ГРЕЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ
ЛЕНИНГРАДСКИХ ХРАНИЛИЩ

ВЫПУСК 7. РУКОПИСИ XV ВЕКА

Предлагаемый выпуск каталога греческих рукописей Ленинградских хранилищ содержит описание рукописей XV в. и составлен по тем же правилам, что и предыдущие шесть выпусков. Седьмой выпуск завершает описание рукописей византийского времени; вслед за ним мы предполагаем напечатать: 1) указатель ко всем семи выпускам нашего каталога и 2) необходимые дополнения и поправки.

605. Сборник богословских сочинений, преимущественно против латинян. Конец XIV в.—начало XV в.

Филиграни бумаги: 1) Голова быка, см. Briquet. Les Filigranes, № 14.119—14.120; 2) Два круга, см. Мошин-Тралич. Vodeni Znakovi. . . , № 2160—2170; 3) Лилия, см. Briquet. Les Filigranes. . . , № 6781, 6806—6807; 4) Три горы — точнее этот знак определить не удалось; 5) Груша с листьями, см. Мошин-Тралич. Op. cit., № 4287—4288; 6) Крест (?), неясный знак; 7) Единорог, см. Мошин-Тралич. Op. cit., № 6049—6053; 8) Наковальня, см. Briquet. Les Filigranes. . . , № 5952—5957; 9) Круг, см. там же, № 2947, 2949, 2951 и т. п. Курсив и минускул. Заголовки написаны красной краской, настолько выцветшей, что многие слова в заголовках не читаются. Рукопись составлена из пяти отрывков, написанных разными писцами. В трех отрывках сохранилась нумерация тетрадей: на л. 40 об. помечена тетрадь вторая; на лл. 53 об.—101 об. — помечены тетради первая — седьмая; на лл. 109—157 также помечены тетради первая — седьмая. Лл. 46—179 помечены на верхнем поле крестиком. В картонном переплете XIX в.

179 лл. 22,0×14,8. Размер текста и число строк различны. Содержание: лл. 1—16 об. Апокалипсис, с начала до VIII-11; лл. 17—24: Βαρχαῖμ μοναχὸς (κα φιλοσόφου λόγος — эти слова вписаны позднее) . . . περὶ τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ ἁγίου πνεύματος. Начало: «Τῇ τῶν θεῶν ἀποστόλων καὶ τῶν τούτους διαδεξαμένων». Этот трактат, видимо, не издан. См. Н.-С. Веск. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich. München, 1959, S. 718; PG, t. 151, col. 1249—1250, № 1; л. 24 об. Рисунки пером и пробы пера; лл. 25—45 об. Περί τῆς ἐκπορεύσεως τοῦ ἁγίου πνεύματος, λόγος τοῦ μακαριωτάτου μ(η)τροπολίτου Θεσσαλονίκης Νικήτα τοῦ Μαρωνείας. Текст см. PG, t. 139, col. 216D—221B, с некоторыми отличиями от текста рукописи; лл. 46—108 (начало заголовка не читается) . . . Δημητρίου κυροῦ

τοῦ Κυδῶνη слово на благовещение. Начало: «Ὅσαι τῶν πόλεων βούλονται τοῖς βασιλεῦσι», конец: «Καὶ ἡμεῖς αὐτῷ μετ'εὐφροσύνης τὰς ὀφειλομένας ὁμολογήσομεν χάριτας, σὺν τῷ ἀνάρχῳ αὐτοῦ π(α)τρι . . . ἀμήν». Это сочинение упомянуто: PG, t. 154, col. 831—832; л. 108 об. Десять заповедей и пробы пера; лл. 109—110. Отрывок какой-то беседы или поучения. Начало: «. . . φεως αὐτὸς ἡμᾶς ῥύσεται καὶ πάντα τὸν βίον ἡμῶν αὐτὸς ἡμᾶς διαθρέψει», конец: «Ἐκεῖ ἔσομεν ἡμῶν τὸ πολίτευμα τὸν θεῖον ἀπόστολον μιμησώμεθα, τὸν ἀρχηγὸν τῆς ζωῆς καταλάβωμεν, τῆς πηγῆς τῆς ζωῆς ἀπολαύσωμεν, σὺν ἀγγέλοις χορεύσωμεν, σὺν ἀρχαγγέλοις ὑμνήσωμεν τὸν κ(ύριον) . . . ἀμήν». Текст отождествить не удалось; л. 110 об. чистый; лл. 111—111 об. Τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου π(α)τρ(ὸ)ς ἡμῶν Μαξίμου τοῦ Ὁμολογητοῦ πρόλογος εἰς τὰ περὶ ἀγάπης κεφάλαια. Текст см. PG, t. 90, col. 960A—961A; лл. 112—162 об. Τοῦ ὁσίου καὶ θεοφόρου π(α)τρ(ὸ)ς ἡμῶν Μαξίμου τοῦ Ὁμολογητοῦ λόγος περὶ ἀγάπης πρὸς Ἑλπίδιον μονάζοντα, διηρημένος εἰς κεφάλαια τετρακόσια. Последние слова утрачены. Текст см. там же, col. 961A—1073A; лл. 163—175 об. Фаκρασῆ τοῦ πρωτοστράτορος ἐπίτομος κατὰ τὸ δυνατόν διήγησις παρόντος καὶ αὐτηκόου γεγονότος τῆς ἐπὶ τοῦ παλατίου ἐνόπιον, τοῦ βασιλέως γενομένης διαλέξεως τοῦ Θεσσαλονίκης κηροῦ Γρηγορίου καὶ Γρηγοῦ τοῦ Φιλοσόφου. К сожалению, издание этого сочинения мне недоступно, см. Н.-Г. Векк. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich S. 732—733; см. также: Bibliothèque Nationale. Département des manuscrits. Catalogue des manuscrits grecs, 3-e partie. Le Supplément Grec, t. III, № 901—1371, par Ch. Astruc et M.-L. Concasty. Paris, 1960, p. 346; лл. 175 об.—179. Григория Паламы исповедание веры. Ὁμολογία τῆς κοινῆς ἡμῶν ὀρθοδόξου πίστεως, συντεθεῖσα παρὰ τοῦ θειοτάτου μ(η)τροπολίτου Θεσσαλονίκης. Текст см. PG, t. 151, col. 763D—768C; лл. 179—179 об. Отрывок без заглавия касательно установления календ, нон и ид в Риме. Начало: «Λιμὸς ποτὲ γενομένου ἐν τῇ Ῥώμῃ διεμερίσθητο τρεῖς μεγιστάνοι». Текст отождествить не удалось; л. 179 об. Отрывок без названия. Начало: «Τέσσαρες εἰσὶν αἱ κατασκευάζουσαι τὸν νοῦν πρὸς τ. . . λέγειν διαφοραὶ ἢ χάρις ἀνωθεν ὑπερφυῶς καὶ μακαριότης, ἢ καθαρότης ἐξασκήσεως κατὰ(εὐ)γυνομένη καὶ δυναμένη εἰς τὸ ἀρχαῖον κάλος φέρειν τὴν ψυχὴν, ἢ πείρα τῶν κάτω διδαγμάτων διὰ παιδεί(ας) ἀν(θ)ρωπίνης καὶ ἀσκήσεως τῆς ἔξω παιδεί(ας) γυνομέ(νης), ἢ πάλαι ἐπικατάρτος καὶ σατανικὴ πλάνη ἐξ ὑπερφηανίας καὶ δαιμόνων πανουργίας ἐκ. . . γουμένη καὶ παρὰ τροπῆς φύσεως». Текст отождествить не удалось; оборот того же листа: Ἐκθεσις τῆς καθαρᾶς καὶ ἀμωμήτου πίστεως τῶν χριστιανῶν, ἐκ τοῦ μακαριωτάτου Ἀθανασίου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας τοῦ Μεγάλου. Начало: «Ὅστις βούλεται», конец: «μία ἐξουσία, μία βασιλεία, ἰση ἡ. . .» (всего 10 строк). Текст отождествить не удалось (Expositio fidei, напечатанное в PG, t. 25, col. 200A—208A, содержит другой текст).

Собр. Сарафова. Отчет ПБ за 1895 г., стр. 85—86.

Рукопись покрыта пятнами от сырости. Многие листы подклеены прозрачной бумагой, что нередко затрудняет чтение текста.

ПБ, греч. № 533.

606. Троица постная. Конец XIV—начало XV в.

Филиграни бумаги: 1) Колокол, см. М о ш и н - Т р а л и ч. Op. cit., № 2927, 2929; 2) Рог охотничий, см. там же, № 4907—4908; 3) Три горы с крестом, см. там же, № 6330; 4) Ножницы, см. там же, № 2615, 2624; 5) Два круга с крестом, см. там же, знаки, помещенные на таблицах 226—227; 6) Гриффон, см. там же, знаки на таблице 511. Минускул. Рукопись написана несколькими писцами. Заставки и инициалы рисованы тушными красками и киноварью. Имеются рисунки пером: на л. 20 об.—Евхаристия; на л. 74 — сложная композиция, сюжет которой определить не удалось (небесная литургия?); на л. 120 — Благовещение. На многих листах имеются также пробы пера, наброски заставок и инициалов,

мелкие и плохо читаемые пометы и т. п. Среди помет читаются две:
1) л. 2 внизу, XIX в.: «X. Triodio di quaresima. Scritto sopra carta»;
2) л. 44 об.: «Τῶ παρῶν τριῶδιον εὐρέθη εἰς τὴν ἐκκλῆσιαν τοῦ χορίου Βουσσῶμα μέγα (?) εἰς τὸ Ταβα. ὅταν ἀνεμένισαν τὴν ἐκκλῆσιαν 1837 ἐπαρχίας Θεσσαλονίκης». На некоторых листах — нотные знаки. В картонном переплете XIX в. 136 лл. 29,5×21,5 и 22,5×17,0. 2 столбца. 36 строк.

Начинается службой в среду первой недели поста, кончается службой во вторник шестой недели поста.

Собр. Сарафова. Отчет ПБ за 1895 г., стр. 79—80.

Начало, конец и некоторые листы утрачены; от ряда листов сохранились только обрывки. В целях реставрации листы были заклеены прозрачной желтой бумагой, затрудняющей чтение многих помет. Видимо, из-за этой же бумаги оказалось невозможным обнаружить нумерацию тетрадей.

ПБ, греч. № 521.

607. Четвероевангелие. Отрывок. Конец XIV—начало XV в.¹

Филигрань бумаги — перчатка, см. Н. П. Лихачев. Палеографическое значение водяных бумажных знаков, III, № 666, с датировкой этой рукописи началом XV в. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Из р-си Лавры Савы Освященного № 645. Лист наклеен на картон с пометой Порфирия Успенского.

4 лл. 15,8×10,7 и 10,5×6,5. 15 строк.

Содержит Евангелие от Луки XIII, 13—XIV, 17.

Собр. Порфирия Успенского. G r e g o r y. *Texkritik d. N. T.*, S. 1198, индекс e 2169; Ἁ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσ. Βιβλ., τ. II, σελ. 631 (τ. V, σελ. 522 ошибочно отнесено к р-си той же библиотеки № 200).

ПБ, греч. № 400.

608. Минея на ноябрь. Отрывок. 1401 г.

Бумага без филиграней. Минускул. Имеются небольшие заставки, рисованные чернилами и киноварью. Заголовки и инициалы киноварные. Из р-си Лавры Савы Освященного № 228, после л. 174. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

4 лл. 28,3×18,5 и 20,5×13,0. 30 строк.

Содержит отрывки служб на 26-ое и 27-ое число — препод. Алипию и Иакову Персянину.

Собр. Порфирия Успенского. Ἁ. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Ἱεροσ. Βιβλ., τ. II, σελ. 354—355; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 150.

Края листов повреждены червями.

ПБ, греч. № 432.

609. Ирмологий. Отрывок. 1406 г.

Бумага без филиграней. Минускул. Заставки, заголовки и инициалы карминные. Помета Порфирия Успенского. В обложке.

1 л. 13,0×8,5 и 9,5×5,0. 16 строк.

Содержит ирмосы честному кресту.

Собр. Порфирия Успенского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 151. Происхождение рукописи не установлено.

Края листа грязные.

ПБ, греч. № 438.

¹ Рукопись эта датируется по-разному: Грегори относит ее к XVI в., В. К. Ернштедт («Отчет ПБ за 1883 г.», стр. 145) — к XIV. Пападопуло-Керамевс датирует рукопись Лавры Савы Освященного, откуда взят описываемый фрагмент, XIV в.

610. Триодь постная. 1409 г.

Бумага без филиграней. Минускул. На л. 2 — небольшая заставка, рисованная чернилами и тусклой киноварью. Из р-си Лавры Савы Освященного № 163. В обложке с пометой Порфирия Успенского.

2 лл. 21,0×13,0 и 16,5×9,5. 27—30 строк.

Содержит конец синаксаря в неделю мясопустную и начало синаксаря в субботу сыропустную.

Собр. Порфирия Успенского. 'Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. 'Ιεροσ. Βιβλ., τ. II, σελ. 275—276. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 150. Края листов повреждены червями.

ПБ, греч. № 433.

611. Триодь цветная. Отрывок. 1413 г.

Бумага без филиграней. Минускул. Заставки, заголовки и инициалы рисованы тусклой красной краской. Помета Порфирия Успенского о том, что этот отрывок — «из верхней библиотеки Лавры Савы Освященного». Отожествить р-сь не удалось, так как по каталогу Пападопуло—Керамевса в названной библиотеке нет ни одной рукописи, написанной в 1413 г. В обложке.

2 лл. 28,0×18,0 и 20,5×12,5. 30 строк.

Содержит отрывок из службы в среду четвертой недели после пасхи.

Собр. Порфирия Успенского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 151.

ПБ, греч. № 437.

612. Миней на 8 и 9 июля. 1414 г.

Филигрань бумаги — буква «В», см. С. М. В r i q u e t. Les Filigranes. . . , № 7978. Минускул. Заставка, заголовок и инициалы киноварные. Из рукописи Патриаршей библиотеки в Каире № 302 (31.59). Лист наклеен на картон с пометой Порфирия Успенского.

1 л. 27,0×17,9 и 21,0×16,0. 28 строк.

Содержит службы на 8 июля (конец, всего несколько строк) и на 9 июля — службу Панкратию, епископу Тавроменийскому, и начало (всего несколько строк) службы свв. Патермуфию, Коприю и Александру.

Собр. Порфирия Успенского. Γ. Χαριτάκης. Κατάλογος τῶν χρονολογημένων κωδικῶν τῆς Πατριαρχικῆς Βιβλιοθήκης Καίρου. — ΕΕΒΣ, IV, 1927, σελ. 123—124, № 14. В. Н. Бенешевич указывает, что этот лист взят из рукописи Патриаршей библиотеки № 924, со ссылкой на: V. Gardthausen. Catalogus codicum graecorum Sinaiticorum. Oxonii, 1886, p. 260; Порфирий Успенский. Путешествие в Метеорские и Осолиминийские монастыри в Фессалии. СПб., 1896, стр. 217, № 2.

На листе имеются пятна от сырости.

ПБ, греч. 455.

613. Триодь постная. Отрывок. 1416 г.

Бумага без филиграней. Минускул. Заставки, заголовки и инициалы в красках. Из р-си Лавры Савы Освященного № 224. В обложке с пометой Порфирия Успенского: «В сей рукописи нарисован купидон с цепью на шее». В описываемом фрагменте инициала с изображением купидона нет.

4 лл. 28,0×18,5 и 19,8×11,2. 30 строк.

Содержит отрывки служб на пятой неделе великого поста.

Собр. Порфирия Успенского. 'Α. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. 'Ιεροσ. Βιβλιοθήκη, τ. II, σελ. 331; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 150.

Листы повреждены червями.

ПБ, греч. № 434.

614. Минея на сентябрь—октябрь. Отрывок. 1419—1424 гг.

Бумага без филиграней. Минускул. Заставки, заголовки и инициалы киноварные. Из рукописи Лавры Савы Освященного № 189. В обложке с пометой Порфирия Успенского, датирующей этот отрывок 1392-ым годом.

2 лл. 28,2×18,8 и 20,0×13,0. 26 строк.

Содержит службу на 22 сентября—пророку Ионе, преподобному Ионе пресвитеру и начало службы мученику Фоке.

Собр. Порфирия Успенского. Ἁ. Παπαδόπουλος — Κεραμεύς. Ἱεροσ. Βιβλ., τ. II, σελ. 744; Церетели и Соболевский. Exempla . . . , tab. 53, с датировкой 1392-ым годом; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 150.

ПБ, греч. № 430.

615. Георгия Пелагона грамматический трактат. «Γεωργίου Φιλοσόφου Πελαγῶνος, τοῦτο ἐστὶν αὐτῷ ὄνομα, ἀρχὴ σὺν θ(ε)ῶ τῶν ὀκτῶ μερῶν τοῦ λόγου». 1421 г.

Филигрань бумаги—цветок, см. Мошин—Тралич. Op. cit., № 3756—3757. Курсив. Заставка и инициалы рисованы тусклыми красками. На л. 11 об. запись писца: «Τέλος τῆς παρούσης δέλτου τῶν ὀκτῶ μερῶν τοῦ λόγου. Ἔτους, Ϛ ρλβ (6929, т. е. 1421) ἰνδ. ἰδ' ἐν μηνὶ μαῖω κζ, χεῖρὸς ἐμοῦ τοῦ ἀμαρτωλοῦ Ματθαίου ἱερομονάχου καὶ ἡγουμένου τῶν Τριποτάμων τοῦ μεγάλου Νικολάου». Листы наклеены на картон.

11 лл. 22,0×14,0 и 16,0×10,0. 26 строк.

Содержание: л. 1 чистый, помета Порфирия Успенского: «Ватопед. 1421 года рукопись эта»²; л. 1 об. учебные пометы и рисунки пером, изображающие животных; лл. 2—11 об. Γεωργίου Φιλοσόφου Πελαγῶνος, τοῦτο ἐστὶν αὐτῷ ὄνομα, ἀρχὴ σὺν θ(ε)ῶ τῶν ὀκτῶ μερῶν τοῦ λόγου. Начало: «Τὰ μέρη τοῦ λόγου εἰσὶν ὀκτώ ὄνομα, ῥήμα, μετοχή, ἄρθρον, ἀντωνυμία, πρόθεσις, ἐπίρρημα, σύνδεσμος. Πάν οὖν λεγόμενον καὶ γραφόμενον ἐν ἀπὸ τούτων ἐστίν», конец: «Τοῦ πρώτου προσώπου τοῦ παθητικοῦ παρακείμενον τετύφομαι, τετυφόμενος». Текст отождествить не удалось.

Собр. Порфирия Успенского. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 160—161. Рукопись повреждена червями.

ПБ, греч. № 489.

616. Сборник грамматических сочинений. Мануил Мосхопул Περὶ σχεδῶν. Ἀρχὴ σὺν θ(ε)ῶ ἀγίῳ τοῦ πρώτου σχεδῶς τοῦ διορθωθέντος παρὰ τοῦ σοφωτάτου καὶ λογιωτάτου κυροῦ Μανουήλ τοῦ Κρήτης. 1424 г.

Пергамен. Палимпсест, описание смытого текста см. выше, № 163 (ВВ, XVIII, 1960, стр. 269—270). Минускул, переходящий в курсив. Заголовки и инициалы писаны тусклой красной краской. Тетради пронумерованы рукой писца, всего 17 тетрадей. На л. 124 об. запись писца: «Τελειωθὲν κατὰ τοῦ ἰβ' τοῦ ἰουνίου μηνός ἰνδ. δευτέρας, ἔτους Ϛ ρλβ — ου (6932, т. е. 1424 г.). Листы пронумерованы рукой Монфокона. Его же рукой сделана помета на внутренней стороне верхней крышки переплета. Пометы П. П. Дубровского.

Переплет — доски в красном сафьяне с тиснением и застежкой.

127 лл. 20,3×15,0 и 15,5×10,5. 28—30 строк.

² Предполагаю, что эти листки принадлежат к рукописи Ватопедской библиотеки № 527 (см. *S. Eustratiades and Arcadius Vatopedinos. Catalogue of the greek manuscripts in the Library of the monastery of Vatopedi on Mt. Athos. Cambridge, 1924, p. 108*). Однако окончательно это можно решить лишь после исследования Ватопедского кодекса.

По этому списку издано: Τοῦ σοφωτάτου καὶ λογιωτάτου Μανουήλου τοῦ Μοσχοπούλου περὶ σχεδῶν. Manuelis Moschopuli de ratione examinandae orationes libellus. Ex Bibliotheca Regia. Lutetiae, 1545.

Собр. П. П. Дубровского, ранее рукопись хранилась в библиотеке герцога Сегье. См. R. Devreesse. Le Fonds Coislin. Paris, 1945, p. 334, № 350 (anc. 84) (Bibliothèque Nationale. Département des Manuscrits. Catalogue des Manuscrits Grecs, II).

ПБ, греч. № 58.

617. Евхологий. Два отрывка. 1426 г.

Пергамен. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Тип разлиновки неясен. № 323 наклеен на картон, № 348 — в обложке. Пометы Порфирия Успенского с датой и указанием, что этот Евхологий «писан перем Росом» (на № 348). Из р-си Синайского монастыря № 140 (968).

2 лл. 22,0×14,0 и 13,8×8,3. 17 строк.

Содержание: греч. 323 — отрывки из службы на утрени в великую субботу и на литургии в тот же день. Греч. 348 — отрывки из евангелия и из апостола, читаемых в память умерших.

Собр. Порфирия Успенского. Б е н е ш е в и ч. Описание. . . , I, стр. 123—126, 616—617; е г о ж е. Памятники Синая, II, табл. 76—77. Отчет ПБ за 1883 г., стр. 130 и 134³.

ПБ, греч. № 323 и № 348.

618. Песнопения на нотях. 1430 г. Монастырь Пантократора в Константинополе.

Филиграни бумаги: 1) Три горы, см. Н. П. Л и х а ч е в. Op. cit., № 115, 360, 937—939; 2) Охотничий рожок, см. там же, № 905, 963; 3) Наковальня, см. С. М. B r i q u e t. Les Filigranes. . . , № 5953—5957. Минускул. Рукопись написана двумя писцами. Имеются небольшие заставки, рисованные тусклой краской и чернилами. Заголовки и инициалы написаны такой же краской. С л. 282 об. — инициалы фигурные, рисованные красками. Нотные знаки написаны чернилами и киноварью. Тетради не нумерованы. На л. 540 об. имеется запись писца: «† Ἐτελειώθη τὸ παρὸν βιβλίον διὰ χειρὸς ἐμοῦ τοῦ ἐλαχίστου / ἐν μοναχοῖς Δα(υ)ῖδ τοῦ Ῥαιδεστινοῦ, τοῦ ἐν τῇ σεβασμίᾳ/μ(ε)γ(ά)λ(η) βασιλι(κῆ) μον(ῆ) τοῦ Παντοκράτορος τοῦ Χ(ριστοῦ) ὃ ἐν ἔτει 5—ω λ — ω λ — ω λ — ω (6938, т. е. 1430 г.) ἰνδ. ὀγδόης μην(ὶ) ἀπριλλί(φ) κ. Οἱ δὲ μετερχόμενοι/ταύτη τῇ βίβλῳ εὐχθεῖναι κ' αὐτοῦ τοῦ γεγραφέντος πάντες, ὅπως εὖρω ἔλεος ἐν ἡμέρα) τῆς δίκης †». На л. 111 об. имеются три турецких печати. Переплет — доски в тисненой коже с жуками.

563 лл. и пять листов пергаменных, защитных. 21,5×14,5 и 14,5×10,0. 45 строк текста.

Содержание рукописи близко совпадает с содержанием рукописи из собрания А. И. Пападопуло-Керамевса, описанной в Отчете ПБ за 1911 г., стр. 58—68.

Ниже следует перечень⁴ гимнографов, имена которых указаны в описываемой рукописи:

³ Описание всей рукописи, хранящейся на Синае, см. А. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. II. Евхология. Киев, 1901, стр. 393—415.

⁴ При подготовке этого перечня имена гимнографов были проверены в следующих изданиях:

1) J.-B. Thibaut. Monuments de la notation ekphonétique et hagiopolite de l'église grecque. St. Pétersbourg, 1913.

2) Отчет ПБ за 1911 г. Пр., 1917, стр. 58—68.

3) S. Eustratiades and Arcadios Vatopedinos. Catalogue of the greek Manuscripts in the Library of the Monastery of Vatopedi on Mount Athos («Harvard Theological Studies», t. XI). Cambridge, 1924, p. 275—276.

Ἀγάθων μοναχός (не найден)
 Ἀγάθων Κορώνης
 Ἀγαλλιανός
 Ἀθανάσιος μοναχός, ἱερομόναχος
 Ἀλέξιος ἱερεὺς (не найден)
 Ἀμπελοκηπιώτης
 Ἀνδρέας Σιγηρός
 Ἀνδρειωμένος
 Ἀνεώτης (известен Μιχαὴλ Ἀνεώτης)
 Γαβαλάς δομῆστικος (не найден)
 Γεράσιμος ὁ Παλαμᾶς ἱερομόναχος
 Γερμανός ὁ πατριάρχης Κωνσταντινουπόλεως
 Γεώργιος Ἀργυρόπουλος
 Γεώργιος ἐκ Γάνων πρωτοφάλτης
 Γεώργιος Πανάρετος δομῆστικος
 Γεώργιος Σγουρόπουλος
 Γρηγόριος δομῆστικος
 Γρηγόριος μοναχός
 Δαυὶδ Ῥαιδεστινός
 Δημήτριος Δοκιανός δομῆστικος
 Δημήτριος ἐκ Ῥαιδεστοῦ
 Δοκειανός δομῆστικος
 Θεόδουλος μοναχός
 Θεόδωρος Ἀνεώτης (не найден)
 Θεόδωρος Καλλικρατίας δομῆστικος
 Θεόδωρος Κατακαλῶν δομῆστικος
 Θεοφύλακτος Ἀργυρόπουλος
 Θεσσαλονικεὺς, Θεσσαλονικαῖος (?)
 Ἰωάννης πατριάρχης
 ὁ παπᾶς κῆρ Ἰωάννης ἄρχων τῶν ἐκκλησιῶν (не найден)
 Ἰωάννης Γλυκός
 Ἰωάννης Δαμασκηνός
 Ἰωάννης Κλαδάς
 Ἰωάννης Κουκουζέλης
 Ἰωάννης Λαμπαδάριος
 Ἰωάννης Λάσκαρις τοῦ Συρπαγάνου
 Ἰωάννης Ξηρός
 Ἰωάννης πρωτοφάλτης
 Ἰωαννίκιος δομῆστικος (не найден)
 Ἰωάσαφ μοναχός δομῆστικος Βατοπαιδινός (не найден)
 Καμπάνης
 Κατακαλῆς δομῆστικος (не найден; в Отчете ПБ за 1911 г., стр. 67, указан «доместик τοῦ Καρακάλου»)
 Κελαδηνός

4) *A. Gastoué*. Catalogue des manuscrits de musique byzantine. Paris, 1907, p. 67—70 («Publications de la Société Internationale de Musique. Section de Paris»).

5) Ἰω. Παπαδόπουλος-Κεραμεύς. Μαυρογορδάτειος Βιβλιοθήκη, ἥτοι γενικὸς περιγραφικὸς κατάλογος τῶν ἐν ταῖς ἀνά τὴν Ἀνατολὴν βιβλιοθήκαις εὐρισκομένων ἑλληνικῶν χειρογράφων, καταρτισθεῖσα καὶ συντεχθεῖσα κατ'ἐντολὴν τοῦ ἐν Κωνσταντινουπόλει Ἑλληνικοῦ Φιλολογικοῦ Συλλόγου. Μέρος Α'. Κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τῆς νήσου Λέσβου ἑλληνικῶν χειρογράφων. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1884, σελ. 202—205.

6) Ἰω. Σακκελλίαν καὶ Ἀ. Σακκελλίαν. Κατάλογος τῶν χειρογράφων τῆς Ἑθνικῆς Βιβλιοθήκης τῆς Ἑλλάδος. Ἐν Ἀθήναις, 1892, σελ. 331.

7) *O. Fleischer*. Neumen-Studien. Abhandlungen über mittelalterliche Gesangs—Tonschriften, III. Die spätgriechische Tonschrift. Berlin, 1904.

8) *E. Wellesz*. A History of byzantine Music and Hymnography. 2-nd edition. Oxford, at the Clarendon Press, 1961.

Κλοβᾶς (не найден; в Отчете ПБ за 1911 г., стр. 61, указан τοῦ Γλαβᾶ)
 Κοντοπετρῆς
 Κορνῆλιος μοναχός
 Κωνσταντῖνος ὁ "Ἀσαν (не найден)
 Κωνσταντῖνος Γαυρᾶς ἱερεὺς (не найден)
 Κωνσταντῖνος Μαγουλάς
 Λέων ὁ Σοφός
 Λογγῖνος μοναχός
 Μακρόπουλος (не найден)
 Μανουγρᾶς
 Μανουήλ ἱερεὺς
 Μανουήλ Ἀργυρόπουλος
 Μανουήλ Κορώνης
 Μανουήλ Ὁρφανοτρόφος
 Μανουήλ Πλαγίτης πρωτοψάλτης Θεσσαλονίκης
 Μάρκος [Σακκελίων (Op. cit., p. 336) указывает: Μάρκος ἱερομόναχος. Wellesz
 (op. cit., p. 443) указывает: Mark «the Monk»]
 Μάρκος Εὐγενικός
 Μιχαήλ Μυστάκωνος
 Μασχιανός
 Νικηφόρος ἱερομόναχος
 Νικόλαος "Ἀσαν (? Ἀσάνης?)
 Νίκων μοναχός
 Ἐένος πρωτοψάλτης (известен Ἐένος Κορώνης)
 Ξενοφῶν
 Πανάρετος
 Πατζάδας
 Περίφημος (? не найден)
 Στεμανίτζης (не найден)
 Τζακνόπουλος
 Φαρδιβούκης
 Φερентάρ(ιος)? не найден)
 Φωκᾶς (δομέστικος καὶ λαμπαδάριος)
 Χαλιβούρης
 Χριστοφόρος ὁ Μυστάκων
 Ψηρίτζης

Видимо, именно эта рукопись отмечена Тибо как чрезвычайно важная для истории византийской музыки в следующих его двух статьях: J.-B. Thibaut. *Étude de musique byzantine*. — *BZ*, VIII, 1899, S. 130; *idem*. *Les Traités de musique byzantine*. — *Ibid.*, S. 481.

Рукопись повреждена червями; переплет местами разорван, застежки утрачены.

БАН, собр. РАИК, № 154.

619. Феодор Студит. Творения. 1436 г.

Филигрань бумаги — три горы неясного рисунка. Минускул. Рукопись написана двумя писцами. Заставки и рисунки рисованы чернилами и тусклой красной краской. Нумерация тетрадей сохранилась частично, от γ (л. 21) до κζ (л. 214). Листы пронумерованы буквенной цифирью. На л. 238 об. запись писца: «Δόξα σοι, ὁ θεός ἡμῶν, δόξα, δόξα τῷ δεῖξαντι ἀρχὴν καὶ τέλος. Ἐτει ςδμδ (6944, т. е. 1436 г.) μηνὶ ἀπριλλίῳ ἕκτη ἐτελειώθη». Некоторые листы добавлены в XIX в. архим. Антонином Капустинным. В картонном переплете XIX в.

242 лл. 22,0 × 14,0 и 17,0 × 9,5. 24 строки.

Содержание: лл. 1—7 об. Оглавление содержания описываемой рукописи, а также рукописи № 570, см. следующее описание⁵. Лл. 8—95. Τοῦ ἐν ἀγίοις π(ατ)ρ(ό)ς ἡμῶν Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου αἱ κατηχήσεις. ᾱ — ρ̄δ. Текст см. Theodori Studitis Parva Catechesis. Ed. E. Auvray. Parisiis, 1891, p. 1—162; лл. 95—98. ρ̄δ. Παρόμοιον τοῦ πρώτου. Текст см. Τοῦ ὁσίου π(ατ)ρ(ό)ς ἡμῶν Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου Μεγάλη Κατήχησις. Ἐν Περουπόλει, 1904, σελ. 359—367; лл. 98—100 об. μ̄ε. Текст см. Theodori Studitis Parva Catechesis, p. 174—178; лл. 100 об.—103. Ὑετρον μ̄ε. Текст см. Τοῦ... Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου Μεγάλη Κατήχησις, σελ. 695—702; лл. 103—112. μ̄ζ — ν̄. Текст см. Theodori Studitis Parva Catechesis, p. 162—183; лл. 112—114 об. Ὑετρον ν̄. Текст см. Τοῦ... Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου Μεγάλη Κατήχησις, σελ. 77—83; лл. 114 об.—117 об. Ὑετρον ν̄. Текст см. там же, σελ. 645—652; лл. 118—127. ν̄α — ν̄ε. Текст см. Theodori Studitis Parva Catechesis, p. 183—201; лл. 127—130. ν̄ζ. Текст см. Τοῦ... Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου Μεγάλη Κατήχησις, σελ. 238—246; лл. 130—131 об. ν̄ζ̄. Текст см. Theodori Studitis Parva Catechesis, p. 227—230; лл. 131 об.—133 об. ν̄ξ. Текст см. там же, p. 250—253; лл. 133 об.—136. Ὑετρον ν̄ξ. Текст см. Τοῦ... Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου Μεγάλη Κατήχησις, σελ. 194—200; лл. 136—138. ν̄η. Текст см. Theodori Studitis Parva Catechesis, p. 254—257; лл. 138—141 об. Ὑετρον ν̄η. Текст см. Τοῦ... Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου Μεγάλη Κατήχησις, σελ. 201—209; лл. 141 об.—147. ν̄θ — ξ̄α. Текст см. Theodori Studitis Parva Catechesis, p. 434—445; лл. 147 об.—151. ξ̄β̄ — ξ̄γ̄. Текст см. там же, p. 452—460; лл. 151 об.—153. ξ̄δ̄. Текст см. там же, p. 396—399; лл. 153—155. ξ̄ε̄. Текст см. там же, p. 388—391; лл. 155—157 об. ξ̄ζ̄. Текст см. Τοῦ... Θεοδώρου τοῦ Στουδίτου Μεγάλη Κατήχησις, σελ. 84—90; лл. 157 об.—159 об. ξ̄ζ̄. Текст см. там же, σελ. 97—102; лл. 159 об.—164. ξ̄η̄. Текст см. там же, σελ. 136—148; лл. 164—167 об. ξ̄θ̄. Текст см. там же, σελ. 149—156; лл. 167 об.—169. ο̄. Текст см. там же, σελ. 167—171; лл. 169—171. ο̄ᾱ. Текст см. там же, σελ. 179—185; лл. 171—176 об. ο̄β̄. Текст см. там же, σελ. 210—223; лл. 176 об.—179. ο̄γ̄. Текст см. там же, σελ. 224—231; лл. 179 об.—182 об. ο̄δ̄. Текст см. там же, σελ. 262—269; лл. 182 об.—185 об. ο̄ε̄. Текст см. там же, σελ. 323—330; лл. 185 об.—188. ο̄ζ̄. Текст см. там же, σελ. 338—344; лл. 188—190. ο̄ξ̄. Текст см. там же, σελ. 404—408; лл. 190—193. ο̄η̄. Текст см. там же, σελ. 454—461; лл. 193—195. ο̄θ̄. Текст см. там же, σελ. 462—468; лл. 195—197 об. π̄. Текст см. там же, σελ. 507—512; лл. 197 об.—200 об. π̄ᾱ. Текст см. там же, σελ. 513—520; лл. 200 об.—203 об. π̄β̄. Текст см. там же, σελ. 559—565; лл. 203 об.—207. π̄γ̄. Текст см. там же, σελ. 614—624; лл. 207—209 об. π̄δ̄. Текст см. там же, σελ. 625—630; лл. 209 об.—212. Без номера. Παραινετικὴ ἄρα καὶ ἐπαινετή. Текст см. там же, σελ. 664—669; лл. 212—215. π̄ε̄. Текст см. там же, σελ. 670—676; лл. 215—217. π̄ζ̄. Текст см. там же, σελ. 760—766; лл. 217—220 об. π̄ξ̄. Текст см. там же, σελ. 876—884; лл. 220 об.—223. π̄η̄. Текст см. там же, σελ. 918—924; лл. 223—226. π̄θ̄.

⁵ Обе рукописи ранее представляли одно целое, о чем можно предполагать как по наличию одного общего оглавления, так и потому, что нумерация листов греч. № 570 продолжает нумерацию листов греч. № 569. Разделен же этот кодекс на две половины был, по всей вероятности, архим. Автономом Капустиним.

Текст см. там же, σελ. 925—931; лл. 226—230. $\bar{\zeta}$. Текст см. там же, σελ. 703—711. Конец не читается; лл. 230—232 об. $\bar{\zeta}^a$. Текст см. там же, σελ. 783—788. Начало не читается; лл. 232 об.—234. $\bar{\zeta}^b$. Текст см. там же, σελ. 817—823; лл. 235—242 об. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(α)τρ(ό)ς ἡμῶν καὶ ὁμολογητοῦ Θεοδώρου διαθήκη. Текст см. PG, t. 99, col. 1813A—1824D.

Собр. Антонина Капустина. Отчет ПБ за 1899 г., стр. 20.

Некоторые листы утрачены. Имеются следы сырости. Текст местами не читается.

ПБ, греч. № 569.

620. Сборник бесед и житий. 1436 г.

Филиграни бумаги: 1) Корона, см. Briquet. Les Filigranes. . . , № 4726, 4731—4732; 2) Весы (точнее этот знак определить не удалось); 3) Три горы в круге, см. Briquet. Les Filigranes. . . , № 11862; 4) Циркуль, см. там же, № 4463; 5) Неопределенный знак. Минускул. Рукопись написана двумя писцами. Заставки и заголовки рисованы тусклой коричневатой краской, подновленной на некоторых листах. В верхнем правом углу листов буквенной цифирью проставлена нумерация листов, от л. 235 до л. 458. Тетради не нумерованы. Пометы к тексту. Эта рукопись есть продолжение рукописи греч. № 569, см. предыдущее описание. Переплет XIX в., картон в тисненой золотом коже.

223 лл. 22,0×14,5 и 16,5×9,5. 24 строки.

Содержание: лл. 1—17 об. Μεταφραστοῦ. Μηνὶ ἰαννουαρίῳ ἰ. Περὶ τοῦ οἰκοδομεῖν ἐκκλησίαν καὶ εὐτρεπίσειν κάλλιστα. Βίος καὶ πολιτεία τοῦ ὁσίου π(α)τρ(ό)ς ἡμῶν Μαρκιανοῦ. См. Bibliotheca Hagiographica Graeca, II. 3-me éd., 1957, p. 77, № 1034; лл. 18—57 об. Μηνὶ ἰαννουαρίῳ ἰδ. Νείλου μοναχοῦ εἰς τὴν ἀναίρεσιν τῶν ἁγίων ἀββάδων τῶν ἐν τῷ Σινᾷ ὄρει καὶ ἐν τῇ Ῥαϊθῷ ἀναιρεθέντων. Текст см. PG, t. 79, col. 589A—693B; лл. 58—74. Ἰωάσαφ ἱερομονάχου καὶ μεγάλου πρωτοσυγγέλου ὁμιλία εἰς τὸ φῶς ἰλαρόν, ἐξαιτήσεως τοῦ τιμιωτάτου ἐν μοναχῶς κῆρ Νείλου. Ἐγράφη. ἐν τῇ Κρήτῃ. См. Н.-Г. Векк. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen, Reich, S. 788; лл. 75—87 об. Τοῦ ἐν ἁγίοις π(α)τρ(ό)ς ἡμῶν ἀρχιεπισκόπου Καισαρείας Καππαδοκίας Βασιλείου τοῦ μεγάλου λόγος προτρεπτικός εἰς τὸ ἅγιον βάπτισμα. Текст см. PG, t. 31, col. 424A—444C; лл. 88—111 об. Ὑπόμνημα εἰς τὴν ἐπωνυμίαν τῆς ἀχράντου καὶ προσκυνητῆς εἰκόνας τῆς παναμώμου δεσποίνης ἡμῶν θεοτόκου καὶ ἀειπαρθένου Μαρίας τῆς Ῥωμαίας καὶ θαυμάτων αὐτῆς. Конец утрачен. Текст см. E. von Dobschütz. Christusbilder. Leipzig, 1899, S. 234**—265** до слов: «Καὶ τοῦτο εἶναι ἴσως τὸ προειδισ[μένον]»; л. 112—112 об. чистый, добавлен в XIX в.; лл. 113—115 об. Повесть о чуде в Александрии. Начало (первые слова утрачены) «... ποτὲ οὖν ἐν Ἀλεξανδρείᾳ τῇ πόλει», конец: «ψάλλοντα τὸν χειροβικὸν ὕμνον». Текст отождествить не удалось; лл. 115 об.—117. Θαῦμα ἕτερον. Начало: «Гонῆ τис χήρα εἶχε παῖδιον ἀρσενικόν». Конец не читается. См. Bibliotheca Hagiographica Graeca, t. III, p. 139, № 1076n; лл. 117 об.—120. Ἐτερον θαῦμα τῆς θεοτόκου περὶ τῆς ἀποτμηθείσης ἀδίκως χειρὸς Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ τοῦ τὴν Δαμάσκου κυριεύων. Текст см. PG, t. 94, col. 456C—460D, причем текст р-си отличается от печатного текста; лл. 121—123 об. чистые, добавлены в XIX в.; лл. 124—153 об. Νικηφόρου ἱερέως σύγγραμμα ἀπὸ τὸν βίον τοῦ ἁγίου Ἀνδρέου τοῦ διὰ Χ(ριστῶ)ν Σαλοῦ. Текст см. PG, t. 111, col. 764C—888D с некоторыми отличиями от печатного текста. На том же л. 153 об. запись XIX в. о дате смерти Феодора Студита; лл. 154—223 об. Βίος καὶ πολιτεία καὶ θαυμάτων διήγησις τοῦ ὁσίου π(α)τρ(ό)ς ἡμῶν Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἀθῶ. См. Bibliotheca Hagiographica Graeca, t. I, p. 69, № 188; . 223 об. Рецепт чернил: «Περὶ τοῦ ποιῆσαι μέλαν. Κίχιδια δύο. . .».

Собр. Антонина Капустина. Отчет ПБ за 1899 г., стр. 20—21.
A. Ehrhard. Ueberlieferung und Bestand der hagiogr. und homilet. Literatur der griech. Kirche, I. Teil, III. Bd., 2. Hälfte, 1/2. Lieferung, S. 851 (die nichtmenologischen Sammlungen).

Некоторые листы утрачены. Следы сырости и червей. Края листов осыпаются. Некоторые листы добавлены в XIX в.

ПБ, греч. № 570.

621. Сборник. 1448 г.

Пергамен. Мелкий минускул. Заголовки писаны киноварью. 20 тетрадей по 10 лл. каждая. Нумерации тетрадей нет. На полях имеются рисунки пером (орнамент, изображения животных) и пометы, большая часть которых не поддается прочтению. Читаются только следующие пометы: 1) л. 3 об. Начало пометы не читается, можно прочитать только слова «Μονῆς Ἰβήρ(ων)»; 2) л. 4. *Filosofia Aristotela* (?); 3) л. 201. Запись писца с датой, настолько потускневшая, что ее почти невозможно разобрать, поэтому рукопись датирована по указанию М. А. Шангина. Без переплета. На полях встречаются небрежные рисунки пером.

201 л. 11,6×8,2 и 7,8×5,0. 22 строки.

Содержание лл. 1—2. Какой-то отрывок, не поддающийся чтению ввиду плохой сохранности; л. 2 об. пробы пера; лл. 3—162 об. Секста Эмпирика Пирроновы положения. См. M. Schangin. *Sextus Empiricus in einer Handschrift der Russischen Akademie der Wissenschaften*. — «Philolog. Wochenschrift», 47. Jg., 1927, № 7/8, S. 217—220, где указаны особенности текста описываемой рукописи по сравнению с печатным изданием; лл. 163—194. Иоанна Каматира о знаках зодиака, планетах и пр. Ἰωάννου τοῦ Καματηροῦ τοῦ ἐπι κανικλείου πρὸς τὸν βασιλέα Μανουήλ τὸν Κομνηνὸν περὶ τοῦ ζωδιακοῦ κύκλου καὶ τῶν ἐπτὰ ἀστέρων, οἰκῶν τε καὶ ὀφωμάτων, τριγώνων τε καὶ ὀρίων καὶ συσχηματισμῶν αὐτῶν καὶ κρίσεων καὶ τῶν ἐπιλεγόμενων τελῶν αὐτοῖς. Текст см. E. Miller. *Poèmes astronomiques de Théodore Prodrome et de Jean Camatère*. — «Notices et extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale et autres bibliothèques», t. XXIII, 2, p. 40—112; лл. 194—201. Аномасара (Абу Ма'шар) эксерпты из астрономического трактата. Ἐκ τῶν τοῦ Ἀπομάσαρ, ἐκ τοῦ δευτέρου βιβλίου. Частично издано М. А. Шангиным в книге: *Codices Rossicos. Descripsit Mstislav Antonini F. Šangin. Bruxellis, 1936, p. 96—104* («Catalogus codicum astrologorum graecorum», XII); его же. Греческий перевод Абу Ма'шара в рукописи Библиотеки Академии наук. — «Известия Академии наук СССР», 1926, стр. 907—916; л. 201 об. — Пробы пера и пометы, почти не поддающиеся прочтению.

Описания этой рукописи см. *Codices Rossicos. Descripsit Mstislav Antonini F. Šangin. Bruxellis, 1936, pp. 3—6, № 1*; M. Schangin. *Sextus Empiricus in einer Handschrift der Russischen Akademie der Wissenschaften*, S. 217—220; М. А. Шангин. Греческий перевод Абу Ма'шара в рукописи Библиотеки Академии наук, стр. 907—916.

БАН, собр. иностр. рукописей
О № 128 (старый шифр XX Аа II).

622. Богослужебный сборник. Отрывок. 1449 г.

Бумага без филиграней. Минускул. Заголовки и инициалы киноварные. Помета Порфирия Успенского: «1449. Из великого канона. Иерусалим». По предположению Бенешевича этот лист — из р-си Патриаршей библиотеки № 255⁶. В обложке.

⁶ См. 'Α. Παπαδόπουλος-Κεραμέδς. Ἱερος. Βιβλιοθήκη, τ. I, σελ. 323—324.

623. Авва Исая. Творения. 1450 г.

Филигрань бумаги — ножницы, см. С. М. Briquet. Les Filigranes. . . , № 3666—3668 и т. п. Минускул. Заставки, заголовки и инициалы писаны тусклыми красками. Имеются многочисленные миниатюры, рисованные тусклыми красками. Нумерация тетрадей не сохранилась. На л. 105 киноварная запись писца: «† Τελειωθ(έν) κ(α)τ(ά) τὸ Ϟ ρη — ω ἔτος ἰνδ. τρισκαίδεκάτης. Θ(εο)δ τὸ δῶρον καὶ Μεθοδίου πόνο». Тут же помета 1801 г. «Τὸ παρὸν εἶναι τριακοσίων πενήντε χρόνων ἕως τῆς σήμερον, 1801 — ω». Пометы Порфирия Успенского. Два тома в красных сафьяновых переплетах с золотым тиснением.

Т. I — 121 л., т. II — 135 лл. 19,6 × 13,4 и 14,5 × 10,0. 19 строк.

Содержание: Т. I, лл. 1—121 об. «Βιβλίον δευτερον τοῦ ἀββᾶ Ἠσαίου. Βίβλος καλλίστη Ἑλένης Κατελοῦζενας κυρᾶς μεγάλης Αἰῶν». Этот текст описан в рукописи Иверского монастыря на Афоне № 532 на лл. 169—252. См. S. Lambros. Catalogue of the greek Manuscripts on Mount Athos, II. Cambridge, 1900, p. 165, № 4652 (532); т. II, лл. 1—11. Ἐπιστολὴ τοῦ ἀμαρτωλοῦ μοναχοῦ Ἠσαίου πρὸς τὴν εὐγενεστάτην Θεοδώραν μοναχὴν τὴν Φωκαΐτησαν. См. там же; т. II, лл. 11 об.—14 об. Ἐπιστολὴ ἑτέρα τοῦ ἀμαρτωλοῦ μοναχοῦ Ἠσαίου πρὸς τὴν εὐγενεστάτην Θεοδώραν τὴν Ἀγγελίαν. Начало: «Μέμνημαι ποτὲ ἐρωτήσασα τὴν ἐμὴν ἀθλιότητα ἢ σὴ εὐγενεστάτη ψυχῇ». См. там же; т. II, лл. 14 об.—17. Ἐπιστολὴ ἑτέρα. Θεός, κυρία μου, τὸν νοῦν σου καὶ στερεῶσαι τὸν ἀσεβῆ λογισμόν σου καὶ ἀκουσον τὰ μέλλοντα γραφῆναι. Начало: «Ἄδειαν εὖρων ὁ διάβολος μετὰ τῶν αὐτοῦ δαιμόνων». См. там же; т. II, лл. 17—20. Ἐπιστολὴ ἑτέρα. Начало: «Ἐβουλόμην ἕως ὧδε ἐλθῶν καταπαῦσαι τὸν λόγον». См. там же; т. II, лл. 20 об.—25 об. Без заглавия. Начало: «Ἵταν τὸ εὐδαπάνητον τῆς ζωῆς ἐννοήσω». Текст отождествить не удалось. Т. II, лл. 25 об.—27 об. Без заглавия. Начало: «Μὴ φοβηθῆς καλὴν ἀρχὴν ἐπεβαλὴν εἰς τὴν ὁδὸν τοῦ θ(εο)δ». См. там же; т. II, лл. 28—82 об. Βιβλίον τρίτον τοῦ ἀγίου Ἰσαάκ]. Текст испорчен сыростью, местами не читается. Ἐπιστολὴ τοῦ μοναχοῦ Ἠσαίου πρὸς τὴν εὐγενεστάτην μοναχὴν Θεοδώραν]. Начало: «Ἐξ εὐγενῶν τεχθεῖσα καὶ γὰρ π(α)τέρων». См. там же; т. II, лл. 82 об.—83 об. Без заглавия. Начало: «Ὁ ὄνειροις πιστεῶν ὁμοίός ἐστι τῷ τὴν σκιάν αὐτοῦ κατατρέχοντι». См. там же; т. II, лл. 83 об.—105. Без заглавия. Начало: «Ὁ δὲ τὸν γέλωτα προσασχολούμενος κ' ἂν νεκροὺς ἀναστήσει τοῖς δαίμοσι λειτουργεῖ». Далее многие листы утрачены, от некоторых листов остались только обрывки, поэтому определить текст не удалось. На л. 105 конец: «Καὶ πρόσεχε ἀκριβῶς τὰ γεγραμμένα σοι». Очевидно, на лл. 83 об.—105 помещены мелкие статьи, обозначенные Ламбросом как «Τοῦ αὐτοῦ ἄλλα νηπτικά κεφάλαια». См. там же; т. II, лл. 105 об.—109 об. Заглавие и начало не читаются. Первые поддающиеся прочтению слова следующие: «Καταχυρεῖσαι ἡμῶν ἵνα μὴ καταγνωσθῶμεν ὑπὸ τῆς λεγομένης γραφῆς», конец: «Ὅτι ποιήσει ἐν τάχει τὴν ἐκδίκησιν αὐτῶν. . . ἀμήν». Текст отождествить не удалось; т. II, лл. 109 об.—114 об. Περὶ τοῦ καιροῦ τοῦ παντός πράγματος. Λόγος τοῦ αὐτοῦ. Начало: «Καιρὸς παντὶ πράγματι», конец: «Καὶ τότε νηστεύσωσιν ἐν ἐκείναις ταῖς ἡμέραις . . . ἀμήν». Текст отождествить не удалось; т. II, лл. 114 об.—115 об. Τοῦ αὐτοῦ. Περὶ τοῦ μὴ ἐλπίζειν ἐπ' ἄν(θρωπ)ον. Начало: «Ὁὐ χρὴ οὖν ἐλπίζειν», конец: «καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἐν ὁ γέγονεν . . . ἀμήν». Текст отождествить не удалось; т. II, лл. 115 об.—118 об. Περὶ εὐχαριστίας. Начало: «Τὸ ἐν παντὶ εὐχαριστεῖν», конец: «ὅτι οὕτως ἐγένετο εὐδοκία ἐμπροσθέν σου . . . ἀμήν». Текст отождествить не удалось; т. II, лл. 118 об.—121. Περὶ τῆς ἐν θ(ε)ῷ εὐφροσύνης. Начало: «Ἡ αἰδιδίμος εὐφροσύνη τῶν τὴν πρὸς θ(ε)ὸν τελείαν ἀγάπην κεκτημένων

ἐστίν», конец: «καὶ ἀπολωλὸς ἦν καὶ εὐρέθη ... ἀμήν». Текст отождествить не удалось; т. II, лл. 121—132. Τοῦ δσίου π(ατ)ρ(ὸ)ς ἡμῶν κεφάλαια γνωμικά. На поле листа помечено позднейшим почерком: «Νείλου μοναχοῦ». Начало: «Φόβον δεῖ ἔχειν», конец: «Ἀγαθή τε καὶ σύντομος ... ἀμήν». Текст отождествить не удалось; т. II, лл. 132—135. Τοῦ αὐτοῦ. Начало: «Χρῆ τὸν ἐπιθυμοῦντα τῶν ἀφάρτων», конец: «προσέχετε τοῖς εἰρημένους. Δόξα σοι, ὁ θε(ὸ)ς». Текст отождествить не удалось.

Собр. Порфирия Успенского. В. Д. Л и х а ч е в а. Роль пейзажа в миниатюрах рукописи Гос. публичной библиотеки греческая № 243.— ВВ. XXVII, 1967, стр. 229—242; Отчет ПБ за 1883 г., стр. 95—96; а р х и м. П о р ф и р и й У с п е н с к и й. История Афона, ч. II. Киев, 1877, стр. 134—144 (изложено учение исихастов на основе описываемой рукописи и переведены на русский язык отрывки текста); об этом сочинении см. также: Н. - G. В е с к. Kirche und theologische Literatur im Byzantinischen Reich, S. 645; русский перевод (в популярном изложении) см.: Митерикон. Собрание наставлений аввы Исаии вселенной инокине Феодоре. М., 1891.

Многие листы утрачены и сильно обрезаны. Некоторые миниатюры вырезаны. Рукопись сильно попорчена сыростью.

ПБ, греч. № 243, т. I и II.

Ф. ВИНКЕЛЬМАН

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФРАГМЕНТ ЖИТИЯ МИТРОФАНА

В «Каталоге греческих рукописей ленинградских хранилищ», изданном Е. Э. Гранстрем, приводится под № 511 фрагмент жития константинопольских епископов Митрофана и Александра (ВНГ 279); Гранстрем относит его к XIII—XIV вв.¹ Речь идет о рукописном листе, приклеенном к внутренней стороне верхней крышки переплета псалтири XV в. Судя по началу² и концу³ фрагмента, он представляет собой вырванную из полного текста страницу, а не умышленно выбранный отрезок.

Нам известны пока восемь рукописей этого жития⁴, из которых пять древнее нашего фрагмента (=F), три — моложе. Анализ текста показал, что в нем также имеются все формы текста Cod. Athen. Nat. Bibl. gr. 994 (=A) — рукописи на бумаге, относящейся к XVI в.⁵: на стр. 309 а. 3 имеют все рукописи, кроме AFB, ἐλάλησε + vñv; р. 309 а. 8 ὡς καὶ AFB, ὡσπερ другие рукописи; р. 309 а. 9 ταύτην om. AF; р. 309 а. 9 ἐχαρίσατό σοι AF; р. 309 а. 10 εὐρήσασμεν AF; р. 309 а. 12 συμπρεσβύτερον AF; р. 309 а. 31 τῆς χειρός AFB, τὴν χεῖρα другие рукописи; р. 309 б. 2 ὑπομενοῦσι AF; р. 309 б. 6 λαφ καὶ AFB. Наряду с этим следует отметить только одну особенность: р. 309 а. 8 Χριστός om. F; р. 309 а. 32 τὸν] αὐτὸν F, однако αὐ зачеркнуто.

Так что для установления текста ничего нового из этого фрагмента мы извлечь не можем, но все же он имеет значение для рукописной традиции, поскольку дает возможность датировать текст типа А на два-три века раньше и заключить, что А сохранился в очень чистом виде, лучше, чем F — как показывает отсутствие Χριστός в F (р. 309 а. 8), сохранившегося во всех других рукописях. Однако о происхождении и времени возникновения этого типа фрагмент F тоже ничего не позволяет сказать.

¹ Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 5. Рукописи XIII века. — ВВ, XXV, 1964, стр. 210. Фрагмент происходит из Библиотеки АН СССР, № 16 в собрании Русского археологического института в Константинополе.

² ἡμῶν Μητροφάνης (Ed. M. Gedeon. 'Εκκλ. 'Αλήθεια, 4, 1884, р. 309а. 1).

³ οὐκ ἀφῆκεν ἡμᾶς (р. 309 б. 10), Гранстрем дает неправильное окончание цитаты ὁ Κύριος ἀπεκάλυψε (р. 309 а. 24).

⁴ Я пользовался изданием: Die handschriftliche Überlieferung der Vita Metrophanis et Alexandri. — «Studia Patristica», VII. Berlin, 1966, S. 106—114.

⁵ В ссылках на тексты я цитирую страницы и строки по изданию Гедеона, но пользуюсь сильно отклоняющимся от него составленным на основе всех рукописей текстом. Издание Гедеона осуществлено лаш с Cod. Vator. gr. 84 (=B), пергаменной рукописи IX—X вв. Я получил возможность использовать для колляции микрофильм фрагмента, любезно изготовленный для меня ленинградской Библиотекой Академии наук.

М. М. КОПЫЛЕНКО

О ЯЗЫКЕ СЛАВЯНСКОГО ПЕРЕВОДА
«ЖИТИЯ НИФОНТА»

(Глагольно-именные фразеологизмы)

В языке находит отражение примечательная черта человеческой деятельности: в нем существуют знаки не только для реальных объектов материального мира, но и для абстракций. Соответственно лексикология проводит деление слов на выражающие конкретные понятия (*стол, береза, масло, конь, человек*) и выражающие абстрактные понятия (*вера, правда, цена, честь, смех*). Это деление, само по себе чрезвычайно приблизительное, надлежащим образом не обоснованное ни с логической, ни с формальной стороны, касается только существительных. Попытка определить уровень абстракции слов, принадлежащих к другим частям речи, приводит к заключению, что они вместе с существительными второй группы противопоставляются существительным первой группы: любое прилагательное (местоимение, наречие, глагол) выражает более абстрактное понятие, чем существительные *стол, береза, масло, конь, человек*. Но и внутри тех или иных частей речи интуитивно выделяются различные ступени абстракции: прилагательное *прекрасный* абстрактнее прилагательного *железный*, местоимение *нечто* абстрактнее местоимения *ты*, наречие *как-то* абстрактнее наречия *звонко*, глагол *совершить* абстрактнее глагола *выработать*.

Интуитивно наблюдаемое различие ступеней абстракции тесно связано с различием в сочетаемости тех или иных слов. Ограничим дальнейшее изложение глаголами и сравним сочетаемость глагола *выработать* с сочетаемостью глагола *совершить*. За основу возьмем рубрику значений, принятую в толковом словаре¹. Четыре значения глагола *выработать* допускают следующую сочетаемость²: а¹: *Н выработал статуэтку, портсигар, вещь* и пр.; а²: *Н выработал план, проект* и пр.; а³: *Н выработал в себе выдержку*; б: *Н выработал 200 рублей, 700 трудодней* и пр. Два значения глагола *совершить* допускают следующую сочетаемость: а: *Н совершил путешествие, ошибку, подвиг* и пр.; б: *Н совершил сделку, купчую* и пр.

Легко заметить, что большинство существительных, с которыми сочетается глагол *выработать*, конкретнее существительных, с которыми сочетается глагол *совершить*, чем и объясняется большая конкрет-

¹ «Словарь русского языка в четырех томах», т. I. М., 1957, стб. 362; т. IV. М., 1961, стб. 243 (далее: Сл. р. яз.).

² Буквы различают значения, представленные словарем, а цифры над ними — смысловые оттенки значений.

ность первого глагола. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на то обстоятельство, что состав существительных, с которыми сочетаются те или иные глаголы, зачастую неоднороден. Тот же глагол *выработать* сочетается как с существительными, характеризующимися большей или меньшей степенью конкретности, так и с явно абстрактным именем действия (*выдержка*). Если разные ступени предметной абстракции выражаются обычно различными лексемами (ср.: *смола, смолье, смолистость; вещь, вещество, вещественность*³; *дитя, детвора, детскость, детство*), то этого нельзя сказать о действиях, где разные ступени абстракции выражаются одними и теми же глагольными лексемами (ср., помимо сочетаний с глаголом *выработать*, такие сочетания: *N создал машину* и *N создал затруднения*; *N строил дом* и *N строил козни*; *N обуздал лошадь* и *N обуздал ярость*; *N бросил камень* и *N бросил взгляд* и т. п.). Впервые на факты подобного рода обратил внимание Ф. И. Буслаев⁴. Последующие исследователи говорили об «абстрактном значении глаголов», образующих «устойчивые сочетания глаголов с существительными»⁵, о «переносном значении глаголов, входящих в глагольно-именные описательные выражения»⁶, о «производно-номинативных значениях глаголов в глагольных словосочетаниях типа *потерпеть аварию*»⁷. Обращалось также внимание на то, что в конкретных сочетаниях отражены внеязыковые (предметно-логические, денотативные) связи лексем, а в абстрактных сочетаниях — внутриязыковые (собственно языковые, коннотативные) связи лексем⁸.

Обследование указанного выше словаря показало, что в современном русском языке имеется свыше 250 глаголов⁹, в которых контрастно сочетаются денотативные (конкретные) и коннотативные (абстрактные) значения.

* * *

Вскрыть существенные черты зависимости между денотативными и коннотативными связями может только диахроническое исследование, которое, поскольку речь идет о славянских языках, должно начинаться с памятников старославянского и древнейших памятников церковнославянского языков. Об особой роли переводных текстов для исследования фразеологических явлений древности мы уже упоминали¹⁰.

³ Определение ступеней абстрактности производится весьма приблизительно на чисто интуитивном уровне: приходится с сожалением констатировать, что у нас в данном случае нет объективных средств различения.

⁴ Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. М., 1959, § 257, стр. 509—511.

⁵ Е. М. Вольф. Об эквивалентах глагола в некоторых индоевропейских языках. — «УЗ Таджикского гос. университета им. В. И. Ленина», т. XXI. Труды кафедры иностранных языков, вып. I, 1959, стр. 29—30; ср. *его же*. О границах между устойчивыми и свободными сочетаниями. — Там же.

⁶ А. П. Мордвило. Глагольно-именные описательные выражения как особый тип устойчивых словосочетаний. — «Русский язык в школе», 1961, № 4, стр. 24—25.

⁷ О. С. Азманова. Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957, стр. 181—185.

⁸ М. М. Копыленко. Об устойчивости глагольно-именных словосочетаний в старославянском языке. — «Тези доповідей. У міжвузівської республіканської славистичної конференції 25—30 вересня 1962 року». Ужгород, 1962; *его же*. К определению объема, структуры и задач фразеологии. — Сб. «Синхроническое изучение различных ярусов структуры языка». Алма-Ата, 1963.

⁹ Имеются в виду только прямопереходные глаголы или прямопереходные значения глаголов, входящих в транзитивные и нетранзитивные конструкции.

¹⁰ См. М. М. Копыленко. Фразеологические явления в памятниках славянской переводной литературы X—XII вв. — «Труды Самаркандского гос. университета им. Алишера Навои. Вопросы фразеологии». Новая серия, вып. 106, стр. 150; *его же*. О языке древнерусского перевода «История Иудейской войны» Иосифа Флавия. — ВВ, XX, 1961, стр. 164; *его же*. Опыт исследования идиоматических отношений между греческим, старославянским и готским языками. — Сб. «Типология и взаимодействие славянских и германских языков». Минск, 1969, стр. 68—70.

По нашему мнению, сопоставительный анализ одинаковых по содержанию двузачных сочетаний может обеспечить наибольшую объективность исследования в том случае, когда отсутствует восприятие активных, действующих в языке связей и противопоставлений. Одним из наиболее подходящих памятников для исследования начального периода функционирования неоднородных¹¹ глаголов в литературном языке славян является «Житие Нифонта» по древнейшему списку 1219 г.¹²

Один из исследователей «Жития Нифонта», П. О. Потапов пишет, что оно «занимает почти первое место среди тех произведений, на основе которых складывались народные религиозные представления»¹³. Далее он отмечает, что этот памятник представляет собой нечто вроде энциклопедии по вопросам «религиозно-теоретического и морально-практического характера»¹⁴.

Такие особенности анализируемого памятника не могли не отразиться на его лексическом составе¹⁵, а следовательно, и на семантической структуре глагольных лексем. В нем широко представлены абстрактные существительные и неоднородные глаголы. Всего в «Житии Нифонта» 448 прямопереходных глаголов, из них неоднородных — 92 (20,6%). Особого внимания заслуживает, что из упомянутых 92 глаголов 69 (75,4%) бытуют в современном русском языке: они составляют 27,2% от 254 неоднородных глаголов современного языка. Такой процент нельзя не признать значительным, если учесть, что в «Житии Нифонта» содержится всего лишь ок. 36 000 словоупотреблений¹⁶. Таким образом, представляется редчайшая возможность на материале одного памятника письменности выявить те особенности более чем четверти прямопереходных неоднородных глаголов современного русского языка, которые существовали уже в X—XI вв.¹⁷

Данные, извлеченные из «Жития Нифонта», мы подкрепляем материалами других памятников старославянской и церковнославянской письменности, а также свидетельствами словаря И. И. Срезневского¹⁸ и 48 вышедших до сего времени выпусков старославянского языка Чехословацкой Академии наук¹⁹.

Рассмотреть в пределах одной статьи сочетаемость всех 92 неоднородных глаголов «Жития Нифонта» не представляется возможным. Поэтому

¹¹ Этим весьма условным термином мы обозначаем глагольные лексемы, объединяющие денотативные и коннотативные значения.

¹² Единственное издание: А. В. Рыстенко. Материали з історії візантійсько-слов'янської літератури та мови. Одеса, 1928. Опубликованы полная и краткая редакции греческого текста и две полные редакции славянского перевода: 1) по списку Троицко-Сергиевской лавры № 35, выполненному в Ростове в 1219 г.; 2) по списку Казанской духовной академии — Сол. 525 (212) XVII—XVIII вв. При ссылках на вторую редакцию мы обозначаем ее индексом 2*.

¹³ П. О. Потапов. Декілька слів про значення текстів Життя Нифонта. — В кн.: А. В. Рыстенко. Материали. . ., стр. 6.

¹⁴ Там же, стр. 6. См. также: Н. Костомаров. Мистическая повесть о Нифонте. — «Русское слово», III. СПб., 1861.

¹⁵ Лексический состав «Жития Нифонта» детально обследован в диссертации: К. И. Ходова. Наблюдения в области словарного состава древнего славянского памятника («Житие Нифонта» в русском списке 1219 г. М., 1951. См. также автореферат диссертации. М., 1952) и статью: К. И. Ходова. Из наблюдений над лексикой древнерусского списка «Жития Нифонта» 1219 г. — «УЗ Института славяноведения АН СССР», т. 9, 1954.

¹⁶ С допуском $\pm 7,5\%$. Такое количество словоупотреблений содержится, например, на 90—100 страницах «Византийского временника».

¹⁷ В датировке времени перевода «Жития Нифонта» согласны М. Вейнгарт: М. Veingart. in: BS, II, 1930, (реп. на издание А. В. Рыстенко) и К. И. Ходова (указ. выше труды). В вопросе о месте перевода мы склоняемся к мнению К. И. Ходовой (Восточная Болгария) и отвергаем точку зрения М. Вейнгарта (Киевская Русь).

¹⁸ И. И. Срезневский. Материалы для Словаря древнерусского языка, т. I. СПб., 1893; т. II. СПб., 1895; т. III. СПб., 1903 (далее: Срезн.).

¹⁹ «Slovník jazyka staroslověnského», 1—18. Praha, 1958—1968 (далее: Сл. ЧАН).

мы рассмотрим главным образом 25 наиболее частотных глаголов (с частотностью десять и более) и отметим лишь наиболее интересные сочетания с глаголами, имеющими низкую частотность. Все наиболее частотные прямопереходные неоднородные глаголы памятника, за исключением одного (*зърѣти*), сохранились в современном русском языке. Приводим их с современными параллелями²⁰: *възяти* (*взять*)²¹, *видѣти* (*видеть*), *вълагати* / *въложити* (*вложить*)²², *въздвигнути* (*воздвигнуть*), *дати* / *даяти* / *въдати* (*дать*), *държати* (*держать*), *зърѣти*, *имѣти* (*иметь*), *навести* / *наводити* (*навести*), *носити* (*носить*), *обрѣсти* (*обрести*), *оставити* (*оставить*), *отъгнати* / *отъгонити* (*отогнать*), *погоубити* (*губить*)²³, *подати* / *подавати* / *подаяти* (*подать*), *положити* (*положить*), *полоучити* (*получить*), *прѣдати* (*передать и предать*), *принести* / *приносити* (*принести*), *прियाти* / *примати* (*принять*), *поустити* / *поущати* (*пустить*), *съкрошити* (*сокрушить*), *слышати* (*слышать*), *творити* / *сътворити* (*творить*), *оулучити* (*улучить*).

Для удобства изложения поделим все неоднородные глаголы на пять приблизительно определенных семантических групп.

1. Глаголы присвоения и обладания

(*възяти*, *държати*, *имѣти*, *обрѣсти*, *полоучити*, *прियाти*/ *примати*, *оулучити*)

1. *Възяти*. Из 20 случаев переходного употребления глагола *възяти* на сочетание с абстрактным существительным приходится только один: *Агнецъ Божий, въземляи грѣхы всего мира*. 335. 29—30 — *ὁ ἀγνὸς τοῦ Θεοῦ, ὁ αἶρων τῆν ἀμαρτίαν τοῦ κόσμου* (118)²⁴. Сочетание *възяти грѣхы* встречается, по свидетельству Сл. ЧАН, в трех различных текстах Апостола, а по нашим наблюдениям — трижды в Синайском требнике. Во всех этих случаях глаголу *възяти* соответствует греч. *ἀρεῖν*, в то время как при сочетаниях с конкретными существительными употребляется обычно *λαμβάνειν*. Дальнейшая русификация этого выражения осуществилась посредством добавления слов *на себя*. В результате возникло весьма идиоматичное сочетание *взять на себя*²⁵, которое в свою очередь образует очень устойчивые обороты, так как сочетается с ограниченным кругом существительных: *грех*, *вина*, *ответственность*, *забота* (или наименование какого-либо действия или лица²⁶, но тоже с оттенком «ответственность», «забота»).

²⁰ В цитатах из Срезн. и из «Жития Нифонта» мы устраняем несущественные для нас особенности графики (юсы, ижицу, титла и др.), но сохраняем орфографию памятников. Приводя отдельные слова и сочетания, мы стремимся сохранить важнейшие черты орфографии XI в. В цитатах из старославянских текстов сохраняется и графика (за исключением титлов), и орфография.

²¹ Глаголы приводятся в порядке современного алфавита.

²² Образования типа *вълагати* (*въложити* и т. п.) представляют собой, видимо, не только видовые различия. Это разные способы действия, т. е. разные глаголы (см. В. В. Чернова. К вопросу о способах действия. — Сб. «Синхроническое изучение различных ярусов структуры языка». Алма-Ата, 1963). Но с точки зрения изучаемого нами дистрибутивного типа они не диагностируют различий, поэтому мы в целях удобства изложения рассматриваем их как формы одного слова. Современные параллели приведены в той форме, в какой они даны в Сл. р. яз.

²³ В «Житии Нифонта» нет формы *губити*, а в Сл. р. яз. *погубить* помещено лишь с указанием «Сов(ершенный вид) к *губить*».

²⁴ Цифры без скобок указывают страницы и строки издания, цифры в скобках — главы.

²⁵ Степень идиоматичности зависит от того, насколько специфичен синоним, которым можно заменить одно из слов, входящих в данное сочетание: только в данном сочетании *взять* имеет синоним *взвалить* — следовательно, оно очень идиоматично. См. об этом: И. А. Мельчук. О терминах «устойчивость» и «идиоматичность». — ВЯ, 1960, № 4; М. М. Копыленко. Об идиоматическом аспекте изучения языков. — Сб. «Вопросы словообразования и фразеологии (тезисы докладов)». Фрунзе, 1962.

²⁶ Под устойчивостью понимается степень ограничения сочетаемости. См. И. А. Мельчук. Указ. соч.; М. М. Копыленко. Заметки по общей фразеоло-

2. **Държати.** Из 16 транзитивных сочетаний с глаголом **държати** три — с абстрактными существительными: *държати чинъ, държати оправдания и държати часы*. Первые два сочетания имеют одинаковое значение — «соблюдать порядок, правило»: *Си чинъ държа правдным*. 262. 22—23 — τὰς τῆν τῆν τάξιν κρατῶν ὁ δίκαιος (205); *си же оправдания* ²⁷ *държаща светоноснии ангели крѣпляхоу ся и подражахоу бѣсы* (т. е. «придерживаясь этих правил, светоносные ангелы стояли на своем и насмехались над бесами»).

Аналогичные сочетания с глаголом **държати** встречаются в евангелии по Мариинскому кодексу (**АЩЕ НЕ ОУМЫЖТЬ РЖКЖ ТЪРЖЩЕ НЕ ВДАТЬ ДРЪЖАЩЕ ПРЪДАНИЕ СТАРЕЦЪ.** — Марк, VII, 3) и в Ефремовской кормчей XI в. (*Правила държати; Обычаи държити и предание*. См. Срезн., т. I, стб. 776). В дальнейшем произошло изменение конструкции: *держать*+С вин. → *держаться*+С род. и образовались сочетания, устойчивые по глаголу *держаться*. Число существительных, сочетающихся с этим глаголом, по сравнению с X—XI вв. значительно увеличилось, но связь с первоначальным семантическим кругом сохранилась: *держаться правил, порядка, устава, обычая, обыкновения, взгляда, убеждения и т. п.*

Сочетание *държати часы* — попытка передать значение идиоматического сочетания греческого языка ποιεῖν τὰς ὥρας: *А въ прочая дни държаше часы дневных и ночных поя* (т. е. «А в другие дни проводил дневные и ночные часы, распевая [псалмы]») — τὰς λοιπὰς ἡμέρας ἐποίηι τὰς ὥρας τῆς ἡμέρας, ὁμοίως καὶ τῆς νυκτός ψάλλον (45). Переводчик отказался от калькирования: точно следуя оригиналу, он должен был бы перевести *творяше часы*. Но и предложенный им способ выражения данного значения не был принят литературной традицией.

3. **Имѣти.** Это самый частотный глагол в «Житии Нифонта» и в то же время особенно тяготеющий к абстрактным существительным. Из 147 sluчаев транзитивного употребления глагола **имѣти** на сочетания с конкретными существительными приходится только 51. Из 96 сочетаний с абстрактными существительными более 30 могли бы (иногда в иных словообразовательных вариантах) быть употреблены в разговорных и книжных стилях современного русского языка. Эти сочетания можно разделить по их значению на четыре группы: а) со значением «обладать, располагать чем-либо»: *имѣти власть* (5) ²⁸, *врѣмя, крѣпость* (*Отъплѣ ми быс стѣкроушена сила, да не имамъ крѣпости якоже и преже*. 308. 16—17), *мъздоу, нравъ*; б) со значением «обладать каким-либо протяжением, размером»: *имѣти дълготоу, ширыню* (т. е. «длину и ширину») (*Се бляше мѣсто равно ширыню и дълготоу, имы безмѣрноу*. 350. 26—27); в) со значением «произвести какое-либо действие, соответствующее значению существительного»: *имѣти конць, надежю* (2), *соумнение* (2), *оутѣшение, оутѣхоу*; г) со значением «произвести действие, являющееся результатом свойства, выраженного существительным»: *имѣти дързновение* (т. е. «дерзость», «смелость») (*Повелѣ дързновение имѣти на исправление*. 329. 29), *обычай* (5), *силоу* (6). В памятниках старославянского языка нет такого обилия «современных» сочетаний. Так, в Синайской псалтири нет ни одного сочетания подобного рода, в Сборнике Клотца — только **ИМЪТИ ПОЛЪЗЖ**, в Синайском требнике — только **ИМЪТИ МЪЗДЖ** и **ИМЪТИ СИЛЖ**, в Саввиной книге — сочетания глагола **ИМЪТИ** с существительными **БОГАТЪСТВО**, **ВЛАСТЬ**, **МЪЗДА**, **НЖЖДА**, **СЛАВА**. Из много-

гии. — Сб. «Проблемы устойчивости и вариантности фразеологических единиц». Тула, 1968.

²⁷ *Оправдание* в значении «правило», «устав» см. Срезн., т. II, стб. 691.

²⁸ В скобках указано, сколько раз встречается данное сочетание, если примеров его более одного.

численных примеров, приводимых Срезневским (т. I, стб. 1096), сохранились до настоящего времени только *имѣти желание, обычаи и чѣсть*. Сочетания глагола *имѣти* с абстрактными существительными были, видимо, в древности распространены чаще, чем в настоящее время²⁹. Факты говорят о том, что эти обороты в славянских текстах употреблялись охотнее, чем в греческих оригиналах. Выше были приведены примеры, в которых сочетания *имѣти* + существительное соответствуют одиночным глаголам греческого языка или же конструкциям без *ἔχειν* (κτῆραι). См. также: *Помазаше ся яко же обычаи имаше въ врѣмя съпаня*. 278. 30—31 — *ἔχρειν ὡς ἔθος ἐν τῇ ὥρᾳ τοῦ ὕπνου* (57); *Надежю имамъ на човеколюбца бога*. 328. 23 — *ἐλπίζω δὲ εἰς τοὺς οὐκίτηρούς τοῦ φιλανθρώπου Θεοῦ* (113); *Не имамъ силы таковы къ дѣвици Марии*. 351. 18—19 — *οὐχ' ὑπάρχει μοι ἰσχύς πρὸς τὴν Παρθένον*. (134).

Многочисленные примеры подобного рода наблюдаются и в тех сочетаниях, которые не сохранились в современном русском языке. Здесь, как и в других памятниках, особое внимание привлекает сочетание *имѣти (яти) вѣроу*, которое последовательно выступает вместо одиночного греческого глагола *πιστεῖν*³⁰. Ср. также: *Покаяния не имамъ и милостыня никакаяже*. 309. 31; *Да еда имать вредъ камъные от скроушения плѣтънаго*. 294. 8—9; *Ходяци расъмащряше кожеждо ихъ кою (sic) правѣдоу имать*. 296. 32—33.

4. **Обрѣсти**. Всех транзитивных сочетаний с этим глаголом 15. Из них с абстрактными существительными — 7: *обрѣсти милость* (2), *обрѣсти покои* (2), *обрѣсти дързновение, надежю, память*. Почти все они возможны в современном русском языке в его книжном употреблении. В старославянских и церковнославянских памятниках часто встречаются сочетания **ОБРѢСТИ МИЛОСТЬ** (Син. тр., Сав. кн., Срезн., т. II, стб. 554) и **ОБРѢСТИ ПОКОЙ** (Син. тр., Сав. кн.).

5. **Прияти/приимати**. Сочетаний с абстрактными существительными — 56, с конкретными — 42. Современный глагол *принять* очень изменился по сравнению со старославянским и древнерусским *прияти*. Из 28 значений, указанных в Сл. р. яз., мы не обнаружили в древних текстах и половины. Однако многие из употреблений этого глагола с абстрактными существительными в «Житии Нифонта» совпадают с употребленями современного языка. Прежде всего необходимо отметить большую группу примеров, в которых сочетания с глаголом *прияти* означают «пре-терпеть, вынести что-либо»³¹: *прияти бѣду* (3) [*Егда же пакы бѣду прия нѣ о коемъ дѣлѣ*. 249. 1 — 'Αλλ' ὅτε πάλιν βιασθεῖς ἐν τινι πράγματι (32); *Вязишио бѣдоу си паче иного приемлетъ*. 256. 33—34 — ἐκ τοῦτου σφόδρα ἐδαράζετο καὶ ἐφρόνετο (37)]; *прияти горестъ, прияти искоуць* [*Где искоуць приялъ еси яко тако глаголеши на оуничъжение наше*. 320. 29—30 — τοῦ ἄρα τοιαῦτα ἐπεράθης ἃ λέγεις πρὸς ἐξουθένωσιν ἡμῶν (106)]. *прияти казнь* [*Родительма съгрѣшающема чада их казнь приемлютъ*. 355. 15—16 — τῶν γονέων παιδιῶν τὰ τέχνα πλήττονται ἐνώπιον αὐτῶν (137)]; *прияти моукоу* (3), *прияти осужение, прияти смърть* [*И сице обыцю и страшную смърть прияша*. 332. 6—7 — οὕτω κοινῶς καὶ τὸν φοβερόν πνιγμόν ὑπέσθησαν (115)]; *прияти стоудъ* (т. е. «стыд») [*И се слышавъ лоукавыи стоудъ приимаше*. 253. 17 — Τοῦτο δὲ ἀκούων ὁ πονηρὸς κατησχύνετο (128)]; 2* — *постыдѣся*;

²⁹ Несколько иначе обстоит дело в современном болгарском языке: в нем употребляются многие из сочетаний, которые встречаются в древних памятниках письменности, но отсутствуют в современном русском языке, например: *имам вяра, вина, доблест, нѣт, страх* и др.

³⁰ См. М. М. Копыленко. Фразеологические явления. . ., стр. 155—156; *его же*. О языке древнерусского перевода. . ., стр. 171—172.

³¹ См. Сл. р. яз., III, стб. 584: «Позор она через вас большой примет, такой, что во всю жизнь забыть нельзя» (А. Курприн. Олеса); «Так ведь и я тебя тоже люблю — за то и боль принял, за любовь!» (М. Горький. Детство).

приятн соудъ (5) [Кыи соудъ примешн. 282. 11—12 — ποίαν δίκην δώσεις (430)]; *приимати оужоризноу, оунничъжение* [Попоуцаеть богъ правьдникомъ оужоризноу приимати и оунничъжение благо. 286. 5—6 — συγχωρεῖ... τοὺς διακαίους ὀνειδίξεσθαι καὶ ἐξουθενεῖσθαι ὁ ἀγαθὸς Θεός (63)].

Идентичные или аналогичные примеры встречаются в Син. пс.: ПРИИТИ ПОНОШЕНИЕ, СТОУДЪ; в Сав. кн.: ПРИИТИ ПОКААНИЕ; в Син. тр.: ПРИИТИ ОСЖЖДЕНИЕ, в Сб. Клотца: ПРИИТИ ОГНЪ, ОСЖЖДЕНЬЕ. См. также по данным Срезневского (т. II, стб. 1504): *приятн гнѣвъ* (Ярлык Узбека, 1315), *приятн опитемью* (Новг. I летопись), *приятн смърть* (Повесть временных лет).

Приведенные выше сопоставления с греческими сочетаниями показывают, что они очень избирательны относительно славянских сочетаний: в пользу этого говорит множественность греческих соответствий³². Кроме указанных выше, нужно еще отметить ὑπομένειν + асс., ἔχειν + асс., δέχεσθαι + асс. и одиночные глаголы, например *приятн соудъ* — χριδῆναι. Разнообразие греческих соответствий подчеркивает своеобразие славянских сочетаний³³.

Следующую группу составляют сочетания со значением «согласиться с чем-либо», «отнестись к чему-либо положительно»³⁴: *приятн молитвоу* (5), *наказание* (в значении «наставление»), *повелѣние, слово* (Прими оканьнаго сърдца моего слово. 349. 2) Идентичные и аналогичные примеры: в Син. пс.: ПРИИТИ МОЛЕНЬЕ, НАКАЗАНЬЕ; в Сав. кн.: ПРИИТИ СЛОВО; в Син. тр.: ПРИИТИ МОЛИТВЪ, СЛОВО. Срезневский не приводит сочетаний этого рода. Обычное соответствие в греческом — δέχεσθαι (προδέχεσθαι) + асс.

Небольшую группу составляют сочетания со значением того или иного действия в зависимости от смысла существительного³⁵: *приятн въздържанне* (т. е. «воздержаться») [Шрьѣ бо въздержание прияша и полуочиша блага. 358. 28—29 — πρότερον γὰρ ἐχράτευσάμενοι... ἐπέτηχον τοῦ σκοποῦ (138)]; *приятн крщение* [Како ли хоитиши тамо внити. Осквѣрниши божествѣнное крщение, еше бѣ в таинѣ прияла. 311. 12—13 — πῶς ὀφείλεις ἐκεῖ εἰσελθεῖν μίαντα τὸ Θεῖον βάπτισμα ὁ ἐρωτήτης (120)]; *приятн оутѣшенье* [Глагола емю рабъ божий прими оутѣшенье. 294. 5 — Δέχει αὐτῷ ὁ δούλος τοῦ Θεοῦ. Ἄχουσον μου, τέκνον, καὶ λαβεῖν ἔχεις παραμυθίαν τινα (70)]. Сочетания такого рода в древних текстах встречаются редко (см. Срезн., т. II, стб. 1503: *Еще бо бяху не прияли святаго крщения*. — Псковская I летопись). Каждый из трех переводов имеет особое соответствие в греческом, что говорит о своеобразии славянского сочетания.

Одним сочетанием представлено значение «приобрести какой-либо вид»: *Въшѣдъ в святоу оутробоу преславныя ти матере своя богородица образъ раби примъ.* 274. 17—19. Это сочетание встречается несколько раз в Син. тр.

Остальные сочетания с глаголом *приятн* не прижились в русском языке. Но многие из них интересны как своеобразные попытки передать

³² Избирательностью мы называем наличие хотя бы у одного из слов сочетания такого перевода, который имеют и другие слова, входящие в иные сочетания данного языка (см. М. М. Копыленко. О межъязыковой идиоматичности и связанных с ней явлениях. — «Филологические науки», 1964, № 1, стр. 165—166).

³³ Такое же многообразие греческих соответствий сочетаниям с глаголом *приятн* характерно для выдающегося памятника переводной письменности XI—XII вв. «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия (см. М. М. Копыленко. О языке древнерусского перевода. . . , стр. 173—174).

³⁴ См. Сл. р. яз.: «Не принял Михаил Семенович жениных речей» (Л. Толстой. Свечка). Ср. также *принять замечание, предложение, совет* и т. п.

³⁵ См. Сл. р. яз.: «Шампанское явилось, разговор оживился, и все приняли в нем участие» (А. Пушкин. Пиковая дама); «Весной мы приняли присягу, нас произвели в матросы второй статьи (А. Новиков-Прибой. Капитан I-го ранга).

содержание оригинала: *Весною приемлет лето*. 287. 30. — τὸ ἔαρ διαδέχεται θέρος (64); *егда хотяше прияти мало съна*. 278. 10; *Оусердие прияхъ писати си*. 239. 10 — προέδρα γραφαί (1).

6. **Получити и оулоучити**. Эти глаголы сочетаются главным образом с абстрактными существительными. Только в одном случае из десяти глагол **оулоучити** сочетается с названием лица: *Радовахоу же ся людье такового пастыря благодатию божиею оулоучьша*. 366. 34—361.1. Остальные сочетания: *полоучити (оулоучити) блага, щѣление, милость, славою, спасение* (3), *щѣльбоу, царство божие*. Аналогичные сочетания находим в Син. тр.: *полоучити ослабж, небесноу щѣсарьство; Оулоучити щѣленищ милость*. Многочисленные примеры подобного рода см. Срезн., т. II, стб. 1142; т. III, стб. 1199: *полоучити благоты, вѣчьноюу жизнь, прощение, щѣльбоу; оулоучити щѣление, отвѣтъ, спасение* и т. п. Во всех этих случаях своеобразно переводится греческий оборот (ἐπι)τυχάνειν -gen. В современном русском языке только глагол *получить* сохранил (и развил) способность соединяться с абстрактными существительными (ср., например, *получить известие, извещение, исцеление, ответ, согласие, сообщение* и т. п.); *улучить* же специализировался на сочетаниях с существительными, обозначающими небольшой отрезок времени (*момент, минута, секунда* и т. п.).

7. Из остальных сочетаний с глаголами данной семантической группы наибольший интерес представляют сочетания глагола **хранити** с существительными: *житие [Хранити съ милостию житие ихъ*. 352. 5 — φολάττειν ἐν εὐμενεῖα τὴν πολιτείαν αὐτῶν (135)] и таину [Хранити таину. 239. 3 — μυστήριον κρύπτειν (1)].

II. Глаголы удаления

(вѣдати/дати/даяти, отъгнати/отъгонити, оставити, подати/подавати/подаяти, прѣдати, поустити/поуцати)

1. **Вѣдати/дати/даяти**. Из 45 случаев транзитивного употребления на сочетании с абстрактными существительными приходится 27. Эти сочетания по значению делятся на несколько групп. Наиболее многочисленны сочетания, имеющие значения «послать, даровать что-либо»: *дати / даяти бестрастие, благодать, власть, дыхание, милостынню* (2), *побѣдоу, разоумъ, силу, хотѣние*. Аналогичны многочисленные примеры в Син. пс.: **ДАТИ СЪНЪ, РАДОСТЬ, ВЕСЕЛЬЕ** и т. д.; в Син. тр.: **ДАТИ ГЛАСЪ, СЛАВЖ, ЖИТИЕ**; в Сав. кн.: **ДАТИ ВЛАСТЬ, МЪЗДЖ, ЖИЗНЬ** и т. п. Много подобных примеров у Срезневского. В дальнейшем значение этих сочетаний изменилось от «послать, даровать что-либо» к «доставить», «принести как результат»³⁶. Произошло это из-за расширения круга объектов, но сыграло роль также снижение удельного веса, а затем и полное устранение часто употреблявшегося в древности наименования субъекта, наделенного властью верховного существа, бога.

Следующую группу составляют сочетания со значением того или иного действия в зависимости от смысла существительного³⁷: *вѣдати / дати благословение, заоушницищ* (т. е. *заоушити*, «дать по уху»). См. Срезн., т. I, стб. 957), *крѣпость, милость* (2), *отвѣтъ, раны, сытость*. Аналогичный пример приводит Сл. ЧАН: **ВЪДАТИ КРЪЩЕНІЮ** (Житие Константина). См. также Син. пс.: **ДАТИ ДАТИ ЗАЩИЩЕНЬЕ, ПОНОШЕНІЮ**

³⁶ См. «Толковый словарь русского языка» под ред. Д. И. Ушакова, т. I. М., 1935, стб. 643: «Предприятие дает доход», «Земля дает хорошие урожаи», «Кролики дают большой приплод», «Груд дает удовлетворение».

³⁷ Ср. в современном русском языке: *дать обещание, отсрочку, разрешение, распоряжение, согласие* и несколько особняком стоящие: *дать затрещину, оплеуху, пощечину, шлепок* (ср. *даяти заоушницищ, раны*).

и т. п.; Сав. кн.: ДАТИ СЪВЪТЬ, НЕ ДАТИ ЛОБЪЗАНИИ; Син. тр.: ДАТИ ЩЪЛЕНИЕ, ОБЪТОВАНИИ и т. п.; Сб. Клотца: ДАТИ ПОВЕЛЪНИЕ; Срезн., т. I, стб. 633: *дати причастие* (Поучение митрополита Киприана, 1395 г.), *дати клеветы* («Хроника Георгия Амартола»).

Особое внимание привлекает сочетание (*въ*)дати слово, употребляющееся в двух конструктивных моделях: а) *дати слово + на + С вин.* (*Богъ дая слово на оупѣхъ твоєи доуши.* 289. 21—22) и б) *въдати слово + яко* (*Отидоу от града твоего слово ти въдавъ яко къ томоу не приближитися.* 368. 28—29).

Первая модель не приобрела распространения, а вторая встречается и в других древних текстах (см. Срезн., т. I, стб. 633), и в современном русском языке. О том, что она была хорошо усвоена славянским книжником уже в X—XI вв., свидетельствует тот факт, что глагол **дати** соответствует не греческому *δίδωαι*, как в подавляющем большинстве других сочетаний, а греч. *τιθέναι*. Обращает на себя внимание также сочетание *дати разоумъ*, являющееся эквивалентом греч. *σημαίνειν* («дать знак», «указать»): *Сею поутью разоумъ давъ господь.* 276. 18 — *σημάνας αὐτῷ ἀμφότερων τῶν ὁδῶν τὴν ἐκβάσιν* (56). Видимо, переводчик данного памятника, как и другие переводчики — его современники, привычно употреблял обороты, в которых глагол **дати** характеризовался абстрактным, индикативным значением³⁸.

2. **Отъгнати/отъгонити.** Из 33 сочетаний 23 — с абстрактными существительными. Все они означают «удалить, отдалить от кого-либо скверную привычку или неприятное чувство». Примерами могут служить: *отъгнати блондъ* [*Господи... отжени от мене всякъ блондъ.* 271. 28 — ... ἀπέλασον ἀπ' ἐμοῦ πᾶσαν πορνείαν (51)]; *вражьдоу, гнѣвъ, зависть, ненависть, обидоу, печаль* [*Въложи въ сърдце ми веселие отоня всякоу печаль от мене.* 279. 18—19 — ... καὶ διῶχον πᾶσαν θλίψιν ἀπ' ἐμοῦ (58)], *презорство, тѣщеславие* и т. п. Аналогичные сочетания представлены в Син. тр.: **ОТЪГЪНАТИ ЗЪЛО, ЗЪЛОБЪ, СКВРЪНЪ, СЖМЪНЪИЕ.** См. также: Срезн., т. II, стб. 783: *отъгнати гладъ и озлобление* («Сказание...» черноризца Иакова, XIV в.), *мъглоу доуша* (Ирмологий, около 1250 г.). Эти сочетания распространены и в современном русском языке, но почему-то отсутствуют в Сл. р. яз.

3. **Оставити.** Из 22 сочетаний 10 — с абстрактными существительными. Из них по настоящее время сохранились сочетания с значением «перестать, бросить заниматься чем-либо»³⁹: *оставити пѣние* [*Видѣвши и ангели оставльши пѣние плачуться... горѣ.* 273; 10—11], *оставити желание и прельсть*. Подобное сочетание из проанализированных нами памятников имеется только в Син. пс.: **НЕ ОСТАВИТИ МОЛИТВЫ.** Кроме того, встречаются сочетания со значением «простить что-либо» — *оставити грѣхы* (2) и «покинуть, бросить что-либо» — *оставити богатство, житие, миръ, славоу*. Греческие сочетания очень избирательны относительно славянских сочетаний с глаголом **оставити**: на десять сочетаний приходится целых пять греческих соответствий: *ἀφιέναι, ἔει, καταλείπειν, λείπειν, συγχωρεῖν*.

2. **Подати (подавати)/подаяти.** С конкретным существительным только одно сочетание: *подати книги*. Все 24 сочетания с абстрактными существительными имеют значение «даровать что-либо»: *подати благоухание, даръ, вѣчноую жизнь, милостыню, силуу, чистотоу* и т. п. Таких

³⁸ См. М. М. Копыленко. Фразеологические явления. . . , стр. 159; его же. О языке древнерусского перевода. . . , стр. 175—177.

³⁹ См. Сл. р. яз.: «Вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло» (А. Пушкин. Дубровский); «Генерал оставил преферанс. . .» (А. Н. Толстой. Сестры); «Сам он давно оставил плавание и служил в отделе учета Каспийского пароходства» (Ю. Крымов. Танкер «Дербент»).

сочетаний много в памятниках древней письменности. В современном языке от них осталось только одно: *подать милостыню*. Но отголосок древней сочетаемости сохраняется в нынешних употреблениях: *подать весть, помощь, совет* и пр.

5. **Прѣдати.** Из 12 сочетаний с абстрактными существительными — три. Эти сочетания соответствуют современным сочетаниям с глаголом *передать* и имеют значение «сообщить, пересказать что-либо»⁴⁰: *прѣдати таиноу* [Иноу же таиноу да слышите юже не лѣнюся по писанию прѣдати⁴¹. 314. 16—18 *ἔπερ οὐκ ὀκνήσω γράφῃ παραδῶναι* (99)]; *прѣдати красотоу, наслаждение*. Подобных сочетаний нет в исследованных нами памятниках письменности и у Срезневского.

6. **Поустити / поущати.** Из 27 сочетаний 11 — с абстрактными существительными: *поустити / поущати доброутробие, жертвоу, милость* (2), *милосердие, помощь, радости, щедроты* и т. п. Подобные сочетания встречаются и в других древних памятниках письменности. Впоследствии глагол поустити в них был заменен глаголом *посылать* (см. 2*)⁴². Ср., например: *Се бо господь помощь намъ поущаетъ с небесе.* 352. 14—15; 2* — *помощь посылаетъ; Се ти жертвоу единъ отъ князь поустити.* 344. 4—5, 2* — *Сию ти жертву посла.* В оригинале глаголу поустити / поущати соответствуют (ἐξ)αποστέλλειν и προσφέρειν.

7. Среди сочетаний с менее частотными глаголами удаления обращают на себя внимание сочетания с глаголом *испоустити / испоущати*, означающие: «произвести, выделить из себя»: *испоустити гласъ, испоущати благоухание*. Интересны также сочетания *отдаяти грѣхы и отъпоустити съгрѣшения*. Глагол *отъпоустити* сочетается аналогично и в других памятниках — Син. пс.: **ОТЪПОУСТИТИ БЕЗАКОНЕНИЕ**; Сав. кн.: **ОТЪПОУСТИТИ ГРѢХЪ**; Син. тр.: **ОТЪПОУСТИТИ СЪГРѢШЕНИЯ**. В этих сочетаниях глаголу *отъпоустити* соответствуют греч. ἀφέναι и συχῶρεῖν, в то время как в сочетаниях с конкретными существительными — (ἐξ)αποστέλλειν и ἀπολύειν. Это подчеркивает своеобразие славянских сочетаний глагола *отъпоустити* с абстрактными существительными.

III. Глаголы созидания и уничтожения (вздвигнути, погоубити, съкроушити, творити / сътворити)

1. **Вздвигнути.** Этот глагол большинством своих значений относится к данной рубрике только в современном русском языке⁴³. В «Житии Нифонта» он сочетается с конкретными существительными и имеет значение «поднимать»: *вздвигнути десницу, роуцѣ* (6), *очи* (2). Но в одном случае сочетание с глаголом *вздвигнути* имеет иной смысл: *святелию же вздвигнутию святыхъ таинъ от божествныхъ трапезы.* 340. 24—25 *τοῦ ἱερέως ἀπάραντος τὰ δῶρα τῆς θείας τραπέζης* (123). Ср. также в Син. пс.: **ВЪЗДВИГНЪТИ СІЛЖ, СЪВЪДЪНІЕ**; в Син. тр.: **ВЪЗДВИГ-**

⁴⁰ В 2* вместо *прѣдати* стоит *повѣдати*, что подкрепляет указанное выше значение *прѣдати*.

⁴¹ В памятнике имеется также несколько сочетаний, в которых *прѣдати* соответствует современному *передать*. Сочетания означают «подвергнуть какому-либо действию», «привести в какое-либо состояние» и являются сохранившимися до настоящего времени кальками с греческого: *ангели... тѣ... свѣтлому огню предадѣти.* 362. 24 — ... *ἄγγελοι... σε τῷ αἰνίῳ πυρὶ παραδῶσους* (147); *предати телеса земли.* 371. 33 — *τὸ σώμα τῆγῆ παραδῶναι.* (150).

⁴² В I редакции «Жития Нифонта» также есть 5 сочетаний с глаголом *посылать*, но лишь с конкретными существительными — названиями лиц. Вероятно, этот глагол не был широко распространен в том болгарском диалекте, который лег в основу перевода «Жития Нифонта». В современном болгарском языке нет присущих всем другим славянским языкам производных от праславянского* *posylati* и есть только производные от прасл.* *puskati* (**puskajati* — *пускам/пушам, пуска*).

⁴³ В Сл. р. яз. *воздвигать* — строить что-либо высокое, сооружать, возводить.

НЖТИ СИЛЖ; Срезн.: *въздвигнути крамолоу* («Творения Григория Назианзина», XV в.), *въздвизати гоненія* («Чтение о житии... Бориса и Глеба», XIV в.). Круг абстрактных существительных, сочетающихся с глаголом *воздвигнуть*, в современном русском языке заметно сузился, остались только *воздвигнуть гонение, нелепость, обвинение, подозрение* и т. п.⁴⁴

2. **Погоубити.** Из 15 сочетаний шесть — с абстрактными существительными: *погоубити мздоу, память, радость, свѣтъ, славоу, чьсть*. См. также в Сав. кн.: НЕ ПОГОУБИТИ МЪЗДЫ, Срезн.: *погоубити волость* (Ипатьевская летопись), *оумъ* (Рязанская кормчая, 1284 г.). Общее значение этих сочетаний: «утратить что-либо», «лишиться чего-либо» — характерно и для современного русского языка.

3. **Съкроушити.** Всего 15 сочетаний, из них с абстрактными существительными — шесть. Все они, как и в современном русском языке⁴⁵, означают «уничтожать что-либо»: *съкроушити доухъ боязни, мытоимство, неприязниныя начатъкы, отълчение, злыи помыслъ, силоу*. По свидетельству Срезневского, подобное сочетание встречается в Минее 1096 г.: *съкроушаща лъсти неизвѣстное существо*.

4. **Творити / сътворити.** С абстрактными существительными абсолютное большинство сочетаний — 130 из 141. Глагол **с(ъ)творити** в древних памятниках был распространен значительно шире, чем в современном русском языке. Все словосочетания глагола **творити** с абстрактными существительными можно в соответствии с их судьбой в современном русском языке разбить на четыре группы: а) сочетания, сохранившиеся без существенных изменений до настоящего времени; б) сочетания, в которых глагол **творити** вытеснен другими *verba faciendi* (*выполнить, делать, причинить, производить, совершить, создать, устроить* и пр.); в) сочетания, в которых вместо **творити** выступают не *verba faciendi*, а другие глаголы; г) сочетания, которым соответствуют одиночные глаголы⁴⁶.

К первой группе относится 17 словосочетаний. Следует иметь в виду, что они сохранились лишь в специальных, не имеющих широкого распространения стилевых разновидностях речи: *(съ)творити добро* (3), *милостыню* (4), *молитвоу* (10).

Ко второй группе относится 60 сочетаний: *(съ)творити безаконие, бецъстие, благодать* (2), *благое, болѣзнь* (*Зимою намърше от наготы болѣзнь емоу тяжькоу творяхоу*. 329. 23—30), *волю* (2), *грѣхъ* (7), *дѣло* (4), *заповѣди, зѣло* (3), *знои* [*Весною приемлетъ лѣто и знои великъ творить*. 287. 28—29 — τὸ ἔαρ διαδέχεται θερος καὶ σὼνα πολὺν ποιοῦν (64)], *коуплоу* (2), *крамолы* (*И начаша и ти люди възмоушати крамолы творяще*. 347. 27—28), *литоургию* (2), *лоукавна* (2), *наимы* (2), *насилие, пагоубоу* (2), *пакости* [*Понеже... многы пакости створи*. 382. 17 — ὅτι πολλα... δαμάζει ἡμᾶς (159)], *подвигъ* [*Мы бо чада твоя подвигъ створихомъ*. 344. 7—8 — ἡμεῖς γὰρ τὰ τέχνα σου ἀγωνίζομεθα (128)], *поимъ* (*На небо бо възшьдѣ поимъ творить на ны къ вышнему богу*. 315. 8—9), *показание* (т. е. «наставление», «увещание»), *разбои, сказание, слоужьбоу, споны* (т. е. «помехи», «препятствия»), *стоудень* (т. е. «стужу»), *оугодная* (5), *хотѣние, хыщение, чины* (2) [*Ты еси створилъ чины небесныхъ силъ*. 334. 1 — ὁ ποιήτας τὰ γράματα... ἐποράνιον δυνάμεων (116)], *шюмъ* [*Възрѣвѣ видѣ рѣкоу огнюноу шюмъ великъ творящу*. 299. 1 — βλέπει ποταμὸν πυρός ἀπεστελοῦντα (75)].

Третью группу составляют 16 сочетаний, в составе которых в современном русском языке выступают вместо **творити** разнообразные гла-

⁴⁴ Эти сочетания по непонятной причине отсутствуют в Сл. р. яз.

⁴⁵ *Сокрушитъ авторитет, власть, силу, усилія* и т. п.

⁴⁶ Особую группу составляют сочетания **творити** с местоимениями *се* (3) и *что* (20), которые нельзя распределить по указанным выше рубрикам.

голы в смысле «внушить»: *творити страхъ, оужасъ* [Великъ бо страхъ и оужасъ творитъ видяцимъ его. 295. 24—25 — ποῦν φόβον καὶ τρόμον ἐμποιεῖ τῷ θεωροῦντι αὐτόν (72)], «дать»: (сѣ)творити знаменья (3); «доставить»: *творити радость, сладость; «нанести»: творити раны. Стрелюща от премногихъ тѣхъ ранъ, еже себѣ... творяше.* 253. 23—24; «оказать»: [(сѣ)творити милость (3), чьсть; «ощущать»: *творити похоть* (т. е. «страсть») [Творю похоть еже мя въ огонь влечеть. 321. 4—4 — ποιῶ τὴν ἐπιθυμίαν τὴν εἰς πῦρ με ἔλκουσαν (107)], «получить»: *творити приходы* [Приходы творяще во премирстемъ (sic) дому. 240. 29—30 — ἐχόντων δὲ τὰς διατριβάς πρὸς τὸν θαλασσωδῆ οἶκον (4)], «принести»: *сѣтворити пользоу* [Кую ти пользоу та створиши вьсегда. 327. 13 — τί σοι προσῆξήσῃ ταῦτα νό» ἀδεῶς (113)], «удовлетворить»: *творити потребу. Иди оубо диаволе тамо идеже чловѣци потребу чрѣвноую творять.* 255. 13—15.

К четвертой группе относится 14 сочетаний. Они в свою очередь делятся на 2 подгруппы: а) более или менее удачные кальки: *творити запрѣщение, память* (4) (т. е. «поминать» — ποιῶν μνησίαν), *помыслъ, свѣтъ, шьствие*; б) своеобразные славянские эквиваленты греческим одиночным словам: (сѣ)творити *блудъ* (πορνείαν), *брань* (νικῶν), *льсть* (θολοῦν), *премлюбы* (προμηθεύειν), *тѣщеславие* (2) (κνωδοξείν). В других памятниках старославянского языка глагол **творити** также сочетается преимущественно с абстрактными существительными. Подсчеты по четырем памятникам дают следующие результаты:

Памятник	Всего сочетаний с глаголом творити	Сочетаний с абстрактными существительными	%
Синайская псалтирь	86	75	87,2
Синайский требник	74	52	70,3
Саввина книга	92	51	56,1
Сборник Клотца	63	59	93,7
Всего	315	237	75,3 ⁴⁷

По количеству сочетаний с абстрактными существительными «Житие Нифонта» (92,2%) ближе всего к поучениям (Сб. Клотца) и дальше всего отстоит от евангелия (Сав. кн.).

В указанных выше памятниках старославянского языка и в словаре Срезневского имеются многочисленные примеры, иллюстрирующие все четыре группы сочетаний глагола (сѣ)творити с абстрактными существительными, встречающиеся в «Житии Нифонта». В них, а также во многих церковнославянских памятниках XI—XII вв. наблюдается противопоставление глагола (сѣ)творити глаголу създати, который сочетается преимущественно с конкретными существительными⁴⁸. В «Житии Нифонта» глагол създати отсутствует, и сочетания verba faciendi с конкретными существительными вообще встречаются очень редко. Приведенные выше примеры говорят о большом разнообразии греческих соответствий (сѣ)творити, что свидетельствует о значительном своеобразии этого глагола.

5. К менее частотным verba faciendi относятся дѣлати, дѣяти и свършити. Они не отличаются по сочетаемости от (сѣ)творити: *дѣлати*

⁴⁷ При уровне значимости 95 этот показатель можно считать действительным для старославянского языка в целом с относительной ошибкой $\pm 12,9\%$. Вычисление производилось по формуле $S = \frac{Z_p}{\sqrt{NP}}$, где S — относительная ошибка, Z_p — константа, равная при уровне значимости 95—2, N — размер выборки (315), P — частота явления в данной выборке (75,2%).

⁴⁸ См. М. М. Копыленко. Фразеологические явления. . . , стр. 152—155; *его же*. О языке древнерусского перевода. . . , стр. 167—170; *его же*. Об устойчивости. . .

*дѣло, разбои*⁴⁹; *дѣяти молитвою, свершити всячьская, желание, обѣтъ*. Особенность представляет лишь *свершити епископство*, означающее «возвести в сан епископа»: *Свершиша епископство блаженнаго*. 366. 25—27 — *ἐπετέλεσαν τὴν ἐτρονιάσιον τοῦ μακαρίου* (145).

Интересно, что приведенные выше сочетания с глаголом **свершити** в современном русском языке невозможны в глагольно-объектной, но возможны в глагольно-субъектной конструкции. Нельзя сказать «совершить все, желание, обет», но можно — «с(о)вершилось все, желание», «свершился обет».

IV. Глаголы перемещения (влагати / вложить, навести / наводить, нести, положить, принести / приносить)

1. **Влагати / вложить**. Из 17 сочетаний 13 — с абстрактными существительными. В сочетаниях с этим глаголом дистрибутивной формулой с обязательными компонентами⁵⁰ является не Г С вин., как во всех предыдущих случаях, а Г С¹ вин. в С² вин. Это значит, что сочетание *влагати смѣхъ* само по себе еще не дает удовлетворительного смысла и нуждается в распространении — *въ оухо*. Поэтому мы будем приводить в этой рубрике не двухэлементные, а трехэлементные сочетания.

За исключением одного случая (*влагати милостыню в роуцѣ*), сочетания с глаголом **влагати / вложить** означают «пронизать, наполнить чем-либо»: *влагати веселие въ сърдце, виноу въ ня, ереси в сърдце, каже-ние въ ноздри, лоукавьство въ слоухы, пронырьство в сърдце, рассмотрение въ оумъ, словеса въ оуши, смѣхъ въ оухо, страхъ в сърдце, хоулоу в сърдце, шьпѣты в оухо*. См. аналогичные сочетания — Син. пс.: **ВЪЛОЖИТИ ПЪСНЪ** (и **ПЪНЪЕ**), **ВЪ ОУСТА**; Син. тр.: **ВЪЛАГАТИ ОУМЪ ВЪ СРЪДЦЕ**; Сл. ЧАН: **ВЪЛОЖИТИ СЪНЪ ВЪ АДАМА** (Паремейник Григоровича и др.); Срезн.: *Бѣси. . . влагаютъ помысль в челоуѣка* (Повесть временных лет); *Законъ дастъ Моисею и уемъ отъ духа его вложи въ избранные старуѣ* («Сказание о черноризчѣстѣмъ чину», 1280 г.). Судя по Сл. р. яз. и по «Словарю современного русского литературного языка» т. II. М., 1951, стб. 427), в настоящее время заметно сузился как круг С¹вин., так и круг С²вин., сочетающихся с глаголом *влагать / вложить*. Произошло это из-за устранения обычных для памятников древности мифических субъектов (бога, ангелов, бесов) и соответствующих сюжетов⁵¹.

2. **Навести / наводить**. Всего десять сочетаний, из них четыре — с абстрактными существительными: *навести / наводити бестрастие, себѣтъ, смѣръть, тьмоу*. Аналогичных примеров нет в обследованных нами памятниках старославянского языка, но много у Срезневского: *Аще кто роугания наведеть* (Ефремовская кормчая, ок. 1100 г.); . . . *великую нелюбовь сами наводятъ на себе* (Псковская I летопись и пр.). Некоторые из этих сочетаний послужили основой формирования сочетаний современного русского языка: *навести грусть, скуку, страх, тоску, ужас, чары*⁵², имеющих общее значение «внушить, вызвать что-либо».

3. **Носити**. Всего 12 сочетаний, из которых с абстрактными существительными — три: *носите любѣвь, смѣрение* [*Гряди къ мнѣ доуше носящи*

⁴⁹ Интересно сочетание с конкретным существительным *дѣлая виноградъ*. 301. 26—28 (в значении «работая в винограднике») — *ἐργαζόμενος ἐν τῷ ἀμπελῶνι* (77).

⁵⁰ О понятии дистрибутивной формулы см. Ю. Д. Апресян. О понятии и методах структурной лингвистики. — Сб. «Проблемы структурной лингвистики». М., 1962, стр. 145—149.

⁵¹ См. о сходном явлении в разделе о глаголе *вдати/дати/дайти*, стр. 153.

⁵² См. Сл. р. яз.: «(Бессонов) был действительно способен навести ужас» (В. Гаршин. Надежда Николаевна); «На их игру глядел. . . Лещенко, унылый человек сорока пяти лет, способный одним своим видом навести тоску» (А. Куприн. Поединок).

мое смѣрение и любовь. 381. 16—17. Δεδρο πρὸς με ψυχῇ ἢ φοροῦσα τὴν ἐρήν ταπεινωσιν (157)], образъ. И се миноваше чърньць чърмьнъ ангельский образъ нося. 296. 17—18. Аналогичных примеров нет в старославянских памятниках и у Срезневского. Нам представляется, однако, что они приобрели развитие в последующей истории русского литературного языка. Сочетания носить любовь, смѣрение ассоциируются с современными носить отпечаток (черты, характер) любви, смирения, а носить образъ — с современными носить имя, звание, чин. Обращает на себя внимание тот факт, что носить образъ не является прямым соответствием греческому ἔχειν εἶδος («иметь образ»), что говорит в пользу своеобразия славянского сочетания.

4. Положити. Из десяти сочетаний два — с абстрактными существительными: положити покаяние [. . . положи три покаяния къ богу. 321. 11—12 — . . . βάλλει τρεῖς μετανοίας τῷ Θεῷ (107)] и положити оумъ (Положи же оумъ свой попециса о просящемъ. 242. 32). Второе сочетание имеет несомненную связь с современными положить душу, жизнь, труд, усилия. Древность этих сочетаний подтверждается примерами из памятников: ПОЛОЖИТИ ДОУШЖ (Син. пс., Сав. кн.); Срезн. Иже положи доушу свою за люди своя («Чтение о житии Бориса и Глеба», XIV в.); О семъ азъ смиренны много труда положилъ о показахъ («Духовная митрополита Фотия», 1431 г.).

5. Принести / приносить. Из 22 сочетаний восемь — с абстрактными существительными: приносити грѣхы. Двашьды и тришьды и четыришьды приношу предъ ся грѣхы своя. 284. 21—22, жьртвоу (2), молитоу (4), поклоняния, чьсть. За исключением первого, все они обозначают действие, названное существительным. Такие сочетания имеются в Син. пс.: ПРИ-НЕСТИ ЧЕСТЬ; в Син. тр.: ПРИНОСИТИ СЛОУЖЪБЖ; в Сав. кн.: ПРИНОСИТИ СЛОУЖЪБЖ; в Сб. Клотца: ПРИНОСИТИ ЖРЪТВЖ и у Срезневского (т. II, стб. 1438): приносити жьртвоу, исцѣление, молитвоу, слоужьбоу. Ср. и в современном русском языке: принести / приносить благодарность, жертву, клятву, облегчение и т. п.

V. Глаголы восприятия (verba sentiendi) (видѣти, зрѣти, слышати)

1. Видѣти. Этот глагол сочетается преимущественно с конкретными существительными (с абстрактными — только шесть сочетаний из 74): видѣти грѣхъ, животъ (2). Мъртвию живота не имоуть видѣти. 359. 16, сьнъ, смѣрение, таиноу. См. аналогичные сочетания в Син. пс.: ВИДѢТИ СЛАВЖ, СЪМЪРЕНИЕ, ТРОУДЪ; в Син. тр.: ВИДѢТИ КРАСОТЖ; в Сав. кн.: ВИДѢТИ ВЪРЖ, СЛАВЖ, КОНЪЧИНЪ; в Сб. Клотца: ВИДѢТИ БЕЗАКОНЪЕ, БЛАГОДВЪТЪ, БЕЗОУМЪЕ, ЧЮДЕСА. Все эти сочетания имеют значение «сознавать, понимать, чувствовать что-либо», «находить, обнаруживать что-либо». Они широко распространены и ныне в русском языке.

2. Зрѣти. Этот глагол не отличается от видѣти ни по греческим соответствиям, ни по сочетаемости. Различие состоит лишь в том, что он употребляется значительно реже, чем видѣти⁵³. Из 21 сочетания с абстрактными существительными — пять: зрѣти безакония, красоту, наслаждения, сладости, оухьщурения. См. аналогичные сочетания в Сб. Клотца: ЗРѢТИ БЕЗОУМЪЕ, ДРЪЗОСТІ, ЧЛОВЪКОЛЮБЪ-СТВЪЪ. В настоящее время глагол зрѣти вышел из употребления.

3. Слышати. В данном случае нецелесообразно принятое нами деление на сочетания с конкретными и абстрактными существительными.

⁵³ В Син. пс. (около 30 000 словоупотреблений) нет ни одного случая употребления глагола зрѣти; в Сав. кн. и Син. тр. он встречается по одному-два раза.

Дело в том, что изначальной, предметно-логической основой сочетаний с глаголом *слышати* является восприятие звучания (см. примеры из нашего памятника: *слышати голосъ, пѣснь, смѣхъ, шумъ* и т. п.). Регистрация этого процесса является высокой степенью абстракции, а метонимическая замена абстрактного наименования звучания наименованием конкретного лица («Я слышу голос» — «Я слышу его голос» — «Я слышу его») — вторичное явление. Вторичен также перенос наименования восприятия на слово, обозначающее содержание того, что услышано («Я слышу голос» — «Голос сообщает о тайне» — «Я слышу тайну»). Именно такие сочетания мы и должны рассматривать под тем же углом зрения, под каким рассматривались сочетания глаголов с абстрактными существительными во всех предшествующих случаях. Таких сочетаний шесть (из 21): *Слышати коньць, мученія, наказанье, таиноу* (2), *чудо*. Ср. в Син. пс.: СЛЫШАТИ КРОГОСТЬ, РАЖЕНЬЕ (в значении «порицание»); в Син. тр.: СЛЫШАТИ СЖДЪ. См. также многочисленные примеры: Срезн., т. III, стб. 437—438. Все эти сочетания означают: «иметь какие-либо сведения, знать о чем-либо». Распространены они и в современном русском языке⁵⁴.

4. К менее частотным сочетаниям данной семантической группы относятся сочетания с глаголом *въняти*. Этимологически это глагол присвоения. Но преимущественное употребление с наименованиями звучаний превратило его в глагол восприятия⁵⁵. В этом значении он выступает уже в древнейших памятниках письменности. С обозначением содержания воспринимаемого *въняти* употребляется дважды: *въняти молитвоу* и *въняти писание*. В современном русском языке употребляется только конструкция с дательным падежом: *вънять призыву, просьбе, уговорам* и т. п.

Подведем некоторые итоги. Всего рассмотрено 50 семантических групп сочетаний, образуемых 25 глаголами, имеющими частотность десять и более, и шестью глаголами меньшей частотности. Из них 19 групп сохранили свои конструктивные и семантические черты в современном русском языке⁵⁶ (например: *имѣти власть*⁵⁷, *хранити таиноу, дати отвѣтъ, съкроушити силоу*), шесть групп сохранились лишь в архаическом или книжном употреблении (например: *обрѣсти покои, приняти казнь*), девять групп претерпели конструктивные изменения в современном русском языке (например: *възяти грѣхъ, държати чинъ, дати слово яко, творити подвигъ*⁵⁸), пять групп претерпели семантические изменения⁵⁹ (*дати радость, подати силоу, въложити веселие въ сърдце, носити образъ, положити оумъ*) и 11 групп не сохранились вовсе (например: *държати часы, прияти оусердие, дати слово на. . ., поуштити помощь*).

⁵⁴ Чаще, однако, употребляется модель «слышать о чем-либо». О различиях между этими моделями и о характере их употребления см. *Н. И. Букатович. Опыт исторического изучения предлогов и предложных сочетаний в русском литературном языке, ч. II. Одесса, 1953, стр. 24—27.*

⁵⁵ См. *М. М. Копыленко. О сочетаемости глаголов присвоения в старославянском языке. — Сб. «Первая республиканская межвузовская лингвистическая конференция». Фрунзе, 1966, стр. 153.*

⁵⁶ О полном сохранении значения говорить, разумеется, нельзя, поскольку расширился или сузился круг существительных, сочетающихся с тем или иным глаголом. Имеются в виду случаи, когда существительные сохранили принадлежность к прежнему семантическому полю.

⁵⁷ Каждое из приводимых здесь сочетаний является представителем семантической группы сочетаний.

⁵⁸ В данном случае конструктивным изменением мы считаем замену глагола *творити* другими *verba faciendi*.

⁵⁹ Семантическим изменением считаются существенные сдвиги в структуре семантического поля сочетающихся с глаголами существительных. Эти сдвиги могут возникать, в частности, в связи с изменениями в составе субъектов высказываний. (см. выше о глаголах *дати* (стр. 153) и *въложити* (стр. 158).

Таким образом, 39 из 50 семантических групп сочетаний с неоднородными глаголами «Жития Нифонта» связаны со словосочетательными моделями современного русского языка. Эта связь в большинстве случаев подтверждается аналогичными примерами из старославянских и церковнославянских памятников письменности. Из этого явствует, что сочетания лексем входят важной составной частью в «тот густой слой церковнославянских элементов, который сохранился в нашем литературном языке до сих пор»⁶⁰.

Рассмотренные нами сочетания во многих случаях повторяют греческие образцы. Вместе с тем сопоставление сочетаний оригинала с переводами позволяет выявить своеобразные черты славянской сочетаемости. Наиболее ярко особенности выступают тогда, когда одиночному греческому глаголу в переводе соответствуют сочетания (например *σημαίνειν* — *дати разумъ*, *λυμαίνειν* — *имѣти вѣдѣ*, *πιστεύειν* — *имѣти (яти) вѣроу*, *πορεύειν* — *творити блодъ*⁶¹). Но не менее показательны случаи, когда одному славянскому глаголу, образующему ряд сочетаний, в оригинале соответствует множество глаголов или иных способов выражения данного значения (например: *не имамъ крѣпости* — *οὐκ ἔστι μοι ἰσχύς*, *ширыню и дѣлготоу имы* — *ἐκτεταμένως εἰς πλάτος καὶ μῆκος*, *дѣрзновение имѣти* — *παρρησιαίεσθαι*, *якоже обычаи имаше* — *ὡς ἔθος*, *надежю имамъ* — *ἐλπίζω*, *не имамъ силы* — *οὐκ ὑπάρχει μοι ἰσχύς* и т. д.). Подобная избирательность греческих сочетаний не может быть случайной. Возможно, что какие-либо из славянских эквивалентов восходят к греческим сочетаниям. Но последовательное употребление их вне зависимости от оригинала, включение их в парадигматическую систему сочетаний данного глагола с данным семантическим кругом существительных говорит о том, что они глубоко усвоены носителями языка, что они стали неотъемлемой частью славянской словосочетательной системы.

Дальнейшее изучение переводных памятников письменности с этой точки зрения представляется нам чрезвычайно плодотворным и перспективным.

⁶⁰ А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., 1941, стр. 71.

⁶¹ Некоторые из таких переводов встречаются при этом не абсолютно во всех случаях, но они наиболее вероятны.

В. Д. ЛИХАЧЕВА

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ИКОНОГРАФИЧЕСКОГО КАНОНА И ХУДОЖЕСТВЕННОГО СТИЛЯ В ПАЛЕОЛОГОВСКОЙ ЖИВОПИСИ ВИЗАНТИИ

Проблема взаимодействия иконографических и стилистических черт представляется важной и актуальной для истории средневекового искусства. Нравственные и философские критерии искусства средних веков обуславливают тесную связь иконографического канона и стиля. Не принимая ее во внимание, трудно понять внутренний духовный смысл памятника. В союзе канона и стиля заключена существенная и обязательная черта каждого средневекового произведения. Игнорирование этого единства часто приводит к модернизации памятников. Речь идет не только о том, что каждое произведение следует рассматривать, отмечая его иконографические и стилистические особенности в их взаимодействии: вопрос о взаимодействии стиля и иконографии имеет другой, более широкий аспект.

К чему приводит исследование памятников искусства только с их иконографической стороны, без разбора художественного стиля, было продемонстрировано В. Н. Лазаревым¹ на примере критики теории Г. Милле о школах. Разграничивая памятники палеологовской живописи по их принадлежности к критской и македонской школам, Г. Милле², как показал В. Н. Лазарев, учитывал лишь особенности иконографии. Вслед за Г. Милле А. Ксингопулос³ также берет за основу исключительно иконографический принцип, производя разделение произведений искусства на школы Константинополя и Солуни.

К наименьшим неточностям и ошибкам приводит изучение произведений искусства только по художественным особенностям стиля. В каталоге к выставке византийской живописи, открытой весной 1964 г. в Афинах⁴, при датировке многих произведений был применен стилистический метод. При этом иконографические признаки не рассматривались. В результате появились ошибочные датировки. Так, икона «Рождество Богоматери» Баварского музея в Мюнхене середины XV в. была ошибочно отнесена к XVI столетию.

В последнее время в связи с повышением интереса к проблеме взаимоотношения Константинополя и национальных школ в истории искусства

¹ V. Lasareff. Byzantine Icons of the fourteenth and fifteenth Centuries. — «The Burlington Magazine», 1937, № 71, p. 249; В. Н. Лазарев. — История византийской живописи, т. I, 1947, стр. 211—213.

² G. Millet. Recherches sur l'icônographie de l'Évangile aux XIVe, XVe et XVIe siècles. Paris, 1916, p. 630—687.

³ A. Xyngopoulos. Thessalonique et la peinture macédonienne. Athènes, 1953.

⁴ «L'art byzantin, l'art européen». — «9-me exposition du Conseil de l'Europe». Athènes, 1964, p. 259, № 195.

Византии особенно остро встал вопрос о необходимости изучать каждое произведение в единстве его стилистических и иконографических особенностей. Метод всестороннего анализа, иконографического и стилистического одновременно, при датировке памятников и определении национальной принадлежности их авторов был, например, продемонстрирован на Охридском конгрессе 1961 г. в выступлениях многих искусствоведов⁵.

Но дело не только в том, что надлежит исследовать стиль и иконографию каждого памятника. Для определенного периода византийского искусства представляется особенно важным изучение общих законов взаимодействия художественного стиля и иконографического канона. Соотношение стиля и канона все время меняется. Оно различно в разные эпохи.

В какой-то мере вопрос о взаимоотношении канона и стиля в византийском искусстве есть вопрос о появлении в нем ренессансных и преренессансных черт. Один из важнейших признаков новой ренессансной живописи в Италии — преобладание в ней стилеобразующих моментов над иконографическими. Канон постепенно уступает место стилю. Тем самым растет живописное начало в искусстве. То же может быть замечено в византийской живописи эпохи Палеологов, которая, впрочем, в силу ряда внутренних и внешних причин не могла приобрести значение итальянского Ренессанса. Изучение взаимовлияний стилистических и иконографических особенностей необходимо, следовательно, для уяснения правильной исторической перспективы и сущности самого процесса развития византийской живописи.

Если не рассматривать византийское искусство с указанной точки зрения, то это может привести к тому, что многие черты иконографического канона будут приниматься за стилистические особенности определенного времени и наоборот. Необходимо иметь в виду, что одно и то же явление в разные эпохи может попеременно приобретать значение то стиля, то канона. Возьмем, к примеру, тему Рождества Христа, в которую включается сцена омовения. Этот эпизод всегда изображается с большой непосредственностью и наблюдательностью. Он может показаться одной из черт стиля живописи, ее любовью к деталям быта. Но, появившись в искусстве как явление стиля (первый известный пример сцены омовения находился в оратории Иоанна VII в Риме)⁶, этот эпизод, о котором нет упоминания в письменных источниках, стал совершенно обязательным в теме Рождества Христа и превратился в необходимый элемент ее иконографической композиции. Та же эволюция произошла с изображением в сцене Воскресения Лазаря одного из зрителей отвернувшимся и затыкающим себе нос. Его жест, такой жизненный и верно увиденный, стал к XI в. обязательным и превратился в канон.

Естественно, что связь иконографического канона и стиля в каждый период истории искусства, в частности византийского, осуществляется различно. Она проходит по ряду путей. Значение и активность каждой из сторон взаимосвязи имеют строго обозначенные формы в ту или иную эпоху. При этом для каждого определенного периода следует выяснить, какие черты более активны: иконографические или стилистические. Так, для искусства XI—XII вв., когда только что сложился и определился канон, ведущими были, несомненно, иконографические моменты.

Для истории изобразительного искусства имеет значение вопрос влияния канона и стиля друг на друга. Как и все искусство в целом, он связан

⁵ В. Н. Лазарев. Живопись XI—XII веков в Македонии. — «XIIe Congrès International des Études Byzantines». Belgrad—Ochrid, 1961, p. 107. См. рецензию: И. Дуйчев. Извращаване на византийско-славянските културни отношения. — ИП, 1964, стр. 105.

⁶ P. J. Nordenhagen. The origin of the washing of the child in the nativity scene. — BZ, 54, 1961, S. 336.

с проблемами истории и философии своего времени. Однако в данной работе, относящейся только к искусству Палеологов, будут рассмотрены пути взаимодействия художественного стиля и иконографического канона палеологовского времени без особого внимания к их связи с историей и философией XIII—XV вв. Их отношение к общественным явлениям своего времени соответствует зависимости всего палеологовского искусства от развития общественной мысли XIII—XV вв. Эта важная проблема, которая до сих пор мало изучена ⁷, представляет тему специальной большой работы, предполагающей исследование трудов философов и богословов палеологовской эпохи, сочинения которых в большинстве своем еще не изданы.

В истории византийского искусства палеологовский период — один из самых сложных. Основные проблемы, по которым ведутся в науке споры, касаются генезиса искусства XIII—XV вв., деления его на национальные школы и так называемого Палеологовского ренессанса. Изучение этих трех проблем тесно взаимосвязано. В ходе исследования были охарактеризованы основные черты, определяющие стиль и канон палеологовского времени, но совершенно не затрагивался вопрос об их взаимодействии.

Иконографический канон, действие которого в Византии было особенно сильным, обуславливал не только общую композицию изображения, но и размещение деталей и их окраску. С другой стороны, колористическое решение всего произведения, манера письма, роль линии, особенности рисунка, выражающиеся в пропорциях фигур, чертах лиц, в соотношении элементов композиции, зависели не от канона, а от стиля времени, в которое создавался памятник живописи, и от индивидуальности автора.

Иконографический канон вводил в изображение не только те детали, которые упоминаются в письменных памятниках, служивших руководствами для художников (священное писание, его толкования и пр.). Обязательными стали многие элементы, первоначально вошедшие в композицию по воле отдельных живописцев и со временем закрепленные традицией. Традиция изображения выходит за пределы письменных свидетельств. Она рождается иногда в самой иконописи. Сцена омовения новорожденного в Рождестве Иоанна Предтечи не описывается ни в одном из письменных памятников, но иконописный подлинник XVII в., повторяющий более ранние образцы, возводит эту сцену в канон ⁸. Ей придается символическое значение, связанное с будущей миссией Иоанна Предтечи, с его назначением Крестителя. Иконописные подлинники, среди которых для изобразительного искусства имели большое значение лицевые ⁹, создавались для поддержания канона и его сохранения.

Определяя место действия, окраску деталей, роль отдельных элементов композиции, канон отмечал значение той или иной сцены. В сценах праздничного цикла обычно большое место отводилось абстрактному фону, подчеркивавшему важность темы. Торжественные позы апостолов в сценах Сошествия святого Духа служили той же цели. Мандорла вокруг Христа в Преображении обозначала центр композиции, по отношению к которому располагались все персонажи, и во многом определяла характер всей сцены. Введение пейзажа в теме Бегства в Египет придавало изображению интимный характер. Ту же роль выполняло изображение многочисленных светских персонажей в темах Входа Господня в Иерусалим, Неверия Фомы. Канон с помощью отдельных обязательных элементов композиции созда-

⁷ H. W. Haussig. *Kulturgeschichte von Byzanz*. Stuttgart, 1959; P. A. Michelis. *Esthétique de l'art byzantin*. Paris, 1959; B. Tatakis. *La philosophie byzantine*. Paris, 1959; G. Mathew. *Byzantine Aesthetics*. London, 1963.

⁸ O. Denys de Fournas. *Manuel d'iconographie chrétienne*, ed. A. Papadopoulos-Kerameus. St.-Petersbourg, 1909, p. 175.

⁹ R. Oertel. *Wandmalerei und Zeichnung in Italien*. — «Mitteilungen des Kunsthistorischen Institutes in Florenz», V, 1940.

вал в изобразительном искусстве иерархическую лестницу, по которой располагались все темы. Он служил вместе с тем системой знаков, имел значение идеографического истолкования темы, хотя закреплял иногда случайные и чисто традиционные детали.

Эта роль канона в определении общего, «скрытого» значения сцены среди других эпизодов христианской истории в византийской живописи палеологовской эпохи сохраняется от более старого времени, но, кроме того, возникают новые, более конкретные канонические элементы, выполняющие эту же задачу. Одновременно, как ни странно, общее значение иконографического канона как обязательного руководства ослабевает. Канон обогащается, усложняется, но одновременно теряет свою силу и строгую обязательность.

Взаимоотношение канона и стиля развивается в палеологовский период по нескольким линиям, которые весьма сложны и для некоторых тем имеют индивидуальные особенности. Прежде чем обратиться к ним, следует определить черты стиля живописи и иконографического канона XIII—XV вв.

В литературе по византийскому искусству¹⁰ уже неоднократно отмечалось, что в это время иконография значительно изменяется. Например, в сцене Распятия тело Христа начинают изображать сильно изогнутым. Стоящую рядом с ним Богородица художник впервые представляет теряющей сознание. В композиции Рождества Христова Мария целует или кормит грудью младенца, а не безучастно возлежит, как ранее. В изображении Умиления младенец теснее прижимается к матери. Впервые в искусстве появляется Богородица с младенцем в типе Взыграния. В сцене Преображения учеников Христа всегда представляют в порывистых позах. В изображении Оплакивания Богородица ласкает Христа. Иконография Евангелия расширяется за счет создания разнообразных повествовательных циклов, наполненных многочисленными деталями. Религиозные и светские элементы все теснее переплетаются¹¹.

Это расширение иконографических черт связано со стилистическими особенностями произведений палеологовского времени — изменениями в композиции, цвете, манере письма.

Перечисленные изменения стиля уже отмечались исследователями, как и то, что стиль палеологовской живописи отличается тенденция к ослаблению монументального начала. Художники все больше стремятся изобразить движение, усиливаются экспрессия¹². Человеческие фигуры композиционно объединяются с архитектурой и пейзажем. Окончательно исчезает подчеркнутая фронтальность изображений. Фигуры часто передаются со спины или показываются зрителю только частично¹³. Колорит становится радостнее¹⁴.

Для искусства XIII—XV вв. характерно введение живописного пространства. Каждая икона становится отдельным миром со своими внутренними соотношениями и атмосферой¹⁵. Манера письма становится свободнее и легче. Особое значение приобретает отдельный мазок. Вместе с тем цветовая моделировка по-прежнему заменяет световую. Палеологовские художники увлекаются многочисленными пробелами, золотыми шпательными. Для произведений искусства XIV—XV вв. типично сочетание различных точек зрения при изображении архитектуры, мебели, утвари¹⁶. Живописцы обычно совмещают принципы прямой и

¹⁰ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 167.

¹¹ G. Millet. Recherches sur l'Iconographie de l'Evangile. . . , p. 531, 688; Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin, v. II. Paris, 1926, p. 857, 858.

¹² G. Mathew. Byzantine painting. London.

¹³ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 210.

¹⁴ Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin, v. II, p. 739.

¹⁵ O. Demus. Byzantine mosaic decoration. London, 1947, p. 78.

¹⁶ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. I, стр. 165.

обратной перспективы в передаче рядом стоящих зданий. Эти особенности, на которые указывал еще Д. В. Айналов¹⁷, ясно видны в мозаиках Кахриэ-Джами¹⁸ (Рождество Богоматери, Благословение иереев и Ласкание Богоматери, Раздача пурпура). Нередко живописцы палеологовского времени отмечают объем предметов, произвольно изображая на них тени то справа, то слева, как будто для каждой вещи, представленной в одном произведении, имеется отдельный источник освещения. Подтверждением сказанного может служить манера изображения мебели и посуды на иконе «Рождество Иоанна Предтечи» собрания Государственного Эрмитажа (середина XV в.).

Все это, как мы уже сказали, указывалось в литературе, однако не отмечалось следующее. В изображениях, где канон играет только роль знака, детали изображаются обычно крайне схематично. Зритель должен только «узнавать» предмет. Поэтому для изображения дерева достаточно трех листьев на его ветках; изображения статуарны и плоскостны. В XIV же веке канонические и традиционные детали уже перестают быть только знаками предметов. Именно поэтому при их изображении возникают попытки вызвать иллюзию реальности, усиливается стремление к созданию впечатления, а не только знака.

Тем самым все большее значение придается индивидуальному, неповторимому, единичному, а не общему — каноническому. Проиллюстрируем эту мысль на нескольких произведениях из Эрмитажа и Публичной библиотеки.

Интерес к передаче настроения, появившийся в византийской живописи XIII—XV вв., ярко проявляется в теме Сошествия святого Духа на апостолов. До эпохи Палеологов художники не уделяли никакого внимания в этой теме индивидуальной характеристике каждого из апостолов. Они представляли учеников Христа всегда спокойно сидящими. Ровная линия, образуемая их прямо поставленными головами, подчеркивалась большими нимбами. Фигуры изображались на абстрактном золотом фоне. Архитектура вводилась редко. Палеологовские произведения на тему Сошествия святого духа отличает интерес к эмоциональной характеристике. Художник передает настроение персонажей подчеркнутой жестикulyацией, положением ног, постановкой голов. Передаче настроения способствует присущий всему византийскому искусству прием увеличивать выразительность лица, резко скашивая в сторону зрачки. Апостолы уже не только канонически обозначены, но отражен их внутренний мир. Канон сохраняется, но отступает на второй план. И тем не менее говорить о глубоком интересе к психологии, к изображению сложного внутреннего мира в византийском искусстве XIII—XV вв. еще не приходится.

В передаче общего настроения в теме Сошествия святого духа, в установлении связи между персонажами основную роль выполняет архитектура. Она составляет в палеологовских произведениях не нейтральный фон и служит не только для обозначения границ композиции. Архитектура активно участвует в создании эмоциональной характеристики всей сцены. В фресках Перивлепты в Мистре (XIV в.)¹⁹, в теме Сошествия святого духа, согласуясь с беспокойными движениями апостолов, архитектура подчеркивает драматизм, которым проникнуто все изображение. В построении зданий отсутствует единая точка зрения. Так же и в фреске Сошествия святого духа церкви Жиче в Югославии (начало XIV в.)²⁰ постройки, среди которых сидят апостолы, отличаются сложными нагромождениями форм и пестрой окраской деталей. Чувство волнения усили-

¹⁷ Д. В. Айналов. Византийская живопись XIV столетия. Пг., 1917, стр. 165.

¹⁸ P. Underwood. The Kahrije Djami. New York, 1966.

¹⁹ G. Millet. Monuments byzantins de Mistra, v. II. Paris, 1910, pl. 2 (124).

²⁰ G. Millet. La peinture du Moyen âge en Jugoslavie, fasc. I. Paris, 1954, pl. 3 (52).

вается изображением развевающихся по ветру многочисленных занавесей в дверях и окнах и перекинутых между зданиями велумов.

Иную, но все же новую, эмоциональную функцию выполняет архитектура, представленная на иконе Сошествия святого духа середины XV в. в соборной Государственной Эрмитажа²¹. Спокойствие и величие группы апостолов, с мудрой торжественностью воспринимающих событие, подчеркиваются строгим построением композиции. Архитектура в этом произведении представлена в четких объемах, очерченных прямыми линиями.

Сама тема Сошествия святого духа предоставляет живописцам большие возможности для характеристики каждого из действующих лиц и общего настроения всей группы. Художники передают различное отношение апостолов к происходящему²². Значение темы Сошествия святого духа среди других эпизодов христианской истории, выявляемое с помощью канона, осталось прежним, но изменились средства передачи важности события: до XIII в. это подчеркивалось золотым фоном, которому в композиции отводилось большое место, а в палеологовском искусстве на смену такому абстрактному символу пришли служащие той же цели чисто изобразительные средства. Они передают настроение каждого из персонажей и создают напряженную эмоциональную атмосферу с помощью выразительного архитектурного пейзажа.

Стилистические перемены в теме Сошествия святого духа происходят, таким образом, в результате того, что золотой фон утрачивает былое первостепенное, каноническое значение. Фигуры апостолов не составляют более в композиции орнаментального узора. Ученики Христа изображаются не сидящими невозмутимо на скамье, как раньше, а в свободных позах, выражающих их внутреннее состояние. Изменяется и цветовая характеристика. На смену узко ограниченному соотношению тонов, гармонирующих с золотом фона, и определяемой каноном окраске деталей приходят легкие живые колористические соотношения.

Итак, палеологовский стиль живописи, обусловленный передачей экспрессии, эмоциональной характеристикой персонажей, ослабляет значение канона и ведет к переменам в нем. Иконографическая композиция темы Сошествия святого духа, сложившаяся к XI в., изменяется за счет новой роли архитектуры, иных поз персонажей, отсутствия у них нимбов, свободного выбора цвета, зависящего от индивидуальных особенностей художника. От старой композиционной схемы сохраняется лишь изображение скамьи полукруглой формы, на которой сидят апостолы, и царя-космоса либо фигур, символизирующих различные народы мира. Художник больше ценит теперь единичное, индивидуальное, неповторимое, заботится о создании иллюзии реальности и даже там, где сохраняет канон, думает не столько о «знаке», сколько о впечатлении.

В XIII—XV вв. возникает и новое отношение художников к пейзажу. Пейзаж в произведениях палеологовской живописи также служит эмоциональной характеристике сцены. Он не безучастно определяет и «обозначает» место действия, как ранее, но приобретает активное значение. Это достигается переменами в художественном стиле: изменениями характера композиции, рисунка, разнообразием и живостью колорита, легкой манерой письма. Вслед за возникновением новых черт живописного стиля происходят перемены в иконографическом каноне. Роль пейзажа в художественной характеристике в каждом произведении зависит не только от индивидуальных особенностей художника, но и от его замысла.

Обратимся за примерами к миниатюрам рукописи Творений аввы Исайи Государственной публичной библиотеки гр. № 243 (1450 г.)²³,

²¹ Инвентарный номер Государственного Эрмитажа J 428, размер 73,5×46,7 см.

²² Деяния апостолов, II, 1—13.

²³ В. Д. Лихачева. Роль бытовых реалий и пейзажа в миниатюрах рукописи Государственной публичной библиотеки гр. № 243. — ВВ, XXVII, 1967.

созданным на сюжеты, не подвергшиеся канонизации, но в которых сохраняется, однако, «знаковая система» средневековья. Эта система, тем не менее, отодвинута на второй план. С помощью широких скал или высоких башен художник подчеркивает значительность персонажа, изображенного на их фоне (л. 19 v.), узкой полосой зеленой травы и одиноким тонким деревом придает сцене лирическое настроение (л. 23 г.), пышностью и разнообразием архитектурных деталей, их яркой окраской усиливает радостный смысл сюжета. Как обычно в произведениях искусства, цвет создает настроение. Мрачный характер изображения акцентируется с помощью черно-коричневого колорита построек (л. 35 v.). Те же по форме здания, но решенные в белых и красных тонах, подчеркивают радостное настроение (л. 39 v.).

В миниатюрах Творений аввы Исаяи пейзаж служит также усилению повествовательного характера композиций. Интимный оттенок придают беседе двух монахинь склонившиеся и как бы скрывающие их деревья с горизонтально вытянутыми кронами (л. 32 v.). Вертикальный торжественный ритм фигур монахов, прямо стоящих на одной линии и на равном расстоянии друг от друга, подчеркнут высокими и узкими деревьями между ними (л. 25 г.). Над обращенными друг к другу руками монахинь склоняются ветви деревьев (л. 6 г.). Очерчивающие их линии, идущие параллельно рукам, усиливают жесты. Пейзаж как бы участвует в повествовании, которое ведет миниатюрист. От «обозначения» к повествованию — этот путь византийской миниатюры четко отмечен рукописью Творений аввы Исаяи.

Миниатюры указанной рукописи позволяют выявить еще одну особенность живописи XIII—XV вв. Миниатюры тесно связаны с текстом, точно соответствуют ему, воспроизводя упомянутые там многочисленные детали. В тексте встречается слово *ἡ χύτρα*, означающее глиняный сосуд с двумя ручками. Таким его и изобразил художник на л. 52 v. На л. 61 г. воспроизведены большие пифосы, о которых идет речь в тексте. Воины на л. 44 v. представлены безбородыми, с короткими вьющимися волосами, потому что в тексте рассказывается о воспитании с молодых лет. Мы можем говорить в связи с этим об особой иллюстративности миниатюр, которой не знал греческий кодекс в предшествующие века. Появляется иллюстрация в собственном смысле этого слова. Допалеологовский миниатюрист осуществлял в своей работе лишь чисто внешнюю связь с текстом. Он изображал то, что надлежит представлять в связи с тем или иным сюжетом, и не стремился подробно раскрыть содержание текста. Обращаясь к той или иной сцене, он считался не с содержанием текста, а с существующим каноном. Между миниатюрой и текстом, таким образом, возникала лишь внешняя связь. Теперь же, напротив, миниатюрист руководствуется текстом, а канон лишь вводит его изображение в традиционные рамки. Для допалеологовского миниатюриста канон был основным руководством к изображению, а в XIII—XV вв. он превращается в его условие, не ограничивающее, но направляющее автора. Палеологовский живописец волен в выборе композиции и цвета своих иллюстраций, их места среди страниц текста. Его творческая фантазия проявляется и в том, что он теперь становится почти совершенно свободен в выборе сюжета каждой из своих иллюстраций. Живописец выступает отныне как читатель текста, свободно интерпретирующий его отдельные положения с помощью изобразительных средств. Он даже может несколько изменить значение текста, подчеркнув выбором иллюстрируемых мест ту или иную его идею. Таким образом, почти свободный от канона, который проявляется лишь в деталях, в следовании определенной «знаковой системе», миниатюрист получает при Палеологах большую инициативу.

Свобода миниатюриста не одинакова по отношению ко всем текстам. Тексты богослужебные, канонические были сильнее подвержены иконо-

графическим ограничениям, чем тексты с относительно редкими светскими сюжетами. Создание в XIII—XV вв. таких иллюстрированных рукописей, как Хроника Иоанна Скилицы Эскориала в Мадриде [5—3, № 2, XIII в., Творения аввы Исаяи Государственной публичной библиотеки гр. № 243, рукопись Иоанна Лествичника Венской Национальной библиотеки Theol. gr. 207 (ок. 1370 г.), не исключает существования одновременных им кодексов Евангелий, Псалтирей, Октатевхов, в которых канон был еще весьма ощутим.

Итак, время Палеологов в рукописной живописи отмечено появлением и широким распространением связанных с текстом иллюстраций. Однако совершенно неправильно утверждение, что в эту эпоху происходят изменения в иконографическом каноне всех сюжетов. Неверно думать, что допалеологовская живопись совсем не знала эмоциональности. Канон никогда не вытеснял стиля, живопись никогда не превращалась только в знаковую систему. Мы говорим об усилении эмоциональности и живописного начала, а не о появлении их. В свою очередь канон не исчезал, уменьшался лишь его удельный вес в композиции. Проиллюстрируем эту мысль на примере темы Успения Богоматери.

Горе, вызванное смертью ближнего, было основной темой этого изображения с начала сложения ее канона, т. е. с XI в. Иконография Успения Богоматери почти всегда подчинялась задаче, которая не стояла перед художниками в других сюжетах вплоть до эпохи Палеологов. Стремление придать эмоциональную характеристику изображению проявлялось в допалеологовский период в особенностях самого канона Успения Богоматери. Палеологовский стиль с его интересом к настроению соответствовал этому канону. Вот почему в произведениях времени Палеологов на тему Успения Богоматери эмоциональная сторона усиливается лишь за счет стилистических нововведений (манеры письма, колорита, рисунка), но не в результате канонических перемен. Канон остается без изменений.

Способы передачи горя в теме Успения Богоматери были всегда различны. Художники подчеркивали выразительность рук апостолов (пластина Баварского музея в Мюнхене, X—XI вв.²⁴, выражение глаз (мозаика в Дэфни, XI в.)²⁵, показывали фигуры повернутыми в разные стороны (икона монастыря св. Екатерины на Синае, XI в.)²⁶. Апостолов изображали или в сильном движении (фрески церкви Вознесения в Жиче, в Югославии, XIV в.²⁷, в церкви св. Климента в Охриде, XIII в.)²⁸ или в спокойном состоянии (фреска в Арилье, XIII в.²⁹, икона в Музее изобразительных искусств в Москве, XIV в.)³⁰. Но всегда основной идеей оставалось изображение горя. В связи с этим художники не интересовали детали: подробности обстановки и места действия могли отвлекать его от основной темы. В палеологовских произведениях на эту тему, в отличие от других сюжетов, архитектура также выполняет второстепенную роль. К деталям — к архитектуре, пейзажу — художник обращается только в тех сюжетах, иконографическая система которых не дает возможности достаточно полно выразить настроение.

То, что в общем процессе, происходящем в палеологовской живописи в результате взаимодействия иконографического канона и художественного стиля, существовали исключения, указывает на его сложность.

²⁴ D. Talbot Rice. The art of Byzantium. London, 1959, pl. 119.

²⁵ G. Millet. Le Monastere de Daphni. Paris, 1899, pl. XI (4).

²⁶ Γ. καὶ Μ. Σωτηρίων. Εἰκόνες τῆς μονῆς Σινᾶ, τ. Α', Ἀθήναι, 1958, εἰκ. 48.

²⁷ G. Millet. La peinture du Moyen âge en Jugoslavie, fasc. I, pl. I (54).

²⁸ G. Millet. La peinture du Moyen âge en Jugoslavie, fasc. III. Paris, 1962, fasc., pl. 1—3 (12).

²⁹ G. Millet. La peinture du Moyen âge en Jugoslavie, fasc. II. Paris, 1957, fasc., pl. 78.

³⁰ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II. М., 1948, табл. 306.

Не во всех сюжетах канон отступает на второй план или изменяется быстро и одновременно. Несмотря на общее движение к ослаблению канона, в XIII—XV вв. появляются отдельные произведения, носящие консервативный характер и иконографически еще тесно связанные с допалеологовской традицией. Отступления от общего процесса существовали как в целых темах, так и в некоторых памятниках того сюжета, канон которого ранее изменился под влиянием перемен в стиле. Усиление интереса к эмоциональной окраске, выраженное в палеологовский период введением пейзажа, архитектуры, особенностями поз персонажей, представляет собой одну из основных и существенных сторон палеологовского искусства. Но именно здесь было довольно много исключений, связанных со сложностью всего процесса.

Изображение в памятниках палеологовского искусства бытовых деталей дает яркий материал для суждения о переменах, происходивших в иконографическом каноне. Так, интерес к бытовым реалиям, проявляющийся в то время, типичен для темы ветхозаветной Троицы. Эта тема получила широкое распространение именно в XIII—XV вв.

Изучение произведений живописи, посвященных изображению Троицы, показывает, что за период с IV в. количество бытовых деталей в композиции существенно не изменилось. Посуда, предметы обстановки, одежды в сценах Троицы были всегда многочисленны и передавались весьма подробно. Однако в XIII—XV вв. изменилась их функция. Реалии быта приобрели большое художественное значение, изменив существующую каноническую композицию.

Изображение обстановки интерьера — мебели ³¹, служившей в мозаичных изображениях Троицы Санта-Мария Маджоре в Риме (IV в.) и Сан-Витале в Равенне (VI в.) только для обозначения места действия, отныне объединяет композицию, внося четкий ритм прямых линий, которые держат построение всего произведения (икона Государственного Эрмитажа, XIV в. ³², миниатюра Иверской рукописи, XIII в. ³³). В одних случаях интерьер контрастирует своими прямыми линиями с развевающимися складками одежд (фреска монастыря Иоанна Богослова на острове Патмосе, XIII в.) ³⁴, создавая чувство гармонии и спокойствия. В других случаях он соответствует сложностью своих форм и богатством орнаментов причудливым изгибам многочисленных драпировок (икона музея Бенаки в Афинах, начало XV в.) ³⁵. В зависимости от смысла, который придает художник своему произведению, изображение мебели варьируется в смысле формы и окраски. Ее строгость и простота, темно-коричневый цвет, грубость широких досок, из которых она сколочена, подчеркивают аскетизм (икона «Троица» Государственного Эрмитажа). Разнообразие орнаментов, украшающих мебель, хрупкость ее форм, многочисленность позолоченных деталей, красно-коричневый колорит указывают на богатство обстановки дома Авраама, радость происходящего в нем события (икона «Троица» музея Бенаки в Афинах). Изображение мебели в целом и ее отдельных предметов индивидуализируется. Интерес к единичному сказывается во всем.

Аналогичные явления происходят в изображении посуды, в сценах трапезы (не только в теме Троицы, но и в темах Тайной вечери, Брака в Кане Галилейской). Простого, количественного увеличения посуды не наблю-

³¹ Слово «мебель» в данном случае применяется для обозначения таких деталей интерьера, как скамьи, скамьи, подножия.

³² Инвентарный номер Государственного Эрмитажа J I, размер 53×35. См. В. Д. Лихачева. Роль бытовых реалий и натюрморта в иконе «Троица» Государственного Эрмитажа. — ВВ, XXVI, 1965.

³³ В. Н. Лазарев. История византийской живописи, т. II, табл. 248.

³⁴ S. Orlandos. Fresques byzantines du monastere de Patmos. — «Cahiers archéologiques», XII, 1962, fig. 7.

³⁵ A. Grabar. Byzantine painting. Geneva, 1953, p. 192.

дается. Но предметы, которые ранее расставлялись на плоскости стола случайно, для заполнения места, теперь композиционно объединяются. Художник учитывает их форму, окраску, размеры. Он руководствуется принципами геометрической симметрии или асимметрии, равновесия масс. Часто вводятся компоненты, несущие объединительные функции, — ножи и овощи. Овощи не упоминаются в библейском тексте сюжетов, связанных с трапезой. Они не имеют и символического значения. Они появляются в сценах трапезы только при Палеологах, играя чисто художественную роль. Изображение предметов «мертвой природы» не только подчиняется общей композиции всего произведения, как ранее, но вырабатывает внутри себя собственную композицию, внутренне уравновешенную. Таким образом, в пределах композиционного целого возникает микрокомпозиция предметов на столе, которую мы вправе назвать натюрмортом.

Как и всякое явление в искусстве, понятие натюрморта исторично. Естественно, что византийский натюрморт отличается от голландского XVII в. Этим термином мы называем появившуюся при Палеологах единую целостную и индивидуализированную композицию предметов на столе, которой не было ранее в искусстве и возникновение которой весьма существенно для живописного стиля той эпохи.

Аналогичное палеологовскому искусству явление совершается в те же века в итальянской живописи. Ш. Толнай³⁶ рассматривает возникновение натюрморта в искусстве Возрождения на примере украшения ниши капеллы, служащей для хранения предметов, употреблявшихся во время мессы. В этой нише нередко в технике фрески показывали разнообразные сосуды. Первоначально, как в Санта-Мария Маджоре в Тоскане (XI—XII вв.), предметы изображали, не учитывая их расположения в пространстве и их объема. Но это уже было первое после античного искусства появление натюрморта, отмеченное стремлением объединить предметы, хотя еще только на основе геометрического принципа. Одновременно с итальянской живописью и в византийском искусстве происходит подобное же явление.

Формы мебели и бытовых предметов, изображенных в палеологовских памятниках, взяты непосредственно из жизни. Они соответствуют тем описаниям посуды и мебели, которые имеются у византийских авторов. Многие из сосудов напоминают предметы византийской утвари, которые находят при археологических раскопках.

Появляется также более свободное, чем ранее, отношение к образцам³⁷, что особенно ярко свидетельствует об ослаблении канона, о его превращении в условие изображения, направляющее, но не ограничивающее художника.

Икона Государственного Эрмитажа «Рождество Иоанна Предтечи»³⁸ служит примером того, как свободно и смело палеологовские художники применяют один и тот же образец для разных сюжетов.

В этой иконе имеется ряд отступлений от первоначального иконографического канона. Центр произведения занят изображением стола и натюрморта на нем. Момент омовения новорожденного не представлен. Эти особенности можно объяснить, если обратиться к двум произведениям на тему Рождества Богоматери.

³⁶ Ch. de Tolnay. Postilla sulle origini della natura morta moderna. — «Rivista d'arte», XI, 1961—1962.

³⁷ О роли образцов в Византии см. R. Oertel. Wandmalerei und Zeichnung in Italien.

³⁸ Инвентарный номер Государственного Эрмитажа J 456, размер иконы 65×63. См. В. Д. Лихачева. Икона «Рождество Иоанна Предтечи» Эрмитажа и иконы «Рождество Богоматери» Баварского музея и Синайского монастыря. — «Известия на института за изкуствовзнание, т. XIII. София, 1969.

Иконографическая и стилистическая близость Эрмитажной иконы Рождества Иоанна Предтечи и икон Рождества Богоматери Баварского музея в Мюнхене ³⁹ и Синайского монастыря св. Екатерины ⁴⁰ указывают на то, что они были выполнены по одному образцу. Все три иконы относятся к середине XV в. Эту датировку подтверждает четкое композиционное построение, сухость трактовки, подчеркнутая роль линии, любовь к локальным цветовым пятнам. На это же указывает изящный рисунок фигур, точная разработка деталей, умелое и верное изображение сложных поворотов тел, тонкая обработка ликов, свежесть и яркость цвета. Краски икон мажорны и разнообразны. В иконах Рождества Богоматери, как и в Эрмитажном произведении, центр занят изображением стола с натюрмортом на нем и отсутствует момент омовения. Очевидно, иконописная композиция Рождества Богоматери, появившаяся в XV в., была применена для редко встречаемой темы Рождества Иоанна Предтечи. Канон настолько ослабел, что как бы оторвался от связанного с ним сюжета. Он не исчез, но утратил прежнее значение.

То обстоятельство, что художник легко переносит, за исключением незначительных деталей, иконографическую композицию из одного сюжета в другой, можно объяснить следующим образом. Как уже отмечалось, центр икон Рождества Богоматери и Иоанна Предтечи занимает большой стол с многочисленными сосудами и чашами на нем. Все персонажи располагаются вокруг стола. Поэтому момент рождения отодвигается на второй план эпизодом угощения. Этим объясняется и отсутствие сцены омовения. Внимание, которое уделяется столу с предметами на нем, оправдано стилем палеологовского искусства, для которого характерна любовь к бытовым деталям. Впервые сложившийся в это время натюрморт привлек внимание иконописца, писавшего икону «Рождество Иоанна Предтечи», и он поместил его в центре композиции, выполнив свое произведение по иконографическому образцу икон Рождества Богоматери. Во всех иконах основным является момент праздничного пира, поэтому так близки эти три произведения на разные темы.

Применение общего образца для разных сюжетов свидетельствует об ослаблении роли канонических ограничений при Палеологах. Канон теряет свой сакральный характер и становится схемой, помогающей художнику найти необходимую композицию. Это явление весьма примечательно для византийского искусства, в котором следование иконописным образцам было всегда строго обязательным.

Ряд приведенных примеров показывает, что, за редкими исключениями, в палеологовском искусстве, в частности в живописи, иконографический канон и стиль вступают в особое взаимодействие, основанное на противоречии. Стиль живописи с его эмоциональной окраской и интересом к жанровым моментам, с его более свободной, чем ранее, манерой письма, с его точным и легким рисунком приводит к переменам в каноне. Изменения в сложившихся с XI в. канонических композициях осуществляются за счет интереса к пейзажу и архитектуре, за счет изменения функций бытовых реалий, в том числе сложения натюрморта. Об ослаблении канона свидетельствует как появление в этот период иллюстраций, расширяющих деятельность миниатюриста, так и свободное обращение с образцами. Изменения в стиле, а затем и в каноне приводят к нарастанию живописных элементов в искусстве. То, что победа всегда остается на стороне стиля, ука-

³⁹ *H. Graf. Katalog der romanischen Altertümer des Bayerischen Nationalmuseum, Bd. V. 1890, S. 59, f. 390; O. Wulff, M. Alpatoff. Denkmäler der Ikonenmalerei. Dresden, 1925, S. 144; W. Felicetti-Liebelsfels. Geschichte der byzantische Ikonenmalerei. Lausanne, 1956, Taf. 126 A; «L'art byzantin, art europeen». — «9-ème exposition du Conseil de l'Europe», p. 252, n. 195.*

⁴⁰ *Γ. καὶ Μ. Σωτηρίδου. Op. cit., τ. Β'. Ἀθήναι, 1958, σελ. 206, εικ. 236* (нижнюю часть иконы занимает сцена Введения Марии во храм).

зывает на стремление византийского искусства к более верному и точному воспроизведению реальной действительности.

Вопрос о появлении черт правдивости в палеологовской живописи представляется чрезвычайно важным для истории искусства. Сохранившиеся до наших дней произведения византийских художников связаны почти исключительно с религиозной тематикой. Отсюда существование строгих канонов, иконографических образцов, которые, несомненно, сковывали художников⁴¹. Устойчивость и сила, присущие этим многочисленным ограничениям, повышают значение победы, которую одерживает над ними живописный стиль искусства Палеологов. Причины и средства увеличения роли реальных, характер их функции не были до сих пор затронуты в искусствоведческой литературе, как и вопрос о взаимоотношении стилистических и иконографических признаков. В тесной связи с этим находится и индивидуализация изображаемого. В конце художник ищет общее, повторяющееся. «Знак» существует только постольку, поскольку он всегда одинаков. В живописном же изображении художник отыскивает индивидуальное и единичное. Соответственно происходит и индивидуализация самого художника: изображения одного и того же сюжета все более и более разнятся между собой. Так изобразительное палеологовское искусство отражает первые шаги раскрепощения личности.

Ослабление значения иконографического канона свидетельствует об элементах секуляризации искусства XIII—XV вв., сказывавшейся пока в церковных сюжетах, ибо светские еще не возникли. Церковные сюжеты стали трактоваться более свободно и живописно, с попыткой создать иллюзию действительности. В византийском искусстве, таким образом, начиная с XIII в. возникали черты проторенессансного характера. Процесс их нарастания, однако, был грубо прерван завоеваниями турок.

Явления, аналогичные тем, которые возникают в XIII—XV вв. в живописи, можно найти и в литературных и исторических сочинениях палеологовского времени, претерпевших изменения и в форме и в содержании. Новые черты, появляющиеся: в греческой агиографии (жития Григория Синаита, Григория Паламы, Ромила) и в исторических сочинениях Иоанна Кантакузина и Никифора Григоры, связаны с интересом к природе, быту и внутреннему миру героев⁴².

Новому стилю, характеризующему искусство и литературу времени Палеологов, соответствует новый этап в развитии византийской эстетики. Теоретики этого времени видели в иконе не только средство проповеди христианского учения, но и произведение искусства. Они анализировали композицию икон, эмоциональное их содержание, гармонию цвета. Характерным примером такого рода разбора икон является «Экфрасис» Иоанна Евгенника. В этом сочинении автор описывает современные ему (первая половина XV в.) многофигурные иконы⁴³.

Впервые те черты, которые появились в это время в стиле живописи, находят объяснение в теоретических работах. Одним из выдающихся теоретиков искусства был Феодор Метохит. В 1328 г. он писал относительно гармонии в живописи, сравнивая ее с музыкой в своем сочинении *Ἑπιτομή ἱεροῦ κειμήλιου*: «Не может быть гармонии среди музыкальных инструментов, они не могут соединиться в симфонию, если все звуки струн идентичны, производятся на одинаковой высоте и одновременны». Не может быть «ритмичного

⁴¹ O. Denys de Fourn. Manuel d'icographie chrétienne.

⁴² К. Радченко. Религиозное и литературное движение в Болгарии в эпоху перед турецким завоеванием. Киев, 1898, стр. 260, 264, 265, 267, 268; А. П. Рудаков. Очерки византийской культуры по данным греческой агиографии. М., 1917.

⁴³ А. Хунгорюлос. Les Icones portatives. L'art byzantin, art européen. — 9-ème exposition du conseil de l'Europe», p. 232.

и музыкального порядка, пока нет различия отдельных частей»⁴⁴. Этот интерес в эстетике к вопросу о единстве и разнообразии связан с тем, что живописец создавал свои произведения, опираясь на принцип, согласно которому от многообразия оттенков цвета зависит глубина колористического единства произведения. Так как гармония цвета характеризует живопись этой эпохи, центральной проблемой эстетики стал вопрос о разнообразии и единстве⁴⁵ и об индивидуализации изображения.

При Палеологах писатели подробно описывали памятники искусства⁴⁶. Мануил Филл посвятил ряд поэтических эпиграмм произведениям живописи, архитектуры, прикладного искусства, разбору их иконографии⁴⁷.

Развитие эстетической мысли и литературы оказывало, несомненно, воздействие на эволюцию искусства, которое в свою очередь влияло на эстетику, философию, литературу.

Итак, в целом движение византийского изобразительного искусства при Палеологах совершается в сторону усиления живописного начала, в направлении постепенной секуляризации и усилении интереса к человеческой личности, к индивидуализации изображения, а вслед за тем и к индивидуализации творчества художника. Этот сложный и неровный, но органический и закономерный процесс имел предренессансный характер и проявился не только в живописи, но и в культуре в целом.

Противоречивость во взаимоотношении иконографического канона и художественного стиля характерна не только для палеологовской живописи, но и для всего византийского искусства во все века его существования. Если в XIII—XV вв. стиль побеждает канон, то в предшествующее время, особенно при Комнинах, канон определял стиль искусства.

Таким образом, выяснение законов взаимодействия стиля и канона может служить не только для датировки памятников, но и для правильной оценки их духовного и эстетического смысла.

⁴⁴ Θεόδωρος ὁ Μετοχίτης. Ἐπισηματισμοὶ καὶ σημειώσεις γυμνασιαί, ed. G. Müller, Th. Kiessling. Lipsiae, 1821, S. 633.

⁴⁵ G. Mathew. Byzantine Aesthetics, p. 160.

⁴⁶ Ch. Diehl. Manuel d'art byzantin, v. II, p. 739.

⁴⁷ K. Krumbacher. Geschichte der byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 777.

Н. К. ГОЛЕЙЗОВСКИЙ
ЗАМЕТКИ О ДИОНИСИИ

История сохранила немало имен русских средневековых живописцев. Но связанные с ними уцелевшие до наших дней памятники искусства исчисляются единицами. Обычай ставить на произведении свое имя не был распространен в Древней Руси, и до XVI в. подписные работы встречаются редко. Так, до сих пор не найдено ни одной подписной иконы Андрея Рублева, и лишь благодаря остроумным догадкам и кропотливой работе исследователей удалось установить принадлежность ему ряда станковых произведений.

За последние годы все с большей отчетливостью выступает личность другого великого живописца Древней Руси — Дионисия, работавшего во второй половине XV—начале XVI в. Современники называли его «мудрецом», самым известным («пресловущий паче всех»), искусным, изощренным («хитрым») мастером, работам которого дивились «самодержцы» русской земли, первым живописцем своего времени¹.

Еще сравнительно недавно было известно лишь одно достоверное станковое произведение Дионисия — икона «Богоматерь Одигитрия» из Вознесенского монастыря в Московском Кремле², созданная по памяти копия сгоревшей в 1482 г. иконы, и судить по ней о манере художника почти не представлялось возможности. Значительно больше для оценки стиля Дионисия давали раскрытые в 1916 г. две большие иконы из Успенского собора Кремля, изображающие митрополитов Петра (в Успенском соборе Кремля) и Алексея (ныне в ГТГ)³, чья деятельность сыграла важную роль в сложении Русского централизованного государства. Прямоугольные «клейма» дополняли центральные изображения святителей, фиксируя важнейшие — с точки зрения заказчика и художника — этапы жизни и деятельности митрополитов. Смелая композиция, отточен-

¹ В адресованном Дионисию «Послании иконописцу» известный церковный деятель конца XV—начала XVI в. Иосиф Волоцкий называет живописца «началохудожником», что переводится как главный, первый мастер (ср. «Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Имп. Академии наук», т. II. СПб., 1847, стр. 420). См. Н. К. Голейзовский. «Послание иконописцу» и отголоски исихазма в русской живописи на рубеже XV—XVI вв. — ВВ, XXVI, 1965, стр. 224.

² В. И. Антонова и Н. Е. Мнѣва. Каталог древнерусской живописи Гос. Третьяковской галереи (далее: Каталог ГТГ), т. I. М., 1963, стр. 330—331, № 274, табл. 214.

³ В. Борин. Две иконы новгородской школы XV века св. Петра и Алексея митрополитов московских. — «Светильник», 1914, № 4, стр. 23—32; «Художественные памятники Московского Кремля». М., 1956, стр. 40—41, илл. 55—57; Каталог ГТГ, т. I, стр. 336—341, № 279, табл. 224, 225; И. Е. Данилова. Житийные иконы митрополитов Петра и Алексея из Успенского собора в Кремле в связи с русской агиографией. — ТОДРЛ, т. XXIII, 1968, стр. 199—216. Первым связал иконы митро-

ное графическое мастерство, специфическая красочная гамма с преобладанием светлых оттенков, особенности архитектурных деталей, манера письма горок, лиц и одежд — все это сближало иконы Успенского собора с прославленными росписями Ферапонтова монастыря и позволяло приписать их кисти Дионисия.

Отдаленный Ферапонтов монастырь привлек внимание историков еще в середине прошлого века как один из важнейших севернорусских центров образованности XV—XVI вв. Один за другим в поисках древностей монастырь посещали исследователи и путешественники, но главное сокровище — фрески церкви Рождества Богоматери — не привлекло их внимания⁴. На софите северной двери храма оставалась незамеченной древняя надпись: «В ле[т]о 7 . . .⁵ месяца августа в 6 день на преобразование господа нашего Иисуса Христа начата бысть подписывати церков, а кончена на 2 лето месяца сентявреа в 8 на рожество пресвятыа владычица наша Богородица Мариа при благоверном великом князе Иване Василивиче всеа Руси и при великом князе Василие Ивановиче всеа Руси и при арх[иепископе Ти]хоне, а писци Деонисие иконник со своими ча[ды]. О владыко Христе, всех царю, избави их господи мук вечных».

Первым, кто обратил внимание на эту надпись и связал имя упоминающегося в ней художника с Дионисием, известным по летописям, был И. И. Бриллиантов⁶. В 1905 г. архитектор К. К. Романов на основании исторических сведений о лицах, упомянутых в надписи, предложил датировку фресок: 6 августа 1500 г. — 8 сентября 1502 г.⁷ До последнего времени эта датировка не вызывала возражений. Однако в рассуждения К. К. Романова вкрались ошибки. Если вспомнить, что новый год начинался 1 сентября, то 8 сентября надписи придется не на 1502, а на 1503 г. Далее, выражение «на 2 лето» означает, что роспись была закончена не через два года, а на следующий год после начала работ; если принять дату окончания 1503 г., то дата начала работ будет 1502 г. Можно также отметить, что опала на Василия была снята не в 1502 г., а еще в сентябре 1500 г.

Храм Рождества был освящен 8 сентября 1490 г.⁸ Художник Н. В. Гусев, обследовавший ферапонтовскую надпись по просьбе автора

политов с именем Дионисия А. Грищенко в книге «Русская икона как искусство живописи». См. А. Грищенко. Вопросы живописи, вып. 3. М., 1917, стр. 122 и сл.

⁴ С. П. Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, ч. II. М., 1850, стр. 102—105; Макарий. Описание Ферапонтовской волости. СПб., 1854; А. Н. Муравьев. Русская Фиваида на Севере. СПб., 1855, стр. 380—393; М. В. Толстой. Путевые письма с Севера. М., 1868, стр. 54—62; Н. П. Успенский. Ферапонтов Белозерский Рождества Пречистые Богородицы монастырь. — «Новгородские епархиальные ведомости», 1898, № 11, стр. 658—674. Следует отметить, что Н. П. Успенский наиболее точно определил дату постройки церкви Рождества Богоматери — конец XV в. (указ. соч., стр. 673).

⁵ Отчетливо читается только 1-ая цифра, означающая 7000 лет от сотворения мира. Это значит, что роспись не могла быть начата ранее 1492 (или 7000) года.

⁶ И. И. Бриллиантов. Ферапонтов Белозерский ныне упраздненный монастырь, место заточения патриарха Никона. СПб., 1899, стр. 68, прим. 2. Первая и единственная монография о ферапонтовских росписях: В. Т. Георгиевский. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911.

⁷ П. П. Покрышкин и К. К. Романов. Древние здания в Ферапонтовом монастыре Новгородской губернии. — «Известия Имп. Археологической комиссии», вып. 28. СПб., 1908, стр. 128—130. К. К. Романов считал, что Василий Ивановича могли называть великим князем лишь в 1502 г. (с декабря 1498 г. Василий был в опале, и великим князем считался внук Ивана III — Дмитрий). В апреле 1502 г. Иван III посадил Дмитрия под стражу и запретил называть его великим князем). Упомянутый в надписи Тихон был архиепископом ростовским с 1489 г., оставил архиепископию в январе 1503 г. Новый год начинался 1 сентября. Между апрелем 1502 и январем 1503 г. 8 сентября было только однажды: это 8 сентября 1502 г. — дата окончания росписи. Поскольку роспись окончена «на 2 лето», следовательно, она начата 6 августа 1500 г.

⁸ К. К. Романов. Антиминсы XV—XVII вв. собора Рождества пр. Богородицы в Ферапонтово-Белозерском монастыре. — «Известия Комитета древнерусской живописи», вып. I. Пг., 1921, стр. 33.

этой статьи летом 1968 г., пришел к выводу, что дату следует читать как 7010. Таким образом, роспись датируется 6 августа 1502 — 8 сентября 1503 года.

Фрески были созданы в два приема: зимой стенописные работы не производились, и художники писали иконы⁹. В малоосвещенных частях храма встречаются незакрашенные участки стены и целые группы фигур, перекрытые одним тоном¹⁰. Мастера торопились окончить работу к храмовому празднику 8 сентября; однако большинство «неделок», указанных исследователями, носит умышленный характер и не может быть объяснено только спешкой.

Виртуозный ансамбль ферапонтовских фресок интересен для историка своей связью с борьбой церкви против ереси жидовствующих, широко распространившейся в Северо-Западной и Центральной Руси в последней четверти XV в. В росписи, посвященной прославлению Богоматери, Христа, святителей и чудотворцев, на которых еретики «хулные речи износили», Дионисий намеренно акцентировал темы, подвергшиеся нападкам еретиков, ввел новые для русской живописи исторические сюжеты, связанные с борьбой против ересей («Вселенские соборы» и др.)¹¹.

Еретики не только отрицали догматы и таинства православной церкви. Они обличали стяжательство церковников, выступали против монастырского землевладения. Последнее отвечало интересам Ивана III, замышлявшего секуляризацию земель духовенства. Развернутая аргументация еретиков оправдывала замыслы великого князя, и он стал покровительствовать ереси. Возможно, это явилось одной из причин отказа от кафедры и удаления (в 1489 г.) в Ферапонтов монастырь вероятного заказчика росписей — бывшего ростовского архиепископа Иоасафа. Здесь находился в эти годы и другой противник великого князя, опальный митрополит, ученый богослов Спиридон-Савва, еще в 1488 г. в послании Дмитрию Шеину намекавший на связь Ивана III с еретиками.

Можно ли объяснить приглашение Дионисия в Ферапонтов монастырь только известностью мастера, а согласие старого живописца на столь дальнее путешествие — только материальной заинтересованностью? Как мы увидим, незадолго до этого Дионисий работал у Иосифа Волоцкого, одного из главных обличителей ереси, уже в «Послании иконописцу» осмелившегося осудить великого князя за покровительство еретикам¹², среди которых были сподвижники и любимцы Ивана III, вроде Федора Курицына.

Быть может, не случайно летописцы, трудившиеся при дворе Ивана III, избегают называть художника, даже упоминая его работу; мы увидим далее, что имя Дионисия впервые встречается в источниках, оппозицион-

⁹ Иконы Ферапонтова монастыря еще не все раскрыты от записей (см. Каталог ГТГ, т. I, стр. 334—336, № 278 и табл. 216—223). Многие из них, например «Богоматерь» из деисуса, некоторые иконы пророческого и местного рядов, очень близки манере Дионисия. В Русском музее в настоящее время находится семь икон ферапонтовского иконостаса: из деисусного чина — архангел Гавриил, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Георгий и Симеон Столпник; из местного ряда — Богоматерь Одигитрия и «Сошествие во ад» (см. ниже, прим. 44). В реставрационной мастерской Русского музея были расчищены и отправлены в музей Кириллова две иконы: средник пророческого ряда — Богоматерь Знамение, Давид и Соломон, и икона из деисуса — Василий Великий. Несколько икон пророков и праотцев, а также икона Николая (из деисуса) находятся в Центральной художественной научно-реставрационной мастерской им. акад. И. Э. Грабаря в Москве.

¹⁰ См. *И. Е. Данилова*. Дионисий и его творчество. — Фонд диссертаций Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина (далее: ГБЛ). М., 1951, стр. 42. Ср. *С. С. Чураков*. Портреты во фресках Ферапонтова монастыря. — «Советская археология», 1959, № 3, стр. 111.

¹¹ Подробнее об этом см. *Н. К. Голейзовский*. Указ. соч., стр. 235—236.

¹² *Я. С. Лурье*. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, стр. 239—241.

ных великому князю. Рассмотрим эти и другие свидетельства, придерживаясь по возможности хронологической последовательности.

Первое по времени известие о работе Дионисия содержится в придворном летописном своде, составленном в Москве около 1479 г. Известие это входит в рассказ о смерти игумена Пафнутия Боровского (1477 г.) и вместе с этим рассказом почти без изменений повторено позднейшими летописными сводами. Сообщив о смерти и погребении Пафнутия, летописец среди важнейших событий жизни игумена отмечает постройку им церкви Рождества Богоматери. «Преже древяну, по том же камену устрои, — говорит летописец, — и подписа ея чудно велми, и украси ея иконами, и книгами, и всякою утварию церковною, яко дивитися и самом тем самодръжцем Русскыа земля . . .»¹³.

Характерно, что, отметив высокое качество росписи, придворный летописец не упомянул имен ее авторов — Митрофана¹⁴ и Дионисия. Под «самодръжцами» (властителями) Русской земли подразумевался не великий князь Иван III, а самодержцы вообще — не только тогдашние, но и будущие.

Об авторстве Дионисия мы узнаем из жития Пафнутия Боровского, написанного в начале XVI в. ростовским архиепископом (с 1506 по 1516 г.), братом Иосифа Волоцкого — Вассианом Саниным. Постриженник Пафнутьева монастыря, Вассиан рассказывает, как после закладки церкви старый игумен вместе с учениками «во время зимы камение влачаше . . . и воду, и ина все на плещу (плече. — *Н. Г.*) ношаше»; постоечная церковь «совершенное украшение приемлет еже от живописцев Митрофана инока, и Дионисия и их пособников пресловущих тогда паче всех в таком деле»¹⁵. К сожалению, Вассиан не сообщает дату росписи собора. Эта дата определяется приблизительно временем между 1467 и 1476 гг.¹⁶

¹³ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ), т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 310; Симеоновская летопись (ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, стр. 254); свод 1497 г. (ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963, стр. 141); Вологодско-Пермская летопись (ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959, стр. 256); свод 1518 г. (ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 311); Воскресенская летопись (ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859, стр. 184); Иоасафовская летопись (М., 1957, стр. 96); Никоновская летопись (ПСРЛ, т. XII. СПб., 1901, стр. 170).

¹⁴ Митрофан, иннок московского Симонова монастыря, был старше Дионисия; расцвет его художественной деятельности относится, по-видимому, ко второй трети XV в. Некоторые исследователи считают Митрофана учителем Дионисия, но это пока не доказано. См. *Б. Н. Флоря*. Московский иконописец середины XV в. Митрофан по данным письменных источников. — «Культура Древней Руси». М., 1966, стр. 278—280; *В. И. Антонова*. У Медвежья озера и Веси Егонской. — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966, стр. 188—194.

¹⁵ *А. П. Кадлубовский*. Житие Пафнутия Боровского, писанное Вассианом Саниным. — «Сборник историко-филологического общества при институте князя Безбородко в Нежине», т. II. Нежин, 1899, стр. 125. В некоторых списках жития Пафнутия имени Митрофана и Дионисия не упоминаются [например, сборник XVII в. — ГБЛ, ф. 37, № 422, л. 554—554 об.: «Созда же (Пафнутий. — *Н. Г.*) во обители церковь камену, и подписана бысть мудрыми живописцы, от них же единого молитвами своими от болезни премени. . .»]. В одном из печатных изданий жития Пафнутия («Книга житий святых». М., 1764, т. III, л. 308) упомянут лишь «во иконописех изрядный художник именем Дионисий мирянин». Сведения о росписи церкви Пафнутьева монастыря содержатся еще в двух так называемых кратких редакциях жития Пафнутия Боровского.

¹⁶ Первую дату дает указание об освящении собора в 1467 г. Приводя этот год, историки искусства обычно ссылаются на книгу М. Т. Преображенского «Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии» (СПб., 1891, стр. 44). М. Т. Преображенский взял эту дату из «Памятной книжки Калужской губернии на 1873/74 год» (Калуга, 1874, стр. 51), составитель которой делает ссылку (без точного указания источника) на житие Пафнутия, где сказано, что каменная церковь была освящена за 10 лет до кончины преподобного, т. е. в 1467 г. Автор «Памятной книжки» пользовался текстом одной из кратких редакций жития — «Сказанием о преподобном Пафнутии», где действительно фигурирует дата освящения каменной церкви Рождества Богородицы — 1467 г. Приведу выдержку из этого неопубликованного

О сохранности росписи весьма трудно пока сказать что-либо конкретное¹⁷.

Из жития Пафнутия мы узнаем ряд любопытных подробностей о Дионисии — о большой известности его уже в конце 60-х—начале 70-х годов XV в., об уважении Пафнутия к таланту Дионисия (когда художник заболел, Пафнутий сам просил его поскорее начать работу); о том, что у живописцев были «пособники»; наконец о тяжелой болезни ног, которой страдал художник¹⁸.

О следующей работе Дионисия, исполненной около 1481 г., сообщает «Сказание известно о Каменном монастыре», составленное между 1481 и 1501 гг. Паисием Ярославовым¹⁹. По словам «Сказания», угличский

сочинения, возможно, послужившего источником записи 1477 г. в придворном летописном своде (ср. выше, прим. 13): «Блаженны же Пафнотие церков въздвиже прежь древяну, по том же каменну оустрой и свящал в лето 6975 месяца октября 26 на память свягата великомученика Димитрия. И подписа ея чюдно велми, Митрофаном старцем, и Дионисием живописци хитрыми в Роустей земли, и их оученици и пособници, оукраси ея иконами и книгами, яко дивитися и самем тем самодръжцем Рускыа земли. . .» [«Сборник житий русских святых», XVI в. ГБЛ, ф. 304, № 692, л. 119 об.]. Сопоставив эту цитату с указанным текстом великокняжеского свода конца XV в., нетрудно заметить, что придворный летописец умышленно опустил имена художников. В. И. Антонова («У Медвежья озера и Веси Егонской», стр. 189), ссылаясь на житие Пафнутия, относит роспись собора к 1467 г.; однако ни вассиановское житие, ни «Сказание о преподобном Пафнутии» не содержат на этот счет точных указаний. Следует также помнить, что роспись церквей в Древней Руси из технических соображений обычно производилась не ранее, чем через год-два после окончания строительства. Итак, стенопись собора Пафнутиева монастыря возникла не ранее 1467 г., точнее, если учесть, что стенописные работы не велись в холодное осенне-зимнее время, — не ранее лета 1467 г. Вторая хронологическая граница — кончина Пафнутия (1 мая 1477 г.). Как явствует из жития и приведенных выше летописных свидетельств, роспись собора была закончена при жизни игумена. Самая поздняя дата, которую можно предположить для росписи, — лето 1476 г. Датировка росписи 1480 г., предложенная А. И. Некрасовым («Древнерусское изобразительное искусство». М., 1937, стр. 258), не находит подтверждения в источниках.

¹⁷ Пробное расчистки на стенописи собора выявили сохранность живописи XVII в. При этом грунт XVII в. не удалялся. Между тем на цоколях старой кладки видны остатки живописи XV в. Это заставляет с вниманием отнестись к словам В. Т. Георгиевского, который утверждал (указ. соч., стр. 42, прим. 1), что фрагменты фресок Дионисия сохранились под побелкой.

¹⁸ Последнее обстоятельство натолкнуло покойного художника-реставратора С. С. Чуракова на предположение о том, что в одной из фресок юго-западного столба церкви Ферапонтова монастыря Дионисий представил самого себя с женой и двумя сыновьями, сидящим с обнаженными ногами у источника (С. С. Чураков. Указ. соч., стр. 107—111). Противоречащая специфике древнерусской живописи гипотеза С. С. Чуракова не получила признания исследователей.

¹⁹ «Сказание» заканчивается известием 1481 г. о пострижке вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим каменного собора Спасского монастыря. Биография современника Дионисия Паисия Ярославова изучена плохо. По некоторым сведениям, он — постриженник Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере; около середины XV в. находился в Кириллове монастыре и был учителем прославленного древнерусского философа Нила Сорского (В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, стр. 190). В 1478 г. по желанию Ивана III назначен игуменом Троице-Сергиева монастыря; в 1482 г. отказался от игуменства из-за самоуправства постригшихся бояр и князей, которые хотели его убить; стал советником великого князя по церковным вопросам. В 1484 г. Иван III хотел сделать Паисия митрополитом всея Руси, но тот отказался (ср. ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 152). В 1489 г., как явствует из послания в Ферапонтов монастырь новгородского архиепископа Геннадия бывшему ростовскому архиепископу Иоасафу (Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.—Л., 1955, стр. 320), Паисий находится в одном из заволжских монастырей. В 1490 г. он снова в Москве, вместе с Нилом Сорским, присутствует на соборе против еретиков. Умер Паисий в Москве 23 декабря 1501 г. (А. А. Зимин. Краткие летописцы XV—XVI вв. — «Исторический архив», т. V. М.—Л., 1950, стр. 28). Факт упоминания имени художника среди сообщений о важнейших событиях жизни крупного монастыря чрезвычайно важен — он свидетельствует о том, что «заволжские старцы» высоко ценили живопись Дионисия и вовсе не были невеждами в искусстве, какими их нередко представляют.

князь Андрей Васильевич пожертвовал в только что построенный (в 1481 г.) каменный собор монастыря «деисус дионисиева письма»²⁰.

Дальнейшие сведения о Дионисии — и первые упоминания его имени в летописи — содержат своды, протограф которых, связанный с митрополитом Геронтием, резко оппозиционен Ивану III. Львовская летопись под 1481 г. сообщает: «Того же лета владыка Ростовский Васьян дал сто рублей мастером иконником Денисью, да попу Тимофею, да Ярцу, да Коню писати деисус в новую церковь святую Богородицу, иже и написана чудно велми, и с Праздники и с Пророкы»²¹. Имя Дионисия поставлено на пер-

²⁰ «Православный собеседник», 1861, февраль, стр. 212. Рассказ о пожертвовании деисуса встречается лишь в поздних (XVII в.) списках «Сказаний», и принадлежность его Паисию может оспариваться. Но даже если это поздняя вставка, ее источник — подлинная запись, сделанная если не самим Паисием, то его современником до 1491 г. (в 1491 г. угличский князь Андрей Васильевич Горяй был взят под стражу, а угличский удел вошел в состав Московского княжества). Деисус состоял не менее чем из трех изображений: Христос и предстоящие Богоматерь и Предтеча. С XV в. деисусом чаще называют целый ряд икон алтарной преграды, обычно размещавшийся над нижним рядом чтимых «местных» образов. По описи 1670 г. Спасо-каменного монастыря, деисус Преображенского собора состоял из 13 икон (*Н. И. Суворов*. Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря. Вологда, 1893, стр. 46—49). Таким был, вероятно, и ценный дар угличского князя, не сохранившийся до наших дней. Надо полагать, именно эту работу Дионисия имел в виду М. В. Алпатов («Всеобщая история искусства», т. III. М., 1955, стр. 239), когда писал о приглашении Дионисия в Спасо-Прилуцкий монастырь князем Андреем Владимировичем: в источниках нет известий ни о князе Андрее Владимировиче, ни о приглашении Дионисия в Прилуцкий монастырь.

В. Т. Георгиевский видел в сообщении «Сказания о Каменном монастыре» намек на то, что Дионисий писал не иконы, а фрески церкви Спасо-Каменного монастыря (указ. соч., стр. 26). В предисловии к своему труду он прямо утверждает, что Дионисий расписывал храм. Еще увереннее пишет об этом И. Евдокимов, искавший — правда, безуспешно — «под новейшей штукатуркой древние графы росписи» («Север в истории русского искусства». Вологда, 1921, стр. 69. Ср. *его же*. Вологодский иконник Григорий Агеев. — «Временник», вып. I. Вологда, 1916, стр. 8). Церковь Преображения в конце XV в. действительно нуждалась в росписи, и денежные средства для приглашения художников имелись. О богатстве монастыря в конце XV в. свидетельствуют, например, жалованные грамоты монастырю Василия Темного (ок. 1453 г.), Александра Федоровича Ярославского (ок. 1470 г.), великой княгини Марии Ярославны (ок. 1479 г.), Андрея Васильевича Меньшого (1479 г.), Даниила Александровича (1497 г.). Ср. *Н. И. Суворов*. Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря, стр. 56—62. В этом отношении гипотеза В. Т. Георгиевского логична; однако «Сказанием» Паисия она не подтверждается.

²¹ ПСРЛ, т. XX, первая половина. СПб., 1910, стр. 347. Известие о деисусе, праздниках и пророках Успенского собора в Московском Кремле дословно повторяет связанная с Львовской летописью как с протографом Софийская II летопись (ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 233). Оно читается также в поздней компиляции — Софийском временнике (ч. II. М., 1821, стр. 224), а также (под 1482 г. без упоминания заказчика — Вассиана) в Русском временнике (ч. II. М., 1820, стр. 168) и в неизданном Бердяевском летописце XVII в. (Центральный Гос. Архив древних актов, Обол., № 46, л. 341). Заказ был оформлен между 1 сентября (начало года) и 23 марта (смерть Вассиана).

В конце XIX в. среди историков бытовало мнение, что ростовскому архиепископу ни к чему было заказывать иконы для Успенского собора Кремля, который составлял «предмет ближайших забот» великого князя и митрополита, а под «новой церковью» Богородицы подразумевается или кафедральный собор в Ростове Великом, возобновленный после пожара в 1411 г., или Благовещенская церковь на ростовском подворье в Дорогомилове, построенная в 1412 г. (см. сообщение А. С. Павлова в «Протоколах заседаний Имп. Московского Археологического общества». — «Древности. Труды Имп. Археологического общества», т. IX, вып. 2—3. М., 1883, стр. 83—85). Сообщение «Русского временника» о том, что художники писали деисус для собора Богородицы в Москве, А. С. Павлов считал вымыслом позднейшего переписчика летописи. Подвергнутое критике в работе В. Н. Лазарева «Дионисий и его школа» («История русского искусства», т. III. М., 1955, стр. 488), мнение А. С. Павлова окончательно опровергается сообщением неопубликованного летописчика XVI в. из собрания Румянцева (ГБЛ, ф. 256, № 255; далее: «Румянцевский летописец»). Здесь на л. 461 об. под 1482 г. читается: «Того же лета иконники Денисеи, да поп Тимофеи, да Ярца да Коня, написали деисус с празники и пророки велми чудно в новую церковь престыя Богородицы соборныя на Москве». А. Н. Насонов, изучавший состав этой

вом месте — это говорит о том, что он был старшим среди иконописцев как по возрасту, так и по положению.

Те же источники сообщают о следующей, уже известной нам работе Дионисия, экспонирующейся ныне в Третьяковской галерее. В 1482 г. в московской церкви Вознесения сгорел красочный слой на иконе Богоматери Одигитрии: «... образ той згоре да кузнь (кованый оклад. — *Н. Г.*), а доска ся отстала; и написа Денисей иконник на той же доске в той же образ»²². Написанная Дионисием вольная копия чудом уцелела во время страшного пожара 1547 г.: «... Вознесенской монастырь... весь выгоре, 10 стариц в нем згореша, и церковь Вознесение выгоре, образы и сосуды церковные и животы людские многие, токьмо един образ пречистые протопоп вынес...»²³.

В конце 80-х годов XV в. Дионисий работает под Волоколамском, в основанном в 1479 г. монастыре ученика Пафнутия Боровского — Иосифа Санина (Волоцкого), очевидца постройки и росписи храма Пафнутиева монастыря. Летописчик Иосифа Волоцкого сообщает, что каменная монастырская церковь Успения Богоматери была заложена Иосифом 7 июня 1484 г., а освящена 18 декабря 1485 г.²⁴ «И подписал ея хитрыми живописцы в русской земли Дионисием и его детми Владимиром и Феодосием

летописи, отметил, что она близка к Архивскому списку Никоновской летописи, «но местами отстает от него и содержит дополнительный материал» [*А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). — «Проблемы источниковедения», вып. IV. М., 1955, стр. 260.*]. *А. И. Некрасов* (указ. соч., стр. 258), а вслед за ним *М. В. Алпатов* (указ. соч., стр. 239) говорят еще об одной работе Дионисия, Тимофея, Ярца и Коня — иконах для Успенского собора Ростова Ярославского, исполненных якобы в 1488 г. Это известие не подтверждается источниками.

Большую загадку представляет собой роспись нижней части каменной алтарной преграды Успенского собора Московского Кремля, где сохранились изображения Алексея, человека божия, Парфения, Иоанна Лествичника, Иоанна Кущника, Павла Фивейского, Феодосия Великого, Исаака и Ефрема Сиринов, Евфимия Великого, Антония Великого, Саввы Освященного, Иларiona Великого, Симеона столпника, Арсения Великого, Моисея Мурина, Пимена Великого, царевича Иоасафа и Варлаама, Нила Постника и Сисоя Великого, а также Спаса Благое Молчание. Эти фрески, до недавнего времени заставленные иконами местного ряда иконостаса, сейчас открыты и отреставрированы (дубликация фресок подготовлена *О. В. Зоной*). Живопись, по всей вероятности, была выполнена Дионисием, Тимофеем, Ярцом и Коней в 1481 г. одновременно с иконами деисусного, праздничного и пророческого рядов иконостаса (иконы не сохранились). Такое предположение подтверждается тем, что в исполнении фресок отчетливо читаются четыре различных манеры. В статье о «Послании иконописцу» (стр. 224 и 235) я говорю только об этой росписи, а не о всей стенописи собора, исполненной в 1513—1515 гг. (см. ПСРЛ, т. XXX. М., 1965, стр. 141—142). В росписях жертвенника, Похвального и Петропавловского приделов, при общей стилистической близости к работам живописцев круга Дионисия, едва ли могут быть выделены фрески, принадлежащие его руке.

²² Львовская летопись (ПСРЛ, т. XX, первая половина, стр. 348), Софийская II летопись (ПСРЛ, т. VI, стр. 234). То же в Софийском временнике (ч. II, стр. 225).

²³ Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича (ПСРЛ, т. XXIX. М., 1965, стр. 52); Александрo-Невская летопись (там же, стр. 152); Львовская летопись (ПСРЛ, т. XX, вторая половина. СПб., 1914, стр. 471); Никоновская летопись (ПСРЛ, т. XIII, первая половина. СПб., 1904, стр. 153); «Румянцевский летописец», лл. 649—649 об.; «Царственная книга» (ПСРЛ, т. XIII, вторая половина. СПб., 1906, стр. 454); «Пискаревский летописец» («Материалы по истории СССР», вып. II. М., 1955, стр. 58).

²⁴ *А. А. Зимин*. Указ. соч., стр. 15. В послании *Б. В. Кутузову* Иосиф отмечал, что церковь обошлась ему недешево — «с подписью и с иконами и с книгами и с ризами и сосуды боле тысячи рублей стала» («Послания Иосифа Волоцкого». М.—Л., 1959, стр. 210). 1000 рублей — сумма очень значительная: в те времена за 20 рублей можно было приобрести деревню с большим участком земли. Вспомним, что за деисус для Успенского собора Дионисий, Тимофей, Ярц и Коня получили 100 рублей; стоимость икон явно подчеркнута летописцем. Во время ссоры с князем Федором Волоцким Иосиф «начат князя мздою оутешати, и посла к нему иконы Рублева писма и Дионисиева» («Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное Саввою, епископом Крутицким. М., 1865, стр. 40). Все эти факты говорят о том, как высоко ценились современниками работы Дионисия.

и Пасеею иноком и два братанича (племянника — Н. Г.) Иосифова инок Досифей да инок Васиян»²⁵. По сложившейся традиции, восходящей к монографии В. Т. Георгиевского, погибшая роспись Дионисия датируется искусствоведами 1484 г.²⁶, т. е. временем закладки собора. Но даже при большой спешке стенописные работы не могли производиться одновременно с возведением церкви. Не могли они быть начаты и сразу по окончании строительства, зимой 1485 г. Казалось бы, самая ранняя дата — лето 1485 г. Однако и такая датировка оказывается слишком ранней. В одном из списков «Летописчика Иосифа Волоцкого» (XVI в., ГБЛ, ф. 113, № 515, л. 422) после известия об освящении церкви 18 декабря 1485 г. читается: «. . . И по прехожении немного лет подписал ея хытрыми живописцы. . .» (далее — как в опубликованном списке. Курсивом выделен текст, отсутствующий в других списках «Летописчика»). Это означает, что роспись церкви была начата по крайней мере через два года после освящения храма, т. е. не ранее лета 1487 г.

Мы знаем еще об одной несохранившейся росписи, выполненной Дионисием в Спасской церкви Чигасова монастыря за Яузой в Москве²⁷, по-видимому, в конце 80-х или в 90-х годах XV в. и уничтоженной пожаром 1547 г. «Подпись у церкви тоя чудна была Дионисия иконописца»²⁸, — с грустью отметил составитель летописи.

Имеющиеся в нашем распоряжении исторические источники позволяют назвать не менее 14 мастеров, чья деятельность в той или иной мере была связана с творчеством Дионисия и его сыновей. Помимо известий летописей и житий мы располагаем ценнейшими данными Описи икон Иосифова Волоколамского монастыря, составленной в 1545 г. старцем Ивосимой и книгохранителем Паисием²⁹. Если в дошедших до нас аналогичных

²⁵ А. А. Зимин. Указ. соч., стр. 15—16. Древнейшая редакция «Летописчика» возникла в 30-х годах XVI в. Она сохранилась в сборнике инок Волоколамского Иосифова монастыря Онуфрия Исакова (ГБЛ, ф. 113, № 577). Рассказ о постройке и росписи церкви помещен на лл. 297 об.—298. Здесь содержится отсутствующее в опубликованной А. А. Зиминим краткой редакции «Летописчика» интересное сообщение о том, что в 1479 г., перед постройкой деревянной церкви, Иосиф обращался за помощью к удельному волоцкому князю Борису Васильевичу, «и князь Борис присла к нему би(ти) челом, и прислал мастеров довольно на создание церкви и келей» (л. 297 об.). Ряд сообщений «Летописчика» был использован позднее (около 1546 г.) учеником и постройником Иосифа, впоследствии (в 1544—1554 гг) епископом крутицким — Саввой — при составлении жития Иосифа.

²⁶ В. Т. Георгиевский. Указ. соч., стр. 26. Ср. А. И. Некрасов. Указ. соч., стр. 258; М. В. Аллатов. Указ. соч., т. III, стр. 239; В. Н. Лазарев. Дионисий и его школа, стр. 489. В. И. Антонова (Каталог ГТГ, т. I, стр. 329) датирует роспись 1481—1486 гг.; в первой дате, безусловно, опечатка: дату следует читать как 1484 г.

²⁷ Игумен Чигас начал постройку кирпичной Спасской церкви в 1483 г. Об этом сообщают: Львовская летопись (ПСРЛ, т. XX, первая половина, стр. 349); Софийская II летопись (ПСРЛ, т. VI, стр. 234); «Румянцевский летописец», л. 462 об.; Русский временник (ч. II, стр. 170); Софийский временник (ч. II, стр. 226).

²⁸ «Летописец начала царства» (ПСРЛ, т. XXIX, стр. 51); Александро-Невская летопись (там же, стр. 151); Никоновская летопись (ПСРЛ, т. XIII, первая половина, стр. 152); «Румянцевский летописец», л. 648; «Царственная книга» (ПСРЛ, т. XIII, вторая половина, стр. 453).

²⁹ В. Т. Георгиевский. Указ. соч., приложение, стр. 1—8. Сохранившиеся иконы Иосифова Волоколамского монастыря в настоящее время вывезены в музей им. Андрея Рублева в Москве. Среди них к эпохе Дионисия относятся лишь четыре произведения. Это иконы из местного ряда иконостаса церкви Успения: «Троица» (по данным Описи 1545 г. — работы старца Паисия; воспроизведена в монографии Георгиевского, стр. 27, рис. 15).

В недавнее время на иконе сделаны пробные расчистки, показавшие хорошую сохранность авторского слоя живописи. Икона написана яркими плотными красками. Фон — светло-охристый; палата в левом верхнем углу — охристая и травянисто-зеленая; с нее свисает киноварно-красный велум. На лице правого ангела санкирь светлый, яблочно-зеленого оттенка, особенно характерного для произведений суздальской живописи XV в. Охрене густое; света на лице и подрумянка отсутствуют; «Успение Богородицы» (по данным Описи — работы Дионисия; воспроизведена у Георгиевского,

документах других монастырей имена иконописцев почти никогда не упоминаются, то здесь приведены точные указания, кем написана та или иная икона.

Опись называет 9 икон Рублева, около 90 икон Дионисия, работы сыновей художника — Владимира и Феодосия, иконы старца Паисия — участника росписи монастырской церкви (видимо, это был опытный мастер: им выполнялись ответственные работы — иконы местного ряда «Троица» и «Рождество Богородицы»; клейма «Рождества» писал Феодосий). Из Описи мы узнаем, что работу, начатую Дионисием, заканчивали иногда его ученики и помощники: «... Одигитриа с крыльци (со створками. — *Н. Г.*) . . . Дионисиево пи[с]мо. . . а крыльца писмо Феодосиево», «Одигитриа с крыльци, Дионисиева писма, а крыльца иного мастера. . .». Ученики Дионисия тоже делили работу между собой. В Описи упоминается икона Богоматери, «письмо Феодосиево, а крыльца Михайлово письмо Елина. . .». В Богоявленской церкви монастыря, построенной в 1504 г., хранилось 9 икон деисуса, «письмо Володимерово Денисиева сына да ученика их Тучково». Одна икона — «Успение Богоматери» — значится в Описи как труд «Денисиевых детей и учеников его».

В Описи названы также имена Даниила Можайского³⁰ и Михаила Кониина³¹.

Икон, созданных участвовавшими в росписи монастырского храма Вассианом и Досифеем Топорковыми, в Описи не указано. Вассиан, будучи уже епископом коломенским (с 1525 по 1542 г.), пожертвовал в Иосифов монастырь три иконы работы своего учителя³², причем компетентные составители Описи сомневались в авторстве Дионисия («. . . а кажут все три Дионисиева писма»). Досифею Топоркову (его не следует смешивать с епископом крутицким Досифеем Забелой), как явствует из его собственноручной приписки на рукописи «Изложения о вере»³³, «иконное рукоделие» служило впоследствии профессиональным заработком³⁴. Икон Дионисия в монастырь он не жертвовал и, можно думать, неважно относился к памяти «началохудожника», так как в надгробном слове Иосифу Волоцкому (1515 г.), помянув «изящных живописец»,

стр. 29, рис. 25. Пробные расчистки невелики и, на мой взгляд, не позволяют с уверенностью датировать это произведение концом XV в.); «Богоматерь Одигитриа» (по данным Описи — работы Дионисия; воспроизведена у Георгиевского, стр. 25, рис. 14. Пробная расчистка показала плохую сохранность лица Богоматери. Фон иконы имеет оттенок слоновой кости); одна икона — из праздничного ряда иконостаса — «Вход в Иерусалим» (пробная расчистка сделана только до слоя живописи XVII в.).

³⁰ В ГТГ есть небольшая икона первой трети XVI в. с изображением Георгия-воина; на ее обороте под верхней шпонкой сохранилась надпись: «Пи(с)ма Данило Можайска» (Каталог ГТГ, т. II, стр. 64—65, № 415, табл. 21).

³¹ По-видимому, сын Кони, который вместе с Дионисием, Тимофеем и Ярцом в 1481 г. писал деисус для Успенского собора в Москве. Сын Ярца, Иван, в 1509 г. по заказу новгородского архиепископа Серапиона исполнял иконы для Софийского собора в Новгороде, о чем сообщает Новгородская IV летопись (ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. II, Л., 1925, стр. 469. Ср. там же, стр. 461 и ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. III, Л., 1929, стр. 537). Между 1551 и 1557 гг. старец Кириллова монастыря Васьян Благовещенский пожертвовал в Ферапонтов монастырь 12 икон-таблеток (написанных на полотне, пропитанном рыбьим клеем и загрунтованном) с изображениями «праздников», в киоте, «Иванова писма Дермина». См. *Н. П. Лихачев*. Род иконописцев. СПб., 1908. О роде иконописцев Дерминых см. также: *В. И. Антонова*. Московский иконник Посник Дермин. — «Культура и искусство Древней Руси». Л., 1967, стр. 144—152.

³² «Книги дачные старые, подлинные», XVI в., рукопись Иосифова монастыря № 684, л. 86. См. *В. Т. Георгиевский*. Указ. соч., стр. 27—28. Среди бывших владельцев икон Дионисия, помимо Вассиана и самого Иосифа Волоцкого, Опись 1545 г. называет казначея Иосифова монастыря, соборного старца Тихона Возворыкина, архимандрита чудовского Венедикта и Ивана Пишулю.

³³ Гос. Исторический музей, Ув., № 356, л. 32 об.

³⁴ *А. Д. Седельников*. Досифей Топорков и Хронограф. — «Известия АН СССР», VII серия. Отделение гуманитарных наук. Л., 1929, № 9, стр. 764—765.

украшавших церковь Успения, назвал по имени и на первом месте только Феодосия³⁵.

О младшем сыне Дионисия — Феодосии — мы знаем, что в 1507 г. он написал изысканные миниатюры с изображениями евангелистов для четвероевангелия, заказанного И. И. Третьяковым³⁶, а в 1508 г. руководил работами по росписи великокняжеского Благовещенского собора в Московском Кремле³⁷ (роспись сохранилась). Он упоминается еще в датированных 1510—1511 гг. посланиях И. Волоцкого И. И. Третьякову и Б. В. Кутузову³⁸ и в одном из житий Иосифа, где выступает как сторонник обличителей еретиков³⁹. Наконец, известно о значительном вкладе Феодосия в Иосифов монастырь⁴⁰.

Сведения о судьбе некоторых мастеров, упомянутых в Описи 1545 г. и новгородской летописи, мы находим в так называемой краткой редакции иконописного подлинника, возникшей при Василии III. Уже знакомые нам Иван Дерма (сын Ярца), Петр Тучков, Михаил Елин и Даниил Можайский упомянуты здесь как «писцы великого князя»⁴¹.

Сопоставив все известное о Дионисии, можно предположить, что художник, создавший направление в русской живописи и воспитавший плеяду придворных мастеров, сам не принадлежал к великокняжеским «писцам» и был значительно меньше, чем они, связан какими-либо требованиями. Никто не мог навязать ему парадного величия, роскоши, нарочитой аристократической изысканности, отличающей произведения художников московской школы первой половины XVI в. О новаторстве Дионисия в подборе и трактовке канонических сюжетов говорят росписи Ферапонтова монастыря — многие изображения впервые встречаются в русской живописи именно здесь; многие (вроде композиций на темы акафиста Богоматери) получили оригинальное философское истолкование⁴². Недаром житие Иосифа Волоцкого и одна из редакций жития Пафнутия Боровского именуют мастера «мудрецом».

Чем же объяснить выступление художника против еретиков? Дионисия невозможно заподозрить в религиозном ханжестве. Против этого говорит, в частности, яркий эпизод из жития Пафнутия, где рассказывается о том, как живописец пренебрег монастырскими правилами, запрещающими «мясоядение», и пронес на территорию монастыря мирскую пищу — баранью ногу, запеченную с яйцами. Материальная сторона вопроса о секуляризации монастырских земель также не могла затронуть интересов мастера: Дионисий не был монахом. Но он прежде всего был художником, иконописцем, а еретики отвергали иконы, глумились над ними, жгли.

³⁵ Надгробное слово преподобному Иосифу Волоколамскому ученика и сродника его инокa Досифея Топоркова. М., 1865, стр. 18.

³⁶ А. Ф. Бычков. Заставки и миниатюры Четвероевангелия 1507 года. СПб., 1880—1881. О Третьякове см. «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 268.

³⁷ Софийская I летопись, список Царского (ПСРЛ, т. VI, СПб., 1853, стр. 53); Воскресенская летопись (ПСРЛ, т. VIII, стр. 249); Русский временник (ч. II, стр. 268).

³⁸ «Послания Иосифа Волоцкого», стр. 187, 207, 212.

³⁹ Житие Иосифа, составленное Саввой Черным (ук. в прим. 24), стр. 37—38. Следует отметить, что в так называемом «Волоколамском патерике», составленном несколько позже (после 1547 г.) Досифеем Топорковым, в том же рассказе (Гос. Исторический музей, Син. № 987, л. 8—10) вместо Феодосия фигурирует Иосиф Волоцкий.

⁴⁰ В. Т. Георгиевский. Указ. соч., стр. 34—35. Монахи продали землю за 40 рублей и купили на эти деньги две деревни. Ср. еще: Институт русской литературы АН СССР (Пушкинский Дом), постул. 1953 г., № 27, л. 72 об.; А. А. Тумов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. 5. М., 1906, приложения, № 38.

⁴¹ П. П. Вяземский. Иконописный подлинник краткой редакции. СПб., 1885, стр. 7; М. Н. Сперанский. Еще один список иконописного подлинника XVI в. — «Чтения ОИДР». М., 1912, кн. I, отд. V, стр. 69—71. Н. П. Лихачев (Иконописцы подлинника краткой редакции. СПб., 1897, стр. 3) датирует эту редакцию началом XVI в.

⁴² Ср. Т. Н. Михельсон. Живописный цикл Ферапонтова монастыря на тему Акафиста. — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966, стр. 144—164.

Он был тонким знатоком богословия — об этом говорят и состав ферапонтовской росписи, и факт обращения к Дионисию Иосифа Волоцкого с обширным философским трактатом «Послание иконописцу». Принципиальностью, стойкостью в убеждениях можно объяснить смелое выступление художника против еретиков, негласным покровителем которых долгое время был сам великий князь.

Даты рождения и смерти Дионисия пока неизвестны. Но творческий облик мастера становится все более отчетливым благодаря открытиям, совершающимся на наших глазах. Сравнительно недавно было установлено авторство Дионисия по отношению к двум выдающимся произведениям, хранящимся в ГТГ. Это иконы «Спас в силах» и «Распятие», происходящие из Павлова Обнорского монастыря⁴³. На обороте «Спаса» сохранилась резная надпись 30-х годов XVI в., повторяющая почти утраченную запись чернилами начала XVI в.: «В лето 7008 (1500) писан диисоус и празьники и пророци Денисьева письмени». С большой долей вероятности авторство Дионисия предполагается в иконе «Успение» из Успенского собора города Дмитрова, вывезенной в 1958 г. и ныне экспонирующейся в музее им. Андрея Рублева, а также в иконе «Сошествие во ад» из собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря, в 1963 г. раскрытой реставраторами Русского музея⁴⁴.

Среди произведений, приписываемых Дионисию и его мастерской, особого упоминания заслуживает икона Вологодского музея «Дмитрий Прилуцкий в житии», происходящая из Спасо-Прилуцкого монастыря близ Вологды⁴⁵. Мнение, по которому этот памятник относят к школе Дионисия, основано не только на стилистических сопоставлениях. С иконой Вологодского музея обычно связывают два исторических свидетельства, которые невольно ассоциируются с именем Дионисия. Рассматривая их, следует принять во внимание, что вплоть до открытия ферапонтовских фресок письменные упоминания о работах неизвестного тогда Дионисия историки, как правило, относили к Дионисию Глушицкому (1362—1437).

Согласно первому свидетельству, во второй половине XV в. в Спасо-Прилуцком монастыре имелась икона Дмитрия Прилуцкого. Эта икона была взята Иваном III в поход на Казань и возвращена 3 июня 1503 г.⁴⁶

⁴³ Троицкий собор монастыря был построен и снабжен утварью Василием III в 1506—1516 гг. См. *В. И. Антонова*. Новооткрытые произведения Дионисия в Гос. Третьяковской галерее. М., 1952, стр. 1—16; Каталог ГТГ, т. I, стр. 332—334, № 276 и 277, табл. 215. М. В. Алпатов в «Этюдах по истории русского искусства» (т. I. М., 1967, стр. 172) говорит о «Распятии» Дионисия из Спасо-Каменного монастыря. Это, безусловно, ошибка.

⁴⁴ *В. К. Лаурина*. Вновь раскрытая икона «Сошествие во ад» из Ферапонтова монастыря и московская литература конца XV в. — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966, стр. 165—187.

⁴⁵ *В. А. Богусевич*. Живопись конца XV столетия в привологодском районе. — «Северные памятники древнерусской живописи». Вологда, 1929, стр. 14—19.

⁴⁶ *А. А. Засецкий*. Исторические и топографические известия по древности о России; и частно о городе Вологде, и его уезде и продолжении оног по известие сие. М., 1782, стр. 37—38: [7014 (1503) июня в 3] «Сретение бысть на Вологде образу Преподобнаго Дмитрия Прилуцкаго, которой привезен из Москвы, и значится по старинным святцам, что оный образ встречен Стефаном Епископом и весь град изыде в сретение, и на том месте церковь поставиша, и уставися ежелетное празднество. По летописцам же значится того году Епископом Алексей, который якобы и первым был на Вологде, а по Устюжскому летописцу приупоминается первым Иоасаф, которой переведен с Устьями на Вологду, и начиная с перваго Стефана, просветившаго Пермю числом 11 и наречен Вологодский и Великопермский. А о преждеупомянутом образе преподобнаго Дмитрия, как слышно, что бран был в поход, и был при взятые города Казани». Ср. *Н. И. Суворов*. «Вологодский летописец». — «Вологодские епархиальные ведомости», 1873, № 9, стр. 358—359. Это известие почти без изменений пересказывают все вологодские историки XIX—начала XX в. Впрочем, несколько иную редакцию имеет оно в забытом сообщении Зарянда «Семисотлетие Вологды» («Вологодские губернские ведомости», 1848, № 1, часть неофициальная, стр. 3): «В 1503 году,

По второму известию, в начале XVII в. чтимая надгробная икона Дмитрия Прилуцкого работы Дионисия Глушицкого была перенесена из Прилуцкого монастыря в Вологду, в церковь Всемиловитого Спаса⁴⁷.

Следуя установившейся традиции⁴⁸, В. А. Богусевич привел оба этих свидетельства. Он не решился прямо связать их с иконой Вологодского музея. Но поход на Казань, в котором побывала какая-то икона Дмитрия Прилуцкого, послужил ему основанием для датировки памятника временем после 1485 г. В. А. Богусевич считал, что в предпоследнем, 15-ом клейме иконы художник изобразил постройку в монастыре третьей соборной церкви — событие, якобы совпавшее с победоносным походом Ивана III⁴⁹.

Запутанные экскурсы В. А. Богусевича ввели в заблуждение позднейших исследователей, склонных связывать известие «Вологодского летописца» об иконе, побывавшей в Казанском походе, с памятником Вологодского музея. Между тем в военный поход едва ли могли специально вытребовать из монастыря только что написанную икону. Для этой цели гораздо более подходила чудотворная, прославленная икона, связанная с именем святого иконописца. Поэтому более правдоподобной представляется первоначальная гипотеза, связывающая оба известия с иконой Дмитрия Прилуцкого работы Дионисия Глушицкого — произведением, по-видимому, ныне утраченным.

Отмеченная же всеми исследователями стилистическая близость памятника Вологодского музея к произведениям Дионисия говорит о влиянии, которым пользовался «началохудожник» Дионисий среди русских живописцев. Против авторства самого Дионисия свидетельствует колорит иконы, не свойственный работам этого мастера.

Некоторые искусствоведы предположительно связывают с именем Дионисия фрески Воскресенского собора в Волоколамске, по всей вероят-

когда русские ходили на Казань, великий князь, по особенному откровению, вытребовал из Вологды образ Дмитрия Прилуцкого, который и сопутствовал ему в продолжение всего похода. В благодарность за победу, дарованную от бога над казанцами, которую великий князь приписывал молитвам и заступлению св. Дмитрия Прилуцкого, Иоанн Васильевич прислал в Вологду новую икону преподобного Дмитрия» (курсив мой. — *Н. Г.*).

⁴⁷ «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Имп. Академии наук», т. II. СПб., 1836, № 99 (1609, янв. 13. Отписка Василия Вербышева к вычегодцам), стр. 196: «. . . А здеся, на Вологде, преподобный Дмитрей милость свою явил, обещался с нами на врагов государевых стоять: явился духовному старцу у гробницы, велел образ свой от гробницы принести на Вологду, и тот образ архиепископ и воевода и со всем вологодским народом и с иногородными стрегив с великою честью, и со слезами, и с молебным пением, поставили на Вологде на площади, и Всемиловитого Спаса в церкви, генваря в 4 день, и ныне тот образ стоит на уверение и на поклонение всем православным крестьяном; а писал, сказывают, тот образ преподобнаго Дмитрея преподобный Дионисей Глушицкий. . .».

⁴⁸ Ср. *Н. И. Суворов*. Крестный ход, 3-го июня, из Вологды в Спасоприлуцкий монастырь и чудотворный образ препод. Дмитрия Прилуцкого. — «Вологодские епархиальные ведомости», 1865, № 11, стр. 435; «Путеводитель по Вологде». — «Вологодские епархиальные ведомости», 1874, № 18, прибавл., стр. 297; *В. Лебедев*. Иконописные труды преп. Дионисия Глушицкого, вологодского чудотворца. — «Вологодские епархиальные ведомости», 1900, № 6, прибавл., стр. 152; «Описание вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря». Вологда, 1914, стр. 40—42, 46.

⁴⁹ *В. А. Богусевич*. Указ. соч., стр. 16. *И. Е. Данилова* (указ. соч., стр. 70) отметила, что указанный храм был построен в 1542 г. Следовательно, изображение в пятнадцатом клейме иконы не может служить основанием для датировки. Путаница существовала и в определении времени этого казанского похода Ивана III. Если В. А. Богусевич относил его к 1485 или 1487 г., то большинство его предшественников склонилось к 1503 г. (*И. К. Степановский*. Вологодская старина. — «Историко-археологический сборник». Вологда, 1890, стр. 286). Стиль иконы Вологодского музея свидетельствует о творческом восприятии неизвестным мастером принципов зрелого дионисиевского творчества. На мой взгляд, это произведение следует датировать концом XV—началом XVI в.

ности, сохранившиеся под слоем поздней живописи⁵⁰. Собор, построенный в 80—90-х годах XV в., нуждался в росписи именно тогда, когда по соседству с городом, в Иосифовом монастыре, работали выдающиеся живописцы под руководством Дионисия. Волоцкий князь Борис Васильевич, несомненно, знал об этих работах, а быть может, и субсидировал их. Едва ли он упустил бы возможность пригласить Дионисия для украшения своего городского собора. Знал Дионисия и сын Бориса Федор, княживший в Волоколамске с 1494 по 1515 г.⁵¹ Но вероятнее всего, приглашение могло последовать до смерти Бориса Васильевича, во время работы Дионисия в Иосифовом монастыре, т. е. между 1488 и 1494 гг.

Однако такое предположение не нашло пока подтверждений в письменных источниках; окончательный ответ может дать реставрационное раскрытие всех сохранившихся фресок и тщательное их изучение.

⁵⁰ См. В. Максимов. Дионисий в Подмоскowie. — «Советская культура», 21 октября 1967 г., стр. 4.

⁵¹ Ср. сообщение жития новгородского архиепископа Серапиона о том, что Иосиф Волоцкий «монастырь нарочит составив в пределах Волока Ламскаго помоганием, имением, и казною, и брашном, и питием, и сел даянием князя Бориса Волоцкого, и сынов его, Феодора и Ивана. Много бо простерта рука их ко строению монастыря того баше» (Г. Н. Моисеева. Житие Новгородского архиепископа Серапиона. — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, стр. 159).

А. Ф. ЧЕРВЯКОВ

СТАВРОТЕКА XII ВЕКА
ИЗ АРХАНГЕЛЬСКОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ *

На реставрацию в Государственную центральную художественную научно-реставрационную мастерскую им. акад. И. Э. Грабаря поступила ставроотека, считавшаяся изделием византийских мастеров XII в.¹

Ставроотека представляет собой деревянный ящичек-ковчезец размером 99×81 мм с углублением в форме четырехконечного креста и выдвигной крышкой. Углубление заполнено частицами кипарисного креста. Крышка, поля и дно ковчезца украшены листами позолоченного серебра с чеканным орнаментом и изображениями. На лицевой стороне выдвигной крышки вычеканено изображение в рост св. Климента. Святой представлен в священническом одеянии с книгой в левой руке, правая рука застыла в благословляющем жесте. Вокруг головы нимб, окаймленный кольцеобразным жгутиком. С левой стороны столбцом сверху вниз дана надпись: «ΑΓΝΟΣΤΉ», справа: «ΚΛΙΟΥΜΕΝΉΤΉ ΓΉ». По бокам и подножию пластинка обрамлена двумя рядами кольцеобразного жгутика с рядом повторяющихся бусинок между ними. Над головой Климента более выпукло на специально прибитой планке укреплен пластина с орнаментом, так называемым «побежкой», состоящим из петлеобразно вьющихся на стебле листьев. В изгибах петель размещены листки трилистника, прикрытые в раструбе выходящими из стебля удлинёнными листьями. Орнамент с двух сторон обрамлен спиралеобразным жгутиком, так называемой «сканной веревочкой». На скосе пластинки укреплены остатки пояса из повторяющихся пальметок, ограниченных сверху полоской кольцеобразного жгутика.

На дно ковчезца положена (некогда цельная) пластинка с вырезом для четырехконечного креста, обрамленного по краю кольцеобразным жгутиком. По сторонам крестообразного выреза стоят обращенные к кресту Константин и Елена; вверху — полуфигуры ангелов (возможно, архангелов) с молитвенно поднятыми руками и головами, склоненными к кресту. Константин и Елена изображены в традиционных императорских одеждах, с коронами на голове. Нимбы вокруг голов четырех фигур обведены

* В журнале «Декоративное искусство СССР», № 8 за 1970 г. напечатана статья об Архангельской ставроотеке (В. П. «Ставроотека домонгольского времени»). Ход рассуждений и выводы этой статьи совпадают с публикуемым здесь исследованием.

В связи с этим редколлегия «Византийского временника» считает необходимым указать, что статья А. Ф. Червякова была получена редколлекцией в ноябре 1967 г. и ее выход в свет задержался по не зависящим от автора причинам. — *Ред.*

¹ Принадлежит Архангельскому областному краеведческому музею (инв. № 148), обнаружена и вывезена на реставрацию заслуженным деятелем искусств Н. Н. Померанцевым.

сплошной линией и непрерывной цепочкой из точек. Слева от Константина надпись, начинающаяся столбцом от головы, продолжающаяся с другой стороны торса, у подножия креста и кончающаяся слева от Елены: «АГИОСЪ КОСТАНТИНЪ». Справа от Елены — надпись столбцом: «. . ГНОСЪ НЕЛЕНА»². Справа от левого ангела видна буква «Х», справа от правого ангела — «Г». Над вершиной креста: «ІС ХС». Вся пластинка по краям обрамлена кольцеобразным жгутиком.

На полях ковчежца набиты пластинки, орнамент которых повторяет узорчатый мотив выпуклой пластинки на крышке. Когда крышка закрыта, поля ковчежца совпадают с выпуклой пластиной, образуя орнаментальную рамку для фигуры Климента.

На обороте ковчежца непосредственно по дереву рисован тупью четырехконечный крест и надпись: «ІС ХС НИКА». Внизу между двумя линейными чертами дана надпись: «О НУТРЬ КРТЬ І ОРАЪЫ ЦРЬ КОСТАТИ j ЕЛЕНА». Ниже с трудом просматривается выскобленная надпись.

Сверху ковчежца прибита толстая пластина золоченого серебра, служащая запором для крышки. Здесь же ввинчено небольшое железное кольцо.

Ставротека дошла до нас со значительными утратами. Отсутствует большой кусок пластины с крышки³. Почти полностью недостает правой фигуры ангела и большей части пластины со дна ковчежца. Позднее вся эта пластина была положена на плотный слой воско-канифольной мастики. Это обстоятельство сыграло положительную роль, так как некоторые утраченные детали орнамента, части одежд и буквы отпечатались на мастике. Эти отпечатки помогают представить не только полный облик всей композиции памятника, но и разобрать отдельные утраченные детали, а главное — полностью прочитать надписи. К сожалению, некоторые чеканные детали утрачены вместе со слоем мастики: правая фигура ангела, подножие креста.

Ковчежки разных форм с частицами так называемого «животворящего креста» встречаются во многих странах христианского мира. Культ «животворящего креста» возник в Византии в IV в. и в последующие столетия достиг наивысшего расцвета. Для утверждения православия, укрепления могущества самодержавной власти и духовенства византийские правители сосредоточивали во дворце, главнейших храмах и монастырях различные реликвии, вокруг которых специально создавались полные пышности обряды и торжества⁴.

Обладая большими возможностями, двор и церковь заказывали для хранения реликвий богато украшенные хранилища — реликварии⁵. Считается, что наиболее распространенным видом византийских реликвариев для хранения частиц «животворящего креста» были ставротеки⁶. Большинство из них теперь известно только по описаниям⁷. По некоторым сохранившимся ставротекам можно судить о высоком искусстве византийских мастеров, создававших подлинные шедевры декоративно-прикладного жанра. Такова, например, знаменитая Лимбургская ставротека X в.⁸

² Часть басмы с буквой «А» утрачена.

³ Вместе с фрагментом утрачена буква «Б».

⁴ Jean Ebersolt. Sanctuaires de Byzance. Recherches sur les anciens trésors des églises de Constantinople. Paris, 1921, p. 7, 24—26; A. Frolow. La relique de la vraie croix. Recherches sur le développement d'un culte. Paris, 1961, p. 74—79.

⁵ J. Ebersolt. Op. cit., p. 109—110.

⁶ Ibid., p. 124; А. В. Банк. Византийские серебряные изделия XI—XII вв. в собрании Эрмитажа. — ВВ, XIV, 1958, стр. 236.

⁷ А. Frolow. Op. cit., p. 153—661.

⁸ А. В. Банк. Указ. соч., стр. 236, рис. 11; Н. П. Кондаков. История и памятники византийской эмали. СПб., 1892, стр. 198—204, рис. 39.

Большой интерес вызывают византийские ставротеки, сохранившиеся в Москве, Ленинграде, Грузии ⁹.

Эта отрасль прикладного искусства Византии, известная далеко за пределами империи, не могла не оказать влияния на изделия подобного рода в других странах, в частности на территории Древней Руси. Под влиянием византийских ставротек создан и рассматриваемый нами реликварий. Памятник этот, несомненно, русского происхождения. Это подтверждается прежде всего надписями с начертаниями, характерными для древнерусского алфавита. Все слова с твердым окончанием завершаются буквой «ъ». Греческое слово «ΟΑΓΙΟΣ» здесь передано как «АГНОСЪ». Этим же словом именуется и Елена, хотя по-гречески в женском роде оно звучит как «ΝΑΓΙΑ». Черты местного диалекта, а может быть и своеобразного представления автора об орфографии, видны в начертании слов «КЛОУМЕНЪТЪ» и «КОСТАНТИНЪ». Интересна такая деталь: поставив после «АГНОСЪ КЛОУМЕНЪТЪ» букву «Г», автор как бы старается показать свою «книжность», ибо фразы в рукописных книгах того времени нередко завершались подобным образом.

В декоративном убранстве ставротеки видны черты, присущие произведениям русского прикладного искусства и отличающие последние от византийских прототипов. По сравнению с резковатой, графичной, несколько сухой манерой прорисовки орнамента и изображений на предметах византийского происхождения чеканные мотивы нашей ставротеки отличаются более мягким рисунком, плавностью линий, образной выразительностью изображенных лиц.

При рассмотрении ставротеки бросается в глаза разновременность ее деталей. Наиболее ранними можно считать основные ее части: вложенная в ковчежец пластина с четырьмя изображениями и крещатым проемом, а также пластина на крышке с изображением св. Климента. Об их раннем происхождении свидетельствуют хотя бы такие детали, как открытая корона на голове Константина, торакион с шестиконечным крестом на одежде Елены ¹⁰. Фигура ангела напоминает подобные изображения на известных византийских ставротеках XII в. из Эрмитажа, Урбино ¹¹, монастыря Килика и Улиты в Сванетии ¹². Орнаментальный пояс на одежде Константина имеет аналогии на византийских и русских памятниках XI—XII вв. (например, сканный узор оклада евангелия XI в. из Миланской соборной ризницы ¹³, шитый узор XII в. на сводах арок с поручей Варлаама Хутынского ¹⁴). Кольцеобразный поясок-жгутик, обрамляющий пластины, — также свидетельство древнего происхождения памятника. Этот орнаментальный прием имитирует применявшееся в древности украшение в виде припаянного к металлической основе стерженька с кольцеобразно намотанной на него тонкой проволокой. Это обрамление из двух рядов подобного жгутика с бусинками между ними имеется на Гильдесгеймском кресте XII в. ¹⁵

Общая манера письма и приемы начертания отдельных букв в надписях к изображению ставротеки характерны для Руси XII в. ¹⁶ К этому же

⁹ А. В. Банк. Указ. соч., стр. 234—241.

¹⁰ А. В. Банк (указ. соч., стр. 239) приводит сведения о том, что торакион (кусочек ткани в форме щита с изображением шестиконечного креста) на одежде Елены встречается в основном на памятниках, относящихся к 40—90-м годам XII в.

¹¹ А. В. Банк. Указ. соч., стр. 236, рис. 1, 8.

¹² П. С. Уварова. Поездка в Пшавию, Хевсуретию и Сванетию. — «Материалы по археологии Кавказа», вып. X, 1904, табл. XXVI—XXVII.

¹³ Н. П. Кондаков. Указ. соч., рис. 57.

¹⁴ Л. И. Якунина. Русское шитье жемчугом. М., 1955, рис. 13.

¹⁵ И. А. Шляпкин. Русский крест XII века в г. Гильдесгейме. — «Вестник археологии и истории», вып. XXII, 1914, стр. 36 и табл.

¹⁶ Палеографическое определение М. В. Щепкиной и В. С. Голышевой.

времени относятся и два маленьких фрагмента орнаментального пояса из пальметок и кольцеобразной веревочки, прикрепленные на скосе поля над головой Климента.

Несколько более архаично по сравнению с другими деталями ставротечи выглядят диспропорционально приземистые фигуры Константина и Елены, хотя надписи рядом с ними свидетельствуют о принадлежности этой пластины к XII в. Предположительно это можно объяснить заданными размерами и формой старого ковчежца, а также и тем, что в изображении Константина и Елены автор следовал каким-то более древним образцам, чем при создании образа св. Климента. Достаточно вспомнить ранние произведения византийских эмалей и глиптики¹⁷. Таким образом, основные фрагменты ставротечи принадлежат к XII в.

В настоящем виде памятник возник значительно позднее. В это время была заново создана вся деревянная часть ставротечи, орнаментальные пластины полей и пластина-запор. Поздний мастер при обновлении памятника, стремясь сохранить его особенности, следовал древним византийским образцам. Не только сохранена наиболее распространенная форма византийских ставротек, но и за основу украшения заново созданных полей ковчежца взят традиционный орнамент, встречающийся на византийских изделиях прикладного искусства XI—XII вв. Таков, например, узор верхнего пояса саркофага из церкви св. Аполлинария в Равенне¹⁸. Тот же мотив прослеживается на византийском кресте XII в. из Оньи¹⁹, на кресте XII в. из церкви Спаса в сел. Мацхвариши в Сванетии²⁰, в орнаменте, обрамляющем фигуру танцовщицы на так называемой «короне Константина Мономаха»²¹, на ларце XI—XII вв. из Эрмитажа²².

Следуя византийским образцам далекой для него эпохи, автор разрешил орнаментальное обрамление в духе близких ему приемов и veinий своего времени. Известный специалист по художественным изделиям из металла М. М. Постникова считает этот образец редчайшим, так как ни в XVI, ни в XVII в. подобный орнамент в русских произведениях из драгоценных металлов не встречается. Возможно, это объясняется тем, что автор создавал данный орнамент применительно только к одному изделию и следовал определенным древним византийским образцам. Судя по стилю и манере исполнения, орнамент создан не позднее конца XVI—начала XVII в.²³ Надпись на обороте ковчежца как бы подтверждает это. М. В. Щепкина относит ее к первой половине XVII в.

Совершенно неизвестно место изготовления ставротечи и дальнейшее ее бытование²⁴. Но целый ряд обстоятельств позволяет отнести ее древние части к произведениям новгородских мастеров XII в.

¹⁷ Например, камеи с изображениями Богоматери и Христа из Эрмитажа (А. В. Банк. Несколько византийских камей из собрания Эрмитажа. — ВВ, XVI, 1959, стр. 208, рис. 1—2), образок «Распятие» из Оружейной Палаты (Л. В. Писарская. Памятники византийского искусства V—XV веков в Государственной Оружейной Палате. М.—Л., 1965, стр. 19, табл. XXVI).

¹⁸ O. M. Dalton. Byzantine art and archeology. Oxford, 1911, p. 141.

¹⁹ А. С. Уваров. Сборник мелких трудов. Издан ко дню 25-летия со дня кончины под ред. П. С. Уваровой, т. 1. М., 1910, табл. LX.

²⁰ П. С. Уварова. Указ. соч., табл. XXV.

²¹ Н. П. Кондаков. Указ. соч., стр. 231, рис. 75.

²² А. В. Банк. Византийское искусство в собраниях Советского Союза. М.—Л., 1966, рис. 138.

²³ По своему строю очень близко к разбираемому орнаменту узорчатое обрамление XVI—XVII вв. на стеатитовой иконке «Праздники» из Оружейной Палаты (А. В. Писарская. Указ. соч., табл. XLIV).

²⁴ В учетных документах Архангельского музея нет сведений о времени и источнике поступления ставротечи в его хранилище. Это случилось примерно в 30-х годах XX вв.

Известно, что Новгород Великий не только занимал большое место в художественной культуре Древней Руси, но и был одним из крупнейших ремесленных центров Европы. Не случайно иноземцы с восторгом отзывались о Новгороде конца XI в., отмечая, что с ним «только Рим мог сравниться в веках своими творениями»²⁵.

В XI—XII вв. из новгородских мастерских вышли такие замечательные произведения прикладного искусства, как очелье княгини Анны-Ингерды (XI в.)²⁶, поручи Владимира Ярославича (XI в.)²⁷ и Варлаама Хутынского (1196 г.)²⁸, большой серебряный сион и знаменитые кратиры Косты и Братилы (XI—XII вв.)²⁹.

Не случайно Б. А. Рыбаков высказал предположение, что в древнем Новгороде существовал институт «шедевров», изготовлявшихся на звание мастера, — настолько высоки там были требования, предъявлявшиеся ремесленникам, в частности работающим по благородным металлам³⁰.

В XI—XII вв. в Новгороде изготовлялись превосходные изделия прикладного искусства, связанные с почитанием частиц «животворящего креста». Таков, например, воздвиженный крест и крест-реликварий, приписываемые Антонию Римлянину³¹, крест-реликварий из Гильдесгеймского собора³². К их числу относится и Архангельская ставро-тека.

Изображения ставротеки очень близки целому ряду новгородских памятников. Так, фигуры Константина и Елены имеют аналогию во фреске XII в. из новгородского Софийского собора с тем же изображением³³. Общность видна не только в позе Константина и Елены, обращенных к кресту, но и в близких изобразительных приемах. Образы ставротеки со знаменитой фреской роднят монументальность, суровая экспрессивность, скульптурная выразительность — черты, присущие изобразительному искусству Новгорода того времени³⁴. Особенно близко изображению фрески лицо Константина. Лишенное византийских черт, оно почти стереотипно лицу императора с фрески, а также изображению князя на фреске из Мартирьевской паперти того же собора³⁵.

Лик левого ангела со ставротеки имеет большое сходство с ангелами, изображенными на фреске «Страшный суд» из церкви Спаса Нередицы (1199 г.)³⁶.

Несмотря на деформацию лика св. Климента и утрату нижней части его бороды, это изображение позволяет проследить ряд аналогий на новгородских памятниках. Такова голова святителя с фрески Богородице

²⁵ «Admiranda fuit multis Novogradia saeculis, cui Roma suas aequiparavit opes» (Joh. Aug. Werdenhagen. De Rebus publicis Hanseaticis, pars VI, cap. 18, in: *Ch. de Linas. Les origines de l'orfèvrerie cloisonnée*, v. II. Paris, 1887, p. 437).

²⁶ «VI выставка произведений изобразительного искусства, реставрированных Государственной центральной художественной научно-реставрационной мастерской им. академика И. Э. Грабаря». Каталог. М., 1969, стр. 121, 129.

²⁷ Там же, стр. 121, 130 и илл.

²⁸ Л. И. Якунина. Указ. соч., стр. 35, рис. 13.

²⁹ В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода. М.—Л., 1940, табл. 38—39.

³⁰ Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М.—Л., 1948, стр. 300.

³¹ «Древности Российского государства», отд. 1. М., 1849, стр. 47—48, рис. 25—26; Н. В. Покровский. Древняя Софийская ризница. — «Труды XV археологического съезда в Новгороде». М., 1914, стр. 64—65, рис. 27—29.

³² И. А. Шляпкин. Указ. соч., стр. 36—45.

³³ В. Мясоедов. Фрагменты фресковой росписи Святой Софии Новгородской. — «Записки Отделения русской и славянской археологии Русского Археологического общества», т. X. Пг., 1915, табл. VI.

³⁴ В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода. — «История русского искусства», т. II. М., 1954, стр. 98.

³⁵ А. Л. Монгайт. Раскопки в Мартирьевской паперти Софийского собора в Новгороде. — КСИИМК, XXIV, 1949, стр. 95, рис. 24.

³⁶ В. Н. Лазарев. Живопись и скульптура Новгорода, табл. 19.

Рождественского собора Антониева монастыря ³⁷, изображения св. Фомы, св. Иакова и др. на фресках Спаса Нередицы ³⁸, изображения святителей на фресках из церкви св. Георгия в Старой Ладоге (80-е годы XII в.) ³⁹. Общность черт прослеживается и в более поздних новгородских памятниках, как, например, в изображении Иоанна Богослова на иконе XIII в. «Иоанн Богослов, св. Георгий и св. Власий» ⁴⁰.

Архангельская ставроотека представляет историческую ценность и художественный интерес. Среди древних новгородских реликвариев это пока единственный известный нам экземпляр, форма которого повторяет наиболее распространенный в Византии вид ставроотек ⁴¹.

В изготовлении ставроотeki принимал участие незаурядный мастер-чеканщик XII в. Преодолев традиции византийского канона, он смог создать интересное произведение, трактованное в близкой для него и его художественной среды манере. Мастерское владение инструментом чеканщика позволило автору добиться тонкой проработки деталей, предельной четкости рисунка, большой выразительности в изображении персонажей.

Этот памятник, несомненно, должен занять надлежащее место в ряду выдающихся произведений декоративно-прикладного искусства древнего Новгорода.

³⁷ Там же, табл. 4.

³⁸ Там же, табл. 15.

³⁹ В. Н. Лазарев. Искусство Новгорода, табл. 12.

⁴⁰ Его же. Живопись и скульптура Новгорода, стр. 132.

⁴¹ Из новгородских ставроотек подобной формы известна только одна, хранящаяся в Государственном Историческом музее, но она относится к XV веку. По устному сообщению М. М. Постниковой, в Оружейной Палате ею обнаружена ставроотека XV в., по-видимому, московской работы.

В. В. КРОПОТКИН

ВИЗАНТИЙСКАЯ ЧАША ИЗ КРЫЛОССКОГО КЛАДА VII в.

В Верхнем Поднестровье, близ Галича, у села Крылос (ныне Галичский р-н Ивано-Франковской области), в 1908 г. был найден клад серебряных вещей VI—VII вв., поступивший в Украинский национальный музей во Львове¹. Краткое описание клада было впервые опубликовано известным историком украинского искусства И. Свенцицким в 1913 г.² Обстоятельства находки клада неизвестны; в музей поступили сломанная на две части византийская серебряная чаша с позолотой и черным орнаментом, снабженная двустрочным греческим прямоугольным клеймом на дне, крученая шейная гривна с застежкой в виде крючка и петли, обломок края серебряного сосуда с отогнутым венчиком, два массивных браслета с утолщенными гранеными концами, обломок такого же браслета, два браслета из гладких стержней и незамкнутое граненое кольцо и обломок серебряной пластинки (см. рис. 1).

Особый интерес для истории византийского прикладного искусства представляет серебряная чаша из Крылоса³ (см. рис. 2). Она имеет невысокое округлое тулово на кольцевом поддоне и вогнутый бортик с орнаментом (см. рис. 3). На внутренней стороне чаши в круглом медальоне, заполненном растительным орнаментом, находится выпуклая розетка, которая образована сложным переплетением квадрата с четырехлистником. В розетку вписан позолоченный круг с крестом, имеющим раздвоенные концы; крест выполнен в технике черни. По краю медальона — поясик из треугольников. Выпуклый бортик чаши украшен позолотой и плетеной, образующей ромбический узор, внутри ромбов — крестики. Орнамент по бортику также исполнен чернью. На дне чаши — небольшое округлое углубление для установки ее на токарном станке, по краю — концентрический круг из зубчиков. На донце — прямоугольное двустрочное греческое клеймо ΒΙΤΑΛΙΟΥ, в центре пробирного знака — крест, по сторонам — две звездочки (см. рис. 4). Диаметр чаши 19,3 см, поддона — 10,8 см, высота — 6,8 см, ширина бортика — 1,5 см.

¹ В настоящее время клад находится в фондах Музея украинского искусства во Львове, инв. № 5918—5928.

² *И. Свенцицкий*. Люстрований провідник по національному музеєві у Львові. Жовква, 1913, стр. 17. См. также: *B. Janusz*. Zabytki przedhistoryczne Galicyi Wschodniej. Lwów, 1918, str. 217; *J. Pasternak*. Ruske Karpaty v archeologii. Praga, 1928, str. 149, № 78; *его же*. Коротка археологія західноукраїнських земель. Львів, 1932, стр. 56, табл. XV.

³ Реставрация чаши произведена не совсем удачно: для соединения верха сосуда с донцем с внешней стороны на тулово наложен толстый лист, выступающий над стенками.

Серебряная чаша из Крылоса уникальна, но аналогичные медальоны с черненными крестами в розетках встречаются на некоторых византийских сосудах из Прикамья, например на блюдах из Калгановки, Климова, Слудки и Турушева, что, по мнению Л. А. Мацулевича, весьма типично для подобных предметов византийского производства VI—VII вв.⁴

Все это позволяет датировать серебряную чашу из Крылоса VII в. н. э., хотя клейма такого типа с надписью ΒΙΤΑΛΙΟΥ на других византийских сосудах нам не известны.

Очевидно, византийские серебряные сосуды, найденные в Крылосе и других погребениях и кладах этого времени (Малое Перецепино, Мартыновка, Глодосы, Келегейские хутора, Залесье, Ботошаны и др.), попали в Поднепровье и Поднепрорье в результате многочисленных славянских и аварских походов на Византию во второй половине VI и в VII в.

⁴ Л. А. Matzulewitsch. Byzantinische Antike. Berlin, 1929; Л. А. Мацулевич. Византийский антик и Прикамье. — МИА, 1, 1940, стр. 139 сл.; E. Gruikshank Dodd. Byzantine Silver Stamps. Washington, 1961, p. 133, sq.; № 36, 51, 67, 68, 72, 100; eadem. Byzantine Silver Stamps. Supplement. — ДОР, 18, 1964, p. 237—248.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

О СТАТЬЕ В. А. АРУТЮНОВОЙ «К ВОПРОСУ ОБ ἀνδρωτοι В «ТИПИКЕ» ГРИГОРИЯ ПАКУРИАНА» (ВВ, XXIX, 1968, стр. 63—76)

Автор статьи ставит целью установить точное значение слова ἀνδρωτοι в одном из памятников XI в., а именно — в составленном Григорием типике Петрицонского Бачковского монастыря.

Как известно, слово ἀνδρωτοι — одно из самых многозначных в греческом языке. Изучив разные источники для правильного толкования этого термина, автор делает убедительные выводы. Выясняется, что ἀνδρωτοι — «люди», упомянутые в типике Григория, — это мелкие феодалы, которые несут службу в пользу своего господина и получают в награду от него имения в пожизненное владение, т. е. вассалы Григория. Точное толкование термина ἀνδρωτοι, данное автором статьи, безусловно, заслуживает большого внимания, оно вносит лепту в изучение интересного и сложного вопроса о византийском вассалитете.

У нас, однако, имеются и некоторые замечания к статье В. А. Арутюновой.

1. Автор говорит (стр. 64), что «в 1954 г. М. Тархнишвили опубликовал грузинскую редакцию этого текста (типика Григория. — А. У.) с переводом на латинский язык (рукопись № 1598 библиотеки им. Кораиса на о. Хиосе)». Это ошибка: грузинская редакция типика Григория по рукописи № 1598 библиотеки им. Кораиса на о. Хиосе пока никем не издавалась. М. Тархнишвили опубликовал грузинскую редакцию типика по списку № 581 Софийской национальной библиотеки, так как рукопись № 1598 (XII в.), включавшая греческую и грузинскую редакции, была для издателя недоступна, о чем говорит сам М. Тархнишвили в латинском предисловии к своей публикации: *Codex chartaceus e quo desumptus est textus ibericus asservatur in Bibliotheca Nationali Sofiae in Bulgaria sub n. 581. . . Alius textus ibericus huius typici habetur in manuscripto n. 1598, fol. 1—73, quod asservatur in Bibliotheca Coray (κρηνη) in insula Chio; hic tamen codex nobis inaccessibilis remansit*¹.

Несколько лет назад по инициативе академика А. Г. Шанидзе Фундаментальная библиотека АН ГССР получила с острова Хиоса микрофильмы древнейших списков греческой и грузинской редакций типика (№ 1598). Греческий текст этого списка был издан С. Г. Каухчишвили в V томе сборника «Georgica». Этот текст он же снабдил исследованием, новым грузинским переводом, комментариями и словарем². Грузинский текст этой редакции типика готовится к изданию академиком А. Г. Шанидзе.

2. В. А. Арутюнова утверждает (стр. 73), что «Григорий Пакуриан³. . . происходил из знатного армянского рода из Тайка». Эта ошибочная версия об армянском происхождении Григория Бакуриани восходит, как известно, к «Алексиаде» Ашпы Комнины. Переводчик «Алексиады» Я. Н. Любарский, оценивая это свидетельство Анны, совершенно справедливо заявляет: «Григорий Бакуриани — в будущем великий доместик и севаст. Анна ошибочно называет его армянином. На самом деле Бакуриани происходил из знатного грузинского рода»⁴. По нашему мнению, лучше всего опровергают версию об армянском происхождении Григория Бакуриани его собственные слова: в составленном им типике он неоднократно заявляет, что происходит из знатного

¹ *Corpus scriptorum christianorum Orientalium*, vol. 143; *Scriptores Iberici. Tomus 3: Typicon Gregorii Pacuriani*, edidit Michael Tarchnišvili. Louvain, 1954, p. I—III.

² *Georgica*. Сведения византийских писателей о Грузии, т. V. Тбилиси, 1963, стр. 83—301 и далее едиритую по этому изданию. Имеется и отдельное издание: *Typicon Gregorii Pacuriani*, edidit Simon Kauchtschischvili. Tbilisiis, 1963.

³ Так транскрибирует В. А. Арутюнова греческую форму имени Πακουριανός.

⁴ *Анна Комнина*. Алексиада. Вступительная статья, перевод, комментарий Я. Н. Любарского. М., 1965, стр. 465.

грузинского рода (ἐκ τῆς τῶν Ἰβήρων παμφανεστάτης φυλῆς), что и предки его были грузины и что основанный им монастырь — грузинский (см. 148.25, 152.27, 159.23, 173.27, 199.24, 245.6, 263.25, 265.6, 296.5).

Заметим, наконец, что фамильное имя Григория по-русски следует передавать в форме «Бакуриани» (или «Бакурианидзе»), а не в форме «Пакуриан», как это делает автор рецензируемой статьи.

А. В. Урушадзе

«ПОВЕСТВОВАНИЕ ВАРДАПЕТА АРИСТАКЭСА ЛАСТИВЕРТЦИ»

Перевод с древнеармянского, вступительная статья,
комментарий и приложения К. Н. Юзбашяна. М., 1968

Среди богатейшей средневековой армянской литературы исторические труды на древнеармянском языке (грабаре) занимают особое положение. Кроме весьма обстоятельных сведений по истории армянского народа, современный исследователь найдет в сочинениях средневековых армянских историков порой не менее богатые материалы и о соседних кавказских и других переднеазиатских областях. Уже в прошлом веке наиболее значительные армянские источники были переведены на европейские (главным образом русский и французский) языки. При всей значимости этих переводов для того времени, когда через их посредство европейская наука ввела в научный оборот ранее малоизвестный фактический материал, можно утверждать, что в наши дни переводы эти устарели либо полностью, либо частично, хотя большая часть их — дело крупнейших ученых-арменистов той эпохи. Дело не столько в точности перевода как такового, сколько в методе его осуществления. Старые переводчики главным образом стремились перевести на другой язык терминологию подлинника, пользуясь понятиями и лексическим запасом языка современной им эпохи и далеко не всегда заботясь об объяснении терминов, которые по этой причине чаще всего передавались лишь приблизительно и неоднозначно. Это свойственно не только трудам К. Патканова, М. Броссе и других арменистов прошлого века, но в ряде случаев и переводам Н. Я. Марра, осуществленным уже в XX в. Такие переводы далеко не удовлетворяют современного историка, для которого анализ терминологии соответствующей эпохи имеет первостепенное значение при исследовании этнической и социально-экономической структуры того или иного общества.

В советское время изданы запово и критически многие сочинения армянской средневековой литературы. Ряд памятников был переведен и на русский язык (труды Фавста Бузанда, Мхитара Гоша, Смбаата Спарапета и др.). Не все эти переводы одинакового качества, не о всех можно, к сожалению, сказать, что в отношении передачи терминологии работа переводчиков доведена до конца. Возьмем для примера перевод «Судебника» Смбаата Спарапета А. Г. Галстяна, вышедший в 1958 г. Несомненной заслугой издателя явилось установление критического текста данного памятника. В этом отношении издание «Судебника» Смбаата Спарапета выгодно отличается от русского перевода «Судебника» Мхитара Гоша, переводчик которого А. Паповян не поставил перед собой задачи сначала выработать критический текст памятника, а ограничился тем, что перевел его с весьма несовершенного издания В. Бастамянца¹.

Но и перевод А. Г. Галстяна страдает существенными недостатками. Одни и те же термины подлинника переводчик передает по-разному. Так, термин «ч'орт» А. Г. Галстян переводит на русский язык и как «крепостной»², и как «вассал»³, и как «слуга»⁴. Конечно, в контексте «Судебника» этот термин действительно имеет различные оттенки, но само употребление Смбаатом Спарапетом во всех этих разных случаях одного и того же термина — обстоятельство не случайное и требует объяснения. Поэтому переводчику следовало бы сохранить термин подлинника (в транскрипции), а затем прокомментировать его различные смысловые оттенки.

Перевод сочинения армянского историка XI в. Аристакаса Ластивертци, осуществленный К. Н. Юзбашяном, выгодно отличается от других изданий такого рода. Перевод сделан с критического издания древнеармянского текста, установленного самим К. Н. Юзбашяном, и переводчик является тонким знатоком и рукописной традиции, и истории памятника. Кроме того, К. Н. Юзбашяну как византиноведу удобнее всего было издавать и исследовать это сочинение, в значительной мере связанное

¹ Это издание 1880 г., к тому же ставшее библиографической редкостью, было в свое время весьма критически оценено Н. Адонцем («Армения в эпоху Юстиниана». СПб., 1908, стр. 191—192) и Х. Самвеляном («История древнеармянского права», ч. I. Ереван, 1939, стр. 17, на арм. яз.). Что касается перевода А. Паповяна, то см. его характеристику в рецензии И. К. Кусикияна (ВВ, XIV, 1958, стр. 243—245).

² Смбаат Спарапет. Судебник. Ереван 1958, стр. 15, 118, 133 и др.

³ Там же, стр. 82.

⁴ Там же, стр. 154.

с трагическим периодом в истории Малой Азии, когда нашествие сельджуков положило начало гибели и Византийской империи, и армянских государственных образований.

В целом перевод осуществлен хорошо, богатым языком, с помощью которого К. Н. Юзбашян удачно передает самые тонкие оттенки подлинника. А здесь переводчика ожидали немалые трудности, так как сочинение Ластивертци — не только исторический памятник, но и художественное произведение, труд опытного стилиста, хорошо знакомого с различными образцами предшествовавшей ему армянской словесности. По замыслу автора, «Па́мту́юн»⁵ — это своеобразный плач по гибнущей на его глазах родной стране. Поэтому в книге обильны риторические отступления, к которым присоединено немало цитат из древнеармянского текста Библии. К. Н. Юзбашян часть из них перевел, другую же опустил. С точки зрения историка его едва ли можно упрекать за это, но как литературное произведение перевод, мне кажется, несколько пострадал. Не совсем оправданным представляется и применяемый переводчиком метод передачи библейских цитат по каноническому русскому переводу «Ветхого завета».

Одним из главных достоинств перевода является серьезное внимание к терминологии памятника. К. Н. Юзбашян, как правило, сохраняет (в транскрипции) важнейшие социально-экономические и иные термины подлинника (гавар, ишхан и т. д.). Кстати сказать, транскрипция армянского алфавита, предложенная К. Н. Юзбашяном, удобна и точна и, можно надеяться, получит распространение в нашей литературе.

В то же время комментирование терминов не всегда стоит на должной высоте. Так, можно признать достаточными комментарии к слову «азаты» (стр. 142), но объяснения терминов «агарак» и «дастакерт» (стр. 146, 149) слишком общи и малоконкретны. Между тем оба этих термина чрезвычайно важны для понимания многих явлений социально-экономической истории Передней Азии древности и средневековья, особенно же — для вопросов истории земельной собственности и форм эксплуатации. Надо сказать, что ссылка на книгу Г. Х. Саркисяна, где дана «четкая характеристика» термина «дастакерт» в древности, мало даст читателю русского перевода, ибо указанная работа Г. Х. Саркисяна написана на армянском языке. К тому же проблема «дастакертов» вообще еще далека от окончательного решения.

К недостаткам издания относится и то, что переводчик в ряде случаев отступает от правила и либо просто переводит термины подлинника, либо даже безо всяких оснований их опускает. К сожалению, это нередко делается с тем же термином «дастакерт». Так, на стр. 70 перевода после: «Комнии отвоевал и подчинил ромеям Арчэш — должно следовать «с его дастакертами» (см. стр. 41 подлинника). На стр. 87 (65 подлинника) в армянском оригинале Валаршаван назван не просто дастакертом, но великим (меф) дастакертом. Наконец, на стр. 61 (29 подлинника) дастакерты города Ухтеац в переводе превратились в прекрасные здания, и т. д.

Точно так же К. Н. Юзбашян армянские термины «калак» и «аван» передает одинаково, как «город» (стр. 58, 61, 71 и др.). Между тем изучение терминологии поселений в армянских средневековых источниках (калак, аван, гевл, дастакерт и др.) поможет более четко поставить и решить вопросы соотношения города и деревни в Армении той поры и специфики средневекового города, а также лучше разобраться в вопросах социальной дифференциации общества на обширной территории Армении XI в.

Хочется коснуться и перевода К. Н. Юзбашяном термина «гер» и производных от него (прежде всего — «геру́тюн»). Эти слова в армянском языке той и предшествующей эпох означали пленника и пленение, и именно так и следует их переводить. К. Н. Юзбашян, однако, в некоторых случаях (например, на стр. 99) передает «геру́тюн» как «рабство». Между тем в армянском языке той поры для понятия рабства существовал специальный термин «струкю́н» (от «струк» — «раб»). Термин «струк» есть и у Ластивертци (стр. 140 подлинника, 132 перевода). Для данной эпохи то же значение имел и другой термин — «царайу́юн», который, однако, мог означать и службу вообще. Проблема выяснения оттенков зависимости чрезвычайно важна именно для установления характера господствующих форм зависимости. Поэтому к терминологии источников необходимо относиться как можно более бережно, ибо при отсутствии статистики и какого-то систематического комплекса данных от выявления конкретного исторического значения того или иного термина практически зависит решение важнейших вопросов.

В источниках древности и средневековья мы сталкиваемся с терминами, которые нуждаются в как можно более точном объяснении. В понятиях тех эпох существовали и четкие различия между понятием «пленник» и терминами, объясняемыми в соответствии с их социально-экономической сущностью как «раб», «крепостной», «слуга» и т. д. Так, в древнегрузинском языке пленные называются «ткуэ», в новоперсидском к ним чаще всего применяется арабское «асир», в арабском — тот же «асир» или «сабий», в древнееврейском — «шавуй» и т. д. Такое четкое различие объясняется тем, что в глазах людей того времени пленный — это еще не раб и не крепостной. Он мог быть посажен на землю и стать крепостным или зависимым крестьянином, его могли продать, выкупить, отпустить. Словом, он находился в особом состоянии, отчего к нему и при-

⁵ Слово это обычно переводится на русский язык как «история», но буквально значит именно «рассказ», «повествование» (глагол па́мел — «рассказывать»).

менялись особые термины. Поэтому в древнеармянском языке плешного называли иранским словом «гери» (буквально: «взятый», «захваченный»), а состояние, в котором он пребывал, выражалось через производное от него «геруѳюн». Кстати говоря, и сам К. Н. Юзбашян в подавляющем большинстве случаев именно так и передает эти термины. Следовало бы подобным образом поступать всегда, и тогда исследователь, пользующийся данным переводом и не знакомый с армянским языком, получил бы возможность полноценно использовать перевод во всем объеме источника.

Наличие упомянутых недостатков, конечно, несколько снижает качество работы К. Н. Юзбашяна, однако нельзя не признать, что издание это в целом заслуживает высокой оценки и с благодарностью встречено специалистами и читателями.

А. П. Новосельцев

Э. Д. ФРОЛОВА. РУССКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ АНТИЧНОСТИ

(ДО СЕРЕДИНЫ XIX в.). Л., 1967, 144 стр.

(«Ленинградский ордена Ленина гос. университет им. А. А. Жданова.

Очерки по античной историографии». Под ред. К. М. Колобовой
и Э. Д. Фролова. Вып. 1)

Книга Э. Д. Фролова состоит из предисловия и трех глав, каждая из которых включает 3—4 параграфа; в конце помещен указатель имен и названий важнейших сочинений, упомянутых автором.

В предисловии автор говорит о задачах книги, подчеркивая, что «изложение историографии античности невозможно без широкого выхода за пределы истории собственно исторической науки, именно, с одной стороны, без учета того, как развивались иные антиковедческие дисциплины — филология, археология, эпиграфика, история искусства, а с другой — вне связи с историей европейской культуры и просвещения» (стр. 6). Далее (стр. 8) перечислены важнейшие труды по отечественной историографии, использованные Э. Д. Фроловым, а также справедливо отмечены важность и высокие достоинства книги советского исследователя А. Н. Егунова («Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков». М., 1964).

Первая глава носит название «Русское общество и античность в средневековый период (XI—XVII века)». В ней говорится об исконных древних связях русской национальной культуры с античной культурой, связях, которые осуществлялись благодаря греческим поселениям на Черноморском побережье, в Крыму, а также, несколько позднее, благодаря постоянному общению Руси с Византийской империей; второй параграф главы посвящен переводам с греческого языка, памятникам византийской хронографии, житийной и патристической литературе, сборникам изречений («Пчелы»), светским переводным повестям («Александрия», «Троянская история» и др.); значительное внимание уделено древнерусским хронографам, в которых, как известно, события античного периода излагаются по произведениям византийской хронографии.

В третьем параграфе дается характеристика «роста знаний об античном мире в Московском государстве XVI—XVII веков», причем подчеркивается увеличение количества переводов с западноевропейских языков (латинского, польского, немецкого). Автор отмечает исторические познания Ивана Грозного, приводит примеры из его сочинений, где упоминаются события античной истории¹.

Вопрос об источниках, из которых были почерпнуты Грозным сведения по античной истории, связан с вопросом о библиотеке московских государей в XVI в. В книге Э. Д. Фролова по этому поводу сказано следующее: «В XVI в. библиотека московских государей стала одним из крупнейших книжных собраний в мире. Помимо рукописей и печатных книг русского, польского и западноевропейского происхождения, в ней имелись списки со старинных греческих оригиналов, которыми живо интересовались гуманисты Польши и Германии»². Это утверждение мне кажется несколько категоричным: вопрос о существовании библиотеки московских государей, богатой рукописями на разных языках, еще нельзя считать достаточно и всесторонне изученным.

Как известно, против существования этой библиотеки наиболее решительно возражал С. А. Белокуров, тщательно исследовавший свидетельство о ней, содержащееся в «Сказании о преподобном Максиме философе, иже бысть инок святыя горы Афонския преславныя обители Вагопедския, иже зде и пострада довольно лета за истину»³.

Второе свидетельство о царской библиотеке, принадлежащее самому Максиму, в книге Белокурова только указано, но не разобрано⁴; свидетельство это включено

¹ Существует специальная статья на тему об исторических познаниях Грозного: И. Дуйчев. Византия и византийская литература в посланиях Ивана Грозного. — ТОДРЛ, т. XV, 1958, стр. 159—176.

² Стр. 28 и прим. 38.

³ С. А. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899, стр. 193—245; приложение, стр. XXXIII.

⁴ Там же, стр. 200. На это свидетельство обратила мое внимание Л. С. Ковтун, за что я весьма ей признательна.

Максимом в его «Послание к великому князю Василию Ивановичу» и гласит следующее: «Сие воистину воздвиге твою державу к превозношению толкований псалмов, по многи лета в книгохранилище заключенных бывших и молам же единым в ядь предлежавших чловеком же никою пользу подавших».

Я, со своей стороны, думаю, что вопрос о существовании этой библиотеки не может быть рассмотрен без привлечения свидетельств самих рукописей, без более глубокого, чем в настоящее время, изучения тех следов, которые греческие рукописи оставили в русских рукописях; при этом надо собрать как рукописи, в которых встречается подражание греческому письму, так и пометы на рукописях, свидетельствующие о том, что перед глазами писца был греческий оригинал текста.

В третьем параграфе в нескольких словах сказано о греческих рукописях, привезенных из афонских монастырей Арсением Сухановым. К сожалению, в дальнейшем автор не говорит о составленных в течение рассматриваемого им периода описях этого собрания; работа над собранием греческих рукописей, несомненно, должна быть учтена при изложении истории русского антиковедения. Если первые описи этих рукописей служили только для их охраны и учета⁵, то печатный каталог Афанасия Скиады⁶ (жил в первой половине XVIII в.), а тем более описи Христиана Фридриха Маттеи (1744—1811)⁷ относятся к числу каталогов, построенных на научных основаниях.

Кстати сказать, деятельность этих двух эллинистов связана с историей классического образования в России XVIII в.: Афанасий Скиада был учителем греческого языка в типографском училище в Москве, а Маттеи был приглашен в Московский университет для обучения юношества и для описания рукописей.

Автор (стр. 49, 69, 73, 81) лишь бегло упоминает о Славяно-Греко-Латинской академии, открытой в Москве в 1687 г., и начинает историю преподавания классических языков с деятельности профессоров Академии наук и Московского университета (стр. 78 сл.).

Однако именно в Славяно-Греко-Латинской академии преподавателями Иоанником и Софронием Лихудами⁸ в 1687 г. была подготовлена первая грамматика греческого языка для русских; интересно отметить, что при составлении этого учебного пособия Лихуды использовали грамматику византийского филолога Константина Ласкариса (1454—1501), положившего в основу своего руководства труды грамматика VII в. Георгия Хировоска; таким образом, первая грамматика греческого языка для русских построена в традиции византийской и эллинистической филологии⁹.

Отметить, что обучение древним языкам в России началось именно в духовных академиях и семинариях, было бы тем более важно, что знание классических языков уже в первой половине XIX в. дало возможность русским филологам и археографам приступить к исследованию памятников переводной литературы, начать собиранье материалов по изучению рукописной традиции произведений раннехристианских (позднеантичных) авторов в древнерусских переводах. Первым и прекрасным примером такого исследования служит описание рукописей Синодальной библиотеки, авторы которого тщательно рассматривали переводные тексты, сопоставляя их с подлинниками¹⁰.

⁵ В. Ундольский. Опись книгам, взятым в Патриаршую Ризную казну, составленная в 1675 г. монахом Евфимием и иеродиаконом Иакинфом. — «Чтения ОИДР», 1847, № 5, IV. Смесь, стр. 1—20. О греческих рукописях этого собрания см. также: М. В. Щепкина и Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности и старой печати. М., 1958, стр. 26—30.

⁶ *Ath. Schiada. Catalogi duo codicum manuscriptorum qui in Bibliothecae Synodali Mosquensi asservantur. Mosquae, 1723.* Каталог Скиады был известен М. В. Ломоносову (см. Г. Н. Муссеева. Экземпляр «Камерного каталога», принадлежавший Ломоносову. — В кн.: «Труды Библиотеки Академии наук СССР и Фундаментальной библиотеки общественных наук Академии наук СССР», т. VII, 1963, стр. 109—116).

⁷ *Chr.-Fr. Matthaei. Index codicum graecorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi Ecclesiae orthodoxae graeco-rossicae. St.-Pb., 1780; idem. Accurata codicum graecorum manuscriptorum Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio, 1—2. Lipsiae, 1805.*

⁸ См. о них: С. Смирнов. История Московской Славяно-Греко-Латинской Академии. М., 1855, стр. 18—85; М. Сменцовский. Братья Лихуды. СПб. 1899.

⁹ *Constantinos Lascaris. Grammaticae compendium. Venetiae, 1557* (есть и другие издания). О Ласкарисе см. К. 'I. Главничковлос. 'Ελληνες λόγοι εις τήν Βενετίαν. 'Αθήναι, 1965, страницы — по указателю (английское издание этой книги — Cambridge, Mass., 1962); E. Legrand. Bibliographie hellénique au description raisonnée des ouvrages publiés en grec par des grecs au XV-e et XVI-e siècles, t. I. Paris, 1885, p. LXXI—LXXXVII.

¹⁰ См. А. В. Горский и К. И. Невоструев. Описание славянских рукописей Московской синодальной (патриаршей) библиотеки, т. I—VI. М., 1855—1917. См. также И. В. Ягич. История славянской филологии. СПб., 1910, стр. 632—642 («Энциклопедия славянской филологии», вып. 1).

Обзор русского антиковедения XI—XVII вв. заканчивается характеристикой компилятивных исторических трудов XVII в., как, например, «Скифская история» Андрея Лызлова и «Василиологий» Николая Спафария.

Во второй главе, касающейся XVIII в., Э. Д. Фролов уделил большое внимание античной истории в Академии наук, Г. З. Байеру и Антиоху Кантемиру, «деятельность которых является исходным пунктом в истории русского антиковедения»; впрочем, деятельность эта не была одинаковой: Байер являлся ученым, а Кантемир занимался переводами классических авторов.

В книге подчеркивается, что для России XVIII в. античность была «универсальной питательной средой, за счет которой происходило формирование общественного сознания», прослеживается влияние античности в поэзии, драматургии и в других литературных жанрах, а также в архитектуре, живописи и скульптуре (стр. 85—88)¹¹.

Последняя глава посвящена русской науке об античности в первой половине XIX в., когда происходило «окончательное оформление русского антиковедения в науку» (стр. 89). Процесс этот рассматривается в книге Фролова на фоне «особой общественной атмосферы, пронизанной высокими гражданскими стремлениями и героическими настроениями» (стр. 89), на фоне новых явлений в разных областях русской культуры; как и в отношении XVIII в., здесь много места уделено русским переводам античных авторов.

Во втором параграфе заключительной главы говорится об археологических изысканиях в Северном Причерноморье, которые «доставили исследователям классической древности новый обширный материал» (стр. 89).

Э. Д. Фролов характеризует наиболее значительные находки, отмечает недостатки в археологических работах рассматриваемого периода, называет важнейшие археологические издания, публикации надписей.

Два последних параграфа книги посвящены русской науке об античности в собственном смысле этого слова, а именно — академической кафедре классической филологии и антиковедению в русских университетах — в Москве, Дерпте, Харькове, Казани, Петербурге, Киеве; показана преемственность в изучении античной истории, охарактеризованы наиболее видные профессора, деятельность которых способствовала развитию науки об античности в России, — Грефе, Куторга и др.

Книга Э. Д. Фролова представляет собой первое систематическое обозрение истории русского антиковедения. Изложение в ней доведено до середины XIX в., что вполне оправдано, так как именно с этого времени «русская наука об античности стала фактом»; «обязанное своим возникновением общему культурному движению отечественное антиковедение стало теперь самостоятельной отраслью знания, самостоятельной наукой, дифференцированной на ряд специальных дисциплин» (стр. 139).

Сделанные выше замечания никоим образом не должны служить поводом для упреков в адрес рецензируемого интересного сочинения, содержащего ценные историографические сведения и написанного с новым, своеобразным подходом к предмету.

Наши дополнения потребовались не только потому, что книга посвящена мало-разработанной теме, которую автор старался осветить всесторонне. В начале книги автор выразил намерение не ограничиваться только историческими сочинениями, а «указать на некоторые факты хотя бы для того только, чтобы проиллюстрировать то простое и очевидное положение, что русская наука об античности, возникновение которой относится к XVIII в., строилась не на пустом месте и не была лишь побочным продуктом заимствований с Запада, но опиралась на богатое наследие, исподволь накопленное русской литературой на протяжении столетий» (стр. 5). Поэтому автор обратился к разным областям русской культурной истории. Такой широкий охват темы и открывает возможности для дополнений, хотя представляется мне обоснованным и правильным¹².

Э. Д. Фролов посвятил свой труд памяти Сергея Ивановича Ковалева — «зачинателя историографических занятий на кафедре античной истории Ленинградского университета». Эта небольшая книга служит доказательством, что кафедра продолжает серьезную работу по названной теме, и можно надеяться, что в скором времени появятся и остальные три выпуска, о которых говорится в начале предисловия.

Е. Э. Гранстрем

¹¹ О значении античности здесь сказано неосторожно — формирование общественного сознания в русском обществе произошло под влиянием разнообразных факторов; неудачное выражение — несомненно, результат увлеченности автора любимым делом.

¹² Уже после выхода в свет книги Э. Д. Фролова была напечатана статья: *И. М. Тронский*. Лингвистическое изучение древнегреческого языка в России (до 1917 г.). — *Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae*. T. XV, fasc. 1—4. Budapest, 1967, p. 1—26. Статья эта невелика и содержит сведения общего порядка, а дальнейшего периода почти не касается.

Имя А. Поппе как историка Руси, русско-польских и русско-византийских отношений хорошо известно советским медиевистам. Десять лет назад появились его первые крупные исследования по истории Киевской Руси, выполненные с большой тщательностью, на основе скрупулезного анализа источников и при хорошем знании литературы вопроса, прежде всего — дореволюционной русской и советской. Тогда А. Поппе интересовали прежде всего проблемы истории юго-западных русских земель и русско-польских отношений X—XII вв.¹

Со временем круг научных интересов польского историка существенно расширился. Не оставляя окончательно вопросов истории русско-польских отношений домонгольской эпохи, он перешел к изучению русско-византийских. Но главной темой его исследований стала история русской церкви X—XI вв. Начиная с 1964 г.² в польской и зарубежной периодике стали появляться его статьи по этой проблематике. Публиковались они и в наших журналах³. Рецензируемая книга как бы подводит итог предшествующим работам А. Поппе в области истории русской церкви и русско-византийских отношений X—XI вв.

Заглавие исследования «Государство и церковь на Руси в XI в.» в действительности шире проблематики, излагаемой автором. Это объясняется в первую очередь тем, что А. Поппе останавливается лишь на сюжетах, которые были проработаны им заново по источникам, и оставляет за рамками книги все те вопросы, которые не были предметом его самостоятельных изысканий. Именно поэтому в его книге читатель не найдет не только интересующего обычно прежде всего зарубежных (в том числе и польских) исследователей материала о попытках латинской миссии добиться успеха на Руси в X в., но и характеристики антилатинских настроений и антилатинской пропаганды киевского духовенства во второй половине XI в. Читатель может, разумеется, только пожалеть о том, что сюжеты эти оказались вне круга исследований автора, тем более что они отнюдь не совсем безразличны для главной проблематики книги, касающейся церковных русско-византийских отношений. Однако само по себе отсутствие интереса к западной проблематике в исследовании по истории древнерусской церкви не может, думается, быть поставлено в упрек автору книги, научная ценность которой определяется, конечно же, главным образом оригинальностью и убедительностью решения тех вопросов, которые в ней поставлены.

Первым таким вопросом является вопрос о правовом статусе русской церкви в конце X — начале XI в., о времени возникновения киевской митрополии как самостоятельной церковной провинции в рамках константинопольского патриархата. Анализируя эту сложную проблему, автор твердо стоит на прочных позициях византийского происхождения христианской церкви на Руси, правильно характеризуя вместе с тем классовый характер предпринятого Владимиром акта христианизации страны. А. Поппе, без всякого сомнения, прав, когда подчеркивает, что решение Владимира принять христианство из Византии имело «насквозь политический характер. Это было одновременно решение зрелое, продиктованное пониманием нарастающей необходимости модернизации государства и общества с помощью идейной консолидации его господствующего слоя и приобретения идеологических средств воздействия на все общество» (стр. 15—16). Спорным, если не в корне неправильным, представляется, однако, следующее суждение автора, с помощью которого он пытается обосновать особую притягательность для русского князя именно византийского пути христианизации: «Господствующий лагерь многоэтнического, несмотря на преобладание славянского субстрата, Древнерусского государства в поисках интеграционных стимулов естественным ходом вещей должен был обратить внимание на многонациональный состав Византийской империи, с успехом удерживающей государственное единство благодаря единству религиозному» (стр. 16). Возражения вызывает тут и характеристика этнических отношений на Руси того времени, подчеркнутая сравнением с положением в действительно многонациональной, объединяющей на самом деле много развитых народностей Византийской империи, и характеристика самой Руси как многоэтнического политического образования (хотя абсолютно доминирующая роль восточнославянских элементов в Киевской Руси, складывающейся как государство единой древнерусской народности, не подлежит сомнению), и даже термин «славянский субстрат», примененный в данном случае автором. В условиях формирования единой древнерусской народности и широкого процесса славянизации Восточной Европы во второй половине I — начале II тысячелетия н. э. в качестве этнического субстрата

¹ А. Poppe. Gród Wołyń. Studia wczesnośredniowieczne, t. IV. Warszawa, 1958.

² А. Poppe. Uwagi o najstarszych dziejach kościoła na Rusi. — «Przeg łąd Historyczny», t. LV, 1964. Продолжение этой работы см. там же, t. LVI, 1965.

³ А. В. Поппе. Русские митрополии константинопольской патриархии в XI в. — ВВ, XXVIII. 1968; его же. Заснування Софії Київської. — «Український Історичний журнал». 1965, № 9.

для части восточного славянства выступали именно неславянские — финские, балтийские и др. — этнические элементы. Не многонациональность Византии, конечно, а скорее признание византийской церковью других языков (в том числе и славянского) как равноправных при богослужении могло, по-видимому, сыграть определенную роль в выборе киевским князем источника христианизации. Однако именно вопрос о языке богослужения в древнерусской церкви и об источниках древнерусской богослужебной литературы менее всего привлек внимание автора.

Зато главная, рассматриваемая в первой главе книги тема — время возникновения и статус Киевской митрополии — исследована А. Поппе с достаточной полнотой и решена вполне убедительно. На основании тщательного изучения источников (прежде всего составленной ок. 1087 г. при Алексее Комнине *Notitia episcopatum* — списка епископств константинопольского патриархата, а также сообщений арабского историка — христианина Яхьи Антиохийского, Титмара Мерзебургского и «Слова о Законе и благодати» Илариона, киевского митрополита) А. Поппе приходит к выводу, что с момента христианизации при Владимире русская церковь получила четкую организацию: в качестве церковной провинции константинопольского патриархата была основана Киевская (русская) митрополия. Право назначения киевских митрополитов принадлежало патриаршему синоду (эндемусе), который представлял патриарху трех кандидатов. Посвящение избранного митрополита производилось патриархом, в то время как акт интронизации совершался в Киеве в присутствии и с согласия двора киевского князя. Интронизация митрополита в Киеве являлась одновременно, как думает автор, и актом политическим, означавшим, что Киевский князь принимает аккредитованного при его дворе митрополита также и в качестве специального представителя империи. Первым действительно засвидетельствованным достойным доверия письменными источниками киевским митрополитом был Феофилакт, вторым следует считать Иоанна (очевидно, того самого архиепископа, который встречал в 1018 г. в Киеве Святополка и Болеслава Храброго). Феопемпт, свидетельство о котором уже абсолютно беспорно, был третьим в этом ряду⁴.

Но если в главном своем выводе (в отношении акта основания Киевской митрополии еще к концу X в.) А. Поппе в основном развивает и уточняет взгляды, уже принятые в советской литературе⁵, то в оценке роли и характера так называемой Десятинной богородичной церкви его заключения представляются существенно новыми. Опираясь на сообщение Титмара Мерзебургского о сгоревшем в 1017 г. и восстановленном в 1018 г. монастыре св. Софии в Киеве, которое польский историк сопоставляет с показаниями Илариона о том, что Ярослав завершил дело Владимира, соорудив храм св. Софии в Киеве (стр. 41—44), автор приходит к выводу, что в Киеве уже при Владимире существовало два храма, игравших существенно различную роль в развитии церковной организации на Руси⁶. Богородичная Десятинная церковь была, по его мнению, личным, семейным великокняжеским храмом. Поэтому в ней были похоронены князь Владимир и его жена порфирородная Анна. Деревянная София (в отличие от каменной Десятинной) являлась центром митрополии. В пользу того, что такое разделение функций между двумя этими храмами было изначально, свидетельствует, по мнению А. Поппе, сообщение II и III повгородских летописей о дубовой кафедре св. Софии в Новгороде, построенной в 989 г. (автор относит ее строительство к началу 90-х годов X в. — стр. 44—45).

Этот частный, казался бы, вопрос имеет чрезвычайно важное значение для всего дальнейшего хода рассуждений польского исследователя о характере церковной политики Ярослава, которого он склонен рассматривать как прямого продолжателя политики князя Владимира в отношении Византии и константинопольской патриархии. Подтверждение и уточнение им мнения некоторых русских исследователей о деревянной предшественнице Ярославовой каменной Софии в Киеве⁷ представляется поэтому вполне логичным со стороны А. Поппе. В то же время показания источников о пожаре в 1017 г., уничтожившем Софию, и о быстром ее восстановлении в 1018 г. не позволяют автору принять гипотезу Д. В. Айналова⁸ о начале строительства каменной Софии

⁴ В настоящей рецензии нет необходимости касаться обстоятельств крещения Руси при Владимире и его похода на Корсунь в том виде, в каком они изложены в рассматриваемой книге. Уже после ее выхода автор предложил новую трактовку корсуньского похода князя Владимира, выступив со специальным докладом на эту тему на советско-польском симпозиуме, посвященном проблемам раннеславянской государственности. Симпозиум происходил в Киеве 25—27 июня 1969 г. Материалы его будут опубликованы.

⁵ См. М. В. Левченко. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956.

⁶ Сообщение I Новгородской летописи под 1017 г. об основании Ярославом Софии («И заложена бысть святая София Киеву») он толкует как свидетельство не основания позднейшего каменного храма, а восстановления деревянного (стр. 43).

⁷ М. А. Максимович. Собр. соч., т. II. Киев, 1877, стр. 132—140; П. Г. Лебединцев. О Софии Киевской. — Труды III Археологического съезда в России, т. I. Киев. 1878.

⁸ В. Д. Айналов. К вопросу о строительной деятельности св. Владимира. — «Сб. в память св. равноапостольского князя Владимира», вып. 1. Пг., 1917.

при Владимире (стр. 44). Тем самым, однако, как нам думается, исследователь оказывается в сложной и противоречивой ситуации. С одной стороны, каменная Десятинная церковь, судя по ее остаткам, была в действительности очень монументальным сооружением. С другой — величие ее как-то очень плохо вяжется с нашими представлениями о размерах уютных семейных княжеских храмов. Монументальность каменного семейного храма (если встать на точку зрения А. Поппе) в сравнении с деревянной церковью могла разве только подчеркивать крайне незначительное, даже униженное положение митрополита при великокняжеском дворе. Лишь основание действительно грандиозного митрополичьего храма могло бы в какой-то мере исправить это впечатление. Между тем именно этого и не произошло, как полагает А. Поппе, при князе Владимире. Таким образом, его исследование ни в коей мере не разрешает отмеченных сомнений и заставляет признать весь комплекс проблем, связанных с Десятинной церковью и началом св. Софии, по меньшей мере открытым вопросом нашей историографии. Заканчивая разбор сведений источников о Десятинной церкви, автор, на наш взгляд, довольно убедительно показывает, что анализ их не дает пока оснований трактовать посвященный Богородице храм князя Владимира как Успенскую церковь и вести от нее традицию широкого распространения на Руси Успенских соборов (стр. 49—50).

Разбор проблематики, связанной с Десятинной церковью, составляет первую часть второй главы исследования А. Поппе. Другая часть главы посвящена определению времени сооружения каменной Софии в Киеве (которое автор достаточно убедительно относит к 1044—1046 гг., включая и художественную отделку интерьера, — стр. 51—59), а также анализу символики и идейного содержания вотивной фрески основателя Софии князя Ярослава (стр. 60—61). Автор приходит при этом к справедливому выводу, что идейное содержание фрески, изображающей великокняжескую семью, не дает оснований ни для «тезиса о вассальной зависимости или идеальной иерархической подчиненности русского правителя византийскому императору, ни для точки зрения, усматривающей в содержании фрески указание на независимую от Византии традицию христианства на Руси» (стр. 66). Попутно следует, пожалуй, отметить серьезные возражения А. Поппе против попытки усмотреть в первоначальной композиции фрески фигуры предшественников—посредников Ярослава, князя Владимира и княгини Ольги (стр. 63—64). Добавим, что такому содержанию фрески едва ли мог соответствовать достаточно сложный и противоречивый путь к власти Ярослава Мудрого, который в начале этого пути поднял бунт против отца, чуть было не кончившийся кровавым столкновением. В 40-х годах XI в. об этом еще, конечно, хорошо помнили на Руси.

Переходим к третьей, самой большой, несомненно, — центральной, по замыслу автора, главе книги. Она называется «Византийская политика Ярослава Мудрого».

Главной смысловой осью этой интересной главы является мысль о преемственности церковной и византийской политики Ярослава, которого автор склонен рассматривать как последовательного континуатора дела князя Владимира. Поэтому в центре его внимания оказывается в сущности побочный для отраженной в названии книги темы русско-византийский конфликт 1043—1046 гг. При этом делается попытка отделить русско-византийский конфликт от вопроса о самостоятельном, без согласия константинопольской патриархии, поставлении в 1051 г. Ярославом в русские митрополиты Илариона. Проблема, связанная с посвящением Илариона, автор отводит особую, четвертую главу (стр. 131—151).

Отвергнув гипотезу М. Д. Приселкова, видевшего причину конфликта в попытках Киева освободиться от церковно-политической гегемонии Византии⁹, и не согласившись с тем оттенком, который придавал замечанию Пселла о ненависти Руси к «гегемонии ромеев» И. У. Будовниц¹⁰, автор вместе с тем и решительно расходится с той точкой зрения, которая усматривает причину конфликта в экономических отношениях Руси и Византии (стр. 71—76). Он совершенно не согласен с предположениями, что причиной вспыхнувшего в 1043 г. конфликта могли быть перемены в политике Византии по отношению к русским после воцарения Константина IX (июнь 1042 г.), отразившиеся на положении и многочисленной русской купеческо-дружинной колонии в Константинополе¹¹. По мнению А. Поппе, ключ к разгадке причин конфликта следует искать в событиях, связанных с восстанием против Константина Мономаха талантливого полководца Георгия Маниака (стр. 76).

Предполагаемая автором связь вооруженного выступления Руси против Константинополя в 1043 г. с подготовкой похода Георгия Маниака из Южной Италии на столицу действительно представляется достаточно интересной, хотя и смелой гипотезой. С нею, безусловно, должны будут считаться все последующие исследователи русско-византийского конфликта 1043—1046 гг. Наиболее слабым звеном в этой гипотезе являются предполагаемые А. Поппе контакты Маниака с киевским двором через Гаральда Гардрода,

⁹ М. Д. Приселков. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. СПб., 1913, стр. 88—92.

¹⁰ И. У. Будовниц. Общественно-политическая мысль Древней Руси. М., 1960, стр. 59—74.

¹¹ Г. Г. Литаврин. Пселл о причинах последнего похода русских на Константинополь в 1043 г. — ВВ, XXVII. 1967, стр. 71—86.

будущего зятя Ярослава, в 30-х — начале 40-х годов находившегося в Византии (стр. 90—98), поскольку основанием для этих выводов послужили ему сведения столь специфического литературного памятника, как сага. Восстановление такой последовательности конкретных политических событий и их связи между собой на базе малодостоверного источника, естественно, всегда приходится считать слишком рискованным. Косвенным подтверждением трактовки похода 1043 г. как вспомогательной экспедиции в поддержку Маниака может служить размер потребованной русским флотом оплаты за прекращение военных действий (ровно 400 тысяч номисм на 20 тысяч воинов). Эта сумма приблизительно соответствовала размеру обычного вознаграждения за военную службу и была разорительной для византийской казны (стр. 112—119). Она, вероятно, могла быть приблизительно равна той сумме вознаграждения за поход, которую мог заплатить Маниак в случае удачи мятежа (стр. 112).

Далее в главе разбираются военные действия русского и византийского флотов, подробно характеризуется договор 1046 г. Заканчивая обзор этой главы книги, нельзя не отметить все же, что даже при условии полного согласия с трактовкой А. Поппе обстоятельств русской экспедиции на Константинополь в 1043 г. его гипотеза о союзе Ярослава с Маниаком не позволяет считать вопрос о причинах русско-византийского конфликта 1043—1046 гг. окончательно решенным. В лучшем случае союз с восстановленным византийским полководцем объясняет условия, благоприятствовавшие военной акции Ярослава, позволяет понять, почему русским князем был выбран для похода именно 1043 г. Трудно предположить, что активность Ярослава была вызвана стремлением утвердить в Константинополе императора — русского ставленника. Этого, очевидно, не хочет сказать и автор рецензируемой книги. Следовательно, для суждений о причинах русско-византийских столкновений у историков по-прежнему остаются данные о торговом конфликте и соображения об антирусской направленности политики Константина Мономаха в начале его правления, неясные, но требующие анализа указания Пселла относительно «игемонии».

В отличие от других глав книги третья глава очень перегружена дополнительным материалом. В ней имеется большой, не представляющий самостоятельной исследовательской значимости экскурс в византийские финансы, много мелких замечаний (не всегда последовательных) источниковедческого порядка, не относящиеся к сюжету книги заметки о западной политике Руси и т. д. Свидетельствуя о большой начитанности и прекрасной эрудиции автора и о его научной смелости, они, однако, все же мешают читателю следить за основным, достаточно сложным ходом мысли автора. Как уже говорилось, обособленное изучение дела Илариона от анализа русско-византийского конфликта 40-х годов XI в. подчеркнуто автором и структурно. А. Поппе при рассмотрении этого вопроса исходит из двух важных соображений: во-первых, он не признает возможным, чтобы в течение долгого времени митрополичья кафедра в Киеве оставалась вакантной, и полагает, что и после 1039 г. в Киеве была митрополитом Феопемпт или кто-либо другой и только незадолго до 1051 г. киевская кафедра освободилась; во-вторых, он решительно возражает против того, чтобы связывать самовластное назначение Ярославом Илариона митрополитом Киевским с русско-византийским конфликтом 1043—1046 гг. или трактовать его как попытку освободиться от церковной зависимости от Византии. По его мнению, последнее предположение автоматически приводит к признанию «не только церковной, но и политической зависимости Руси от Византии» (стр. 134). Последнее замечание, как кажется, определено утрирует вопрос, ибо речь ведь может идти при анализе действительного соотношения сил на международной арене не о реальной политической зависимости Руси от Византии, а только об эфемерных, хотя и неприятных, претензиях Византии на формальное верховенство в соответствии с концепцией византийского универсализма. Иными словами, в данном случае предметом спора являются не реальные русско-византийские политические взаимоотношения, а оценка характера государственной идеологии Византийской империи.

Стремясь изолировать вопрос о поставлении Илариона от общего вопроса о развитии русско-византийских отношений, А. Поппе решительно высказывается и против попыток связать этот факт с расхождениями русской и византийской политики в отношении европейских стран и папства¹². Здесь, возможно, не место для подробного рассмотрения этой проблемы по существу. Важнее, быть может, подчеркнуть, что полная изоляция дела Илариона от русско-византийских политических отношений не мо-

¹² Г. Г. Литаурин. Указ. соч., стр. 80—85. Попутно автор отмечает, что церковный раскол 1054 г. не имел немедленных крупных международных последствий (стр. 135). Нужно сказать, однако, что в отношении Руси в эту в общем верную оценку прямых следствий акта Михаила Кирулария следовало бы все же внести известные коррективы. Конфликт между православием и латинством стал сказываться на русско-польских отношениях уже в 60-х годах XI в., когда киево-печерским манахам являлся бес «в образе лях» (ПСРЛ, т. I. М., 1926, стб. 190), а киевляне угрожали, что в случае вступления в город Болеслава Смелого с ляхами они сожгут Киев и уйдут в «Гречьску землю» (там же, стб. 173). Впрочем, и во второй половине XI и в XII в. конфессиональные противоречия не были определяющими в развитии отношений Руси и Польши (см. В. Д. Корольюк. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964, стр. 232).

жет быть признана убедительной уже только по одному тому соображению, что поставление Илариона лишало Византию ее постоянного дипломатического представителя в Киеве. А это, разумеется, так или иначе было актом политическим.

Ненормальность поставления митрополита без согласия Константинополя настолько очевидна автору книги, что он называет его «исключительным событием» (стр. 133). Именно стремлением объяснить его исключительность определяется следующий далее анализ правовой основы посвящения Илариона русскими епископами в митрополиты самостоятельно, минуя патриарха. По мнению А. Поппе, этот акт был свидетельством обращения русского клира к церковной практике, существовавшей до Халкидонского собора 451 г. и еще применявшейся в VI и даже IX в. и объяснялся оппозицией русского духовенства автократической политике Кирулария (стр. 138—139) и влиянием на русское духовенство реформаторских течений, развивавшихся на Афоне. А. Поппе предполагает даже, что сам Иларион некоторое время находился в русском афонском монастыре (стр. 142). Таким образом, поставление митрополита Илариона в 1051 г. оказывается даже не актом княжеской власти, а результатом общевизантийских реформаторских течений, требовавших исправления церкви и нашедших благоприятную среду на Руси. Князь только оказывал поддержку этим течениям, вполне согласующимся с его высоким представлением о характере и объеме собственной власти (стр. 142—144).

Ярко обрисованная А. Поппе картина идейного развития русского духовенства в середине и во второй половине XI в., несомненно, интересна. В ней много новых наблюдений и мыслей. Она позволяет, может быть, лучше понять общую обстановку в русской церкви во время поставления Илариона в 1051 г. Но она, к сожалению, не в состоянии объяснить, каким образом в сознании Ярослава уживалась постулируемая автором лояльность к Византии с посвящением Илариона. Ярослав, разумеется, мог и не разбираться во всех тонкостях канонического права (хотя его летописная характеристика и не дает оснований для таких выводов), он мог прислушиваться (и, конечно, делал это) к мнениям русского духовенства, но, как опытный политик и дипломат, он не мог не понимать политического аспекта поставления Илариона. Авторская оценка этой акции как сугубо церковного мероприятия оставляет поэтому читателя в недоумении.

Пожалуй, наиболее сильное впечатление оставляет глава пятая рецензируемой книги, посвященная формированию епархиальной структуры древнерусской церкви. Автор последовательно рассматривает источники, характеризующие образование епископских епархий в Белгороде, Новгороде, Чернигове, Переяславе, Полоцке, Владимире Вольнском, Ростове Великом, Турове, Юрьеве. Отдельно анализируется вопрос об автокефальном архиепископстве в Тмутаракани. Очень интересно и убедительно аргументируется точка зрения, признающая в эпоху совместного правления Ярославичей существование трех митрополий на Руси — Киевской и двух титулярных — Переяславской и Черниговской (стр. 166—170).

Книга завершается небольшой (объемом в 30 страниц) главой, в которой освещаются такие важные вопросы, как характер материального обеспечения церкви в момент христианизации Руси, начало церковного землевладения, церковная юрисдикция и судебный иммунитет, рассматриваются проблемы роли княжеской власти в укреплении на Руси позиций христианской церкви, место церкви в политической жизни общества, значение церковного вероучения и влияние его на формирующуюся идеологию класса феодалов, особенно — на характер представлений о существе и объеме княжеской власти.

Все это, разумеется, важные, можно сказать, — центральные, если исходить из названия книги, проблемы исследования. По многим из них автору удалось высказать новые мысли, сделать интересные наблюдения и предложить свежие, удачные формулировки. Особенно интересны соображения автора, характеризующие роль новой религии в формировании государственной идеологии Киевской Руси. К сожалению, однако, сам автор рассматривает эту главу скорее как заключение, чем как самостоятельный большой раздел книги. Об этом свидетельствует и название главы: «Первые сто лет церкви в Древнерусском государстве» и, пожалуй, еще больше — очень лапидарный, иногда почти конспективный, стиль изложения материала. Думается, что при переиздании книги А. Поппе (а переиздание это, конечно, необходимо, так как книга почти мгновенно исчезла с книжного рынка) автору следовало бы существенно расширить и пополнить именно эту часть исследования. То же самое хочется сказать и рекомендуя книгу для перевода на русский язык. Исследование А. Поппе, несмотря на известную фрагментарность изложения, — действительно серьезный и оригинальный труд по истории древнерусской церкви, каких еще очень мало в марксистской историографии. Мимо этого труда не может пройти исследователь, занимающийся историей Древней Руси и ее международных связей.

В. Д. Королюк

LES ACTES LATINS DE S. MARIA DI MESSINA (1103—1250),
ÉDITÉS PAR L.-R. MÉNAGER. ISTITUTO SICILIANO DI STUDI BIZANTINI
E NEO-ELLENICI, TESTI E MONUMENTI, PUBBLICATI DA B. LAVAGNINI
SOTTO GLI AUSPICI DELL' ASSESSORATO ALLA ISTRUZIONE
DELLA REGIONE SICILIANA, TESTI 9.

Palermo 1963, 223 pp., 6 planches

После того как арабы захватили византийскую Сицилию в 827—902 гг. и попытка отвоевать остров в середине XI в. (1038—1043) потерпела неудачу, южноитальянским норманнам удалось во второй половине того же столетия (1061—1091) отнять у арабов всю Сицилию, прежде всего — город Мессину (1061 г.). Норманское наследство в Южной Италии и Сицилии перешло в 1194 г., в результате брака с Констанцией, дочерью короля Рожера II, к Генриху VI, сыну Фридриха I Барбароссы. С 1194 г. до 1266 г. здесь владычествовала немецкая (швабская) династия Гогенштауфенов, самым известным представителем которой был Фридрих II.

Оставшиеся до сих пор частично неопубликованными латинские акты бенедиктинского женского богородичного монастыря в Мессине, относящиеся ко времени норманского и швабского владычества (до 1250 г.), образцово изданы теперь полностью Л.-Р. Менажэ, профессором факультета экономики и права Университета Aix-Marseille (№ 1—26, стр. 43—184), причем в приложении описываются также акты времени последних сицилийских королей дома Гогенштауфенов вплоть до смерти Манфреда, сына Фридриха II, погибшего в битве при Беневенто в феврале 1266 г. (№ 1—15, стр. 185—199). Немногочисленные греческие акты этого монастыря издал в той же серии и в том же году А. Гийу (см. ВВ, XXVIII).

Латинские акты содержат, в частности, дарственные, купчие и арендные документы, отказы от претензий, жалованные грамоты и их подтверждения, судебные решения, свидетельства о приданом и вдовьей доле, договоры о разделе имущества, удостоверения и т. п. Каждому документу издатель предпосылает сведения о рукописной традиции (вместе с необходимыми библиографическими указаниями), подробный анализ текста, а также ряд примечаний и наблюдений.

В обширном введении (стр. 5—42) Менажэ обращается прежде всего к рукописной традиции монастырских документов (общим числом 270), относящихся к 1103—1622 гг. (стр. 5—12); для реконструкции же дальнейшей истории монастыря в XVII и XVIII вв. вплоть до его закрытия актов нет. Большинство оригиналов сохранившихся актов находится ныне в Парижской Национальной библиотеке (16 греческих, 226 латинских), некоторые также в Принстонской университетской библиотеке (15 латинских); зато копии актов, изготовленные в XVII в. сицилийским придворным историком Антонио Амико и в XVIII в. — Джузеппе Винчи, греческим священником в Мессине, хранятся в публичной библиотеке в Палермо. Для издания актов, оригиналы которых пропали, издатель пользовался этими копиями. Что касается интересующего нас времени (до 1250 г.), то оригиналы сохранились только к одной из пяти латинских копий Амико и только к двум из пяти же его греческих копий, а к семи греческим копиям Винчи нет ни одного оригинала (один из актов был скопирован дважды — и Амико, и Винчи).

Во второй главе (стр. 12—27) вкратце намечена — на основании самих актов и других данных — история монастыря. Монастырь возник, по-видимому, еще в византийскую эпоху и был покинут в арабскую. Его восстановление в качестве женского монастыря Бенедиктинского ордена должно было совершиться перед смертью графа Рожера I. От этого монастыря Марии, существовавшего до 1537 г. в предместье св. Николая в Мессине, следует отличать второй, тоже посвященный Марии, монастырь бенедиктинок, который существовал до 1466 г. в нескольких милях от города (он впервые упоминается в дарственной грамоте короля Вильгельма II от 1168 г. под названием Sancta Maria de Scala). Так как первый монастырь сначала просто назывался Sancta Maria de Messana (в последний раз в 1157 г.), а с 1196 г. стал регулярно именоваться Sancta Maria monialium de Messana, Менажэ заключает, что основание монастыря Sancta Maria de Scala должно было произойти между 1157 и 1169 гг., когда в Сицилии были основаны еще два женских монастыря Бенедиктинского ордена.

Для византиноведа существеннее, разумеется, выяснить, можно ли по монастырским актам определить удельный вес греческого элемента в Сицилии.

Из одной греко-латинской грамоты 1146 г. известно, например, что между 1105 и 1112 гг. король Рожер II и его мать Адельгейда подарили монастырю Sancta Maria monialium de Messana занятый греческими монахами метох Santa Maria di Ambuto около Мессины, получивший привилегии еще от его отца Рожера I, графа Сицилии и Калабрии. Подчинение метоха женскому монастырю Бенедиктинского ордена наводит на мысль об антивизантийской политике Рожера II, хотя из других источников о подобном направлении его политики ничего не известно. Трудности, которые должны были возникнуть в результате подчинения мужского монастыря женскому, а также невозможность обеспечить при таких обстоятельствах дальнейшее существование метоха, по-видимому, заставили аббатису Муриэль из Sancta Maria передать его нотарию Николаю, который тогда принял монашество под именем Никодима. Но, видимо, приостановить упадок греческого монастыря не удалось: в протоколе инспекционной

поездки Нифонта, архимандрита монастыря Спасителя в Мессине, в подчиненные ему монастыри (между 1328 и 1336 гг.) метох Santa Maria di Ambuto уже не упоминают.

Старым византийским монастырем должен был быть и San Opolo di Mileto в Калабрии, который, вероятно, передали, самое позднее в 1112 г., монахиюм латинского толка. Этот монастырь пользовался тогда особым покровительством графини Адельгейды, матери Рожера II, и был ею богатод одарен. К концу XII в. его, однако, объединили с Sancta Maria monalium de Messana, как следует из греческой грамоты 1193/94 г.

В заключение своего очерка истории монастыря Марии в Мессине Менажэ дает список его шести аббатов эпохи норманнов и Гогенштауфенов, известных по актам: ни одна из них не носит греческого имени.

Третью и последнюю часть введения составляют несколько замечаний о «стратигах Мессины», о которых часто упоминается в документах норманнской эпохи в Сицилии как о специфически характерных для Мессины городских чиновниках. Сам титул «стратиг» дает основания заключать о каких-то связях с византийской традицией, идущей от возникшего в VII в. института фемных стратигов, которые и в X в. еще обладали как военными, так и судебно-административными полномочиями. В конце IX в. Лев VI (а может быть, уже его отец Василий I) создал в Южной Италии наряду со старой фемой Сицилия и Калабрия новую фему Лангобардия с центром в Бари. Вскоре после 950 г. Константин VII Багрянородный подчинил обе фемы общему командованию одного стратига; около 970 г. фема Лангобардия была возвышена в ранг катепаната Италия, а старая фема Калабрия была тогда же снова подчинена особому стратигу. В 1051 г., за 20 лет до окончательного ухода византийцев из Италии, был создан еще более высокий титул — дука, и с этим новым титулом появляются наместники как Италии, так и Калабрии и Сицилии, что явно свидетельствует о снижении значения старого титула стратига. На то же обезпечение, возможно, указывает, как полагает Менажэ, развивая мысли Э. Арвейлер¹, и создание должности иностратигов, которым были подчинены укрепленные пункты и пограничные округа. Титул стратига, выполнявшего лишь военные функции, лишеного прежних административных полномочий и обладавшего властью на сильно уменьшенной территории, потерял свой прежний вес. Так, в грамоте катепана Евстафия от 1046 г. упоминаются протостратиги Бари, а Скилица сообщает о назначении около 1065 г. стратигов в некоторых городах Южной Италии. Однако для византийской Южной Италии характерны, по-видимому, некоторые особенности, как заключает Менажэ, опираясь на частые упоминания об *ὁ ἐκ προσώπων*, представителях стратигов фем во многих апулийских городах; он полагает, что *βασιλικὸς στρατηγός* может быть, обладал в Южной Италии всей полнотой гражданской власти, тогда как городские стратиги имели здесь только военную власть.

Военная функция стратигов, кажется, исчезла вместе с византийским владычеством, ибо «стратиги» норманнского времени обладали чисто гражданскими функциями, так что их титул был скорее связан со старым его значением, когда стратиги в Византии еще имели гражданские полномочия. Впрочем, в Апулии в начале норманнской эпохи были не стратиги, а только катепаны, которым местные норманские власти передали гражданское управление крупными округами. Позже оба эти термина употреблялись как синонимы (в отличие от византийской эпохи), а полномочия их носителей простирались на значительно меньшую область, чем у византийских стратигов фем и катепанов. При этом титул «катепан» удержался главным образом в некоторых городах Апулии и Лукании, тогда как титул «стратиг» встречался почти по всей Южной Италии и Сицилии, даже в областях, ранее не принадлежавших Византии. В греческих грамотах оба этих титула передаются как *ἐξουσιαστής* или *πράκτωρ*, так как, очевидно, термины стратиг и катепан не могли прилагаться, согласно греческому чувству языка, к чиновникам с исключительно гражданскими функциями.

В некоторых областях появляется в качестве еще одного синонима происходящий из Северной Франции титул *baiulus* или *balivus*, который со времен Гогенштауфенов вытеснил все другие титулы-синонимы, — везде, за исключением Мессины, где обозначение *stratigotus* было заменено *baiulus* только в 1250 г. Чтобы не допустить злоупотребления властью и устранить опасности, возникающие для норманнского короля в связи с могуществом стратигов, к концу норманнской эпохи эта должность была ограничена годичным сроком. В противоположность своим коллегам в других местах стратиг Мессины обладал общей компетенцией не только в гражданских, но и в уголовных делах. В силу его юридических полномочий имя тогдашнего мессинского стратига появляется также и в актах монастыря Sancta Maria monalium de Messana, что дало возможность Менажэ поместить в конце введения список стратигов Мессины вплоть до 1250 г., во многом дополняющий ранее опубликованный список².

Издание Менажэ сопровождается шестью таблицами с фотографиями некоторых грамот, а также дополнениями к некоторым примечаниям (стр. 201), указателем важнейшей использованной литературы (стр. 205 сл.), а также исчерпывающим географическим, именным и предметным указателем (стр. 207—221).

Х. Диттен

¹ H. Glykatzki-Ahrweiler. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IXe—XIe siècles. — BCH, 84, 1960, p. 47—52.

² C. A. Garuffi. Su la curia stratigoziale di Messina nel tempo normanno-sueve. — «Archivio Storico Messinese», 5, 1904, p. 32—38.

P. NAGEL. DIE MOTIVIERUNG DER ASKESE
IN DER ALTEN KIRCHE UND DER URSPRUNG
DES MÖNCHTUMS. —

«TEXTE UND UNTERSUCHUNGEN ZUR GESCHICHTE
DER ALTCHRISTLICHEN LITERATUR», BD. 95
Berlin, 1966. 120 S.

В первых же фразах предисловия автор спешит обособить предмет своей книги — идеиную предсторию и историю раннего монашества, «внутренние пружины и мотивы развития» — от его «внешней», фактической истории, которая представляется в основных своих чертах удовлетворительно выясненной (стр. VII). Из этого же предисловия читатель узнает, каким кругом текстов ограничил себя автор. И здесь начинаются сомнения. Конечно, П. Нагель был волен исключить церковных писателей, уже «предполагающих монашество как наличную величину». Существеннее другое: автор сознательно отвлекается от того, что он называет «историко-религиозными вопросами», т. е. практически отказывается от привлечения внехристианского материала¹. Это решение мотивировано необходимостью сосредоточиться на том, что происходило в головах самих христиан, уходивших в пустыню. Мотивы автора можно понять; труднее с ними согласиться. Спору нет, увлечение параллелями в духе «сравнительного религиоведения» достаточно часто делало исследователей раннего христианства невосприимчивыми к конкретной специфике и внутренней логике изучаемого феномена. Но ведь дело не в параллелях и аналогиях. Дело в том, что как раз для имманентного анализа христианской аскетической идеи необходимо отделить ее внутреннюю логику от внушений окружающей среды и реакции на эти внушения от вневероисповедных явлений общественной психологии века. Ведь христианство отнюдь не было единственным носителем принципа аскезы в мире, чуждом этому принципу. Совсем наоборот: оно с самого начала было подхвачено широко разливавшейся волной безотчетной тоски по избавлению от собственной «плоти» — тоски, которая не имела никакой обязательной связи с христианским учением, которая облекалась в самые различные доктринальные формы и которая в конце концов нашла наиболее адекватную реализацию отнюдь не в церковном христианстве, но в гностицизме и в манихействе. Как раз аскеза — это такая область, в которой особенно трудно и особенно важно отграничить собственно христианское от несобственно христианского, нехристианского и прямо антихристианского. Это отграничение было трудным и важным уже для самих деятелей и мыслителей древней церкви², и оно остается трудным и важным для современного исследователя. Ибо за одними и теми же формами аскетического «подвига» могут скрываться различные, более того — противоположные мотивы. Например, аскет может руководствоваться жаждой самоотвержения, самоотдачи, отрицания своего Я, мыслью о «кеносисе» Христа; этот мотив столь же характерен для христианства, сколь и непонятен вне его (например для адепта языческой греческой философии или индийского йога). Но им может владеть, напротив, воля к духовной мощи и магической власти: этот мотив очень важен для позднеантичного мага типа Аполлония Тианского или для йога, но для христианина он стоит под запретом, как демоническое искушение (слова ветхозаветного змия: «будете вы, как боги»), хотя этому искушению суждено вновь и вновь возвращаться (ибо отшельника, стяжавшего своей аскезой чудотворные «дары» и «силы», отнюдь не легко отличить от аскета-мага, для которого эти «дары» и «силы» суть самодовлеющая цель).

Где-то в середине между христианской аскезой-самоотвержением и антихристианской аскезой-самоутверждением стоит одинаково присущая самым различным вероисповедным сферам аскеза-самоосвобождение (в духе слов Августина, *Soliloquia*, 1, 17: «Ради свободы души моей я велел себе не желать, не искать, не брать жень»). Постольку, поскольку идея свободы сама по себе не включает цели, для которой человек себя освобождает, она одинаково значима для греческого философа, буддийского монаха, христианского анахорета и манихейского «совершенного». Коль скоро П. Нагель поставил своей задачей изучение не внешних форм, а внутренних мотивов аскезы, для него было тем более важно держать в поле зрения всю картину настроений эпохи, чтобы четко вычленив из нее черты, характерные для христианства.

То, что это не было сделано, сказывается уже в первом параграфе первой части, озаглавленном: «Следование и подражание Христу». Для начала автор пытается набросать образ самого объекта подражания — традиционно-протестантского «исторического Иисуса». Вступает в действие схема, чрезвычайно характерная для работ

¹ Как сообщается в этом же предисловии, автор планирует посвятить обойденным в настоящей книге проблемам межрелигиозных отношений особое исследование. Так или иначе, разбираемая работа предлагается читателю как замкнутое в себе целое и в таком качестве должна рассматриваться.

² Иначе не пришлось бы обсуждать на соборе в Ганграх Пафлагонских вопрос: когда аскетизм становится греховным?

учителя Нагеля — И. Лейпольдта³: вначале Иисус проповедует «чистое учение» рационально-этического свойства, но уже в следующем поколении никто не способен его понять, притом вступают в действие влияния окружающего иудейско-языческого мира, и через это отчуждение от первоначального смысла проповеди рождается суевренная церковная религиозность.

Для Нагеля Иисус синоптиков — вообще не аскет: его бездомность и безбрачие порождены всего лишь «профессиональным призванием» странствующего проповедника (стр. 5), они имплицитно отказом от собственности, который в свою очередь обязателен не для всех, но только для непосредственных учеников Христа (стр. 6—7). Но, во-первых, если у Иисуса были «коллеги», «товарищи по профессии», то таковыми следует считать современных ему рабби, отцов Талмуда, которые за редчайшими исключениями были людьми семейными; во-вторых, общечеловеческая феноменология аскезы знает случаи, когда отказ от собственности не влек за собой отказа от семьи, хотя, разумеется, придавал семейной жизни достаточно необычный облик⁴; в-третьих, допускают ли Евангелия возможность «обратиться», но не следовать за Христом, иначе говоря, возможно ли на евангельской почве осознанное деление «уверовавших» на «непосредственных учеников Христа» и просто христиан (термин *χριστιανός* появляется, как известно, лишь в Деяниях Апостолов)? И, наконец, в-четвертых, Нагелю все время приходится устранять из своего и читательского кругозора евангельское изречение (Матф., 19, 12) об оскотивших себя ради Царствия Небесного⁵.

Дело явно обстоит не так просто, как изображает автор. В его замечаниях бесспорно одно: канонические Евангелия резко отличаются от апокрифической и апологетической литературы тем, что в них девство Иисуса остается «само собой разумеющимся» и не подвергнуто нецеломудренному подчеркиванию, на которое так щедры авторы энкратитского направления. Думается, однако, что эта черта связана не с меньшей, а с большей мерой аскетического духа, требующего особой сдержанности и осторожности в словах. Затем автор переходит к собственному предмету параграфа — попыткам «подражать Христу» в девстве, страданиях, отречении от собственной воли. Легко усмотреть, что «подражание Христу», одно из древнейших и важнейших понятий христианской этики⁶, само по себе далеко не однозначно. Можно пытаться подражать Христу в его «славе», в его «совершенстве», стремиться «стать, как он»; такое стремление с точки зрения собственно христианских норм по меньшей мере сомнительно и близко все к тому же демонскому соблазну — «будете вы, как боги». Послание апостола Павла к филиппийцам требует подражать Христу в его «кеносисе», в его самоотдаче: «... Ибо в вас должны быть те же чувства, какие и во Христе Иисусе; Он... уничтожил Себя Самого, приняв образ раба... смирил Себя, быв послушным даже до смерти» (Филипп., 2, 5—7). Перед нами та же противоположность между аскезой-самоутверждением и аскезой-самоотвержением. В свете этой противоположности ясно, что подражание Христу в его образе жизни, в его девстве и бедности — это одно, а подражание Христу в его отречении от своей воли — нечто существенно иное: первое — внешний жест, второе — внутренний мотив; первое отглагольно уживается с противной «смирению» претензией на личное совершенство, второе мыслимо только в контексте этики кеносиса; первое в равной мере присуще самым различным системам аскезы, второе характерно для христианства⁷. Поэтому

³ Ср. Von Epidauros bis Lourdes. Leipzig, 1957; Griechische Philosophie und frühchristliche Askese. Berlin, 1961; Von den Mysterien zur Kirche. Leipzig, 1961.

⁴ В качестве примера можно привести еврейских аскетов-бессеребрянников из числа последователей Иегуды Хасида в Германии XIII в. (ср. G. Scholem. Die jüdische Mystik in ihren Hauptströmungen. Zürich, 1957, S. 87—127) и современных им францисканских терциариев (впрочем, жития последних полны рассказами о том, как их дети погибали с голоду, не вынеся нищенской жизни возлюбивших нищету родителей).

⁵ На этом изречении П. Нагель останавливается лишь на стр. 49, т. е. в третьем параграфе. В прим. 2 к этой странице он замечает: «Указанное место — отнюдь не охранная грамота аскетизму. Как мне кажется, ближайшее толкование — Иисус оправдывает безбрачный образ жизни для себя и Крестителя перед фарисейскими противниками». Контекст изречения никоим образом не допускает такого сужения его смысла: оно возникает как ответ на поставленный в общей плоскости вопрос, хорошо ли человеку жениться. Речь идет не об индивидуальном случае Иоанна или Иисуса, но о целой категории людей, об особой форме существования. Другое дело, что девство — в отличие от энкратитских теорий — не рассматривается здесь как условие спасения для всех: «могущий вместить да вместит».

⁶ Ср. I послание апостола Павла к фессалоникийцам, 1, 6; I послание к коринфянам, 4, 16.

⁷ Чисто утилитарное послушание ученика учителю, практиковавшееся в самых различных системах мистического посвящения, практически может совпадать с обязанностью послушника перед старцем и монаха перед настоятелем; по своему смыслу оно от него отлочно, ибо только христианство осмысливает послушание аскета как соучастие в Христовом кеносисе.

едва ли благоразумно рассматривать эти три пункта аскетической программы, выстраивая из них единый недифференцированный ряд, как это делает П. Нагель. Эта недифференцированность дополняется другой: автор не проводит никакого различия между таким специфическим памятником, как «Деяния Павла и Феклы», и ортодоксальными текстами. Между тем «Деяния Павла и Феклы» были для церкви чрезвычайно подозрительны как раз потому, что в них исключительное сосредоточение на идеале девства почти не оставляет места для кенотического осмысления этого идеала. Если бы тенденция этого памятника пришла к абсолютной победе, оказались бы невозможными не только собор в Ганграх Пафлагонских и христианский брак, но и монашество пахомианско-василиевского, «общежительного» типа⁸.

В упомянутом первом параграфе первой главы следует особо отметить сообщаемые на стр. 14—15 сведения о малодоступном сирийском материале, в том числе о совмещении смыслов «единородный» и «монах» в слове *jihjöd'j'ö*. Следующий параграф, посвященный эсхатологическому аспекту раннехристианской аскезы, носит менее спорный, но, пожалуй, и менее интересный характер: в центре стоят тексты Тертуллиана, новооткрытое Евангелие от Фомы и все те же «Деяния Павла и Феклы». Третий параграф озаглавлен: «Предвосхищение будущего мира через аскезу». Он включает два подраздела: «Vita angelica» и «Радикально-эсхатологические мотивы». Первый открывается разбором евангельского изречения о безбрачной жизни по подобию ангелов⁹, которое у Марка (12, 24—27) и у Матфея (22, 29—32) отнесено к эсхатологическому будущему, у Луки (20, 34—38) приобретает смысловое колебание, а в сирийском переводе *da-Merhargresche*, в Диатессароне Татиана и в позднейшей экзегесе все однозначнее превращается из обещания в заповедь. Особенно интересная часть раздела и на этот раз связана с сирийским материалом (стр. 41—44). Волновавшая Оригена и Афраата идея пресуществления человеческого естества в ангельское принадлежит не этическому, а мистико-онтологическому уровню: поэтому в ряд рассмотренных в этом подразделе текстов не вполне органично вписывается пассаж об *obráviov politiká* из Афанасия (*Vita Ant.*, 44, см. 47), который не выходит за пределы социальной этики. Второй подраздел посвящен гностическому мотиву реинтеграции человека в сексуальном отношении (преодоление расколотости на два пола). Собственно, уже этот мотив входит в комплекс так называемого апокатастасиса. Более широкие перспективы этого апокатастасиса (примирение со всей природой, возвращение подобия божьего) — тема четвертого параграфа. Пятый параграф рассматривает идею аскезы как подвига во имя обещанной награды; конфликты, возникавшие между этой идеей и этикой беззаветного смирения, отмечены (стр. 68), но не введены в общий контекст противоречия между перфекционистской и кенотической аскезой. Шестой параграф озаглавлен: «Аскет как духоносец»; его тема — те аспекты раннехристианской аскезы, которые особенно легко поддавались магическому переосмыслению. Напротив, седьмой параграф рассматривает социально-карикативные мотивы самоотречения, прочно связанные с иудейско-христианской этикой *ἀγάπη* и чуждые какой-либо гностической двусмысленности.

Вторая часть работы посвящена мотивировке отдельных форм аскезы: отшельничества, странничества, аскетической наготы, аскетической бездомности, обязательства пребывать на одном месте, заниматься ручным трудом, общежительного монашества. В параграфе, посвященном отшельничеству, автор полемизирует против старого тезиса А. Гарнака, согласно которому анахореза родилась как протест против обмирщения церкви, однако скорее вносит в это объяснение коррективы, чем полностью его отводит (стр. 82—90).

С. С. Аверинцев

⁸ Ср. резкое типологическое противопоставление «ангелизма» Евагрия церковности Пахомия: *H. Vacht. Pachomius and Evagrius*. — In: *Christentum am Nil*, herausg. v. K. Wessel. Recklinghausen, 1964, S. 142—157.

⁹ Кстати, еще один штрих к «неаскетическому» образу Иисуса у синоптиков!

АННОТАЦИИ

Б. С. Т. АНГЕЛОВ. ИЗ СТАРАТА БЪЛГАРСКА, РУСКА И СРЪБСКА ЛИТЕРАТУРА.

София, издание на Българската Академия на науките, т. I. София, 1958,
238 стр. + VIII таблиц; т. II. София, 1967, 279 стр.

В 1967 г. вышел в свет второй том сборника памятников славяно-русской письменности, издаваемого известным болгарским филологом Боню Ст. Ангеловым; в сборник включены следующие тексты: Том первый: Служба Клименту Римскому; Служба Дмитрию Солунскому; Краткое житие Кирилла Философа; Похвала Кириллу Философу; Беседа на богомилов; Слова Петра Черноризца; Новое житие Иоанна Рылского; Проложное житие Илариона Мегленского; Житие Петки Тырновской; Повесть о смерти болгарского царя Александра; Похвальное слово сербскому королю Лазарю; Повесть о житии монашеском; Рассказ об избииении византийцев во время похода императора Никифора I против болгарского хана Крума; Повесть о Николае Воине; Повесть о взятии Царьграда персами (в древней русской письменности известна под названием «повесть полезна. . .», воспоминание. . . чудеси, егда перси и варвари царствующий град облегоша браню. . .»); Поучение о милостыни и о богатом; Сказание о двенадцати снах Шахайши; Повесть о крещении Эфиопии; Слово о злых жепах; Митрополита Киприяна житие митрополита Петра; Краткое житие митрополита Киприяна; Григория Цамбалка похвальное слово митрополиту Киприяну; Проложное житие княгини Ольги; Похвала князьям Владимиру, Борису и Глебу; Житие Феодосия Печерского; Слово Феодосия Печерского на латинян; Молитва Кирилла Туровского; Два слова митрополита Илариона.

Том второй: Служба Кириллу Философу; Служба (тропари, кондак и похвала) Кириллу и Мефодию; Канон Кириллу Философу; Солунская легенда; Канон св. Вячеславу чешскому; «Летописец вкратце» (по Симеонову Изборнику 1073 г.); Трактат византийского грамматика Георгия Хировоска о поэтических фигурах (по тому же Изборнику 1073 г.); Жития Антония Великого и Панкратия Тавроменийского в переводе Иоанна Пресвитера; Письмо князя Иакова Святослава Киевскому митрополиту Кириллу III; Исаяи Серского «Повесть о разорении турками Македонии в 1371 г.»; разные сочинения Константина Костенечского (переложение сказания черноризца Храбра, сказание о переводе священного писания, космографические, географические и летописные произведения и др.); далее следует ряд хождений (или итинерариев), сочинения Мардария Рылского, Дмитрия Кратовского и житие Георгия Софийского.

Каждому сочинению Ангелов предпослал небольшой очерк, в котором сообщаются краткие сведения о самом памятнике, его авторе (если автор известен), об использованных при публикации текста списках или печатных изданиях. В некоторых случаях текст напечатан по нескольким спискам (например, письмо Иакова Святослава митрополиту Кириллу III — т. II, стр. 139—147) или с параллельным греческим текстом (трактат Георгия Хировоска — т. II, стр. 89—105).

Таким образом, в двух томах издания Ангелова представлены русские, болгарские и сербские тексты IX—XVIII вв., оригинальные (в большинстве случаев) и переводные, разнообразного содержания и различных жанров — богослужебные тексты (службы святым), жития святых, похвальные слова, различные беседы, послания, хождения, ученые трактаты и учебники (трактат Георгия Хировоска, произведения Константина Костенечского) и т. д.

К сожалению, приходится отметить, что весь этот богатый материал не систематизирован, а расположен вперемешку¹.

¹ Надо признать, что само название допускает для автора известную свободу выбора и расположения материала — «из старой литературы».

В каждом томе заметна попытка автора расположить материал в хронологическом порядке, однако этот порядок не выдержан до конца. Так же не выдержано и расположение текстов по их происхождению — тексты оригинальные и переводные (их меньшинство) никак не разделены. Лишь в первом томе сгруппированы вместе (на стр. 159—235) произведения древней русской литературы.

Приходится пожалеть также о том, что Ангелов не изложил в предисловии достаточно четко основные принципы своего издания — нет правил передачи текста, не разъяснены принципы подбора использованных списков.

Несмотря на эти замечания, нельзя не отдать должного обширным знаниям и огромному трудолюбию автора, который обследовал большое число рукописных собраний², выявил и описал списки интересующих его произведений.

Сборники Ангелова не являются хрестоматией, предназначенной для учебных целей (хотя, по-видимому, могут быть для этих целей использованы). Автор, положив в основу мысль о единстве древней славяно-русской письменности, поставил целью собрать наибольшее число памятников разного рода, опубликовать их, сообщая попутно важнейшие сведения о каждом памятнике и некоторых его списках.

Е. Э. Гранстрем

SYMÉON LE NOUVEAU THÉOLOGIE N.
TRAITÉS THÉOLOGIQUES ET ÉTHIQUES, T. 1—2.
Paris, 1966—1967, 443, 519 pp.

Сравнительно недавно «Византийский временник» (XXVII, 1967, 340—344) отметил выход в свет «Катехизисов» Симеона Богослова, и одновременно с этой рецензией появились — в той же серии «Sources chrétiennes» (№ 122 и 129) — новые тексты этого писателя: три богословских трактата и 15 так называемых моральных трактатов.

Новые изданные сочинения Симеона являются весьма важным источником для изучения византийской идеологии на рубеже X и XI вв. Впрочем, не только для идеологии: из них можно извлечь по крупицам некоторые данные даже по социально-экономической истории и по истории государственного строя. Так, например, Симеон сообщает попутно, что византийский *δοῦλος* (термин, обозначающий раба) должен был вносить господину так называемый пакт (*τὸ κοινῶς λεγόμενον πάκτων* — т. II, стр. 190, 490—494): термин «пакт», засвидетельствованный в ряде источников¹, означал своеобразную арендную плату — однако, что этим термином обозначались повинности рабов, до сих пор не было известно.

С еще большей отчетливостью, чем прежде, обнаруживаются в трактатах социальные интересы Симеона. Среда, из которой он черпает свои образы, почти исключительно город и царский дворец². Техниты названы несколько раз [например, I, 208.20—22, 282.151—153; II, 64.794. В индексе (т. II, стр. 514) термин отсутствует]; Симеон говорит о мироварах (II, 430.131—132), ювелирах, медниках и камнетесах³; в XII моральном трактате помещен подробный экскурс о негодном, ленивом торговце, который то опаздывает на ярмарку, то приезжает туда без денег, то просиживает все время в харчевне, то, наконец, смотрит за делами других, а сам не торгует (II, 386 и сл.). Симеон черпает образы из цирковой жизни (I, 126.105), а говоря о ступенях добродетели, сравнивает их с городскими жилищами — от простого дома до царского казнохранилища (II, 332.51—334.79; ср. еще I, 122.41—43; II, 96.228—233; 106.361).

Еще чаще Симеон обращается к дворцовой жизни. Он рассказывает притчу о василевсе, освободившем своего слугу от служения тирану (II, 22.208—24.223), говорит

² Ангелов привлекает рукописи из собраний Австрии, Болгарии, Великобритании, ГДР, Греции (Афонские монастыри), Румынии, Чехии, Югославии. В Советском Союзе Ангелов ознакомился с рукописными богатствами хранилищ Вильнюса, Киева, Ленинграда, Москвы, Одессы.

¹ Этому термину посвящена большая литература. См. последнюю работу: К. В. Хвостова. Особенности аграрноправовых отношений в поздней Византии (XIV—XV вв.), М., 1968, стр. 96 сл.

² См. об этом: А. П. Каледан. Предварительные замечания о мировоззрении византийского мистика X—XI вв. Симеона. — BS, 28, 1967, p. 17.

³ *τοὺς χρυσοκόους καὶ χαλκοτύπους καὶ λινοξόους* — II, 166. 142: так читает издатель, Ж. Даррузес (см. обоснование: стр. 166, прим. 2), но слово *λινοξόος* не засвидетельствовано в источниках, кроме собственного имени Иоанна Линодвоя или Линоксоя в грамоте 1357 г. (MM, I, p. 371, 24—25) Естественная конъектура *λιθοξόους* подтверждается и параллельным местом (II, 166, 148); *χαλκούς γάρ καὶ χρυσοκόους καὶ τέκτων*, где *χαλκούς* соответствует *χαλκοτύπος*, а *τέκτων*, строитель, никак не может быть параллелью к *λινοξόος* (по Даррузесу, льноткач), но прекрасно подходит к камнетесу. Кстати, Книга епарха, VI, 2, на которую ссылается здесь Даррузес, имеет в виду не льноткачей, а метаксопратов.

о человеке, внимающем царским речам (II, 210.127—129), упоминает царские стада с их особыми клеймами (I, 352.53—58), постоянно возвращается к образу царского дворца (I, 222.124—125; 342.21 и др.), царской опочивальни (II, 336.103—106), царской казны (II, 334.82—83). Симеон ссылается на распорядок дня императора (II, 260.15—16), на посещение им театра (I, 318.87—93): любопытно, что именно во дворце и в театре видит он василевса, но не на поле сражения. Именно император для Симеона — источник должностей (II, 150.429—431), только он может поставить судьей (I, 306.477—485). Точно так же в «Катехизисах» он высмеивал как абсурд возможность назначить человека препозитом или протовестиарием помимо императорской воли⁴. Постоянно фигурируют у Симеона царские слуги, друзья, архонты (например, II, 166.152—153; 188.460—190.473; 346.239—240); он рассказывает о полководце мятежников, долго и успешно действовавшем против василевса, но затем перешедшем на сторону царя и получившем щедрые награды⁵.

Аграрные образы в отличие от этого редки: из них наиболее любопытен образ землевладельца, разделяющего свое имение на пахотное поле (*σπορίμη*), виноградник и необработанную часть (*χέρσος*), возводящего палаты и дома, бани и сады и окружающего все забором (I, 180.92—101). Сравнительно редки у Симеона и военные образы (II, 60.730—731; 166.144—145), среди которых традиционное сравнение монаха со стратиотом (II, 168.182—183). Симеон смеется, в частности, над младенцем, нацепившим доспехи и наставляющим других в военном искусстве (II, 58.703—709), — нет ли в этом намек на кого-то из современников? Наконец, он говорит о стратиотском ситиресии или опсонии (II, 196.572—579).

Этический принцип Симеона — отказ от родства и дружбы⁶ — выражен в трактатах значительно менее настойчиво, нежели в «Катехизисах», однако столь же недвусмысленно (I, 124.52—54; II, 350.298—299). Зато в трактатах возникает новая для Симеона тема — активности. Нет пользы, провозглашает он в VII моральном трактате, в том только, чтобы освободиться от страстей (II, 160.67—68); блаженны не те, кто уклоняется от зла, но те, кто творит добро, продолжает он (II, 162.71—72) с явной аллюзией на Псалом 36.27. Казалось бы, творить добро — принцип, расходящийся с основной концепцией симеоновского индивидуалистического спасения⁷, поэтому очень важно понять его смысл.

В XI моральном трактате Симеон подробно рассуждает о призвании святого к служению людям. Если город, царь, архонты, рассуждает Симеон, станут призывать тебя стать наместником и ты согласишься и будешь жить в мире преходящих и видимых явлений, господь лишит тебя своего удела. И даже если господь сам пошлет тебя на служение, отказывайся и умоляй избавить тебя от этого (II, 352 и сл.). Служение людям — не идеал Симеона, и действительно, возвращаясь к VII трактату, мы видим, что творить добро в понимании нашего писателя вовсе не означает служить людям, но бороться за царя (т. е. за бога), выполнять заповеди Христа, стать совершенным мужем (II, 162.72—79; 164.110—111).

О роли духовного наставника Симеон говорит здесь опять-таки меньше, чем в «Катехизисах», но высказывает те же суждения: наставнику следует безоговорочно повиноваться (II, 188.441—444; ср. I, 118.292—293).

Одна из основных тем трактатов — осуждение внешнего знания (например, I, 288.217—218; 294.304—307; II, 220.28—30 и др.), которому противопоставлено мистическое видение света (см., например, II, 100.294—102.316).

Не вдаваясь в краткой рецензии в чисто богословскую проблематику, затронутую Симеоном, отмечу лишь, что он решительно выступает против иерархии в Троице (I, 104.96—97) и, осуждая теорию трех солнц, подчеркивает единство Троицы (II, 220.34—226.94). Мысль эта весьма важна для понимания идейных корней назревавшей уже в эти годы схизмы.

Издание трактатов подготовлено известным французским ученым Ж. Даррузесом. Оно содержит тщательно выверенный греческий текст, основанный на рукописной традиции. Даррузес избегает конъектур, даже напрашивающихся. Такова, по моему, помимо указанного выше *λινοξόος* — *λιθοξόος*, желательная поправка *τρήχια* на *τρίχια* (II, 170.208; ср. стр. 214.174), которую Даррузес, однако, отвергает (I, 62, прим. 1; ср. II, 214, прим. 1).

Текст сопровождается хорошим французским переводом [отмечу, впрочем, досадный промах (I, 345.63): *εξ* переведено *sept*, т. е. семь, тогда как надо «шесть», а *εβδομος* — *huitième*, восьмой — вместо «седьмой». Промах этот не исправлен в *Brata*, помещенных в т. II (стр. 518 и сл.), полезными подстрочными примечаниями, главным образом теологического и филологического характера, и очень удоб-

⁴ См. А. П. Каждан. Предварительные замечания... стр. 15.

⁵ II, 276.235—278.273. Даррузес (стр. 279, прим. 1) полагает, что этот пассаж не имеет корней в исторической действительности времени Василия II; впрочем, в словах Симеона можно усмотреть намек на политику Василия II в отношении болгарской знати, переходившей на сторону Византии.

⁶ См. А. П. Каждан. Предварительные замечания... стр. 19 сл.

⁷ Там же, стр. 38.

ным индексом. В примечаниях раскрыты внутренние цитаты, главным образом библейские.

Изданию предшествует большая вводная статья. Даррузес кратко характеризует Симеона, останавливаясь на его полемике со Стефаном Никомидийским, которую он датирует 1003—1009 гг. (I, 9). На мой взгляд, эта традиционная датировка не бесспорна⁸. Полемика со Стефаном, полагает Даррузес, отразилась в трактатах, писанных уже несколько позднее. Далее Даррузес рассматривает содержание издаваемых им трактатов, выделяя в них четыре группы (I, 13—22), и специально останавливается на учении Симеона. Справедливо подчеркнув, что спор со Стефаном не сводится только к личным причинам, но имеет под собой идейные расхождения (I, 24), Даррузес, к сожалению, оставляет вне своего внимания социальную и этическую сторону доктрины Симеона (лишь кое-где в примечаниях он касается этой проблемы — см., например, I, 434, прим. 1) и рассматривает следующие вопросы: учение Симеона о видении бога (I, 25—28), учение о бесстрастии (I, 29 и сл.), учение о таинствах и церковной иерархии (I, 31—35). По словам Даррузеса, Симеон настаивал на синергизме бога и человека в деле спасения, при этом противодействие ему шло из кругов официальной церковной науки (I, 36 и сл.). Очень подробно Даррузес рассматривает рукописную традицию трактатов (I, 38—70), останавливаясь в заключение на вопросах стиля и языка (I, 74—83).

Отмечу две неточности в этом введении: писатель Кекавмен, разумеется, не тождествен полководцу Кекавмену Катакалону (I, 34); Николай Катаскепин написал «Жизнь Кирилла Филоста» не в конце XI в. (I, 72), а в первой половине XII столетия, поскольку там упоминаются события 1116 г.⁹

А. К.

G. WALTER. LA VIE QUOTIDIENNE À BYZANCE AU SIÈCLE DES COMNÈNES (1081—1180).

Paris, Librairie Hachette, 1966, 282 p.

Книга эта, посвященная будничной жизни византийцев XI—XII вв., появилась почти одновременно с аналогичной работой Г. Талбот-Райс, которую мы недавно рецензировали (см. ВВ, 30, стр. 286 и сл.). Написанная не византинистом, она легко могла бы подвергнуться критике — и за ограниченность круга использованных источников, и за спорность отдельных суждений, и за простую неряшливость [деревня Скика вместо Схизы (стр. 74), Анна Делассина вместо Далассина (стр. 115), Константин IV вместо Константина V (стр. 144)]. Однако такой узкопрофессиональный подход к книге был бы явно несправедливым: может быть, именно потому, что автор книги не ограничен в своих знаниях византиноведением с его устоявшимися традициями, ему и удалось написать не очередной обзор византийской цивилизации, подчиненный сложившемуся графарету, но работу со свежим и новым подходом к теме.

Книга рассчитана на широкого читателя и дает ему возможность увидеть Византию: вместе с автором мы попадаем в св. Софию, в императорский дворец, в частное жилище. Быт предстает перед нами не как сумма изолированных элементов (одежда, питание, жилище и пр.), но в серии осозаемых картин. Образность — первая заслуга Вальтера.

Но есть образность и образность. На стр. 195, открывая главу о женщине, писатель замечает: «Речь пойдет здесь не о коронованных императрицах и не о багрянородных принцессах. Ибо, рассказывая о какой-нибудь Феодоре, Зое или же Анне Комнине, оставалось бы только копировать Шарля Дилья. Вальтер как будто бы склоняется перед авторитетом Дилья — на самом же деле отталкивается от него. И действительно, Дилья принадлежит прошлому столетию с его культом изолированной личности — достойной или порочной, но блестящей и выходящей из ряда вон. Вальтер принадлежит нашему веку и видит в человеке прежде всего представителя социальной группы. Он отходит от принципов Дилья не потому, что боится соревнования со своим предшественником, но потому, что принципы эти не отвечают потребностям современности.

Социальный анализ византийского общества — вот основа книги Вальтера, основа, которая была бы чуждой Дилью. Этому посвящена добрая половина книги: стр. 73—174 (я оставляю в стороне вводные главы и живое описание «трех столпов» Константинополя — Большого дворца, св. Софии и Ипподрома). Здесь идет речь об императорской власти, о привилегированных классах (землеладельческой знати, чиновничестве и духовенстве), о горожанах и крестьянстве, об иноземцах и, наконец, о деклассированных элементах. Характеристика социальных слоев далека от какой-либо идеализации. Автор стремится выяснить специфические особенности общественной структуры Византийской империи — интересно, в частности, его рассуждение

⁸ Там же, стр. 8—10.

⁹ См. P. Karlin-Hayter. L'édition de la Vie de S. Cyrille le Philéote par E. Sargoglogos. — Byz., 34, 1964, p. 609 sq.

о роли скопцов в византийской администрации (стр. 95); он убедительно критикует ту точку зрения, которая и мне казалась правдоподобной, а именно, что опора византийских государей на евнухов объяснялась большей лояльностью этих людей, для которых престол был недостижимым; он справедливо замечает, что евнухи нередко участвовали в заговорах. По мысли Вальтера, лишённые «сексуальных радостей», скопцы более «бородатых» склонялись к «интеллектуальным спекуляциям» и потому оказывались деятельней и талантливей в исполнении административных функций. Очень любопытно и наблюдение Вальтера над тем, что все три Комнина с трудом овладели престолом (стр. 74—76).

Вторая часть книги посвящена будням «среднего византийца»: его жилищу, питанию и одежде, школе, браку и любви, реликвиям и суевериям, религиозным спорам и, наконец, зрелищам и развлечениям. И в этой части немало любопытных наблюдений. Так, на стр. 211 Вальтер ставит вопрос об отличии образа богородицы в Византии и на Западе. «Греческая богородица выступает более зрелой, резче отмеченной материнством — и вместе с тем более человеческой; она ближе к смертным, чем ее грозный сын — Пандократор». Кстати сказать, именно от Вальтера, много писавшего и по античности, и по новой истории (по Французской революции преимущественно), можно было ждать больше параллелей с Западом — пусть спорных, но плодотворных.

И социальная, и бытовая история Византии разработаны мало, во всяком случае неровно. Если глава об императорской власти могла основываться на ряде солидных исследований, то в разделах о господствующих (привилегированных) классах Вальтеру почти не на что было опереться. Ему поэтому не удалось обрисовать специфические особенности положения византийской светской и духовной знати; на мой взгляд, он чересчур приблизил ту и другую к классическому западному образцу. Последние работы (особенно Х. Г. Бека) позволяют внести в эту точку зрения серьезные коррективы.

И византийский быт еще нуждается во многих специальных исследованиях. Думаю, в частности, что Вальтер чересчур доверился сатирическим сценкам Продрома и представил византийцев большими гурманами и обжорами (стр. 125, 178—180), чем они были на самом деле. Они ели не три раза в день, а не более двух, а Кекамен советовал обходиться одной трапезой в сутки. И пища была не слишком разнообразной, ее основными компонентами оставались хлеб (на Балканах преимущественно ячменный) и вино; остальное составляло дополнение, «приварок».

И еще одно замечание. Хорошо, что книга Вальтера ограничена во времени — одним столетием, но, к сожалению, она не приобрела от этого историзма. Дело не в том, что автор постоянно углубляется в прошлое (первая глава называется «Рождение Нового Рима»), — это, пожалуй, закономерно. Однако же в книге почти нигде не ставится вопрос о специфике данного этапа византийской истории, о его отличии от предшествующих столетий. Изменилось ли положение знати, духовенства, императоров, тех же скопцов, наконец, или все в общем и целом осталось без перемен — вот один из коренных вопросов, стоящих перед исследователем.

А. К.

C. H. M. B R A N D. BYZANTIUM CONFRONTS THE WEST. 1180—1204.
Cambridge, Mass., 1968, p.X + 394.

**W. H E S C H T. DIE BYZANTINISCHE AUBENPOLITIK ZUR ZEIT
DER LETZTEN KOMNENENKAISER (1180—1185).**
Neustadt/Aisch, 1967, S.XII + 96

Взятие Константинополя от кончины Мануила I отделяет всего четверть столетия; можно сказать, что за это время едва сменилось одно поколение — а катастрофическое изменение внешнеполитической ситуации Византии очевидно для каждого наблюдателя. Из могущественной империи, соперничавшей с Германией Фридриха Барбароссы, она превратилась в ничтожное государство, без особого труда захваченное горсточкой крестоносцев. Констатировать этот факт просто, объяснить его — много сложнее. В какой-то мере такую задачу ставят перед собой авторы обеих рецензируемых книг, молодые византилисты — американец Ч. М. Брэнд, преподаватель истории колледжа Брин-Мор, и выпускник Вюрцбургского университета В. Хехт.

Обе книги отличает одна особенность — широкое привлечение многообразных источников: наряду с греческими, среди которых, разумеется, первое место принадлежит Никите Хониату, анализируются итальянские, немецкие, французские, английские хроники, русские летописи, сочинения армянских, сирийских, арабских историков. Факты тщательно взвешены, учтены суждения предшественников, используются труды и славяноязычных исследователей, в том числе советских.

Вместе с тем обе работы значительно отличаются друг от друга — не только протяженностью рассмотренного времени или пространства (Хехт изучает лишь первые

пять лет, последовавшие за смертью Мануила I¹, тогда как Брэнд доводит анализ до 1204 г.; напротив, Брэнд рассматривает взаимоотношения Византии лишь с западными государствами², в то время как в диссертации Хехта освещается весь комплекс византийской внешней политики), но и самым отбором материала. Хехт начинает книгу с констатации невозможности в настоящее время осветить экономическую и социальную историю избранных лет и сознательно ограничивает себя лишь «изображением внешнего течения кризиса» (стр. 1). Брэнд же детально рассматривает то, что Хехту кажется невозможным исследовать; его монография отчетливо распадается на две части: в первой из них он хронологически последовательно описывает хозяйственное и общественное развитие страны, борьбу различных группировок — все то, что составляет «внутреннее течение кризиса», и только во второй приступает к изучению отдельных аспектов взаимоотношений Византии с Западом.

Есть между обеими книгами еще одно различие. Работа Брэнда в целом нарративна. Не случайно она завершается не выводами, а описанием катастрофы 1204 г. (стр. 259—269). Все исследование внешней политики распадается на ряд параллельных, изолированных очерков: норманское вторжение 1185 г., крестовый поход Фридриха Барбароссы, Византия в качестве вассального государства при Генрихе VI, установление венецианской торговой монополии, роль соперниц Венеции — Генуи и Пизы, поиски союза с папской курией и, наконец, Четвертый крестовый поход. Почти каждая из этих глав-очерков имеет краткое введение, восходящее к Алексею I (стр. 160, 195, 207) или хотя бы к Мануилу I (стр. 222). Единство внешней политики Византии в силу этого исчезает.

Большой целостностью обладает первая часть — социальная характеристика Византии. Здесь можно отметить ряд интересных наблюдений: Брэнд анализирует социальный состав окружения Андроника I (стр. 57—61), полагая, что число «новых людей» было там меньше, нежели «профессиональных бюрократов»; Исаак II, по словам Брэнда (стр. 98), опирался не на знать, но на чиновничество, продолжая по существу линию своего низвергнутого предшественника. Что касается Алексея III, то его опору Брэнд усматривает (стр. 119) в близких родственниках императора.

Однако наблюдения и частные обобщения Брэнда не организуют материал, автор не столько доказывает, сколько описывает. В чем, собственно, причина краха империи? Если Андроник I и Исаак II опирались на чиновничество, если Алексей III пользовался поддержкой узкого «клана» родственников, то, видимо, в своеобразии или, скажем резче, в своеобразии этой социальной группы следует искать разгадку упадка. Но Брэнд, явно отдавая дань традиции, склонен винить во всем земельных магнатов, освобожденных от податей, стремившихся к децентрализации страны, притеснявших своих крестьян и господствовавших в городах (стр. 4—9). Он говорит о прониях XII в. как о поместьях, которые обрабатывали крестьяне и с которых следовала военная служба, и даже права Ренье Монферратского на Солунь называет пронией, как и право Андроника Комнина в Понте (стр. 9, 19, 28), — тогда как пронии этого времени вряд ли были чем-либо большим, нежели пожалование определенной доли налога. До их превращения в лен еще предстоял долгий путь.

Напротив, книга Хехта вся пропизана одной идеей (возможно, ее большее единство связано с большей ограниченностью темы). Задача немецкого ученого состоит в реабилитации внешней политики Андроника I. Приглядимся, как это сделано.

Сперва Хехт рассматривает внешнюю политику регентства Марии-Ксении и протосеваста Алексея и констатирует, что ее результатом было: а) потеря Хорватии и Далмации, б) территориальные потери в Малой Азии (стр. 12—16). Затем, переходя к самому Андронику, Хехт заявляет, что император имел «беспорные успехи» в сравнении с предыдущим периодом (стр. 31). Слова Erfolg, erfolgreich и дальше постоянно употребляются в книге применительно к Андронику (стр. 35, 61, 66). Наряду с этим Хехт стремится показать, что Андроник не был виновен в тех событиях, которые трудно считать удачными. Погром латинян в 1182 г. был совершен, оказывается, против воли Андроника³, который не несет личной ответственности за это кровавое злодеяние (стр. 37). Также и во время норманского нашествия 1185 г. стратегия Андроника была верной (стр. 84). Хехт замечает лишь, что выбор военачальников, возглавлявших гарнизоны Диррахия и Солуни, оказался несчастливym (стр. 84), но социальный анализ окружения Андроника, который проводит Брэнд, позволяет говорить не просто о несчастливом

¹ Но уже в статье об армяно-византийских отношениях в 1180—1196 гг. [W. Hecht. Byzanz und die Armenier nach dem Tode Kaiser Manuels I. — Byz., 37, 1967 (1968)] Хехт выходит за эти хронологические рамки. См. также W. Hecht. Zur Geschichte der «Kaiserin» von Montpellier, Eudoxia Komnena. — REB, 26, 1968, S. 161—169.

² Впрочем, уже в 1962 г. Брэнд опубликовал статью о союзе Исаака II Ангела с Салах-ад-Дином (Ch. M. Brand. The Byzantines and Saladin: Opponents of the Third Crusade. — «Speculum», 37, 1962).

³ Любопытно, что Хехт придает очень большое значение словам Роберта де Ториньи о поддержке Андроника султаном Икония (стр. 34), но опускает предшествующую фразу хрониста о том, что Андроник хотел избавиться (exterminare) от латинян (MGH SS, VI, p. 532). Если Роберт столь недостоверен в одном пункте, много ли оснований доверять ему в другом?

выборе. Андроник порывает с той социальной группой, которая поддерживала Мануила I (военная знать), физически расправляется с ней и ищет опоры в среде чиновничества. В данном случае как раз и «мстит» за себя принципиальный отказ Хехта увязать внешнюю политику с внутренней.

Но действительно ли успешной была политика Андроника I?

Бесспорный факт — потерю Кипра — Хехт даже не пытается поколебать (стр. 61—64). Положение на Балканах также ухудшилось. Летом 1182 г. Бела III начал военные действия (стр. 41), за венгерским вторжением последовало сербское (стр. 42, 76), к этому еще надо прибавить натиск половцев на Нижнем Дунае (стр. 77). Хехт, однако, стремится доказать, что уже зимой 1183/84 г. отношения между Венгрией и Византией улучшились и был заключен договор о браке между Белой и Феодорой Комниной, вдовой Андроника Лапарды и сестрой Мануила I (стр. 74. и сл.).

Но, во-первых, Феодора была не сестрой Мануила, а внучкой его сестры⁴, и, следовательно, брак с ней вряд ли мог дать Беле какие-либо серьезные права на престол. Во-вторых, ни о каком согласии Андроника на этот брак мы не знаем. Вполне допустимо принять вместе с Д. Моравчиком, что требование Белой руки Феодоры было направлено против Андроника, что Бела вступил в сношения с противниками Андроника⁵. Не исключено и то, что руки Феодоры Бела просил уже после свержения Андроника — у Исаака II⁶. Таким образом, тезис Хехта о византино-венгерском союзе при Андронике оказывается необоснованным.

Что отношения с Венецией начали нормализоваться уже при Андронике, несомненно (см. также Брэнд, стр. 196 и сл.), но заключение Хехта о подписании в 1185 г. византино-венецианского мирного соглашения (стр. 53) крайне спорно. Известно во всяком случае, что до середины февраля 1185 г. стороны не пришли к соглашению (стр. 51). Уплата венецианцам большой денежной суммы в конце царствования Андроника не должна непременно быть связана с подписанием договора. Брэнд (стр. 197) не без оснований видит в этом попытку купить поддержку венецианцев во время войны с норманнами.

И тут мы подходим к самому существенному: и Алексей I, и Мануил I своими договорами с Венецией приобрели поддержку Республики св. Марка против норманнов — в 1185 г. Византия стояла против норманнов одна, Венеция не оказала ей помощи. Был или не был подписан договор, Андроник не удалось привлечь Венецию на свою сторону в этой борьбе.

Отношения с сельджуками также не были столь благоприятными, как предполагает Хехт. В основной расстановке сил того времени сельджуки оставались традиционными союзниками Фридриха Барбароссы; византийское правительство, ища против сельджуков помощи Салах-ад-Дина, напугало и оттолкнуло провизантийские элементы в Палестине [кстати, одно из лучших мест в книге — анализ борьбы разных групп в Иерусалимском королевстве и поражения провизантийских сил (стр. 17—20)]. Если Андроник и получил на некоторое время поддержку сельджуков, то дорогой ценой — по-видимому, он обязался платить джизию, дань (стр. 33). Захват сельджуками Созополя, осаду Аттали и разграбление Котизя Хехт относит еще к регентству протосеваста Алексея (стр. 16). Однако хронология нашего единственного источника, Никиты Хониата, в этом случае недостаточно ясна: он во всяком случае излагает эти события в связи с деятельностью Андроника, сторонники которого не только столице, но и провинциям (τὰ ἔξω) причинили ущерб (Nic. Chon., p. 340. 1—2).

Обе книги дают в руки исследователя обширный, хорошо обработанный материал. Конкретные наблюдения обоих авторов нередко тонки. Но если Брэнд стремится к нарративности, то Хехт впадает, на мой взгляд, в другую крайность — построенная им оригинальная система чересчур гипотетична и, более того, подчас противоречит фактам. Во всяком случае, ему не удалось поколебать представление, что внешняя политика Андроника была неудачной, я бы сказал решительнее — нереалистичной. В самом деле, все возможные союзники были им потеряны, а заигрывание с Салах-ад-Дином не приносило реальных плодов. Византия стояла перед единым фронтом врагов — Германия, Венеция, норманны, сельджуки. Назревала ситуация, сделавшая возможным IV крестовый поход.

А. К.

⁴ См. L. Stiernon. Théodora Comnène et Andronic Lapardas, sébastes. — REB, 24, 1966, p. 89 sq. (работа еще не могла быть доступна Хехту).

⁵ Gy. Moravcsik. Pour une alliance byzantino-hongroise. — Byz. VIII, 1933, p. 565.

⁶ V. Grumel. Les registres des actes du patriarcat de Constantinople, f. 3, 1947, № 1166.

FRANZ ALTHEIM UND RUTH STIENL.
DIE ARABER IN DER ALTEN WELT, BD. I—IV.

Berlin. Walter de Gruyter und Co., 1964—1967, 747, 631, 536, 738 SS.

Заглавие рецензируемой книги обманчиво. Это отнюдь не последовательная история «домусульманского» арабского мира, не общий очерк в стиле монографии Н. В. Пигулевской, выпущенный примерно в это же время¹. Работа, написанная известными специалистами по поздней античности Ф. Альтгеймом и Р. Штиль в сотрудничестве с целой плеядой филологов и историков (среди них И. Ирмшер, Р. Макух, Д. Кёвенди, Г. Радке), представляет собой серию очерков, различных и по размеру, и по содержанию: наряду с исследовательскими статьями (по эпиграфике, источниковедению, политической истории, филологии, истории религий) мы встретим тут публикации (например, фрагмент из «Сатурналий» Макробия: III, 217—240, или немецкий перевод так наз. Кёрёлос, речей Кирилла Александрийского, сохранившихся в эфиопской передаче: IV, 363—485) и даже рецензии. Тематические и хронологические рамки книги отнюдь не всегда совпадают с ее заглавием: действительно, как связаны с древнейшими судьбами арабов такие проблемы, как положение византийской интеллигенции в VI в. (Ирмшер: IV, 334—362) или взаимоотношения предков румынского народа с норманнами, славянами и итальянскими колониями в Причерноморье в IX—XV вв. (Э. Лозован: II, 524—554)², или локализация территории Протоболгарского государства VII в. и установление его хронологии (Х. Лаутербах: IV, 539—619)³, или, наконец, полемика с Х. Литцманном по вопросу о правдоподобии евангельской версии о судебном процессе над Иисусом Христом (III, 74—97)?⁴

Но несмотря на всю разнородность состава книги, она сплочена единой идеей — идеей всемирно-исторического единства. История Средиземноморья, по справедливому суждению авторов, не может рассматриваться как история греков и римлян; классическая античность была тесно связана с варварским миром, окружавшим ее, влияла на него и в свою очередь испытывала на себе его воздействие. Это взаимовлияние становится особенно существенным в критические моменты истории, и переход к средневековью не может быть осмыслен без учета той роли, которую сыграли как гунны и вовлеченные ими в движение обитатели областей к северу от Дуная и Черного моря⁵, так и народы Ближнего Востока и Северной Африки: арабы, аксумиты и ряд других⁶.

Исследуемые в книге взаимосвязи могут быть разделены на несколько групп. Во-первых, это сохранение следов античной культуры в арабских памятниках: таковы, например, очерки о Манефоне в арабской традиции (III, 11—14) или о новом фрагменте Гераклита во «Флорилегии» Шахрастанби (IV, 76—91). Во-вторых, это проблема проникновения в Аравию и Аксум политических и культурных влияний из круга старой средиземноморской цивилизации: римское наступление на Аравию и Нубию (II, 49—63), иудейская миссия в Аравии и Эфиопии (II, 64—75; III, 15—38), христианская проповедь в этих областях (IV, 306—333).

¹ Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.—Л., 1964. Монография эта осталась неизвестной авторам рецензируемой книги.

² Очерк Лозована выпадает не только из хронологических и географических рамок, но и из стиля книги. Ее задача откровенно националистична; она формулируется следующим образом: «Румыны никогда не теряли контакта с Европой» (стр. 554). По словам Лозована, «румынское население Южной Молдавии под натиском гуннов и аваров отодвинулось к северу; оно распространилось на широком пространстве и семь веков спустя вступило в контакт со скандинавскими варягами, утвердившимися в Киеве» (стр. 524). Норманистские положения формулируются безоговорочно (стр. 527). Главные положения очерка аргументируются произвольными лексическими аналогиями, как-то: «датчанин» выводится из *Dacia* (область, населенная предками румын), упомянутое Саксоном Грамматиком имя *Flossus, princeps Ruthenorum*, — от «влах», «волох» (почему бы не от сербского Вук-Влж), другое имя — *Wisinus* — от румынского *vicin*, сосед (стр. 531—533).

³ Лаутербах помещает Протоболгарское государство Куврата («Великую Болгарию») в Крым и частично в «Ногайские» степи, которые странным образом оказываются в низовьях Днепра (или Буга?) (стр. 618). Думаю, что решение этого вопроса без привлечения археологического материала, в первую очередь памятников салтово-маяцкой культуры, невозможно. Работы советских ученых, равно как и болгарских, автором не привлекаются.

⁴ В этом очерке, пожалуй, особенно любопытно наблюдение, что арамейские слова, вложенные в Евангелиях в уста Иисуса, имеют грамматические признаки, выдающие их галилейское происхождение (стр. 93—95). Это свидетельствует о галилейском происхождении — однако кого? Иисуса или информатора евангелиста?

⁵ См. F. Altheim. *Geschichte der Hunnen*, Bd. I—V. Berlin, 1959—1962.

⁶ К сожалению, работы советских ученых в этой области почти не использованы. Я уже говорил о книге Пигулевской (см. прим. 1) — то же относится и к солидной монографии: А. Г. Лундин. Южная Аравия в VI в. — ПС, 8, 1961, к работам Ю. М. Кобищанова об Аксуме и др.

Однако центральным аспектом исследования являются не эти две группы взаимосвязей, а третья — проникновение арабского этноса в Средиземноморье (до ислама) и арабское культурное влияние на греко-римский мир. По мнению авторов, арабы-набатеи уже в последние годы царствования Александра Македонского проникают в Восточную Иорданию и оседают там, где позднее возник город Петра; Птолемеи вели с ними борьбу, поддерживая против набатеев царство Лихьян (I, 65—79, 93—106). Постепенно арабские правители утверждаются в сирийских центрах — Эмесе, Дамаске, Элесе (Э. Меркель: I, 139—180, 268—372), а в Египте возникает «ном» Аравия (I, 72). В эпоху Римской империи особенно значительную роль играли арабские государства в Хатре (II, 191—204; IV, 243—305) и Пальмире (II, 251—273), тогда как Лахмиды Хиры и их противники Гассаниды не достигли самостоятельности и выступали в качестве вассалов (соответственно) Ирана и Восточной Римской империи⁷.

Культурное влияние арабов шло по нескольким линиям. Прежде всего — это воздействие монотеистической арабской религии и культа арабского солнечного божества на римское общество. Культ арабского солнечного божества авторы прослеживают в Эмесе и соседних населенных арабами территориях (III, 125—135); с этим культом они связывают эллинистически-римскую утопическую литературу, и прежде всего «Государство солнца» Ямбула, самое имя которого они считают семитическим (I, 80—92); с этим культом связывается и «Эфиопика» Гелиодора (В. Кёвен: III, 136—197). Особенно любопытен в данном контексте очерк «Аврелиан и Константин» (III, 244—306); если даже, на мой взгляд, специфические черты арабского воздействия на солнечный культ при Константине остаются довольно смутными, наличие «солнечной религии» при этом императоре (во всяком случае до 331 г.) предстает из очерка весьма отчетливо, и соответственно критика И. Караяннопулоса, отстаивавшего историю константиновского христианства⁸, кажется убедительной⁹.

С арабским влиянием авторы связывают и распространение неоплатонизма. Исходным пунктом их рассуждений является происхождение неоплатоников из Египта и Сирии, в том числе из некоторых населенных арабами районов (III, 436); тезис не бесспорный, особенно если учитывать ликийское происхождение виднейшего из неоплатоников — Прокла и распространение неоплатонизма в Афинах. Неоплатонизм как философская система настолько тесно связан с античными полисными представлениями, что арабское имя Ямвлиха вряд ли способно многое поставить под сомнение. Думаю также, что представление авторов о неопределенности границы между христианством и неоплатонизмом (III, 288) преувеличено. Конечно, между двумя мировоззрениями было много точек соприкосновения (в терминологии, в мифологемах), однако грань оставалась весьма четкой: неоплатонизм был монистической системой, опримиристически вышедшей матерью из божества, из Единого, тогда как христианство исходило из дуализма плоти и духа, дуализма, который «снялся» парадоксально, благодаря разрыву естественных связей — в воплощении божества или в обожении человека.

С неоплатонизмом авторы связывают монофиситство — опять-таки исходя из географического распространения этого вероисповедания: «неоплатоники происходили из тех областей, которые позднее стали оплотом монофиситства» (III, 436). И вновь я должен отметить рискованность подобных заключений — ведь эти области были также оплотом совсем иного вероисповедания — несторианства и центром возникновения монашества, вообще средоточием особенно острой идейной борьбы в IV—VII вв. Однако мысль авторов о связи монофиситства с местной (египетско-палестинско-сирийской) монотеистической традицией, традицией, на мой взгляд, отнюдь не специфически арабской, заслуживает внимания. Я бы подчеркнул при этом еще одно обстоятельство: монофиситская мифологема состояла, по сути дела, в том, что умирал (и соответственно воскресал) подлинный бог — мифологема весьма обычная для переднеазиатских религий с их культом умирающего и воскресающего бога. Эти традиции как раз и могли сказаться на выработке монофиситской идеологии.

Таким образом, если политические взаимосвязи арабского и греко-римского миров обрисованы в книге довольно четко, то культурное влияние арабов на Римскую империю пока еще остается проблематичным.

В рецензируемой книге поставлена еще одна большая проблема, носящая философско-исторический характер. Во введении к III тому авторы рассматривают концепцию

⁷ В отличие от Альтгейма и Штиль, Пигулевская считает Лахмидов и Гассанидов независимыми от Ирана и Римской империи. См., помимо ее книги (прим. 1), *Н. В. Пигулевская*. Арабы у границ Византии в IV в. — ПС, 5, 1960, стр. 45—65; *ее же*. Греческие и сирийские источники по истории северных арабских племен IV—VI веков. — КСИНА, 47, 1961, стр. 64—70; *ее же*. Киндиды и лахмиды в V в. и начале VI в. — ПС, 9, 1962, стр. 80—104.

⁸ *J. Karayannopoulos*. Konstantin der Grosse und der Kaiserkult. — «Historia», 5, 1956, S. 341—354.

⁹ Очерк содержит много остроумных находок, среди которых особенно отмечу истолкование известного термина в надписи на триумфальной арке Константина *instinctu divinitatis* (стр. 286 и сл.): *divinitas*, по мнению авторов, отнюдь не означает божества, но божественные свойства императора.

О. Шпенглера, останавливаясь, в частности, на так называемых исторических псевдоморфозах; под этим понятием Шпенглер разумел консервирующее, мертвящее влияние старой культуры на культуру молодого народа. Альтгейм и Штиль, критикуя Шпенглера, утверждают, что творческое развитие могло иметь место наряду с «псевдоморфозом» (III, 4), и видят это творческое развитие на исходе римской цивилизации, помимо всего прочего, в формировании новых литературных жанров (III, 101—121). Но критика Шпенглера не ограничивается только этим, прямо выраженным разграничением с ним.

Одним из существенных принципов шпенглеровской философии истории было переосмысление понятия исторической одновременности, которому был придан не хронологический, а морфологический смысл: одновременными Шпенглер считал функционально (морфологически) однородные явления; Полиглот и Рембрандт, Поликлет и Бах, шире — ионическое искусство и барокко были для него одновременными. Не вступая прямо в полемику с этой идеей Шпенглера, авторы, тем не менее, рассматривают исторический процесс как единый и целостный; поэтому однородные явления выступают и как хронологически связанные. В этом отношении очень интересен очерк о так называемых «книжных религиях» (III, 419—435): становление религий нового типа, зиждящихся на фиксированном «откровении», происходит, по их наблюдению, почти одновременно на обширном пространстве Восточного Средиземноморья.

Богатая идеями (нередко спорными — но когда новые идеи бывают бесспорными?), рецензируемая книга основана на огромном, чрезвычайно многоязычном, разнохарактерном круге источников: греческих, латинских, арамейских, арабских, сирийских, эфиопских и многих иных. Самое понимание этих текстов подчас очень трудно. Чтобы дать представление об этих трудностях, позволю себе один пример. Надгробие Имру'улхайса из ан-Намара (к югу от Дамаска) от 328 г. Пигулевская переводит: «Это гробница Амрульхайса, сына Амра, царя арабов всех, того, что повязал диадему, покорил Асад и Низар и их царей, обратил в бегство Мазидж до сего дня, отправился поразить Неджран, город Шамира, покорил Маад, разделил сыновьям племена, предоставил Перас им и Руму. Ни один царь не достиг его высоты до сего дня. Он умер в год 223 в 7 день кислуа. Да будет благополучие его потомству»¹⁰.

Перевод Альтгейма и Штиль (II, 313—317) отличается, кроме начала и конца, довольно существенно: «Он покорил оба [племени] Асад и Низар, как и их царей; он изгнал mḥgw до сего дня; он возвратился, гордясь продвижением до Наджрана, города Шамира, и до царства Ма'адд. И он разделил своих (обоих?) сыновей между племенами, и он предоставил их (племена) [своим сыновьям] [на основании договора] Персии с Римом». Различие в понимании надписи, как легко видеть, ведет и к различию оценки положения Имру'улхайса . . .

Огромная предварительная работа, детальное исследование частных проблем и определили, по-видимому, тип книги, в которой вопросы датировки, уточнение смысла текста, исправление надписей занимают огромное место. Среди подобных наблюдений отмечу датировку Перипла Эритрейского моря временем около 210 г., с чем связана и датировка сочинения Курция Руфа III веком (I, 40—64; II, 257); заключение, что Александрийская библиотека не была разрушена в 391 г. (II, 23—31); отнесение деятельности аксумского царя Эзана ко времени после 450 г. (об этом речь пойдет в V томе, который пока еще не вышел).

В заключение отмечу, что к собственно византизоведческой тематике, помимо указанного, относятся еще очерк И. Рехорка об авторстве и времени акафисты божьей матери (II, 514—523), создателем которого автор ориентировочно считает патриарха Сергия (начало VII в.); вопрос этот весьма спорный, и при скудости исторических аллюзий акафиста он вряд ли когда-нибудь найдет убедительное решение.

A. K.

D. M. METCALF. COINAGE IN THE BALKANS.

820—1355 (Institute for Balkan Studies, № 80).

Thessaloniki, 1965, p. XIX + 286, ill.

Работа известного английского нумизмата Д. Меткалфа является первым опытом систематического обзора монетного материала, относящегося к средневековой истории Балканского полуострова. С чисто нумизматической стороны книга интересна прежде всего стремлением классифицировать монеты, относящиеся к отдельным царствованиям, определить время и место чеканки каждого типа. Так, например, Меткалф полагает, что фоллы Михаила II (820—829) могут быть разделены на три типа, происходящие из трех монетных дворцов: первую из официн он локализует в Константинополе,

¹⁰ Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана . . . , стр. 23. Авторы разбирают лишь доклад Пигулевской на XXV конгрессе востоковедов в Москве. См. «Труды XXV Международного конгресса востоковедов. Москва, 9—16 августа 1960», т. I. М., 1962, стр. 443—449.

вторую в каком-то из малоазийских центров, третью не решается локализовать вовсе (стр. 20). Среди бронзовой чеканки Феофила (829—840) Меткалф выделяет семь групп (стр. 25 и сл.), одну из которых он связывает с деятельностью солунского монетного двора. Еще более детальной является классификация бронзовых монет типа *tex regnantium*, чеканившихся на рубеже X и XI вв. (стр. 41—47)¹.

Однако значение работы Меткалфа выходит за пределы «чистой» нумизматики, принципы которой в последнее время особенно энергично отстаивал Ф. Грирсон², Меткалф стремится использовать монетные находки как источник для политической и особенно экономической истории Византии и сопредельных стран³. Разумеется, использование монеты как исторического источника наталкивается на ряд трудностей, анализу которых посвящена вводная глава рецензируемой книги. Здесь, в частности, Меткалф высказывает мысль, что количество сохранившихся монет не является прямым отражением общего количества монет, находившихся в обращении в тот или иной период истории: если монет Мануила I (1143—1180) уцелело больше, чем выпущенных Иоанном II (1118—1143), то это не означает, что их было больше в действительности; политическая обстановка в стране могла повлиять на возрастание числа кладов. Поэтому Меткалф предлагает следующий путь для исчисления количества монет в обращении. Во-первых, он считает возможным установить (с известной степенью вероятности) количество монетных серий по формуле:

$$x = \frac{y(y-1)}{2p},$$

где y — количество монет в кладе или случайном собрании, а p — количество пар монет одной серии там же (Меткалф исходит из того, что вероятность нахождения пары монет одной серии в кладе обратно пропорциональна количеству выбитых серий). Во-вторых, он предполагает, что число монет в одной серии сравнительно постоянно и колебалось между 7500 и 15 000 штук (стр. 7—9).

Думаю, что эти наблюдения при всем их остроумии нуждаются в тщательной проверке. Необходимо было показать, что расчеты, произведенные на материале разных кладов, всегда дают примерно одинаковый x . Далее, я сомневаюсь, что количество монет одной серии колебалось столь незначительно — во всяком случае, это положение должно быть аргументировано.

Помимо этого, Меткалф обращает внимание еще на два обстоятельства: во-первых, он полагает, что вид монеты отражает характер экономических отношений; во-вторых, он считает существенным различать отдельные районы Балканского полуострова по интенсивности монетного обращения (стр. 10 и сл.).

На основании нумизматических данных экономическая история Балканского полуострова представляется Меткалфу следующим образом. С середины VII до середины VIII столетия денежное обращение на Балканах пришло в упадок (стр. 18), и еще на рубеже VIII—IX вв. оно ограничивалось пределами приморских городов, главным образом, Константинополя⁴. Возрождение денежного хозяйства, начавшееся на побережье еще на рубеже IX и X в., лишь медленно захватывало внутренние области (стр. 36; ср. стр. 63). Даже в XI вв. денежное хозяйство на Балканах ограничивалось преимущественно Центральной Грецией и областью по Нижнему Дунаю (стр. 50). К концу XII в., полагает Меткалф, в обращении находилось около ста миллионов скифатных (вогнутых) монет — стамин, что в 2—5 раз превосходило число фоллов, обращавшихся в IX столетии (стр. 122). Таким образом, сложные методы Меткалфа приводят к аналогичному (хотя и лучше обоснованному) выводу, что и более простые «квантитативные» приемы — о возрастании денег в обращении на протяжении IX—XII вв. При этом Меткалф предполагает, что стамина, по своей ценности стоявшая между фоллом и солидом, была не монетой для местного рынка, но торговой монетой, использовавшейся купцами (стр. 14).

В XII в. византийская монета чеканилась на нескольких монетных дворах: в Константинополе, Никее, Трапезунде и где-то в Греции — в Коринфе или в Фивах. Монеты, выпущенные в разных официнах, отличались специальными значками (стр. 82).

¹ См. о них подробнее: *D. M. Metcalf. Bronze Coinage and City Life in Central Greece circa A. D. 1000.* — «Annual of British School at Athens», 60, 1965. О золотой и серебряной монете этого времени см. *Ph. Grierson. The Gold and Silver Coinage of Basil II.* — «The American Numismatic Society. Museum Notes», 13, 1967.

² *Ph. Grierson. Byzantine Coinage as a Source Material.* — «Proceedings of the XIIIth International Congress of Byzantine Studies». London, 1967, p. 317—333.

³ См. нашу заметку о двух более ранних работах Меткалфа: ВВ, XXVI, 1965, стр. 286 сл. Ср. еще: *D. Metcalf. The New Bronze Coinage of Theophilus and the Growth of the Balkan Themes.* — «The American Numismatic Society. Museum Notes», 10, 1962, p. 81—98.

⁴ См. об этом также: *D. M. Metcalf. How Extensive Was the Issue of Folles during the Years 775—820?* — *Byz.*, XXXVII, 1967, p. 307.

Постепенно распространяется местная чеканка, особенно заметная на бронзовой монете Мануила I (стр. 113 и сл.). Весьма любопытно, что Андроник I пытался приостановить выпуск провинциальных стамин, но уже его преемники отказались от этой централизаторской политики (стр. 118). К чисто нумизматическим наблюдениям Меткалфа можно было бы присоединить свидетельство актов о хлосской монете (*χλωσά*), распространенной, в частности, в районе Патмоса (ММ, VI, 83.34; 88.3; 92.21).

Меткалф упоминает (стр. 92) о появлении иерархического принципа в монетной системе. Это чрезвычайно важное наблюдение: начиная с X в., в Византии появляется деление монеты на предпочтительную и на монету худшего качества; четкое соотношение между монетами разных типов исчезает.

Локальная чеканка, обслуживающая узкую округу и иерархический принцип монетной системы — признаки феодальной перестройки монетного дела в Византии.

Тенденция к децентрализации монетного обращения, к созданию «монетных регионов», намечившаяся уже в середине XII в., еще более отчетливо осуществляется в XIII столетии: Меткалф выделяет ряд таких регионов на Балканах, в том числе византийский, охватывавший Грецию, острова и (первоначально) Болгарию; сирмийский, словенский, сплитский и ряд других (стр. 63—69). Децентрализация сопровождается интенсификацией монетного обращения, но еще и в XIII в. монетные находки концентрируются в крупнейших городах (как Солунь или Дубровник) или вдоль торговых путей. В XIV в. центр монетной чеканки переносится в глубь материка — в Сербию, Боснию и Болгарию.

Судьбы отдельных монетных регионов в XII—XIV вв. подробно освещены Меткалфом в последних главах: «Византийский монетный регион и его преемники», «Монетное обращение в пограничных областях северо-запада», «Адриатическое побережье как место перекрещения монетных систем», «Серебряная чеканка и рост славянских монетных систем», «Мелкая чеканка феодальной Греции», «Чеканка в восстановленной Византии и в Болгарии» и, наконец, «Империя Стефана Душана».

Разумеется, нумизматический источник имеет ограниченный характер: полная картина хозяйственного развития должна строиться с учетом археологических данных и письменных свидетельств. То и другое используется Меткалфом весьма скупо. Но это и не следует ставить в упрек профессионалу-нумизмату. Как бы то ни было, работа Меткалфа станет важным пособием для каждого исследователя экономической истории Византии и сопредельных стран.

А. К.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ДВУХ ЦЕННЫХ СПРАВОЧНИКОВ *

Каждому, кто привык работать со средневековыми рукописями, известно, как важны справочники по водяным знакам бумаги (иначе — филиграммам); именно к этим справочникам обращается в первую очередь исследователь для датировки бумажных рукописей, лишенных точной даты.

За последние 30—40 лет изучение филиграмм постепенно развивается из вспомогательной для историков и филологов дисциплины в самостоятельную отрасль знания — филигранологию; выросло число справочников по водяным знакам бумаги, появилось множество статей, монографий, обзоров¹.

* 1) *Tromonin's watermark album. A facsimile of the Moscow 1844 édition. With additional materials by S. A. Klepikov. Edited, translated and adapted for publication in English by J. S. G. Simmons. Hilversum, Holland. The Paper Publications Society, 1965 (Monumenta chartae papyraceae historiam illustrantia or collection of works and documents illustrating the history of paper. General editor: E. J. Labarre, O. B. E., XI)* (далее: Тромонин); 2) *C. M. Briquet. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier des leur apparition vers 1282 jusqu'en 1600. A facsimile of the 1907 edition with supplementary material contributed by a number of scholars. Ed. by Allan Stevenson. Amsterdam, the Paper Publications Society (Labarre Foundation), 1968* (далее: Брике).

¹ См., например, превосходную библиографию важнейших работ по истории бумаги и по филиграммам, составленную Джоном Симмонсом в кн.: *C. M. Briquet. Op. cit.*, p. *37—*53. См. также некоторые обзоры, например: *C. А. Клепиков. Новые работы в области филигранологии.* — «Проблемы источниковедения», IX. М., 1961, стр. 409—432; *его же. Проблемы филигранографических публикаций.* — «Археографический ежегодник за 1962 год». М., 1963, стр. 323—330; *М. В. Кукушкина. Советская палеография.* — Сб. «Вспомогательные исторические дисциплины», 1. Л., 1968, стр. 73—94; *Damian P. Bogdan. Filigranologia ca disciplina stiintifica.* — «Revista arhivelor», 2. Anul X. Bucuresti, 1967, p. 3—40.

Пользуюсь случаем поблагодарить господина Джона Симмонса (Оксфорд) и профессора Д. П. Богдана (Бухарест) за предоставленную мне возможность ознакомиться с их ценными исследованиями по филигранологии.

В огромном списке названий история бумаги в Византии занимает мало места, что объясняется отсутствием в империи своего производства бумаги²; греческие писцы, как правило, писали на бумаге, привезенной из Италии³.

Поэтому византийскому при работе с памятниками византийской письменности чаще всего приходится обращаться к книге Брике и к вышедшему в свет в 1957 г. альбому В. Мошина и С. Тралича, посвященному водяным знакам XIII—XIV вв.⁴

Однако в ряде случаев, особенно при исследовании рукописей, созданных после падения империи, необходимо обращаться и к другим справочникам — к альбому К. Я. Тромонина⁵ или Н. П. Лихачева⁶.

Книга К. Я. Тромонина давно стала библиографической редкостью; вдобавок судьба этой книги была необычной — первое ее издание было напечатано с незаконченным указателем, отсутствующая часть которого была найдена в Киеве в 1927 г. и напечатана С. А. Клепиковым в 1963 г. (ротапринт).

В новом фототипическом издании альбому Тромонина предпосланы следующие дополнения: введение, в котором С. А. Клепиков изложил биографию К. Я. Тромонина и историю его книги, а также поместил список его трудов. Далее следует предисловие Тромонина к его книге (в английском переводе Джона Симмонса) и указатели: указатель филигранных номеров, указатель изображений (или типологический указатель), указатель букв и слов, встречающихся в филигранных, и хронологический указатель.

Справочник Брике состоит из четырех томов; все дополнительные ко второму изданию статьи помещены в начале первого тома⁷. Статьи эти следующие: а) Биографический очерк К. М. Брике (1839—1918), написанный Ф. Блазером; б) Введение Аллана Стивенсона, состоящее из нескольких этюдов на темы изучения и использования филигранных; в) Библиография работ по филигранологии, составленная Джоном Симмонсом и учитывающая важнейшие работы, напечатанные после первого издания Брике, т. е. после 1907 г.⁸; г) Перечень архивов, которые посетил в свое время Брике (всего 235 архивов, причем указаны современные адреса этих хранилищ); д) Перечень печатных книг, филигранные которых отмечены в справочнике; е) Указатели — указатель изображений, указатель встречающихся в филигранных букв и указатель торговых знаков.

Благодаря перечисленным дополнениям значительно облегчено пользование обоими справочниками, состав водяных знаков стал удобнее для обозрения, но самое важное — обе книги, давно уже являвшиеся библиографической редкостью и встречающиеся только в больших библиотеках, стали гораздо лучше известны читателю.

Предисловие Стивенсона к новому изданию Брике открывается словами о том, что в наши дни наступило «время перепечаток».

Особенно важной, по моему мнению, следует считать перепечатку справочников. Существует нигде прямо не высказанный, но весьма распространенный взгляд на справочные издания, как на издания менее значимые, нежели монографии.

Взгляд этот основан на недоразумении; известно, что составление справочников разного рода требует от составителя обширных и основательных знаний как по теории предмета, так и по методике работы⁹.

Не следует забывать также о том, что моральный износ справочников наступает

² Здесь уместно напомнить о двух превосходных статьях французского палеографа Жана Иригуэна (*J. Irigoien. Les premiers manuscrits grecs écrits sur papier et le problème du bombycin. — «Scriptorium» (Brussels), IV (1950), p. 194—204; idem. Les débuts de l'emploi du papier à Byzance. — BZ, Bd. 46 (1953), S. 314—319.*)

³ Мне известны две греческие рукописи на арабской бумаге: 1) рукопись VIII в. Гос. Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде № 44, среди пергаментных листов которой имеется два листа на арабской бумаге (описание см. *Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 1. Рукописи IV—IX веков. — ВВ, XVI, 1959, стр. 233 № 67*), и 2) богословский трактат VIII—IX вв., хранящийся в Ватикане (см. *F. de Cavaliere et C. Lietzmann. Specimina codicum graecorum Vaticanorum. Bonnae, 1910, tab. 5*).

⁴ *V. A. Mošin and S. M. Traljić. Vodeni znakovi XIII. i XIV. vijeka. Vol. 1—2. Zagreb, 1957.*

⁵ Первое издание — М., 1844.

⁶ *Н. П. Лихачев. Палеографическое значение водяных бумажных знаков, I—III. СПб., 1899.*

⁷ Пагинация этих дополнений снабжена звездочкой во избежание смешения с пагинацией первого издания.

⁸ Симмонс указывает, что общее число трудов по филигранологии за указанный период превышает тысячу.

⁹ О важности справочных изданий говорилось на заседании Археографической комиссии Академии наук СССР в Ленинграде 11 июня 1969 г. в выступлениях А. И. Копанева и М. В. Кукушкиной (Библиотека АН СССР).

обычно позднее, чем износ монографий или статей (разумеется, это положение не касается трудов, ставших в научной литературе вопросами классическими)¹⁰.

Переиздание книг Тромонина и Брикe — большая заслуга Аллана Стивенсона, Джона Симмонса и всех ученых, принимавших участие в этой большой работе. Каждый, кому придется иметь дело со средневековыми рукописями (греческими, славяно-русскими, западноевропейскими), неизменно, обращаясь к этим книгам, будет с благодарностью вспоминать имена их издателей.

Е. Э. Гранстрем

АРМЯНСКАЯ МИНИАТЮРА (20 РЕПРОДУКЦИЙ).

Составил и оформил А. Тоникян. Предисловие Э. Корхмазян.
Издание Дома художника Армении и Комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом. Ереван, 1967

На страницах «Византийского временника» неоднократно появлялись статьи, рецензии и заметки относительно рукописного наследия средневековой Армении. Так, в рецензиях были отмечены следующие издания: Памятные записи армянских рукописей XIV века. Сост. Л. С. Хачикян. Ереван, 1950, на арм. яз. (рецензия И. К. Кусикьяна. — ВВ, VI, 1953, стр. 284—288); Памятные записи армянских рукописей XV века. Часть первая (1401—1450 гг.). Сост. Л. С. Хачикян. Ереван, 1955, на арм. яз. (рецензия И. К. Кусикьяна. — ВВ, XII, 1957, стр. 289—291); Л. А. Дурново. Древнеармянская миниатюра. Гос. издательство Армянской ССР, 1952 (рецензия Т. А. Измайловой. — ВВ, IX, 1956, стр. 255—259); S. der Nersessian. The Chester Beatty Library. A catalogue of the Armenian manuscripts, with an introduction on the history of Armenian art. 2 volumes. Dublin, 1958 (рецензия Т. А. Измайловой. — ВВ, XXI, 1962, стр. 252—259); Miniatures arméniennes. Texte et notes de Lidia A. Dournovo. Préface de Sirarpie der Nersessian. Paris, «Cercle d'Art», 1960 (рецензия Т. А. Измайловой. — ВВ, XXIII, 1963, стр. 290—294); Л. Р. Азарян. Киликийская миниатюра XII—XIII веков. Ереван, 1964, на арм. яз. (рецензия Т. А. Измайловой. — ВВ, XXVIII, 1968, стр. 274—283 и аннотация Р. Бартикяна. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 352—353).

От перечисленных выше книг, представляющих собой научные исследования, составленный А. Тоникяном альбом из 20 репродукций армянских миниатюр отличается тем, что это издание — популярное, книга-«подарок». Тем не менее, оно представляется мне заслуживающим внимания, так как посвящено теме, все больше интересующей не только археографов, ученых, занимающихся средневековой письменностью, но и довольно широкий круг читателей, а именно — истории книги.

Книга открывается небольшим обзором армянской миниатюры (автор Э. Корхмазян), который напечатан на трех языках — армянском, русском, английском. Каждая репродукция снабжена небольшой аннотацией, где указаны сюжет миниатюры, дата рукописи, имя художника, если оно известно.

Все представленные в альбоме рукописи хранятся в Матенадаране, сокровища которого широко известны¹.

Древнейшая миниатюра, помещенная в альбоме, относится к VI—VII вв., самая поздняя — к 1569 г.

К сожалению, хронологический порядок расположения снимков не вполне выдержан — портрет художника Григора Нарекаци из рукописи XII в. (№ 11) помещен после снимков с рукописей XIII в., перемешаны также снимки с рукописей XII—XVI вв. В аннотациях желательнее было бы отмечать материал рукописи (пергамен или бумага), а также их формат.

В целом альбом оставляет, однако, общее хорошее впечатление. Умение популяризировать памятники древней письменности не менее важно, нежели их научное исследование. Альбом Тоникяна и предисловие Корхмазян дают возможность ознакомиться с некоторыми образцами средневековой армянской книги, хранящимися в древней столице армянского народа — Ереване.

Е. Э. Гранстрем

¹⁰ Это отнюдь не значит, что я считаю монографии и статьи менее важными, чем справочники: нельзя разделять исследовательскую работу на более и менее важную.

¹ Большая часть миниатюр и заставок была включена в набор открыток, выпущенный в Ереване в 1967 г. в издательстве «Айастан» под редакцией Г. Карагезяна.

ПУБЛИКАЦИИ

I

З. Г. САМОДУРОВА

АНОНИМНАЯ ВИЗАНТИЙСКАЯ ХРОНИКА В СПИСКЕ XV В.
ИЗ ГРЕЧЕСКОЙ РУКОПИСИ СОБРАНИЯ ГИМ

В греческом рукописном сборнике ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.) Отдела рукописей Государственного исторического музея содержится неопубликованное хронографическое сочинение *Tà eis tò páλαιον* (Хроника № 8)¹. Это произведение, уникальное по своему светскому содержанию, — одно из самых интересных среди аналогичных кратких византийских хроник, построенных по поименному принципу. Однако до сих пор оно не было введено в научный оборот: не выяснены ни его состав, ни источники, ни методы работы хрониста над ними. Вообще Хроника № 8 известна только по каталогам Х. Ф. Маттеи и архимандрита Владимира², главной целью которых было полное описание всех кодексов Государственного исторического музея, в том числе и манускрипта 331 (477/t. II, XLI qu.), а не их всесторонний анализ.

Предметом настоящей статьи является исследование Хроники № 8: установление ее состава, содержания, источников и определение ее места среди других малых византийских хроник.

Хроника № 8 относится к группе «В» так называемых «древних» хроник³. Она начинается от Авраама и доведена до царствования Михаила VIII Палеолога (1259—1282 гг.). Автор при ее создании придерживался поименного принципа: вначале он указал имя, затем продолжительность правления названного лица и только после этого рассказал о наиболее достопримечательных с его точки зрения событиях.

Кодекс в состав которого включена Хроника № 8, написан четырьмя скриптами: лл. 1 об. — 218, 225, 335 об. — 337 об., 363 об., 372—384 написаны одним, лл. 219—224 об., 226—335 об. — вторым, лл. 338—363 — третьим, лл. 364—372 — четвертым кошистом. Тип письма — так называемое «книжное письмо» начала XV в. (рис. 1). Водяные знаки рассматриваемого манускрипта: весы⁴, рог⁵, ножницы⁶, меч⁷ — характерны для рукописей конца XIV в.

Кодекс оформлен очень скромно. В нем отсутствуют миниатюры, орнамент сложного рисунка, встречаются лишь заставки — плетенки, выполненные киноварью и чернилами. Письмо небрежное, беглое, с большим числом сокращений. Формат рукописи (в малую четвертку) очень удобен для повседневного использования.

Помета на л. 2 — *Τὸ βυβαταίδειον* — свидетельствует о том, что манускрипт раньше принадлежал Ватопедскому монастырю на Афоне.

Наряду с Хроникой № 8 в рукописи помещены сочинения Константина Армепула (Шестикнижие, извлечения из церковных канонов, о православной вере, ересях),

¹ Наша рабочая нумерация хроник из греческих рукописей Государственного исторического музея. См. З. Г. Самодурова. К вопросу о малых византийских хрониках (По рукописям московских собраний). — ВВ, XXI, 1962, стр. 130.

² См. *Chr. Fr. Matthaei. Accurata codicum graecorum MSS Bibliothecarum Mosquensium Sanctissimae Synodi notitia et recensio*, II. Lipsiae, 1805, p. 321—323; Арх. Владимир. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки, ч. I. Рукописи греческие. М., 1894, стр. 483—484.

³ См. З. Г. Самодурова. Малые византийские хроники и их источники (классификация). — ВВ, XXVII, 1967, стр. 158.

⁴ V. A. Mošin i S. M. Traljić. Vodeni znakovi XIII i XIV vijeka. I—II. Zagreb, 1957, № 891—1390 г.

⁵ Ibid., № 5034—1391 г.

⁶ Ibid., № 2624—1398 г. (1397—1413 гг.)

⁷ Ibid., № 3327—1397 г. (1396 г.)

Василия Великого (об эпитимиях), Афанасия Великого (различные ответы на вопросы, возникающие при чтении св. писания), Земледельческий закон, Эклога законов, данных израильтянам, «священнические чины», перечень православных епископских кафедр, зависимых от патриарха Константинополя, и другие статьи.

л. 1 чистый.

л. 1 об. Στίχοι τοῦ ἁγίου Γρηγορίου τοῦ θεολόγου εἰς τὴν ὑπεραγίαν θεοτόκον. Нач. Ἀγνή κόρη ζῆς. Κонец μάλιστα νικᾷ ἐξ ὕλης τοὺς ἀγγέλους.

л. 2—10 об. Σύνταξις τοῦ παρόντος πασχαλίου διαστίχων. Нач. Πάσχα νέον καὶ τερπνόν.

Кон. μνήμη αὐτῶν ἡμέρα ζ Τέλος.

л. 10 об. Без заглавия. Εἰς τὴν συμπλήρωσιν τῶν ἐπτὰ αἰῶνων. Кон. τέλος αἰῶνων καὶ χρόνων ὁ γὰρ θάνατος ἐκάστου τέλος αἰῶνων καὶ χρόνων.

л. 10 об. Ὁ ἀριθμὸς τῶν ἡμερῶν τοῦ χρόνου ὁμοίως καὶ τῶν ὥρῶν τοῦ νυχθημέρου καὶ τοῦ ἡλίου ἐνιαυτοῦ. Нач. Ὁ χρόνος ἔχει μῆνας δώδεκα. Кон. Καὶ ὁ χρόνος ἔχει ὥρους ὀκτακισχίλιας ἐπτακοσίας ἐξήκοντα ἕξ. Н. Hunger. Katalog der griechischen Handschriften der österreicherischen Nationalbibliothek, Th. I. Wien, 1961, P. 179/117 v. (S. 287).

л. 10 об.—12. Στίχοι ἱαμβικοί τοῦ ἁγίου Γρηγορίου τοῦ θεολόγου εἰς πᾶσαν πράξιν πῶς δεῖ διαγεῖν πᾶς ἄνθρωπος. Нач. Διπλοῦς μὴ ἔσο. Кон. πρὸς τὸν ἄβου πυθμένα.

л. 12. Τοῦ αὐτοῦ Γρηγορίου τοῦ θεολόγου γνωμικὰ κατὰ ἀλφαβήτου. Нач. Ἄνω πτέρωσον. Кон. ταῦτα καὶ μέγας ἔσει.

лл. 12—12 об. Τοῦ αὐτοῦ ἀρροστιχίων τῶν πρὸ πάντων στοιχείων · λίαν παραίνεσιν ἔχοντες. См. PG, t. 37, col. 908—910.

л. 12 об. Ἔτεροι τοῦ αὐτοῦ. Нач. Ἀρχὴν νόμιζε. Кон. ταῦτα αὐτῶν ἐνθέως.

л. 13—20 Ἐκλογή τοῦ παρὰ θεοῦ δοθέντος νόμου τοῖς Ἰσραηλιταῖς περὶ κρίματος καὶ δικαιοσύνης τῆς ἐξόδου. См. Ecclesiae graecae monumenta, ed. J. B. Cotelerius, t. I. Luteciae Parisiorum, 1677, p. 1—27.

л. 20 об. чистый.

лл. 21—26 об. Ἐνταῦθα ἀκριβῆς διαίρεισι τῶν κεκωλυμένων γάμων. Нач. Κεκωλυμένος ὁ γάμος οὗτος. Кон. συνύμας καλεῖν ἀνηλάς.

лл. 27—27 об. Νόμοι διάφοροι. Περί ἀξιωματῶν, τίτλος α'. См. Const. Harmenopuli Manuale legum sive Hexabiblos cum appendixibus et legibus agrariis, ed. G. E. Heimbach. Lipsiae, 1851 (далее: G. E. Heimbach), p. 778—780.

лл. 27 об.—34 об. Περί κανόνων διαφόρων, τίτλος β'. G. E. Heimbach, p. 780—794.

лл. 34 об.—39 об. Περί σημασίας ὀνομάτων, τίτλος τρίτος. G. E. Heimbach, p. 794—806.

лл. 40—275 Πρόχειρον νόμον τὸ λεγόμενον ἢ ἐξάβιβλος συναθροισθὲν πάντοθεν κατ' ἐκλογὴν, καὶ κατ' ἐπιτομὴν οὕτω συντεθὲν παρὰ τοῦ πανσεβάστου νομοφύλακος καὶ κριτοῦ Θεσσαλονίκης Κωνσταντίνου τοῦ Ἀρμενοπούλου κριτῶν προκατάρχοντος προθεωρία καὶ εἰρήγησις τῶν κριτῶν. G. E. Heimbach, p. 1—776.

лл. 275—279 об. Ἔτεροι τίτλοι τοῦ αὐτοῦ τέσσαρες ὧν οἱ μὲν τρεῖς, προεγράφησαν ἐν τῇ ἀρχῇ τοῦ βιβλίου οὗς καὶ ζῆτει ἐκεῖ τὸν δὲ λοιπὸν καὶ ἔταρτον, ἐνταῦθα οὐ ἢ ἐπιγράφη. Περί χειροτονίας ἐπισκόπων καὶ κληρικῶν. G. E. Heimbach, p. 806—818.

лл. 280—281 Ἀνατρήσις τῶν τοιούτων κανόνων παρὰ τοῦ πατριάρχου κῦρ Φιλοθέου. G. E. Heimbach, p. 822—826.

лл. 281 об.—282. Θεσπισμα χρυσόβουλλον τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου περὶ τοῦ πάπα Ῥώμης. G. E. Heimbach, p. 820—822.

лл. 282—288. Νόμοι γεωργικοί κατ' ἐκλογὴν ἐκ τῶν τοῦ βασιλέως Ἰουστινιανοῦ. Ed. W. Ashburner. The Farmer's Law. — JHS, XXX, 1910, p. 97—108.

лл. 288 об.—329. Ἐπιτομὴ τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων γέγονε δὲ καὶ αὕτη παρὰ τοῦ αὐτοῦ πανσεβάστου νομοφύλακος τοῦ Ἀρμενοπούλου. См. PG, t. 150, col. 45—168.

лл. 329—330. Περί πίστεως ὀρθοδόξου καὶ περὶ αἱρέσεων τοῦ αὐτοῦ. См. PG, t. 150, col. 29B—32C.

лл. 330—334. Περί αἱρέσεων. См. PG, t. 150, col. 20A—29A.

лл. 334 об.—335. Ἡ γεγονυῖα ὑποτύπωσις παρὰ τοῦ βασιλέως Λέοντος τοῦ σοφοῦ ὅπως ἔχουσι τάξεως οἱ θρόνοι τῶν ἐκκλησιῶν τῶν ὑποκειμένων τῷ πατριάρχῃ Κωνσταντινουπόλεως. См. Γ. Α. Ῥάλλη καὶ Μ. Πότλη. Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων τῶν τε ἁγίων καὶ πανευφύμων ἀποστόλων, καὶ τῶν ἱερῶν οἰκουμενικῶν καὶ τοπικῶν συνόδων καὶ τῶν κατὰ μέρος ἁγίων πατέρων ἐκδοθέν, τ. 5. Ἀθήνησι, 1855, σελ. 474—475.

лл. 335—335 об. Τὰ ὄφφικια τῆς μεγάλης ἐκκλησίας. См. Codini Curopalatae De officialibus palatii Constantinopolitani et de officiis magnae ecclesiae liber. Bonnae, 1839, p. 3—6.

л. 335 об. Τοῦ μεγάλου Βασιλείου περὶ τῆς δικῆς τῶν ἐπιτιμιῶν. Нач. Τέσσαρες εἰσὶν οἱ τῶν ἐπιτιμιῶν τόποι. Кон. καὶ τελευταῖον ἢ μέθεξις τῶν ἁγιασμάτων.

лл. 336—337. Περί φονέως. Нач. Ὁ φονεύσας ἀνατρέχε. Кон. τοῦτο ὁ πρωτέκδικος μόνος.

лл. 337—337 об. Διάταξις ὅπως δεῖ μετὰ φρίκης καὶ κατανύξεως καθυποργεῖν τοῖς θείοις μυστηρίοις τὸν ἱερέα. См. PG, t. 31, col. 1685 D—1688 C.

л. 337 об. Στίχοι εἰς τὰς δώδεκα ἑορτὰς εἰς στίχους, ἕξ. Нач. Εὐαγγελισμὸν καὶ θεοῦ γένναν ὦρα. См. Ch. Astruc et M.-L. Concasty. Catalogue des manuscrits grecs, p. 3; Le Supplément grec, t. III, Paris, 1960, № 1366 Vv (p. 689).

л. 337 об. Ἔτεροι στίχοι εἰς τὰς δώδεκα ἑορτὰς, τετραστίχων. Нач. Τὸ χαῖρε καὶ γέννησις. См. Ch. Astruc et M.-L. Concasty. Op. cit., № 1366 Vv (p. 689).

л. 337 об. Ἐτεροὶ στίχοι εἰς τὰς ἐωρτάς ταύτας, τρίστιχον. Нач. Τὸ χαῖρε γέννα. См. Ch. Astruc et M.-L. Concasty. Op. cit., № 1366 Vv (p. 689).

лл. 338—363 об. Τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου ἀρχιεπισκόπου Ἀλεξανδρείας ἐτέροу δὲ παρὰ τοῦ μεγάλου, πρὸς Ἀντίοχον ἀρχοντα ἐρωτοαποκρίσεις περὶ πλείστον ἀναγκαίων ζητημάτων τῶν ἐν τοῖς θεαῖς γραφαῖς ἀπορομένων καὶ παρὰ πᾶσι χριστιανοῖς γινώσκεσθαι ὀφειλομένων. См. PG, t. 28, col. 597 C—685 B.

л. 363 об. Τοῦ ἁγίου Γρηγορίου τοῦ θεολόγου ἐκ τοῦ λόγου τοῦ πρὸς Ἡρώνα τὸν φίλον [Нач. ὀρίζου Κοη. νοῦς]. См. PG, t. 35, col. 1220 B.

лл. 364—370 об. Τὰ εἰς τὸ παλαιόν. Нач. Ἀβραάμ, ὃς πρῶτος. Κοη. ὃς ἔλαβε τὴν πόλιν διώξας τοὺς Λατίνους.

л. 370 об.—372. Περὶ τοῦ μὴ εἶναι ὄρον ζωῆς. Нач. Τὸν ἀριθμὸν φησὶ τῶν ἡμερῶν σου ἀναπλήρωσα. Κοη. τοῦτο δὲ πρόδηλον ὡς ἀσεβὲς νοεῖν.

лл. 372—374 об. Без заглавия. Τί ἐστιν ἡ σοφία; Κοη. ἔχουσαι τὰς περὶ Χριστοῦ μαρτυρίας.

лл. 375—381 об. Διάλεξις σύντομος Ἰουδαίου καὶ χριστιανοῦ. См. A. C. McGiffert. Dialogue between a Christian and a Jew. Marbourg, 1889 (текст сильно отклоняется из изданного).

л. 382. Κανὼν ὀγδοὺς τῆς ἐν Κωνσταντινουπόλει, πρώτης καὶ δευτέρας συνόδου τῆς συστάσης ἐν τῷ πανσέπτῳ ναῷ τῶν ἁγίων ἀποστόλων. Нач. Εἰ καὶ μέχρι τοῦ νῦν ἐνιοὶ τῶν ἀρχιερέων. Κοη. ἠθέτησεν ἀξίωμα ἐπαναστρέψειν.

л. 382 об. чистый.

лл. 383—384 об. Ἐρωτοαποκρίσεις περὶ διαφορῶν ὑποθέσεων. Нач. Ἐὰν μετὰ τὴν μετὰ τὴν περὶ σοφία. Κοη. ἔροφαγῶν ὄραν θ' μετανοίας σ'.

Хроника № 8, расположенная на лл. 364—370 об., известна только в одном списке. По своему составу она аналогична малым византийским хроникам: Хронографикону патриарха Никифора (далее: ХН), Хронике Петра Александрийского (далее: ХПА), Хронографиа σύντομος (далее: ХΣ), Хρονικὸν ἐπίτομον (далее: ХЕ), венской редакции Эклоги истории (далее: ЭИВ)⁸. В ней, как и в них, идет речь о библейских патриархах, судьях Израиля, царях Иудеи, Вавилона, Персии, Египта, Рима и Византии. Однако содержание нашей хроники и упомянутых кратких компендиев несколько различается.

В последних, за исключением венской редакции Эклоги истории, значительное место отведено изложению библейской истории и религиозной истории христиан: довольно подробно говорится о ветхозаветных прародителях, правителях Иудеи и Израиля, подчинении иудейского народа властителям Вавилона, Персии, Египта, Рима, о гонениях на христиан при римских цезарях, мученической смерти приверженцев Христа.

В Хронике № 8 описывается главным образом светская история. Правда, хронист называет некоторых патриархов (Авраама и его потомков до Моисея), судей Израиля (выборочно) и царей Иудеи. При этом он ограничивается сухим перечислением имен. Более детально рассказана светская история ахеменидской Персии, Рима и Византии. Автор подробно повествует об обстоятельствах гибели Смердиса, его брата Камбиза, о междоусобной борьбе, начавшейся после смерти последнего, восшествии на престол Дария I Гистаспа, о войнах Ксеркса I с греками. Не менее обстоятельно описаны походы Александра Македонского против персов, правление Юлия Цезаря, крупнейшего, по словам составителя, полководца, подчинившего Риму много стран и народов, Константин I Великого, Ираклия и т. п. Перечень византийских василевсов дополнен сведениями о семи вселенских соборах (указано, в царствование какого императора и где происходил собор, сколько делегатов приняло участие в его работе и против кого он был направлен), о вероисповедании, которого придерживается тот или иной правитель Константинополя, и т. п. Кроме того, хронист отмечает справедливость и мудрость государственных деятелей Персии, Рима и Византии и дает отрицательную характеристику отдельным правителям, совершившим, по его мнению, поступки, недостойные их высокого сана.

Из сказанного видно, что в центре внимания составителя находятся события светской истории, о которых в других малых хрониках ничего не говорится.

Хроника № 8 разделена на параграфы. В качестве заглавий, выделенных в некоторых случаях кинюварью, служит простое указание на содержание раздела (Κριταὶ καὶ διοικηταὶ τῶν Ἑβραίων, Οἱ βασιλεῖς αὐτῶν, Οἱ βασιλεῖς Χαλδαίων Πέρσων καὶ Ἀσσυρίων, Οἱ βασιλεῖς Αἰγύπτου ἤγουν Πτολεμαῖοι, Οἱ βασιλεῖς τῆς Ῥώμης).

Время составления Хроники № 8 точно установить нельзя — нет прямых свидетельств, датирующих ее. Можно определить лишь приблизительно время ее появления

⁸ См. *Nicéphori archiepiscopi Constantinopolitani Opuscula historica*, ed. C. de Boor. Lipsiae, 1880 (далее: *Niceph.*), p. 81—101; В. Г. Самодурова. Хроника Петра Александрийского. — ВВ, XVIII, 1961, стр. 180—197; Anonymi chronographia syntomos e codice Matritensi № 121 (nunc 4701), ed. A. Bauer. Lipsiae, 1909 (далее: A. Bauer. Anonymi chronographia), p. 1—68; A. Pusch. Das Chronikὸν ἐπίτομον der Wiener Handschrift Th. Gr. Nr. XL. Iena, 1908 (далее: A. Pusch. Das XE), S. 9—32; A. Wirth. Aus orientalischen Chroniken. Frankfurt a. M., 1894, S. 5—24.

на основании палеографических и кодикологических признаков и сообщения о последнем из перечисленных в ней византийских василевсов. Последним в Хронике № 8 упомянут Михаил VIII Палеолог (1259—1282), продолжительность правления которого указана довольно верно. Кодекс, как сказано выше, был написан в самом начале XV в. Следовательно, произведение не могло быть создано раньше конца XIII в. и позже самого начала XV в.

Для выяснения источников, использованных в Хронике № 8, необходимо сравнить ее с краткими хронографическими сочинениями, построенными по поименному принципу (такими, как ХН, парижская редакция Эклоги истории, ХПА, ХС, ХЕ, ЭИВ).

Отличие Хроники № 8 по содержанию от аналогичных компендиев, отсутствие в ней данных о времени жизни патриархов, продолжительности правления судей Израиля, царей Иудеи и Вавилона, Ахеменидов Персии, Птолемеев Египта, цезарей Рима несколько затрудняет решение вопроса об источниках, из которых составитель заимствовал материал по всемирной истории.

Однако сходство состава и основной линии рассказа нашей хроники с составом названных выше сочинений позволяет все-таки установить памятники, положенные в основу ее изложения.

Сличение приведенных в сравниваемых хронографических произведениях списков библейских прародителей, израильских, иудейских, нововавилонских властителей, персидских Ахеменидов, египетских Птолемеев, римских императоров обнаруживает между ними много общего в транскрипции личных имен⁹. Правда, краткость изложения Хроники № 8, некоторые отклонения в написании имен отдельных патриархов и правителей, отсутствие в ХН, ХПА, ХС, ХЕ, ЭИВ встречающихся в ней сведений по светской истории Персии и Рима не позволяют возвести ее к какому-нибудь одному из указанных хронографических трудов. Тесная же связь ее с ними по плану, построению, языку, общность линии повествования в них свидетельствует, на наш взгляд, о том, что автор исходит из того же источника, что и составители упомянутых выше хронографических работ.

Это предположение подтверждается и анализом текста раздела, где описывается правление восточноримских и византийских императоров. Особенно близкое родство наблюдается между Хроникой № 8 и ХЕ (сочинением второй половины XII в.) и ЭИВ (XII—XIII вв.).

В них совпадают и перечень василевсов, и в большинстве случаев датировка их царствования. Кроме того, между Хроникой № 8 и ЭИВ обнаруживается полное текстуальное сходство в описании правления Константина I Великого и Ираклия и вселенских соборов. Лишь в определении правления некоторых императоров замечаются различия¹⁰. Отклоняющиеся от счета ЭИВ даты нашей хроники нередко абсолютно идентичны числам ХЕ. В последней и Хронике № 8 тождественны и имена, и прозвища василевсов, и повествование о вселенских соборах¹¹.

Подобное сходство трех составленных в разное время произведений можно объяснить либо зависимостью двух из них от третьей, более ранней работы, либо использованием автором появившейся значительно позднее Хроники № 8 двух других, данные которых он, казалось бы, комбинировал. Однако и то, и другое предположение следует отклонить. Между сопоставляемыми сочинениями существуют довольно сильные расхождения. Приведенные в Хронике № 8 определения времени царствования ряда императоров: Константина I Великого, Констанция, Юлиана, Иовиана, Валентиниана I, Валента, Аркадия, Феодосия II, Маркиана, Льва I, Зинона, Феодосия III, Льва III, Константина V и др. — мы не найдем ни в ЭИВ, ни в ХЕ¹². Причем эти цифры Хроники № 8 нельзя назвать описками копииста кодекса, поскольку аналогичные числа имеются в других малых хрониках¹³. Отсутствуют в ЭИВ и ХЕ сообщения Хроники № 8 о вероисповедании, которого придерживался тот или иной правитель Восточноримской и Византийской империи. Помещенный в последней разговор персидского шаха Хосроя с византийским полководцем Нарсесом не встречается ни в одной из византийских кратких хроник¹⁴.

⁹ См. *Niceph.*, p. 81—95; *В. Г. Самодурова*. Хроника Петра Александрийского, стр. 180—181, 187—194; *A. Bauer*. *Anonymi chronographia*, p. 1—56; *A. Pusch*. Das ХЕ, S. 9—25; *A. Wirth*. *Aus orientalischen Chroniken*, S. 11—17; ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), л. 364—367 об.

¹⁰ ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), л. 367 об. — 369 об.; *A. Wirth*. *Aus orientalischen Chroniken*, S. 18—21.

¹¹ Ср. ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), л. 367 об.—369 об.; *A. Pusch*. Das ХЕ, S. 25—31.

¹² ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), л. 367 об.—368, 369; *A. Wirth*. *Aus orientalischen Chroniken*, S. 18—20; *A. Pusch*. Das ХЕ, S. 25—29.

¹³ Ср. ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), л. 367 об.—370 об.; *J. A. Cramer*. *Anecdota graeca e codd. manuscriptis bibliothecarum Oxoniensium*, IV. Oxonii, 1837, p. 249—250; *Niceph.*, p. 231—234.

¹⁴ Ср. ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), л. 367 об.—370 об.; *A. Pusch*. Das ХЕ, S. 25—31; *A. Wirth*. *Aus orientalischen Chroniken*, S. 18—21.

Таким образом, отмеченные выше различия не дают нам возможности возвести Хронику № 8 ни к ЭИВ, ни к ХЕ. Сходство же, существующее между ними, скорее указывает на заимствование всеми тремя хронистами материала для написания своих трудов из одного общего источника.

Сравнение рассказа о правлении восточноримских и византийских императоров в сопоставляемых хрониках выявило сходство списка их (а именно: совпадение и имен, и прозвищ василевсов, и сообщений о степени родства их) до Александра, брата Льва VI. Много общего между ними и в определении продолжительности правления большинства из них, и в кратких заметках, сопровождающих перечень правителей, и в описании семи вселенских соборов.

Начиная же с изложения истории царствования Константина VII Багрянородного между анализируемыми сочинениями обнаруживаются значительные различия и в содержании кратких заметок, и в списке василевсов, и в датировке их царствования. В них идентичны только собственные имена императоров. Прозвища некоторых из них (Романа I, Василия II, Михаила V, Михаила VI, Константина IX, Михаила VII), указания на степень родства ряда василевсов с предшественниками (Константина VII, Романа I, Романа II, Василия II, Романа III, Михаила VII и т. д.), известия о времени царствования византийских правителей от Константина VII сильно отличаются¹⁵. Не совпадает в них и описание правления отдельных императоров. Ни в Хронике № 8, ни в ХЕ не встречаются сведения с точной датировкой правления василевсов, а в ЭИВ сообщается год от сотворения мира, индикт, месяц, число, день недели, а также возраст императора при вступлении на престол¹⁶. Отсутствует в первых двух столь подробный рассказ составителя последней о правлении Михаила V Калафата и обстоятельствах его свержения с престола¹⁷. В ЭИВ же и в Хронике № 8 мы не найдем известий, приведенных в ХЕ, о событиях, связанных с воцарением Михаила VII, Никифора III и Алексея I Комнина¹⁸. По-разному в хрониках описывается и царствование Константина VII Багрянородного. Если авторы Хроники № 8 и ЭИВ говорят о Ромеане I как о соправителе, то составитель ХЕ отдельно характеризует его правление¹⁹.

Наличие столь существенных различий в изложении истории византийских василевсов X—XII вв. свидетельствует, на наш взгляд, о заимствовании хронистами сведений для построения этой части своих трудов из разных источников.

Выявленное выше текстуальное сходство Хроники № 8, ЭИВ и ХЕ в описании правления восточноримских и византийских императоров до Льва VI и Александра и значительные расхождения указанных сочинений в самом списке василевсов X—XII вв., определениях продолжительности их правления, содержании кратких заметок, сопровождающих перечень государей Константинополя данного периода, приводят к мысли, что находившийся в распоряжении наших хронистов общий источник доходил, по всей вероятности, до Льва VI и Александра включительно и был составлен, по-видимому, при их ближайших преемниках.

Некоторые же отличия в сообщениях рассматриваемых хроник о годах царствования отдельных правителей IV—IX вв. (Константина I и его преемников, Ирины, Никифора I, Михаила I, Льва V, Михаила II, Феофила, Феодоры, Михаила III и др.) при сходстве перечня императоров (их имен, прозвищ и известий о степени родства их с предшественниками), при совпадении содержания и стиля кратких заметок указывают, думается, на использование разных списков этого общего для них памятника, а также на возможные ошибки переписчиков и самостоятельную работу самих хронистов, дополнявших и исправлявших данные своих непосредственных источников, в случаях, когда у них под руками были более точные сведения.

Итак, детальный анализ текста Хроники № 8 и тщательное сравнение ее с ЭИВ и ХЕ позволили выявить близкое родство их в изложении истории ветхозаветных патриархов, правителей Израиля, Иудеи, Вавилона, Персии, Рима, Восточноримской и Византийской империи до Льва VI и Александра включительно, свидетельствующее о заимствовании их авторами материала из одного общего источника, появившегося в правление или Константина VII Багрянородного, или его ближайших преемников.

Об источниках, использованных нашим хронистом при составлении списка василевсов X—XIII вв., ничего определенного сказать нельзя. Значительные отличия, обнаруженные в результате сравнения данной части Хроники № 8 с соответствующими разделами известных нам малых хроник, заставляют отвергнуть возможность заимствования из них сведений по истории этого времени.

¹⁵ Ср. ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), л. 370—370 об.; A. Wirth. Aus orientalischen Chroniken, S. 22—24; A. Pusch. Das XE, S. 31—32.

¹⁶ Ср. ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), л. 370—370 об.; A. Wirth. Aus orientalischen Chroniken, S. 21—24; A. Pusch. Das XE, S. 31—32.

¹⁷ Ср. ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), л. 370; A. Wirth. Aus orientalischen Chroniken, S. 22—23; A. Pusch. Das XE, S. 31.

¹⁸ Ср. ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), л. 370 об.; A. Wirth. Aus orientalischen Chroniken, S. 24; A. Pusch. Das XE, S. 32.

¹⁹ Ср. ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), л. 370; A. Wirth. Aus orientalischen Chroniken, S. 21—22; A. Pusch. Das XE, S. 31.

Детальное исследование текста и содержания Хроники № 8 и сопоставление ее с XII, XPA, XE, ЭИВ выявляет в ней много дополнительных по сравнению с последними сведений. В названных сочинениях отсутствуют сообщения Хроники № 8 по истории древней Персии, о походах и войнах Александра Македонского и Юлия Цезаря, краткие характеристики отдельных представителей династии Ахеменидов и некоторых римских императоров. По своему характеру эти известия резко отличаются от тех сведений по древнейшей истории Персии, Македонии и Рима, которые встречаются в перечисленных выше компендиях. В последних идет речь о религиозных событиях из жизни иудейского народа под владычеством правителей названных стран и о гонениях на христиан. В Хронике № 8, напротив, об этом ничего не говорится, а раскрывается о междоусобной борьбе за власть в Персидском государстве, о завоевательных войнах Александра Македонского, об установлении в Риме самодержавного правления и походах Юлия Цезаря и т. п., т. е. о событиях чисто светского характера²⁰.

Отличие приведенных в Хронике № 8 сообщений по истории Персии, Македонии, Рима от известных по истории этих стран в упомянутых выше работах заставляет нас думать о существовании побочного или, вернее, побочных источников, из которых составитель Хроники № 8 черпал данные, дополняя кашу изложения основного источника.

Параллель к рассказу нашего хрониста об Александре Македонском и Юлии Цезаре, об их походах и войнах, об обстоятельствах их смерти находим лишь в сравнительных жизнеописаниях Плутарха: биографиях Александра Македонского и Юлия Цезаря²¹. Сличение фрагментов Хроники № 8, в которых идет речь об их правлении, с аналогичными данными Плутарха показывает тесную зависимость, что наводит на мысль о заимствованиях автора Хроники № 8 из биографических сочинений греческого писателя. Правда, мы не можем говорить о простом списывании материала из трудов Плутарха: между ними отмечаются сильные стилистические расхождения. Это скорее пересказ ряда глав биографий Александра Македонского и Юлия Цезаря, в которых сообщается о войнах с персами и об обстоятельствах смерти первого в Вавилоне и походах последнего и его гибели от рук сенаторов²². В других компендиях нет такого сокращенного варианта биографий Александра Македонского и Юлия Цезаря. Неизвестно, кто был его автором, в Хронике № 8 на этот счет нет никаких известий. Изучение данных отрывков Хроники № 8 показывает, что сам хронист, по-видимому, был знаком с трудом Плутарха, сведения которого он сам и обработал. В этом нас убеждают довольно существенные различия в изложении истории правления Александра Македонского и Юлия Цезаря между Хроникой № 8 и другими византийскими хронографическими сочинениями.

Правильность нашего предположения подтверждается также следующим наблюдением над текстом Хроники № 8 и биографией Юлия Цезаря. Плутарх в одной из глав жизнеописания Цезаря рассказывает о том, что последний собирался совершить поход вокруг Средиземного моря с целью завоевания прибрежных стран. Хронист же говорит об этом походе как уже о совершенном, заменяя при этом древние географические названия современными ему²³. Кельтов он называет франками, Скифию — страной россов, Германию — Аллеманией и т. д. Среди стран и городов, через которые, по мнению составителя Хроники № 8, прошел Юлий Цезарь, он упоминает столицу Золотой Орды — Сарай. Правда, автор не уточняет, имеет ли он в виду Сарай-Бату или Сарай-Берке. Как известно, замена древних географических названий более современными свидетельствует обычно о той работе по переосмыслению, которая была проделана над непонятым текстом автором сочинения. Упоминание о столице Золотой Орды помогает нам определить, сам ли хронист произвел эту работу или он переписал данный отрывок из какого-то другого памятника. Известно, что основание Сарай-Бату относится к 40-м годам XIII в., а Сарай-Берке — ко времени правления хана Берке (1257—1266). Следовательно, в византийской литературе известие о столице Золотой Орды не могло появиться раньше конца XIII в. Именно в этот период (XIII—XIV вв.) и была составлена наша хроника. В византийских хронографических трудах указанного времени подобное сообщение о мифическом походе Юлия Цезаря вокруг Средиземного моря не встречается. Все это приводит к мысли, что автор Хроники № 8 сам использовал Плутарха и внес некоторые исправления в непонятные ему и его современникам географические названия, приведенные в книге античного

²⁰ Ср. ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), л. 364 об.—367; *Niceph.*, p. 88—95; *A. Bauer.* Anonymi chronographia, p. 29—30, 35—38, 44—56; *A. Pusch.* Das XE, S. 18—25; *A. Wirth.* Aus orientalischen Chroniken, S. 11—12, 14—17; *С. Г. Самодурова.* Хроника Петра Александрийского, стр. 192—194.

²¹ *Plutarch's Lives*, ed. B. Perrin, v. VII. Alexander, Caesar. London, 1949 (далее: *Plut.*).

²² Ср. ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), л. 365 об.—366; *Plut.*, VII. Alexander, c. XVI—XLII, LXXIII—LXXXVI; Caesar, c. LVIII.

²³ Ср. ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), л. 365 об.—366; *Plut.*, VII. Caesar, c. LVIII.

писателя. Таким образом, анализ сведений Хроники № 8 об Александре Македонском и Юлии Цезаре убеждает нас в их оригинальности и в использовании самим хронистом биографий Плутарха, содержание которых он кратко пересказывает.

Гибель Смердиса и Камбиза, восшествие на престол Дария I Гистаспа весьма детально описаны в третьей книге «Истории» Геродота. Сравнение данных Хроники № 8 и рассказа греческого историка о первых Ахеменидах выявляет, с одной стороны, сходство основной линии изложения, а с другой — довольно значительные стилистические отличия. Сообщения нашего хрониста представляют собой как бы краткий пересказ подробного повествования Геродота²⁴. В византийских всемирных хрониках подобные факты не встречаются. Это свидетельствует в пользу прямого использования составителем Хроники № 8 третьей книги «Истории» Геродота. Наше предположение подтверждается изучением текста фрагментов, повествующих о первых Ахеменидах. Анализ этих известий выявляет в них те же черты в изложении и переосмыслении текста, что и при описании правления Александра Македонского и Юлия Цезаря. И в том, и в другом случае кратко пересказывается содержание ряда глав либо биографий Плутарха, либо третьей книги «Истории» Геродота. При этом основная линия рассказа греческих писателей сохраняется. Географические названия и названия бытовых предметов, непонятные автору, заменяются современными ему. Стиль оригиналов упрощается.

Этот общий характер изложения и правки, свойственный всем указанным фрагментам, позволяет приписать одному лицу обработку данных античных писателей. Выше было установлено, что историю Александра Македонского и Юлия Цезаря составил сам автор Хроники № 8, используя сведения Плутарха. Следовательно, и повествование о первых представителях из династии Ахеменидов также было написано им на основании материалов третьей книги «Истории» Геродота.

Итак, изучение отрывков Хроники № 8, излагающих историю Персии, Македонии, Рима, обнаружило тесную связь их с аналогичными данными Геродота и Плутарха. Подобное совпадение заставило нас рассматривать указанные труды греческих писателей в качестве возможных вспомогательных источников при составлении хронистом истории царствования первых Ахеменидов, Александра Македонского и Юлия Цезаря. Закономерным представляется вывод о непосредственном знакомстве составителя Хроники № 8 с трудами названных античных авторов.

Таким образом, детальное исследование текста Хроники № 8 и сопоставление ее с малыми византийскими хрониками обнаружило наиболее тесное родство ее с ЭИВ и ХЕ в описании библейской истории и истории персидских и египетских царей, римских и византийских императоров до Льва VI и Александра. Это привело нас к выводу об использовании авторами трех сравниваемых произведений (Хроники № 8, ЭИВ и ХЕ) одного общего источника, доведенного до Константина VII Багрянородного и составленного, по всей вероятности, в его правление либо при его ближайших преемниках.

Анализ текста Хроники № 8 выявил в ней многочисленные дополнительные сообщения светского характера по истории первых Ахеменидов, Александра Македонского и римских цезарей. Изучение всех вставок позволяет утверждать, что хронист использовал данные третьей книги «Истории» Геродота и написанных Плутархом биографий Александра Македонского и Юлия Цезаря, с трудами которых он был знаком непосредственно.

Светский характер Хроники № 8 и столь пристальное внимание хрониста к событиям античной истории объясняются, на наш взгляд, временем ее появления. Как известно, XIV—XV вв. в Византии были периодом зарождения гуманистической идеологии. В хронографических работах этого периода возрастают объем и достоверность сведений по истории греко-римского мира. Гораздо чаще используются труды античных авторов (Геродота, Плутарха, Фукидида и т. д.). Изложение библейской истории все более сокращается, а иногда совсем опускается. Эти изменения в освещении и изложении всемирной истории нашли отражение и в изучаемой хронике. Ее автор при составлении своего труда не ограничился простым копированием основного источника, а дополнил его сведениями, заимствованными из Геродота и Плутарха. Однако их известия были значительно им переработаны. Стремясь сделать рассказ античных писателей понятным читателям-современникам, хронист упростил не только стиль и термины, но даже тон и содержание их повествования.

Хроника № 8 является интересным литературным памятником своего времени. Она знакомит нас с новым, неизвестным до сих пор, появившимся в X в. (либо при Константине VII Багрянородном, либо при его преемниках) хронографическим сочинением, восстанавливаемым на основании трех компециев (ХЕ, ЭИВ и нашей хроники), с методами работы хронистов над источниками, и в первую очередь над трудами античных авторов, а также с изменениями в исторических представлениях широких кругов византийских читателей этого периода.

²⁴ Ср. ГИМ, греч. 331 (477/t. II, XLI qu.), л. 364 об.—365; *Herodoti Historiae* rec. C. Hude, v. I. Oxonii, 1903, III, 30—86.

Ἄβραάμ, ὃς πρῶτος ἐκ τῶν εἰδωλολατρῶν ἐπίστευσεν εἰς Θεὸν τὸν ποιητὴν πάντων καὶ ἐγένετο εἰς αὐτὸν παρὰ κυρίου καὶ χάριτες πολλαὶ ἀλλὰ καὶ δοκιμαίαι πολλαί, ὃς καὶ ἀπέθανεν εὐσεβέστατος.

Ἰσαάκ ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὅμοιος τῷ πατρὶ.

Ἰακώβ ὁ υἱὸς Ἰσαάκ, ὃς Ἰακώβ οἶδε πολλὰ μυστήρια Θεοῦ συμβολικῶς, ἐπάλαισε γὰρ τὸν ἄγγελον ἐν ὄλῳ δι' ὄλης νυκτός, οὐ καὶ τὰ νεύρα ἀπὸ τοῦ κόπου ἐκρατήθησαν καὶ ὤμοσε τῷ κυρίῳ εἰ ὑγιαθήσεται οὔτε νεῦρον ἢ φλέβα φαγεῖν πότε, ἐξ οὗ καὶ οἱ Ἑβραῖοι ἕως ἄρτι τούτων ἀπέχονται, οὔτινος γενεὰ διὰ τοῦ υἱοῦ αὐτοῦ Ἰωσήφ, ὄντινα ἐπώλησαν τοῖς Αἰγυπτίοις οἱ ἀδελφοὶ αὐτοῦ, εἰσῆλθε πᾶσα εἰς 10 τὴν Αἴγυπτον καὶ ἐποίησε χρόνους τετρακοσίου, ἐξ οὗ ἐγεννήθησαν οὗτοι· Δεὺί, Καάθ, Ἄβραμ καὶ Μωσῆς.

Ἄπὸ Ἄβραάμ ἕως Μωσῆ ἔτη φνβ'.

Ἔϊτα Ἰησοῦς υἱὸς τοῦ Ναυῆ.

Ὁ Φινεές.

ΚΡΙΤΑΙ ΚΑΙ ΔΙΟΙΚΗΤΑΙ ΤΩΝ ΕΒΡΑΙΩΝ.

Χουσαρ ἀλλόφυλος

Γοθονιήλ κριτής.

Αἰγλώμ ἀλλόφυλος.

20

Ἄδδ.

Ἄδμεγάρ.

Ἄμιν κριτής.

Βαράκ καὶ Δεβόρα

Ἐρῆβ ἀλλόφυλος.

Γεδεων κριτής.

Ἄβιμέλεχ ὁ υἱὸς αὐτοῦ.

Θολά κριτής.

Ἰαεὶρ κριτής

Ἄμμών ἀλλόφυλος.

30

Ἰεφθάε κριτής.

F. 364οβ.

Ἄπὸ Μώσεως ἔτη φμα'.

Ἄπὸ δὲ τοῦ Ἀδάμ ἔτη ςυζ'.

Εἶτα οἱ βασιλεῖς αὐτῶν.

Ὁ Σαούλ. Ὁ Δαυίδ. Ὁ Σολομών. Ὁ Ῥοβοάμ. Ὁ Ἀβιά. Ὁ Ἀσά. Ὁ Ἰωσαφάτ. Ὁ Ἰωράμ. Ὁ Ὀχοζίας. Ὁ Γοθολίας. Ὁ Ἰωάσ. Ὁ Ἀμεισίας. Ὁ Ὀχοζίας πάλιν ἕτερος. Ὁ Ἰωάθαμ. Ὁ Ἄχαζ. Ὁ Ἐζεκίας. Ὁ Μανασῆς. Ὁ Ἀμώς. Ὁ Ἰωσίας. Ὁ Ἰωάχαζ. Ὁ Ἐλιακείμ. Ὁ Ἰεχονίας. Ὁ Σεδεκίας.

Οὗτοι χρόνοι υζη'.

Ἄπὸ δὲ τοῦ Ἀδάμ ἔτη ,δ ςε'.

40

Οἱ βασιλεῖς Χαλδαίων Περσῶν καὶ Ἀσσυρίων.

Ἠρώτος Ἀσσυρίων Ναβουχοδονόσορ, ὃς ἐπόρθησε τὴν Ἱερουσαλήμ καὶ ἤρην αἰχμαλώτους ὑπὲρ μυριάδας.

Νιρίκης.

Βαλτάσαρ.

Δαρείος Περσῶν.

Κύρος ὁ μέγας, ὃς ἤνωσε τοὺς Μήδους τοῖς Πέρσαις, ἐξ ἀμφοτέρων γὰρ τῶν γενῶν ἐγεννήθη, καὶ ἐγένετο βασιλεὺς σάφρων, ἐπιεικῆς, ἐχέφρων, στρατιωτικώτατος καὶ ἀνδρείος.

Καμβύσης ὁ υἱὸς αὐτοῦ, ὃς ἐφόνευσε τὸν ἀδελφὸν αὐτοῦ εἰς τὰ βασίλεια ἀποστείλας τινάς, εἶτα καὶ αὐτὸς ἐφ' ἑαυτοῦ φονευθεὶς τοιοῦτῳ τρόπῳ· ἀναβαίνων γὰρ τὸν ἵππον ἐξῆλθε τὸ παραμάχαιρον αὐτοῦ ἀπὸ τὴν θήκην αὐτοῦ καὶ ἐτρωσεν αὐτὸν εἰς τὸν μηρὸν καὶ ἀπέθανε.

Καὶ ἔλαβον οἱ μάγοι τὴν βασιλείαν ὅμοιος τὴν μορφήν ὑπάρχων ὁ μάγος/τῷ φονευθέντι ἀδελφῷ τῷ Καμβύση.

Δαρείος ὁ Ἰστάπου, ὃς μετὰ καὶ ἐτέρων νοησάντων τὸ σκευῶρημα τῶν μάγων ἔκτεινε τὸν μάγον, καὶ ἔλαβε τὴν βασιλείαν αὐτὸς διὰ τοιοῦτου κλήρου· ἐτάχθη ὑπὸ τῶν ἀρχόντων τούτων τῶν φονευσάντων τὸν μάγον· ὡς τὴν δεῖνα ἡμέραν ἐξερχόμενοι ἐκ τῆς πόλεως μέχρι καὶ τοῦ προαστείου τοῦ δεῖνος οὔτινος ἵππος χρεμετίση, ἵνα λάβῃ τὴν βασιλείαν, οὗ σοφισάμενος ὁ ἵπποκόμος τέχνασμα ἐποίησε χρεμετίσαι 60 τὸν ἵππον τοῦ πρώτου καὶ ἔλαβε τὴν βασιλείαν ὁ κύριος αὐτοῦ.

8 : in cod. ὤμοσε.

18 : in cod. Γοθολήλ.

35 : in cod. Ὀζίας.

46 : in cod. Μήδας.

55 : in cod. νοησάντες.

Ξέρξης ὁ υἱὸς αὐτοῦ, ὃς ἐπολέμησε τοὺς Ἑλληνας διὰ τε ξηρᾶς καὶ θαλάσσης καὶ ἠτήθη ὑπὸ τοῦ Θεμιστοκλέους καὶ ἄλλων.

'Αρταβάνης.

'Αρταξέρξης ὁ μακρόχειρ.

Δαρείος ὁ νόθος.

'Αρταξέρξης Ὁυῶς.

'Αρσῆς ὁ υἱὸς αὐτοῦ.

Δαρείος ὁ Ἀρσάκου, ὃν κατεπολέμησεν ὁ Ἀλέξανδρος δις καὶ ἔλαβε τὰ βασιλεια Περσῶν καὶ πᾶσαν τὴν Ἀσίαν, καθὼς ἢ κατ' αὐτὸν ἱστορία δηλοῖ.

10 'Απὸ Ἀδάμ ἔτη ,εῤῥϛ'.

ΟΙ ΒΑΣΙΛΕΙΣ ΑΙΓΥΠΤΟΥ ΗΓΟΥΝ ΠΤΟΛΕΜΑΙΟΙ ΑΠΟ ΤΗΣ ΔΙΑΔΟΧΗΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ ΤΟΥ ΜΑΚΕΔΟΝΟΣ.

Πτολεμαῖος ὁ Δάγου.

Πτολεμαῖος ὁ Φιλάδελφος [Οὗτος ὁ Πτολεμαῖος ὁ Φιλάδελφος συνήγαγε βιβλίους μ' μυριάδας καὶ καταδουλοσάμενους οἱ τοὺς Ἑβραίους, ὡς φησὶ ὁ ἱστορικός, συνήθροισεν ἑβδομήκοντα ἀνδρας ἀπὸ τούτων σοφοὺς, καὶ μετέβαλλον ἀπὸ τῆς Ἑβραϊδὸς εἰς τὴν Ἑλληνικὴν φωνήν].

Πτολεμαῖος ὁ Εὐσεβῆς.

Πτολεμαῖος ὁ Φιλοπάτωρ.

20 Πτολεμαῖος ὁ Ἐπιφανῆς.

Πτολεμαῖος ὁ Φιλομήτωρ.

F. 365v. Πτολεμαῖος ὁ Εὐεργέτης.

Πτολεμαῖος ὁ Σωτήρ.

Πτολεμαῖος ὁ Ἀλέξανδρος.

Πτολεμαῖος ὁ ἔξωσθεῖς.

Πτολεμαῖος ὁ Διόνυσος.

Κλεοπάτρα ἡ θυγάτηρ αὐτοῦ.

ΟΙ ΒΑΣΙΛΕΙΣ ΤΗΣ ΡΩΜΗΣ.

30 'Ιούλιος Καίσαρ, ὃς ἀπὸ στρατηγίας ἐβουλήθη εἰς βασιλείαν δι' αὐτοῦ καταστήσαι τὴν Ῥώμην καὶ φονεύσας πολέμῳ, καθὼς ἢ κατ' αὐτοὺς ἱστορία δηλοῖ, τὸν Πομπήιον μάγνον εἰς βασιλείαν τὴν ἀριστοκρατείαν ἐφιλονεῖκει ποιῆσαι, ὃς μέγα τῇ τυχῇ καὶ ταῖς εὐτυχίαις ἀρθεῖς ὤρμησε τὴν τυραννίδα, τοῦτον, ὡς γράφει ὁ Πλούταρχος, ἔτι ἐν τῇ κοιλίᾳ τῆς μητρος ὑπάρχοντα, εἶδε καθ' ὕπνου ἢ μήτηρ αὐτοῦ ὀγκωθῆναι τὴν γαστέρα αὐτῆς ἕως τὸν οὐρανόν. Αὐτὸς γὰρ ὁ 'Ιούλιος μόνον ἐποίησε τὸ κατόρθωμα τοῦτο· ἀπὸ τῆς Ῥώμης ἐξελθὼν μετὰ τῆς τεταγμένης στρατιᾶς διῆλθε τὰς Ἀλπεῖς καὶ τὴν Φράνταν ἐλὼν καὶ ποιησάμενος ὑπὸ τοῦς Ῥωμαῖους ἐντὸς ἡμερῶν υ' πόλεις μόνον μεγάλας υ'. Εἶτα διῆλθε τὴν Ἰσπανίαν καὶ περᾶσας τὰ στενὰ τῶν Γαδεΐρων παρέλαβε πᾶσαν Λιβύην, εἶτα Αἴγυπτον, εἶτα Συρίαν καὶ Ἀρμενίαν. Καὶ διῆλθε διὰ τῶν Καυκασίων ὄρων, καὶ ἐπέρασε τὸν Σαράιν, καὶ διῆλθε 40 τοὺς Ῥῶς, καὶ καθῆλθεν εἰς Ἀλαμάνιαν καὶ πατήσας πᾶσαν τὴν Ἰταλίαν, ἦκεν εἰς Ῥώμην. Ἐντὸς χρόνων τριῶν τοῦτον ἐφόνευσαν οἱ Ῥωμαῖοι ἐν τῇ βουλῇ, ὅτε Κάσκας Βροῦτος καὶ Κάσιος καὶ ἄλλοι, μὴ εἰδότες τοῦ Ἀντωνίου, δι' οὗ γέγονε καὶ φόνος πολλὸς ἐν τῇ Ῥώμῃ, ὃν καὶ παραβάλλει ὁ Πλούταρχος τῷ Ἀλεξάνδρῳ Μακεδόνι.

50 'Ὅς Ἀλέξανδρος τοῦ Φιλίππου ὑπάρχων υἱὸς βασιλεὺς δὲ Μακεδόνων ποιήσας ἔτι νέος ὢν ἕως χρόνων κ' πολλὰ ἀνδραγαθήματα καὶ πολέμους περὶ Σέρβους καὶ Θήβας καὶ Ἀθήνας. Εἶτα περᾶσας τὸν Ἑλλησποντον καὶ νικήσας τοὺς τοῦ Δαρείου σατράπας θαυμαστῶς, εἶτα Δαρεῖον αὐτὸν περίπου τὴν Δαμασκὸν ἔλαβε τὰς γυναῖκας καὶ θυγατέρας αὐτοῦ οὖσας τῷ κάλλει θαυμαστὰς καὶ κατεφρόνησε, ἔλαβε δὲ καὶ πλούτον ἄμετρον, ὁμοίως κατεπολέμησεν ἔτι αὐτὸν περὶ τὰ Γαυγάμαλα ἐντὸς τῆς Περσίας ἔχοντα φουσατο χιλιάδας ἑννεακοσίας, ὃν καὶ ἐφόνευσεν, ὡς ἡ ἱστορία αὐτοῦ δηλοῖ, καὶ ἔλαβε πᾶσαν τὴν Ἀσίαν καὶ τὸν βασιλεία Ἰνδῶν Πόρον ἀνδρείος, φανείς, ἀληθῆς, εὐεργετικὸς, σπουδαῖος, σοφός, σώφρων, ὕστερον ἔθανεν ἐν Βαβυλῶνι νοσήσας λοιμικῷ νοσήματι.

F. 366v. Καὶ ἐμερίστην ἢ βασιλεία πᾶσα εἰς τέσσαρας ἀρχάς· εἰς Ἀντίγονον, Ἀντίπατρον, Εὐμένην καὶ Πτολεμαῖον.

14: in cod. Πτολομαῖος.

15: in cod. ἱστορικός.

15—16: in cod. συνήθροισεν

14—17: Фраза, заключенная в скобки, написана на полях.

32: in cod. γράφη.

50: in cod. Γαυσώμαλα.

51: in cod. φουσατόν.

51: in cod. ἑννακοσίας.

Αὐγουστος αἰσαρ. Οὗτος τῷ ιδ^ϕ ἔτει τῆς βασιλείας αὐτοῦ ἐκυρίευσεν Ἄντωνίου καὶ Κλεοπάτρας, τῷ δε μβ^α ἔτει τῆς βασιλείας αὐτοῦ ἐτέχθη τὸ κατὰ σάρκα ὁ κύριος ἡμῶν Ἰησοῦς Χριστὸς ἐκ τῆς ἁγίας θεοτόκου, ἐκράτησε δὲ ὁ αὐτὸς ἔτη
νζ'.

Ἄμοῦ ἀπὸ τοῦ Ἀδάμ μέχρι τῆς κατὰ σάρκα γεννήσεως τοῦ Χριστοῦ ἔτη ,εφ'. Ἐποίησε δὲ ὁ Χριστὸς σὺν τῷ τοῦ πάθους ἔτει ἐπὶ τῆς γῆς ἔτη λγ', βαπτίξεται δὲ ἐν τῷ ιε^ϕ ἔτει τοῦ Τιβερίου αἰσαρος καὶ ἔπαθε καὶ ἀνέστη, ἐν τῷ ιη^ϕ ἔτει τοῦ αὐτοῦ Τιβερίου κε' τοῦ Μαρτίου μηνὸς ἡμέρᾳ Κυριακῇ, ἐν ἣ καὶ ἐγεννήθη.

10

Τιβέριος αἰσαρ.

Γάιος.

Κλαύδιος.

Νέρων κάκιστος φονεὺς, δε Νέρων ἔσχισε τὴν κοιλίαν τῆς μητρὸς αὐτοῦ παραινῶσα αὐτὸν ἀπέχεσθαι τῶν κακῶν πράξεων.

Ἄθων, δε ἐσφάγη οἰκειοθελῆς παραιτούμενος τὴν βασιλείαν διὰ τὸν ἐμφύλιον πόλεμον.

Γάλλος.

Οὐδέτελιος.

Οὐεσπασιανὸς χρήσιμος.

20

Τίτος ὁ υἱὸς αὐτοῦ, τούτου ἡ φωνή· τὸ οὐκ ἐβασιλεύσαμεν σήμερον ἐπεὶ οὐκ εὐεργετήσαμεν ὡσπερ καὶ τοῦ αἰσαρος, τὸ σήμερον ὁμοιώθημεν τοῖς ἀλόγοις ἐπεὶ οὐκ ἐπράξαμεν.

Δομετιανὸς κάκιστος.

Νερούας.

Τραϊανὸς δίκαιος καὶ στρατηγικώτατος, δε καὶ τὸν Δανοῦβιν ἐγεφύρωσεν.

F. 367.

Ἄδριανός.

Ἄντωνίνος.

Μάρκος.

Κόμοδος.

30

Ἐλοῖος Περτίναξ, τούτον ἀπερχόμενον πρῶτ' εἰς τὸ κυνήγιον ὑπήντησεν αὐτῷ γραῖς βῶσσα· «κρίνων μοι βασιλεῦ» καὶ δε τὴν πρὸς κυνήγιον ἀπερχόμενος εἰπὼν· «οὐκ ἐστὶν ἡμέρα κρίσεως», ἡ γυνὴ ἀντέφησε· «μὴ δὲ σὺ βασιλεύε σήμερον, ἐπεὶ οὐ δικαίων εἰς τινά», καὶ δε ὑπήκουσε καὶ ἀκούσας τὴν κρίσιν παρητήσατο τὸ κυνήγιον.

Σεβῆρος, δε ἔκτισε τὸ ἱπποδρόμιον πολεμιζῶν τὸ Βυζάντιον.

Ἄντωνίνος ὁ υἱὸς αὐτοῦ.

Μακρίνος.

Ἄλέξανδρος ὁ Μαμαῖας.

Μαξιμίνος.

Γορδιανός.

40

Φίλιππος

Δέκιος.

Γάλλος καὶ Βουλουσιανός.

Οὐαλεριανὸς καὶ Γαλιηνός.

Κλαύδιος.

Αὐρηλιανός.

Τάκιτος.

Πρόβος.

Κάρος καὶ Καρίνος στρατιώτης ἀγαθὸς καὶ σπουδαῖος, δε εὗρον οἱ τῶν Περσαρμενίων ἀποκριαῖροι ἐν τῷ στρατοπέδῳ μετὰ θώρακος καὶ πῆλου εὐτελοῦς τῇ κεφαλῇ ἐσθλόντα κυάμους ἀπὸ χύτρας ἐν κατοῦνα τινῶν εὐτελῶν στρατιωτῶν, δε φαλακρὸς ὑπάρχων ἔδειξεν αὐτοὺς τὴν κεφαλὴν εἰπὼν· εἶπατε τοὺς βασιλεῖς ὑμῶν ὡς ἡ γενέσθωσαν δοῦλοι καὶ σύμμαχοι τῶν Ῥωμαίων, ἡ γενήσεται πᾶσα ἡ χώρα αὐτῶν ὁμοία τῇ κεφαλῇ αὐτοῦ, οἱ καὶ ἐθαύμασαν αὐτόν.

50

F. 367v.

Διοκλητιανός καὶ Μαξιμιανός.

Κώνστας ὁ τοῦ μεγάλου Κωνσταντίνου πατήρ.

Ἄμοῦ ἔτη ἀπὸ τῆς Χριστοῦ γεννήσεως **ϞϞϞ'**, ἀπὸ δὲ Ἀδάμ ἔτη ,εψϞϞ'.

Κωνσταντίνος ὁ μέγας καὶ ἅγιος βασιλεὺς, τῷ εἰκοστῷ ἔτει τῆς αὐτοῦ βασιλείας γίνεται ἡ πρώτη σύνοδος ἐν Νικαίᾳ τῶν ἁγίων τη' πατέρων κατὰ Ἀρείου, ἐπικτίξεται δὲ καὶ ἡ πόλις Βύζαντος καὶ τελειοῦται κατὰ τὸ ε' καὶ κ' ἔτος τῆς αὐτοῦ βασιλείας μηνὶ Μαίῳ ια' ἔτους ἀπὸ κτίσεως κόσμου ,εωκα', ἀπὸ κτίσεως τοῦ Μεγαρέως κυφέλων ἔχουσα ἔτη **ϞϞϞ'**, ἀπὸ δὲ Βύζαντος τὸ παλαιὸν ἄρξαντος πρὸ χρόνων τῶν

1—2: in cod. ἔτη.

42: in cod. Γάλλος καὶ Βολοσιανός.

43: in cod. Γαλιηνός.

45: in cod. Αὐρηλιανός.

58: in cod. ἐ Νικαία.

61: in cod. κυφέλων.

τρωϊκῶν ἔτη ,αφρ'. Καὶ τελευτᾷ Κωνσταντίνος τὰ πάντα βασιλεύσας ἔτη λα' καὶ μῆνας δέκα.

Κωνσταντίος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἄρειανὸς ἔτη κ'.

Ἰουλιανὸς ὁ Παραβάτης καὶ εἰδωλολάτρης ἔτη δύο ἡμισυ.

Ἰουβιανὸς εὐσεβῆς μῆνας η'.

Οὐαλεντινιανὸς ὁ μέγας ἔτη ιβ'.

Οὐάλης ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ καὶ Γρατιανὸς ἔτη τρία.

Θεοδόσιος ὁ μέγας ἔτη ιζ', τῷ β΄ ἔτει τῆς αὐτοῦ βασιλείας ἡ β΄ γέγονε σύνοδος

τῶν ρν' ἐπισκόπων ἐν Κωνσταντινουπόλει κατὰ Μακεδονίου.

10 Ἄρκάδιος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτη κβ'.

F. 368. Θεοδόσιος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ μικρὸς ἔτη λγ', ἐπὶ τούτου ἡ τρίτη σύνοδος ἐν Ἐφέσῳ γέγονε τῶν σ' ἁγίων πατέρων / κατὰ Νεστορίου καὶ ἡ ἑτέρα ἡ ληστρική, ἧς ἐξῆρχεν ὁ δυσσεβῆς Διόσκορος.

Ἄρκάδιος εὐσεβῆς ἔτη ιζ' μῆνας ζ', ἐφ' οὗ ἡ ἐν Χαλκηδόνι τετάρτη σύνοδος γέγονε τῶν χλ' ἁγίων πατέρων κατὰ Εὐδοχῶς καὶ Διοσκόρου καὶ Νεστορίου. Δέων ὁ μέγας ὁ καὶ μακέλλιος ἔτη ιη'. Δέων ὁ μικρὸς ἔτη β'.

Ζήνων ὁ πατὴρ αὐτοῦ ὁ τῆς αἰρέσεως τῶν ἀκεφάλων ἔτη ιζ'.

Ἀναστάσιος ὁ Δίκωρος ὁμοίως ἀκέφαλος ἔτη κζ'.

20 Ἰουστίνος ὁ Θράξ ὁ γέρων ἔτη θ'.

Ἰουστινιανὸς ὁ ἀνεμῖος αὐτοῦ ὁ μέγας ἔτη λθ', ἐπὶ τούτου ἡ ἐν Κωνσταντινουπόλει πέμπτη σύνοδος γέγονεν.

Ἰουστίνος ἀνεμῖος αὐτοῦ ἔτη ιγ'.

Τιβέριος ἔτη δ'.

Ὁ Μαυρίκιος ἔτη κ'.

Φωκάς ὁ τύραννος ἔτη η'.

Ἡράκλειος ἔτη λ', τῷ τρίτῳ ἔτει τῆς τούτου βασιλείας ὁ Πέρσης Χοσρόης πλείστας τῶν Ῥωμαίων παρέλαβε πολιτείας, ἐπόρθησε τε τὰ Ἱεροσόλυμα, καὶ τοὺς σεβασμίους τόπους ἐνέπρησε, καὶ πλήθη λαῶν ἠχμαλώτευσεν σὺν τῷ πατριάρχῃ Ζαχαρίᾳ καὶ τοῖς τιμίσις ξύλοις καὶ εἰς Περσίδα κατήγαγεν, ἔπει δὲ αὐτοῦ δωδεκάτῳ /

F. 368v. Χοσρόης ἀνηρέθη καὶ ἡ αἰχμαλωσία ἀνεκλήθη παρὰ τοῦ γεννησίου Ἡρακλείου καὶ ὁ ζωοποιὸς σταυρὸς τοῖς ἰδιοῖς τόποις ἀπεκατεστάθη ἀνεγερθεῖσι, τότε καὶ οἱ Σαρακηνοὶ ἤρξαντο τῆς τοῦ παντὸς ἐρημώσεως, τότε εἶπεν ὁ Χοσρόης ἐν τῇ ἐκστρατείᾳ τοῦ Μαυρίκιου μετὰ τοῦ Ναρσῆ συστρατηγούντος τῷ Χοσρόῃ προσκόψαντα αὐτὸν εἶπεν ὁ Χοσρόης. «εἰ μὴ ὑπὸ τῶν πραγμάτων ἐτυραννοῦμεθα, οὐκ ἂν ἐθάρασας, ὡ στρατηγέ, τὸν μέγα βασιλεῖα Περσῶν βάλλειν τοῖς σκώμμασι, ὅτι δὲ τοῖς παροῦσι μέγα φρονεῖς, ἀκουσον τί δῆτα τοῖς θεοῖς ἐσούστερον μεμελέτηται ἀντικαταρῦσαι εὐ ἴσθι εἰς ὑμᾶς τοὺς Ῥωμαίους δεῖνὰ πολλὰ, ἄρξεται δὲ τὸ Βαβυλωνίων φύλον τῆς Ῥωμαϊκῆς χώρας τρίτην κυκλοφορικὴν ἐβδομάδα ἐτῶν, μετὰ δὲ ταῦτα πεμπταίαν ἐβδομάδα ἐτῶν Ῥωμαῖοι Πέρσας δουλαγωγήσουσι, τούτων δὲ οὕτως ἠγυσμένων, ἡ ἀνέσπερος ἡμέρα ἐνδημήσει ἀνθρώποις, ὃν χρησμὸν ἰδὼν ὁ παττάρων ἐπὶ τοῦ Ἡρακλείου», εἶπεν καὶ ἔσται

F. 369. ἡ δυναστεία τοῦ Ἰσμαήλ, ἔτη ἀριθμούμενα ἑννέα ἐβδομαδικῶ / κυκλοῦμενα χρόνῳ.

Κωνσταντίνος ὁ υἱὸς Ἡρακλείου μονοθελήτης ἔτος α'.

Ἡρακλιανὸς ὁ υἱὸς Ἡρακλείου καὶ Μαρτίνης σὺν τῇ μητρὶ μῆνας δ'.

Κωνσταντίνος ὁ υἱὸς Κωνσταντίνου ὁ ἐν τῇ δύσει κατελθὼν μονοθελήτης ἔτη κζ'.

Κωνσταντίνος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ Πωγωνάτος ἔτη ιζ', τῷ δωδεκάτῳ αὐτοῦ ἔτει γέγονεν ἡ ἕκτη σύνοδος κατὰ Ὀνωρίου ἐπισκόπου Ῥώμης καὶ Σεργίου Κωνσταντινουπόλεως τῶν ἀναθεματισθέντων.

Ἰουστινιανὸς ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτη ι', δεσ τὴν ρίνα καὶ τὰ ὦτα ἀποτμηθεὶς εἰς Χερσῶνα ἐξωρίσθη.

Λεόντιος ἔτη γ'.

Τιβέριος ὁ καὶ Ἀψίμαρος ἔτη ζ'.

Ἰουστινιανὸς τὸ β' ὀνόμητος ἔτη ζ'.

Φιλιππικὸς ὁ καὶ Βαρδάνιος μονοθελήτης ἔτη β'.

Ἀναστάσιος ὁ καὶ Ἀρτέμιος ἔτη β' ὁ γέγονας ἀββᾶς.

Θεοδόσιος ὁ γέρων ὁ γεγονώς κληρικὸς ἔτη β'.

Δέων ὁ Ἰσαυρος εἰκονομάχος ἔτη κε'.

Κωνσταντίνος Κοπρώνυμος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτη λδ'.

Δέων ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ ἐκ τῆς Χαζάρας ἔτη ε' εἰκονομάχος καὶ αὐτός.

5 : in cod. Ἰουβιανός.

28 : in cod. ἐπόρθησαι.

36 : in cod. σκώμασι.

- F. 369v. Κωνσταντίνος ὁ υἱὸς αὐτοῦ σὺν τῇ μητρὶ Εἰρήνῃ, τούτου / τῷ ἔτει γέγονεν ἡ ἐν Νικαία τὸ δεῦτερον ἁγία σύνοδος τῶν τν' ἁγίων πατέρων κατὰ τῶν εἰκονομάχων. Κωνσταντίνος μόνος ἔξοριστὰς τὴν μητέρα αὐτοῦ ἔτη θ'.
- Εἰρήνῃ πάλιν τυφλώσασα τὸν υἱὸν ἔτη ε'.
- Νικηφόρος ὁ ἀπὸ γενικῶν ὁ σφαγεὶς ἐν Βουλγαρία ἔτη θ'.
- Σταυράκιος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ γεγονὼς ἀββᾶς χρόνον ἀμῆνας β'.
- Μιχαὴλ ὁ πατὴρ τοῦ ἁγίου Ἰγνατίου τοῦ πατριάρχου τοῦ ἐν τῷ Σατόρω καὶ Θεοφύλακτος ὁ υἱὸς αὐτοῦ ἔτη β' ὁ γεγονὼς ἀββᾶς.
- Λέων ὁ Ἀρμένιος εἰκονομάχος ἔτη ζ' μῆνας ε'.
- 10 Μιχαὴλ ὁ Ἀμμοραῖος ὁ Τραυλὸς καὶ οὗτος εἰκονομάχος ἔτη ἡμῆνας θ'.
- Θεόφιλος ὁ υἱὸς αὐτοῦ εἰκονομάχος ἔτη ιβ'.
- Μιχαὴλ ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ μεθυστὴς καὶ Θεοδώρα ἡ μητὴρ αὐτοῦ ἔτη ιδ'.
- Μιχαὴλ μόνος σὺν Βασιλείῳ τῷ Μακεδόνι ἔτη ια' καὶ ἐσφάγη ὑπὸ Βασιλείου ἐν τῷ παλατίῳ τοῦ ἁγίου Μάμαντος ἐν ἄλλῳ ἐν τῷ παλατίῳ τοῦ Δαμάτρου.
- Βασιλείος ὁ Μακεδὼν ἔτη ιθ'.
- Λέων ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ σοφώτατος σὺν Ἀλεξάνδρῳ ἀδελφῷ αὐτοῦ ἔτη κε' μῆνας η'.
- Ἀλεξάνδρος μόνος ἔτος ἀμῆνα ἓν, ὃν ἰδὼν ὁ ἀδελφὸς αὐτοῦ Λέων ὁ βασιλεὺς ἐρχόμενον παραλαβεῖν τὸν υἱὸν Λέοντος νῆπιον ὄντα καὶ τὴν βασιλείαν εἰρηκεν ὁ
- F. 370. Λέων / ἴδε ὁ κακὸς χρόνος μετ' αὐτὸς ἡμῆνας καὶ ἐξῆσε χρόνον ἐν καὶ μῆνα α' καὶ 20 ἀπέθανε ζήσας ἀσέμνος.
- Κωνσταντίνος ὁ υἱὸς Λέοντος ὁ πορφυρογέννητος σὺν τῇ μητρὶ αὐτοῦ Ζωῆ ἔτη ζ' καὶ πάλιν μετὰ Ῥωμανοῦ τοῦ πενθεροῦ αὐτοῦ ἔτη ιγ'.
- Ὁ αὐτὸς Κωνσταντίνος μόνος μετὰ Ῥωμανοῦ υἱοῦ αὐτοῦ ἔτη ιε'.
- Ῥωμανὸς τὸ παιδίον μετὰ Βασιλείου καὶ Κωνσταντίνου τῶν υἱῶν αὐτοῦ ἔτη γ' καὶ μῆνας β'.
- Νικηφόρος ὁ Φωκᾶς ἅμα Βασιλείῳ καὶ Κωνσταντίνῳ ἔτη ζ' μῆνας ζ'.
- Ἰωάννης ὁ Τζιμισχῆς μετὰ τῶν αὐτῶν ἔτη ζ' μῆνας ζ'.
- Βασιλείος Βουλγαροκτόνος καὶ Κωνσταντίνος οἱ ἀδελφοὶ ἔτη νβ'.
- Κωνσταντίνος μόνος ἔτη γ'.
- 30 Ῥωμανὸς ὁ Ἀργυρόπουλος ὁ γαμβρὸς αὐτοῦ ἅμα τῇ Ζωῆ ἔτη ε' μῆνας ζ'.
- Μιχαὴλ ὁ Παφλαγὼν μετὰ τῆς αὐτῆς Ζωῆς ἔτη ζ' μῆνας ε'.
- Μιχαὴλ ὁ Καλαφάτης σὺν τῇ αὐτῇ Ζωῆ μῆνας δ'.
- Ζωὴ καὶ Θεοδώρα αἱ πορφυρογέννηται καὶ αὐτὰδελφαι μῆνας β'.
- Κωνσταντίνος ὁ μονομάχος σὺν τῇ Ζωῆ καὶ Θεοδώρα ἔτη ιβ' μῆνας ζ'.
- Θεοδώρα μόνη ἔτος ἀμῆνας η'.
- Μιχαὴλ γέρον ὁ ἀπὸ στρατιωτῶν ἔτος α'.
- Ἰσαάκιος ὁ Κομνηνὸς ἔτη β' μῆνας β'.
- Κωνσταντίνος ὁ Δούκας ἔτη ζ' μῆνας ζ'.
- F. 370v. 40 Εὐδοκία ἡ σύμβιος αὐτοῦ μῆνας ζ'.
- Ῥωμανὸς ὁ Διογένης ἔτη γ' μῆνας η'.
- Μιχαὴλ ὁ Δούκας ἔτη ζ' μῆνας ζ' ὁ Παραπινάκης.
- Νικηφόρος ὁ Βοτανειάτης ἔτη γ'.
- Ἀλέξιος ὁ Κομνηνὸς ἔτη λζ' μῆνας δ' ἡμέρας ιε'.
- Ἰωάννης πορφυρογέννητος ὁ Κομνηνὸς ἔτη κδ' μῆνας ζ' ἡμέρας κγ'.
- Μανουὴλ πορφυρογέννητος ὁ Κομνηνὸς ἔτη λζ' μῆνας ζ'.
- Ἀνδρόνικος ὁ τύραννος.
- Ἰσαάκιος ὁ Κομνηνὸς φονεύσας αὐτὸν ἔτη.
- Ἄγγελος Κομνηνὸς ὁ Βαμβακοράβδης τυφλώσας αὐτὸν τὸν ἀδελφὸν Ἰσαάκιον ἔτη καὶ ἔφυγεν εἰς τὴν Σερβίαν δειλιάσας τὸν στόλον τῶν Φράγγων.
- 50 Ἀλέξιος Δούκας ὁ Μοῦρτζουφλος πολεμίζων τοὺς Φράγγους μῆνας ἔφυγεν ἐάσας τὴν πόλιν τοῖς λατίνοις.
- Θεόδωρος Λάσκαρις εἰς τὴν ἀνατολὴν ἔτη ιη'.
- Ἰωάννης Δοῦξ ὁ Βατάτζης γαμβρὸς αὐτοῦ ἔτη λγ' μῆνας η'.
- Θεόδωρος Δούκας ὁ Λάσκαρις ἔτη γ' μῆνας ιζ'.
- Μιχαὴλ Κομνηνὸς ὁ Παλαιολόγος ἔτη κγ' καὶ ἡμέρας κ', ὃς ἔλαβε τὴν πόλιν διώξας τοὺς Λατίνους.

II

И. С. ЧИЧУРОВ

НОВЫЕ РУКОПИСНЫЕ СВЕДЕНИЯ
О ВИЗАНТИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

Настоящая работа посвящена вопросам, связанным с историей Константинопольской патриаршей школы в конце XI—начале XII в.

Ф. Фукс и Р. Браунинг отличают Патриаршую школу от Императорского университета. Р. Браунинг определил географическое положение высшей школы в Константинополе и составил приблизительный список учителей, преподававших в ней. Однако история Патриаршей школы остается не совсем ясной: так, неизвестно, кем и когда были введены учительские должности и какие это были должности в первое время существования школы. Отсутствие терминологической строгости в свидетельствах источников мешает точно определить значение того или иного титула, как и подвижность и многозначность византийской терминологии вообще. Документы, известные до настоящего времени, по большей части кратки и относятся к позднему периоду истории Византии. Поэтому каждый новый документ важен, даже если он и не отличается богатством материала. К таким документам относятся рукописи ГИМ, греч. 53 (Влад. 147), л. 398 и Vat. graec. 1455, лл. 306—307¹, содержащие список должностей Константинопольского патриаршества.

Список греческого собрания Исторического музея представляет собой последний лист рукописи X в., состоящей из 51 слова и послания Григория Богослова с предисловием к ним XIII в. Рукопись привезена в XVII в. из Ватопедского монастыря на Афоне. Л. 398 об. — пасхалия на 1231—1243 гг., л. 1 об. — запись о рождении порфирородных Анны, Марии, Иоанна, Евдоксии, Андроника, Исаака, Феодоры, Мануила, Зои, т. е. детей Алексея I Комнина. На полях л. 398 — помета той же рукой, что и текст списка. Список, очевидно, составлен не позже первой трети XIII в., но точнее его можно датировать, по-видимому, концом XII — первой третью XIII в., так как должность протакдика была введена в первую пентаду церковных должностей при патриархе Георгии Ксифилине (1191—1198 гг.).

Список Ватиканского собрания входит в состав сборника XIII в., содержание которого весьма разнообразно, преимущественно же каноническое. Рукопись писана различными почерками².

Как уже говорилось, эти рукописи содержат список должностей Константинопольской церкви. В конце каждой из них упоминается о новелле императора

¹ Рукопись Vat. graec. 1455 была доступна автору этой статьи в микрофильме. Его проф. Ж. Даррузес любезно прислал А. П. Каждану, который и передал микрофильм автору. А. П. Каждану обязан автор и темой данной работы. Считаю своим приятным долгом поблагодарить советского и французского ученых за оказанную помощь. Статья находилась уже в печати, когда вышла в свет книга профессора Ж. Даррузеса *Recherches sur les offices de l'église byzantine* par J. Darrouzès. Paris, 1970. Посвященная должностям церковным, работа Ж. Даррузеса в одной из глав (op. cit., p. 66—79) касается и должностей учительских, причем внимание исследователя сосредоточено в основном на взаимоотношении учительских должностей и церковной иерархии, в то время как предлагаемая вниманию читателя публикация связывает новеллу о введении учительских должностей с историей Патриаршей школы. Кроме того, весьма интересен и один из списков церковных должностей по Московской рукописи, учтенный, но не опубликованный Ж. Даррузесом. На ценность этого списка указывает и сам Ж. Даррузес (op. cit., p. 204).

² Подробно об этой рукописи см. А. Turyn. *Codices Vaticani saec. XIII et XIV*, p. 98—99, tab. 71.—Città del Vaticano, 1964. Там же библиография по истории рукописи.

Алексея Комнина, которая вводит в церкви три учительские должности: *διδάσκαλος τοῦ εὐαγγελίου*, *διδάσκαλος τοῦ ἀποστόλου*, *διδάσκαλος τοῦ ψαλτῆρος*.

Новелла эта неизвестна³. В списке учителей Патриаршей школы, составленном Р. Браунингом⁴, самый ранний — Михаил Италик (середина XII в.), который занимал все три названные должности. Следовательно, эти должности уже существовали в правление императора Мануила I Комнина (1143—1180), а их введение можно отнести только к правлению Алексея I Комнина (1081—1118).

Ватиканская и Московская рукописи излагают содержание новеллы по-разному. Если Ватиканская рукопись говорит об обязанностях учителей и о том, что должности расположены в порядке возрастания (сведения, отсутствующие в Московской рукописи), то в последней рассказывается о правилах замещения должностей. Эти правила состоят в том, что лицо, выдвигаемое на учительскую должность, получало эту должность как «прибавку» (*ὡς προσθήκη*) к прежней и сохраняло при этом старое место. Тем самым мы имеем прямое свидетельство о совмещении двух должностей.

Особенность наших рукописей состоит также в том, что должности учителей выделены из состава должностей церковных и стоят особняком, чего нет, например, у Псевдо-Кодина, где учительские должности входят в четвертую пентаду. В комментариях Я. Гретзера к Псевдо-Кодину приводится список церковных должностей по рукописям французской Королевской библиотеки⁵, где те же самые должности включены в третью пентаду⁶. Очевидно, выделение последних из состава церковных должностей связано с самостоятельностью учительских должностей в правление Алексея I Комнина.

Сравнение со списком церковных должностей у Псевдо-Кодина и текстом, публикуемым в комментариях Я. Гретзера, выявляет еще одну интересную особенность Московской и Ватиканской рукописей. И Псевдо-Кодин, и текст, приводимый Я. Гретзером, перечисляют учительские должности в составе пентад [как и упомянутая уже рукопись ГИМ, 475 (Влад. 323, л. 296 об.)], причем первый — в четвертой пентаде, состоящей из *ὁπομινήσκων*, *διδάσκαλος τοῦ εὐαγγελίου*, *διδάσκαλος τοῦ ἀποστόλου*, *διδάσκαλος τοῦ ψαλτηρίου καὶ ῥήτωρ*, второй — в третьей пентаде с измененным порядком следования должностей: *ὁπομινήσκων*, на втором месте за ним следует *ῥήτωρ*, остальные идут в том же порядке, что и у Псевдо-Кодина.

Надо сказать, что в ряде исследований, посвященных вопросам византийского просвещения, затрагивался вопрос о числе учителей. Так, о пентаде учительских должностей говорит Ф. Фукс⁷, но источники, им используемые, сравнительно более позднего происхождения: свидетельство Михаила ὁ τοῦ Θεσσαλονίκης (вторая половина XII в.); кроме того, Ф. Фуксу известны только три должности: *διδάσκαλος τοῦ εὐαγγελίου*, *διδάσκαλος τοῦ ἀποστόλου*, *διδάσκαλος τοῦ ψαλτηρίου*.

О существовании пентады учительских должностей говорится и в работе Дж. Хассей⁸, но и там отсутствуют указания на состав пентады. Список, составленный Р. Браунингом, состоит из четырех должностей: к трем известным нам должностям добавляется магистр риторик. Однако, опираясь на свидетельства Ватиканской и Московской рукописи, мы приходим к выводу, что первоначально существовало только три должности, причем еще не оформилось самостоятельное их значение.

Прямое упоминание нашими рукописями титула *διδάσκαλος τοῦ εὐαγγελίου* дает основание предполагать, что эта должность существовала самостоятельно, независимо от должности *ὁπομινήσκων* *διδάσκαλος*. В работах, посвященных истории византийской образованности, не раз сопоставлялись эти две должности. Например,

³ Эта новелла отсутствует в работе Ф. Дэльгера (*F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des oströmischen Reiches. T. II. München—Berlin, 1925*). Вряд ли новелла Алексея I Комнина 1107 г. (в Регестах Дэльгера под номером 1236) и неара московской рукописи — одно и то же постановление. Ж. Даррузес, признавая связь новеллы 1107 г. с расцветом (*la floraison*) деятельности учителей (op. cit., p. 78), однако, осторожен в высказываниях об отношении между деятельностью учителей и этой новеллой (op. cit., p. 75).

⁴ *R. Browning. The Patriarchal School at Constantinople in the Twelfth Century. — Byz., 33 (1963), p. 38—39.*

⁵ Подробнее об этом см. PG, t. 157, col. 128. О рукописях см. PG, t. 157, Notitia, p. 10—14. Как показало последнее издание Псевдо-Кодина, предпринятое Ж. Верпо (*J. Verpeaux. Pseudo-Kodinos. Traité des offices. Paris, 1966*), первоначальный текст памятника касался только дворцовой жизни. Церковные должности являются позднейшим добавлением.

⁶ Интересно отметить, что в греческой рукописи 475 (Влад. 323, л. 296 об.) собрания Исторического музея, содержащей список церковных должностей, учительские должности входят в третью пентаду. Но этот список очень краток и значительного интереса не представляет.

⁷ *F. Fuchs. Die Höheren Schulen von Konstantinopel im Mittelalter. — «Byzantinisches Archiv», H. 8. Leipzig—Berlin, 1926, S. 36.*

⁸ *J. Hussey. Church and Learning in the Byzantine Empire. New York, 1963, p. 105.*

Ф. Фукс говорит о том, что должность *οἰκουμενικός διδάσκαλος* равнозначна должности *διδάσκαλος τοῦ εὐαγγελίου* во второй половине XII в.⁹, основываясь при этом на свидетельстве Михаила *ὁ τοῦ Θεσσαλονίκης*, взятом из *προσίμιον ὅτε ἐγένετο οἰκουμενικός διδάσκαλος*¹⁰, причем характер фразы, приведенной Фуксом¹¹, как нам кажется, не имеет терминологического значения. В данном случае мы сталкиваемся с трудностями определения действительного титула. Другое свидетельство о смещении этих титулов приводится в работе П. Вирта, где говорится о Николае Катафлороне, занимавшем место *οἰκουμενικός διδάσκαλος τῶν εὐαγγελίων*¹². Однако деятельность Николая Катафлорона относится к более позднему времени (он умер в 1160 г.). Таким образом, на основании свидетельств Ватиканской и Московской рукописей можно заключить, что смещение титулов *οἰκουμενικός διδάσκαλος* и *διδάσκαλος τοῦ εὐαγγελίου* в правление Алексея I Комнина еще не имело места — оно произошло в более поздний период.

Из лиц, занимавших должность *διδάσκαλος τοῦ εὐαγγελίου*, самым ранним был Михаил Италик¹³ (середина XII в.), но его титул упомянут им в одной из его речей в несколько измененной форме: *διδάσκαλος τῶν εὐαγγελίων*¹⁴. Что касается двух других должностей *διδάσκαλος τοῦ ἀποστόλου* и *διδάσκαλος τοῦ ψαλτηρίου*, то в одной из рукописей Моделенского колледжа в Оксфорде (№ 4 по каталогу Г. Кокса¹⁵), датированной 1064 г., упоминается титул *μαῖστωρ τοῦ ἱεροῦ ψαλτηρίου*. Однако значение этого титула в рукописи не раскрывается, и говорить о том, насколько должность *διδάσκαλος τοῦ ψαλτηρίου* близка к должности *μαῖστωρ τοῦ ἱεροῦ ψαλτηρίου*, трудно. Должности *διδάσκαλος τοῦ ἀποστόλου* и *διδάσκαλος τοῦ ψαλτηρίου* занимал уже упоминавшийся нами Михаил Италик. Таким образом, наши рукописи позволяют датировать появление известных должностей более ранним периодом.

Не затрагивая отдельно вопроса о церковных должностях, которому посвятил специальное исследование Ж. Даррузес, мы хотели бы только сказать, что сравнение Московского и Ватиканского списков с текстом Псевдо-Кодина выявило ряд особенностей наших рукописей, связанных в основном с составом пентад, их порядком, распределением должностей внутри пентад. Список церковных должностей в Московской и Ватиканской рукописях восстанавливает один из этапов развития церковных должностных структур.

Текст публикуется по рукописи ГИМ, греч. 53 (Влад. 147, л. 398) и *Vaticanus graecus 1455, f. 306—307*. Текст Ватиканской рукописи публикуется по микрофильму. Ошибки в ударениях и отсутствие иоты субскриптум в примечаниях к текстам не отмечаются.

ГИМ, греч. 53 (Влад. 147), л. 398

Ἐξὰς πρώτη.

Ὁ μέγας οἰκονόμος κατέχει καὶ διοικεῖ τὰ τῆς ἐκκλησίας πράγματα.

Ὁ μέγας σακελλάριος ἐφορᾷ καὶ διοικεῖ τὰ γυναικεῖα μοναστήρια, σακέλλαι γὰρ τὰ καθολικὰ ὁσπήτια.

Ὁ μέγας σκευοφόλαξ κατέχει καὶ φυλάττει τὰ ἱερὰ σκεύη καὶ ἐπιπλα καὶ τὰ βιβλία τῆς ἐκκλησίας.

Ὁ χαρτοφόλαξ φυλάττει τὰ συνοδικὰ χαρτία, ὅσα συνοδικῶς ἐπὶ τισιν ὑπόθεσιν συνετέθησαν.

Ὁ σακελλίου ἐφορᾷ τὰς καθολικὰς ἐκκλησίας σὺν αἰς καὶ τὰ εὐκτήρια καὶ τοὺς ἐν αὐτοῖς ἱερεῖς.

Ὁ πρωτέκδικος πρῶτος τῶν τῆς ἐκκλησίας ἐκδίκων ἀναδεχόμενος τοὺς προσφύγας καὶ τὴν ἀσυλίαν ἐκδίκων.

Πρώτη πεντάς.

Ὁ πρωτονοτάριος πρῶτος τῶν νοταρίων, δι' οὗ καὶ αἱ διὰ πατριαρχικῶν πιπτακίων ἀποκαταστάσεις γίνονται.

Ὁ λογοθέτης ἐκτίθει λόγους ἐπὶ τισιν ἑορτασίμοις ἡμέραις κατηχητικούς εἰς τὸν λαόν.

Ὁ κανοστρίσιος κρατεῖ τὸ κανοστρίον τοῦ ἀρχιερέως ἐν ταῖς ἱεραῖς λειτουργίαις.

Ὁ ρεференδариος ἀπέρχεται πρὸς τὸν βασιλέα καὶ τὰ ἀπὸ τοῦ ἀρχιερέως διασώζει μνημόματα.

Ὁ ὑπομνηματογράφος γράφει τὰ συνοδικὰ ὑπομνήματα καὶ ὑπὸ τὸν χαρτοφόλακα τελεῖ. Δευτέρα πεντάς.

⁹ F. Fuchs. Op. cit., S. 36.

¹⁰ ЭТОТ ПРОСИМОН НЕ ОПУБЛИКОВАН, СОДЕРЖИТСЯ В ЕУ-II-10, f. 317—318 v.

¹¹ ἔργον γούν εὐαγγελιστοῦ ποιῶ.

¹² P. Wirth. Zu Nikolaos Katophloros. — «Classica et mediaevalia», vol. 21 (1960), S. 214.

¹³ R. Browning. Op. cit., p. 38.

¹⁴ BZ, VI, p. 127; G. Mercati. Gli aneddoti d'un Codice Bolognese.

¹⁵ H. O. Coxe. Catalogus codicum mss. qui in collegiis aulisque Oxoniensibus hodie adservantur, vol. II (Catalogus codicum mss. collegii Mariae Magdalenaе, codd. graeci, p. 1—17). Oxford, 1852.

¹⁶ в рукописи ραιφενдариος.

Ἐξομολογήσων κατέχων τὸ κοντάκιον καὶ τὰς ἐγγραφὰς τῶν ἀρχιερέων ἀναδεχόμενος.

Ἐξομολογήσων ὑπομνηστικῶν ἐν τῷ ἐκείνῳ τοῦ ἱεροῦ θυσιαστηρίου τῶν ἐφ' ἐκαστῶ ποιητέων τῶν ἀρχιερέων.

Ἐξομολογήσων κατέχων καὶ φυλάσσει τὰς πύλας, ὅτε γίνονται οἱ τῶν ἀρχιερέων ψῆφοι, καὶ τὴν τοῦ ἀρχιερέως λαμπάδα.

Ἐξομολογήσων ἐκτίθησι λόγους ἐγκωμιστικούς πρὸς τὸν βασιλέα ἐφ' οἷς καθόρθωσε τὸν χρόνον ἐκεῖνον ἐν τῇ τῶν Χριστοῦ γεννῶν ἡμέρᾳ καὶ τῇ λαμπρᾷ κυριακῇ.

Ἐξομολογήσων τεταγμένους εἰς τὰς διανομὰς τῶν νομισμάτων^β εἰς διάδοσιν τῶν κληρικῶν, ὅτε διάκριον ἀπαιτήσῃ.

Τρίτη πεντάς τῶν ἐπί.

Ἐπὶ τῶν γονάτων ἐπιπροσέμων τὸ ἐπιγονάτιον τῶν ἀρχιερέων καὶ συνάμα τῶν κανονιστικῶν καὶ τῶν ἐξομολογητικῶν ἀλλάσσει.

Ἐπὶ τῶν κρίσεων ὁ εἰσάγων τὰς κρίσεις καὶ ἐπιτηρῶν τὸ ἀτάραχον ἐν αὐταῖς.

Ἐπὶ τῆς ἱερᾶς καταστάσεως ἴσθησιν ἕνα ἕκαστον εἰς τὴν ἰδίαν τάξιν καὶ μᾶλλον ἐν τῷ τοῦ ἀγίου θυσιαστηρίου.

Ἐπὶ τῶν δεήσεων ὁ δεχόμενος τὰς εἰς τὸν ἀρχιερέα δι' ὑπομνηστικῶν δεήσει.

Ἐπὶ τῶν σεκρέτων ὁ τὰ σεκρέτα ἐπιτηρῶν τῶν ἐξωκατακλύων καὶ περὶ αὐτῶν ἀναφέρων τῶν πατριάρχων.

Τετάρτη πεντάς Α.

Ἐξομολογήσων τῶν μοναστηρίων κατέχει καὶ ἐφορᾷ τὰ ἀνδρῶν μοναστήρια.

Ἐξομολογήσων τῶν ἐκκλησιῶν κατέχει καὶ ἐφορᾷ τοὺς εὐκτηρίους οἴκους συνάμα τῶν σακελλίου καὶ τοὺς ἐν αὐτοῖς πρεσβυτέρους.

Ἐξομολογήσων τοῦ εὐαγγελίου τάττει ἐν ταῖς λειτουργίαις τοῦ ἀρχιερέως τίς ἂν εὐαγγελίσταται.

Ἐξομολογήσων τῶν φώτων εἰσάγει καὶ ἐξάγει τοὺς κατηχουμένους συνάμα τοῖς κατηχηταῖς ἐπίσταται τοὺς τελουμένους ἐπὶ τῷ ἁγίῳ τοῦ βαπτίσματος.

Ἐξομολογήσων τοῦ ἀντιμινασίου ὁ παρέχων τὰ ἀντιμίνσια, δι' ὧν καθιερῶνται οἱ θεῖοι ναοί.

Ἐπὶ τὰ ταῦτα καὶ τὰ τρία διδασκαλικά ὄφφικια· ὁ διδάσκαλος τοῦ εὐαγγελίου, ὁ διδάσκαλος τοῦ ἀποστόλου καὶ ὁ διδάσκαλος τοῦ ψαλτήρος, ἅτινα προσετέθησαν τῇ ἐκκλησίᾳ ἀπὸ νεαρᾶς τοῦ βασιλέως κῆρ Ἀλεξίου· οὐκ ἔχουσι δὲ τόπους ἰδίου, ἀλλ' ἐπειδὴ ὁ ἰκανὸς ἀπὸ τούτων ἔγρηνεται καὶ χρῆ ἀπὸ τῶν προσποτεταγμένων ὄφφικιαίων εἰς ταῦτα παραλαμβάνεσθαι, ὁ ἀναδεχόμενος τοιοῦτον διδασκαλικὸν ὄφφικιον ὡς προσθήκη τῶν ὄφφικίου αὐτοῦ μένει ἐν τῷ ἰδίῳ τόπῳ.

Ἐστὶ καὶ ὁ πριμιμικήριος τῶν νοταρίων καὶ οἱ νοτᾶριοι ὅ τε πρωτοπαπᾶς καὶ ὁ δευτερεύων τῶν ἱερῶν καὶ προσέτι δὲ ὁ ἀρχιδιάκονος καὶ ὁ δευτερεύων τῶν διακόνων.

Ἐξομολογήσων τῶν πρωτοψάλτης, ὁ δομῆστικος, ὁ λαοσυνάκτης, ὁ πριμιμικήριος τῶν ἀναγνώστῶν καὶ ὁ ἀρχων τῶν κοντακίων.

Οἱ ἐπισκοπεῖται οἱ δομῆστικοὶ τοῦ σεκρέτου οἱ ἐπὶ τῆς εὐταξίας.

Vatic. gr. 1455, f. 306—307

f. 306

Περὶ τῶν ἐκκλησιαστικῶν ὄφφικίων.

Πρῶτον ὁ μέγας οἰκονόμος πᾶσαν τὴν οἰκονομίαν τῶν ἐκκλησιαστικῶν πραγμάτων ἔχων. Δεύτερος ὁ μέγας σακελλάριος^γ ἐπιτηρῶν τὰς ἱερὰς σακέλλας δηλονότι τὰ γυναικεῖα μοναστήρια.

Τρίτος ὁ μέγας σκευοφύλαξ τὰ σκευὴ φυλάσσει τῆς ἐκκλησίας.

Τέταρτος ὁ χαρτοφύλαξ πᾶσαν ὑπόθεσιν διεξετάξων.

Πέμπτος ὁ σακελλίου^δ τὴν σακέλην κατέχων, τὴν φυλακὴν τῶν προσφύγων τῆς ἐκκλησίας.

Ἐκτος ὁ πρωτέκδικος τοὺς προσφύγας ἀναδεχόμενος.

Οἱ οἱ ἐξωκατακλύοι· ἕκτοτε εἰσὶν πεντάδες ὄφφικίων τέσσαρες.

Πρώτη πεντάς.

Ἐξομολογήσων πρῶτος τῶν πατριαρχικῶν νοταρίων ἐπιβλέπων τὰ γράμματα.

Ἐξομολογήσων τοῦ λογοθέτου τοῦ λόγους κατηχητικούς πρὸς τὸν λαὸν δικαίῳ τοῦ πατριάρχου.

Ἐξομολογήσων τῶν κανονιστικῶν ἐν ταῖς λειτουργίαις τὸ κανονιστικὸν τῶν θυμιμάτων.

Ἐξομολογήσων ὁ ἀναφορῶν πρὸς τὸν βασιλέα τῶν μηνυμάτων.

^β В рукописи γέννων.

^γ Возможно написание как с одним μ, так и с двумя. См., например: А. Дмитриевский. Описание греческих литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. 1. Киев, 1895, стр. 661. 17; νομισμάτων — Fr. Dölger. Finanzgeschichtliches aus der byzantinischen Kaiserkanzlei des 11. Jahrhunderts. München, 1956, S. 15, Anm. 4; νομία — A. Frolow. Les noms de monnaies dans le typicon du Pantocrator. — BS, X, 2, 1949, p. 251; νομμιον.

^δ Возможно чтение ἀπαντήσει.

^ε На полях помета ἡ ἀρχοντική.

^ζ В рукописи σακελλάριος.

^η В рукописи ὁ σακελλίου.

^θ В рукописи ραιφερνθάριος.

- *Ο ύπομνηματογράφος γράφων τὰ συνοδικὰ ὑπομνήματα.
 *Ἡ δευτέρα πεντάς.
 *Ο ἱερομνήμων κρατῶν ἐν ταῖς λειτουργίαις τὸ κοντάκιον καὶ δεχόμενος τὰς ἐγγράφας τῶν ἀρχιερέων.
 *Ο ὑπομνηστήσκων τῷ πατριάρχῃ ἐν ταῖς λειτουργίαις ἀσχολουμένων ταῖς εὐχαῖς, τὸ καθ' ἕκαστον^κ ποιητέον.
 *Ο ῥήτωρ γράφων ἅπαξ τοῦ ἐνιαυτοῦ βασιλικὸν λόγον ἀνθ' ὁμολογίαν τῶν καθ' ἕκαστον ἔτος κατορθωμάτων αὐτοῦ.
 *Ο ὀστιάριος κρατῶν τὰς θύρας ἐν ταῖς ψήφοις καὶ τὴν πατριαρχικὴν λαμπάδα.
 *Ο νομοδότης τὰ ἐξ ἀέρος καὶ κέρδους νομια^κ ἀποδίδους τοῖς κληρικοῖς.
 Τρίτη πεντάς τῶν ἐπί.
 *Ο ἐπὶ τῶν γονάτων φο[ρ.]ῶν τὸν πατριάρχῃν τὸ ἐπιγονάτιον.
 *Ο ἐπὶ τῶν κρίσεων ἐπιβλέπων καὶ εἰσάγων τοὺς κριθησομένους.
 *Ο ἐπὶ τῶν δεήσεων τὰς εἰς τὸν πατριάρχῃν δεήσεις προσάγων.
 *Ο ἐπὶ τῆς ἱερᾶς καταστάσεως καθιστῶν τοὺς κληρικούς ἐν τῷ βήματι λέγων: Στῶμεν καλῶς!
 *Ο ἐπὶ τῶν σεκρέτων καθιστῶν τὸ πατριαρχικὸν σέκρετον ἀτάραχον καὶ ἀθόρυβον.
 Τετάρτη πεντάς τῶν ἰδίως ἀρχοντιῶν.
 *Ο ἀρχῶν τῶν μοναστηρίων ἐπιβλέπων τὰ ἀνδρῶα μοναστήρια.
 *Ο ἀρχῶν τῶν ἐκκλησιῶν ἐπιβλέπων καὶ παραδίδους τὰς ἐκκλησίας τοῖς πρεσβυτέροις.
 *Ο ἀρχῶν τοῦ εὐαγγελίου ἐξουσίαν ἔχων διδόναι φῆτι βούλεται εἰπεῖν τὸ εὐαγγέλιον λειτουργούντος τοῦ πατριάρχου καὶ ἐν ταῖς λιτανεαῖς κρατῶν αὐτὸ ἐπὶ τοῦ στήθους καὶ προερχόμενος.
 *Ο ἀρχῶν τῶν φῶτων ἐπιβλέπων τοὺς εἰς τὸ ἅγιον βάπτισμα εὐτρεπιζομένους.
 *Ο ἀρχῶν τοῦ ἀντιμινσίου δι' οὗ δίδονται τὰ ἀντιμίνσια καὶ καθιεροῦνται οἱ ναοί.
 † Ἐδόθησαν ὕστερον καὶ τὰ διδασκαλικά τρία παρὰ τοῦ κυροῦ Ἀλεξίου βασιλέως τοῦ Κομνηνοῦ δς καὶ τὰ τρία ἐξωκατακυλάτα ὀφφίκια, βασιλικά καὶ κοσμικά ὄντα τὸ πρότερον, ἔχοντα διὰ τοῦτο καὶ τὸ μέγα, τὸ μεγαλοοικονομάτον, τὸ μεγαλοσακελλαράτον^κ, τὸ μεγαλοσκευοφυλακῶτον, δέδωκε τῷ πατριάρχῃ ποιεῖν εἰς ταῦτα ἐκ τῶν ἱερωμένων ἀνδρῶν. Βίβει δὲ τὰ διδασκαλικά τρία ταῦτα κατὰ πολὺ εἰς αὐξήν ὄντα ἐπὶ τῶν ἡμερῶν ἐκεῖνου.
 *Ο διδάσκαλος τοῦ εὐαγγελίου ἐρμηνεύων τὸ εὐαγγέλιον.
 *Ο διδάσκαλος τῶν ἀποστολικῶν ἐπιστολῶν ἐρμηνεύων τοὺς ἀποστόλους.
 *Ο διδάσκαλος τοῦ ψαλτήρος ἐρμηνεύων τὸ ψαλτήριον.
 † Ἐπὶ τούτοις ὁ πρωτοπρεσβύτερος καὶ ὁ δευτερεύων τῶν ἱερέων μετ' αὐτὸν καὶ ὁ δευτερεύων τῶν διακόνων, ἰδίως εἰς καὶ οἱ πατριαρχικοὶ νοτάριοι σὺν τῷ πριμικηρίῳ αὐτῶν, γράφονται τὰ ἐντάλματα τῶν ἀρχιερέων καὶ τῶν καθηγουμένων καὶ τὰ σταυροπήγια καὶ τὰ πατριαρχικά γράμματα διὰ τοῦ πρωτονοταρίου παρὰ τοῦ πατριάρχου ταῦτα λαμβάνοντες ἐνυπόγραφα.

^κ Вероятно, можно читать и καθ' ἑκάστην, подразумеваемая καθ' ἑκάστην ἡμέραν.

^κ Относительно νομίων с одним или двумя μ см. прим. «в».

^κ В рукописи μεγαλοσακελλαράτον.

III

С. В. ПОЛЯКОВА

ИЗ ИСТОРИИ ГРЕЧЕСКОГО РОМАНА В ВИЗАНТИИ
 («Эфиопика» Гелиодора в толковании Филиппа Философа
 и Иоанна Евгеника)

Судьба греческого романа на среднегреческой почве не была так благополучна, как представляется на основании свидетельств несомненного интереса к этому жанру в поздние периоды существования Византии. Резко чуждый византийскому средневековью, он в продолжение длительного времени не привлекал к себе внимания или вызывал лишь отрицательную реакцию и должен был пройти различные формы адаптации, чтобы завоевать себе место и превратиться в образец для подражания, обогативший византийскую литературу. Однако реабилитация греческого романа никогда не достигала безоговорочного успеха, и одержанная им победа не была окончательной. Ведь даже романы Гелиодора и Ахилла Татия, которые одни из сравнительно большого числа греческих романов удержались в византийском круге чтения вследствие благочестивой легенды, объявившей их авторов христианскими епископами, и попыток связать с христианской традицией самый материал их повествований¹, продолжали вызывать к себе настороженное и даже враждебное отношение. Это подтверждают не только данные приводимых ниже сочинений Филиппа Философа (время жизни не установлено)² и Иоанна Евгеника (XV в.) — примечательно при этом, что последний говорит о нападках на греческий роман спустя более двухсот лет после возникновения византийских подражаний греческому роману, — но и заведомо недостоверное, а потому тем более показательное для оценки *erotici scriptores* сообще-

¹ Подробному обоснованию этого посвящена интересная статья: *H. Dörrie. Die griechischen Romane und das Christentum.* — «Philologus», 93, 1938, где автор рассматривает легендарные биографии обоих романистов, способствовавшие легитимации их романов, и отмечает, что имена героев Ахилла Татия в целях упрочения репутации его романа были введены в житие Галактиона и Епистимы. В дополнение к приведенному автором материалу можно указать, что это житие обнаруживает также реминисценции из «Эфиопики» Гелиодора — мать Галактиона является дочерью Мемнона, т. е. носит имя одного из предков героини романа Гелиодора Хариклии. Может быть, в связи с христианизацией биографии Ахилла Татия и попытками сблизить его роман с христианской литературой следует рассматривать и тот факт, что в завещании Евстафия Воилы (1059 г.) среди книг, описанных им церкви, значится и ἡ Δεουχίτη, т. е. роман Ахилла Татия «Левкиппа и Клитофонт» (текст опубликован: *В. Бенешевич. Завещание византийского боярина XI в.* — ЖМНП, 1907, май, стр. 227.15).

² Время возникновения «Толкования», а вместе с ним идентификация личности автора до сих пор остаются дискуссионными. Первый издатель «Толкования» (*Ph. D'Orville. Miscellanea in auctores veteres*, v. VII. Amsterdami, 1736, p. 376 sq.) на основании сходства имен приписал авторство неоплатонику Филиппу (IV в.), переводчику «Иероглифики» Гораполлона. А. Олдфавер («Philologus», LXVII, 1908, S. 457 f.) предполагал, что автор — неоплатоник V в. Эту точку зрения в настоящее время разделяет О. Вайнрайх (*O. Weinreich. Der griechische Liebesroman. Zürichi. 1962, S. 57 f.*). А. Кальдерини (*A. Calderini. Il Romanzo di Caritona. Milano, 1911, p. 11*) относит памятник к XII в. Согласно гипотезе А. Колонна, под Филиппом Философом скрывается епископ Россано Феофан Керамевс (1130—1154), подписывавший свои сочинения также Φιλίππου φιλοσόφου или Φιλίππου φιλοσόφου τοῦ Κεραμίτου (*A. Colonna. Heliodori Aetiopica. Rome, 1938, p. 366*. Подробнее см.: *Teofane Cerameo e Filippo Filosofo.* — «Bollet. del Comitato per la preparaz. della Ediz. Naz. d. Classici Greci et latini», NS, 8, 1960, p. 25 sq.).

ние Никифора Каллиста о том, что поместный собор города Трикка признал книгу Гелиодора вредной для юношества³.

Однако противоядием уцелевшим греческим романам вызвало к жизни появление оправдывающих его в глазах христианских читателей нравственных и аллегорических объяснений, представленных сочинениями Филиппа Философа и Иоанна Евгеника⁴. Их толкования «Эфиопики» — не защитная конструкция (авторы рассматриваемых сочинений, конечно, не кривили душой), но рефлекс подхода, объективно способствовавший узаконению греческого романа.

Поскольку весь окружающий мир в понимании средневекового человека — носитель символов трансцендентного мира, в языческой литературе как в одной из его сторон усматривали ключ к более высокому, но скрытому смыслу, который мог быть обнаружен с помощью аллегорического истолкования⁵.

Под толщей верхнего фабульного слоя оба автора различают благочестивый смысл, зашифрованный аллегориями, числовой мистикой, этимологиями имен и другими видами тайнописи (многое здесь — результат влияния синкретических представлений неоплатонизма и неопифагореизма).

Так, по мнению Филиппа, «Эфиопика» Гелиодора «посвящает в высшие таинства» и является «наставницей в нравственной философии», изображая позитивные и негативные свойства людей, чтобы паглядно показать преимущество добродетели. Положительные герои поэтому — эталон, которому надлежит подражать, воплощения четырех кардинальных добродетелей; отрицательные — доказательство того, к чему приводит порок. Но нравственное объяснение для Филиппа — только подготовительная ступень. Оно, пользуясь его словами, лишь обнаружило за богатым одеянием Хариклии (так византийцы обычно называли роман по имени героини) священный хитон, но не показало совершенной красоты. Этой задаче посвящено мистическое толкование книги.

Используя ономастические выкладки и числовую мистику, автор утверждает, что Хариклия — символ души и украшающего ее разума, Арсака — символ плотского наслаждения, Трахин — необузданного бушевания страстей, Ахемен — злого умысла.

Сюжет романа предстает, таким образом, в виде повествования о рождении души из мрака небытия, о ее нравственном формировании, стремлении к богопознанию, странствиях и плотских искушениях, в которых душу оберегает от поругания сила камня пантарба, символизирующего страх божий, и о торжестве возвращения на родину. «Толкование» не сохранилось полностью, но общее его направление не вызывает сомнений.

«Введение» к «Эфиопике» Иоанна Евгеника тоже дошло до нас в извлечении: рукопись неожиданно обрывается на ямбическом дистихе, прославляющем целомудрие, и едва ли принадлежащем автору прозаического текста. Возможно, что Иоанн не был вполне самостоятелен и пользовался «Толкованием» Филиппа; в пользу этого говорит наличие во «Введении» несколько неожиданной и встречавшейся в «Толковании» мысли о наглядном изображении в «Эфиопике» четырех кардинальных добродетелей.

В отличие от Филиппа, Иоанн Евгений останавливается на филологических вопросах, касается языка, стиля и других особенностей повествования. Но и его преимущественно интересует второй план «Эфиопики»; автор обнаруживает его, но в сохранившемся отрывке только намечает; более подробная аргументация, очевидно, входила в ныне утраченную часть сочинения.

Толкование переведено нами по изданию А. Колонна (Heliodori Aetiopica, rec. A. Colonna. Rome, 1938), «Введение» — по публикации А. Бандини (Catalogus codicum Graecorum Bibliothecae Laurentianae, ed. Aug. Bandini. Florentiae, 1770, III, col. 322).

³ Nic. Callistus. Historia eccles., XII, 34. — PG, t. CXLVI, col. 860. В отличие от ортодоксально мыслящих церковных кругов и от обывательской среды, где вкусы отличаются ригоризмом и традиционностью, такие теологи, как Максим Исповедник, если многочисленные цитаты из Гелиодора и Ахилла Татия не попали к нему через посредство «Мелисс», использовали роман в дидактических целях, не смущаясь подчас легкомысленными контекстами, откуда заимствовалась та или иная цитата. Пример подобного рода — рассуждение о страхе и надежде, заимствованное им из *Ach. Tat.*, II, 23, 1, где речь идет о переживаниях любовника, крадущегося ночью в спальню девушки (*Max. Confessor. Loc. Comm.* — PG, t. 91, col. 909).

⁴ Не только греческий, т. е. любовный, роман понимали в Византии подобным образом: Алексей Макремволит (середина XIV в.) обнаружил христианские иносказания в романе Псевдо-Лукиана «Лукий, или осел» (текст опубликован А. Попадопуло-Керамевсом в ЖМНП, ч. 321, 1899, январь, стр. 19—23). Этому памятнику, никогда не привлекавшемуся исследователями, мы предполагаем посвятить отдельную статью.

⁵ Эта особенность средневекового мышления наиболее полно раскрыта на западном материале: J. Huizinga. *Herbst des Mittelalters*, Stuttgart, 1961; применительно к Византии см.: G. Mathew. *Byzantine Aesthetics*. New York, 1963, p. 46 sq.

ТОЛКОВАНИЕ ЦЕЛОМУДРЕННОЙ ХАРИКЛИИ ИЗ УСТ ФИЛИППА ФИЛОСОФА

Однажды, когда я выходил из Регийских ворот, ведущих к морю, и дошел уже до источника Афродиты¹, до меня донесся чей-то голос, громко окликавший меня и звавший по имени. Я обернулся, чтобы посмотреть, откуда это кричат, и увидел императорского писца Николая, спешащего к морю вместе со своим сородичем Андреем. К обоим я весьма сердечно относился и решил поэтому свернуть со своей дороги и пойти им навстречу. Мы скоро сошлись, и Николай с улыбкой сказал:

«Удивительный человек², так равнодушно ты позволяешь необузданным языкам ополчаться на мудрые учения. Ведь в преддверии храма³ собралось множество любителей словесности; они читают книгу о Хариклии и большинство, издаваясь, оскорбляет и высмеивает эту повесть. Я же, как почитатель Хариклии, негодую, клянусь твоей мудростью, и молю тебя не допустить оскорбления целомудренной девушки; выставь ей защитником свою мудрость, твои помыслы, разум приветливый твой⁴ и покажи этим болтливым невеждам, что рассказ о Хариклии выше всякого упрека».

«Ты, кажется, подбиваешь меня, дражайший, на неслыханное дело, — ответил я, — зимой искать весенние цветы, а в седой старости юношеские забавы. Ведь, распрощавшись с этим, как с молоком младенчества, я вступил в возраст философа, а затем стал обитать в хранилище божественных учений. Теперь меня влечет к тому, чтобы держать себя соответственно моей философии и наименованию философа. Любовные повествования и рассказы подходят юношеским летам. Ведь даже сама божественная любовь певедома старческим и младенческим душам, а лишь юным и находящимся в расцвете, если следовать словам исполненной тайн песни, гласящей: «за это отроковицы возлюбили тебя»⁵, так как единственно этот возраст способен воспринимать любовные стрелы. Вы же хотите увлечь чуждого любви старца к любовным рассказам. Однако, по словам мудреца, старцам знакомы забавы, но эти забавы почтенны⁶. Поэтому пусть и я почтено позабавлюсь вымыслом и, на краткое время простившись с философскими раздумиями, обращусь к любовной палинодии. Ведь и мудрый Сократ, хотя был вообще мыслителем, сидя с красавцем Федром в тени деревьев, чаровал юношу рассказами о любви⁷. Пойдем же ради вас и самой истины».

Придя, мы застали друзей, в ожидании нас столпившихся перед святыми воротами храма. Сотворив Деве Владычице⁸ положенные молитвы, а затем обратившись к собравшимся, мы опустились на низкую скамью у самого порога святых врат, — я начал так: «Книга эта, друзья, подобна питью Кирки — непосвященных она превращает по неосторожеству в свиней, рассуждающих мудро по примеру Одиссея посвящает в высшие тайнства. Ведь книга эта назидательна, она наставница в нравственной философии, так как к воде повествования примешала вино умозрения».

Поскольку человеческая природа разделяется на мужскую и женскую, а им обоим в равной мере присущи добродетель и порок, книга сопоставляет оба пола, засвидетельствовал добрые и злые качества каждого. Она показывает достойных мужей — Каласирида, Феагена, Гидаспа и достойных женщин — Персинну и Хариклию. Дурных выведено больше женщин, меньше — мужчин: ведь среди женщин пороки встречаются чаще.

Почтению к святыне, тому, как должно уклоняться от злоумышлений врагов, не преступая закона, отводить от себя несправедливое насилие, обороняться от зачинщиков зла и как к лекарству прибегать к обману, когда мы хотим принести пользу

¹ Упоминание Регийских ворот свидетельствует о том, что действие происходит в Константинополе. См. *R. Janin. Constantinople byzantine. Paris, 1964, p. 272*. Однако не все встречающиеся в тексте реали удалось идентифицировать. К ним принадлежат источник Афродиты, храм, в преддверии которого происходит беседа, и некоторые другие.

² Как показал А. Бринкман (*A. Brinkmann, in: «Rhein. Mus.», NF, LI, 1896, S. 442 f.*), начало сочинения до слов «удивительный человек» текстуально совпадает с диалогом Псевдо-Платона «Аксиох», который в византийское время пользовался популярностью и оставил следы в произведениях ряда писателей, между прочим, у Феодора Продрома, Никифора Васидаки и Никифора Григоры. Кроме введения, о знакомстве с «Аксиохом» свидетельствуют отдельные заимствования в других местах «Толкования». Чтение «Политии» Платона тоже оставило свой отпечаток (*A. Oldfather. Op. cit.*).

³ Вайнрайх (*O. Weinreich. Op. cit.*) локализует действие в пропилеях храма Афродиты.

⁴ *Od.*, XI, 202—203.

⁵ *Cant. Cant.*, I, 2.

⁶ Стих неизвестного автора.

⁷ Ссылка на начало диалога Платона «Федр».

⁸ Под девой-владычицей могут подразумеваться различные божества: Артемида, Афина и богородица — в зависимости от датировки сочинения и идентификации храма, в преддверии которого собрались спорящие.

друзьям или самим себе, безущербно для ближнего и не подтверждая лжи неправой клятвой, но мудро распоряжаться своими словами, быть осмотригельным и приятным в речах, а также всяческой рассудительности научает тебя Каласирид, приятный в беседе, мудрый в советах, что предпринять, избретательный при необоримых и жестоких поворотах судьбы. Он обучает тебя целомудрию, бежав от Родопиды, Кнемон — от беззаконной страсти Деменеты, больше же всех Феаген и Хариклия. Ведь юноша был целомудрен даже в общении со своей возлюбленной и, несмотря на заискивания и на удары бича, не уступил Арсаке, безумствовавшей от страсти. Целомудрие же Хариклии было до того строго, что даже во сне и в ночных грезах она отвергала близость с любимым⁹. Пусть послужат нам подлинным образом справедливости они, считающие богатство, добытое на войне, нечистым¹⁰, а не менее их Гидасп, благодаря отваге и счастьем одолевающий врагов, благодаря справедливости охраняющий своих подданных. Образец отваги — сама влюбленная чета: не укоряя друг друга, они и она подпали под власть судьбы, по духом не пали и не проявили ничего, свободно-рожденным не подобающего. Так эта книга представляет собой как бы наглядное изображение четырех главных добродетелей¹¹. Но она описывает и людей, ведущих заслуживающую укоризны жизнь, а также, естественно, выводит порок и показывает, в каком он приводит концу. Ведь повесть (кажется, буквы ее только что не говорят) вопиет о том, что если кто презирает справедливость и добывается не подобающего ему богатства или девушки, его ждут несчастья Трахина, Пелора и волопасов. А если строит козни против ближнего, пусть взглянет на Фисбу, на меч Фиамида, возненный ей в грудь, и на Кибелу, приговившую себе же самой яд, — исполняются слова Гесиода: Зло на себя замышляет, кто зло на другого замыслил¹².

А когда какая-нибудь женщина, осквернив супружеское ложе, захочет это скрыть, пусть вспомнит страсть Арсаки, приведшую ее к позорной смерти в петле; замышляющий зло своим господам — равным образом не избежит, как Ахемей, эфиопской стрелы¹³. Не будь неблагодарным, как Ороондат, чтобы не понести постыдного поражения. Но и терпя притеснения, продолжай любить и стойко переноси непостоянство судьбы, страдай вместе с Феагеном и Хариклией, чтобы дожидаться счастливого окончания бедствий.

Так рассуждение, облагораживая душу, ввело меня во врата повествования и, приподняв богатое одеяние девушки, которым она облеклась из-за злоумышлений недругов, обнаружило скрытый под ним священный хитон¹⁴. Но пора уже совлечь его и показать совершенную красоту.

Хариклия — символ души и украшающего ее разума. Ведь слава и прелесть — это и есть разум, сопряженный с душой. Но не только по этой причине сочетались в имени эти слова¹⁵, но потому, что душа сочетается с телом и составляет единую с ним сущность. Яснее ты увидишь это, сложив буквы имени, составляющие число 777¹⁶. Поскольку семь, согласно толкованию италийцев¹⁷, мистическое, девственное и священное число, с достаточным основанием имя сохраняет семерку в единицах, десятках и сотнях, обозначая при помощи семи сотен святяню и совершенство, при помощи семи десятков украшая тресупщность самой души четырьмя главными добродетелями. Ведь четыре десятка, сложенные с тремя, составляют семьдесят. Простая семерка обозначает тело, с которым сопряжен разум, обладающий при посредстве души нитью родами чувственного восприятия, материей и прообразом, из каковых он возник.

Хариклия рождена от эфиопов. Она выходит из мрака, как человек из темноты на свет, и попадает в эту жизнь, т. е. в Элладу. Ее воспитывает Харикл — воплощение деятельной жизни, наставляя поражать стрелой страсти, служить отваге и целомудрию, т. е. Артемиде. Артемиде ведь стреловержица и девственница. Пусть тебя не смущает, что имена у них общие: деятельная добродетель тоже присуща душе и дарует ей прелесть и славу.

Но когда Хариклия, покинув запряженную быками повозку, на которой прибыла, с зажженным светочем вступила в храм и увидела Феагена, она забывает обо всем и тайно принимает в свою душу любимого. Подумай, о чем говорит тебе эта загадка.

⁹ Hel., VI, 8.

¹⁰ Hel., V, 5.

¹¹ Четыре кардинальные добродетели — храбрость, мудрость, скромность и справедливость.

¹² Hes., Op. et dies, 265 (перевод В. Вересаева).

¹³ Hel., IX, 20.

¹⁴ Под богатым одеянием девушки автор имеет в виду первый смысл романа (риторически украшенное повествование о Феагене и Хариклии), а под священным хитоном — его второй, главный смысл, скрытый «из-за злоумышлений недругов», т. е. людей, не причастных к высшей мудрости.

¹⁵ Имя *Χαρίκλεια* составлено из слов *χάρις* «прелесть» и *κλέος* «слава».

¹⁶ Поскольку буквы греческого алфавита служили для обозначения цифр, сумма их в имени Хариклии равна 777: 600 + 1 + 100 + 10 + 20 + 30 + 5 + 10 + 1.

¹⁷ Италийцы — пифагорейцы.

Когда душа поднимается над своей материальной двойственностью, нам извне уделяется разум богопознания, подвигающий душу к созерцанию всего, что ему родственно, и душа ликует, видя это, а он берет светильник желания и вселяет в душу любовь к высшему познанию. Исполненная этой любовью, опьяненная целомудренным опынением и став, как говорят, одержимой любовью, душа отвергает привычное, пренебрегает телом и склоняет ум единственно к желанному. Так, притягиваемая желанным, она спешит обрести изначальное благородство и, доколе надменная и презирающая любовь, сама устремляется к Феагену; Артемида же не мешая похищению, но, видя, что ее служительница получила любовную рану, мирится с ним, а старец Каласирид, помогая ей словом и делом, ведет Хариклию к жениху. Этот человек, влекущий к благу и подвигающий душу к тайнам богопознания, станет ей наставником. Ведь он будет мудрым советчиком в том, что следует совершать, безопасно переправляя душу через пучину и житейские волны. Если станет злоумышлять Трахип, необузданное бупевание страстей¹⁸, прозорливость Каласирида воспрепятствует ему. Но слутником Хариклии в ее странствии он останется лишь до тех пор, пока она не минует Египта неведения. Когда же Хариклия счастливо избежит моря и обманет злоумышления разбойников, наставник ее покинет — в одиночестве душа наслаждается общением с желанным. Плотское же наслаждение, т. е. Арсака, будет строить против нее козни при пособничестве сводницы, чувственности, воплощенной в Кибеле, бременеющей стрелами для натиска, поражающей ими разум и увлекающей за собой созерцательные его способности, чтобы совратить мысль. Здесь-то пусть закаляется мужественная решимость и пусть вергнута будет в пещь искушений.

Камень пантарб уберезет Хариклию от поругания. Ведь пантарб — всестрах или всеужас — намекает на страх божий¹⁹; бог это и есть всё.

Если сводница нальет отравленный кубок обмана, тем вернее погибнет, и злодеи погубят сами себя. Кибела умрет, приготовив ядовитое зелье, а коварный замысел Арсаки расстроится, и она окончит жизнь в петле. Ахемена же, иными словами, злой умысел, сведет с ума печаль. Он покинет дом, а душа под надзором стражников отправится на свою родину и будет испытана на огне жертвенника, ведь огнем испытается дело каждого, каково оно есть²⁰.

ВВЕДЕНИЕ ИОАННА ЕВГЕНИКА К «ЭФИОПИКЕ»

Эта книга, удивительно изящно повествующая о Феагене и Хариклии, разделена на десять, то есть на совершенное число частей²¹, украшена множеством иных разнообразных достоинств и сверкает, подобно золотому, усыпанному благородными камнями, драгоценному венцу. Ведь она исполнена блеска находок и новизны мыслей, так что обилием суждений значительно превосходит сочинения, преследующие ту или иную пользу. Выдается она также достоинством речей действующих лиц, сочетанием образов, ритмом и отличается безукоризненным языком. Бесспорно, автор мудро внес в нее множество метких и полезных в жизни изречений, необходимых примеров, описаний главнейших стран и способов ведения войны. Кроме того, книга не лишена поэтических слов, иногда созвучных колонов и гомеотелевтов и всевозможных украшающих речь фигур. Все это употреблено кстати и к месту, поразительно умело, так что в увлечении она не жертвует и не пренебрегает торжественностью и строгостью слога, а его сладости и ясности излишне не отяжеляет, и они не выражены больше, чем следует. Напротив, изложение как по царской тропе идет между этими крайностями и всегда оказывается ровным и единообразным. Главное же, тем, кто не отличается наивностью, кто видит не только находящееся на поверхности и не следит страстно лишь за одним развитием повествования, но доходит до глубины смысла, до цели и назначения сочинения, книга показывает, что, несмотря на кажущуюся недостойность и ничтожность того, о чем рассказывается, несмотря на неблагородный и лишенный видимой пользы предмет, в ней заключен, цветет, отображается и присутствует священный хор главных добродетелей, их чудесный строй, связь и согласованность, прорастающая отсюда таинственная сладость и благовоение, точно от какого-нибудь прекрасного венка Харит, или, лучше сказать, изобилующего цветами и деревьями сада; присутствует и огромное звездное небо и великие стихии, составляющие и дивно украшающие разумную часть души, то есть неколебимость и величие мужества, прямодушие справедливости, а также святость и божественность скромности и совершен-

¹⁸ Имя Траχίτος возведено к прилагательному τραχός — «необузданный», «бурный».

¹⁹ В слове παντάρβη Филипп усматривает сочетание прилагательного τᾶς («весь») и существительного τάρβος («страх»).

²⁰ Paul., Ad Cor., I, 3, 13.

²¹ Согласно христианской мистике чисел, десять — число совершенства (F. Dölger. Die Sonne der Gerechtigkeit und das Schwarze. — «Liturgiegeschichtliche Forschungen», H. 2. Münster i. W., 1919, S. 91, Anm. 2; G. W. H. Lampe. A Patristic Lexicon. Oxford, 1961—1962, s. v. δέξα).

ство разума. Если же некоторым — а такие люди несомненно найдутся — это сочинение все же покажется бесполезным для тех, кто незрел годами, а скорее разумом, можно было бы с полной справедливостью сказать им, чтобы они отказались от своего суждения на том основании, что в Священное писание входит Песнь мудрого Соломона, таинственным языком описывающая божественного жениха и духовную невесту, запечатлевая слова, движения и мысли любящего святой и духовной любовью и не ведающей страсти возлюбленной. Так что да отступит хулящий и злорадный язык, без смысла ополчающийся на книгу и ее мудрого создателя. Пусть знает всякий любитель чтения, а также сочинений серьезных и богатых мыслью, что для всех думающих книга эта — источник пользы, наставница целомудрия и великодушия, зеркало законного и почетного брака, суровая обличительница всевозможной разнузданности и греховного наслаждения, как можно отчетливо понять из самого ее содержания.

Г. Г. ЛИТАВРИН

ВИЗАНТИЙСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ТРАКТАТ XI—XIV ВВ.

(по рукописи Cod. Plut. VII, 19 Библиотеки Лоренцо Медичи
во Флоренции)

ВВЕДЕНИЕ

В самом начале нашего столетия на одном из заседаний Императорского Общества любителей древней письменности византист Х. Лопарев сделал доклад о жизни Евпраксии (Добродей Мстиславны), внучки Владимира Мономаха, выданной в 20-х годах XII в. замуж за одного из представителей династии Комнинов. Тема, по-видимому, увлекала автора. Вскоре он получил возможность отправиться в Италию для продолжения своих ученых занятий и работал некоторое время в Библиотеке Лоренцо Медичи во Флоренции.

В результате занятий Лопарева в отделе рукописей Флорентийской библиотеки в 1902 г. в «Византийском временнике» появилась его сенсационная статья¹, в которой автор пытался доказать, что обнаруженное им медицинское сочинение на греческом языке принадлежало перу Евпраксии Мстиславны. Аргументация его сводилась к следующему: 1) имя Евпраксии в точном переводе на русский означает Добродей, т. е. та, которая славится «добрыми делами»; 2) согласно сообщению канониста XII в. Феодора Вальсамона, супруга Алексея Комнина занималась «магией и волхованием». Звали ее Зоя; 3) Дюканж считал, что Евпраксия Мстиславна получила при выходе замуж новое имя — Зоя; 4) в медицинском трактате есть киноварный заголовок — «Ἀλεξάνδρα τῆς κυρᾶς Ζωῆς βασιλίσσης», т. е. «Мази госпожи Зои-царицы»; 5) язык трактата, по мнению Лопарева, выдает негреческое происхождение писавшего на греческом автора.

Статья вызвала широкий отклик. Популяризаторы, считая вопрос решенным, поспешили оповестить о выводах Лопарева широкую публику. В «Новом времени» (№ 9895 за 1903 г.) вышла статья, подписанная инициалами В. Б., под заглавием: «Русская женщина-врач XII века», М. Н. Дитрих издал брошюру: «Русская женщина великокняжеского времени» (СПб., 1904).

Однако одновременно раздался и трезвые голоса: в «Byzantinische Zeitschrift» появилась заметка Э. Курца, в которой он поставил под сомнение вывод Лопарева (и Дюканжа), что византийская Зоя, о которой идет речь, была женой царевича Алексея Комнина, сына Иоанна II Комнина, и склонился к выводу, что она была супругой другого Алексея Комнина — сына севастократора Исаака Комнина (брата императора Алексея I Комнина), а следовательно, эта Зоя не имела никакого отношения, кроме дальнего родства по браку, к русской Евпраксии². Почти одновременно вышла в свет и большая критическая статья С. Пападимитриу, в которой была рассмотрена аргументация Лопарева³.

С. Пападимитриу показал, что: 1) имя «Добродей» как эквивалент греческого имени «Евпраксия» не может являться серьезным аргументом в пользу занятия медицинской этой женщиной; 2) Феодор Вальсамон говорит отнюдь не о том, что Зоя, жена Алексея Комнина, занималась «магией и волхованием», — это плод фантазии Лопарева. Вальсамон⁴ сообщает, что после того как Зоя серьезно заболела, «врачи

¹ Х. Лопарев. Брак Мстиславны. — ВВ, IX, 1902, стр. 418—445.

² ВЗ, XII, 1903, S. 686—687.

³ С. Пападимитриу. Брак русской княжны Добродей Мстиславны с греческим царевичем Алексеем Комнином. — ВВ, XI, 1904, стр. 73—98.

⁴ Ralles-Potles. Σύσταγμα τῶν θεῶν καὶ ἱερῶν κανόνων, IV. Athenes, 1853, σελ. 251—252.

отказались от ее лечения из-за противоречивости многообразных ее болезней», и тогда «некие чужеземцы, призванные излечить ее, страдающую будто бы от магии и волшебания», добились осуждения и наказания слуг Зои. Иными словами, согласно Вальсамону, не Зоя занималась магией, а сама она будто бы стала жертвой магических чар; 3) мнение Дюканжа о том, что именно Евпраксия (Добродея) стала именоваться Зоей в Византии, ничем не подкреплено, кроме того факта, что ее мужем был Алексей, а один из Алексеев Комнинов имел жену по имени Зоя. С. Пападимитриу подтвердил вывод Э. Курца, что та Зоя, о которой говорит Вальсамон, была женой не Алексея-царевича, сына императора Иоанна II Комнина, а женой Алексея — сына севастократора Исаака, брата Алексея I Комнина. Севастократор Исаак не был соправителем Алексея I и поэтому не мог именоваться «царем». Следовательно, ни его сын, ни жена сына Зоя, умирающая от «магических чар», не могли носить царственного титула. Таким образом, рассказ Вальсамона не имеет никакого отношения к Евпраксии, вышедшей замуж за Алексея-царевича; 4) киноварный заголовок «Мази госпожи Зои-царицы», как отметил С. Пападимитриу, ознакомившийся, по-видимому, с описанием рукописи А. М. Бандини, совершенно произвольно трактуется Х. Лопаревым как заглавие всего медицинского трактата, а не одного лишь рецепта, как его, скорее всего, следует толковать (к этому вопросу мы вернемся ниже, так как С. Пападимитриу не видел ни самой рукописи, ни ее фотокопии); 5) С. Пападимитриу обошел молчанием замечание Лопарева о филологических «несообразностях» рукописи отчасти по той же причине (он не видел самой рукописи), отчасти потому, что в первой статье Лопарев не развил своей филологической аргументации (он сделал это позднее, о чем мы скажем ниже).

Вслед за статьей С. Пападимитриу появилась новая заметка Э. Курца, в которой автор признал критику выводов Х. Лопарева убедительной и исчерпывающей⁵.

Однако Х. Лопарев не отказался от своей идеи. В 1905 г. он опубликовал новую статью⁶, где продолжал настаивать на прежнем выводе. Он более подробно изложил филологическую аргументацию и добавил еще один довод: в трактате рекомендуется во время холодов укрываться теплыми одеждами. По мнению Лопарева, совет подобного рода не мог дать византиец: этот совет уместен в устах как раз уроженки Руси⁷.

Х. Лопарев сызнова перебрал всех Зои-цариц византийской истории с IX по XII в. и пришел к выводу, что ни одна из них не подходит, кроме Зои-Евпраксии (Добродея)⁸. Отметим, однако, что чрезвычайно просто при этом разделялся Х. Лопарев с вопросом о Зое-императрице XI в., дочери Константина VIII, сбросив ее со счетов. Х. Лопарев пишет: «Зоя Константиновна, супруга имп. Романа II⁹, Михаила Пафлагона, Михаила Калафата¹⁰ и, наконец, Константина Мономаха, имела бурную жизнь, интриговала против своих мужей, занималась чарами, с намерением отравить некоторых из них, и умерла в 1050 г. в возрасте 72 лет. Это были чары с пресугнутой целью, далеко не входившие в область медицины»¹¹.

Лопарев, однако, не точен. Согласно сообщениям лично знавшего Зою Михаила Пселла и по данным Скилицы, Зоя была причастна к медицине. Скилица говорит о ходивших в то время слухах, что после того как Зоя вступила в тайную связь с Михаилом Пафлагонцем, ее муж, Роман III Аргир, «изведенный медленными ядами (φαρμάκος), горел в пламени мучительных болей, тогда как царица искала случая, без подозрений разделавшись с императором, возвести Михаила на царский трон»¹². В отравлении Романа III, как затем и в его убийстве, Зое помогал дядя Михаила Иоанн Орфанотроф¹³, которого впоследствии Зоя также пыталась отравить¹⁴. Слухи об отравительстве и «чародействе» возобновились и после смерти Михаила IV в декабре

⁵ ВЗ, XIV, 1905, S. 351.

⁶ Х. Лопарев. Русская княжна Евпраксия Мстиславна (XII в.) как вероятный автор медицинского сочинения — «Сборник в честь А. И. Соболевского». СПб. — М., 1905, стр. 1—14.

⁷ Там же, стр. 3. Довод, на наш взгляд, совершенно несостоятельный: пронизывающие холодные ветры с моря в Константинополе (и не только зимой, но и в марте — апреле) бывают столь чувствительны, что совет «укрываться потеплее» (тем более — в домах, которые не отапливались) вполне уместен и в устах византийского медика. Роман I Лакапин специально распорядился утеплить портики и галереи в столице, чтобы там по ночам могли спасаться от холодов бездомные.

⁸ Лопарев умалчивает при этом, что нам ничего не известно о том, получила ли Евпраксия в Византии имя Зои.

⁹ Лопарев ошибается: пужно Романа III.

¹⁰ Лопарев ошибается: Михаил V был не мужем, а приемным сыном Зои.

¹¹ Х. Лопарев. Русская княжна. . . , стр. 3.

¹² *Cedr.*, II, p. 505.1—5.

¹³ *Ibid.*, p. 504. 7—9.

¹⁴ *Ibid.*, p. 519. 12—20. Правда, яд на этот раз изготовляла не Зоя, а некий Константин Мукупелис.

1041 г.¹⁵ Сославший и постригший Зою ее приемный сын Михаил V писал в своем указе о посягательстве императрицы и на его жизнь¹⁶.

Все это было, однако, побочным «увлечением» знакомой с медициной царицы. В основном, согласно рассказу Пселла, она занималась изготовлением благовоний для религиозных воскурений и косметикой. Даже достигнув 70 лет, Зоя не имела морщин и поражала всех своей красотой. В ее покоях вечно варились разные травы и специи. Летом там стояла жара, которую могла выносить лишь она одна. Император Константин Мономах (против которого, кстати говоря, Зоя никогда не интриговала) беззлобно шутил над этим пристрастием императрицы, но ни в чем не мешал ей¹⁷.

По-видимому, один из косметических рецептов императрицы Зои приобрел большую популярность и удостоился включения в медицинский трактат.

После выхода второй статьи Х. Лопарева ни в отечественной, ни в зарубежной литературе вопрос о Зое (Евпраксии?) больше не поднимался. Лишь спустя полстолетия к нему вернулись снова. В 1951 г. появилась популярная статья В. А. Рыбакова, в которой без всяких оговорок были повторены выводы Лопарева¹⁸. Скоро к этой теме обратился и Институт истории медицины им. Семашко.

В сентябре 1954 г. в Риме и Солерно состоялся XIV Международный конгресс по истории медицины. Советская делегация, возглавляемая Б. Д. Петровым¹⁹, воспользовавшись пребыванием в Италии, получила микрофильм рукописи, содержащей интересующий нас медицинский трактат. В 1955 г. Институт имени Семашко, предоставив нам фотокопии листов 226 об.—268 рукописи, предложил перевести рукопись на русский язык для издания ее с медицинским комментарием. Работа была выполнена нами летом 1955 г. Однако по разным причинам перевод не увидел света и остался в архивах издательства. Лишь недавно из небольшой заметки, помещенной в «Работнице»²⁰, нам стало известно, что историки медицины в СССР не забыли о нашем медицинском трактате, хотя и продолжают опрометчиво связывать его с именем русской женщины XII в. Согласно этой заметке, Рижский музей истории медицины даже располагает портретом (судя по воспроизведению в «Работнице» — произведением едва ли более ранним, чем XVIII в.), на котором будто бы изображена Евпраксия-Зоя²¹.

То же самое о лечебнике «Алимма» внучки Владимира Мономаха Евпраксии повторил в 1969 г. специалист по лекарственным травмам А. И. Шрегер²².

Случилось и еще одно событие, которое побудило нас, наконец, опубликовать не известный специалистам памятник: несколько лет назад Библиотека имени Лоренцо Медичи жестоко пострадала от наводнения. Погибло немало ценнейших рукописей, в том числе греческих. Другие сильно пострадали. Так или иначе рукописный фонд библиотеки в настоящее время приводится в порядок и трудно доступен для советских исследователей.

Перейдем теперь к самой рукописи, о части которой мы можем судить по фотокопиям, а о всей — по описанию, сделанному в XVIII в. (Лопарев, к сожалению, не дал описания рукописи). Согласно описанию А. М. Бандини²³, рукопись *Plut. VII, Cod. XIX* представляет собой написанный в XIV в. на пергамене сборник, включающий 268 листов, исписанных — за исключением последнего листа — с обеих сторон. Содержание кодекса чрезвычайно разнообразно. Открывается рукопись анонимным сочинением под заголовком «Вопросы и ответы на священные темы», причем в некоторых из них задеты и вопросы медицины. Далее следуют: сочинения монаха Студийского монастыря Никиты, анонимное сочинение о душевных и телесных благах, диалог иеромонаха Иерофея против латинян, догматические сочинения св. Максима, св. Евлогия, епископа Александрийского, труд Никиты — хартофилака Никеи — о причинах отделения церкви Рима от Константинопольской, Никиты Сиды — о господнем воскресении 25 марта. Затем в рукопись включены письма Гипократа к царю Птолемею и анонимный перечень двенадцати доблестей в стихах. Все эти сочинения занимают лишь первые 70 листов рукописи. После них, между 70 и 73 листами, следуют аноним-

¹⁵ Ibid., p. 535.49—20.

¹⁶ Ibid., p. 537. 1—2. *Michel Psellos. Chronographie*, éd. E. Renaud, II. Paris, 1928, p. 100.10—14.

¹⁷ *Michel Psellos. Chronographie*, t. I, Paris, 1926, p. 148; II, p. 49.

¹⁸ В. А. Рыбаков. Первая русская женщина-медик. — «Фельдшер и акушерка», № 1, 1951.

¹⁹ В прочитанном на конгрессе во Флоренции докладе Б. Д. Петрова («Роль русских ученых в медицине»). М., 1954, стр. 8—9) о «Зое-Евпраксии» говорится как об авторе медицинского сочинения.

²⁰ Н. Григорьева. Киевская Добродейя. — «Работница», 1967, № 7, стр. 22.

²¹ Имя Добродейи-Евпраксии как первой известной русской женщины, посвятившей себя медицине, изредка мелькает и на страницах солидных специальных трудов (см. М. П. Мультановский. История медицины. М., 1961, стр. 100).

²² См. «Вокруг света», 1969, № 12, стр. 73.

²³ *Catalogus codicum manuseriptorum Bibliothecae Mediceae Laurentianae*, ed. A. M. Bandinius. Florentiae, 1764, p. 263—266.

ные догматические сочинения о страстях Христовых, о богородице-деве, толкования на псалмы Давида, сочинение монаха Стефана о святых таинствах, фрагменты труда Стильвы Кизического, объяснения к речам господним, к письмам к коринфянам и римлянам, профессию веры патриарха Григория.

С л. 73 и далее до конца в кодексе подобраны сочинения специального характера — труды на медицинскую тему: первым из них является сочинение известного медика XI в. Симеона Сифа «О свойствах различных видов пищи» с предисловием, в котором автор обращается к императору Михаилу VII Дуке (1071—1078); далее идут некоторые главы его труда «Подборка и обозрение учений физиков и философов» и трактат Сифа о болезнях и их лечении, написанный для Константина X (1059—1067). Затем следуют: трактат о терапии, составленный разными врачами по предложению императора Зинона (474—475), профилактические письма Диоклея к царю Антигону, сочинение Галена «О весе и мерах», небольшой анонимный труд о болезнях живота и кровотечениях и, наконец, также анонимная заметка о способах определения благоприятного и неблагоприятного исхода болезни. Эти медицинские сочинения занимают лл. 73—226 об.

Они охватывают период почти в тысячелетие — от Галена (II в. н. э.) до Симеона Сифа (XI в.). Бандини приводит оглавления (если они есть), первые слова каждого из упомянутых сочинений (с указанием листа) и последние слова, иногда сопровождая выписки переводом на латинский язык, иногда оставляя их без перевода.

Сочинения медицинского содержания занимают почти $\frac{3}{4}$ всего кодекса. Около пятой их части при этом приходится на ту долю сборника (лл. 226 об.—268), которая нас особенно интересует. Бандини рассматривал и эти листы не как одно сочинение, а как сборник, включавший 10 самостоятельных и принадлежавших разным авторам трудов. В конце каждого из этих отрывков Бандини неизменно оговаривает: *auctore anonimo* или *sine auctore, nullum auctoris nomen* и т. п.

Бандини делил эту часть рукописи таким образом: 1) лл. 226 об.—227 об.: «Мази. . . Зои-царицы»; 2) лл. 227 об.—228: «О движении и покое»; 3) лл. 228—230: «Об умеренности в пище, питье, сне и бодрствовании»; 4) лл. 230—231 об.: «Об управлении беременной и зародышем в ней»; 5) лл. 231 об.—232: «О благообразии тела»; 6) лл. 232—239: «О силе пищи и различных вкусов» (здесь Бандини оговаривает, что далее следует «другое», началом которого он считает отрывок «о катастате» (крахмале), а именно — часть о приготовлении сиропов из сахара и меда, о видах мяса, о молоке и масле, о рыбах, об ароматах, о болезнях полости рта и сердца); 7) лл. 239—239 об.: «Краткие выводы о мочев»; 8) лл. 239 об.—242: «О приготовлении различных видов *julabi*»; 9) лл. 242—267: «Сокровенное Галена»; 10) лл. 267—268: «Заменители Галена».

Достаточно сопоставить указанное деление рукописи на разделы с заголовками самой рукописи, как невольно приходишь к выводу, что группировка разделов, сделанная Бандини, выделявшим одни киноварные заголовки и пренебрегавшим другими, совершенно произвольна. Рукопись в данной ее части (лл. 226 об.—268) содержит не 10, а 36 киноварных заголовков, только некоторые из которых могут быть расценены как подзаголовки предыдущих. Причем только пять заголовков (как выделенных, так и не выделенных киноварью) содержат имена медиков. Все остальные разделы этой части рукописи анонимны, хотя в ней встречается до пяти замечаний от первого лица (см. стр. 270, 276, 285, 291).

Так, на л. 227 Бандини пропустил заголовок «О благорастворении воздуха», соединив этот отдел с предшествующим «Мази», хотя он выглядит вполне самостоятельным. Напротив, в особый раздел он выделил главы «О приготовлении различных видов *julabi*», но не сделал этого с разделами о приготовлении сиропов, о видах мяса, о молоке и масле, о рыбах, об ароматах, о болезнях полости рта и сердца, объединив все эти главы под одним заголовком: «О силе пищи и различных вкусов».

Не служил для Бандини руководством и формальный признак — простейший орнамент (вычерченные от руки вытянутые прямоугольники, между которыми поставлены значки, напоминающие конечную сигму), разделяющий некоторые главы. Этот орнамент повторяется только 4 раза, а не 8 или 10.

Иначе подходит к делению рукописи на части Х. Лопарев, совершенно пренебрегая делением, предложенным Бандини. Никак не аргументируя своих действий, он обрывает нашу рукопись на л. 239, где, по его мнению, кончается сочинение Зои. Х. Лопарев выделяет 29 глав на лл. 226 об.—239 и объединяет их в пять разделов, ориентируясь не только на киноварные заголовки, но и на содержание текста: 1) лл. 226 об.—230: «Гигиена вообще»; 2) лл. 230—232: «Гигиена брака, беременной и новорожденного»; 3) лл. 232—237 об.: «Гигиена питания»; 4) лл. 237 об.—238: «Наружные болезни»; 5) лл. 238—239: «Внутренние болезни».

Считая заголовок «Мази госпожи Зои-царицы» оглавлением всего сочинения, Лопарев аргументирует этот вывод лишь догадкой, что мази были наиболее популярным средством лечения (в том числе на Руси) в эпоху средневековья и потому могли служить как общее понятие средств лечения²⁴.

Но произвольно у Лопарева не только определение конца сочинения на л. 239, а определение и его начала на л. 226 об. Раздел «Мази госпожи Зои-царицы» в ру-

²⁴ Х. Лопарев. Русская княжна. . . , стр. 4—5.

кописи предстает не как название сколько-нибудь крупного раздела, а наименование лишь одного рецепта, занимающего всего пять с половиной строк. Ни внешний вид заголовка, ни содержание озаглавленного им текста не дают решительно никаких оснований приписывать ему большее значение, чем название одного рецепта. Далее в медицинском трактате приводятся рецепты Галена, Гишнократа, Логадия, Павла и других, но и в этих случаях у нас нет никаких оснований полагать, что весь последующий текст принадлежит перу этих медиков.

Прочитав ту часть рукописи, которая была в нашем распоряжении (в фотокопии), мы пришли к выводу, что перед нами сборник-лечебник, имевший практическое назначение — служить пособием для лечащего врача, своеобразная медицинская энциклопедия, частью, по-видимому, компилятивная, частью оригинальная (пусть решат это специалисты). Составил ее практикующий врач (о своем большом опыте он говорит сам на стр. 285), который не удерживается от собственных замечаний, оговаривая свои методы лечения, дающие, на его взгляд, не меньший эффект (см. стр. 276, 291).

Началом этого лечебника является отнюдь не заголовок «Мазь госпожи Зоидарицы», а текст на л. 225, следующий за сочинением Галена «О весах и мерах», — анонимный трактат о болезнях живота и кровотечениях, лишь последние строки которого засняты на том микрофильме, который привезен из Флоренции. Таким образом, по нашему убеждению, прилагаемый ниже перевод неполон — в нем не хватает текста трех страниц (л. 225—226 об. Помимо упомянутого отрывка о болезнях живота, там содержатся отрывок о способах определения исхода болезни и отрывок о том, чтобы больной не пренебрегал баней).

Не имея самого начала лечебника, мы даем его перевод с того места, которое так заинтересовало некогда Лопарева.

Прочитанные нами листы рукописи выдают одного и того же автора: один стиль изложения, та же манера преподнесения материала, сходные ремарки на протяжении всех 42 листов рукописи. Мы убеждены в том, что если бы Лопарев дал себе труд прочесть рукопись до последних листов, как и то, что предшествует «Мазям», он, может быть, не сделал бы вывода о принадлежности труда Евпраксии Мстиславне.

О палеографических особенностях рукописи ни Бандини, ни Лопарев не сказали ничего. Бандини лишь заметил, что кодекс XIV в. «написан разными почерками и весьма труден для чтения, содержит 268 листов»²⁵. Лопарев невольно согласился с выводом Бандини о трудности чтения рукописи — в нескольких отрывках, переведенных им, он оставил до 10 лакун, хотя текст в этих местах, правда, с трудом, но все-таки поддается прочтению.

Мы можем судить о рукописи лишь на основании фотокопий. Те листы, которыми мы располагали, за исключением последних двух (л. 267—268), написаны одним почерком. Тем же почерком написаны и л. 226—226 об. По-видимому, замечание Бандини о разных почерках относится к первой части рукописи, фотокопий которой мы не имели. Мы согласны с выводом Бандини, поддержанным Лопаревым²⁶, что рукопись следует отнести, очевидно, к XIV в.

Согласны мы и с тем, что рукопись очень трудна для чтения. В целом она сохранилась хорошо, но содержит великое множество аббревиатур, зачастую — весьма специфических и соответствующих лишь данному, специальному тексту. Кроме того, шрифтом рукописи весьма безграмотно. Явления итацизма (беспорядочного взаимного употребления ι , υ , η , $\epsilon\iota$, $\omicron\iota$) встречаются на каждом шагу. Также часты замены ϵ на α и наоборот, замена ω на \omicron и наоборот. Глаголы очень часто опускаются, особенно в рецептах.

Чтение затрудняется еще и тем обстоятельством, что вся рукопись написана на пергамене, с которого предварительно был смыт другой греческий текст. От него остались темные полосы — строки. Наши попытки прочесть хотя бы часть смытого текста на фотокопии не увенчались успехом. Видны лишь отдельные, большей частью заглавные, буквы. Но смытый текст загрязняет поле листа и в местах, где буквы нашей рукописи выцвели, сильно затрудняет чтение. Кроме того, кое-где рукопись пострадала от сырости: смыты или расплылись небольшие участки — некоторые из пятен охватывают иногда половину листа.

Рукопись обрывается на л. 268 словами «φοίνικος σπυρακος αλ. . .», что соответствует и ее описанию у Бандини²⁷. Последние два листа (267 и 268) написаны другой рукой, значительно более мелким почерком, с большим, чем это встречалось ранее, количеством аббревиатур; при этом исписаны и верхние, и нижние поля листов, оставленные на предшествующих листах пустыми. Создается впечатление, что писец, видя конец переписываемой им рукописи, поставил целью уместить оставшийся текст на этих листах, что ему, по всей вероятности, почти удалось.

Последний, 268 лист испорчен сыростью, верхние и нижние строки (по одной или по несколько), как, впрочем, и на л. 267—267 об., не попали в объектив фотоаппарата, так как были написаны на полях.

²⁵ Catalogus. . . , p. 226.

²⁶ Х. Лопарев. Брак Мстиславны. . . , стр. 438.

²⁷ Catalogus. . . , p. 266.

Переписывая рукопись, писец стремился скопировать ее наиболее точно, сохраняя даже то деление текста на строки, какое было в оригинале. Об этом свидетельствуют места рукописи, в которых писец вписывал пропущенные им строки оригинала (лл. 241 об. и 255 об.), стараясь и здесь добиться полного соответствия с переписываемой рукописью и пренебрегая удобствами, которые ему предоставлялись бы при свободном переписывании пропущенного текста.

Заголовки рукописи и прописные буквы слов, начинающих предложения, написаны кинноварью, которая местами сильно выпцвела и едва поддается прочтению (например, лл. 227 об., 228, 262 об., 263—264 об. и др.) или же совсем не поддается прочтению (см. лл. 261 об., 263 об. и др.).

Писец плохо представлял себе соотношение разных частей рукописи по степени важности каждой из них. Заголовки некоторых незначительных и подчиненных отрывков вписаны им тщательно, крупно и четко (см. лл. 231 об., 239 об. и др.) и, напротив, заголовки более крупных и важных разделов вписаны мелко, небрежно, сокращенно.

Х. Лопарев впервые перевел на русский язык несколько отрывков этой рукописи. В статье «Брак Мстиславны» он сообщил лишь 2-3 фразы и несколько терминов, в статье «Русская княжна Евпраксия Мстиславна...» он привел перевод заголовков 29 глав, пересказав содержание некоторых из них, и полностью — лишь перевод главы 11 («О том, как надо вести себя беременной, и о плоде в ней» — стр. 10—12) — листы 230—231 об. В целом чтение и перевод Х. Лопарева довольно точны. В 11 местах, впрочем, он отказывается давать перевод отдельных слов и выражений, не будучи, вероятно, уверен в верности их прочтения, и в ряде мест, которые мы оговариваем в подстрочных примечаниях к своему переводу, Х. Лопарев дает ошибочный перевод, неверно прочитав несколько слов.

Эти недостатки перевода Х. Лопарева, опытного палеографа и издателя, объясняются, скорее всего, спешкой и тем, что он не считал лл. 239—268 имеющими отношение к рукописи «Мази госпожи Зои-царицы», а именно палеографические особенности текста этой части рукописи помогают прочесть и первые листы рукописи.

Как мы упоминали выше, в последней статье, оставляя на втором плане доказательства чисто исторического характера, Лопарев сделал упор на аргументах лингвистических, указав на такие особенности рукописи, которые будто бы свидетельствуют не только о недостаточном знании литературного греческого языка автором трактата, но и о его негреческом происхождении. Примеры ошибок такого характера были приведены Х. Лопаревым в статье «Русская княжна Евпраксия». Указывая на двойственность согласовки: $\tau\acute{\alpha}\text{-}\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}$ и $\tau\acute{\alpha}\text{-}\acute{\epsilon}\iota\sigma\acute{\iota}$, Х. Лопарев пишет, что первая, т. е. верная, согласовка встречается на лл. 226 об.—239 только один раз, тогда как неверная (вторая) — пять раз. На самом же деле согласовок первого рода мы насчитали 8, а второго рода — 24. Не приводя этих и других примеров, сообщенных Лопаревым, мы лишь перечислим виды подмеченных им ошибок: употребление $\epsilon\acute{\iota}$ с конъюнктивом (подавляющее большинство случаев употребления); сочетание $\pi\rho\acute{\iota}\nu$ с конъюнктивом, а $\epsilon\omega\varsigma$ ($\mu\acute{\epsilon}\chi\rho\iota\varsigma$, $\acute{\alpha}\chi\rho\iota\varsigma$) $o\upsilon$ и с индикативом, и с конъюнктивом; уже упоминаемая нами двойственность согласовки — с явным предположением неправильной (вместо $\tau\acute{\alpha}\text{-}\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}$ — $\tau\acute{\alpha}\text{-}\acute{\epsilon}\iota\sigma\acute{\iota}$, вместо $o\acute{\iota}\text{-}\acute{\epsilon}\iota\sigma\acute{\iota}$ — $o\acute{\iota}\text{-}\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}$ и вместо $\acute{o}\text{-}\acute{\epsilon}\sigma\tau\acute{\iota}$ — $\acute{o}\text{-}\acute{\epsilon}\iota\sigma\acute{\iota}$); употребление двух винительных, вместо родительного с винительным; *nominativus absolutus*, неправильное чередование в сочетании фраз родительного с дательным, конъюнктива с индикативом, неожиданное (?) появление повелительных форм в 3-м лице, неправильный *asyndeton*, изменения окончаний одних и тех же слов в разных местах ($\sigma\acute{\alpha}\nu\delta\alpha\lambda\iota\varsigma$ — $\sigma\acute{\alpha}\nu\delta\acute{\alpha}\lambda\eta$; $\nu\acute{\alpha}\rho\delta\omega\upsilon$ — $\nu\acute{\alpha}\rho\delta\omega\upsilon$; $\theta\acute{\beta}\acute{\epsilon}\nu\nu\sigma\tau\acute{\iota}$ — $\theta\acute{\beta}\acute{\epsilon}\nu\nu\acute{\epsilon}\tau\acute{\iota}$; $\zeta\iota\nu\zeta\acute{\iota}\beta\alpha\rho\iota\varsigma$ — $\zeta\iota\nu\zeta\acute{\iota}\beta\epsilon\rho\iota\varsigma$ и др.), тройное написание *accusat. relat.*: $\phi\acute{o}\beta\epsilon\tau\acute{\iota}$ — $\phi\acute{o}\beta\iota\sigma\iota\nu$ — $\chi\alpha\tau\acute{\alpha}$ $\tau\acute{\eta}\nu$ $\phi\acute{o}\beta\iota\sigma\iota\nu$; вместо $\acute{\epsilon}\mu\epsilon\tau\omicron\varsigma$ — $\acute{\epsilon}\mu\epsilon\sigma\tau\omicron\varsigma$. Однако особенности такого характера присущи не только тем местам (лл. 227—239), которые Лопарев приписывал Зое, но и всем остальным листам до конца рукописи (лл. 239—268).

К сожалению, мы лишены возможности проверить, в какой мере подобного рода ошибки характерны для предшествующих «Мазям» листов сборника и характерны ли они для них вообще.

В том отрывке на л. 226 об., который заснят вместе с началом «Мазей», нам удалось обнаружить лишь один случай употребления $\epsilon\acute{\iota}$ с конъюнктивом ($\epsilon\acute{\iota}$ $\phi\alpha\gamma\acute{\eta}$) и необычную повелительную форму от $\epsilon\acute{\upsilon}\rho\iota\sigma\kappa\omicron\mu\alpha\iota$ — $\epsilon\acute{\upsilon}\rho\iota\varsigma$. Употребляется там и повелительная форма в 3-м лице — $\beta\acute{\alpha}\lambda\acute{\epsilon}\tau\omega$. Но этот отрывок слишком мал, чтобы можно было с уверенностью говорить о «странном» греческом только «Мазей» Зои, а не всего сборника в целом.

Решение этого сложного вопроса может быть значительно продвинуто вперед только в результате тщательного и весьма квалифицированного анализа рукописи со стороны ее лексики, стилистических, морфологических и фонетических особенностей. Настоящая заметка ни в коей мере не претендует на право называться подобным рода исследованием.

Из не отмеченных Лопаревым ошибок рукописи укажем еще некоторые: л. 228, 10 св. — $\acute{\epsilon}\chi$ $\tau\acute{o}\nu$ $\chi\upsilon\lambda\acute{o}\nu$, исправленное из $\acute{\epsilon}\chi$ $\tau\acute{\omega}\nu$ $\chi\upsilon\lambda\acute{o}\nu$ (вместо верного $\acute{\epsilon}\chi$ $\tau\acute{\omega}\nu$ $\chi\upsilon\lambda\acute{o}\nu$); л. 232, 13 св. — $\nu\acute{o}\sigma\sigma\omicron\nu$ вместо $\nu\acute{o}\sigma\sigma\omicron\nu$; 231 об., 1 св. — $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$ $\tau\omicron\upsilon$ $\sigma\acute{\alpha}\chi\alpha\rho$, а 232 об., 2 св. — $\mu\epsilon\tau\acute{\alpha}$ $\tau\omicron\upsilon$ $\sigma\acute{\alpha}\chi\alpha\rho\omicron\varsigma$; 231 об. — $\pi\lambda\acute{o}\nu\nu\omicron\nu$ $\acute{\upsilon}\delta\alpha\tau\alpha$ $\theta\epsilon\rho\mu\acute{o}$, а на л. 232, 16 св. $\lambda\omicron\upsilon\sigma\omicron\nu$ $\acute{\upsilon}\delta\alpha\tau\iota$ $\chi\lambda\iota\alpha\rho\acute{\omega}$;

233 об., 6 св. — ἔκ τε σάχαρ καὶ μέλιτος; 8 сн. — κινεῖ τὴν γαστέρα, а на л. 233, 2 сн. — κινεῖ τὴν γαστέρα.

На следующих листах (239—268), которые Лопарев не читал, ошибки, отмеченные им, встречаются так же часто. Кроме того, можно отметить еще такие неправильности: отнесенное Лопаревым чередование ζινζιβάρεως — ζινζιβέρεως встречается и далее (л. 240, 10 сн. — 240, 1 сн.), л. 241, 7 сн. ἐρίνιον (вместо ἐρίνειον), л. 242, 9 сн. ὀποπάνακος — л. 243, 9 сн. ὀποπάνακον, а на л. 246, 1 сн. — ὀπαπάνακος, а на л. 248, 9 сн. — ἀποπάνακος; л. 247 об., 11 сн. — κρόμα вместо κρόμμα; л. 250, 8 сн., κράμπος вместо κράμβης; л. 250 об., 1 сн. — кафоран вместо кафуран; л. 253, 9 сн. ἰλλορικῆς вместо ἰλλυρικῆς; 255 об., 3 св. — γλωτοί вместо γλουτοί; 256 об., 3 сн. и 262, 2 сн. — σέλω вместо σιάλου; л. 257, 1 сн. αἰγίδιος вместо αἰγιδίος; л. 248 об., 1 сн. ποφάρα вместо πορεύματα; л. 258 об., 16 сн. σήγχον вместо σόγγον; 259, 8 св. λιθαργάρου вместо λιθαργόρου; 264, 4 св. πρὸς λύκωμα вместо πρὸς λεύκωμα; л. 266, 5 св. ἰταίας вместо ἰτεία; л. 267, 5 сн. ὀποκυσίδος вместо ὀποκιστίδος; л. 263 об., 13 сн. σύν σουδίνω вместо σουτίω (σουσίω); л. 260, 4 сн. σαρξίφαγον вместо σαρκοφάγον. Примеры такого рода можно было бы умножить.

Кроме того, следует указать на преимущественное употребление ττ вместо σσ, на пренебрежение двойными согласными: μμ, νν, κκ, ττ, а иногда, напротив, неверное употребление сдвоенных согласных (νόσσον, πτισσάνη, κορίαννον, ἀλίκακάββου), смещение φ с π, γγ с νζ, γ с χ, μ с β, τ с δ, τ с σ; выпадение ν перед ζ и θ, σ — перед τ.

Следует отметить и такие фонетические особенности, как чередования:

α — ε ζινζιβάρεως — ζινζιβέρεως, σιάλον — σίελον
ι — ε ἐρίνιον — ἐρίνειον
ο — α ὀποπάνακος — ὀπαπάνακος — ἀποπάνακος
ο — ι ἀπαφρισμένον — ἀπίφρισμένον
ο — ου кафоран — кафουράν
ο — υ ἰλλορικῆς — ἰλλυρικῆς
η — ο σήγχος — σόγγος
α — υ λιθαργάρου — λιθαργόρου
υ — εϋ λύκωμα — λεύκωμα
αι — ει ἰταία — ἰτεία

Ошибки в употреблении гласных приходятся при этом как на случаи, когда на гласные падает ударение, так и на случаи, когда оно на них не падает (из приведенных выше примеров в 5 случаях из 10 ударение падает на неверно написанную гласную).

Ударения в большинстве случаев поставлены верно, но нередко они опущены, полный же произвол царит в постановке знаков придыхания, густое и легкое нередко не различаются в рукописи, бывают случаи постановки придыханий и внутри сложных слов.

Разнообразно и написание окончаний некоторых слов как в именительном, так и в косвенных падежах: ὕδατα θερμῶ и ὕδατι χλιαρῶ, κινεῖ τὴν γαστέρα и κινεῖ τὴν γαστέρα, κράμπος и κράμβης, κορίανη и κορίαννον.

Наконец, встречаются пропуски букв, слогов, лишние буквы, перестановка соседних букв. Суспенсия (усечение окончаний или их условное, сокращенное написание) весьма характерна для рукописи. Союзы, частицы, меры веса, жидкости и сыпучих тел, наиболее часто повторяющиеся названия лекарств, растений, артикли, цифры, данные прописью, указательные местоимения, предлоги и т. п. в большинстве своем написаны с помощью обычных для минускула конца XIII—XIV в. аббревиатур. Смелое употребление аббревиатур, их в целом выдержанная с начала до конца рукописи система, свободное сокращение медицинских и фармакологических терминов — все это находится в очевидном противоречии с безграмотностью письма. Автор или составитель трактата выступает как весьма сведущий в своей области человек, привыкший излагать мысли на бумаге, писец же малограмотен.

Тем не менее, едва ли возможно предположение, что отмеченные выше ошибки сделаны писцом именно этой рукописи. Почерк выдает опытного, квалифицированного мастера своего дела, набившего руку в переписывании огромных рукописей, поэтому предполагать в нем иностранца, сделавшего профессией переписку книг на чужом для себя языке, было бы более чем опрометчиво. Но мы полагаем, не менее опрометчиво сделанное Лопаревым заключение, что ошибки идут от оригинала, принадлежавшего перу автора, неграка по происхождению.

Наш медицинский трактат, по-видимому, пользовался популярностью среди медиков, уровень «словесной» образованности которых был самым различным. В руки нашего писца, по всей вероятности, попал список, подвергшийся до того неоднократным переписываниям и искажениям. Значительную часть отмеченных выше ошибок следует приписать обычным опускам в протографе писца данной рукописи. Сознвая ответственность своей работы, наш писец, как бы он ни был опытен, не рискнул бы вносить в медицинский текст поправки от себя: большинство буквенных ошибок, указанных выше, содержится в рецептах, в названиях специй и ароматов, многие из которых могли быть не известны писцу.

Что же касается отмеченных Лопаревым синтаксических особенностей стиля трактата, то они, кажется, не выходят за пределы византийского полукойнэ и отнюдь

не могут быть приписаны лишь иностранцу, писавшему на греческом. Например, двойственность согласовки и употребление *ei* с конъюнктивом и прочие «ошибки» в такой же мере свойственны рукописи «Советов и рассказов» Кекавмена — автора XI в., в какой они обычны и для данного манускрипта.

Мы полагаем, что и этот последний аргумент Лопарева (лингвистические особенности рукописи) не является убедительным доказательством ее принадлежности перу негрка.

Лечебник, сохранный рукописью Cod. Plut. VII, 19, представляет собой, по нашему мнению, памятник византийской культуры и с такой его атрибуцией заслуживает не меньшего внимания, чем любой другой неопубликованный памятник средневековой культуры.

Не нам судить об отраженном в публикуемом здесь трактате уровне развития медицины в Византии, но мы не можем удержаться от замечания, что этот памятник, видимо, подтверждает ту истину, которая в течение последней четверти века все чаще высказывается в научной литературе, а именно: вплоть до недавнего времени мы, по всей вероятности, излишне примитивизировали жизнь древнего и средневекового общества, принижали, кажется, порой и уровень знаний, достигнутый человеком в те эпохи. Укажем для иллюстрации этой мысли хотя бы на то место трактата, где говорится о своеобразном общем и местном «паркозе», применявшемся в византийской медицине при оперировании больных (см. стр. 283).

Внимание историка останавливают данные трактата о происхождении некоторых видов лекарственных растений, которые, видимо, можно было приобрести по крайней мере на константинопольском рынке (не забудем, что лечебник составлен практикующим врачом). В трактате упомянуты: Галлия, Италия, Иллирик, Армения, Сирия, Аравия, Финикия, Ливан, Эфиопия, Египет и Индия²⁸. Немало ценного содержит этот памятник и для уяснения некоторых деталей византийского быта. Любопытны сообщения о бытовой гигиене, о некоторых видах суеверий, распространенных, как видно, и среди образованных людей. Впрочем, примеров явных суеверий рукопись содержит сравнительно немного.

К сожалению, мы не обнаружили в трактате никаких достаточно надежных опор для датировки его написания или составления. Этот вопрос в полной мере может быть поставлен, по-видимому, лишь после детального анализа текста специалистами по истории медицины, в частности после сопоставления трактата с трудами византийских медиков: Аэция, Симеона Сифа и др. Мы оставляем этот вопрос открытым, ограничившись лишь двумя примерными ориентирами: за *terminus post quem* составления трактата мы принимаем упоминание об императрице Зое, т. е. середину XI в. (Зоя умерла в 1050 г.); в качестве *terminus ante quem* мы признаем вторую половину XIV в., поскольку все те, кто обращался до сих пор к этому памятнику, относили его — на основе данных палеографии — к XIV столетию.

Несколько слов о некоторых принципах публикации. В подавляющем большинстве случаев мы не оговариваем бесчисленных ошибок писца (приводя лишь отдельные из них в качестве примеров), как и всех дефектов рукописи (кляксы, помарки, выцветшие участки, подтеки и т. п.). По недостатку места не всегда говорим мы и о затруднениях при переводе некоторых мест (они отмечены нами в тексте трактата знаком «?»). В случаях, когда мы не были уверены в подыскании верного русского эквивалента для многозначных греческих терминов (особенно ботанических), мы приводим их в подстрочнике.

Будучи весьма далеки от специальных занятий в области истории медицины, фармакологии и ботаники, мы полностью отдаем себе отчет в том, что могли допустить (и, несомненно, допустили) какие-либо ошибки при переводе. Заканчивая этот отнюдь не легкий труд, мы сочли бы достаточной наградой для себя, если бы он побудил специалистов обратиться, наконец, к изучению этого памятника византийской культуры.

ВИЗАНТИЙСКИЙ МЕДИЦИНСКИЙ ТРАКТАТ XI—XIV ВВ.

- л. 226 **Мазь госпожи Зои-царицы**¹. Берется следующее: финики. .² давленные, слива
об. сочная, мягкий изюм, мягкий инжир³, луковицы лилии, которые, сварив с медом,
л. 227 искроши, а затем, соединив со всем, умянутым ранее, и все это одинаково//измельчив, добавь мирро и после этого пользуйся таким образом приготовленной мазью.

*О благорастворении*⁴ воздуха. Воздух течет с четырех сторон: с востока, с запада, с юга и с севера. С восточной стороны является тепло и сухость, с запада же — холод

²⁸ О доставке «ароматов» в середине XI в. в Константинополь из Египта и Индии пишет Иселл (II, р. 49,8—9).

¹ Полужирным шрифтом выделены слова, написанные киноварью. Курсив наш.

² Место, равное примерно половине строки, совершенно выцвело.

³ *ισχας, -αδος* — вообще «сушеные фрукты», часто — «сушеные смоквы», а также — *Euphorbia Arios* — вид молочая.

⁴ *εὐκράσις*.

и сухость, с юга — тепло и влажность, а с северной стороны — холод и влажность. Когда воздух чист, свободен от пыли или зловония и охлажден в начале и в конце дня, то душа в нем возрождается, получая силу и облегчение.

Время весны является теплым и влажным, лето же — теплое и сухое, осень — холодная и сухая, а зима — холодная и влажная. Весной следует двигаться и трудиться умеренно и стол иметь умеренный; остерегаться же следует солнечного тепла, так же как и летом. В это время года нужно больше двигаться и очищать тело от накопившихся излишков с помощью кровопускания и прочих средств.

Лето же в силу своей природы является теплым и сухим; оно неблагоприятно для тела, имеющего горячий темперамент, так как делает жидкими и возбуждает излишки, заставляя их гнить. Оно рассеивает и природное тепло и вредит также отравлениям. Нужно остерегаться теплоты солнца и не возбуждать и не утомлять тело, а нюхать благовония, имеющие холодную температуру, жить в самых прохладных местах, а из съедобного и напитков употреблять все, обладающее небольшой теплотой; мыться следует холодной водой после отравления пищи, содержащейся в желудке. Очистительные средства, кроме тех, которые очищают желудок, даются в это время года в избытке. Извергать же // [излишки пищи]⁵ следует сверху и только с помощью подходящих средств.

л. 227
об.

Осень является холодной и сухой по природе; она неблагоприятна для тела, возбуждает излишки, противные природе, и вызывает болезни, не полезна она вообще для тела человека, впрочем не очень вредит старикам. Не следует менять место и утомляться в это время года; нужно остерегаться перемен воздуха и худосочной пищи, меняющей температуру [тела]. В это время подобает [больше] двигать тело и очищать от отравлений и быть умеренным в приеме пищи. Остерегаться же следует печали и огорчения и разрешать себе все, что располагает душу. . .⁶ к удовольствию⁷.

Зима по природе своей является влажной и холодной; она накапливает излишки и стужает их. Случается, однако, что тело выздоравливает в это время года и укрепляется, и отравления усиливаются, и аппетит к еде хорош. Нельзя допускать, чтобы [в это время года] тело волновалось посредством очищающих средств, кроме случаев крайней необходимости; остерегаться же следует холодного воздуха, жить в домах самых теплых и укрываться согревающими одеждами. Нюхать же нужно теплые благовония, как, например, муску, амбру, *Aquilaria malaccensis*⁸, гвоздику, стиракс⁹, ладан и все подобное этому. Есть же следует самое теплое: из плодов, например, орехи, фундук, сосновые шишки¹⁰; употреблять неразбавленное вино и мед, а из мясного — то, что имеет теплую температуру и молодое.

О движении и покое. Умеренное движение полезно телу: оно уничтожает излишки, возбуждает аппетит, усиливает отравления. Более всего движение бывает необходимо в начале // дня, прежде чем человек почувствует голод и жажду. Когда же настанет день и естество будет нуждаться в пище, нужно передвигаться или утомляться, а также есть, пить и отдыхать умеренно вплоть до того времени, пока пища не отправлена и живот не облегчен. И если это происходит, то укрепляется душа и усиливаются члены, причем изгоняются и излишки; если же этого не случается, душа не укрепляется, члены остаются бессильными и излишки накапливаются в теле.

л. 228

Нужно остерегаться утомительного движения в состоянии голода и жажды точно так же, как и в состоянии сытости. Остерегаться следует и холодного воздуха и мороза. Вынужденный ходить по морозу пусть намажет лицо и руки и само тело измельченным орехом, перцем и салом, либо маслом из лилий или нарцисса¹¹, либо чем-либо подобным. Если придется опять-таки ходить летом по жаре, под солнечным зноем, пусть сделает мазь из сока трагаканфа¹², растворенного в выжимке из тыквы, добавит в это ячменной муки и розового масла, намажет лицо, руки и все тело. И пусть ест прохладительные фрукты.

Об умеренности в еде и питье, в сне и бодрствовании. Съеденная пища переваривается в трех местах тела. А именно: первое отравление происходит в желудке,

⁵ В квадратные скобки заключены слова, отсутствующие в рукописи.

⁶ Не поддается прочтению одно слово.

⁷ Против этой строки на полях поставлен крестик киноварью.

⁸ ξυλαλόη = ἀγάλοχον.

⁹ στίραξ — *Styrax officinalis* — растение, дающее ароматическую смолу.

¹⁰ στρόβιλοι. Специальное пояснение этого термина есть у Симеона Сифа (*Simeon Sethus*. Syntagma de alimentorum facultatibus, ed. B. Langkavel. Lipsiae, 1868, p. 51).

¹¹ Согласно Жансельму (*E. Jeanselme*. Sur un aide-mémoire de thérapeutique byzantin contenu dans un manuscrit de la Bibliothèque Nationale de Paris (Supplement Grec 764). Traduction, notes et commentaires. — «Mélanges Charles Diehl», I. Paris, 1930, p. 149), ζαμβάκιν (ζάμβακα) — бузина.

¹² τραγάκανθα — *Astragalus Parnassi* et creticus — камель астрагала; *Astragalus Piletocladus* или *Astragalus tragacantha* [Абу-али Ибн-Сина (Авиценна). Канон врачебной науки, кн. II. Ташкент, 1956 (далее: Канон, II), стр. 756]; «козий» аканф, астрагал критский [Феофраст. Исследования о растениях. Перевод с древнегреческого и примечания М. Е. Сергиенко. М.—Л., 1954, стр. 546 (далее: Феофр.)].

второе — в печени, а третье происходит и оканчивается во всех членах, сколько их
л. 282 есть в теле. Не нужно принимать пищу // вплоть до того времени, пока не исполнится
об. первое и пока это отправление не завершится, не облегчится от него желудок и не
появится, наконец, аппетит. Тогда нужно принимать пищу.

Сначала следует принимать все самое легкое из пищи, всякие увлажняющие
фрукты, затем есть добрую свежую рыбу и легкое и молодое мясо, а после всего этого
следует принимать тучную по природе и жесткую пищу, как, например, говядину и
мясо, жареное на огне: утиное, гусиное, журавлиное, павлинье и всякое, подобное
этому.

Вино же следует пить в середине еды, а лучше всего выпить вино после еды.
Впрочем хорошо попивать вино во время еды — столько, сколько необходимо для
увлажнения пищи в желудке и для прекращения жажды, чтобы не случилось горения
и засыхания пищи в желудке. После окончания приема пищи пусть выпьет вина,
сколько необходимо.

После еды нужно передвигать и утомлять [тело] умеренно, чтобы пища спусти-
лась в нижнюю часть живота, где происходит отправление пищи, и после этого нахо-
диться в покое, пока пища не получит отправления. Если же время летнее и стоит
жара, то пусть поспит умеренно. . . ¹³ тела, так как в это самое время сон помогает
л. 229 в отравлении пищи и укрепляет // члены тела и душу. Когда же пробудится, пусть
об. выпьет ароматное вино, смешанное с водой; если же есть у него обыкновение ужинать,
пусть поужинает.

После опорожнения желудка от еды пусть пища будет менее обильной и более
легкой; лучше всего, если и после того, как поужинает, присядет и отдохнет, а затем
пусть дает телу работу в умеренном и легком движении. И когда будет ложиться спать,
то, если молод и имеет горячий темперамент, пусть примет айву и кушанье, пригото-
вленное из яблок с сандалом, розами, гвоздикой, корицей и нардом; если же имеет
холодный темперамент, пусть примет [кушанье], приготовленное с тмином ¹⁴, и так
заснет.

Если же он потеряет аппетит к пище, пусть принимает натошак по утрам розовый
мед, смешанный с *Aquilaria malaccensis*, гвоздикой и нардом. И после закуски пусть
отведает. . . ¹⁵. Принимать это нужно тогда, когда потеря аппетита происходит от
флегмы или от излишков черного сока в желудке.

Если же кого-либо станет тошнить в свойственных [для него] случаях рвоты и
он окажется неспособным сделать этого из-за крепости желудка, то совершенно не
нужно как бы то ни было принуждать его к рвоте, так как это очень вредит деятель-
ным силам природы и вызывает головную боль и бессилие желудка. Опорожнение
снизу, происходящее само собою и естественное, // является предпочтительным и по-
лезным, поскольку не влечет ни бессилия, ни истощения тела, ни потери аппетита
к пище. Если же случается упомянутое ранее страдание от частого опорожнения
л. 229 [желудка], нужно устранять его и прекращать посредством лечения.
об.

Что же касается пота, то и он является полезным и сообщает выносливость ¹⁶,
когда бывает умеренным. Если же пот прекращается ввиду тучных излишков и от
перемены привычного образа жизни, нужно возбуждать его умеренным утомлением
и движением тела посредством купания в бане и посредством вареных лекарственных
трав, например майорана ¹⁷, кошачьей мяты и ромашки. Когда все это сварено в воде,
пусть он натрет все тело с помощью грубого полотна и после этого моется; возбуждает
это обильный пот.

Выделение мочи очищает кровь в венах и артериях от излишков. Нужно, следо-
вательно, вызывать также и ее, если она исчезает, с помощью мочегонных средств,
как, например, сока мочегонных семян «варварского ревеня» и всего, подобного этому.

Что касается бани, то она весьма оберегает здоровье и укрепляет тело. Мыться
нужно натошак, прежде чем явится голод и аппетит. Опасным является промедление
в бане. Однако тот, кто является влажным по темпераменту и имеет тучные и липкие
излишки, пусть сидит в бане до тех пор, пока не выступит пот. Не следует его смы-
вать, // пока не наступит облегчение тела. Пусть натрет [затем] все тело мукой из лу-
пина, смешанной с корнем куркумы ¹⁸, сухой кожурой цитруса, измельченными
л. 230 листьями розмарина и всем, подобным этому.

Тот же, кто горяч и сух по темпераменту, пусть моется пресной водой и пусть
натрет все тело дынями, выжимками тыквы и бобовой мукой, в которую примешаны
сухие измельченные розы и мирты или что-нибудь, подобное этому. Нехорошо пить
холодную воду в бане. Ведь она охлаждает все тело; многократное питье холодной

¹³ Одно слово из 5—6 букв осталось непрочитанным.

¹⁴ По Теофрасту, *κρίνον* — *Cimicium suminum* L. — кмин посевной.

¹⁵ *ἐκ τοῦ σκολιτικοῦ?*

¹⁶ *εὐφορία* — также: плодородие.

¹⁷ *ἀμψύχων* = *ἀμψύχων* — негреч. название майорана (*ἀμάρωνος*) — *Origanum maiorana*.

¹⁸ *κίπερος* = *κίπερον* = *κίπερις* = *κίπερος* = *κίπερον* = *κίπερις* — также: *cyperus longus* и *cyperus rotundus* (сыть длинная и сыть круглая — Теофр., стр. 578.)

воды в бане вызывает водянку и иные страдания. Потребление холодной воды пусть будет вне бани.

Умеренное сношение очень облегчает тело и укрепляет природу. Когда же кто излишествует более, чем требует природа, оно расслабляет все тело и порождает величайшие и тяжкие болезни, причиняет вред и зрению; если же воздерживается от сношения нуждающийся в нем, у него возникает тяжесть внутри членов. Вред от этого велик.

О присмотре за беременной женщиной и ее плодом¹⁹. Когда зачат женщина во чреве ее, случится у нее потеря аппетита к пище и она пожелает грубой²⁰ пищи, как, например, солений и подобного этому, нужно, чтобы она сама оберегалась утомления и избегала подъемов на возвышенные места и спусков. Пусть она принимает [кушанье], приготовленное из яблок // с сахаром, сандалом, розами, гвоздикой и ста- л. 230
хисом²¹. **06.**

Ест же она пусть легкие²² виды мяса, например мясо козлят, молодых кур, молодую баранину, рыбу свежую и тучную²³, а из плодов — айву, яблоки²⁴, груши, гранаты.

Мыться ей следует в ваннах с умеренной температурой. . . ²⁵; спит же она пусть сном долгим²⁶ в постели. . . ²⁷ мягкой, цвет же пусть после еды ароматное вино, смешанное с водой, и пусть мажет бедра и колени розовым маслом с мастикой²⁸ и нардом и воздерживается от чеснока и лука (и от репчатого лука, и от лука-порея²⁹, от сельдерея³⁰, от соленой рыбы, от старого сыра³¹ и от чечевицы. И пусть бережется печалей и беспокойства. Пусть поухает благовония.

Когда же придет время родов, пусть она намажет живот и низ живота маслом из лилии и нарциссов³², смешанным с ладаном и стираксом. Если же роженица молода и имеет горячий темперамент, то пусть намажется маслом из левкоев³³ и белым воском и пусть моется в банях с умеренной температурой.

Ест же она пусть пищу нежную и скоромную³⁴ и яйца свежие, а воздерживается от жареного мяса³⁵. Пусть движет тело умеренно в начале дня, прежде чем отведала пищи, с тем, чтобы плод опустился в низ живота в . . . более. . . часть³⁶.

// Когда же придет время родов, пусть она намажет низ живота и живот маслом л. 231
из ромашек и пьет бульон из цыплят.

О присмотре за ребенком и кормящей грудью³⁷. Нужно, чтобы повитуха была опытной, имеющей знание членов тела и легкость руки в составлении и выпрямлении всех членов тела, особенно в выпрямлении головы и лба³⁸ и в выпрямлении носа, а также имеющей опыт в пеленании.

Если же у младенца явится бессоница и сильная крикливость, пусть ему дадут через 40 дней после его рождения порошок, приготовленный из скорлунок фисташек

¹⁹ Этот отрывок (окончание л. 230 до начала л. 231 об.) был переведен Х. Лопаревым («Русская книжна. . .», стр. 10—12). Заголовок отрывка: *Περὶ κυβερνήσεως ἐγκύου καὶ τοῦ ἐν αὐτῇ ἐμβρύου* — Лопарев перевел — «О том, как надо вести себя беременной, и о плоде в ней». Перевод Бандини (ор. cit., p. 265): «De moderamine gravidæ et embryonis» («Об управлении беременной и эмбрионом»).
²⁰ ἐσχυρὼν в м. αἰσχυρῶν. Лопарев переводит: «постыдной».

²¹ στάχυς — ароматическое дерево, растущее в Азии, индийский нард.

²² ἐλαφρότερα τῶν κρεῶν. Лопарев перевел: «очень крепкое мясо».

²³ Слово εὐσάρκους в переводе Лопарева не передано.

²⁴ μῖλα в м. μῖλα. Начиная с этого слова до слова ῥόδια (= новогреч. ῥῶδι — «гранаты») текст остался не прочитанным Лопаревым; последнее слово он перевел как «розовое».

²⁵ Текст испорчен: смыто слово из 4-5 букв.

²⁶ Лопарев переводит: «пусть спит небольшим сном», прочитав, очевидно, не μακροῦς, а μικροῦς.

²⁷ Лакуна — смыто слово из 4-5 букв.

²⁸ μαστίχα — Pistacia Lentiscus — мастиковое дерево.

²⁹ καὶ κρόμμυον, καὶ καυλῶν, καὶ πράσον. Перевод Лопарева: «от лука, стеблей, особого сорта лука». Πράσον — Laminaria saccharina — ламинария сахаристая, а также: Posidonia oceania — сидония океанская (Феофра., стр. 567).

³⁰ σέλῆρον (в м. σέλιον) — Лопарев оставляет без перевода. Согласно Феофрасту (стр. 572), Ἀρίον graveolens — сельдерей обыкновенный, петрушка. Жансельм предполагает — «пион» (Jeans., p. 151).

³¹ τυροῦ. У Лопарева не прочитано.

³² ζάμβακος. У Лопарева: замбика /?/. См. прим. 11, к стр. 257.

³³ βιολάτον — от βιόλα — также: фиалка-ιον.

³⁴ ἀρτυρία (ἐδέσματα) — скоромная (пища). Лопарев переводит: «приготовленные».

³⁵ ὀπτῶν κρεῶν. У Лопарева: «вареного мяса».

³⁶ Текст в конце этой фразы сильно испорчен, смыт.

³⁷ Περὶ κυβερνήσεως θηλάζοντα καὶ τῆς θηλάζουσας. Перевод Лопарева: «О том, как вести себя кормилице».

³⁸ μετώπου. Лопарев переводит: «затылка».

и сухарей (доза пусть будет с драхму³⁹ размером) в смеси с женским молоком. Нужно, чтобы кормящая грудью была молодой, упитанной⁴⁰, имеющей среднее тело, не тучное и не тощее, ни недуга, ни болезни какой-нибудь не имеющей в своем теле, но дающей очень белое, ароматное молоко.

Пусть она воздерживается от всякой пищи, вызывающей газы, как, например, бобовые овощи, и от охлаждающих овощей. Пусть будет ее пищей баранье мясо, однолетнее и от оскопленного [барана] и куриное, мясо козлят, а из овощей пусть ест укроп, индикий⁴¹, спаржу⁴² и «воловои языки»⁴³; из фруктов же пусть ест гранаты, айву, яблоки⁴⁴ и виноград. Пусть моется через три дня.

После того как ребенку исполнится два года, нужно двигать его умеренно; когда же у него начнется рост зубов, пусть ему намажут места вырастания зубов маслом из левкоев⁴⁵ и воском // белым или пусть натрут животным маслом, чистым и свежим, об. смешанным с сахаром.

Нужно также беречь его грудь и шею от катарров, нисходящих из головы. Если же случится с ним это самое страдание, пусть ему лечат небо чистым медом с имбирем или с *Boswellia Carterii*⁴⁶, или с мускусом⁴⁷. И пусть он шюкает стиракс или костос⁴⁸, или что-нибудь подобное.

О благообразии тела. Если выпадают волосы головы, нужно мазать ее такой мазью: [возьми] по одной литре⁴⁹ свежих миртов и свежих листьев ситника⁵⁰; все это, растерев, вари в пяти литрах воды на слабом огне, пока не испарится половина, и, отжав листья, выбрось их; в воду же добавь одну литру розового масла и снова кипятя на медленном огне, пока не испарится вода и не останется масло. Примешай в него ладана и . . .⁵¹, который называется калган⁵², по одной унции⁵³ и всем этим хорошо натри голову.

Если на лице появятся морщины, то, взяв костоса половину унции, камеди⁵⁴ четверть унции, сухих корок дынь четверть унции и все это хорошо растерев, раствори в уксусе и намажь лицо, а на второй день умой лицо с мукой из пуга⁵⁵ или с чечевичной мукой.

Если же хочешь сделать волосы черными, намажь их соком анемона⁵⁶ и на третий день вымой теплой водой. Перхоть же, имеющуюся в голове, удаляет стекло, истолченное до состояния, пока // оно не станет очень мелким и не окажется подобным дорожной пыли. Затем влей в него сок свеклы и тщательно вымой голову.

Если огонь поразит тело в каком-либо месте, положи на него сухих миртов, измельченных с розовым маслом и белым воском.

Если хочешь сделать волосы белокурыми, то, взяв измельченный осадок кипяченого вина, примешай в него смолы сосновых шишек в размере половины осадка, раствори все это в розовом масле и намажь волосы, а на третий день вымой их в бане.

³⁹ δραχμή — здесь единица веса — 3,4 г.

⁴⁰ εὐσαρκον. Лопарев не прочел этого слова и здесь.

⁴¹ ἰνδίκια — вид перца или имбиря, также: *Indigofera tinctoria* — индиго.

⁴² Слова: μάλαθρα — укроп, ἰνδίκια — вид перца и ἀσπαράγος (ἀσπαράγος) — спаржа — не прочитаны Лопаревым.

⁴³ буглосс — *Anchusa italica* Retz. или *Anchusa tinctoria* L. — воловик (Канон, II, стр. 338).

⁴⁴ μήλα пропущено Лопаревым при переводе (на л. 230 об. он пропустил это же слово).

⁴⁵ βιολάτου — не прочитано Лопаревым.

⁴⁶ λίβανος — также: ладан, но в рукописи в таком значении употребляется слово λάδανος; поэтому λίβανος оставляем без перевода.

⁴⁷ У Лопарева: «[нужно] пользоваться небом чистым, инбирью, или ливаном, или мосхом».

⁴⁸ κόστος — *Costus arabicus*, а также: *Saussurea lappa* — ароматическое растение, у Лопарева — «душистый перец».

⁴⁹ λίτρα — здесь мера веса (фунт) = 327 г.

⁵⁰ σχοίνος — также: «тростник» и спец.: *Cymbopogon Schoenanthus* — «верблюжье сено».

⁵¹ σουκ' — σουκον (?)

⁵² γάλλαγα — видимо, γάλαγα — *Alpinia galanga* Wild. и officinarum — вид укропа, галанга (Канон, II, стр. 722), также — сыть длинная. Но может быть, искаженное τὸ γάλλι — «смолистый пластырь», «мазь из смолы для волос»?

⁵³ οὐγγία — мера веса = 27,3 г.

⁵⁴ κόμης (κόμης) — смола, добываемая из *Acacia arabica*.

⁵⁵ ἐρεβινθίνου — от ἐρεβίνθος — *Cicer arietinum* — нут (*Феофр.*, стр. 560); также: «турецкий горошек». Согласно Е. Э. Лишиц [«Геопоники, византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века». Введение, перевод и комментарий Е. Э. Лишиц. М., 1960, стр. 316 (далее: Геоп)], это также *Pisum sativum* — обычный горох.

⁵⁶ ἀνεμώνη — ветреница (*Феофр.*, стр. 530).

При морщинах на лице полезны семена редьки ⁵⁷ с горьким миндалем, растворенные в старом вине. Полезны они также и при лишаях на теле.

Если случится рожистое воспаление на теле, лечи сначала болезнь кровопусканием, затем дай ему питье отвар из слив и изюма с сахаром, мой его тепловатой водой, пока он не вспотеет, и после этого намажь его тело розовым маслом, смешанным с уксусом.

О свойствах пицци и различии вкусов. По вкусу продукты делятся на восемь групп: на сладкое, горькое, соленое, острое, жирное, вяжущее, безвкусное и имеющее вкус (?)

Сладкое по вкусу является теплым и влажным; оно подходит для имеющих умеренный темперамент, у которых в изобилии добрая кровь. У людей же, имеющих тело горячее, сухое и желчное, оно превращается в желтую желчь. Всякий плод, влажный и сладкий, имеет меньшую теплоту и сладость. Сухой же плод обладает большей теплотой и сухостью.

Относительно всякой плоти, // пицци и питья: насколько изобилует в них сладость, л. 232 об.

Горькое обладает большей теплотой и сухостью по сравнению со сладким и не подходит людям, имеющим тело горячее и сухое. Горькое разжижает флегму и растворяет ее, смягчает тяжелые и холодные соки, подходит тем, кто имеет тело холодное и влажное.

Соленое является теплым и сухим и не подходит для имеющих тело горячее и сухое, вызывает жажду и невоздержанность в еде, уничтожает флегму, устраняет из желудка тучные излишки и все сгнившее.

То, что имеет жгучую силу в своем вкусе (таковы перец, пирефрон ⁵⁸, лук, чеснок), также обладает величайшим теплом и причиняет вред сухим и горячим телам; запах их вызывает головную боль, они делают жидкой кровь. Нужно, чтобы их употребляли люди, имеющие холодное и влажное тело, и особенно в холодные и влажные времена года. [Эти продукты] удаляют тучность и влажность из желудка и кишок.

Жирное имеет умеренную теплоту и влажность, подходит оно людям, имеющим горячий и сухой темперамент, но является неблагоприятным для имеющих слабый и рыхлый желудок, так как влечет потерю аппетита и нарушает отправления. Подходит оно, однако, для больных дизентерией и имеющих сухой темперамент.

Кислое является сухим и холодным, пригодно для имеющих горячий темперамент, укрепляет // желудок, располагает его к аппетиту, прекращает его страдания, усиливает деятельность и успокаивает жажду. Кислое является вредным для имеющих темперамент и тело холодные; оно ослабляет нервы ⁵⁹ и наносит им вред. Уксус же благодаря своей природной сухости, которой он обладает, уничтожает, изгоняет и растворяет влажность. л. 233

Вяжущее, какова, например, клещевина ⁶⁰ и все, подобное ей, обладает холодной и влажной природой; подходит для людей, имеющих влажный темперамент, но приносит вред имеющим сухое тело. Подходит для имеющих от обильной влажности рыхлые нервы желудка; приносит пользу, когда страдает низ живота.

Имеющее же меньшую терпкость, каковы айва, груши, яблоки и все, подобное им, имеет умеренную силу и воздействие на укрепление желудка, живота и печени и на аппетит к пище. Съеденное перед едой, оно подавляет природу, а съеденное после еды, — возбуждает ее.

Вкус же, не дающий определенного ощущения, каковы белок яйца, хмель ⁶¹ и все, подобное этому, является холодным и влажным, быстрее другого превращается во влажность, подходит для имеющих горячий и сухой темперамент тела.

О крахмале ⁶². Крахмал — холодный и влажный, смягчает грудь и шею, когда сварен с тертым миндалем и сахаром; полезен он и при дизентерии.

Отруби же имеют горячую природу, а кашлица ⁶³, приготовленная // из них, л. 233 об.

⁵⁷ ῥέφανος — ῥάφανος. Мы не уверены в переводе этого слова, которое может означать также: капуста (Brassica cretica. — См. Феосфр., стр. 362), редиска, хрен, полевая горчица [ῥάφανος (ῥεφανίος) ἀγρία — Raphanus raphanistrum], клубневый молочай (Euphorbia Apios) и просто «молочай» (см. Феосфр., стр. 558). Словом «капуста» мы переводим только термин κραιβή, так как на стр. 291 идет речь о том, что ῥάφανος нужно очищать от «кожуры» (φύλλον), а это слово (φύλλον) означает обычно кожуру цитрусов (стр. 258), дынь (стр. 260), гранатов (стр. 264), корней (стр. 265) и даже скорлупу фисташек (стр. 259), но никак не «кожуру» капусты.

⁵⁸ πύρεθρον — Ancylus Pyrethrum — вид стенияцы, жигунец, слюногонка, также: балдариан.

⁵⁹ νεύρα — также: сухожилия.

⁶⁰ κηρίδι — также: чернильный орешек, галл.

⁶¹ τὰ φύλλα — хмель, но τὸ φύλλον — также: βρωνία — Mercurialis perennis. Имеет также значения: листовидное семя сильфия, вид ароматной травы, белый татарник, чертополох ланцетовидный, «собачья смерть» (Геоп., стр. 333).

⁶² καταστάτον — также: торт, лепешка, кекс.

⁶³ τὸ ῥόφημα — также: овсяная каша.

Сок ячменя, называемый птисана⁶⁴, полезен при острых лихорадках, успокаивает жар, прекращает жажду и помогает при всяком страдании, возникающем в груди.

О приготовлении сиропа⁶⁵ из сахара и меда и о пользе от него. Острый мед является холодным и сухим; он уничтожает и разжижает излишки, успокаивает желтую желчь, смягчает жар и растворяет флегму, но вредит имеющим слабые нервы и больным дизентерией. Весьма полезен при хронических лихорадках, при жаре и засорении⁶⁶ печени и селезенки. Он вызывает также аппетит и полезен в смертоносные времена⁶⁷. Сладкий сироп прекращает жар, гасит силу воспаления, смягчает жар желудка и прекращает страдание головы.

Сироп из роз является холодным, устраняет жажду, смягчает жар желудка и усиливает желудок, приводит в движение живот.

Сироп, приготовленный из айвы, удерживает движение живота и усиливает желудок, смягчает жажду и вызывает аппетит.

Левкоевый сироп является холодным и влажным; он прекращает жажду и жар, приводит в движение живот и полезен при болезнях, случающихся в груди и в шее.

// Сироп, приготовленный из сока самого кислого винограда, является полезным при желтой желчи и при жаре крови; он усиливает желудок, прекращает жажду, предупреждает рвоту, удерживает живот и полезен при лихорадке, случающейся от задержания крови.

Сироп, приготовленный из сандала, полезен при жаре печени; он прекращает жажду, смягчает лихорадку, усиливает желудок и прекращает жар.

Сироп, полученный из сока фруктов, а именно — из сока айвы, яблок, гранатов, кислого винограда, роз и груш, является очень полезным при крепком желудке и при потере аппетита, благоустраивает и темперамент печени, усиливает сердце, веселит душу, смягчает жар крови и прекращает рвоту и тошноту.

Сироп, приготовленный из слив, усиливает желудок, побуждает его к аппетиту и прекращает его страдания; полезен он при жаре печени, смягчает желтую желчь и кипящую (воспаленную?)⁶⁸ кровь.

Сироп, полученный из ююб, является теплым и влажным; он подходит при всякой болезни, случающейся в груди, в легких и в шее, заставляет созревать катарры и полезен при болях живота.

// Сироп, приготовленный из *Aquilaria malaccensis*, является теплым и сухим, помогает при холодном темпераменте сердца и усиливает его, веселит душу, прочищает засорения, прекращает сердечный припадок⁶⁹, меланхолию и четырехдневную лихорадку; подходит всякому человеку, имеющему холодный темперамент.

Розовый мед обладает умеренной теплотой, он хорош для желудка и аппетита. Зерна *Boswellia Carterii*⁷⁰ имеют умеренный темперамент, приближающийся к холодности, гонят сгнившую кровь и прекращают жар желудка.

Майоран — согревательный — помогает при страдании почек, гонит мочу и прекращает рези в животе; сок его помогает при слабом зрении.

Копачья мята — теплая и сухая по природе, помогает при страдании почек и живота, нюхаемая же — прекращает холодную головную боль.

Лилии — теплые, растворяющие; приготовленное из них масло рассеивает холодные газы.

Ромашка — теплая, растворяющая, изгоняет тучные газы, как и лилии.

Сандал — холодный и сухой, полезен при горячих болезнях печени, усиливает ее и охлаждает ее дурной темперамент⁷¹.

Костос — теплый и сухой, помогает при насморке // и рассеивает тучные газы.

Куркума — теплая и сухая, прочищает засорения, случающиеся в членах.

Родостагма⁷² — холодная по природе и сухая, прекращает страдание головы,

⁶⁴ πτισάνη — ячменный декокт, сок ячменя, также — вылущенный ячмень. Читается хорошо. Лопарев читает — σπισάνη, но сомневается при этом в правильности своего чтения и высказывает предположения, что автор рукописи пишет это слово так (σπισάνη) под влиянием Симеона Сифа (πτισάνη; классическое πτισάνη) (указ. соч., стр. 8).

⁶⁵ ζουλάπιον — джулап, у Лопарева — жулап; может быть, варенье (?).

⁶⁶ ἐμφραξίτιν — также: закупорка.

⁶⁷ εἰς τοὺς θανάτηφόρους καιροὺς — может быть, «при губительной погоде»?

⁶⁸ τὸ αἷμα τὸ ζέων. Жансельм (Op. cit., p. 148) переводит термин ζέεις (τῆς κεφαλῆς) как «воспаление (головы)». Может быть, и здесь имеется в виду «воспаленная кровь» (?), т. е. θερμασία τοῦ αἵματος (см. дважды на этой же странице — «жар крови»).

⁶⁹ καρδιαγμός — также: изжога, боль в животе. Мы опираемся при переводе на сообщение автора XI в. Иоанна Скилицы о смерти царя Западнoболгарского царства Самуила от καρδιαγμῶ (Cedr., II, p. 458. 17—22) летом 1014 г. Ср. стр. 265.

⁷⁰ μάννα λιβάνου = λιβανομάννα — зерна ладана (*Boswellia Carterii*), также = λιβανωτός — камедь ладана. Ср. стр. 260, прим. 46.

⁷¹ δυσκρασία — также: худосочное, дурное состояние; плохая температура.

⁷² ροδόσταγμα — экстракт из роз, приготовленный с медом; подобен розовому меду (ροδόμελι).

случающееся от жара и от обильных возлияний вина, усиливает сердце и помогает при [его] недостаточности.

Масло из миндаля, умеренное по природе, полезно при болезнях нервов, легких, мочевого пузыря и почек, помогает при сухой болезни живота и при дизентерии и [вообще] людям, имеющим сухое тело.

Масло из горького миндаля помогает при страдании почек, размельчает камни. Сезамное масло — умеренное по теплоте, увлажняет и смягчает затвердения и шумы, случающиеся в теле; полезно при страданиях кишок, изгоняет кал.

Нарциссовое масло является теплым по природе, помогает, будучи выпито, при заблуждениях почек и при страданиях живота, выгоняет газы.

Масло из лилий — теплое по природе, подходит для того, чтобы натираться им при холодных болезнях.

Масло из ромашек является теплым, оно смягчает твердые опухоли и рассеивает тучные газы.

Масло из костоса — теплое, оно согревает нервы и усиливает их; помогает также при дрожи и при оцепенении.

Масло из // мастики растворяет засорения, изгоняет газы, усиливает желудок и вызывает отрыжку. л. 235 об.

Масло из мирта является холодным, укрепляет волосы головы и устраняет помрачение глаз.

О видах мяса. Мясо медведей холодно, непитательно и неудобоваримо, вызывает дрожание в нервах и бессилие.

Мясо старых кур является сухим по природе, бульон же из него, будучи выпит, изгоняет влажность из кишок.

Мясо малых воробьев обладает большой теплотой и сухостью и подходит людям, имеющим холодный темперамент.

Головы всех животных являются более тяжелыми и тучными, чем все другие члены, и имеют большую питательность. Мозг же головы вызывает тяжесть в желудке и располагает его к рвоте. Нужно есть его с перцем или тмином.

Вымя является холодным, медленно перевариваемым и очень питательным, подходит имеющим теплый желудок.

Яйца малых воробьев являются теплыми и малопитательными, желток этих яиц имеет умеренную теплоту, белок же является холодным и неудобоваримым; они полезны при тучности груди и легких, увеличивают силу, съедаемые же с уксусом, удерживают природу.

О молоке и животном масле. // Кислое и крепкое молоко увлажняет живот и полезно при страдании головы и при жаре желудка. л. 238

Свежее животное масло имеет умеренную теплоту и влажность и подходит для имеющих более горячий темперамент, так как смягчает грубость груди; помогает и при страдании почек и при жжении мочевого пузыря.

Толстое животное масло имеет большую теплоту и меньшую влажность. Свежее животное масло помогает при болезни легких, при грубости глотки и груди и при камнях в мочевом пузыре.

Старое животное масло заставляет созревать и смягчает жесткие и тяжелые раны. Свежий и мягкий сыр приближается [по природе] к холодности и влажности, хорошо питает тело и вредит при камне почек.

Сухой же и старый [сыр] является теплым и сухим по природе и вредит телу, имеющему горячий темперамент; подходит же для имеющих тело холодное и влажное. Будучи же съеден, он вызывает аппетит и усиливает устье живота, так как осушает влажность желудка; вызывает засорение в печени и в селезенке, удерживает природу.

О рыбе. Из всех рыб наиболее мерзки и вредны рыбы, вскормленные в болотах. Есть нужно рыбу уштанную и свежую. // Тому же, кто имеет горячее тело и темперамент, следует есть рыбу с уксусом, виноградным соком, ароматным перцем, имбирем, корицей, калганом, сельдереем, каменной петрушкой, дикой мятой, анефом ⁷³, укропом и всем, подобным этому. л. 238 об.

Те же, кто имеет холодный и влажный темперамент, пусть едят рыбу с горчицей, рассолом, чесноком, перцем, имбирем, рутой и пусть пьют неразбавленное вино, терпкое и благовонное.

Об ароматах и о том, насколько они необходимы в еде. Соль — теплая по природе и сухая, больше всего разжижает кровь, ослабляет зрение, уменьшает отделение семени, вызывает паршу и зуд в теле.

Уксус — холоден и сух, удаляет сгнившие излишки, прекращает жар крови, вызывает аппетит, разжижает жиры продуктов, но уничтожает силу, усиливает меланхолию, вредит нервам и вызывает дрожь.

Рассол ⁷⁴ делает жидкими слизистые излишки желудка, вызывает у него аппетит, помогает при отравлении жирных видов мяса и прочей пищи, согревает желудок

⁷³ ἀνήθον — Anethum graveolens — вид укропа (см. след. слово: μάλαθρον = μάλαθρον) (Геоп., стр. 335).

⁷⁴ γάρου = γάρου — гарон или гарум — отвар равного состава (Геоп., стр. 334).

и печень, прочищает засорения, размельчает камни, образовавшиеся в почках, и по могает телу, имеющему холодный и влажный темперамент.

л. 237 // Сок винограда имеет холодную и влажную природу, прекращает жар желтой желчи и крови и жар желудка, благоустраивает темперамент печени и сердца, возникший от жара, укрепляет желудок и помогает при страдании головы.

Калган имеет силу и действие имбиря.

Тмин — теплый и сухой, рассеивает холодные газы и усиливает аппетит.

Дикий ориганон ⁷⁵ — теплый и сухой, согревает холодный желудок и рассеивает газы.

Лук — теплый и сухой, съедаемый сырым вызывает головную боль и вредит рассудку и глазам.

Чеснок имеет большую теплоту, чем лук, хорошо переваривает пищу и все тучное и жирное в мясе и рыбу; если же есть его в излишке, то он вредит силе крови ⁷⁶, причиняет головную боль, вредит рассудку и глазам.

Лук-порей имеет меньшую теплоту, чем лук [репчатый], вредит голове, приводит к извержению рвоты и несет в себе газы; блюдам же он сообщает хороший вкус. Если его едят с уксусом и рассолом, то вред от него уменьшается.

Сельдерей — теплый и сухой, вызывает аппетит; нужно есть его вместе с [другой] едой по той причине, что он является пищеварителем и рассеивателем газов, но сушит кровь и делает негодным ее темперамент.

л. 237 // Петрушка имеет силу и действие сельдерея и изгоняет газы.

об. Хрен (?) ⁷⁷ — холодный, смягчает жар, уменьшает способность к половым сношениям, наносит ущерб зрению и клонит ко сну.

Анеф вообще имеет согревательную силу, является мочегонным и утоляет жажду.

Тыква — холодная и влажная, смягчает лихорадки и жар желудка, прекращает его страдания; выскребки же из тыквы и сок, смешанный с уксусом и розовым маслом, помогают при горячем страдании головы.

Морковь ⁷⁸ — теплая, питательная и мочегонная, согревает почки, но является неудобоваримой.

Чертополох ⁷⁹ — теплый, умножает мочу, размельчает камни и согревает почки.

Свекла — теплая и сухая, приводит в движение живот и отделяет флегму. Если голова вымыта ее соком, то очищается от перхоти в волосах.

Садовая лебеда ⁸⁰ — холодная и влажная, смягчает грудь и глотку, увлажняет живот, помогает при жаре печени, при желтухе и при перхоти в голове.

Мой голову с мукой из лупина, смешанной с соком свеклы.

л. 238 *О болезнях, случающихся в полости рта.* // Если же случится во рту и на языке жжение и жар, то, взяв три драхмы очищенной чечевицы, две драхмы сухих роз, по три драхмы сухого кориандра ⁸¹, семян портулака ⁸² и шампиньона ⁸³, половину драхмы камфоры и, растерев хорошо, сделай подобие дорожной пыли и натри во рту и на языке.

Для того, чтобы сделать зубы белыми, [возьми] по 2 драхмы жженных отрубей и белой соли, все это, растерев хорошо, натри зубы.

При качающихся зубах [возьми] по две драхмы клецвины, квасцов и кожуры гранатов, все это растерев и перемешав, натри корни зубов; воздерживайся от всякой очень острой пищи, от разгрызания миндаля, грецких орехов и фундука.

При дурном запахе изо рта, растерев руту, положи ее в инжир и, изжарив, дай есть очень горячим.

О болезнях сердца. С сердцем случаются следующие болезни: недостаточность, сердцебиение, бессилие духа — эти болезни имеют лечение. Воспаления же, опухоли и дурной темперамент, случающиеся в сердце, // являются неизлечимыми. Распознаются эти [последние] страдания по крайней слабости пульса, по бледности лица и по холодному поту; болезни же сердца, допускающие лечение, когда они случаются, [распознаются] по жару и лихорадке, красноте в лице и сильному пульсу.

л. 238 ⁷⁵ ἀγριόριγανος — *Origanum viride* — едкая трава, подобная майорану, также: майоран. См. стр. 273, прим. 208.

⁷⁶ καρδίαν τοῦ αἵματος — сердцу (сердцевине, сущности, плодородию) крови [?].

⁷⁷ ἀγρίδακτις — ἀγριδαύκτις? = τὸ ἄγριον δαυκί (?) дикая морковь?

⁷⁸ δαύκων — *Daucus carota*, но также: *Malabaia aurea* — малабайя золотистая.

⁷⁹ κάρδος = κάκτος — *Synaga Cardunculus*, а также: артишок, волчец, татарник.

⁸⁰ χρυσολάχανα(-ον) = ἀνδράφαξ = ἀτράφαξ — *Atriplex rosea* — вид растения, подобно шпинату.

⁸¹ κορίανδρον = κολιάνδρον = κορίαννον — *Coriandrum sativum* — кишнец посевной (*Феофр.*, стр. 545).

⁸² ἀνδράχνη — *Portulacus oleracea* — портулак огородный (*Феофр.*, стр. 567), а также: *Arbutus Andrachnus* — дикое земляничное дерево. См. *Геоп.*, стр. 327.

⁸³ βόλον — среди многочисленных значений также: боровик, древесная губка, плесень.

Нужно лечить [эти болезни] таблетками из камфоры и сока незрелых цитрусов⁸⁴ и кислым молоком. Пусть намажет грудь белым сандалом, камфорой и родостагмой. Пьет же пусть воду холодную и пусть живет в прохладном месте.

Если же случится сердечный припадок⁸⁵ от холодного дурного темперамента, лечи болезнь вдыханием ароматов. Пусть пьет [больной] неразбавленное вино, терпкое и ароматное. Грудь же пусть мажет следующими ароматами: взяв спикан (?)⁸⁶, костос, куркуму, гвоздику и *Aquilaria malaccensis* и растерев // все это хорошо, смешай с розовым маслом и намажь грудь. Пищей же [больному] пусть будут птенцы голубей, малые воробьи и баранье мясо. л. 239

Краткие выводы о моче⁸⁷. Моча чистая, с дымкой сверху знаменует смерть, если же имеет внизу отстой, а сверху дымку, то знаменует длительную болезнь. Если же имеет тонкое волокно, смешанное с отстоем, и кровь, знаменует смерть. Если [моча] чистая и внутри имеет столбик, смерть знаменует. Если же она рыжая, смешанная с подобием винного осадка, — добрый знак. Если же есть осадок на краях [посуды], — плевроит знаменует.

Моча жидкая, не имеющая отстоя, знаменует несварение желудка и задержание мочи. Моча черная при лихорадке, подобная терпкому вину, знаменует болезнь печени. Моча помутневшая, подобная касторовому маслу, знаменует смерть; бледная и очень густая — подагру знаменует.

[Моча] красная, не имеющая чередования [цвета]⁸⁸, знаменует ефемантиазис. Шафрановидная, не чередующаяся [в цвете], знаменует воспаление легких и кашель. Темнеющая блестящая [моча] знаменует колики. Темная, мертвенно-бледная при отсутствии лихорадки и пота знаменует головную боль. Кристаллообразная, не имеющая чередования [в цвете], знаменует водянку. Моча, на третий день не дающая отстоя, знаменует истощение. Водоподобная [свидетельствует о том, что] более не переваривается [пища]. [Моча], помутневшая после мочеиспускания, [говорит о том, что] более не переваривается [пища]. Моча лучшая, когда [имеет] легкий осадок, ровный и незначительный во всякое время. Моча жидкая, имеющая нитевидный осадок, знаменует длительную болезнь; имеющая же внизу темный синеющий осадок — плохая. Темнеющая [моча], если верхний ее осадок — кровавообразный, // знаменует смерть среди мучительных страданий и не на четвертый день после заболевания (?)⁸⁹. л. 239 об.

Сильно темнеющая [моча] знаменует многосочие и страдание вокруг поясницы. Желтеющая же, если дымка ее голубеет, бывает от черной желчи. Огненно-рыжая с примесью черноты знаменует избыток крови. Огненно-рыжая и грязевидная знаменует чахоточную болезнь. Если же [моча] приближается [по цвету] к огненно-рыжей, но чистой, [это означает], что болеющим слабым желудком завладела желтая желчь.

[Моча] огненно-рыжая, приближающаяся к темной, знаменует геморрой; огненно-рыжая же, но приближающаяся к желтой, знаменует, что болен печенью. Темнеющая и зеленоватая является признаком смерти. Мутная и грязевидная знаменует страдание суставов. Темная и желтоватая знаменует, что страдают нервы.

Приготовление сиропа из свежих роз. [Возьми] 4 литры роз, влей в горшок поверх роз 6 литр кипящей воды. Противоположное — роз 1 литра, воды 5 литр — и через сутки вынь [розы], и, взвесив воду, добавь [в нее] равное количество сахара и при кипячении снимай пену до тех пор, пока она поднимается.

[Сироп] из слив. В сливы созревшие, растерев и процедив, добавь сахара в количестве, равном соку, и вскипяти.

[Сироп] из 2⁹⁰ яблок уничтожает жажду, усиливает желудок и печень и возбуждает хороший аппетит. Сок⁹¹ 2 яблок — 2 литры, сахара равное количество.

[Сироп] из корней помогает при нефрите, при водянке, при подагре, при [болезни] почек и селезенки и при многих других [заболеваниях]. Корни индикии, укропа и сельдерея чисто вымой // и, растерев их кожуру, положи по 2 унции в 3 литры воды и вари, пока не останется одна литра, и оставь на одни сутки. Затем, истолчив и процедив, положи сахара в равном количестве с водой, и кипяти, затем добавь карписию⁹², стахис, корицу — по одной унции — и положи в пифос. л. 240

⁸⁴ *κίτρα γούρων* (*κίτρον* — цитрус, *γούρον* — незрелый).

⁸⁵ *καρδιαγμός* отнесен здесь к болезням сердца, что подтверждает наш перевод на стр. 262.

⁸⁶ *σπικαν* (?) — может быть, вид нарда, из которого делали мазь *σπικατα*?

⁸⁷ Этот раздел рукописи написан значительно более мелким, но тем же самым почерком, что и лл. 226 об. — 238 об.; почерк мельче и на следующих страницах.

⁸⁸ *ἀλλαγῆν*.

⁸⁹ Перевод сомнителен; текст читается плохо, предположительно: *ἐπί δέξων νοσητῶν* (вероятно, вместо *νοσημάτων*) *οὐ κατὰ τοῦ ἐν περιχώρῳ τεταρταίου*.

⁹⁰ Очевидно, палеографически легко объяснимая ошибка писца: β (2) вместо α (20).

⁹¹ То же — см. пред. прим.

⁹² *καρπύσια* от *καρπύσιον* — *Valeriana Dioscoridis* — вид ароматического деревца, используемого в медицине.

[Сироп] из фиалок⁹³ помогает при натяжениях⁹⁴ и кашле, употребляется и от жара. Половину литры листьев фиалок, 5 литр воды; [приготавливается], подобно [сиропу] из роз.

[Сироп] из гранатов. Выжав из гранатов сладкую мякоть и высув кислые зерна, добавь равное количество сахара и вари, снимая пену.

[Сироп] из айвы — самый лучший. Кипяти айву в воде, пока она не размякнет, затем, очистив и от внутренностей, и от кожуры, размельчи ее мякоть в каменной или деревянной ступке, пока не окажется подобной мозгу. Соединив [затем] с медом, очищенным от пены, в два раза ббльшим по количеству, вари, мешая непрерывно палкой, пока не загустеет. Затем, сняв с огня, добавь 3 драхмы перца, пирефрона, мастики, имбиря, стахиса — по 2 драхмы и 4 драхмы корицы. Если же хочешь, чтобы [сироп] был еще более хорош, добавь гвоздику, благовонные орехи, мадир⁹⁵, кардамон⁹⁶, шафран — всего по полторы драхмы, в размельченном и просеянном виде.

[Сироп] из тмина. [Сироп] из тмина помогает при вздутии внутренностей, переваривает пищу и согревает тело, помогает и при страдании от холода коленей и спинного хребта. Тмина 8 (?) драхм, платотмина⁹⁷, имбиря, длинного перца, корицы настоящей, шафрана, розы, руты сухой. . . .⁹⁸ // лугового шалфея, перца, стахиса, кардамона⁹⁹, мастики, свежего диасполита¹⁰⁰, копытня¹⁰¹, лакричника, калгана, гвоздики, дадуакса¹⁰², индийских орехов, кокона (?)¹⁰³, проса, *Саgum corticum*¹⁰⁴, семян укропа, соха из плода бальзамного дерева, индийского хмеля, сандала — 2¹⁰⁵, костоса, силихи (?)¹⁰⁶, агаллухи¹⁰⁷, аниса, семян сельдерея, ревя¹⁰⁸, цветка ситника, желудей — по 3 драхмы, мицдала очищенного — 20 драгм; смешай все с медом, очищенным от пены. Доза — одну драхму с тепловатой водой.

л. 240 об.

Семивидовая смесь¹⁰⁹ из роз помогает при бессилии внутренностей и при плохом желудке и печени. Костоса, нарда¹¹⁰, шафрана, корицы, настоящего плода бальзамного дерева, касии¹¹¹ — по 1 драхме, роз — 12 драгм, меда достаточное количество, доза — 2 драхмы.

Лекарство, составленное из четырех лекарств, помогает при газах, при страдании поясницы и спинного хребта и при холоде и ознобе, повторяющемся на четвертый день, изгоняет газы, называется же тириаки¹¹². Горечавки¹¹³, лавровых зерен, аристолохии длиной¹¹⁴ и круглой¹¹⁵, мирры — по 1 унции; растерев все и просеяв, смешай с медом, очищенным от пены. Питье — по 1 драхме с водой или вином.

Иначе: . . .¹¹⁶ . . .¹¹⁷ положив белую акацию в «кровь». . .¹¹⁸ с отваром и вином,

⁹³ *ἴον* — *Viola odorata* — фиалка душистая (Канон, II, стр. 759), левкой, а также лилия. Ср. прим. 33 к стр. 259.

⁹⁴ *εἰς τένωσιν* (?) — может быть, при растяжениях? (судорогах? простуде мышц?).

⁹⁵ *μάκερ* = *μάκιρ* (*μάκειρ*) — индийская пряность-смола от *Ailanthus malabarica* — вид корицы.

⁹⁶ *καρδάμωμον* = *Elettaria Cordamomum* — пряность а также: *καρδάμον* — *Lepidium sativum* — кресс, семена которого использовали как горчицу.

⁹⁷ *πлатοκυμίνον*.

⁹⁸ Неясно: ✠. может быть, эта аббревиатура = ♀ (*νίτρον*). См. Е. Э. Гранстрем. Отрывок «медицинского трактата Аэция из Амиды в списке X—XI века». — ВВ, IX, 1956, стр. 169. В таком случае: натр (селитра).

⁹⁹ Очевидно, описка: *καρπαμόμων* вместо *καρδάμωμον*.

¹⁰⁰ *διασπολίτου* (?)

¹⁰¹ *ἄσαρον* — *Asarum europaeum* — копытник, валерьяна, а также = *βάχχαρις* — *Susclamen hedegaefolium* — цикламен.

¹⁰² *δαδούαξ* (?)

¹⁰³ *κακοῦλλε* (?). Может быть, вместо *κουκεούλι* (*κουκοῦλλε*) — кокон?

¹⁰⁴ *ἄμυ* (*ἄμι*) — *Саgum corticum* = *βασιλικὸν κυμίνον*.

¹⁰⁵ *σανδαλίνας τὰς β̄*.

¹⁰⁶ *σίλιχαν* (?). Может быть, *σαλίχα* — корица цейлонская (Канон, II, стр. 734, 750).

¹⁰⁷ *ἀγάλοχον* — агаллухи или агаллуджи — алойное дерево (Канон, II, стр. 713, 714). Ср. стр. 257, прим. 8.

¹⁰⁸ *ρέον* = *ρήον* = *ῤῥᾶ* — *Rheum officinale*.

¹⁰⁹ *ἐπτάειδος*, также = *ἀντίδοτος(-ον)* — противоядие.

¹¹⁰ *Ναρδοστάχυος* — *Nardostachys Jatamansi* = *νάрдος*. См. стр. 259 прим. 21.

¹¹¹ *κασία* — *Cinnamomum iners* Reinw. — вид дикой корицы (Феофр., стр. 547).

¹¹² *θηριακή* = *θηριακά* = *θηριακή φάρμακα* — противоядие от укуса ядовитых животных (змеи), а также от ранения чем-либо ядовитым. Кроме того, альпийское растение — «завериный виноград» (?) (Геоп., стр. 326).

¹¹³ *γεντιανή* = *ἀλόη γαλλική*.

¹¹⁴ *ἀριστολοχία* — кирказон; *ἀριστολοχία μακρά* — аристолахия длинная — *Aristolochia longa*.

¹¹⁵ *ἀριστολοχία στρογγύλη* — *Aristolochia rotunda*.

¹¹⁶ Здесь и далее — лакуна. Место испорчено: смыт правый нижний угол листа.

¹¹⁷ *τοὺς ἀτελέφους?* Может быть, вместо *ἀτελέφους?*

¹¹⁸ В кровь дракона? Ср. стр. 287 прим. 386.

сделай рассол. . . Иначе: 20 комочков (?) ¹¹⁹ меда, соли — 4 сектария ¹²⁰, эфиопского тмина ¹²¹ — полсектария; все это растерев, положи в 20 сектариев ключевой воды и выставь сосуд на солнце на 50 дней.

Приготовление розового масла. // Красных роз разобранных по лепестку и сушившихся в течение одних суток, — 3 унции, масла из незрелых оливок — 1 итальянский сектарий. Тщательно завяжи кувшин, чтобы он не выдыхался: следует хорошо закрыть его изнутри полотном, а снаружи — кожей; выставь [затем] его на солнце под открытым небом на 40 дней, а потом убери его и [поставь] не на землю, а на доску. л. 241

Некоторые же вместо солнечного жара опускают кувшин в колодец на 40 дней. Благодаря охлаждению сохраняется благоухание. Иные же зарывают его в ¹²² землю.

О масле из ромашек. Цветов ромашки без белых лепестков, сушившихся в течение суток, — 2 унции, масла растительного — 1 итальянский сектарий. Закрыв сосуд редким полотном, вари и испаряй; выставь [затем] на солнце на 40 дней, после чего, плотно заткнув, убери.

О масле из анефа. Зеленых листьев анефа, сушившихся подобным же образом, — 1 унцию, масла растительного сладкого — 1 итальянский сектарий; подобным же образом выставь на солнце; если же нет солнечной [погоды], то, сварив листья сухого анефа с растительным маслом в двойном сосуде ¹²³, пользуются им. И ромашковым (маслом) точно таким же образом [пользуются]. Это [масло] сильнее всех [масел], приготовленных из зелени.

Лилиево масло ¹²⁴, или сусиний ¹²⁵. Лепестков белых лилий, сушившихся подобным же образом, — 2 унции, [затем] положенных в сектарий итальянский растительного масла; завяжи тщательно [сосуд], чтобы он не выдыхался, и выставь на солнце на 3 дня. Затем, после того как первые [лилии] будут вынуты и выброшены, положив [в сосуд] другие 2 унции [лилии], выставь его на солнце на другие 3 дня, и [приготовленное] таким образом убирается.

«Яблочное» масло ¹²⁶. // Это масло получается, если раздавить айву сверху с помощью тряпки, размять ее вместе с кожурой и положить в количестве 3 унций подобным же образом, [как и при изготовлении других видов масла], в итальянский сектарий [растительного масла] и выставить на солнце на 40 дней. л. 241 об.

Смоковичное ¹²⁷ масло. 2 унции подсушенного корня дикой смоквы кладутся в 10 сектариев растительного масла и варятся в двойном сосуде.

Приготовление сухого белого тиринника ¹²⁸. Взяв хороший воск, раствори его в морской воде, чтобы воск составил 1/3 часть, и, растерев очищенный таким образом, собери его на новизготовленный шаровидный глиняный сосуд, погружая который в воск и вытаскивая, позволяя воску застывать [на нем], и вновь погружая [сосуд], делай так, пока не вытащишь все ¹²⁹.

Приготовление острого меда. Лучший мед со снятой пеной и уксус в равном количестве варятся, пока оба вещества не соединятся полностью.

[Приготовление] майоранового масла. Майоран варится в двойном сосуде с растительным маслом.

Приготовление тиракина ¹³⁰. Масла растительного сладкого лучшего — 1 сектарий, стиракса сочного — 2 унции; варится все в двойном сосуде и снимается, служит смягчающим [средством], сильно размягчает затвердения. Является более теплым, чем [масло] из анефа.

¹¹⁹ ὀρόμβου или θρόμβου? Первая буква выцвела.

¹²⁰ ξέστης — Sextarius — мера жидких и сыпучих тел = 0,547 литра.

¹²¹ καρναβάδιον — Carum Carvi — ароматические споры.

¹²² κατορύττουσι αὐτὸν ἀπὸ γῆς; ἀπὸ (из) вместо нужного по смыслу εἰς, ἐν, κατὰ — «в».

¹²³ ἐν διπλώματι; διπλωμα — двойной горшок (сосуд) для кипячения мази, масла и т. п. (в нижнем его отделении разводился огонь).

¹²⁴ Ἐρίνιον, но фиговый, смоковичный — ἐρίνιον, а не ἐρίνιον. Ἐρίνιον может быть образованием от ἐρίνος (растение, подобное базилику), но это не подходит по контексту. Вероятнее всего, здесь описка писца: ἐρίνιον вместо κρίνιον (лилиево), так как далее действительно речь идет о приготовлении масла из лилии.

¹²⁵ σοβαίνιον — от σοβόν = κρίνον — лилия.

¹²⁶ μήλιον — масло, приготовленное из яблок или айвы (в данном случае из айвы).

¹²⁷ συκόνιον — от συκή = συκία = συκίον = συκία — Ficus Carica. Ср., однако, стр. 276, прим. 251.

¹²⁸ τυρρηνικός — букв.: тирренский, этрусский; κήρος Τυρρηνικός — белый воск, использовавшийся в медицине (см. Gal., 13, 411; Diosc., 1,70).

¹²⁹ Затем в рукописи два слова вычеркнуты — заголовок: [Приготовление] майоранового масла (σαμψουχίου ἐλαίου). При переписывании писец, очевидно, пропустил 2 строки текста, как это видно из дальнейшего, и исправил ошибку немедленно.

¹³⁰ τυρακίνιον — вид ватрушки, сырник, сырная лепешка, пирог, плитка и т. п.

Лавровое [масло]. Лавровое [масло] подходит влажным и флегматичным, страдающим от зябкости, от суставов, весьма полезно и больным ишиасом, но не страдающим разлитием желчи и не горячим [по темпераменту].

л. 242 *Об экстракте:* тот отвар, который извлекается из сухих корней или [сухих] лекарственных трав, готовится как варено // — как, например, из горечавки, крупы красильной¹³¹, полыни. Тот же экстракт, который выжимается из сырых листьев или корней, или [сырых] лекарственных трав, — стучается на солнце, как, например, из фансии¹³², мандрагоры¹³³, незрелого винограда и тонкого кентаврия¹³⁴.

Белена (?)¹³⁵ выжимается — и зелень, и корни, и плоды, и листья; выжимается и семя в сухом и измельченном виде, облитое горячей водой и выжатое; оно является лучшим экстрактом, чем сок.

Миртовое масло. Положи в мешочек зерна мирта и, растерев их мелко в нем, выжми и получи масло.

Лавровое [масло]. Кияты зерна [лавра] в котле и, сняв пену, получай.

л. 242 *Сокровенные средства*¹³⁶ Галена. 2 драхмы внутренности тыквы, жареного морского лука¹³⁷, агарика¹³⁸, фимиама¹³⁹ аммонияка¹⁴⁰, скаммония¹⁴¹, кожуры чемерицы черной¹⁴², лаванды¹⁴³, гиперикона¹⁴⁴ — по 16 драхм, эпифимона¹⁴⁵, сухого полиподария¹⁴⁶, беллиды¹⁴⁷, алоэ, дубровника¹⁴⁸, шандры¹⁴⁹, касии — по 8 драхм; мирры-троглотиды¹⁵⁰, саганены¹⁵¹, шафрана, аристолохии длинной, белого перца, длинного перца, черного перца, корицы, опопанакса¹⁵², кастория¹⁵³ и каменной петрушки¹⁵⁴ — по 4 драхмы; меда достаточное количество. Давай полную дозу — 4 драхмы, среднюю — 3 драхмы и наименьшую — 2 драхмы — с медовым напитком¹⁵⁵ и солью тончайшей — половину кубка. [Средство] является в высшей степени хорошим, так как вычищает из [самой] глубины излишек разнообразных соков, не причиняя при этом ни расслабления, ни сильной боли, ни потери аппетита, ни другого затруднения для страдающего; делает же дыхание [больного] более легким, бодрым и сильным, так что приходится удивляться исходу // [лечения]. А именно: оно исцеляет страдающих мигренью и помрачением, [больных] эпилепсией, магией, меланхолией, сонливостью и тому подобным. [Исцеляет] слабость зрения, тугость

131 λόγιον — *Rhamnus petiolaris*.

132 θαψία — *Thapsia garganica* — тапсия, рута горная — смертоносная морковь (Канон, II, стр. 755; *Феофр.*, стр. 576).

133 μανδραγόρα — *Atropa beladonna* — «сонная трава», беладонна (*Феофр.*, стр. 576).

134 λεπτόν κενταύριον = κενταύρειον — *Centaurea solonitana*; но если κενταύριον λεπτόν = κενταύριον μικρόν, то *Erythraea Centaurium* — «маточная трава»: по Феофрасту (стр. 544), = κενταυρίς — золототысячник обыкновенный.

135 τὸ σκόρα — предполагаем: ὄσοςκωμος — *Huossyamus niger* (белена).

136 Ἱερά — святыня — название некоторых лекарств в греческой фармакологии, вид пластыря.

137 σκίλλα — *Urginea maritima* (Геоп., стр. 323; *Scilla maritima*).

138 ἀγαρίχον — *Polyporos officinalis* — древесный гриб (Канон, II, стр. 713).

139 θυμαίωμα.

140 ἀμμωνιακόν — смола зонтичного растения: ἀμμωνιακή — *Ferula pargarica*. — Согласно Жансельму (Op. cit., p. 149), «аммонияковая камедь», извлекаемая из *Dorema Armeniacum*.

141 σκαμωναία вместо σκαμμωνία = σκαμωνία = σκαμμώνιον = σκαμώνειον — *Convolvulus Scammonia* — скаммония, песья смерть.

142 ἐλεβόρου μέλανος — *Helleborus orientalis (cyclonhyllus)*. Ср. прим. 223 к стр. 274.

143 στοιχάς, = ἄθος = *Lavandula Stoechas* — ароматическое растение.

144 ὑπερικόν = ὑπέρεικος — *Hypericum crispum* или *Hypericum revolutum*.

145 ἐπίθυμον — *Cuscuta Epithimum* — паразитическое растение на тимьяне.

146 πολυπόδιον — может быть *Polypodium vulgare* — полиподий (Канон, II, стр. 747), полин, многоножка обыкновенная; Геоп., стр. 344: вид папоротника.

147 βδέλλιον — ароматическая смола, добываемая из винной пальмы — *Balsamodendrum africanum* или *Balsamodendrum Micol.* (См. Канон, II, стр. 718).

148 χαμαίδρυς — *Teucrium Chamaedrys*, а также = τεύχριον — *Teucrium flavum* — карликовая пальма, или = σκόρδιον — *Teucrium Scordium* — чеснок = дубровка. См. Канон, II, стр. 727.

149 πράσιον вместо πράσιον. Согласно Феофрасту (стр. 586), это — *Marrubium vulgare* — шандра обыкновенная или *Marrubium peregrinum* — шандра заморская, также: конская мята.

150 τλωγλιτίδος от τλωγλίτις = τρωγλίτις — вид мирры.

151 σαγάπηνον — *Ferula persica* Wild. — персидская ферула или *Ferula sagarenum* Polack. — саганен (Канон II, стр. 750).

152 ὀποβάναξ — *Oporanax chironium* (или *hospidus*) смола «магического» растения. Ср. стр. 279, прим. 295.

153 καστόριον — также: бобровая струя.

154 πετροσέλιον — *Petroselinum sativum* — петрушка.

155 μελίκρατον — смесь из меда и молока или из меда и воды.

слуха, потерю голоса, [помогает] страдающим астмой, исправляет хронические расстройства желудка, [исцеляет] больных селезенкой, ишиасом, [страдающих от] суставной боли в ногах, ускоряет месячные, подходит дрожащим и вялым, а также при жестких лишаях и при всех [болезнях], случающихся на поверхности тела, излечивает сыпь, страдающих элифантiazисом, периодически наступающую лихорадку и всякую злокачественность язв и опухолей.

*Сокровенные средства Логадия*¹⁵⁶. При применении [это средство] очищает ото всего, доставляющего неприятности телу, и не причиняет ни стеснения, ни сильной боли, но возбуждает аппетит, дает силу телу, приводит страдающего в бодрое состояние; полезно для эпилептиков, помраченных, падающих или бушующих и жующих язык — так, что, по мнению некоторых, большой обуреваем демоном. Подходит оно также страдающим тошнотой, элифантiazисом в начале [болезни], имеющим жесткий лишай, страдающим летаргией и всякими подобными болезнями, мочащимся и испражняющимся непроизвольно, а более всего — принявшим смертельные снадобья; является же и болеутоляющим, полезно и для страдающих печенью; дается больным плевритом и страдающим перикардом; изгоняет ведь оно вредные соки и возбуждает месячные у женщин; верят, что его достаточно, чтобы поставить на ноги страдающего ишиасом и прострелом, // и что оно излечивает все хронические недуги.

Принимать его следует в три приема, а доза такова: 9 граммариен¹⁵⁷ в медовом напитке. Состав же его таков: агарика, *Escballium Elaterium*¹⁵⁸, соли аммония, польни, камеди, . . .¹⁵⁹, кожуры индийского хмеля, чемерицы черной, жареного морского лука, скаммонии — по 12 драхм, алоэ печеночного — 16 драхм, евфорбия¹⁶⁰ — 16 драхм, мирры — 12 драхм, поляны¹⁶¹-травы — 10 драхм, кассии — 10 драхм, дубровника — 10 драхм, кентаврия, гиперикона, бделлия¹⁶², шандры — по 10 драхм, перца белого, корицы, опопанакса, ферулы, перца длинного (?), шафрана, каменной петрушки, петрушки¹⁶³ — по 8 драхм, кастории, аристолохии круглой, перца обыкновенного — по 8 драхм; внутренности тыквы — 16 драхм, нарда — 12 драхм, полиподия¹⁶⁴, — 16 драхм, зерен крапивы — 12 драхм, меда-первача, очищенного от пены, — достаточное количество. Опопанакс и сагапен разотри [предварительно] с медом в ступке.

[Средство, приготовленное] с помощью гиперикона. Лекарство из сладкого гиперикона излечивает подагру, ишиас и вообще, будучи выпито, выявляет в нем (больном) все артры; усиливает желудок, дает большую остроту зрения и другие чувства [делает] точными и более способными к восприятию; [является] спокойно очищающим через мочу, отчего никакой другой орган не страдает, ибо оно не отталкивает вещество от страдающих [органов] к другим местам тела; таким образом, [оно является средством], стягивающим внешние наросты, но устраняет и причины болезни¹⁶⁵. Благодаря мочевому пузырю и животу все тело оказывается здоровым. Поэтому, будучи выпито, [это средство] помогает эпилептикам, // других же, [уже] не надевавшихся на излечение, избавляет от хронических и очень тяжелых болей головы, приводит в порядок затвердевшую селезенку и печень, очень успешно лечит также болезни суставов, так что растворяет и наросты на каких-либо суставах, утвердившиеся из-за сильных страданий.

Состав же оно имеет следующий: дубровника — 9 унций, кентаврия — 8 унций, аристолохии круглой — 7 унций, корня горечавки — 6¹⁶⁶ унций, зелени гипер-

л. 243

л. 243
об.

¹⁵⁶ Ἐρὰ λογαδίου, подобно предшествующему — Ἐρὰ γαληνῶ, полагаем поэтому, что «Логадий» — собственное имя (какого-то врача).

¹⁵⁷ γραμμάριον — мера веса = 1,137 г.

¹⁵⁸ ἐλατήριον = ἐλατήρια (φάρμακα) — очищающее лекарство. Согласно Феофрасту (стр. 527), = σίκυος ὁ ἄγριος — *Escballium Elaterium* — бешеный огурец: ср. Геоп., стр. 228, 318. Просто σίκυος — *Cucumis sativus* — огурец; συκίον (σύκειον) — *Lagenaria vulgaris* — горлянка обыкновенная (Феофр. стр. 533). Ср. стр. 267, прим. 127, стр. 273, прим. 216 и стр. 283, прим. 346.

¹⁵⁹ Неясно: можно прочесть лишь две первые буквы μα(κροῦ?), а затем — ἐριξῶν (?).

¹⁶⁰ εὐφόρβιον — *Euphorbia resinifera* — африканское растение с острым соком, также: вид молочая.

¹⁶¹ πόλιον — *Teucrium Polium* — растение с ароматным запахом, также: *Thymus Sibthorpii* — тимьян, растущий в виде пучка (См. Канон, II, стр. 727).

¹⁶² βδέλλα = βδέλλιον. См. стр. 268, прим. 147.

¹⁶³ πετροσελήνου, μακεδονικοῦ (а не μακεδονισίας). Может быть, следует читать без запятой и переводить второе слово как определение к первому, т. е. не «каменной петрушки, петрушка», а «каменной македонской петрушки».

¹⁶⁴ πολυπόδιον. См., стр. 268, прим. 146.

¹⁶⁵ Перевод последней части фразы ὃν τρόπον τὰ ἔξωθεν ἐπιθέματα στέλλοντα, ἀλλ, ἐξάγει τὰ τῶν νοσημάτων αἴτια — сомнителен.

¹⁶⁶ Против этой и следующей строки на полях той же рукой написано: ἐν π(α)υλ(?) οὐ ζῆς. ἀθα(μ)ανт. Читается эта пометка очень плохо. Считаю, однако, что должно быть: ἐν Παύλῳ οὐ ζητεύεται ἀθαμάντικον, т. е.: «У Павла *Athamanticum*

кона — 9 унций, каменной петрушки — 4 унции, мии афаманской¹⁶⁷ — 3 унции, дикого нарда понтийского, агарика — по 1 унции, меда очищенного от пены, — 3 литры.

Приготавливается же [это средство] следующим образом: каждое [из перечисленного] измельчи отдельно и просей, чтобы смесь оказалась однородной. Затем добавь мед, очищенный от пены, и вылепи пилюли по 1 драхме и давай по одной пилюле.

Употребление: около 3 часов дня, когда желудок обычно прослабится, разбавь лекарство теплой водой, полтора кубками. Выпив же, пужно гулять, если ничто не препятствует, для того чтобы лекарство, оустившись вниз благодаря движению, оказалось усвоенным.

Это самое лекарство и в ином отношении является действенным, будучи щедро дополненным сильными простыми [средствами]. Оно оказывается еще более действенным благодаря [добавлению] аристолохии — очень помогает при укоренившихся суставных болезнях. И жестким телам помогает. Благодаря же [добавлению] наших раков подходит и нежным телам. Получается же оно с применением раков следующим образом: речных раков изрядной величины, живых, обожженных в медном // сосуде, т. е. их золы, — 10 унций, горечавки неизмельченной — 5 унций, *Boswellia Carterii* нерубленной белой — 1 унцию; подогревай [при этом] деревом виноградных [лоз]; доза — 1 кубок.

Другое средство, приготавливаемое с помощью раков: золы речных раков доброй величины, живых, обожженных в красной медной посуде, — 10 унций, горечавки — 5 унций, *Boswellia Carterii* — нерубленного — 1 унцию. Лекарство следует приготавливать 18 августа¹⁶⁸, при наличии луны; если же ее нет, невелика забота — свети деревом виноградной [лозы].

Дай добавление — я [даю], как Филагрий¹⁶⁹, [а именно]: каменной петрушки — 8 драм, а обычно и 10 [драм], чтобы лекарство оказалось мочегонным; оно очень помогает больному суставами, и особенно тем, кто имеет нежное и белое тело. Давай ложку¹⁷⁰ умеренной величины, то вместе с одной водой, то с медовым напитком. Впрочем, он принимал и мед, много раз очищенный от пены, заботясь о том, чтобы сохранить его (лекарство) невыдыхающимся и крепким, а затем пил подобным же образом.

Средство, действующее при всех болезнях, а особенно для обуреваемых бессонницей, так как оно внушает сон, сменяя им дурное состояние, останавливает всякое истечение, исходящее из головы, и подсушивает, как ничто другое; действует и при воспалении миндалевидных желез, и при сердечных [заболеваниях], так как останавливает истечение пота, влияет и на мышление удивительным образом, так как более всего люди выздоравливают от вкушения сна; действует же и на [болеющих] сильными коликами и желтухой, угнетаемых женскими [болезнями] и страдающих бессонницей; будучи принятым, несказанно действует и при припадках, действует и на страдающих животом, и на истечение желчи у больных дизентерией, // и на болеющих выделениями желудка, плевры и легких или груди; [помогает] кашляющим с кровохарканьем и со страданиями выделяющим кровь, так что благодаря одному приему питья останавливается кровь и прекращается выделение.

Будучи дано, оно действует и на чахоточных, и на харкающих кровью, ибо возбуждает хороший аппетит, делает хорошим дыхание и полным пульс. Кроме того, [помогает] оно и от укусов скорпиона, как ничто другое. Действует от боли в ногах, артритной, столбнячной и ишиасной. Дается через день, утром и вечером. Действует также от всякого зловония с желудком и головой, особенно же¹⁷¹ и желудок укрепляет, вызывая сильнейшую отрыжку. Следует, впрочем, давать его с водой в виде порошка или с уксусом. Действует оно от всех ядов, например, принятое от яда змеи удивительно целительно.

Приготовление же его таково: семян садового мака¹⁷² — 4 драхмы, семян белены, шафрана — по 1 драхме, стеблей стиракса — полтора драхмы, кастория — 1 драхму, аниса — 1 драхму, кожуры мандрагоры — 1 драхму. Все это растерев, принимай с самым сладким старым вареньем. Доза — с лупин величиной или и больше.

не отыскивается». Может быть у Павла Эгинского — известного александрийского хирурга и акушера конца XI—первой половины XII в.? См. *Paul Diepgen. Geschichte der Medizin*, Bd. 1. Berlin, 1949, S. 167. Выше слева также, очевидно, что-то написано, но не попало в объектив аппарата.

¹⁶⁷ $\mu\acute{\iota}\omicron\nu$ (вм. $\mu\eta\omicron\nu$) $\acute{\alpha}\theta\alpha\mu\acute{\alpha}\nu\tau\iota\kappa\omicron\nu$ — *Meum Athamanticum* (часто без $\acute{\alpha}\theta\alpha\mu\acute{\alpha}\nu\tau\iota\kappa\omicron\nu$) — дикий укроп. Ср. Геоп., стр. 334: может быть = гладыш.

¹⁶⁸ $\tau\eta$. Но может быть и $\tau\beta$ (12).

¹⁶⁹ $\epsilon\gamma\acute{\omega}$ $\varphi\eta$ $\acute{\omicron}$ $\Phi\iota\lambda\acute{\alpha}\gamma\rho\iota\omicron\varsigma$. Ср. стр. 275.

¹⁷⁰ $\mu\acute{\omicron}\sigma\tau\rho\omicron\nu$ — видимо, мера, равная $\kappa\omicron\chi\lambda\iota\acute{\omicron}\varsigma$ (см. стр. 290, прим. 419).

¹⁷¹ Неясно — слово из двух букв: $\varphi\eta$, $\varphi\acute{\iota}$, $\varphi\acute{\omicron}$?

¹⁷² $\mu\acute{\eta}\kappa\omega\nu$. Ср. стр. 278 прим. 277.

Для эпилептика¹⁷³. Зеленъ щавеля¹⁷⁴, предпочтительней всего кудрявого щавеля¹⁷⁵, давай ежедневно от первой луны вплоть до тридцатой. Эта зелень, даваемая душевнобольным с вином, // приводит их в устойчивое состояние.

л. 245

Средство для подагрика. Безвременника¹⁷⁶ и аниса — по 1 драхме, тмина — полторы драхмы, перца — 1 драхму, евфорбия — 6 драм, касии и мастики по — 1 драхме, доза — 1 драхма.

Средство [лечения] подагрика, [приготавливаемое] с помощью корноподия (?)¹⁷⁷, действует на тех, на которых [действует] и средство, [приготовленное] с помощью безвременника; полезно оно для желудка. Имбиря — 2 граммария, перца — 1 граммарий, агарика — 3 граммария, внутренности сафлора¹⁷⁸ — 4 граммария, корня корноподия — 6 граммариев; растерев все и просеяв, [пользуйся]. Доза — 18 кератиев¹⁷⁹, страдающим же запором — 23 кератия; делает всегда [в] 7 или 8 [приемов] близким желудок¹⁸⁰.

После опорожнения, прослабив [желудок], ешь яйца и хлеб.

Прием с медовым напитком или пряным вином, давай [больному] перед началом дня, когда желудок хорошо варит.

Галена зерна очищают голову от соков, помогают и при слабом зрении, при слезоточении и помутнении, так как очищают соки всего тела.

Состав же [их] таков: внутренностей¹⁸¹ колоквинтиды¹⁸², эпифимона, семян полыни, алос, мастики, скаммония — по 10 драм с половиной; растерев все и просеяв, смешай с соком паслена¹⁸³ или укропа или с водой и сделай шарики. Доза — полторы драхмы; всего — 2 питья. Внутренности же колоквинтиды — сушеницу¹⁸⁴ следует [употреблять], только размельчив и хорошо просеяв; если не сделать так, все должно оказаться дурным.

Средство при кашле и потере голоса: лакричника и // сока лакричника — по 1 унции, трагаканфа камеди — по половине унции; растерев [все] и смешав с медом, очищенным от пены, [давай] питье — 3 драхмы ежедневно с тепловатой водой. л. 245 об.

Средство при страдании груди и при кашле: белены 12 драм, сосновых шишек очищенных — 6 драм, шелковицы — 2 драхмы, аниса, лакричника — по 7 драм; растерев [все] и просеяв, перемешай с медом, очищенным от пены; питье — половину драхмы с теплой водой.

Средство из аниса при мокротном кашле, при одышке, при хрипе и при старческом кашле, [случающемся] в диафрагме и в груди от холода и ветра; оно побуждает также принявшего к сношениям; имбиря, калгана, мастики, пирефрона — по одному гексагию¹⁸⁵, семени льняного поджаренного — 2 драхмы, очищенного лакричника — 4 гексагия, перца длинного, корицы, шафрана, касии, иссопа¹⁸⁶ — по 1 драхме, аниса, . . .¹⁸⁷ — по 10 гексагиев; растерев и просеяв, смешай с четвертью литры изюма с вынутыми косточками и измельченного наподобие мозга, затем смешай с медом,

173 Описка: ὀποληπτικῶν вместо ἐπιληπτικῶν.

174 δξύλλις, -ίδος вместо δξύλλις, -ίδος (δξύλλιδος) — Rumex acetosa.

175 δξύλάπιδον — Rumex crispus.

176 ἐρροδάκτυλον — в двух разновидностях: Colchicum luteum и Colchicum autumnale или Iris tuberosa. Ср. Канон, II стр. 718.

177 κορνποδίου (?) См. Геоп., стр. 350: может быть, κόρνποφ, -όπος — вид белой акации или рожкового дерева, «цареградские стручки», рожки локустового или медового растения.

178 κνίκος — Carthamus tinctorius.

179 κεράτιον = 1/144 унции или 1/3 оболы, т. е. = 0,189 г.

180 Нет полной уверенности в переводе этого места: ποιεῖ παντῶς ζῆ ἢ τῆ συνέγγυος γαστρῶν.

181 Отсюда и до конца листа — полоса расплывшегося от сырости текста, большей частью, однако, доступного для чтения.

182 Виднеется . . . ολοκινθίδ — первые буквы совершенно смыты, но из дальнейшего на этой же странице ясно: κολοκινθίδος, -ίδος = κολοκύνθα ἀγρία — Citrullus Colocynthis — дикий колоквинт (тыква) (Канон, II, стр. 733) или: Cucurbita maxima Duchesne — тыква гигантская (Феофр., стр. 581).

183 στρόχυνον также: баклажан (новогреч.), а с каким-либо определением и без него может иметь значение многих различных растений (Феофр., стр. 577).

184 Так: δεῖ δὲ τῆς ἐντερίωνης τῆς κολοκινθίδος τὸ γναφάλλιον. Τὸ γναφάλλιον — Dioscorea maritima — сушенница. Впрочем, здесь возможна ошибка (вместо γνάφαλλον — шерсть, волокна), т. е. из «внутренности» тыквы (колоквинтиды) нужны только «волокна» (?). Гнафалли дважды упомянут в Геопониках (стр. 183, 185), но значение этого слова не пояснено.

185 ἐξάγιον = 1 1/2 драхмы. т. е. 5, 1 г.

186 ὄσσηπος — Origanum hirtum — иссоп аптечный.

187 Неясно, читаются лишь буквы: πεν. . .

Для эпилептика ¹⁷³. Зеленъ щавеля ¹⁷⁴, предпочтительней всего кудрявого щавеля ¹⁷⁵, давай ежедневно от первой луны вплоть до тридцатой. Эта зелень, даваемая душевнобольным с вином, // приводит их в устойчивое состояние.

Средство для подагрика. Безвременника ¹⁷⁶ и аниса — по 1 драхме, тмина — полторы драхмы, перца — 1 драхму, евфорбия — 6 драм, касии и мастики по — 1 драхме, доза — 1 драхма.

Средство [лечения] подагрика, [приготавливаемое] с помощью корноподия (?) ¹⁷⁷, действует на тех, на которых [действует] и средство, [приготовленное] с помощью безвременника; полезно оно для желудка. Имбиря — 2 граммария, перца — 1 граммарий, агарика — 3 граммария, внутренности сафлора ¹⁷⁸ — 4 граммария, корня корноподия — 6 граммариев; растерев все и просеяв, [пользуйся]. Доза — 18 кератиев ¹⁷⁹, страдающим же запором — 23 кератия; делает всегда [в] 7 или 8 [приемов] близким желудок ¹⁸⁰.

После опорожнения, прослабив [желудок], ешь яйца и хлеб.

Прием с медовым напитком или пряным вином, давай [большому] перед началом дня, когда желудок хорошо варит.

Галена зерна очищают голову от соков, помогают и при слабом зрении, при слезоточении и помутнении, так как очищают соки всего тела.

Состав же [их] таков: внутренностей ¹⁸¹ колокинтиды ¹⁸², эпифимона, семян полыни, алос, мастики, скаммония — по 10 драм с половиной; растерев все и просеяв, смешай с соком паслена ¹⁸³ или укропа или с водой и сделай шарики. Доза — полторы драхмы; всего — 2 питья. Внутренности же колокинтиды — сушеницу ¹⁸⁴ следует [употреблять], только размельчив и хорошо просеяв; если не сделать так, все должно оказаться дурным.

Средство при кашле и потере голоса: лакричника и // сока лакричника — по 1 унции, трагаканфа камеди — по половине унции; растерев [все] и смешав с медом, очищенным от пены, [давай] питье — 3 драхмы ежедневно с тепловатой водой.

л. 245 об.

Средство при страдании груди и при кашле: белены 12 драм, сосновых шишек очищенных — 6 драм, шелковицы — 2 драхмы, аниса, лакричника — по 7 драм; растерев [все] и просеяв, перемешай с медом, очищенным от пены; питье — половину драхмы с теплой водой.

Средство из аниса при мокротном кашле, при одышке, при хрипе и при старческом кашле, [случающемся] в диафрагме и в груди от холода и ветра; оно побуждает также принявшего к сношениям; имбиря, калгана, мастики, пирефрона — по одному гексагию ¹⁸⁵, семени льяного поджаренного — 2 драхмы, очищенного лакричника — 4 гексагия, перца длинного, корицы, шафрана, касии, иссопа ¹⁸⁶ — по 1 драхме, аниса, . . . ¹⁸⁷ — по 10 гексагиев; растерев и просеяв, смешай с четвертью литры изюма с вынутыми косточками и измельченного наподобие мозга, затем смешай с медом,

173 Описка: ἀποληπτικῶν вместо ἐπιληπτικῶν.
174 ὀξύλλης, -ίδος вместо ὀξυλλίς, -ίδος (ὀξυλλίς) — Rumex acetosa.
175 ὀξύλακτον — Rumex crispus.

176 ἐρμῶδακτον — в двух разновидностях: Colchicum luteum и Colchicum autumnale или Iris tuberosa. Ср. Канон, II стр. 718.

177 κορνποδίου (?) См. Геоп., стр. 350: может быть, κόρροφ, -όπος — вид белой акации или рожкового дерева, «цареградские стручки», рожки локустового или медового растения.

178 κνίκος — Carthamus tinctorius.
179 κεράτιον = 1/144 унции или 1/3 оболы, т. е. = 0,189 г.

180 Нет полной уверенности в переводе этого места: ποιεῖ παντῶς ζῆ ἢ τῆ συνέγγυς γαστρὸν.

181 Отсюда и до конца листа — полоса расплывшегося от сырости текста, большей частью, однако, доступного для чтения.

182 Виднеется . . . ολοκινθίδ — первые буквы совершенно смыты, но из дальнейшего на этой же странице ясно: κολοκινθίδς, -ίδος = κολοκύνθα ἀγρία — Citrullus Colocynthis — дикий колоквинт (тыква) (Канон, II, стр. 733) или: Cucurbita maxima Duchesne — тыква гигантская (Феофр., стр. 581).

183 στρύχων также: баклажан (новогреч.), а с каким-либо определением и без него может иметь значение многих различных растений (Феофр., стр. 577).

184 Так: δεῖ δὲ τῆς ἐντερίωνης τῆς κολοκινθίδος τὸ γναφάλλιον. Τὸ γναφάλλιον — Dioscorea maritima — сушеница. Впрочем, здесь возможна ошибка (вместо γνάφαλλον — шерсть, волокна), т. е. из «внутренности» тыквы (колокинтиды) нужны только «волокна» (?). Гнафалли дважды упомянут в Геопониках (стр. 183, 185), но значение этого слова не пояснено.

185 ἐξάγιον = 1 1/2 драхмы. т. е. 5, 1 г.
186 ὄσσηπος — Origanum hirtum — иссоп аптечный.
187 Неясно, читаются лишь буквы: πεν. . .

Сольца ²⁰⁴ . . . , ²⁰⁵ которого принуждай силой к . . . ²⁰⁶ для удобоваримости пищи, нет лучшего . . . ничего, так как лекарство все внутренние страдания и . . . силу всякому телу доставляет, голову . . . облегчает сильные страдания; самое лучшее . . . так как и не причиняет неприятностей для полости рта. Винограда . . . , семян льна — 1 унцию, царского тмина — 1 унцию, иссопа — 4 драхмы, . . . ²⁰⁷ — 4 драхмы, ориганона ²⁰⁸, блоншиной мяты, тмина, сильфия ²⁰⁹, костоса — по 2 драхмы, соли обожженной — 3 унции — пользуйся, когда хочешь.

. . . О лечении смертельно больных ²¹⁰ . . . гриба, или по виду вредного] . . . [вредят?]/ ²¹¹ или . . . множество приносят
 удушье помочь же следует прямо принуждая
 посредством растительного масла удивительно же помогает // зола л. 247
 от виноградных лоз или от дерева дикой груши ²¹², выпиваемая с кислым вином, смешанным с водой, с солью или натром ²¹³. Дикая груша или хмель, сваренные вместе с грибами, устраняют удушье у этих [больных]. Помогают же, будучи съедены, и куриные яйца, сваренные с кислым вином, смешанным с водой. Мелисса ²¹⁴ с натром или вино-каменная соль ²¹⁵ с водой и редька или горчица, или кардамон помогают, будучи съедены. Впрочем, грибы [помогают] не только задыхающимся, но и людям с уязвленным кишечником. Следует давать им в обильном количестве также полынный и смоковичный отвар ²¹⁶, ориганон, медовый напиток, рвотное ²¹⁷ и [устраивать] горячую ванну.

Принимающим свернувшееся молоко, если случится продолжительное сильное удушье, нужно давать первое молоко после отела с уксусом много раз; принуждай при этом пить и сухие листья кошачьей мяты или [ее] сок и критский тимьян ²¹⁸ с вином. Соленого же ничего не давай. Ничто не должно побуждать их к рвоте, ведь [тогда] они еще сильнее задыхаются.

Пьющим же мел — [давать] растительное масло в медовом напитке, отвар смолы и смоковичную золу или золу из виноградных лоз с вином и ориганон, или критский тимьян ²¹⁹ с золой или уксусом, но их (?) нужно промывать сладким [вином] или отваром мальвы ²²⁰.

Для людей же, пьющих известь или сандарак ²²¹, или мышьяк ²²², помогает при возбуждении рвоты их животу сок мальвы, отвар семян льна, молоко // в большом л. 247
 количестве, медовый напиток и бульоны, жирные и сочные. об.

²⁰⁴ На этом слове заканчивается последняя строка неиспорченного текста этого наиболее пострадавшего от сырости листа. Отсюда и до конца листа едва читается половина текста: левая сторона, особенно последние 8 строк, кроме их окончаний, полностью смыты. Утраченные места помечены нами точками.

²⁰⁵ Начала слова нет, окончание — . . . *μανέθωνος*.

²⁰⁶ Неясно виднеется: *βασιλιτ(ον)* (?). Трудно сказать, что это — одно из названий лекарств, главная мазь, пластырь или название растения: *βασιλικον* (?) — *Ocimum basilicum* — базилик.

²⁰⁷ Название какого-то растения, виднеются 2 первые буквы — *θυ* и 3 последние *ου* (*θυ* *ου*).

²⁰⁸ *ὀρίγανον* = *origanum* — *Origanum vulgare* — душица обыкновенная (Феофр., стр. 540), острая трава, подобная майорану, имеет несколько разновидностей. Ср. стр. 264, прим. 75.

²⁰⁹ *σίφιον* — *Ferula tingitana* — лазерный.

²¹⁰ *θανάσιμος* или: смертельных болезней.

²¹¹ Буквы в скобках смыты, предполагаем — (*βλά*)*πτουσιν*.

²¹² *ἀχράς, -άδος* — *Rugus amygdalifolium* (или *amygdaliformis*) — вид дикой груши, противоположной *ἄπιος* — садовой груше (Феофр., стр. 535).

²¹³ *νίτρον* — селитра, углекислая сера, сульфат соды (Jeans., p. 149). Ср. стр. 266, прим. 98.

²¹⁴ *μελισσόφυλλον* = *μελισσοβότανον* — *Melissa officinalis*.

²¹⁵ *τρὸξ οἶνου σὺν κεκαυμένῃ* — очевидно, вместо: *τρὸξ οἶνου κεκαυμένη* = *φέκλη* = *φακλα* = *σφέκλη* = *faecula* — вино-каменная соль. См. стр. 287, прим. 390.

²¹⁶ *ἀφέψημα* — декокт.

²¹⁷ Явственно читается: *καὶ ἔμετος*. Может быть, описка писца — пропущено отрицание *μή* или *οὐ*, так как противоречит дальнейшему: не давать ничего, что может вызвать рвоту, «ведь [тогда] они еще сильнее задыхаются» (?).

²¹⁸ *θύμον* — *Thymbra capitata* (Феофр., стр. 549); также: микстура из тимьяна, а также неизвестное морское растение.

²¹⁹ *θύμα*, если это мн. число от *θύμον* (см. пред. прим.).

²²⁰ *μαλάχη* — *Malva silvestris* — просвирник лесной (Феофр., стр. 567), а также: *Lavatera arborescens* — хатьма (Канон, II, стр. 567).

²²¹ *σανδαράκη* = *sandarākhē* — реальгар, а также: медоносное растение, перга. Согласно Канону (II, стр. 751), — камедь *Callitris quadrivalvis* Vent.

²²² *ἀρσενικόν* — мышьяковая красная сера.

Принимающих же чемерицу белую ²²³ или фансию, или Esballium Elaterium или мухомор ²²⁴, когда [у них] случается черное удущье, следует подлечивать подобно тому, как это было сказано о грибах.

Холодная вода в большом количестве или неразбавленное вино очень сладкое, особенно после бани, бега и сильных упражнений, причиняет удущье и боли, при которых быстро предпринятое кровопускание и опорожнение избавляют от опасности.

Белена, выпитая или съеденная, причиняет безумие, подобное опьянению. Является же хорошим лечащим [средством], будучи сдобренной медовым напитком, выпиваемым в большом количестве, и молоком, особенно ослиным; если же его нет, то козьим или коровьим и отваром из сухих смолк. Подходят также цикорий ²²⁵, горчица, кардамон, редька, лук и чеснок; каждое из них припимается с вином.

Следует этих [больных] принуждать сохранять спокойствие, [а именно] приводить их в состояние опьянения вином.

При укусе фаланги сухой плод коровьего пастернака ²²⁶, кошачью мяту — в равном количестве, растерев вместе, давай по 1 драхме с вином — 2 кубка, много раз в течение дня.

При укусе скорпиона намажь ранку улиткой или земляным червем.

л. 248 Таблетка, называемая обезболивающей ²²⁷, действуя на больных дизентерией, недавно заболевших и со старым заболеванием, и вообще // на [больных] со всяким хроническим состоянием, особенно на страдающих бессонницей из-за боли, является превосходным средством. Каменной петрушки — 1 унцию, аниса — 4 драхмы, царского тмина — 4 драхмы, семян укропа — 4 драхмы, семян белены — 1 граммарий; доза — с водой — 1 драхму, бессильным же — половину драхмы.

Смягчающее средство Левкия (?) ²²⁸. Действует и при гнойных воспалениях внутри [тела], при судорогах ²²⁹ нервов (связок? сухожилий?), при оцепенениях суставов, которые мы называем анкилозами; действует и на больных столбнячным изгибом ²³⁰ и при всяких нервных страданиях. Является же хорошим укрепляющим лекарством. Растворенное присовым [маслом] или маслом из лавзонии ²³¹, действует при длительных и застарелых заболеваниях. Состав: бделлия, сала теленка, фиимиа аммонияка. ириса — по 2 ²³² унции, опопанакса, гальбана, жареного ячменя ²³³, Boswellia Carterii, стиракса — по 8 унций, перца 160 зерен, воска — 6 унций, теревинфа — 6 унций, присового мирра или масла из лавзонии, сыворотки, сколько [входит] в 2 с половиной унции, вина достаточное количество. Фиимиа аммонияка, опопанакс, Boswellia Carterii разотри с вином, [затем] растопи то, что может быть растоплено, и, сняв с огня, вынь все [оставшееся] нерастопившимся, затем подбавляй к нему расплавленное и, соединив, вылей в ступку, разомни с силой и, вытичив полученное, пользуйся этим.

л. 248 об. Лучше всего же Галеново лекарство, приготовленное с помощью сосновых выжимок. Получай же его таким образом: сосновых выжимок — 1 литру, опопанакса — 3 унции, укуса кислейшего — 2 кубка (?) ²³⁴; с укусом разомни опопанакс, прочее же, положив вместе со // смолой, вари, пока не испарится укус, и, вылив [туда] растертый

об. Это самое лекарство кладется в раны от укусов бешеной собаки в течение 40—60 дней, не позволяя [ранам] зарубцовываться.

[Лекарство] Галена ²³⁵, заставляющее созреть, растворяющее и размягчающее опухоли, поэтому должно использоваться только [людьми] с нежными телами. Для более же жестких [тел] смешай его с металлическими [веществами]. При ранении же сухожилий смесь делается соответственно природе тел и страданий.

223 *ἐλλέβορος λευκός* — Veratrum album. Ср. стр. 268, прим. 142.

224 *ἀγαρικόν μέλαν* — Amanita muscaria.

225 *κίχωρια* = *κίχόρεια* — Cichorium Intybus.

226 *σπονδόλιον* вместо *σπονδόλιον* — Heracleum sphondylium.

227 *ἀνόδανος* вместо *ἀνόδυνος*.

228 *λεύκιου* — имя собственное (?) — «компресс Левкия» (?), подобно тому, как ниже пойдет речь о «Галеновом лекарстве».

229 *συνοκλή* — сжатие, сужение, уплотнение, сокращение, (просто) заболевание, стягивание, конвульсия, спазма.

230 *ὀπισθοτονικός* — страдающий болезнью, при которой тело судорожно застывает в изгибе.

231 *κωπρίνος* — прилаг. от *κόπρος* — Lawsonia inermis — аравийский кустарник, из цветов которого добывали масло или мазь, также — хна.

232 Цифра написана не четко: может быть, не β̄ (2), а ᾱ (1).

233 *κάγχρος* = *κάχρος* — жареный ячмень, но также *τὸ κάχρυ* — плод *λίβανωτις* (розмарина ладанного — *Leosocia cretica*) = *λίβανωτις χαρυφόρος*, а также: *Rosmarinus officianalis*.

234 *κόβατος*, но может быть, и *κοχλίας* = *κοχλίας* — улитка (как мера, равная ложке ?). См. стр. 290, прим. 419.

235 Против этой строки на полях той же рукою написано *ἄλλο* (т. е. *ἄλλο* — «иначе»), где *ἄ*, будучи написана киноварью, выцвела.

Опопанакса ²³⁶ — 1 унцию, сока ²³⁷ теревинфа — 1 унцию, сочной перги ²³⁸ — 6 унций; если же нет свежей перги, следует примешать [к несвежей] теревинфа 2 унции, если же нет никакой перги, добавь выжимок смолы 6 унций. Опопанакс разотри с белым уксусом. Это лекарство заставляет созреть огуходы и извлекает расположенные в глубине [тела органы] от влаги, отделяет [ее] и очищает от [нее].

Смягчающее [средство] Филагрия. Зелени анефа — 16 унций, свежего морского лука — 6 унций, масла из незрелых оливок — 7 с половиной унций, воды — 3 секстария. Мочи анеф и морской лук в воде, смешанной с маслом, в течение 3 дней; затем вари, пока не испарится вода и, процедив, добавь 2 литры свежего воска, мозга оленьего или жира оленьего 1 литру, приготовь и пользуйся от вышеупомянутого.

Компресс при ранении сухожилий, при ссадинах на суставах, при переломах, для больных ишиасом и искривлением пальцев и для страдающих нервами, при подагрической походке, при затвердении // и при ушибах. Ведь [этот компресс] размягчает затвердения всех суставов и при нагноении ²³⁹ глаз, накладываемый на виски, помогает удивительно, так как является весьма благотворным. л. 249

[Состав]: сухой сосновой смолы 9 унций, растительного масла 9 унций вари, пока не размягчится. Затем добавь 4 унции воска, 2 ²⁴⁰ унции теревинфа и вари, пока все хорошо не соединится; затем добавь 4 унции зерен *Boswellia Carterii*, 3 драхмы натра, 1 унцию гальбана; затем приготовленное таким образом вылей в ступку, разотри с силой и, вынув [полученное], пользуйся.

Тутия успокаивающая, называемая кадмия ²⁴¹, готовится следующим образом. Взяв тутию, положи ее на угли и, когда она загорится, сбрось ее с углей и обрызгай уксусом; сделай это семь раз, затем разотри, просей в тряпку, держи у слезящихся глаз и прекратишь жжение.

«Пластырь Асклепия», делающий прокалывание (?) ²⁴² при подагре и при различных страданиях, дешевищу которого узнав, не пренебрегай им. Ведь его Адриан-император, сам пользовавшийся этим лекарством, удивительным по силе, подарил римскому сенатору ²⁴³. А именно: [это лекарство] является целебным при любой неизлечимой болезни ног, а также при [всяких] очень тяжелых и мучительных [болезнях]; оно оказывается сильнейшим лекарством. Например, в начале припадка является весьма сильно действующим, делает его безболезненным и ослабленным. После второго и третьего приема позволяет беспрепятственно гулять [больному]; если же кто-либо, после того как вылечился, будет прилежно пользоваться им в течение 2 или 3 месяцев непрерывно, [то у него] никогда не случится боли в ногах. Действует не только при болях в ногах, но и при всякой неврической // болезни ²⁴⁴. Пользуйся же им таким образом: при растяжениях связок и при разрыве [их] и при болях, случающихся в конечностях и коленях, смочив лавзониевым маслом опопанакс, подмешивай его к лекарству. л. 249 об.

Полезен и при лишае с жидкой смолой. При головных болях пропитай его розовым маслом. При гангрене ²⁴⁵, при щелях (?) ²⁴⁶ и при переломах — вина и меда примешай к лекарству. При всяком страдании и при наличии ревматических мест пользуйся переработанным лекарством — немедленно успокаивает (боль).

[Состав]: 6 унций воска-тиртиника ²⁴⁷, 2 унции *Boswellia Carterii* мужской, 10 унций сока льняного семени, 10 унций коровьего молока, 10 унций животного масла, 10 унций гусяного жира, 4 унции канифоли, 8 куриных яиц — разбив, положи только белок, 10 унций смолы (камеда?), 4 унции теревинфа, 10 унций масла растительного старого или масла из незрелых оливок, 8 унций фимиама аммонияка. Смесь же эту — смолу аммонияковую и *Boswellia Carterii* — раствори сильно, прежде растерев, а затем раствори снова молоком. Затем, положив сок льняного семени, раствори [еще]. Затем

²³⁶ ἀποπάναξ вместо ὀποπάναξ.

²³⁷ χυλός, но можно читать и χύα — хиосский (теревинф) (слово написано сокращенно).

²³⁸ πρόπολις — также: пчелиный клей, переработанная пчелами пыльца. Ср. *Jean.*, p. 155.

²³⁹ ῥεῖμα — истечение (может быть «при слезотечении»?).

²⁴⁰ Цифра написана неясно: β̄ (2) или ε̄ (5).

²⁴¹ κάδμια = κάδμια = κάδμια — также (с предполагаемым γῆ): Cadamis — кадмий, что здесь едва ли подходит.

²⁴² Так: διαπέτραν ποιῶσα (?) — Ср. стр. 276, прим. 249.

²⁴³ Римский император (117—138 гг.), но Ἀδριανὸς καίσαρ можно перевести и «Адриан кесарь» (кесарь — византийский придворный титул, дававшийся близким родственникам императора); известен кесарь Адриан, брат Алексея I Комнина (1081—1118). Слово ρωμ' написано в рукописи сокращенно и может быть восстановлено как Ῥώμιος (Рима), Ῥωμαῖος (Роману) и Ῥωμαῖος (римлянину, ромею — так называли себя и византийцы).

²⁴⁴ νευριτικῆς νόσου.

²⁴⁵ γαγγραινα — язва, зараза.

²⁴⁶ πόρος — отверстие, пора, проход, канал.

²⁴⁷ τυραννικός вместо τυρηνικός. См. стр. 267, прим. 128.

яйца с каждым из этих [веществ] соединив, в ступке раствори ²⁴⁸. Ничуть не мешкай с приготовлением состава более чем один день; собери [его] в коробочку и пользуйся. Ведь с расплатой сопряжена проба (?) ²⁴⁹.

Укрепляющее средство — сильно действует при хроническом ишиасе, анкилозе и параличах. Старого растительного масла — 1 литру, ирисового масла — 6 граммариев, масла из стиракса — 9 ²⁵⁰ унций, лаврового масла — 6 унций, теревинфа, евфорбия, фимиама аммонияка, кастория, перца, опопанакса, гальбана — по 2 унции, оленьего мозга // — 1 унцию с половиной; в другом [случае] — 4 унции с половиной. Растворимое раствори, вылей на сухое и, соединив, пользуйся — иногда неразбавленным, иногда же с розовым или иным маслом. Сухое же [при этом] вином растворяется.

Иначе, когда все эти средства заменяются: 6 литров зеленого корня бешеного огурца ²⁵¹, сладкого растительного масла — 2 литры, в ином [случае] — 3, оленьего мозга, теревинфа, воска — по 2 унции; иначе — 6, 6 жаб-лягушек. Положив лягушек в плетеную круглую корзинку, зашей их и в таком виде опустить в кипящее растительное масло и вари их вплоть до их размягчения. Затем, вынув корзинку с лягушками, положи [в масло] зеленый корень бешеного огурца, изрезанный на части, и вари, пока не придашь маслу крепость. Процедив, добавив растворимое и прежде процеженное, переложив в стеклянный сосуд, пользуйся утром и вечером при подагрических [болях], артритах, ишиасе и ²⁵². Мы знали людей, у которых были искривлены все члены тела от подагры и хирагры, а пользуясь этим [лекарством] они выздоровели и избавились от этих болезней настолько, что [ходили] как здоровые.

Мы же готовим лекарство, как Асклепий, добавляя полторы литры майорана, 1 литру шафранового масла, 3 унции сока бальзамного дерева, кровь 10 черепах.

От чего следует удерживать больных артритом. Больные артритом пусть воздерживаются от лубовных наслаждений, от мяса, особенно от свиного и соленого, от рассола, от свеклы, моркови, дикой мяты, лагука вываренного, // от дынь, голов рыб. . . ²⁵³ моллюсков и ракообразных, от всяких бобовых и всего, имеющего жирные соки, от черного вина и [вина вообще] в большом количестве. [Нельзя] также мыться каждый день и заниматься гимнастикой или ходить пешком, или ездить верхом или на носилках. [Следует воздерживаться] от худосочного говяжьего мяса, от мяса козлов, баранов, от яиц, жареных на сковороде, от сыра старого, грибов, греческого сена ²⁵⁴, чечевицы, овса, однозерянки, проса не сочного. Из рыб же [не следует есть] драконтия ²⁵⁵, коккикса ²⁵⁶, колючего бычка ²⁵⁷, больших морских окуней, красную кефаль ²⁵⁸, какие питаются раками, и тех из рыб, которые велики [по размерам]. И всякие плоды [запрещаются?]: впрочем, смоквы менее других [плодов] худосочны, подобным же образом и виноград. Худосочен же инжир.

Пусть едят больше следующие [фрукты]: незрелые груши, артишоки, особенно когкогда они становятся более жесткими, арбузы ²⁵⁹, дыни или тыквы, хорошо сушеные. Из овощей [не следует есть] ничего сочного, среди каковых находится салат, индивий, затем мальва съедобная (?), лук, лук-порей, чеснок, капуста, репа ²⁶⁰, не сваренная хорошо.

Лук, чеснок, лук-порей и черемша ²⁶¹, будучи дважды сварены, теряют худосочие.

При бельме (?) ²⁶² удивительное испытанное [средство]. Взяв пемзу ²⁶³ нежную, не имеющую камешков, и растерев ее хорошо, пропитай затем ее соком полыни и положи на солнце. Сделай это четыре раза, пока [пемза] не окажется подобной дорожной

²⁴⁸ Трудно понимаемо: очевидно, здесь ошибка писца: εἶτα τῶν τὰ ὡὰ συνεκά-
τερα τοῖς ἐν τῇ θύῃα συνενώσας λύε αὐτά.

²⁴⁹ Сомнительно: συν θωῆ (может быть συν Θεῶ) ἐστὶ γὰρ διάπειρα. Ср. стр. 27,
прим. 242 и стр. 286, прим. 382.

²⁵⁰ ῥ предположительно: на цифре клякса.

²⁵¹ σικίου ἀγρίου Ср. стр. 267, прим. 127.

²⁵² παρειμ. . . (?)

²⁵³ ἰχθύων δὲ κεφάλων γοφῶν (?). Может быть последние два слова означают виды
рыб, но о них сказано особо ниже. Новогреческое же γοφός (бедро) здесь,
кажется, но совсем уместно.

²⁵⁴ τίλη вместо τήλη — Trigonella Foenum graecum — «божья трава» (Jeans, p. 152).

²⁵⁵ δρακόντιον — вид рыбы, может быть = δράκων — рыба — the great weever
(англ.). Ср. стр. 293, прим. 487.

²⁵⁶ κόκκιξ, -ότος (в рукописи: κοκκίγια) — морская рыба — Trigla Cuculus — pipe
(англ.).

²⁵⁷ σκorpion — Scorpaena scrofa (проблематично).

²⁵⁸ τρίγλαι — лобаны, барабулька, красная кефаль. Ср. Геоп., стр. 348.

²⁵⁹ ἀγκούρια вместо ἀγγούριον = ἄγγουρον = ἄγγουρι — огурец; также: χερμωνικό(ν) =
= καρπούζι — арбуз (новогр.).

²⁶⁰ γογγύλη.

²⁶¹ ἀμπελόπρασον — Allium ampeloprasum — виноградный лук-порей.

²⁶² λβετμα. Вероятно, ошибка — вместо λεύωμα — белое пятнышко в глазу,
о чем действительно ниже и идет речь.

²⁶³ κίσσιρις (κίσσηρις) — пелезовый камень.

ныли. [Затем] положи камфору ²⁶⁴ благовонную // и немного мускуса. [Беря] от этого л. 251
запаса, вкладывай на бельмо утром и вечером. После того как его очистит слеза,
имей наготове согревающее. Если есть сухие розы и. . . ²⁶⁵, смешанные в глиняном
горшке, давай поддерживать это вблизи того глаза, который болит, и он излечится через
20 дней.

Испытанное же [средство] при слабом зрении и катарракте. Найди гнездо ласточки,
и если есть в нем птенцы, уже готовые к тому, чтобы через 4 или 5 дней улететь, проткни
глаза двух птенцов так, чтобы только вытекла из глаз влага и глаза их остановились,
заметь их и, придя через 4 дня, найди тех, которые были ослеплены. Вынув их
[из гнезда], наточи клинок так, чтобы рубить, как ножом. И, отделив после этого го-
ловы [птенцов], сожги их и размельчи наподобие дорожной пыли; просеив [затем]
пенел] через тонкую тряпку, получай [лекарство]. [Взяв] этого самого [средства]
2 меры и одну меру корицы, растертой и просеянной подобно тому, как [это было сде-
лано с] головами ласточек, и все это смешав, клади в глаз три раза или больше.

Для того, чтобы глаза не слезились. Жженой медью с медом или молоком
женщины намажь веки, или соком мака с водой.

Для большого глаза и для очищения от крови. Розы ²⁶⁶ подсушенные и желток
яйца, растертые вместе; мажь между глазами — удивительное [средство].

При помрачении глаз: смешав желчь зайца с медом, пользуйся // — и прочи- л. 251
щаются [глаза]. об.

Иное — [также] замечательное [средство]. Полынный сок, смешав с медом, капай
в глаза.

При слезящихся глазах и при головной боли ²⁶⁷. Алоэ, шафран, растерев
в равном по весу количестве с желтком яйца и уксусом, намажь [между глазами].

Для того, чтобы очистить бельмо. Растерев с медом помет горлицы, пользуйся;
сильно очищает. Иначе: желчь куропатки или ворона, или коршуна, или кефали ²⁶⁸
положи и излечится; или «слезинку» ²⁶⁹ старую разотри и приложи.

Для останавливания слез: 9 козьих ягод, 5 зерен перца разотри и разомни с медом
и мажь между глазами.

Иначе: желчь коршуна, смешав с соком лука-порея, удалишь всякую слабость
зрения, помочив этим глаза, прекратишь и всякую боль (в них).

Иначе: растерев помет голубя с кислейшим уксусом, мажь между глазами.

При опухании глаз и для очищения от крови. Измельчив хорошенько кору вяза ²⁷⁰,
смешав ее с чистой мочой ребенка и сварив, пока не загустеет, положи на глаза и
[это средство их] вылечит.

При «ячмене» глаза. [Натрусив] порошок и мед вместе, накапав, намажь
[глаз].

Иначе: отделив у мухи голову, намажь остальным телом вокруг [«ячменя»] —
замечательное [средство].

Порошок для глаз — иначе не изготавливается. Взяв дикую руту, высуши ее на
солнце, тщательно разотри, положи в медный сосуд и оставь на три месяца. [Затем,
беря] оттуда, смазывай глаза, как порошком. Нисколько не страдал глазами пользо-
вавшийся им . . . Илья ²⁷¹, врач // царя Феодосия ²⁷².

При глазе, начинающем мигать (?) ²⁷³. Согрев мочу бычка, смочи ею глаз, и он тот- л. 252
час избавится [от болезни].

При бельме весьма испытанное [средство]. Сжегчи левое копыто осла и растерев
его хорошо с ослиным молоком, влей в глаз — замечательно [действует].

[Средство], очищающее от флегмы голову, удаляющее и всякую слабость зрения.
[Возьми] по 3 унции ориганона, иссопа, дикого винограда, 1 секстарию сапы ²⁷⁴,
3 секстарию уксуса — вари все, пока не останется третья часть и пока [смесь]
не превратится во флегму; мешай же [при этом] лучиной.

²⁶⁴ *καφοράν* вместо *καφουράν*.

²⁶⁵ *νοξέρια* (?).

²⁶⁶ Первая буква (ρ) в слове *ρόδα* (?) совершенно выщелена.

²⁶⁷ Последнее слово заголовка (*πόνον*) было пропущено при переписывании и
вставлено после на полях киноварью, той же рукой.

²⁶⁸ *κέφαλος* — также: лобан, барбулька. См. стр. 276 и прим. 253.

²⁶⁹ Сомнительно: написано *δακρῶδ* может быть, *δακρῶδιον* = *σκαμμόνια* — добы-
ваемое из корней скаммонии очистительное средство. Впрочем, согласно Теоф-
расту (стр. 496) и Ибн-Сине (Канон, II, стр. 753), *δακρῶν* — вообще клейкий или
воднистый сок, выделяемый разными растениями.

²⁷⁰ *πτελέα* — *Ulmus glabra* — ильм, берест.

²⁷¹ Неясно. *λεγ. σωθ. (ἐλεγον σωθεῖσα-ρ) ἡλίας*.

²⁷² *ὁ ἱατρος θεοδο(σίου) τοῦ βασιλέως* — Феодосий I (379—395) или Феодосий II
(408—450).

²⁷³ Сокращение *δεδο* (или *δδ*) далее встречается неоднократно и явно означает
δεδοιμασμένος (от *δοιμάζω*); здесь же мы предполагаем *δεδοίκειν* вместо *δαίβειν* —
бояться, дрожать, мигать.

²⁷⁴ *ἔψηρα* — виноградное сусло, выкипяченное вино (см. Геоп., стр. 326),
а также и иной отвар, все, что сварено кипячением, варенье.

Сольца ²⁷⁵ Гиппократа, который пользуются каллиграфы со слабым зрением. Очищает взоры и делает острым зрение. [Взяв] иссопа, блошиной мяты 4 унциями, царского тмина 1 унцию, 4 унции жженой соли, оригана, стахиса по 2 унции, 1 унцию перца, половину унции тмина, 1 унцию элифимона и, растерев и просеяв все, ешь со всякой пищей.

Для глаза цветущего испытанное ²⁷⁶ [средство]: роз — 4 гексагия, шафрана — 2 гексагия, акадии — 1 гексагий, опия ²⁷⁷ — 2 с половиной кератия, камеди — 3 гексагия, стахиса ароматного — 4 кератия и 2 (?) ²⁷⁸; растерев и просеяв [все], смешай с дождевой водой и пользуйся.

При застаревшем бельме и при влажности глаз, вредящей им, и когда сильно щиплет глаза. Растерев с уксусом медные опилки, суши их в течение 7 дней на солнце и, растерев хорошо [еще раз], употребляй со съестным ²⁷⁹, так как это излечивает его ²⁸⁰.

При слезящихся глазах полезно холодное — удивительно [помогает].

Свинцовых ²⁸¹ белил ²⁸², трагаканфа, кровавика ²⁸³ и роз по 1 части, растерев и просеяв, смешай с дождевой водой и, намазав // руки розовым маслом и сделав чечевицевидные зернышки, пользуйся.

Белый порошок — при обильном слезоточении, при травме, при жжении и при всякой боли глаза. [Взяв] смолы, белой, *Boswellia Carterii*, свинцовых белил ²⁸⁴ — по 2 драхмы, опия — 1 драхму, трагаканфа — половину драхмы и все растерев и просеяв, пользуйся.

При жжении и «облачке» ²⁸⁵ в глазу, когда щиплет глаз, при зуде, при разрыве и набрякших веках: свинцовых белил — 2 драхмы, медного — кератий ²⁸⁶ (?), гексагий, кровавика, трагаканфа, смолы — по половине драхмы, золота акации ²⁸⁷ — по 4 кератия, сока мака, стахиса индийского — по 2 с половиной кератия, камфоры — 1 кератий с половиной; растерев все и просеяв, смешай с родостагмой, сделай зернышки наподобие зерен чечевицы и, растерев с белком яйца или женским молоком, капай в глаза. Является замечательным [средством].

Порошок [для] посыпания глаза от жара: ²⁸⁸ персидской смолы ²⁸⁹ — 5 драхм, тонкой муки ²⁹⁰ — 4 драхмы, губки ²⁹¹ — 3 драхмы, сахара — 2 драхмы; растерев все и просеяв, пользуйся.

²⁷⁵ Далее со слова ἀλάτιον до слова σεΐσας текст нашей рукописи в значительной степени совпадает с несколько более пространном текстом этого рецепта, сохранившимся в рукописи Библ. АН СССР за № ХХА а/8 (XVII в.), который был издан с переводом А. Ф. Вишняковой в 1927 г. (См. сборник «Вспомогательные исторические дисциплины». М.—Л., 1927; А. Ф. Вишнякова. Из истории греческой письменности, стр. 179). Перевод Вишняковой: «Соль Гиппократа, чтобы ею пользовались каллиграфы, когда у них притупляется зрение, и тотчас они начинают видеть: очищает она зрение и зоркость дает. А состав ее такой: иссопа, поляя — унции 4; сурика (очевидно ошибка, следует читать ἄμι (ἄμι) — см. стр. 266, прим. 104. — Г. Л.), называемого по-сарацки влиах, — унция 1, обожженной соли — унции 4, душицы, восточного нарда — по две унции, перца — унция 1, тмина — половина унции, повилки — 1 унция. Все это изруби и смешай и держи в ящичке из слоновой кости и употребляй в пище». Даже беглого сравнения достаточно для вывода о том, что оба автора пользовались одним и тем же изложением этого рецепта. В нашей рукописи автор, заимствуя почти буквально все основное, пренебрегает частностями.

²⁷⁶ Снова точно такая же аббревиатура (δεδο), о которой мы уже говорили выше (см. прим. 273 к стр. 277), но и здесь и ниже смысл ее совершенно ясен — δεδοκμασμένον (испытанное).

²⁷⁷ ὄπιον — сок мака. Ср. стр. 270, прим. 172.

²⁷⁸ Ясно читается δ̄ καὶ δύο — 4 и два.

²⁷⁹ βρωτίου (?).

²⁸⁰ αὐτόν — неясно: больного, бельмо или глаз.

²⁸¹ Рецепту не предпослано никакого введения, что необычно для нашей рукописи: от какой он болезни? Может быть, здесь какой-то пропуск.

²⁸² φινώθειον μολύβδου.

²⁸³ λίθος αἰματίτης — красный железняк, гематит.

²⁸⁴ φινώθειον — ср. выше, прим. 282.

²⁸⁵ νεφέλιον — облакоподобное пятно на глазу.

²⁸⁶ После слова «медного» (χαλκοῦ) стоит аббревиатура, которая в рукописи обычно означает меру — кератий — кератий; очевидно, здесь и далее есть пропуск.

²⁸⁷ Так: τοῦ χρυσοῦ ἀκακίαν ἀνὰ κερατίου δ̄ — очевидно, вместо χρυσοῦ ἀκακίας (золота акации, цвета акации) или вместо χρυσῆς ἀκακίας (желтой акации), но и тому и другому предположению противоречит следующее ἀνὰ (по), которое обычно ставится, когда речь идет не об одном, а о нескольких предметах.

²⁸⁸ ξηρίον πάσματος — букв.: порошок глазной пудры от жара.

²⁸⁹ σαρκολόλλα — *Astragalus fasciculifolius*.

²⁹⁰ ἄμυλον.

²⁹¹ ἀλκυόβειον — губка-гибрид.

Порошок при ветре и загрязнении глаза от ветра. Помогает замечательно: персидской смолы — 5 драхм, шафрана, опи́я — по 2 драхмы; растерев все и хорошо просеяв, пользуйся.

Иначе: в подобном же случае — персидской смолы белой — 6 драхм, сахара — 4 драхмы, свинцовых белил — 4 драхмы, шафрана — 1 драхму; растерев персидскую смолу отдельно, а все другое измельчив и просеяв, смешай с персидской смолой и разотри вместе в ступке, пока не сделается подобной пуху, и пользуйся.

При ранении глаза и острой боли: 6 драхм персидской смолы положи на три дня в ослиное молоко, ежедневно меняя молоко, и клади [смолу] в свежее, еще не закисшее; [затем], растерев ее хорошо, // добавь свинцовых белил 3 гексагия и 2 драхмы сахара, л. 253 потом, просеяв, сделай подобной пуху и пользуйся, как порошком.

Порошок при затуманивании глаз, при пожелтении и при бельме: псалкон (?) ²⁹² обожженный разотри с уксусом, высуши и пользуйся — удаляет (?) это влагу.

При раздражении глаз, подвергшихся воздействию дыма и жары или пыли, или чего-либо другого, посягшего в воздухе. Во-первых, удали эти причины болезни и промой глаза сначала тепловатой пресной, а затем и холодной водой. И когда это [будет] устранено, закрой глаза. При необходимости [пострадавший] пусть будет покормлен; [лучше] же пусть употребляет побольше напитков, для того, чтобы уснуть, и пусть не воздерживается от pudenda muliebria vagina (?) ²⁹³. Глазной же гной и ресницы в [углах?] век ²⁹⁴ пусть обмывает холодной водой.

Очистительное [средство] — ни голове не позволяет болеть, ни слабости зрения [благодаря ему] не случится; полезно оно и ушам, и зубам. [У человека], пользующегося по временам этим [средством], ни с одним из всех этих [органов] не случится болезни. Ведь это [средство] является наилучшим: майорана сухого, ириса иллирийского, пирефрона, иссопа, натра, перца, семян сельдерея, корня панакса²⁹⁵, дикого винограда — по 4 драхмы, если же усилить захочешь, добавь и мирры 4 драхмы; разотри каждое в отдельности, а затем вместе с водой вылепи таблетки, приєднав немного меда. Для употребления же, растворив [их] медом и водой, пользуйся как полосканием, или, смешав с лавзолиевым маслом или со старым растительным маслом, вливай в поздри.

Примочка ²⁹⁶ от очень влажной головы, // от которой и глаза страдают ревматизмом, и другие органы. 1 унцию корня пиона ²⁹⁷, 1 унцию квасцов, 4 драхмы плодов лавра, 8 унций куркумы, 6 унций кельтского нарда; растерев все и просеяв, намажь этим много раз. Испытанное [средство]. л. 253 об.

О попадании в глаза насекомых. Если в глаз попал комар или иное [насекомое], то закрыв другой глаз, открой пострадавший, и выйдет насекомое само собою. Если же [попадет] в глаз песчинка или соломинка, сделай то же самое; если же не выходит, то влей [в глаз] воду или молоко или медовый напиток.

При бельме — сожги в горшке головы птенцов ласточек и разотри в сосуде из рога и пользуйся, ведь [это средство] весьма полезно и в случае, когда глаз поражен ударом.

При гноящихся веках [средство], восстанавливающее волосы [ресниц]: кадмия обожженного и погашенного вином, меди обожженной — 4 драхмы, порошковой сурьмы ²⁹⁸ — 2 драхмы.

При отеке глаза — для того, чтобы он скорее прозрел: кровь мыши, желчь петуха и молоко собаки, смешав в равном количестве и сделав [смесь] однородной, намажь — испытанное [средство]. Очищает оно и помрачающие [зрение] «облачка»; будучи намазываемо, делает также зрение острым у тех, кто страдает слабостью зрения, [следующее средство]. Жидкого сока кентавриона, пемзы натертой, сока лука вместе с корнем, сока дикой руты, сока базилика ²⁹⁹; каждое из этого разотри хорошо с медом аттичским ³⁰⁰.

Глаз имеет четыре оболочки: первая — роговидная, вторая — соскоподобная, третья — подобная изначальной (элементарной, главной?), четвертая — подобная скользящей кругом [по глазу] — // она незаметна из-за ее чрезвычайной тонкости. л. 254

²⁹² φαλκόν (?).

²⁹³ μη δέλτα(ίου) ἀπεχέσθω. Δέλτα = δέλτιον имеет много значений, среди которых — женские половые органы (комич., народное), а также: дощечка, грамота, письмо, список и т. п., однако вряд ли в подобных случаях могло рекомендоваться чтение.

²⁹⁴ Неясно: ἐν . . . βλεφάρων.

²⁹⁵ πάναξ — вид гераклейской травы, панак, ферульник смолоносный, гальбан (Феофр., стр. 563). Ср. стр. 268, прим. 152.

²⁹⁶ πάρα — также: капание, истечение, накрапывание, а также: порошок. Но может, имеется в виду признак болезни — течение из очень влажной головы . . . (?).

²⁹⁷ παιωνία = γλυκυσίδη — *Paeonia officinalis* или *corallina*.

²⁹⁸ στίμις вместо στίμμις = στίμμι = στίμι = στίμις = στίμη = στίβι.

²⁹⁹ ὄκιμον — *Ocimum Basilicum* — ароматическое растение.

³⁰⁰ После этого абзаца пустое место строки заполнено орнаментом, о котором мы говорили в предисловии. Здесь этот орнамент отделяет предшествующий текст от новой темы: строение человеческого тела.

Блага же в глазу трех видов: стекловидная, кристаллоподобная и водоподобная. *Зубов* 32, хребет же имеет 24 позвонка, ребер 24; пальцы состоят из трех фаланг, а большой палец — из двух; каждая нога имеет 30 костей, головной мозг [имеет] 3 полости: переднюю — чувствительную, мыслительную, и заднюю — хранящую память. Кишки — 13 аршин; матка остроклювая, красная, смоквоподобная; зев матки — иногда на 4 пальца, иногда — на 6.

Как называется каждый орган человека. Всю полость головы можно было бы назвать частью всего тела ³⁰¹. Ее же долями являются: передняя [доля] над бровями — тонкой [полосой] волос от уха до уха — называется лбом; выше же этого места — покрытое волосами темя; с обеих сторон от него, над ушами — виски. Темя же имеет макушку посредине головы — верхушку, от которой, как кажется, и начинается вырастание волос, как от центра. За верхушкой же [головы], позади, как бы на сухожилия [шеи] спускающаяся [часть] — затылок; спереди же — лицо, [которым] называется все, расположенное ниже лба, включающее в себя уши, глаза, нос и рот — вплоть до подбородка. Что касается ушей, то они, как бы полукруглые в верхней части, называются слуховыми свирелями ³⁰²; внизу же у них — заостренная часть. Как бы полая раковина в центре закругления [уха] — отверстие, слуховой канал, под которым — мочки, висящая жировидная [часть] уха; наверху же расположенная [часть] называется противомочной.

Глаз — // весь орган вместе с его частями — называется оком. Часть же век, прикрывающих вещество, [находящееся] внутри оболочек — благодаря тому, что происходит взаимное их соприкосновение, называется краями век, из которых растут волосы, — они называются ресницами и существуют для того, чтобы направлять зрительное чувство. А именно, если они выпадут или ослабнут, то и в том, и в другом случае [человек] уже не способен видеть изображение ни на близком, ни на далеком расстоянии.

Противоположные же концы глаза, то есть [места] сращения век, называются уголками [глаза], из которых больший — у носа, а маленький — у уха. Посредине же белка [глаза] — радужная оболочка, око — пестрое по расцветке. Самая же середина его — зрачок.

Промежуток между носом и ушами, самые верхние части [этого] — скулы; челюсти же — [часть], спускающаяся от них вниз к подбородку и заканчивающаяся заострением.

Подбородок же — все, что ниже губ, закругленное в несколько удлиненной форме. Усы — над верхней губой под ноздрями; именно эта часть названа усами.

То же, что держит на себе голову, вплоть до плечей, все это называется шеей. Ее задняя сторона [представляет собою] собственно мускулы шеи. Под шеей же с обеих сторон находятся плечи, верхние части которых, а именно — самые верхние, называются зайщиками; от них же [отходящее] впереди — ключицы. А между ними наверху (?) ³⁰³ — горло.

[Части] рук: от плеча вплоть до локтя — предплечье ³⁰⁴, после этого — локоть ³⁰⁵, затем — запястье, затем — суставы // пальцев ³⁰⁶ и [наконец] пальцы ³⁰⁷, а именно — большой палец, указательный, средний, безымянный ³⁰⁸, мизинец. То же, что [расположено] около большого пальца — незначительно возвышающееся [около него] — ладонь, а то, что против него, — «подладонь» ³⁰⁹; то же, что [находится] вокруг мест вырастания пальцев, — полость руки ³¹⁰.

Сверху же, все, что под шеей, расположенное впереди, вплоть до части, лежащей ниже ребер, называется грудной клеткой ³¹¹. То же, что в самой середине груди, — грудная кость — вплоть до хряща, под которым находится устье желудка. Затем простирается надчревная часть, именно та, которая спереди уже не окружена костями, как это [имеет место] сзади. То же, что впереди подреберной части, включает в себе нижнюю часть тела между хрящами. В самой же середине подреберной части — пуп. То же, что находится под ним, аттической мякотью называется. Затем [следует] лобок, которым заканчивается туловище ³¹² и где находятся половые органы как мужчин, так и женщин.

301 κεφαλῆς τὸ μὲν πᾶν κῶτος μέρος ἂν λέγοιτο τοῦ ὅλου σώματος.

302 ξύστρον = ὠτεγγύτης.

303 Сомнительно, слово смазано и читается с большим трудом — ἀνω... (?).

304 βραχίων — также: рука.

305 πῆχυσ — также: предплечье.

306 κόνδειλος.

307 Вверху, на полях, против левого верхнего угла стоит цифра — κγ̄ (23).

308 περίμεσος = μέσος (средний); мы переводим: безымянный, следуя смыслу и предпологая ошибку (περίμεσος вместо нужного παραμέσος — безымянный).

309 ὀποθέναρ — часть ладони, расположенная вблизи пальцев.

310 ἀτήθος — часть, противоположная ὀποθέναρ, а также: основание большого пальца.

311 θώραξ.

312 θώραξ. Ср. прим. 311.

Что касается половых органов мужчины, то впереди находится член, конец его — «яколудь»³¹³, мочеточное отверстие, прикрывающая конец лопасть; с нижней же стороны — шов, он продолжается вплоть до заднепроходного отверстия; пара же яиц — [это] и яички и мошонка, заключающая в себе яички.

Женские же половые органы [таковы]: лоно, лобок³¹⁴, окружающие лоно лопасти³¹⁵. В самой же середине, снизу — расщепление, возвышающийся мясистый нарост — «куколка».

Заднепроходное отверстие из-за его сжимания и энергии называется «сжимателем».

Вся же часть [тела, находящаяся] сзади под шеей, называется спиной. Затем с обеих сторон — лопатки; между ними — верхняя часть спины³¹⁶, где внутри // и желудок расположен. Далее же следует поясница, которая называется и талией; оканчивается же она около самой «святой кости»³¹⁷. С каждой стороны от нее — бедра, на которых [находятся] ягодицы³¹⁸ — благодаря костям они являются седалищем.

С внутренней стороны колен — впадины или изгибы. Следующие же части: впереди — большая берцовая кость, сзади — икра; все же вместе — голень. Концы костей голени, и внутренняя часть, и внешняя выступающая, называются лодыжками. Остальное же — ступня. Верхняя часть ее вплоть до пальцев — плюсна, нижняя же часть — подошва. В передней части подошвы — выпуклость³¹⁹, впадина и пальцы. Для каждого в отдельности не оказалось [особых] названий.

Сколько частей медицины? — 5, [а именно]: физиология, патология, гигиена, симптоматика³²⁰, терапия.

Гиппократ. Элементы человека, удерживающие находящиеся в движении, а также твердые части: кости, нервы, вены, артерии и все, сколько содержит в себе вместительные тела; относящиеся к жидкому — [это] соки, [все] движущееся, живительное дыхание [тела].

Сколько видов нервов? — 2: [вид] нервов соединительных и [вид] нервов чувствительных.

Сколько различий черножелчного сока? — 4: элементарный, [сок] перегрева желтой [желчи]³²¹, который называют смолистым из-за его блеска; [сок]³²² от нарывов — флегма или гниль, кровь из ран.

Сколько различий желтой [желчи]? — 6: элементарная, подобная маслу в стеклянном сосуде, хордовидная, подобная луку-порею, фиолетовая и бесцветная.

Сколько различий флегмы? — 4: сладкая, соленая, кислая и не дающая какого-либо ощущения.

Масло, содействующее росту волос при их выпадении: 3 унции нежных миртов, по 3 унции акации, адиянта³²³, ладана, 1 литру терпкого вина, 12 унций миртового масла.

Уничтожение волос: // 1 кубок сока из чашечек «волчьего молока»³²⁴, вина и растительного масла по 1 кубку, перемешав, намажь ровно и вскорее, вспотев и соскочлив [мазь], найдешь волосы на скребке: если же через 40 дней волосы вновь поднимутся, то они будут пушистыми.

Иначе: «воловои травы»³²⁵, выросшей под бадьями, — 12 драхм, воды — 4 драхмы, извести — 8 драхм,³²⁶ — 8 драхм, трухи, высыпавшейся из смоковичного дерева, — 2 ложки, уксуса — 1 ложку; соединив все это, свари в горшке, пока, будучи тобою испытано, оно не удалит волосы, если [их] намазать этим.

При плешинах на голове и в бороде: патерев прежде натром [посстрадавшее] место и вытерев льняной тканью и уксусом, натри рожком (?) губки с уксусом или старым вином.

313 βάλανος.

314 κτείς — среди многочисленных значений также: ложбина, створки, (просто) половые органы женщины.

315 πτερυγία.

316 μετάφρενον — также: часть за диафрагмой, середина спины, нижняя часть спины.

317 ἱερὸν ὀστέον — копчик.

318 γλωτοί вместо γλουτοί.

319 στήθος. Ср. прим. 310 к стр. 280.

320 σημειωτική(κόν) — диагностика (?).

321 После слова ξανθῆς до слова αἷμα (кровь) текст заголовка был пропущен писцом, а затем вписан между строк очень мелко, так что читается с большим трудом.

322 Слово, состоящее примерно из 5-6 букв, осталось неп прочитанным.

323 ἀδιαντος — Adiantum Capillus Veneris — «Венерин волос». Ср. πολυθρίξ (стр. 296, прим. 552) = ἀδιαντος.

324 τιθυράλλου κιβωρίτου χυλοῦ — букв. «чашечкового сока волчьего молока» или «сока чашечкового молочая». Κιβωρίτος — прил. от κιβώριον — также вид Nymphaea — споровая коробочка египетского боба (вида кувшинки); согласно Теофрасту (стр. 558) = μηκόνιον — Euphorbia perlis L. — молочай бутериаковый.

325 ὄνωνις — Ononis antiquorum — стальник (Феофр., стр. 557).

326 Неизвестная нам аббревиатура ☉

При трещинах на губах или на лице, или на руках: олений мозг, мастику, растительное масло, белый воск смешав, намажь — испытанное [средство]. Остатки от тканей удалив ³²⁷, наложи пластырь: гальбана ³²⁸, опопанакса, кастория, оленьего мозга — по 1 унции, бычьего жира — 6 унций, воска — 10 унций.

При столбнячной корочке. Кровь возьми из правой ноги, из мизинца.

При известной желтухе первая и основная помощь — кровоускание и, таким образом, — очищение: евфорбия, эпифимiona, алоэ, каменной петрушки, семян моркови, перца белого; хорошо же очищает и scammonia вместе с алоэ и вызывает рвоту.

При необычной желтухе и при прямом расстроеном дыхании — многократно испытанное [средство]: давай в напиток из вина и меда или в сладкой смеси преследуемым болезнью и страдающим: взрослым и сильным — по 2 ложки, более ослабленным — в бане — по 2 ложки, детям же — по полторы ложки. Находящимся в жару [давай лекарство] с медовым напитком.

л. 256 об. Помета диких голубей ³²⁹ // 1 часть, белого перца 1 часть; измельчив вместе и просеяв, пользуйся, высыпав во [что-либо] жидкое. Это самое лекарство — неизменно. Однако при прямом дыхании прибавь и полчасти негорючей серы ³³⁰.

При побледнении: тмина, руты — по 1 унции, перца — 4 драхмы — дай пить [это] со старым вином.

При съеденных зубах предохранительное средство: вари имбирь с острым медом и, растерев тщательно, вложи в дупло и залепи снаружи пластырем.

При дряблых деснах и при кровоточащих зубах, при качающихся зубах, дурно пахнущих, гниющих и при всяком [другом] страдании зубов. Куропаточьей травы ³³¹ свежей — 10 драхм, меда — 4 драхмы, квасцов колотых — 4 драхмы, ириса илирийского — 4 драхмы, белого перца — 5 драхм, черного — 3 драхмы, немзы — 2 драхмы, мирры — 3 драхмы, пирефрона — 2 драхмы, сидириты-травы ³³² — 3 драхмы, каменной соли — 14 драхм; куропаточью траву, сидириту, черный [перец] и соль перемешав, сожги. Квасцы же, сжегши отдельно, погаси вином. Затем, все вместе измельчив, пользуйся.

Иначе: разотри с вином рог оленя, затем обмажь кругом шатающийся зуб, и он перестанет качаться.

Замечательное [средство] при сильнейших зубных болях: дикого винограда, пирефрона, перца, *Boswellia Carterii* — по 1 драхме, смолы ориганаона, колотых квасцов — по 2 драхмы; все это измельчи и принимай с виноградом, из которого вынуты косточки, и обмазывай кругом зубы.

Лечащее [средство] — неизменное при качающихся и причиняющих боль зубах: квасцов колотых 1 унцию, корня мыльнянки ³³³, хорошо измельченного, 4 унции разотри вместе, намажь зубы и держи, пока [рот] не наполнится слюной и вока [зуб] не перестанет болеть. Или железо, накалив на огне, окуни в уксус и давай его [этот уксус] полоскать и держать [во рту].

л. 257 об. [Как] вызывать пот. // Плоды лавра, блошиную мяту, тимьян, грубую соду разотри вместе с водой, согрей [больного], натри [его этим] и укрой хорошо.

Для обильно потеющих. Натри маслом из ситника ³³⁴.

Жаропонижающее — листья капусты, листья сельдерея, хлеб чистый, смоченный: растерев все вместе, пока не станет подобным восковой массе, добавь розового [масла] в достаточном количестве и, [снова] растерев хорошо, намажь желудок и живот и зацеленай.

При жажде, сухости и жаре. Розовый мед, с водой сильно смешав, дай пить [больному, затем] укрой его, и выздоровеет.

³²⁷ λέιμμα πρὸς νεύρων σπάσας — неясно, чего остатки: мази ли, о которой выше шла речь, или отмершие ткани. Видимо, речь идет о двух этапах лечения: первый — посредством мази и второй (после удаления отмерших тканей) — пластырем.

³²⁸ αλβάνη — видимо, вместо (γ)αλβάνη — см. стр. 272 прим. 197.

³²⁹ περιστερῶν ἀγρίων ἀρόβευμα — написано как заголовок — киноварью. Не пропустил ли писец заголовок перед этим рецептом?

³³⁰ θεῖον ἄπυρον.

³³¹ περδίκιον — *Polygonum maritimum*, а также: ἐλξίνη — *Parietaria officinalis* = *καλλίτρις* — репейник, а также — *Convolvulus arvensis* — вьюнок.

³³² σιδερίτις — *Sideritis romana* (ironwort — англ.) = βετάνη ή σιδερίτις — у Диоскорида (4, 34) — *Poterium Sanguisorba* — бедренец; *Scrophularia lucida* (4, 35) — критская коричневая травка; *Achillea tomentosa* (4, 36) — ахиллесова трава для ран; также — χαμαίπιτις — *Ajuga Chamaepitys* — стелющаяся сосна (*Teucrium montanum* — горная дубровка, вероника); *Ajuga Iva herbivya* (англ.) = ὑπερικόν (см. прим. 144 к стр. 268) = μωροίνη ἀγρία — дикий мирт или *περιστερῶν ὕψις* — *Verbena surina* — священная вербена.

³³³ στρόβος = στρόβειον = στρόβιον = στρόβος — *Seroparia officinales* или *Rugus Cydonia* — вид айвы.

³³⁴ σχοίνος — прил. от *σχοίνος*. См. стр. 260, прим. 50.

При всяком ознобе, особенно при жаре с ознобом, — много раз испытанное [средство]. Соком травы «ягнячий язык»³³⁵, увлажнив клочок белой шерсти, пусть [больной] вкладывает его, если он мужчина, в свой задний проход, а если это женщина — в половые органы — в течение трех дней.

Иначе: дубровник жуй и проглатывай и избавишься от сильного жара. Лучшие этого [средства] не найдешь.

Мазь, для того, чтобы не мерзнуть на морозе: капли «волчьего молока» с растительным маслом; будучи этим намазан, приготовишь себя всего к тому, чтобы не мерзнуть, даже если окажешься голым.

Чтобы не мерзли концы ног, разотри крапиву³³⁶ в растительном масле с жиром и небольшим количеством воска, пока она не окажется подобна воску, и мажь.

Иначе: сок «волчьего молока», смешав с растительным маслом, мажь.

Для естественного сна. На листьях лавра напиши: на одном — «феокарис», на другом — «еокарис», на третьем — «окарис»³³⁷ и положи под голову.

Иначе: испытанное (средство). Кожуры корня мандагоры — 12 граммариев, зерен *Boswellia Carterii* — 24 граммария, семян белой белены — 1 граммарий, касии — половину драхмы; размягчив все вином мидийским (?)³³⁸ и розовым [маслом], намажь поздри.

Если кому [нужно] бодрствовать, сколько он хочет: глаза козленка или тело соловья, или глаз // пустой на оленьей шкуре держи рукой; или пусть держит глаз волка и кость головы — и пока он держит это, до тех пор не будет спать.

Иначе: растворив медный купорос с уксусом, намажь поздри или [возьми] натр и медный купорос с медом или уксусом и сделай подобным же образом. Или: голову летучей мыши, ввяз, высушив и завернув в оленью шкуру, обхвати рукой — и не заснешь.

Для спящих — чтобы не храпеть. Серьги (?)³³⁹ положи под голову не знающему об этом или держи зубы тельца трехлетнего.

Для грезящего во сне. Поставь воду вниз под его кровать, и никогда не [случится] этого страдания.

*Усыпляющее [средство] для того, чтобы оперируемый [не] чувствовал [боли]*³⁴⁰. Семян белены, сока мацрагоры — по 2 граммария, опия — 1 граммарий, имбиря — 4 граммария, шафрана — 1 граммарий; растерев все с водой, набери губкой и пользуйся, поднося к ноздрям, чтобы нюхать.

*Для того, чтобы не страдал прижигаемый или оперируемый, иными словами, чтобы он не чувствовал боли*³⁴¹. Куропаточьей травы — 4 граммария, земли кимоллийской³⁴² — 4 граммария, круглых квасцов — 4 граммария, кожуры *Boswellia Carterii* — 2 граммария, воды — в достаточном количестве; вылепи таблетки и высуши [их], и то, что будешь жечь или резать, разведя [таблетки] водой до состояния меда, намажь это место больного и позволе ему высохнуть. И таким образом оперируй или жги.

Тириак³⁴³ для людей, пораженных стрелами варваров³⁴⁴. Пэона, пшажника³⁴⁵, невкедана³⁴⁶ — в равном количестве. Используй — испытанное [средство].

При головной боли и когда кажется, что середина головы раскалывается на три части. Плющ³⁴⁷ растерев, смешай его сок с растительным маслом и уксусом и намажь вокруг ноздрей — и голова перестанет болеть.

³³⁵ ἀρνογλώσσον — *Plantago maior* L. — подорожник большой (Феофр., стр. 588; Канон, II, стр. 747).

³³⁶ Перед κνίδη (крапива) — кликса, закрывающая 2—3 буквы, над которыми виднеется облученное ударение.

³³⁷ Видимо, суеверие: если первое слово еще можно перевести как «божья креветка», то два других, кажется, бессмысленны.

³³⁸ μιδίσιον (?). Но может быть — образование от μύδος — сырой, липкий, гнилой.

³³⁹ ἄν . . . θ (?). Может быть, ἄνθα — вид серьги.

³⁴⁰ ὡςτε τεχνόμενον αἰσθάνεσθαι — вероятно, при переносивании пропущено отрицание перед αἰσθάνεσθαι.

³⁴¹ πρὸς τὸ μὴ πόνειν καίόμενον ἢ τεχνόμενον, ἀλλ' ἑδύνασθε. Впрочем, первая буква в слове (ἑ)δύνασθε написана не ясно: может быть и ἐδύνασθε (т. е. от глагола δύναμαι) — вынес, крепился.

³⁴² γῆ Κιμώλια — мергель, рухляк, известковая глина, твердый мел с *Simolus* — одного из Кикладских островов, употреблялся как мыло в банях и парикмахерских, так как содержал натр, а также и в медицине.

³⁴³ См., стр. 266, прим. 112.

³⁴⁴ Видимо, анахронизм: едва ли в средневизантийскую эпоху стрелы варваров, с которыми имели дело византийцы, были отравлены.

³⁴⁵ ἄκρον — *Pseudacorus* — желтый прис, касатик.

³⁴⁶ πευκέδανον — *Peucedanum officinale* — сорная трава, горичник лекарственный, горькое зонтичное растение (см. Феофр., стр. 533), а также αἴκινος ἄγριος — *Ecballium Elaterium*. — Ср. стр. 269, прим. 158.

³⁴⁷ κισσός — *Hedera Helix*. Согласно Феофрасту (стр. 376), = κίττος — старый плющ.

л. 258 // Для того, чтобы сойти за несовершеннолетнего и оказаться безбородым. Глет, аристолохию длинную³⁴⁸ разотри с морской водой, пока не получится медообразный состав, и намажь.

Чтобы волосы не росли в подмышечных впадинах. Мажь ослиной мочой с уксусом или, сжегши зеленую ящерицу и растерев [золу] с растительным маслом, мажь, где хочешь, и удалишь волосы.

Очернение волос навечно. Нарубив листьев каперсов, положи в горшок³⁴⁹, подлей туда ослиного молока и вари, пока не останется третья часть, и мажь голову в постели — испытанное [средство].

При выпадении волос головы у женщины³⁵⁰: мякоти можжевельных ягод — 4 унции, кипариса жженого и просеянного — 3 унции, ириса измельченного и просеянного — 2 унции, куркумы — 1 унцию, плодов лавра — 2 унции; посыпай этим голову.

При мигрени. Наниши на обычной³⁵¹ бумаге [следующее]: «От страха беги (или: мочись?) лекс клудевасасар»³⁵² — и привяжи к шее ниткой основы³⁵³.

Иначе: испытанное [средство], замечательное: растерев перец и смешав его с рас-солон-первачом, мажь на лбу.

При мигрени, особенно когда и глаза одновременно испытывают боль. Растерев перец, мужской *Boswellia Carterii*, уксус кислейший, намажь. И когда отмываешь это, заботься о том, чтобы не обжечь глаза.

Иначе: очень хорошее испытанное [средство]. Растерев с вином 1 унцию горчицы, 4 граммария имбиря, мажь.

При умственных странностях. Растерев речного рака и выжав его, влей сок через ноздри.

л. 258 // При ушной боли удивительное [средство] — накапываемый сок листьев плюща; 06. иначе: содержимое косточек горького миндаля и персиков, облупив и измельчив, положи в тряпочку, смочив [ее] в розовом масле. Затем, вскипятив воду в глиняном новом горшке, помести тряпицу, подвесив ее в пар, пока она не согреется; затем тепловатое накапывай в уши.

При кровотечении из носа или из другого места: origanon сжегши и смешав с бобовой мукой, вложи — удивительное [средство]; или: волосы козы сжегши и растерев их с уксусом, вложи в ноздри.

При ушном черве — накапывай сок сидериты или полынный, или [сок] дикой мяты со слабым вином, или тепловатый сок пролески³⁵⁴ — испытанное [средство].

При дурном запахе изо рта следует жевать блошиную мяту или семена сельдерея, или куманики³⁵⁵, [или] листья винограда; прополощи, наконец, [рот] душистым вином; или осот³⁵⁶ жуй и прополаскивай [рот] душистым вином.

При дурном запахе из подмышек: рог козла сжегши, пепел и имбирь разотри в равном количестве с козлиной желчью (?) и давай мазаться — испытанное [средство].

При болезнях полости рта и при воспалениях глотки: растерев листья оливы и растворов их растительных маслом, промазывай — испытанное [средство].

При воспалениях маленького язычка, который называют «виноградинкой»; собрав с земли град³⁵⁷, положи [в него] тончайшей муки и, смешав, сделай шарики величиной с нут³⁵⁸ и сохраняй: ведь к кому применишь их, тотчас избавишь [от болезни].

л. 259 // Иначе: взяв бделлий, положи в // понтийский орех и заткнув, . . .³⁵⁹ обвяжи льняной ниткой и охвати ею кругом шею. Если же хочешь испытать, привяжи это в плодоносящем винограднике и не лакомясь плодами³⁶⁰.

Приготовление смазывающего мыла при лишаях и черных ранах и при опухших ранах и в начале элифантиазиса — весьма удивительное [средство]. Муки греческого сена — 16 унций, ириса илирийского и муки лупиновой — по 6 унций, свинцовых белил — полторы унции, плода бальзамного дерева — 3 унции, глета — полторы ун-

348 δακτυλίτις = ἀριστολόχεια μακρά.

349 κίθρα вместо χότρα = κόθρα = χότρα.

350 πρὸς κεφαλὴν γυναικὸς ρευματιζομένην. Может быть при страдании головы женщины от флегмы (влаги)?

351 καὶ νόσ вместо καινός.

352 За непонятным: θεὸς οὐρίσσ следует, видимо, непереводаемое заклинание λέξ κλουδεβασάσαρ.

353 πρωτομίτος.

354 λιναζώστος — прил. от. λιναζώστις — *Mercurialia annua*.

355 βάτον = βάτος = χαμαίβατος = βατσινία — *Rubus ulmifolius* — ежевика вязолистная (Феофр., стр. 540), а также ἐλένιον — левесил. Ср. стр. 294, прим. 502.

356 σήγγος вместо σίγγος = σκίγγος (σκίγγος) = μύρσινη ἄγρια — дикий мирт = σόγγος — *sonchus aspera* — осот.

357 χάλαζα.

358 См. стр. 260, прим. 55.

359 ἄλωταρίω?

360 Вероятно, здесь снова вид суеверия: «виноградинка» (маленький язычок) и болезнь — воспаление маленького язычка — образованы от одного корня (σταφυλή — виноградная лоза, кисть, ягода), т. е. по-русски эту болезнь можно было бы назвать «виноградинца».

дии, негорючей серы — полторы унции, стеклянного порошка — 1 унцию, мастики — пол-унции, листьев черной чемерицы и сухих роз — по полторы унции, нарда — 1 унцию, мыла галльского³⁶¹ — 2 литры, вина италийского — 1 секстарий; пользуйся [этим], так как лучшего ничего не дашь после [этого].

При выпадении волос многими испытанное [средство]: ладана 1 меру вымочи в вине и адиянта половину меры разотри в терпком вине, подливая [туда] миртовое масло и вино, пока не станет медообразным, и мажь перед баней и постоянно.

При *вшах* и *гнидах*: после того как вымоешь голову, разотри поровну дикий виноград и цветы роз и, соединив это со старым вином, пользуйся.

При гнидах в голове (?)³⁶² . . .³⁶³ не делать, смешав бычью желчь с уксусом и растительным маслом, мажь.

При вшах у животных: дикий виноград, завязав в тряпку, жги во вдоре, и в течение трех дней вши выпадут.

При вшивости: растерев руту с растительным маслом, мажь и пользуйся.

При блохах: полынь и бешеный огурец; обрызгивай морской водой одежду³⁶⁴, // а также отваром розолавра³⁶⁵.

л. 259
об.

При клопах: положи в доме дымящиеся угли, бделлий, стиракс, костос, цветок ситника и окури места, в которых есть [клопы]; или: 5 бделлий сварив с растительным маслом, намажь кровать.

При комарах. Комары улетят, если курить кедровым деревом с медным купоросом или шариками кипариса, или камедью, или осадком вина, или девесилом³⁶⁶ и меланфием³⁶⁷; или, сварив полынь с растительным маслом, намажься — и не коснутся тебя. Или кипарисом окуривай — и подохнут, или губку смочи в кислешем уксусе, подвесь к окнам — и улетят.

При *насморке* [средство], тотчас избавляющее после полоскания горла. Острейшего уксуса — 1 секстарий, жженой соли белой — 1 унцию, старого растительного масла — 1 секстарий; все вместе вскипятив, давай с медом непрерывно — пусть полощет горло.

Иначе: растерев козий навоз с медом и смолой, намажь³⁶⁸ — испытанное [средство].

При ангине — весьма известное [средство]: растерев с медом свиной навоз, намажь грудь очень горячим.

При кашле — воска 1 литра, теревинфа — 3 унции, меда, свиного свежего сала, глета — по 1 литре, муки греческого сена — 4 унции, животного масла — 3 унции, растительного сладкого масла — достаточное количество; сделай пластырь.

Столбнячная корча и всякое нервное состояние: воска, теревинфа, меда — по 3 унции, натра огненного³⁶⁹ — 5 унций — пользуйся.

Для больных легкими и для выделяющих кровь — очень хорошее [средство]: семя укропа, измельчив и просеяв, принимай с медом в виде пиллюли в одну драхму [величиной] и давай натошак вместе с теплыми натираниями.

Колотье в боках. [Средство], полученное нами благодаря большому опыту³⁷⁰: // муки ячменной, греческого сена, семян льна, ягод лавра, пшеничной муки³⁷¹ — все одинаково размельченное и просеянное — по половине секстария, животного масла — 4 унции, канифоли — 6 унций, теревинфа — 4 унции; все это сварив с медом, накладывай как припарку в течение четырех дней.

л. 260

Иначе: известное средство — опопанакса — 2 унции, воска — 2 унции, горчицы³⁷² — 1 литра, смолы сухой — 3 литры — пользуйся.

При метеоризмах и боли в груди и печени и во всех внутренних органах [целебным] является сладкое и вызывающее отрыжку. Нарда кельтского — 1 драхму, семя сельдерея — 8 драхм, семян аниса — 8 (?), белого перца — 100 зерен, принимай со сладким [вином]; а именно: давай с орех величиной с умеренно разбавленным вином — 3 кубка натошак.

При болезни печени удивительное средство. Взяв ориганон, положи в новый горшок с водой и вари, пока не останется третья часть, и давай пить с вином, положив [туда] немного меда, и удивись [действию].

361 *σάπων γαλλικός* — мыло, головная помада — галльское (кельтское) изобретение, заимствованное германцами.

362 Неясно: чтение *ἐν κε(φα)λ(ῆ)* предположительно.

363 Не прочтено одно слово.

364 *ράγος* = *ράκος*; также: тряпьё и вообще всякая материя, все вещи из тканей.

365 *ροδοδάφνη* — *Nerium Oleander* (проблематично) — олеандр или (предположительно) рододендрон.

366 *κόνιζα* вместо *κόνυζα* — кониза, вид *Inula* (эндивия). Ср. Геоп., стр. 367.

367 *μελάνθιον* — *Nigella sativa* — черный тмин, чернушка.

368 Из контекста неясно, что намазать (ср. след. абзац).

369 *νίτρον πορρόν*.

370 *διὰ πολλῆς ἡμῶν πείρας γεγονότων*.

371 *ἀλευρον*.

372 *σινήπι* = *σινάπι* — *Sinapis alba*.

Иначе: растерев меланфий со сладким [вином] и процедив, чтобы уничтожить неравномерность [смеси], давай пить не имеющим жара с вином, а имеющим жар — с дозой; величина [дозы] — с египетский боб.

При задержании мочи у женщины. Смолу сухую и теревинф растворив лавзониевым маслом или ирисовым, с корицей вводи в женские половые органы ³⁷³.

Для страдающих от камней — то, что посылал царь другу, имеющему камни. Доза величиною с понтийский орех; [раствори его] в теплой воде — в двух кубках; [время] — 2 часа, и к исходу этого [второго] часа изгоняет камень. Костоса, пирефрона, листьев камыша ароматного ³⁷⁴, амомы, белого перца, бадана ³⁷⁵, семян дикой руты, семян крапивы, эфиопского тмина, кара ³⁷⁶, куркумы, аниса, каменной петрушки — по 1 унции, меда — 1 секстарий.

л. 260
об.

При кровотечении из мочевого пузыря и [в случаях] если кто // не может мочиться. Каменной петрушки — 4 драхмы, семян сельдерея, семян укропа, имбиря — по 4 драхмы, перца — 9 зерен; измельчив, просеяв и растерев с вином, пока смесь не станет горячей ³⁷⁷, давай в бане в ванне. Вызывает же и женские — испытанное [средство].

Тем, кто не может мочиться, творог ³⁷⁸ давай пить с вином — немедленно вызывает мочу.

Для мочащихся в постели. Сжегши клеи краба на углях тамарискового дерева и растерев, давай пить с умеренно разбавленным [вином].

Клистер для того, чтобы выгонять старый кал. Натр и тмин растерев с растительным маслом и сделав «желуди», вставь снизу в задний проход.

Закрепляющее питье для больных дизентерией и страдающих коликами. Часто от одного приема питья [большой] выздоравливает и оправляется. Гранатовой кожуры, сока кубышника ладанного ³⁷⁹, вяжущих чашечек клецены, *Boswellia Carterii*, опия — поровну; имеющим жар давай с отваром фиванских фиников, а не имеющим жара — с теплым вином.

При детских глистах. Лупин горький и меланфий, растерев с желчью быка, положи в пуп — известное [средство].

При коликах ³⁸⁰ и метеоризмах — лучшее [средство]: семян сельдерея — 8 драхм, аниса — 4 драхмы, белого перца — 1 драхму, кастория — 2 драхмы, имбиря — 2 драхмы; принимай со сладким [вином].

При завороте ³⁸¹ кишок: скипятив блошиную мяту, дай пить — и удивишься [действию].

Компресс прокалывающий (?) ³⁸² при водянке. Растерев сухие листья роз и лавра, получи порошок, при пользовании же, намазав растительным маслом страдающего, л. 261 // присыпь сверху порошком и забитой ветхой тряпкой. Ест же [большой] пусть свиное сало и пусть пьет вино, от воды же пусть воздерживается — и вылечится.

При флегмоне половых органов ³⁸³. Пробковый дуб ^{383a} морской сжегши и растерев с вином, намажь. Или: . . . ^{383b} человека, сжегши, сделав порошок и растерев [его] с медом, пользуйся.

При кишечной грыже — испытанное [средство]: вскипятив чечевицу с уксусом и растерев, налени, туго завязав.

При геморрое, наростах и шишках в заднем проходе: козий навоз и меланфий растерев в кислейшем уксусе до пластыревидного состояния, наложи и привяжи.

Известное подагрическое [средство], действующее при приступах холодной подагры, немедленно прекращает страдания, прикладывается же снизу и называется укрепителем (?). Земляных червей живых — 2 литры, воска — 1 литру, растительного масла самого старого — 13 унций; растопив его, охладив и соскабливая спуск, доливай понемногу земляных червей, хорошо их растерев. Очень ведь [они] помогают, если нате-

³⁷³ πεσσός.

³⁷⁴ κάλαμος ἀρωματικός — *Acorus Calamus* — душистый шпажник (касатик), аир (Канон, II, стр. 714).

³⁷⁵ σαξίφαγός = σαξίφραγος(ον?) = σαξίφάγον — *saxifragus* — камнеломка.

³⁷⁶ Сомнительно: *καρώου* (род. п.). Может быть, от *καρό* — тмин (один из его видов).

³⁷⁷ ἕως κράσεως ζεστής. Κράσις ζεστή может иметь значение: горячая масляная ванна (the hot oil-bath — англ.), а также: и давай в бане, в ванне, пока ее температура горячая, но тогда необъяснимо столь странное построение фразы. Может быть, наконец, ζεστή — метафорич. «пенящаяся», т. е. пока смесь не запенится (?).

³⁷⁸ θρόμβον.

³⁷⁹ ὀποκιστίς — *Catinus Hypocisthis* — паразитическое растение, растущее на корнях *cistis'a*.

³⁸⁰ στρόφος — также: заворот, спазмы, схватки, боли.

³⁸¹ στρόφος — ср. прим. 380.

³⁸² ἐπίθεμα διάπειρας. Ср. стр. 276, прим. 249.

³⁸³ Заголовок едва читается — киноварь выцвела.

^{383a} φελλός — *Quercus Suber*.

^{383b} . . . στρον или . . . στρον (κότρον? — кал?).

реться ими, растерев вместе с ними тщательно и отложенное ³⁸⁴ [ранее]; пользуются прямо рукою.

Ставь подагрикам снотворный клистир, так как он делает их нечувствительными к боли. [Возьми] шафрана 2 драхмы, имбиря 3 драхмы, опия 3 драхмы, воды дождевой, сделай шарика продолговатые и вкладывай снизу в задний проход.

При женских родах — привяжи к левому бедру корень белены: полезно [это средство] и при рождении и при очищении, чтобы [она] не выбросила и [свои] внутренности.

При грудях, распухших в связи с родами. Растерев свиной навоз с водой, помажь.

Знаменитый селезеночный компресс, быстро излечивающий, иногда уже через день устраняющий ее [опухоль селезенки — ?] ³⁸⁵. Инжир смочи в очень кислом уксусе, затем, положив этот инжир в семена кардамона, // размягченные в ступке, разотри вместе так, чтобы оказалось все пластыреподобным, и, намазав на тряпку, приложи.

л. 261
об.

Испытанное [средство] при желтухе. [Возьми] сока куропаточьей травы 3 ложки с 3 ложками меда и, разделив питье на три [приема], давай ежедневно — и удивись его силе.

Иначе: так, чтобы уже в 2 [приема] питья вылечить [больного]: растерев 2 драхмы полыни, давай пить с напитком из вина и меда, — половину и снова половину.

Страдающим желтухой большая польза, во-первых, от кровопускания, затем — от очищения, [причем] хорошо очищай.

Для имеющих бледный цвет лица, чтобы [они] хорошо выглядели: растерев медные квасцы и кентаврий в отдельности и смешав, давай пить в течение 15 дней.

Очень полезное, испытанное [средство] при грыже. Акации и выжимок из шариков кипариса — по одной мере, мастики, *Boswellia Carterii*, мирры, шалфея, персидской смолы, белого трагаканфа, «крови дракона» ³⁸⁶ — по половине меры; размельчив все и просеяв, смешай с розовым маслом и уксусом и, сделав пластырь, напечи.

Испытанное [средство] при детской грыже: пропитав бделлий в сладкой сапе и растерев, мажь.

Испытанное [средство] предохраняет от жажды и путников, и плывущих [по морю], и испытывающих жар. Огородного огурца ³⁸⁷ — 1 унцию, сока лакричника — 1 унцию; растерев, облей белком и, после того как это сделано, дай держать под языком и проглатывать появляющуюся [влагу].

Сиртикон (?) ³⁸⁸ для ран. Взяв 2 [вида] смолы по 2 унции, воска 5 унций, шелковицы 1 унцию, сала свиного или овечьего несоленого 5 унций, растительного масла 6 унций, кипяти все это, пока не растворится, и мешай. Если же хочешь, окрась все это, чтобы казалось различным: отделив, положи // в одну часть черную краску, в другую — свинцовых белил, в третью — сиртикон (?), в четвертую — медь. Полезно и для ран от ожогов огнем.

л. 262

Для [достижения] совершенства: почечного жира — 2 унции, воска — 20 драхм, теревинфовой смолы — 10 драхм, гальбана, сосновой смолы, растительного масла — по 2 унции; все склятив, пока не растает, — мажь.

Если полость рта прикушена до самого мяса, то [взяв] чистого мышьяка, минеральной, то есть каменной, соли — 4 меры, холстину изношенную ³⁸⁹ обожженную, растерев все с виннокаменной солью ³⁹⁰, смешай с медом и, промыв чистым вином, намажь.

Испытанное [средство], ослабляющее нервы, замечательно оно тем, что делает нечувствительной к боли одну какую-либо отдельную [часть тела]. Греческое сено, семена льна, листья зеленые мальвы положи в новый горшок и, вскипятив, мажь; и прокипяченные листья привяжи к [больному] месту — [средство] это хорошо испытано.

При всякой головной боли и мигрени, повторяющейся через значительные промежутки времени, — испытанное [средство]. Сок полыни, сок плюща, лавоз козы, улитку, сожженную вместе с раковинной, плоды лавра, дикий горный лук ³⁹¹, *Boswellia Carterii*, евфорбий, черную письменную краску, шафрановую размятую массу, клецвинку, листья редьки, желток яйца, сок мальвы; все в равном количестве растерев с уксусом, сделай пилули и пользуйся с уксусом.

О зубах. Лекарство неизменное для сгнивших и причиняющих боль [зубов]. [Возьми] колотых квасцов 1 унцию, сухого корня мыльнянки, хорошо размягченного, 4 унции и, растерев все вместе, засыпь болюющий зуб и держи крепко, пока не наполнится рот слюной, и тогда убери, и зуб перестанет болеть.

³⁸⁴ ἐχθόμενον — может быть, имеется в виду спуск (целебная мазь из воска и масла?), о котором говорится двумя строками выше.

³⁸⁵ ἀφανίζων αὐτήν — очевидно, под местоимением αὐτήν имеется в виду селезенка (σπλήν), хотя ранее есть лишь прилагательное σπληνικόν. Вероятно, этот компресс устранял опухоль селезенки, которая была заметна снаружи, на глаз (?).

³⁸⁶ αἷμα δράκοντιου — красная смола драконового дерева (*Daemonogors Draco*).

³⁸⁷ σικύου ἡμέρου — *Cucumis sativus*. Ср. стр. 276, прим. 251.

³⁸⁸ σιρτικόν. Ср. ниже.

³⁸⁹ κενόν, но, может быть, вместо нужного καιόν — новую (?).

³⁹⁰ σφέλη.

³⁹¹ βολβός — *Muscari comosum*.

л. 262 // Очень известное успокаивающее [средство]: воск, сырую смолу, жидкие об. квасцы — растопив поровну то, что из этого расплывается, долей в квасцы, растворенные уксусом, и, хорошо размягчив, пользуйся.

Для укрепления десен, сохранения зубов и для пристойного дыхания: волокна иссопа, завернув в клочок льняной ткани, сожги; затем, подмешав третью часть морской воды, тщательно разомни.

Зубная мазь, чтобы зубы были белыми, хорошо пахнущими и не съедались: натра — 1 унцию, раковины каракатицы — 1 драхму, мирры — 1 унцию; размельчив хорошо, пользуйся и прополаскивай тепловатой водой.

Сберегает же зубы [следующее средство]: залей пирефрон кислейшим уксусом на 40 дней, затем разотри и сохраняй. При использовании же [это] и прочие [зубы] защищает, а большой зуб, очистив кругом, залепи лекарством, затем, по прошествии часа, вытащи пальцами.

Сохраняющее [средство] для коренных [зубов]. [Возьми] сока гроздей белого переступеня ³⁹² 1 литру, кожуры корня шелковицы 6 унций; вари, пока не останется половина, и давай в теплом состоянии держать во рту в течение 7 дней, и никогда не будет зубной боли. Это же [лекарство] и при дуплах на съеденных зубах.

При лишаях на щеках: плод дикой мальвы, когда он еще несколько мягок, очисти и измельчив, отдели сок и тщательно натри им [щеки]; или соком портулака промажь тщательно.

При затяжных лишаях: или корнем асфодели ³⁹³ намажь, сварив его в уксусе и растерев, или приготовь листья агнуса ³⁹⁴ подобным же образом и принимай, сварив их, или листья каперсов [приготовив] подобным же образом, или корень хамелеона ³⁹⁵ — подобным же образом [пользуйся].

л. 263 Обезболивающее средство: хорошо помогает чахоточным, страдающим от кашля, от дизентерии и от катарров ³⁹⁶. // [Возьми] ³⁹⁷ шафрана, костоса, кастория, копытня, семян белены, опия, стиракаса по 1 драхме и, меда прибавив, пользуйся.

О веснушках, появляющихся кругом на лице. Сожженная раковина каракатицы или [раковина] багрянок ³⁹⁸ или кириков ³⁹⁹, намазываемая с медом, подобно мази. Следует положить все это в необожженный горшочек и дать ему обжечься в печи. Это же самое [средство] действует и при родинках.

При камнях в мочевом пузыре — [следующее средство], раздробляющее [их] до тех пор, пока не вычистит мочевой пузырь и не выведет [их] вон через мочу, а также и сильнейшие [болезни?] вылечивает так, что они никогда больше не повторяются. Семян моркови, аниса, семян огурца, каменной петрушки, мирры — по 6 драхам, касии, плодов лавра, корицы, нарда кельского — по 4 драхмы; сделал все мелко толченным, принимай с водой.

Ломкой ивы ⁴⁰⁰ сырой горькой давай натошак ежедневно в течение 30 дней с водой 3 кубка. Это [средство] для того, чтобы его принять, размельчается деревянной мешалкой и нестиком; следует при этом, чтобы разбивающий [предмет] не имел ничего, оправленного железом. Его усваивает лекарство от ударного инструмента (?).

Артириак ⁴⁰¹ при потере голоса: 60 сосновых шишек, 40 горьких очищенных миндалин, мякоть 6 финиковых плодов, лакричника — 12 граммариев, шафрана — 1 драхму, мирры — 1 граммарию, трагаканфа — 6 граммариев, сладкого критского вина — достаточное количество. Применение этого [средства] полезно для груди. И меда добавь к отвару.

При насморке немедленно помогает: пирефрона — 2 драхмы, костоса — 2 драхмы, перца белого — 1 драхму; размельчив все и просеяв, сохраняй. При употреблении же приказывай вкладывать в ноздри и втягивать в себя лекарство.

л. 263 При . . . хронических . . . [заболеваниях?] ⁴⁰² . . . испытанное [средство]: об. воска, сосновой смолы, // плодов лавра очищенных — по 1 литре, фимиама аммонияка

³⁹² βρωνια λευκή — Bryonia alba (Канон, II, стр. 746), а также: хмель (новогреч.), дикий виноград; ἄμπτελος μέλαινα — Tamus communii — переступень, параличный корень, белая матица; = ἄμπτελος λευκή — Bryonia cretica.

³⁹³ ἀσφόδελος — Asphodelus ramosus — желтый нарцисс.

³⁹⁴ ἄγνος = λύγος — Vitex-Agnus Castus L., целомудренный агнус, верба, прутняк (Канон, II, стр. 748), лапчатник (Феофр., стр. 549).

³⁹⁵ χαμαιλέων — название различных растений, получивших такое наименование от меняющегося цвета их листьев; вид чертополоха, татарника.

³⁹⁶ καταρρίζομενοι вместо καταρροϊζόμενοι.

³⁹⁷ Против левого верхнего угла на полях стоит цифра κδ̄ (24).

³⁹⁸ πορφύρα — мурекс, пурпуровая улитка.

³⁹⁹ κυρίων вместо κηρύων — вид крупной морской улитки, раковины которой использовались как трубы (муз.).

⁴⁰⁰ ἐλίχιον вместо ἐλίκη — Salix fragilis — верба ломкая, ветла, ракета.

⁴⁰¹ ἀρτηριακή — лекарство для лечения бронх и трахей.

⁴⁰² Два или три слова настолько выщвели, что не поддаются прочтению; по сохранившимся буквам и их остаткам можно предположительно прочесть: πρὸς . . . (τῶν?) χρομίζόντων (νοσημάτων) των. Не в лучшем состоянии и заголовки на л. 263 об. (а их здесь 5), написанные киноварью.

1 унцию, гальбанума — 4 унции, пирефрона — 2 унции, яда (сока ?) ⁴⁰³ евфорбия — 1 унцию . . . ⁴⁰⁴ — 1 драхму, масла лаврового или старого простого [растительного] масла — 4 унции; приготовь все и пользуйся — делает красной поверхность [тела] и облегчает [органы], лежащие в глубине.

При золотухе, но очень хорошо и при всяком затвердении и опухоли: изруби очень мелко зеленые листья цветущего кипариса и накапай [в них] терпкое вино.

Для (?) обезсиленной давай пить сок корня корноподиона — весьма испытанное [средство] . . . ⁴⁰⁵.

Безболезненное рвотное. Вари семена анефа, садовой лебедеи, редьки, пока не испарится половина. [Доза] питья — 1 чашка с унцией острого меда.

[Как] делать волосы густыми: давай мыться пеной морской воды с миррой.

При парше известное [средство]: свиное старое сало, лавровое масло, ртуть, соединенную с золой, все смешав намажь [пораженные места] в бане, а затем, вспотев, уйди, не помывшись.

При выпадении кички из заднего прохода: сварив каменную петрушку с солью, подмывай.

При полной глухоте: сок пятисочника ⁴⁰⁶ капай в [ухо] вместе с сусинием ⁴⁰⁷ и розовым маслом.

При зубной боли: пужно поймать речного краба и, вынув его правый глаз, положи ⁴⁰⁸ (к зубу?), самого же [краба] отпусти живым.

При задержании мочи, размяв речного краба со старым вином, дай пить.

При опускании желудка: измельчив корень бешеного огурца, выжми сок и, смешав его с желчью быка, положи в пуп.

При кровотечении: размяв семена капусты, давай пить с водой в течение трех дней.

При впадом желудке ⁴⁰⁹: чтобы лежачий больной встал [на ноги] и испустил мочу в свою постель и чтобы сам перестал болеть. Наполняющийся же [мочой?] умрет.

При задержании мочи: две улитки вытащив [из раковины] и растерев, дай пить [больному], и он немедленно излечится.

// При нарыве селезенки: дай пить колотые квасцы с медной водой, в которую л. 264
окуни железо.

При зубной боли: зажарив и размяв живую улитку с уксусом, дай промывать [рот], и прекратится [боль].

При бельме ⁴¹⁰ глаза в течение трех дней вылечивает — испытанное замечательное [средство]. Взяв копыто осла, сжигай его, пока оно не станет углем, [затем], растерев мелко, добавь молока женщины, родившей мальчика, и, смешав, сделай «калочки» ⁴¹¹ и [в таком виде] сохраняй, а когда будешь пользоваться, снова добавь молока женщины, родившей мальчика, и, растерев, намажь [глаз] — удивительное [средство].

Для изгнания через низ плоских малых глистов: взяв тонких корней дикого граната, сколько их [входит] в горсть руки или больше, и, вскипятив в воде, пока не останется третья часть, давай пить натошак.

При [болезнях] селезенки ⁴¹²: вербу и олеандр ⁴¹³ с корнем черной смоквы вари со старым вином и дай пить; или, вскипятив в воде корень тамариска, пока не останется третья часть, дай пить натошак.

При зубной боли: розмарина (?) ⁴¹⁴, кипариса 3 зерна, немного листьев (?) ⁴¹⁵ и корень куманики ⁴¹⁶. Все это измельчив с вином, вскипяти, пока не останется третья часть, и тепловатое держи [во рту].

403 *ίός*.

404 . . . *οἶδε* . . . — не удалось прочесть.

405 Неясно: *ἐναν(τι)?*

406 (*π*)*ενταχύλλον* — предположительно: начало слова выпцело; пятисочник — букв. перевод. Может, вместо *πεντάφυλλον* — *Potentilla reptans* L. — пятилистник (*Φεοφρ.*, стр. 569).

407 *σοῦδινον* вместо *σοῦσίνον* — лилиево масло. Ср. стр. 267, стр. 125.

408 *περίαφε* — может быть, прикуси (?).

409 *κοιλιστόμαχος*.

410 *λόχομα* вместо *λεύκομα*. Ср. стр. 276, прим. 262.

411 *κολλούρια*.

412 *πρὸς σπλῆναν* — букв. «при селезенке». Ср. стр. 287, прим. 385.

413 *σπόγγον* — губка, также: *νήριον* — *Nerium Oleander* — рододендрон.

414 *κενδρολίβανος* — видимо, вместо *δενδρολίβανος* — *Rosmarinus officinalis* — розмарин.

415 Неясно: *δάδιν* или *δασίν*. Если вместо *δάδιν*, то щепя сосны; если вместо *δάδινος* — просто сосновое дерево; если же вместо *δασόν* = *δασός*, то может быть субстантивированное: волосы, кусты, листва, что, кажется, здесь и подходит.

416 *βάτ(ον)?* (-ιον?) (-ос?). Если *βάτον*, то куманика (см. стр. 284 прим. 355); если *βάτιον* — то саламинское название для шелковицы.

При винных язвах ⁴¹⁷ головы и шеи: греческое сено, семена льна и дикую мальву ⁴¹⁸ измельчить, просеять и варить все с водой; а для того, чтобы мазалось, необходимо [добавить] масло из ромашек, и тогда налеплий. Полезно также и для нервов.

Приготовление очищающей соли: скаммония — 1 унция, каменной петрушки — полторы унции, сухого имбиря — полторы драхмы, иссопа — полторы драхмы, 100 зерен перца, сухого чистого хлеба — 3 унции. Порция же — 3 ложки ⁴¹⁹; пицей же [при этом] должно быть одно и то же — для усиления [действия лекарства].

л. 264 // При кровотокающих деснах: ячменную кашу ⁴²⁰ замеси уксусом, подогрей и об. этим пользуйся.

Для печени: половину унции мирры и половину унции дубровника, смешав с медом, мажь; или, смешав с медом сок садовой мальвы, дай пить натошак.

Иначе: греческого сена, изжаренного ⁴²¹ и просеянного, — 1 унцию, костоса — 1 унцию, перца — 1 драхму, полыни — 1 драхму, 3 зерна лавра, жженого тмина добавь 1 ложку и давай с медом, [доза] — 1 ложка.

При лобом отравлении, взяв кожуру тутовой ягоды ⁴²² и растерев ее с водой, дай пить страдающему и выздоровеет в 2 дня.

Иначе: 9 зерен руты, размятых с вином, дай пить; другие [лекарки] и с водой дают.

При свинке: растерев *Boswellia Carterii* и живую улитку с колесной мазью ⁴²³, пользуйся.

При коликах у скота: взяв вошь ⁴²⁴ и открыв рот животного, раздави вошь на его зубах.

При кашле: ячменную кашу (?) ⁴²⁵, желтый мед, белый перец, улитку сжегши, размяв и смешав вместе, свари все и пользуйся; или испеки лук в горячей золе и пользуйся, или, изжарив и смолов греческое сено, свари его с медом и давай, или, сварив иссоп, принимай натошак.

Иначе: изрубив и просяв листья оливы и лавра, разомни их и дай страдающему с водой, [доза] — 3 ложки.

Для больных дизентерией и коликами: давай сухой жженный творог со старым напитком из вина и меда — 4 маленьких кубка — и избавишь [от болезни].

Для больных селезенкой и печенью: сжегши рог оленя, добавляй к питью в течение 4 или даже 3 дней — по 2 кубка, а именно 12 кератив; принимай с острым медом.

При бородавках: растерев поровну мышьяк и соль, добавь теревинфа и сделай смесь пластыреподобной.

л. 265 Для больных суставами: размяв кимолійскую ⁴²⁶ землю с уксусом, намажь [больные] места, и быстро // вызовет перемену [к лучшему].

При крови, подобной винному осадку (молодому вину) и отстаивающейся, наподобие слизи. Поджарь ⁴²⁷ тмин и, растерев клещевину и положив все в вино, дай пить [больному].

При плеврите ⁴²⁸ (?) — неизменное [лекарство] ⁴²⁹: прессованного воска и нарда — по 1 литре, мастики — 2 унции, листьев алоэ и полыни — по 2 унции; измельчив и смешав, сделай пластыревидным и наложи.

При кровотечении из ноздрей: мелко растерев дикую мяту и *Boswellia Carterii* добавь [в них] уксус, сделай «калачики» и вложи в ноздри.

Иначе: сорвав незрелые тутовые ягоды, высуши их в тени, положи в кожу и повесь на шею.

При потрескавшихся губах: измельчив клещевину с иссопом и смешав с медом, намажь.

При задержании мочи: сжегши ферулу ⁴³⁰ с критским вином, дай 2 ложки.

417 Πρός πλῆγὰς οἰνῶν.

418 ἀλθαία — *Althaea officinalis* — алфейная трава, проскурняк или просвирник (Геоп., стр. 325).

419 κοχλίος = κοχλία = κοχλιάριον — улитка, ее раковина; здесь и далее это слово нередко употребляется в значении меры (ложка? См. *Jans.*, p. 158).

420 ἄλφιτα — также спец.: крупа из ячменного зерна или припарка, или вид напитка из ячменя, или (позднее) хлеб.

421 πεφυργμένον = πεφρυγμένον? Ср. Геоп., стр. 344.

422 συκάμινος — также: *Morus nigra* — черная шелковица.

423 ἀξούγγια = ἀξούγγιον — вообще: топленое сало, мазь, коломась.

424 φθέρ, φθερός — также: семя вида сосны или *Naucrates ductor* — морская рыба, сопровождающая дельфинов.

425 πρόχω(να?) = ἄλφιτα. См. прим. 420.

426 (κ)ιμωλίαν (первая буква выцвела).

427 φρέζον — полагаем, что образовано не от φρέζω, а от φρέζω (φ заменено на ι — итацизм), т. е. φρέζον вместо φρέζον. Возможно также иное понимание; если ошибочно φρέζον вместо верного φρέξον (прилаг.) — жесткий, колючий, терский, грубый, т. е. терпкий тмин.

428 (π)λευριτικόν?

429 ἀπερίβατος? Может быть также: при плеврите непроходящем?

430 νάρθη вместо νάρθηξ — *Ferula communis* — гигантский укроп.

Для страдающих камнями: измельчив редьку без листьев, выжми сок и давай пить 4 раза в день, так как это средство безошибочное. Или, растерев земляных червей со старым вином и перемешав, дай пить, причем соответственно: мужчине — 7 земляных червей, женщине — 5; и превратит это [средство] камни в песок и изгонит их.

При элифантиазе лица: взяв раковину каракатицы и рыбный клей и пропитав натром, смочи ⁴³¹ [лицо].

При стертых [местах]: присыпь цветом розы, промыв прежде чистым вином.

При вздувшемся водяном [мозоле]: взяв бобы и тмин, мочи 4 дня; затем, и то и другое размяв вместе и сделав пластыреподобным, налепи и [держи] вплоть до того, пока не выделится вся влага, находящаяся в нем.

При ревматических деснах: наломав дубового корня в вино, вари, пока не останется третья часть.

Для компресса на селезенку: сок садового лука-порей и мужской *Boswellia Carterii* мелко растерев, наложи и оставь, // пока не отпадет само собою. л. 265 об.

При задержании мочи ⁴³²: размяв корень каллиструфия ⁴³³, давай пить с напитком из вина и меда; или, сварив корень сумака ⁴³⁴, дай пить.

Для желудка ⁴³⁵: мирры — 1 унцию, мастики — 1 унцию, *Boswellia Carterii* — 1 унцию с белком, а именно с жидкой [частью] яйца ⁴³⁶, налепи.

При женском кровотечении: квасцов — 2 унции, клещевины — 5 ложек, перца — 2 унции, марены ⁴³⁷ — 1 унцию, корня фиалки — 2 унции, положив в недавно вылепленный горшок и сварив со старым вином, пока не останется третья часть, давай пить в бане; разотри же только перец.

Для страдающих от камней испытанное [средство] ⁴³⁸: взяв 3 или 4 редьки, сняв верхнюю кожуру ⁴³⁹, размельчив хорошо внутренность редек и отжав через полотно сок, дай пить страдающему от камней, и с течением времени (?) он избавится от болезни; [это средство] вызывает обильную мочу и уносит [с нею] камни.

Для того, чтобы опорожнить голову и грудь, имеющую влагу: мастики — 15 или 18 зерен, 12 ягод дикого винограда, растерев и замесив ⁴⁴⁰, дай жевать и выплевывать.

Для выравнивания ⁴⁴¹ [периодов] очищения и задержания желудка — известное [средство]. Изжарив и растерев шишки кедра с половиной клещевины, дай пить в вине: ребенку — 3, старику — 5 шишек, так же как и более молодому, и половину клещевины [всем] — замечательно [действует].

Приготовление отвара из роз ⁴⁴²: взяв цвет красных роз и разобрав на лепестки 1 литру, положи их в сектарий вина в глиняный сосуд и помешивай камышиной, [делая так] в течение 40 дней. Мешай же в направлении к востоку, а затем к западу. То же, чем мешать, пусть будет чистым. После этого, взяв вино, смешай его // с полутора литрами меда и пользуйся. л. 266

При слабом зрении: вымыв тщательно меланфий, размяв его с водой и процедив через плотную тряпочку, мажь не густо, так как [это] является довольно сильным лекарством, а режь и слегка мажь.

При ознобе: прокипятив немного корней вербы и вынув из них сердцевину, брось ее, а кожуру корней, промыв хорошо, разотри с силой в ступке, а растерев, влей в ступку старое вино и, вновь растерев, процеди в винный глиняный сосудик и наутро снова все то, что оказалось сверху осадка, процеди, давай пить это натошак, перед началом дня.

Рвотным является [для?] желчи, флегмы и сока [тела] ⁴⁴³; желчь вытягивай через желудок. Этим я, испытав, пользуюсь. Другие же это же самое, а именно: корни

431 κατάπασσε.

432 στραγγουρία — очевидно, автор отличает это от δυσουρία. См. несколькими строками выше.

433 καλοστρόβιον вместо καλλιτρούβιον — вид отборной смоквы или айвы.

434 ρόος — *Rhus coriaria* — шмак.

435 πρὸς στόμαχον — обычно в рукописи: στόμαχον — желудок, но может иметь значения: глотка, гортань, пищевод, шейка мочевого пузыря (матки), устье желудка.

436 μετὰ λευκοῦ ἤγουν τὸ λεπτόν τοῦ ὄω. Это место подтверждает предположение Жансельма, что под λεπτοῦ τοῦ ὄω следует понимать «белок яйца», но опровергает его конъюнктуру: писать λευκοῦ τοῦ ὄω вместо λεπτοῦ τοῦ ὄω (*Jean.*, p. 149).

437 ἐρευθρόδαον (-ος) = ἐρευθρέδαον = ἐρευθρόδαον — *Rubia tinctorum* — также: крапп (краситель из корня марены).

438 διαπῆ = διαπεπειραμένον.

439 См. стр. 261, прим. 57.

440 ξυμώσας.

441 αντίσωσις.

442 ῥοσάτον — *rosatum* (лат.).

443 ἐστὶν ἐμετικὸν χολή(ης) καὶ φλέγμα(τα) καὶ χυμοῦ — окончания в скобках неясны; в слове φλέγματα последний слог перенесен на другую строку и фраза может быть прочитана еще так: ἐστὶν ἐμετικὸν χολή καὶ φλέγμα τὰ καὶ χυμοῦ, но если в первом чтении необъясним падеж φλέγματα, то во втором чтении необъяснимо τὰ καὶ χυμοῦ.

вербы, варят, пока не останется третья часть; скипятив же со старым вином, дают и пашоцак, и на сытый желудок — и весьма помогают [больному]. Польза же — и от того и от другого.

Известное противоядие лобому смертоносному [яду]: 9 зерен руты, размятые с водой и выпиваемые.

Для хорошего запаха изо рта: пропитав ирис старым благовонным вином, постоянно полощи этим рот.

При потере голоса гортани(?) ⁴⁴⁴: размяв с водой стиракс, сделай питье с равным количеством нута и давай по трети, и немедленно [наступает] избавление.

При раздражении в углах глаз, случающемся от пыли и солнца: взяв холодной воды и добавив [в нее] немного уксуса, промывай постоянно; или выжми сок зеленой л. 266 об. мирры и намажь [этим] соком вокруг углов глаз и веки, // или соком куманики делай подобным же образом.

При болезнях, случающихся в носу: взяв зелень кошачьей мяты, извлеки из нее сок и капай в носдри в течение 5 дней. Если же зелень кошачьей мяты сухая, то, сделав порошок, вдыхай его через камышинки в носдри.

При алопексе ⁴⁴⁵: мелко размяв с медом сожженную кожуру фундука, намажь после очищения [пораженного места] содой и протирания полотном. Делай это в течение трех дней — и на девятый день болезнь прекратится. И если можно срезать волосы с [больного] места ножом, то прежде удали волосы, [затем], пользуясь бритвой, обрей.

Приготовление апсифитиса ⁴⁴⁶, размягчающего и живот ⁴⁴⁷: мастики — 1 унцию, костоса — 1 унцию, хмеля — 2 унции, касии — 2 унции, нарда — 2 унции, цветка. . . ⁴⁴⁸ — 2 унции, ревня ⁴⁴⁹ — 2 унции, алоэ — 7 граммариев, полыни — 7 граммариев, меда — 3 гексагия, вина — 2 котелка (?) ⁴⁵⁰.

При красноте кожи и флегмоне, случающейся от воспаления. Взяв корень белой лилии, разотри его в ступке, а после этого, взяв паслен и кориандр, разотри их и извлеки сок — и сок их влей в растертое [ранее], а именно в [корень] лилии. И после этого добавь в полужелтый желток яйца и розу ⁴⁵¹, разотри вместе, положи на сковородку и нагрей. Затем (?) намажь на тряпку и палени на страдающее место — замечательно [действует].

При абсцессе: очистив виноград от косточек и размяв, смешай с толикой соли и положи на абсцессе.

л. 267 **При карбункуле** ⁴⁵² //

При задержании мочи очень полезно [следующее]: редьку. . . вместе с листьями разотри и, отжав сок, давай его пить в течение восьми дней. И если есть камни, то они разрушатся и будут совершенно устранены ⁴⁵³.

Взаимозаменители Галена ⁴⁵⁴. Вместо семян чертополоха ⁴⁵⁵ горлицвет кожистый ⁴⁵⁶, вместо аромата ⁴⁵⁷ камыш ароматный, вместо алоэ индийского зеленые листья или стебель алоэ, или помет ибиса, или красильная крушина, или кентаврий; вместо асфальта сырые выжимки смолы; вместо аконита ⁴⁵⁸ — дикий ирис или [его] корень; вместо

444 Неясно: εις ἀποκοπήν φωνῆς βραχιόντων.

445 ἀλωπεκία — болезнь, подобная парше на лице (отсюда название), когда выпадают волосы и образуются плешины.

446 ἀψινθίτης — вино, приготовленное с полынью.

447 μαλάσσοντες και κοιλίας.

448 Неясно: χοι.

449 ῥεον ποικιλόν.

450 στῦ означает меру; предполагаем στρογγύλιον (?) — круглый горшок (котелок), фляжка, бутылка.

451 ῥόδον . . . — может быть, розовое масло (?).

452 πρὸς ἀνθρακος — при злокачественной пустуле (прыще). Далее — начало л. 267а (отсутствует): рецепт лечения карбункула был написан на верхнем поле и не попал в объектив аппарата. Первые из заснятых строк этого листа написаны тем же почерком, что и все предшествующие страницы рукописи, но очень небрежно и раза в два более крупно.

453 Далее — лл. 267а—268а — написано другим почерком, мелко и неразборчиво, буквы в полтора раза мельче обычных для рукописи, строк на странице больше на 1/4 среднего количества строк на странице в рукописи. Текст сильно пострадал от сырости, особенно последний л. 268а, который почти невозможно читать. Другой писец, продолжая переписку, сэкономил каждое свободное место пергамента, вписав свои первые слова-заголовки в три ряда после недописанной первым писцом строки.

454 ἀντιβαλλόμενα τοῦ Γαληνοῦ.

455 ἀκάνθιον — также: Onopordum illyricum.

456 λυχνίς — Coronaria coriacea.

457 ἀντὶ ἀρωματικοῦ — здесь возможен пропуск.

458 ἀκόνιτον — Aconitum Anthora — леопардова трава или Aconitum Napellus — волчья отравка.

полыни божье дерево ⁴⁵⁹; вместо божьего дерева — ориганон; вместо асбеста адарка ⁴⁶⁰; вместо анхусы ⁴⁶¹ гиацитт; вместо соли аммонияковой соль каппадокская (?) ⁴⁶²; вместо мышьяка сульфид мышьяка; вместо чертополоха колючки от вишен ⁴⁶³; вместо муки мелкого помола сухая цветочная пыльца; вместо аммонияка перга; вместо аспалакса ⁴⁶⁴ плоды вереска ⁴⁶⁵; вместо дикой вики ⁴⁶⁶ сезам; вместо горького миндаля полынь; вместо лугового шалфея индиго ⁴⁶⁷; вместо зелени (?) бузины ⁴⁶⁸ чертополох; вместо агарика евфорбий; вместо аргемони ⁴⁶⁹ сериф ⁴⁷⁰, вместо корня асфодели ботва или сок свеклы; вместо сока барвинка ⁴⁷¹ сок латука или хмель; вместо асбеста ⁴⁷² мужской сельдерей; вместо аспалакса семена агнуса; вместо эфиопской сливы смола акации — 2 меры: вместо илистого камня ⁴⁷³ камень гагат ⁴⁷⁴ или каменная соль. . . ⁴⁷⁵; вместо соленого сала медвежий жир; вместо побегов осокоря ⁴⁷⁶ майоран; вместо «заячьего уха» ⁴⁷⁷ «аромат» сальфия ⁴⁷⁸; вместо коровьего масла коровье молоко свернувшееся; вместо бальзама сок, капающий с мирры, вместо бделлия ароматный сфагн ⁴⁷⁹; вместо корня горечавки ароматный сельдерей; вместо земли самосской ⁴⁸⁰ египетская левкографида ⁴⁸¹; вместо земли эретриадской ⁴⁸² известь фиванская; вместо репы гелиотроп; вместо сока лакричника сок тутовый; вместо помета коршуна помет голубя; вместо «мягкой земли» графит; вместо дорикния ⁴⁸³ семена белены; вместо душицы критской ⁴⁸⁴ шалфей трехлопастный; вместо плодов лавра тимьян ⁴⁸⁵ сухой; вместо семян моркови семена водяного пастернака ⁴⁸⁶; вместо пирита из медной руды камни фригийские; вместо аройника ⁴⁸⁷ отвар (?) ⁴⁸⁸; вместо шал-

⁴⁵⁹ ἀρρότονον — *Artemisia arborescens* — полынь древовидная (*Феофр.*, стр. 567, *Геоп.*, стр. 320).

⁴⁶⁰ ἀδάρακη — едкая плесень на болотных травах, а также: вид соленого гриба.

⁴⁶¹ ἄχουσα — *Anchusa* (*Alkanna*) *tinctoria* — воловик красильный (*Феофр.*, стр. 531), «воловий язык» (*Канон*, II, стр. 722, 765). *Ср.* стр. 260, прим. 43.

⁴⁶² Неясно: можно прочесть *καπταδοκικόν* и *καπταδοκικόν*.

⁴⁶³ κερασίωv ἀκάνθη(οι?) — от (?) *κερασία* — вишня (дерево) или *κερασός* — *Prunus avium* — птичья вишня.

⁴⁶⁴ ἀσπάλαξ — вид растения; или *ἀσπάλαδος* — колючий куст, дающий едкое масло = верблюжья колючка — *Alhagi maurorum*, а также: *Calycotome villosa* — колючий трилистник.

⁴⁶⁵ ἐρύκη вместо *ἐρείκη* — *Erica arborea*.

⁴⁶⁶ ἄραξ = *ἄρακος* — *Lythgus apicius* — стручковый сорняк, растущий между бобовыми.

⁴⁶⁷ μέλαν Ἰνδικόν.

⁴⁶⁸ ἀντὶ ἀκτῆς βο(τάνης); *ἀκτῆ* = *ἀκτέα* — *Sambucus nigra*.

⁴⁶⁹ ἀργεμόνη — *Paraver Argemone* — вид мака.

⁴⁷⁰ σέριφον — вид полыни.

⁴⁷¹ ἀειζών — *Sempervivum tectorum* L. — молодил кровельный (*Феофр*, стр. 558), бессмертник (*см.* *Геоп.*, стр. 317).

⁴⁷² ἀμίαντος — букв. «незагрязненный, чистый»; перевод «асбест» предположительно, так как *ἀμίαντος* означает асбест только в сочетании со словом λίθος, но подобных сокращений в нашей рукописи много.

⁴⁷³ ἀντὶ ἄσιου λίθου.

⁴⁷⁴ γαγάτης λίθος — джет, черный янтарь.

⁴⁷⁵ После слова *ἀμμωνιακοῦ* стоит непонятное «к^е». *См.* стр. 288, прим. 397.

⁴⁷⁶ αἴγερος = αἴγερτος — *Populus nigra* — черный тополь.

⁴⁷⁷ βουπρήστis — *Vupleurgus protractum*, а также: ядовитый жук, поедаемый крупным рогатым скотом вместе с травой и причиняющий смерть.

⁴⁷⁸ σιλφηβδέουσα.

⁴⁷⁹ σφάγγος = ἐλελίσακον (-ος) — *Saliva thriloba* — шалфей трехлопастный; также: *ἀσπάλαδος* — *см.* прим. 464; также = *ψευδοδίκταμνον* — *Ballota acetobulosa* — ложная душица критская.

⁴⁸⁰ γῆ Σαρία — глина с лечебными свойствами.

⁴⁸¹ λευκογραφίς, -ίδος — вид белой глины.

⁴⁸² γῆ Ἐρετριάδος.

⁴⁸³ δорύκτιον — *Convolvulus oleaeifolius* — вид вьюнка, ядовитое растение; также = *πύρεθρον*; также = *μελισσόφυλλον* (*μελισσοβότανον*) — *Melissa officinalis*; также = *στρόχνον μανικόν* — *Datura Stramonium* — дурман.

⁴⁸⁴ δίκταμον = *δίκταμνον* — *Dictamnus albus* или *Origanum Dictamnus* — лесная мята или дикий бадьян.

⁴⁸⁵ Предположительно, так как начало слова смыто: виднеется . . . πόλλος — предполагаем: *ἐρπυλλος* — *Thymus atticus*.

⁴⁸⁶ σίον — *Sium angustifolium* — болотное луговое растение; также: *Veronica Anagallis* — водяной анагаллис (*курослен*) = *Mentha aquatica* L. — бергамот-мята водяная мята (*Феофр*, стр. 559), а также *Pimpinella Anisum* — анис. *Ср.* *Канон*, II, стр. 752: *Sium latifolium* — сийун.

⁴⁸⁷ δρακόντιον — *Arum dracunculus* L. — змеевик; *Dracunculus vulgaris*. *Ср.* прим. 255 к стр. 276.

⁴⁸⁸ Неясно: в середине слова клякса; виднеется *ἀποβ* . . . *φον*, предполагаем: *ἀποβ(ράσ)ιμον*.

л. 267
об.

фея трехлопастного кошачья мята; вместо сока оливы сок кубышника ладанного; вместо тимьяна водоросли⁴⁸⁹; вместо семян евдзомона⁴⁹⁰ семена *Sisymbrium polysceratum*⁴⁹¹; вместо сока *Echallium Elaterium* его самого зелень и ее сок; вместо *Sisymbrium polysceratum* «мыльнянка»; вместо плода вереска давленные ягоды клещевины; вместо эбена⁴⁹² порошок лотоса⁴⁹³; вместо листьев эрика⁴⁹⁴ помет ибиса; вместо корня адфеи⁴⁹⁵ листья мории⁴⁹⁶; вместо чемерицы черной корни папируса; вместо «девятилистника»⁴⁹⁷ (водоросли *Potamogeton natans*); // вместо старого растительного масла вари двойное масло со старым свиным салом; вместо имбиря пирефрон; вместо сока фациии сок хамелеона черного; вместо фациии чистотел⁴⁹⁸; вместо лупина⁴⁹⁹ «гадючья трава»⁵⁰⁰; вместо негорючей серы сацдарок; вместо ржавчины на железе окалина железа; вместо омелы⁵⁰¹ дубовой черной хамелеон; вместо ириса иллирийского двесил⁵⁰² ароматный; вместо корицы касия в двойном количестве; вместо касии корица; вместо куркумы можжевельник⁵⁰³; вместо кардамона куркума аммонияковая; вместо костоса шинка кедрового дерева; вместо кедровой шишки ладан; вместо камыша ароматного сфаги; вместо шадфея масса, из которой выжимается шафрановое масло; вместо массы, из которой выжимается шафрановое масло, алоэ индийский; вместо «заячьего уха»⁵⁰⁴ внутренности «аромата» сильфия; вместо кадмия левкографиды египетская; вместо жира крокодила жир морской собаки; вместо цикуты⁵⁰⁵ семена кориандра; вместо испанских мух⁵⁰⁶ фаланги; вместо семян крапивы семена агнуса; вместо плоча сок персика; вместо клещевины глиос (?)⁵⁰⁷ с палестры; вместо корня каперсов корень вереска или тамариска; вместо помета горлицы помет голубя; вместо керасния (?)⁵⁰⁸ левкографиды; вместо коразла⁵⁰⁹ моли⁵¹⁰; вместо помета кошки помет ласки⁵¹¹; вместо киновари⁵¹² розовидное (?)⁵¹³; вместо тмина семена капусты; вместо *Calamintha Clinopodium*⁵¹⁴ гелиотроп; вместо кошачьей мяты дикая мята; вместо колокинтиды семена клещевины, которая является *Ricinus communis*⁵¹⁵; вместо семядола⁵¹⁶ ворсянка⁵¹⁷; вместо канифоли сосновая смола⁵¹⁸; вместо собачьей куманики⁵¹⁹ семена аликакава⁵²⁰; вместо крипанфема⁵²¹ афродисиак⁵²²; вместо Со-

- 489 *ποταμογείτων* — *Potamogeton natans*.
- 490 *εὐζωμον* — *Eruca sativa* Lam. — индую посевной (*Феофр.*, стр. 542).
- 491 *ἐρύσιμον* — горчица (?).
- 492 *ἔβενος*.
- 493 *λωτίον ξηρίον* (?).
- 494 *ἐρικος* — растение, подобное базилику.
- 495 *ἰβίσκος* = *ἀλθαία*.
- 496 *μορία* — вид мандрагоры.
- 497 *ἐνεαφύλλον* (?).
- 498 *ἐλύδριον* = *χελιδόνιον* — *Chelidonium majus*.
- 499 Неясно, виднеется — *θερμ. . . τι(α?)δος*.
- 500 *λυκόφυλος*? Может быть *λυκόφιδος* (от *λυκοφίς*) — *Echium italicum* (?), а также вид анхусы или растение из класса буглосса.
- 501 *ἰξός* — *Hasanthus europaeus*.
- 502 *ἑλένιον* — *Inula Helenium*; также: *Calamintha incana*.
- 503 *ἄρκευθος μεγάλη* — *Ianiperus macrocarpa*; также: *Iuniperus phoenicea* — финикийский кедр; также: *Iuniperus oxycedar* — колючий кедр.
- 504 *βούφριον* (?). Ср. стр. 293, прим. 477.
- 505 *κωνεῖον* — *Conium maculatum* — болиголов.
- 506 *κανθαρίς* — *Cantharis vesicatoria*.
- 507 *γλιός* (?). Может быть, вместо *γλοιός* = *γλίνη* — клей, смола, мазь (?).
- 508 *κεράσιον* (?). Может быть, вместо *κεράσιον* — плод *Prunis avium* — птичьей вишни (?).
- 509 *κοράλλιον*.
- 510 *μολυ* вместо *μῶλυ* — сказочная трава с магическим порошком; у поздних писателей (каким является и наш автор) — *Alliam nigum* — лук черный (*Феофр.*, стр. 553), чеснок (его вид), а также вид дикой руты, растущей в Каппадокии; также: *στρύχων ὑπνοτικόν* — *Withania somnifera* — дурман снотворный; также *ἡρόγγιον* — *Eryngium creticum* (или *campestre*) — синеголовник, перекати-поле.
- 511 *ἰχνεύμων* — *Herpestes ichneumon* — египетский вид ласки.
- 512 *κιννάβαρις*, также: *ἐρυθροδάνον* (см. стр. 291, прим. 437).
- 513 Так: *ῥοδοειδής*; также: название средства при кровотечении из носа, но здесь, очевидно, название какого-то растения.
- 514 *κλινοπόδιον* — зонтичное растение, также: конский тмин.
- 515 *κροτῶν*; также: *Croton tiglium* и *Iscodes ricinus*.
- 516 *κοτυληδών* (?) — проблематично: *Cotyledon Umbiculus* — пупочная трава.
- 517 *δνοκάρδιον* = *δίψακος* — *Dipsacus fullonum*.
- 518 *ἀπόχυμα*.
- 519 *κυνός βάτος* = *κυνόβατος* — *Rosa sempervivens* L. — собачья ежевика, роза вечнозеленая (шиповник) (*Феофр.*, стр. 575).
- 520 *ἀλικάκαρον* — *Physalis Alkekengi* — зимняя вишня; также: *δορύκλιον* (см. стр. 293, прим. 483.)
- 521 *κρινάνθεμον*; также: *ἡμεροκαλλές* — *Lilium martagon*.
- 522 *ἀφροδίσια*.

marum palustre ⁵²³ фимиам аммония; вместо немзы земля критская; вместо кифи ⁵²⁴ инжир. . . ⁵²⁵; вместо кириков раковины; вместо кардамона стебли тонкого льна; вместо воска толченые бобы, сваренные с пергой и растертые; вместо *Boswellia Carterii* ампельитий ⁵²⁶; вместо лафира ⁵²⁷ зерна крапивы; вместо лепидия ⁵²⁸ марена; вместо камня илистого камень гага; вместо камня магнита ⁵²⁹ камень фригийский ⁵³⁰; вместо камня фригийского камень аргирит ⁵³¹; вместо любистока ⁵³² семена винограда; вместо камня-пирита ⁵³³ камень, мечущий огонь ⁵³⁴; вместо цветка белого тополя ⁵³⁵ мыльнянка; вместо семян лотоса семона морской свеклы ⁵³⁶; вместо корня лепидия листья каперсов; вместо морского зайца заяц речной; вместо семян льна сок бобов; вместо корня щавеля пшинатного ⁵³⁷ корень пирефрона; вместо листьев *Cinnamomum Tamala* ⁵³⁸ касия или нард индийский; вместо сока мандрагоры дорикий; вместо миртового [масла] сок шелковицы; вместо мандрагоры сок сливы; вместо мастики ситник ⁵³⁹// вместо мальвы греческое сено; вместо меда сапа; вместо зерен *Boswellia Carterii* кора *Boswellia Carterii*, вместо незабудки ⁵⁴⁰ василек ⁵⁴¹ в равном количестве; вместо мозга оленьего жир олений: вместо плода айвы меллиот ⁵⁴²; вместо мии ⁵⁴³ египетская шелковица ⁵⁴⁴; вместо сока мирры листья куманики; вместо вина, настоянного на сильфии, вино итальяйское: вместо плака свинца окалина свинца; вместо мозга теленка свиной или олений мозг; вместо теревинфа смола из сосновых шишек; вместо свинца жженого свиновые белила; вместо купоросной земли (?) медь желтая (?); вместо нарда сирийского ситник ароматный; вместо горчицы семена репы; вместо нарда индийского *Cinnamomum Tamala*; вместо дерева бальзама корень белого тополя; вместо стебля тонкого льна ⁵⁴⁵ корица; вместо сока мака сок мандрагоры; вместо опопанакса молоко сезамное; вместо сока киренайского ⁵⁴⁶ сок смоковичный; вместо сока смоковницы сок мории; вместо сока вербы сок черной смоквы; вместо сока розолавра дубовое. . . ⁵⁴⁷; вместо лугового шалфея семена льна; вместо риса (?) ⁵⁴⁸ мука ячменная; вместо вина итальяйского вино, настоянное на сильфии; вместо вина родосского вино терпкое; вместо незрелого винограда клещевина незрелая; вместо сока неведкена сок лакричника; вместо раковин кирики; вместо вина сирийского вино родосское; вместо опопанакса жидкая смола; вместо органоно «божье дерево»; вместо сока персика плющ: вместо перги ладац; вместо перца имбирь; вместо папоротника (?)

⁵²³ κόμαρι(ς?) — *Comarum palustre*.

⁵²⁴ κίφι — египетское лекарство, составленное из нескольких стимулирующих лекарств.

⁵²⁵ После *ισχάς* стоят буквы *αε*, значение которых нам осталось неясным (25?). Ср. стр. 293, прим. 475.

⁵²⁶ ἀμπελιτίων (?) — вид певчей птицы (?), земля для виноградника, битуминозная почва.

⁵²⁷ λαθύρις — *Euphorbia Lathyris*.

⁵²⁸ λεπίδιον — *Lepidium latifolium* — сирийское растение, использовалось против цинги.

⁵²⁹ λίθος μαγνήτις — минерал, похожий на серебро; проблематично — вид талька.

⁵³⁰ λίθος φρύγιος — алюминевый (квасцовый, глиноземный) камень, вид немзы, использовался при крашении.

⁵³¹ ἀργυρίτης (?) — серебряная руда.

⁵³² λεβυστικόν = λεγυστικόν — *Levisticum officinale* Koch. (Канон, II, стр. 737), зонтичное растение из Лигурии, лазерный (?).

⁵³³ λίθος πυρίτις — минерал, из которого высекают огонь, медный пиритт — кремнь.

⁵³⁴ λίθος πυροβόλος.

⁵³⁵ λεύκινος — от *λεύκη* — *Populus albus* L. — тополь серебристый (Феофр., стр. 580).

⁵³⁶ τεῦπλον — *Beta maritima*.

⁵³⁷ λάπαθος — *Rumex Patientia* (Феофр., стр. 587) — монашеский ревень; *λάπαθον τὸ ἄγριον* — *Rumex conglomeratus* — щавель дикий (Феофр., стр. 587).

⁵³⁸ μαλαβάθρον — также: *Cinnamomum aliflogum* — ароматный лист индийского растения, может быть, бетель.

⁵³⁹ Далее 1 или 2 строки листа на нижнем поле не засняты: виднеются лишь неясные верхушки букв следующей строки.

⁵⁴⁰ μυωτίδων — очевидно, вместо *μυωστίδων* род. п. от *μυωστίς* — *Myosotis* sp. (Канон, II, стр. 744); также: *Parietaria lusitanica*.

⁵⁴¹ μῦα = *μυία*.

⁵⁴² μελιλότων — *Trigonella graeca* — вид клевера, богатого медом.

⁵⁴³ μῆρον — *spignel* (англ.).

⁵⁴⁴ μυροβάλανος = βάλανος *μυροφιχή* — *Balanites aegyptiaca*.

⁵⁴⁵ κάρπασος — *Linum usitatissimum*; также — хлопок; может быть и *κάρπασον* —

Veratrum album — белая чемерица.

⁵⁴⁶ ἕπος κορηναϊκός.

⁵⁴⁷ Не поддается прочтению.

⁵⁴⁸ ὀρύ(ζ)α (?) — чтение предположительно (посредине слова *клякса*). — *Oryza sativa*.

семена⁵⁴⁹ вместо полиподия корень хамелеона; вместо перистереона⁵⁵⁰ мать-и-мачеха⁵⁵¹; вместо «Венерина волоса»⁵⁵² полынь; вместо выжимок сырой смолы асфальт; вместо перги аммонияк; вместо водорослей тимьян; вместо корня папируса чермерица черная; вместо пирефрона имбирь; вместо помета голубя помет горлицы или коршуна; вместо корня пирефрона корень щавеля шпинатного; вместо сухих листьев персика сухие розы; вместо корня полигона⁵⁵³ ситник; вместо смолы сосновой смола теревинфа; вместо роз сухих сухие листья персика, вместо масла из редьки масло из касторового растения; вместо смолы канифоль текучая; вместо корня щавеля шпинатного корень артишока; вместо сумака поваренного^{553a} сухого майоран; вместо сосновой твердой сухой смолы сагапен⁵⁵⁴; вместо смолы теревинфа смола сосновая; вместо ситника ароматного корица или кардамон; вместо мирры-троглоитицы камыш ароматный; вместо жира оленя жир гусиный; вместо жира гиены жир лисицы; вместо жира лисицы жир медведя; вместо корня мыльнянки корень шалфея трехлопастного; вместо ятрышника⁵⁵⁵ семена шалфея трехлистного или евдзомон; вместо сириака (?)⁵⁵⁶ глет; вместо⁵⁵⁷ сумака поваренный сухой; вместо горчицы кардамон; вместо сосновой шишки семена; вместо квасцов соль каменная; вместо ситника корень полигона; вместо *Mentha aquatica*⁵⁵⁸ базилик; вместо винограда культурного мякоть финика сирийского⁵⁵⁹ . . .

⁵⁴⁹ κυνέωρος?

⁵⁵⁰ περιστερέων — *Verbena officinalis* — вид вербены.

⁵⁵¹ χαμαιλεύκη — земной плющ = βήχιον — *Tussilago Farfara* — жеребьяча нога; также: χαμαιλίσσα — *Glechoma hederacea*.

⁵⁵² πολύθριξ — *Adiantum Capillis-Veneris*. Ср. стр. 281, прим. 323.

⁵⁵³ πολύγονον — *Polygonum aviculare* — гречиха птичья (Канон, II, стр. 723), полигон широколистный, может быть подорожник или паслен (Геог. стр. 314).

^{553a} μαγειρικός.

⁵⁵⁴ σαγάπηνον; также: ее смола.

⁵⁵⁵ σατύριον — *Aegeria anthrorophora*, а также другие его виды: ὄρχις — *Orchis rapilionacea* или *Orchis latifolia* или *Orchis longicuris*; кокушник (*J. eans.*, p. 153); иногда — вид оливы.

⁵⁵⁶ συριάκης (род. п.)?

⁵⁵⁷ Далее правый нижний угол почти полностью смыт, некоторые слова не поддаются прочтению.

⁵⁵⁸ αϊούβριον — также: бергамот, гулявник, ключевой кресс-салат, жеруха.

⁵⁵⁹ Рукопись обрывается.

Указатель лекарственных названий

Агаллухи 257, 266	анагаллис 293	бадан 286
агарик 268—271, 293	анемон 260	бадьян 293
агнус 288, 293, 294	анеф 263, 264, 267, 275, 289	базилик 267, 273, 279, 294,
адарка 293	анис 270, 271, 274, 285, 286,	296
адиант 281, 285	288, 293	баклажан 271
аир 286	анхуса 293	балдарян 261
айва 259—262, 266, 267,	ἀραξ 293	бальзам 272, 293
282, 291, 295	арбуз 276	бальзамное дерево 266, 272,
аканф 257	аргемона 293	276, 284, 295
акация 267, 271, 278, 281,	аргирит 295	барвинок 293
287, 293	аристолохия 270	бделлий 268, 269, 274, 284,
<i>Aquilaria malaccensis</i> 257,	— длинная 266, 268, 284	285, 287, 293
258, 262, 265	— круглая 266, 269	бедренец 282
аконит 292	аройник 293	безвременник 271
аликакав 294	ароматы 263, 265, 292—294	беладонна 268
алойное дерево 266	артириак 288	белена 268, 270, 271, 273,
алоэ 268, 269, 271, 277,	артишоки 264, 276, 296	274, 283, 287, 288, 293
282, 290, 294	асбест 293	белила свинцовые 278, 279,
алфейная трава 290	аспалак 293	284, 287, 295
алфея 290, 294	астрагал 257	белок яйца 261, 263, 278,
амбра 257	асфальт 292, 296	287, 291
аммониак 268, 269, 272,	асфодель 288, 293	бергамот (мята) 293, 296
274—276, 288, 293, 295,	афродисиак 294	берест 277
296	ахиллесова трава 282	бессмертник 293
амом 272, 286		бетель 295
ампелитий 295	Багрянка 288	бобы 281, 286, 291, 295

- бобовые 276
 бобровая струя 268
 «божье дерево» 293, 295
 «божья трава» 276
 болиголов 294
 боровик 264
Boswellia Carterii 260, 262, 270, 274, 275, 278, 282—284, 286, 287, 290, 291, 295
 брлония 261, 288
 буглосс 260, 294
 бузина 257, 293

Валерьяна 265, 266
 василек 295
 ватрушка 267
 «Венерин волос» 281, 296
 верба 288, 289, 291, 292, 295
 вербена священная 282, 296
 «верблюжье сено» 260
 «верблюжья колючка» 293
 вереск 293, 294
 вероника 282, 293
 ветла 288
 ветреница 260
 вика 293
 винный осадок 260, 265, 285
 виноград 260, 263, 264, 273, 276, 284, 292, 295, 296
 — дикий 277, 279, 282, 285
 — звериный 266
 — кислый 262
 — незрелый 268
 виноградный цвет 272
 вишня 293
 — зимняя 294
 — птичья 293, 294
 влиах 278
 вода дождевая 278, 287
 — медная 289
 — морская 267, 284, 285, 289
 водоросли 294, 296
 «воловий язык» 260, 293
 воловик 260
 — красильный 293
 «волочья трава» 281
 волосы козы 284
 волчец 264
 «волчье молоко» 281, 283
 «волчья отравка» 292
 ворсянка 294
 воск 259, 260, 267, 272, 274—276, 282, 283, 285—288, 290, 295
 вошь 290
 вымя 263
 вяз 277

Гагат (камень) 293, 295
 «гадючья трава» 294
 галанга 260
 галл 261
 гальбан 272, 274—276, 279, 282, 287, 289
 гарон (гарум) см. рассол
 гвоздика 257—259, 265, 266
 гелиотроп 293, 294
 гематит 278

 гераклейская трава 279
 гиацит 293
 гиперикон 268, 269
 гладыш 270
 глет 272, 284, 285
 глина 283, 293
 глиос 294
 гнафалл 271
 говядина 258, 276
 головы ласточек 277, 279
 горечавка 266, 268, 270, 293
 горчицвет кожистый 292
 горичник 283
 горлянка обыкновенная 269
 горох 260
 горчица 261, 263, 266, 273, 274, 284, 285, 294—296
 град 284
 гранаты 259—262, 264, 266, 286, 289
 графит 293
 «греческое сено» 276, 285, 287, 290, 295
 гречиха птичья 296
 гриб 273, 274, 276, 293
 — древесный 268
 груша 259, 261, 262, 276
 — дикая 273
 — садовая 273
 губка 278, 281, 283, 285, 289
 — гибриды 278
 — древесная 264
 гулявик 296

Дадуакс 266
 девесил 284, 285, 294
 девятилистник 294
 джет 293
 диасполит 266
 дорикний 293, 295
 драконово дерево 287
 дуб 291
 — пробковый 286
 дубровка 268, 282
 дубровник 268, 269, 290
 дурман 293, 294
 душица 278
 — гибриды 272
 — критская 272, 293
 — обыкновенная 273
 дыня 258, 260, 261, 276

Евдзомон 294, 296
 евфорбий 269, 271, 272, 276, 282, 287, 289, 293
 ежевика вязолистная 284
 — собачья 294

Жаба 276
 железо 282, 289
 желток яйца 263, 277, 287, 292
 желчь быка 285, 286, 289
 — ворона 277
 — зайца 277
 — кефали 277
 — козла 284
 — коршуна 277
 — куропатки 277
 — петуха 279
 «жеребячья нога» 296

 жеруха 296
 жигунец 261
 жир 283
 — быка 282
 — гиены 291
 — гуся 275, 296
 — крокодила 294
 — лисицы 296
 — медведя 293, 296
 — морской собаки 294
 — оленя 275, 295, 296
 — почечный 287
 жолудь 266, 286

Замбика 257, 259
 «заячье ухо» 293, 294
 земля кимоллийская 283, 290
 — критская 295
 — купоросная 295
 — «мягкая» 293
 — самосская 293
 — эретриадская 293
 земляничное дерево 264
 земляные черви 274, 286, 291
 змеевик 293
 зола 270, 273, 289, 290
 золототысячник обыкновенный 268

Ива ломкая 288
 известь 281
 — фиванская 293
 изюм 256, 261, 271
 ильм 277
 имбирь 260, 263, 264, 266, 271, 282—284, 286, 290, 294—296
 индаи посевной 294
 индиго 260, 293
 индийский 260, 265
 инжир 256, 264, 276, 287, 295
 ирис 272, 274, 276, 279, 282—284, 286, 292, 294
 иссоп 271—273, 277—279, 288, 290
 — аптечный 271

Кадмий 275, 279, 294
халобллье см. кокон
 кал (навоз, помет) голубя 277, 293, 294, 296
 — горлицы 277, 294, 296
 — ибиса 292, 294
 — козы 285—287
 — коршуна 293, 296
 — кошки 294
 — ласки 294
 — свины 285
 — человека 286
Calamintha Clinopodium 294
 калган 260, 263, 264, 266, 271
 каллиструфий 291
 камень 257, 260, 262, 268, 269, 271, 275, 278, 285
 камень алюминиевый 295
 — илистый 293, 295
 — квасцовый 295

- магнит 295
 — фригийский 293, 295
 камшеломка 286
 камфора 264, 265, 277, 278
 камыш ароматный 286, 292, 294, 296
 канифоль 272, 275, 285, 294, 296
 каперсы 284, 288, 294, 295
 капуста 261, 276, 282, 289, 294
 кара 286
 кардамон 266, 272—274, 287, 294—296
 карписия 265
Sagum corticum 266
 касатик 283, 286
 касия 266, 268, 269, 271, 272, 276, 283, 288, 292, 294, 295
 касторий 268—270, 272, 276, 282, 286, 288
 каша овсяная 261
 — ячменная 290
 квасцы 264, 279, 282, 283, 287—289, 291, 296
 кедр 294
 кедровое дерево 285
 кекс 261
 кентаврий 268, 269, 279, 287, 292
 керасния 294
κευδρολίβανον 289
Cinnamomum Tamale 295
 киноварь 294
 кипарис 284, 285, 287, 289
 кирказон 266
 киши 295
 кишнец посевной 264
 клевер 295
 клей 294
 — пчелиный 275
 — рыбный 291
 клецевина 261, 264, 286, 287, 290, 291, 294, 295
κλινοπόδιον 294
 кмни посевной 258
 кокон 266
 кокулиник 296
 колесная мазь 290
 колоквинт 271
 колокинтида 271, 294
 коломась 290
Comarum palustre 295
 компресс 274, 287, 291
 кониза 285
 копытень (копытник) 266, 288
 копыто осла 277, 289
 коралл 294
 кориандр 264, 292, 294
 корица 258, 263, 266, 271, 277, 288, 294—296
 корноподий 271
 костос 260, 262, 263, 265, 266, 272, 273, 285, 286, 288, 290, 292, 294
 крапива 269, 283, 286, 294, 295
 крапп 291
- краска письменная черная 287
 красный железняк 278
 крахмал 261
 кремьень 295
 кресс 266, 296
 кринанфем 294
 кровавик 278
 кровь мыши 279
 — черепахи 276
 «кровь дракона» 267, 287
κρότων 294
 крушина красильная 268, 292
 куманика 284, 289, 292, 294, 295
 купорос медный 283, 285
 куркума 258, 262, 265, 279, 284, 286, 294
 куропаточья трава 282, 283, 287
 курослен 293
- Лабазник 272
 лаванда 268
 лавзонция 274, 275, 279, 286
 лавр 268, 272, 276, 279, 282—290, 293
 лавровые зерна 266
 ладан 257, 259, 260, 262, 281, 286, 294, 295
 лазерпидий 273, 295
 лакричник 266, 271, 287, 288, 293, 295
 ламинария 259
 лапчатник 288
 латук 276, 293
 лафир 295
 лебеда 264, 289
 левкографида 293, 294
 левкой 259, 260, 262, 266
 лен 271, 273, 275, 287, 288, 290, 295
 леопардова трава 292
 лепешка 261, 267
 лепидия 295
 лилии 257, 259, 262, 263, 266, 267, 272, 289, 292
 лоза 270, 272, 273, 284
 локустовое дерево 271
 лотос 294, 295
 лук 259, 261, 264, 274, 276, 279, 290
 — дикий горный 287
 — морской 268, 269, 275
 — порей 259, 264, 276, 277, 291
 — репчатый 259, 264
 — черный 294
 лупин 270, 286, 294
 любисток 295
 лягушка 276
- Майоран 258, 262, 264, 267, 273, 276, 279, 293, 296
 мак 270, 277, 278, 293, 295
 малабая золотистая 264
 мальва 273, 276, 287, 288, 290, 295
 мандрагора 268, 270, 283, 294, 295
- марена 291, 295
 масло животное 260, 263, 275, 285, 293
 — касторовое 265
 — растительное 267, 272, 275, 276, 279, 281—287, 289, 294
 — розовое 257, 259—261, 264, 265, 267, 275, 276, 278, 282—284, 287, 289, 292
 мастика 259, 263, 266, 271, 272, 282, 285, 287, 290, 291, 292, 295
 матица белая 288
 маточная трава 268
 «мать и мачеха» 296
 мацир 266
 мед 256, 257, 260, 262, 266—271, 275, 277, 279, 282, 283, 285, 287, 288, 290—292, 295
 — аттический 279
 — желтый 290
 — острый 262, 267, 282, 289, 290
 — первач 269
 — розовый 258, 262, 282
 медные опилки 278
 медовый напиток 268—271, 273, 274, 279, 282
 медь 277, 287, 295
 мел 273, 283
 меланфий 285, 286, 291
 мелилот 295
 Melissa 273
Mentha aquatica 293, 296
 мергель 283
 миндаль 261, 263, 264, 266, 284, 288, 293
 мирра 266, 268, 269, 272, 274, 282, 287—293, 295, 296
 мирро 256, 274
 мирт 258, 260, 263, 268, 281, 282, 284, 285, 295
 мия 270, 295
 «многоножка» 268
 можжевельник 294
 можжевельные ягоды 284
 мозг 263, 271
 — оленя 272, 275, 276, 282, 295
 — свиньи 295
 — теленка 295
 моли 294
 моллюски 276
 — каракатица 288, 291
 — кирки 288, 295
 — краб 286, 289
 — мурекс 288
 — рак 270, 276, 284
 молодой кровельный 293
 молоко 268, 273, 275, 279
 — женское 260, 277, 278, 289
 — кислое 263, 265, 279
 — козье 274
 — коровье 274, 275, 293
 — ослиное 274, 277, 279, 284

- первое после отела 279
- свернувшееся 273, 293
- сезамное 295
- собачье 279
- молочай 256, 261, 269, 281
- мория 294, 295
- морковь 264, 268, 276, 282, 288, 293
- моча бычка 277
- осла 284
- ребенка 277
- мука бобовая 258, 284
- «греческого сена» 284, 285
- лупиновая 258, 260, 264, 284
- пшеничная 285
- тонкая (тончайшая) 278, 284, 293
- чечевичная 260
- ячменная 257, 285, 295
- мускус 257, 260, 277
- муха 277
- шанская 294
- мухомор 274
- мыло 284, 285
- галльское 285
- мыльнянка 287, 294—296
- мышь летучая 283
- мышьяк 273, 287, 290, 293
- мясо 258, 264
- барана 259, 260, 265, 276
- вареное 259
- воробья 263, 265
- говяжье 276
- голубя 265
- гуся 258
- жареное 258, 259
- жирное 263, 264
- журавля 258
- зайца морского 295
- зайца речного 295
- козы 276
- козленка 259, 260
- курицы 259, 260, 263
- медведя 263
- молодое 257, 258
- павлина 258
- свиный 276
- соленое 276
- утки 258
- цыплят 259
- мята блошиная 272, 273, 278, 282, 284, 286
- водная 293
- дикая 263, 276, 290, 294
- конская 268
- кошачья 258, 262, 273, 274, 292, 294
- лесная 293
- Нард 258, 259, 265, 266, 269, 278, 285, 290, 292, 295
- дикий понтийский 270
- кельтский 279, 285, 288
- нарцисс 259, 263
- нарр 266, 273, 275, 279, 281, 285, 286, 291
- незабудка 295
- нут 260, 284, 292
- Овес 261, 276
- овощи 260, 276
- огурец 269, 276, 288
- «бешеный» 269, 276, 285, 289
- огородный 287
- однозернянка 276
- окалина 294, 295
- оким 279
- окись свинца 272
- олеандр 285, 289
- олива 284, 290, 293, 296
- оливки незрелые 267, 275
- омежник 272
- омела 294
- опий 278, 279, 283, 286—288
- опопанакс 268, 269, 272, 274—276, 282, 285, 295
- орех 257, 285, 286
- благовонный 266
- грецкий 264
- индийский 266
- лесной 272
- понтийский 272, 284, 286
- ориганон 264, 273, 278, 284, 285, 293, 295
- осокорь 293
- осот 284
- отруби 261, 264
- Пальма винная 268
- карликовая 268
- панакс 279
- панацея 272
- папоротник 268, 295
- папирус 294, 296
- параличный корень 288
- паслен 271, 292, 296
- пастернак водяной 293
- коровий 274
- певкедан 283, 295
- пелезовый камень 276
- пемза 276, 279, 282, 295
- пенел 277, 284
- перга 273, 275, 293, 295, 296
- перекати-поле 294
- переступень белый 288
- перец 257, 260, 261, 263, 266, 271, 272, 274, 276—279, 282, 284, 286, 290, 291, 295
- ароматный 263
- белый 268, 269, 282, 285, 286, 288, 290
- длинный 266, 268, 271
- душистый 260
- обыкновенный 269
- черный 268, 282
- перистерон 296
- персик 284, 294—296
- «песья смерть» см. «собачья смерть»
- пион 259, 279
- пирефрон 261, 266, 271, 279, 282, 286, 288, 289, 294—296
- пирог 267
- пиритт 293, 295
- пластырь 260, 268, 272, 273, 275, 282, 287
- платотмин 266
- плесень 264, 293
- плющ 293, 284, 287, 294, 285
- земной 296
- старый 283
- повилика 278
- подорожник 283, 296
- полей 272, 278
- полигон 296
- полий 268, 269
- полиподарий 268
- полиподий 269, 295
- попынь 268, 269, 271, 273, 276, 277, 284, 285, 287, 290, 292, 293, 296
- древовидная 293
- помет см. кал
- портулак 264, 288
- посидония 259
- Potamogeton natans* 294
- примочка 279
- пролеска 284
- просвирик 273, 290
- проскурняк 290
- просо 266, 276
- прутняк 288
- псалкон 279
- птисана 262
- пупочная трава 294
- пэон 283
- пятилистник 289
- пятисочник 289
- пыльца цветочная 275, 293
- Ракита 288
- раковина 287, 288, 290, 291, 295
- ракообразные 276
- рассол 263, 264, 267, 276, 284
- реальгар 273
- решень 266, 292
- «варварский» 258
- монашеский 295
- редиска 261
- редька 261, 273, 274, 287, 289, 291, 292, 296
- резеда 272
- репа 276, 293, 295
- репейник 282
- ржавчина 294
- рис 295
- Ricinus communis* 294
- рог козла 284
- оленя 282, 290
- рододедрон 285, 289
- родостагма 262, 265, 278
- рождовое дерево 271
- роза 258, 259, 262, 264—266, 277, 278, 285, 286, 291, 292, 294, 296
- розмарин 258, 274, 289
- розолавр 285, 295
- ромашка 258, 259, 262, 263, 267, 290
- ртуть 289

- рута 263, 264, 266, 268, 277, 279, 285, 286, 290, 292, 294
- рухляк 283
- рыба 258, 259, 263, 264, 276, 290
- барабулька 276, 277
- бычок колючий 276
- гофос 276
- драконтий 276
- кефаль 277
- кефаль красная 276
- коккикс 276
- лобан 276, 277
- окунь морской 276
- скорпион 276
- соленая 259
- Сагапен 268, 269, 296
- салат 276, 296
- салат-латук см. латук
- сало 257, 285, 290
- несоленое 287
- овечье 287
- свиное 272, 286, 287, 289, 294
- соленое 293
- теленка 274
- сандал 258, 259, 262, 265, 266
- сандарак 273, 294
- сапа 277, 287, 295
- сафлор 271
- сахар 259—261, 265, 266, 278, 279
- свекла 260, 264, 276, 293
- морская 295
- свинец 272, 295
- сезам 263, 293
- селитра 266, 273
- сельдерей 259, 263—266, 279, 282, 284—286, 293
- семядол 294
- сера мышьяковая красная 273
- негорючая 282, 285, 294
- углекислая 273
- серебро 295
- сериф 293
- сидерита—трава 282, 284
- сийун 293
- силиха 266
- сульфий 261, 273, 293—295
- синеголовик 294
- сирак 296
- Sisymbrium polyceratium* 294
- ситник 260, 266, 282, 285, 295, 296
- спртикон 287
- скаммония 268, 269, 271, 277, 282, 290
- «слезинка» 274
- слива 256, 261, 262, 265, 293, 295
- слюногонка 261
- смоква 256, 267, 273, 274, 276, 289, 291, 295
- смоковичное дерево (смоковница) 281, 295
- смола 260, 266, 268, 274, 275, 278, 285—287, 292—294, 296
- аммонияковая 275
- белая 277
- жидкая 275, 295
- персидская 278, 279, 287
- сосновая 260, 272, 275, 287, 288, 294—296
- сырая 288, 296
- «собачья смерть» 261, 268
- сода 292
- грубая 282
- соленья 259
- соль 263, 264, 267—269, 272, 273, 278, 282, 285, 290, 293
- вино-каменная 273, 287
- каменная /минеральная/ 287, 293, 296
- сольца 272, 273, 278
- сонная трава 268
- сосна 274, 282, 289, 290
- спаржа 260
- спикан 265
- споры 267, 281
- спуск 286, 287
- стальник 281
- стахис 259, 265, 266, 278
- στομας 268
- стекло 260, 285
- стенница 261
- стиракс 257, 259, 260, 267, 270, 272, 274, 276, 285, 288, 292
- στροβυλον 294
- сульфат соды 273
- сульфид мышьяка 293
- сумак 291, 296
- сурик 278
- сурьма порошковая 279
- сусяний 267, 289
- сусло 277
- сухарь 260
- сушеница 271
- сфагн 293, 294
- сыворотка 274
- сыр 259, 263, 276
- сырник 267
- сыть 258, 260
- Тальк 295
- тамариск 286, 289, 294
- тапсия 268
- татарник 261, 264, 288
- творог 286, 290
- теревинф 272, 274—276, 285—287, 290, 295, 296
- терпентин 272
- тимьян 268, 269, 273, 282, 293, 294, 296
- критский 273
- тиракин 267
- тириак 266
- тиринник 267, 275
- тмин 258, 263, 264, 266, 272, 273, 278, 286, 290, 291, 294
- конский 294
- царский 272—274, 278
- черный 285
- эфиопский 267, 286
- тополь белый 295
- серебристый 295
- черный 293
- торт 261
- трагаканф 257, 271, 278, 287, 288
- троглогида 268, 296
- тростник 260
- турецкий горошек 260
- тутия 275
- тутовые ягоды 290
- тутовый сок 293
- тыква 258, 264, 268, 271, 276
- Укроп 260, 263, 265, 266, 270, 271, 274, 285, 286
- гиганский 290
- уксус 260, 261, 263, 264, 267, 270, 272—275, 277, 279, 281—290, 292
- улитка 274, 287—290
- Фаланга 294
- фапсия 268, 274, 294
- ферула 268, 290
- ферульник смолопосный 279
- фиалка 259, 266, 272, 291
- душистая 266
- фиги 267
- фимам 268, 272, 274—276, 288, 295
- финики 256, 286, 288, 296
- фисташки 259, 261, 272
- фрукты 258, 260, 262
- сушеные 256
- фундук 257, 264, 292
- «Хамелеон» 288, 296
- черный 294
- хатьма 273
- хлеб 271, 282, 290
- хлопок 295
- хмель 261, 266, 269, 273, 288, 292, 293
- хна 274
- хрен 261, 264
- «Цареградские стручки» 271
- цикламен 266
- цикорий 274
- цикута 294
- цитрусы 258, 261, 265
- Чемерица 268, 269, 274, 285, 294—296
- черемша 276
- чернильный орешек 261
- чернушка 285
- чертополох 261, 264, 288, 292, 293
- чеснок 259, 261, 263, 264, 268, 274, 276, 294
- чечевица 259, 264, 276, 278, 286
- чистотел 294

Шалфей 287, 294
— луговой 266, 293, 295
— трехлопастный 293, 296
шампиньон 264
шандра 268, 269
шафран 266, 268—271,
276—279, 283, 287, 288,
294
шелковица 271, 287—289,
295
— черная 290
шиповник 294
шишки кедровые 291, 294
— сосновые 257, 260, 271,
288, 295, 296
шлак 295
шмак 291

шпакник 283, 286
шпинат 264

Щавель 271
— дикий 295
— кудрявый 271
— шпинатный 295, 296

Эбен 294
Ecballium Elaterium 269,
274, 294
эндивий 276, 285
эпифимон 268, 271, 278,
282
эрик 294
ερίσιμον 294

Ююба 262

Яблоки 258—262, 265, 267
«ягвячий язык» 283
ягоды козы 277
яд 289
— змеи 270
— скорпиона 270, 274
— фаланги 274
яйца 259, 263, 271, 273,
275—277, 291
янтарь черный 293
ячмень 262, 290
— жареный 274
ятрышник 296
ящерица 284

ХРОНИКА

ЛЕНИНГРАДСКАЯ МЕЖИНСТИТУТСКАЯ
ВИЗАНТИЙСКАЯ ГРУППА

Начиная с 1958 г. в Ленинграде регулярно проводит свои заседания созданная и возглавлявшаяся чл.-корр. АН СССР Н. В. Пигулевской Ленинградская Межинститутская византийская группа, секретарями которой являлись Г. Л. Курбатов (до конца 1962 г.) и И. Ф. Фихман (до лета 1970 г.).

Как известно, Петербург был тем центром, где зародилось и достигло высшего расцвета русское византиноведение. Наличие непрерывной научной традиции и прекрасной материальной базы для исследовательской работы (Государственный Эрмитаж, Русский музей, фонды ГПБ, БАН'а и т. п.) позволило Ленинграду сохранить свое значение крупного научно-исследовательского центра в области византиноведения и смежных дисциплин и по сей день. Но в отличие от Москвы, где основные научные силы сконцентрированы в Секторе византиноведения сначала при Институте истории АН СССР, а затем при Институте славяноведения и балканистики АН СССР (с 1968 г.), ленинградские специалисты не объединены в пределах одного учреждения в результате объективно сложившихся условий их работы. Именно это обстоятельство поставило перед ленинградскими византинистами особенно остро вопрос о создании условий и форм научного общения и сотрудничества, без которых в наши дни невозможно плодотворная научная деятельность. Некоторое время научное общение ленинградских византинистов осуществлялось на заседаниях группы византиноведения Ленинградского отделения (далее — ЛО) Института истории АН СССР и кафедры византиноведения ЛГУ¹. Теперь в рамках Ленинградской межинститутской группы они получили формально признанную и практически работоспособную организацию для совместной работы. Ленинградская группа византинистов как особая научная ячейка утверждена Бюро отделения истории АН СССР.

ЛМВГ не наделена административными полномочиями. Она не утверждает планов (хотя и обсуждает их при желании исполнителей), не проверяет их выполнение. Ее решения формально не обязательны ни для ее членов, ни для соответствующих научных учреждений. Но тот факт, что ее рекомендации вытекают из всестороннего объективного обсуждения с участием авторитетных специалистов в самых различных областях византиноведения и смежных дисциплин, приводит на практике к тому, что рекомендации ЛМВГ оказывают большое влияние на характер и ход выполняемых в Ленинграде и, как видно будет ниже, не только в Ленинграде, работ, не говоря уже о том, что сами заседания являются ценной школой для молодых византинистов.

В работе ЛМВГ принимали более или менее регулярно участие сотрудники следующих ленинградских научных учреждений: ЛО Института востоковедения АН СССР, при котором и функционирует ЛМВГ (Н. В. Пигулевская, И. Ф. Фихман, К. Н. Юзбашиян), ЛО Института истории СССР АН СССР (С. А. Беляев, Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. Ч. Скржинская), ЛО Института археологии АН СССР (М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон), Государственного Эрмитажа (А. В. Банк, В. Н. Залеская, И. В. Соколова, В. С. Шапдровская), Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова (Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева, С. В. Полякова), Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Е. Э. Гранстрем), Библиотеки АН СССР (С. В. Авруциан, И. Н. Лебедева), Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом), (О. А. Белоброва, Г. М. Прохоров), Института

¹ См. М. В. Левченко. В византийской группе Ленинградского отделения Института истории Академии — ВВ. I/XXVI/, 1947, стр. 378—380; Е. Л. Византиноведение в Ленинградском государственном университете, — там же, стр. 380—381; Е. Э. Липшиц. Византиноведение в Ленинграде в 1946 и 1947 гг. — ВВ. II /XXVII/, 1949, стр. 387—389; Е. Л. Византиноведение в Ленинграде в 1948—1949. — ВВ. IV, 1951, стр. 274—277; Г. Л. Курбатов. Византиноведение в Ленинграде в 1950—1956. — ВВ. XII, 1957, стр. 348—353.

живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (В. Д. Лихачева), Высшего военно-морского инженерного училища (Я. Н. Любарский). Кроме вышеупомянутых лиц, которых можно считать «постоянными» членами группы, на ее заседаниях нередко присутствуют и активно выступают и другие представители ленинградской научной общности, а также гости из других городов и из-за рубежа.

Как уже указывалось, особенностью группы является разносторонность научных интересов ее членов. В ее состав входят специалисты по социально-экономической и политической истории Византии (Н. В. Пигулевская, Г. Л. Курбатов, Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. Ч. Скржинская, И. Ф. Фихман, К. Н. Юзбашин), по истории восточно-византийских (Г. Л. Курбатов, И. Ф. Фихман, К. Н. Юзбашин), западно-византийских (Е. Ч. Скржинская) и русско-византийских отношений (О. А. Белоброва, Е. Э. Гранстрем, И. Н. Лебедева, Е. Ч. Скржинская, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон), по археологии (С. А. Беляев, Е. Ч. Скржинская, М. А. Тиханова, А. Л. Якобсон), по истории изобразительного искусства (А. В. Банк, О. А. Белоброва, С. А. Беляев, В. Н. Залеская, Е. Э. Липшиц, В. Д. Лихачева), литературы (О. А. Белоброва, Е. Э. Гранстрем, И. Н. Лебедева, Е. Э. Липшиц, Я. Н. Любарский, С. В. Полякова, Г. М. Прохоров, В. С. Шандровская), по праву (Е. Э. Липшиц), нумизматике (И. В. Соколова), палеографии (Е. Э. Гранстрем, И. Н. Лебедева), папирологии (И. Ф. Фихман), сигиллографии (В. С. Шандровская) и т. д. В целях обеспечения максимально широкого обсуждения ЛМВГ проводит иногда совместные заседания с другими ленинградскими научными коллективами, например с кабинетами кавказоведения и Ближнего Востока и исторической секцией ЛО Института востоковедения, с Государственным Эрмитажем, с группой всеобщей истории ЛО Института истории СССР, с отделом Древнерусской литературы Института русской литературы и т. д.

ЛМВГ не работает по подробному, заранее составленному графику. Дата и тема следующих заседаний обычно намечаются на очередной встрече. В среднем проводится одно заседание в каждые две-три недели. Доклады гостей и обсуждение срочных вопросов ставятся вне очереди, что приводит (правда, не столь часто) к тому, что заседания созываются еженедельно. Все это обеспечивает гибкую и удобную для всех членов работу группы. Заседания группы отличаются друг от друга и по тематике и по характеру. Наряду с заседаниями, посвященными обсуждению научных докладов, сообщений, рецензий, готовых больших исследований или их частей, отчетов о научных командировках, имеются и такие, на которых рассматриваются проспекты будущих работ, различные, представляющие общий интерес организационные и иные вопросы, разного рода информационные сообщения. Чаще всего эта информация составляет один из пунктов повестки дня, но иногда для ее обсуждения и принятия соответствующего решения отводится специальное заседание.

В данной информационной заметке невозможно перечислить тематику всех заседаний ЛМВГ и содержание принятых ею рекомендаций. Поэтому мы ограничимся только некоторыми основными фактами из деятельности ЛМВГ, относящимися преимущественно к последнему периоду ее работы.

Прежде всего следует отметить организационное значение ЛМВГ, ее роль в обеспечении посильного и качественного участия ленинградских византистов в ряде всесоюзных и международных научных совещаний. Как известно, работа V сессии XXV Международного конгресса востоковедов в Москве в 1960 г. была посвящена византиноведению и смежным дисциплинам. Руководителем секции была Н. В. Пигулевская, секретарями Г. Л. Курбатов и И. Ф. Фихман. Доклады ленинградских ученых (Н. В. Пигулевская, А. В. Банк, Е. Э. Гранстрем, Г. Л. Курбатов, Е. Э. Липшиц) были предварительно обсуждены и представлены ЛМВГ². Группа обсудила также некоторые из докладов на XII Международном конгрессе византиноведов в Охриде (Н. В. Пигулевской и др.), о работе которого группа заслушала информацию З. В. Удальцовой. В лице своего руководства ЛМВГ взяла на себя работу по организации участия многочисленной ленинградской делегации в работе VII Всесоюзной сессии по византиноведению в Тбилиси (декабрь 1965 г.) и ряда ленинградских византистов в работе XIII Международного конгресса византиноведов в Оксфорде. По возвращении ленинградских ученых из Оксфорда было созвано специальное заседание (совместно с исторической секцией ЛО Института востоковедения), на котором своими впечатлениями поделились некоторые из участников конгресса: Н. В. Пигулевская, А. В. Банк, О. А. Белоброва, Г. Л. Курбатов. К XXVII Международному конгрессу востоковедов группа подготовила сжатый очерк истории византиноведения за 50 лет советской власти (окончательная редакция текста: Н. В. Пигулевская, А. В. Банк, Е. Э. Гранстрем, Г. Л. Курбатов).

ЛМВГ дважды обсуждала специально работу «Византийского временника»: в первый раз с участием З. В. Удальцовой и А. П. Каждана, во второй раз — по просьбе З. В. Удальцовой. В принятом тогда (24 мая 1966 г.) решении было отмечено, что совершенно необходимо обеспечить регулярную периодичность и увеличение ежегодного объема издания в целях создания нормальных условий для оперативной публикации

² См. подробно: Г. Л. Курбатов и И. Ф. Фихман. О работе Секции византиноведения и смежных дисциплин на XXV Международном конгрессе востоковедов. — ВВ; XX, 1961, стр. 315—335.

результатов научных исследований и всестороннего отражения научной деятельности советских византистов; что все публикуемые статьи, материалы и т. п. должны быть либо прямо посвящены истории и культуре Византии, либо непосредственно с ней связаны, что, конечно, не исключает, а наоборот, предполагает привлечение смежных русско-византийских, восточновизантийских, западновизантийских, послевизантийских материалов, но, разумеется, не за счет византийского материала и нарушения профиля и установившихся традиций издания; что в случае установления строгой периодичности желательнее уделить больше места, чем это наблюдается ныне, публикации византийских письменных и материальных памятников.

ЛМВГ охотно принимала деятельное участие в обсуждении проспектов как работ большого масштаба и общественного резонанса, так и отдельных исследований. К числу первых следует отнести: 1) заседания, посвященные обсуждению задач и характера трехтомной «Истории Византии», в состав редакционной коллегии и авторского коллектива которой вошел ряд членов ЛМВГ, и конкретному рассмотрению первого предварительного варианта некоторых разделов, представленных тремя из авторов первого тома; 2) совместное с кабинетами Ближнего Востока и кавказоведения ЛО Института востоковедения заседание, на котором были всесторонне рассмотрены вопрос о разделе «Византия» в планируемых «Очерках истории культуры народов Востока»; 3) обсуждение на разных этапах работы В. С. Шандровской над памятниками византийской сфрагистики, хранящимися в Эрмитаже. 27 мая 1967 г. были заслушаны доклады участников группы, возглавляемой В. С. Шандровской, которые работают над этой темой (И. В. Соколовой, Н. Н. Антокольской, В. Н. Залесской, И. П. Медведева и А. Ф. Коквкина). На заседании был отмечен качественный сдвиг в происходящей работе и улучшение ее методики и высказано мнение, что есть все основания ждать в недалеком будущем начала публикации ценных научных результатов, добытых группой. К числу индивидуальных исследовательских тем, проспекты которых были рассмотрены ЛМВГ, следует отнести работы В. Церана (Лодзь — Польша) «Экономическое-общественный ряд отдельных профессий в Антиохии во второй половине IV в. н. э.» и К. Н. Юзбашяна «Византия и Армения в XI в.». Разумеется, вопросы, касающиеся характера, задач и структуры всего исследования в целом, практически возникали и обсуждались при заслушивании любого доклада, являвшегося частью более крупной работы, например докладов Е. Э. Гранстрем, В. Н. Залесской, Н. Н. Лебедевой, Я. Н. Любарского, И. П. Медведева, С. В. Поляковой, З. Г. Самодуровой (Москва), И. Ф. Фихмана и т. д. Некоторые заседания, в среднем раз в год, вообще посвящались информации о темах и ходе выполнения планов членов ЛМВГ. Полезность такого обмена мнениями трудно переоценить.

Основным содержанием работы ЛМВГ являлось все-таки и является обсуждение научных докладов и сообщений, представленных членами группы, а также гостями. Чтобы дать хотя бы некоторое представление о тематике этих докладов, приведем названия части из них, заслушанных в последнее время: Н. В. Пигулевская. «Красное море в византийской Византии VI в.», «Византия и Восток»; С. А. Беляев. «О византийском блюде IV—V вв. Государственного Эрмитажа»; Е. Э. Гранстрем. «Учидальный период византийской письменности», «О сборнике врачевальных и апокрифических молитв и заговоров XIX в.»; В. Н. Залеская. «Письменные источники о металлообрабатывающих ремеслах в византийской Сирии», «К вопросу о датировке некоторых групп культурных предметов (по материалам Эрмитажа)»; Г. Л. Курбатов. «Некоторые проблемы ранневизантийского города», «Из истории возникновения нашей школы научного византиноведения (С. Дестунис)»; Я. Н. Любарский. «О жанровых и композиционных особенностях хронографии Михаила Пселла», «Михаил Пселл и Иоанн Мавропод»; И. П. Медведев. «Восстание городского населения в Мистре в 1402 г.», «О подделке византийских документов в XVI в.», «К вопросу о хартуляриях»; С. В. Полякова. «Аллегория у Евматия»; Г. М. Прохоров. «Паламизм и варлаамизм в политической жизни Византии XIV в.», «Еще одно мнение о происхождении арабских цифр»; И. В. Соколова. «Начало Византии в свете нумизматических данных»; И. Ф. Фихман. «Типы византийских документальных папирусов»; В. С. Шандровская. «Печати исторических деятелей „Алексиады“»; К. Н. Юзбашян. «К вопросу об авторстве „Стратегикона“ Кекавмена», «О происхождении имени павликиан»; А. Л. Яковсон. «Новый памятник раннесредневековой архитектуры в Крыму» и т. д.

Для полноты характеристики деятельности ЛМВГ следовало бы указать на заседания, посвященные заслушиванию отчетов о научных командировках: Н. В. Пигулевской (во Францию, ФРГ, Италию, Австрию, Англию), А. В. Банк (в Англию, Болгарию, Италию, Югославию), Г. Л. Курбатова (в Болгарию, Англию), Г. Е. Лебедевой (в ГДР), А. Л. Яковсона (в Болгарию), обсуждению готовых или готовящихся работ: акад. АН Груз. ССР С. Г. Каухчишвили — «История византийской литературы», Е. Э. Гранстрем — «Византийская письменность по материалам советских хранилищ» и, наконец, рецензий. Следует, однако, признать, что члены группы ведут в явно недостаточной мере работу по рецензированию и реферированию исследований по истории Византии и смежных дисциплин. Это, к сожалению, приводит к тому, что многие специалисты, в частности зарубежные, не имеющие возможности ознакомиться с нашими работами лично, вынуждены судить о них только по кратким аннотациям, которые, конечно, не могут заменить подробные и обоснованные рецензии.

ЛМВГ поддерживает тесные связи с советскими и зарубежными специалистами, часто выступающими с докладами на заседаниях группы. Из числа советских византистов следует отметить доклады: С. Г. Каучишвили (см. выше), Р. М. Бартияна («Критические заметки о заещании Евстафия Воилды»), Г. Г. Литаврина («О переиздании сочинений Кекавмена»), З. Г. Самодуровой («К вопросу о малых византийских хрониках») и «Роль малых хроник в истории византийской образованности») и Б. Л. Фоничка («Максим Маргуний и его рукописи в Москве»).

Из докладов, прочитанных зарубежными специалистами, отметим выступления Ж. Даргона (Франция) — «Фемистий и его мировоззрение», Ф. Фон Лилиенфельд (ФРГ) — «О перспективах дальнейшего изучения греко-славянских патериков», А. Мирамбеля (Франция) — «Современное состояние неозллических штудий во Франции»; В. Мошина (Югославия) — «Расходная книга византийского боярина XIV в.»; Г. А. Острогорского (Югославия) — «Византиноведение в Югославии»; В. Петри (ФРГ) — «Об исследовании „Космографии Аналии Ширакаци“ (армянского ученого VII в.)»; М. Ришара (Франция) — «Институт исследования и истории текстов»³; В. Тыпковой-Займовой (Болгария) — «Византиноведение в Болгарии», В. Церана (Польша) (см. выше).

Многие из докладов и работ, обсужденных в ЛМВГ, уже увидели свет или находятся в печати. Специалисты всегда легко найдут их в соответствующих библиографических обзорах. В данной заметке мы ограничимся поэтому только указанием на монографические исследования, выпущенные в последние годы членами ЛМВГ: Н. В. Пигулевская. «Города Ирана в раннем средневековье». М.—Л., 1956 (французский перевод: N. Pigulevskaia. Les villes de l'Etat iranien aux époques parthe et sassanide. Contribution a l'histoire sociale de la basse antiquité. Paris, 1963), «Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв». М.—Л., 1964; А. В. Балк. «Искусство Византии в собраниях Государственного Эрмитажа», Л., 1960; «Византийское искусство в собраниях Советского Союза». Л.—М., 1966; Г. Л. Курбатов. «Ранневизантийский город (Антиохия в IV веке)». Л., 1962; И. Н. Лебедева. «Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы» (ПС, вып. 18 (84)); Е. Э. Липшиц. «Геопоники». Л., 1968. «Византийская сельскохозяйственная энциклопедия X века» (Введение, перевод и комментарий). М.—Л., 1960. «Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX века». М.—Л., 1961. «Эклога. Византийский законодательный свод VIII века» (Вступительная статья, перевод и комментарий). М., 1965; Я. Н. Любарский. «Анна Комнина. Алексиада». М., 1965; Е. Ч. Скржинская. «Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica)». М., 1960 (Вступительная статья, перевод, комментарий); И. Ф. Фихман. «Египет на рубеже двух эпох. Ремесленники и ремесленный труд в IV—середине VII в.» М., 1965; К. Н. Юзбашян. «Повествование вардапета Аристакаса Ластиверца». Перевод. Вступительная статья. Комментарий. М., 1968; А. Л. Якобсон. «Раннесредневековый Херсонес. Очерки истории материальной культуры». М.—Л., 1959.

К этому следует добавить большую работу по описанию и исследованию греческих рукописей в СССР, проводимую Е. Э. Гранстром⁴, и научно-популярные книги Г. Л. Курбатова («Византия в VI столетии». Л., 1959) и В. С. Шандровской («Культура и искусство Ближнего и Среднего Востока IV тысячелетия до н. э. — XVIII в. н. э. и Византия IV—XV вв.» Л., 1960; «Культура и искусство Византии». Л., 1963.)

В заключение хочется указать на приятный и всеяющий уверенность в дальнейшее успешное развитие византиноведения в Ленинграде факт — на количественный и качественный рост группы, на постоянный приток новых сил, в первую очередь — молодежи. Только за последние годы в работу ЛМВГ активно включились С. А. Беляев, В. Н. Залесская, Г. Е. Лебедева, И. Н. Лебедева, В. Д. Лихачева, И. П. Медведев, Г. М. Прохоров. Докторские диссертации защитили Е. Э. Гранстром, Г. Л. Курбатов, Е. Ч. Скржинская, А. Л. Якобсон, кандидатские — И. Н. Лебедева, В. Д. Лихачева, И. П. Медведев, Г. М. Прохоров, И. Ф. Фихман. В то же время ленинградское византиноведение понесло и тяжелые потери: ушли от нас П. В. Ернштедт, Н. С. Лебедев, Л. А. Мацулевич, Н. В. Пигулевская.

Плодотворная работа ЛМВГ является результатом коллективных усилий всех ее членов. При этом следует, однако, выделить выдающуюся роль, которую играла руководитель ЛМВГ Н. В. Пигулевская, уделявшая очень много времени и сил делам группы в целом и каждого его члена в частности, и постоянно поддерживавшая византиноведческие начинания своей неистощимой энергией и высоким авторитетом.

И. Ф. Фихман.

³ М. Ришар любезно оставил нам текст доклада. Его русский перевод, к сожалению, до сих пор не опубликован.

⁴ Греческие средневековые рукописи в Ленинграде. — ВВ, VIII, 1956, стр. 192—207; Греческие рукописи в собраниях Советского Союза (дополнительные сведения). — ВВ, XI, 1956, стр. 285—294; Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ, вып. 1. — ВВ, XVI, 1959, стр. 216—243; вып. 2. — ВВ, XVIII, 1961, стр. 254—274; вып. 3. — ВВ, XIX, 1961, стр. 194—239; вып. 4. — ВВ, XXIII, 1963, стр. 166—204; вып. 5. — ВВ, XXIV, 1963, стр. 166—197 и XXV, 1964, стр. 186—211; вып. 6. — ВВ, XXVII, 1967, стр. 273—294; ВВ, XXVIII, 1968, стр. 238—255 и другие ее работы.

НИНА ВИКТОРОВНА ПИГУЛЕВСКАЯ

Советское византиноведение понесло тяжелую, невосполнимую утрату — 17 февраля 1970 г. на 77-м году жизни скоропостижно скончалась Нина Викторовна Пигулевская, ученый с мировым именем, крупнейший специалист по средневековой истории Ближнего Востока и Византии, член-корреспондент АН СССР, доктор исторических наук, профессор Ленинградского государственного университета, бессменный член редакционной коллегии «Византийского временника» и его постоянный сотрудник.

В лице Нины Викторовны Пигулевской советская наука потеряла ученого необычайно широкого творческого диапазона, сочетающего первоклассные знания филолога с глубоким пониманием закономерностей исторического процесса, исследователя, создавшего целое направление в советском византиноведении и востоковедении. Перу Нины Викторовны Пигулевской принадлежит около 150 работ, в том числе 10 монографий, положивших начало новому этапу в изучении Византии и древнего и средневекового Ближнего Востока. Многие из ее трудов опубликованы за рубежом или переведены на иностранные языки. Необыкновенная увлеченность наукой, удивительная работоспособность, литературный талант Нины Викторовны поражали всех, кому посчастливилось работать вместе с ней.

Нина Викторовна Пигулевская (Стебницкая) родилась 1 января 1894 г. (по старому стилю) в Петербурге. В 1912 г. она поступила на Бестужевские курсы, где занималась под руководством Ф. Ф. Зелинского, И. М. Гревса, А. А. Васильева, И. И. Толстого, О. А. Добиаш-Рождественской и других. После окончания Высших курсов она в январе 1918 г. была оставлена для подготовки к профессорской деятельности по кафедре истории Византии. Одновременно с аспирантурой Нина Викторовна занималась на восточном факультете Ленинградского университета у академика П. К. Коковцева по группе семитских языков. Все это определило основные направления ее творческой деятельности, те области науки, которым она посвятила в дальнейшем все свои силы: история Византии и сириология.

После окончания аспирантуры она стала работать хранителем восточных манускриптов в Рукописном отделе Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), где по заданию академика Н. Я. Марра подготовила полное описание коллекции сирийских рукописей. [Образцовый по своей полноте и строгой методике описания «Каталог сирийских рукописей Ленинграда» был опубликован в 1960 г. в ПС, вып. 6 (69)].

Вслед за каталогизацией рукописей ГПБ Нина Викторовна приступила к детальному исследованию отдельных памятников богатейшей, но мало изученной сирийской литературы. В этой области ею был сделан ряд интереснейших находок и открытий. Многие рукописи Н. В. Пигулевская впервые ввела в научный оборот. В вышедшей в 1926 г. статье «О сирийской рукописи церковной истории Евсевия Кесарийского 426 г. н. э., хранящейся в Государственной Публичной библиотеке» («Восточный сбор-

ник ГПБ», № 1), она не только описала один из древнейших известных нам сирийских кодексов, но и проанализировала его содержание. В результате дальнейших поисков ей посчастливилось найти среди сирийских рукописей фрагмент последней части сочинения Сахдоны, видного сирийского писателя VII в. Начало же этого весьма ценного для сириологии манускрипта хранится в Страсбурге. Тщательный анализ обнаруженного отрывка помог датировать и страсбургскую рукопись («Das Ende der Strassburger Sahdona Handschrift. — Oriens christiens», 1927). На основании изучения сочинения Сахдоны Нина Викторовна написала в 1928 г. работу «Жизнь Сахдоны» (Записки Коллегии востоковедов, III), где она установила сложную хронологию событий в Персии VII в.

В 30-е годы Н. В. Пигулевская приступила к исследованию сирийских палимпсестов, хранящихся в ГПБ. Ей удалось обнаружить и прочитать под греческим текстом небольшой отрывок на редком сиро-палестинском диалекте (Fragments syro-paléstinens des psaumes 104—105. — «Revue biblique», 1934, N 4). В эти же годы ею были найдены и изучены фрагменты греко-сиро-арабской полиглотты IX в. (Фрагменты полиглотты. — «Рабочая хроника Института востоковедения», 1944, вып. 1; Греко-сиро-арабская рукопись IX в. М., 1954; Греко-сиро-арабская псалтырь IX в. — ПС, 1954, № 1) и расшифрованы уникальные отрывки литературного произведения, написанного сирийским письмом на одном из древнетюркских языков (Fragments syriaque et syro-turque de Nara-Hoto et de Turfan. — Revue d'Orient chrétien, 1938, v. 10, N 1—2; Сирийский и сиро-тюркский фрагменты из Хара-Хото и Турфана. — Советское востоковедение, 1940, т. 1). Публикация этих открытий сопровождалась обстоятельным историческим комментарием. Во всех своих работах Н. В. Пигулевская проявила себя специалистом, мастерски владеющим сложной методикой комплексного историко-филологического исследования.

Всестороннее изучение манускриптов позволило Нине Викторовне овладеть разнообразным кругом рукописных источников и накопить большой фактический материал для исторических исследований. Она превратила сириологию из придатка христианского богословия (таким она остается до сих пор в трудах многих буржуазных ученых) в источник ценнейших исторических сведений, существенно расширяющих наши знания о мало изученной истории сасанидского Ирана и Византии. Созданные на базе рукописных источников работы Нины Викторовны Пигулевской получили высокую оценку. Академик И. Ю. Крачковский в 1938 г. писал: «Хорошее историческое образование, углубленное изучение семитических языков, в особенности сирийского, систематическое в течение многих лет проведенное описание всех находящихся в Ленинграде рукописных памятников выработало из нее специалиста единственного в своем роде. Ее знания не лежат мертвым капиталом, а все время претворяются в признанные работы». По предложению академиков П. К. Коковцева и И. Ю. Крачковского 13 апреля 1938 г. Н. В. Пигулевской была присуждена без защиты ученая степень кандидата филологических наук. 22 июня 1939 г. за фундаментальное исследование «Месопотамия на рубеже V—VI вв. н. э. Сирийская хроника Иешу Стилыта как исторический источник», являющееся, по словам И. Ю. Крачковского, «крупным событием в нашей науке», Нине Викторовне была присуждена степень доктора исторических наук.

В своих первых монографиях: «Месопотамия на рубеже V и VI вв. н. э.» (Л., 1940, Труды ИВАН, т. XXXI); «Сирийские источники по истории народов СССР» (Труды ИВАН, 1941, т. XLI); «Византия и Иран на рубеже VI и VII вв.» (Л., 1946, Труды ИВАН, т. 46) Нина Викторовна Пигулевская впервые в советской исторической науке дает определение способа производства ближневосточных обществ раннего средневековья и выясняет пути и формы разложения рабства и становления феодализма в странах Ближнего Востока в переходную между античностью и средневековым эпоху. Для решения этой проблемы Н. В. Пигулевской был собран огромный фактический материал о реальных формах рабства и колоната, о крестьянских общинах и их взаимоотношениях с государственной властью, о ремесле и торговле городов Востока, о народных движениях в деревне и городе, охвативших Византию и Иран.

Вопрос об общественных отношениях в период падения рабовладельческого строя и перехода к феодализму в следующей монографии «Византия на путях в Индию» (М.—Л., 1951) Нина Викторовна Пигулевская изучает не только на материале Византии и Ирана, но и привлекает данные по истории Аравии, Эфиопии и Средней Азии. (В 1969 г. в Берлине вышел расширенный и переработанный автором немецкий перевод этой книги.) В работе дана детальная характеристика экономического базиса Византийской империи, Ирана, Аравии, Эфиопии; показана роль Византии в социально-экономическом, политическом и культурном развитии народов Ближнего и Среднего Востока, раскрыто многообразие торговых связей ее с Индией, Китаем через Иран, Среднюю Азию и арабские страны. Кроме того, Нина Викторовна впервые в нашей литературе исследовала социально-экономический и политический строй государства химьяритов и борьбу Химьяра с Эфиопией, в которой принимали участие и Византия, и Иран.

Проблемы кризиса рабовладельческого общества и генезиса феодализма на Ближнем Востоке, развития городов и ремесленного производства разрабатываются Ниной Викторовной Пигулевской в ее монографии «Города Ирана в раннем средневековье» (М.—Л., 1956), представляющей несомненный интерес и для византистов. (В 1963 г. в Париже был опубликован французский перевод книги с предисловием известного

ориенталиста Клода Каэна «Les Villes de l'État Iranien aux époque Parthe et Sasanide». Paris, 1963.) Н. В. Пигулевская выясняет особенности социально-экономического и политического развития городов Ближнего Востока, в частности Ирана, их связи с Византией. Большое внимание в работе уделено изучению основных процессов общественного развития Ирана в III в., их влияния на судьбы старых городов и появление новых. Много места отведено характеристике ремесла и торговли, торговых товариществ, царских городов, налоговой системы. В труде обстоятельно рассмотрены вопросы рабовладельческой системы в городах, организации в них ремесла и торговли, экономические связи Византии со странами Востока.

Н. В. Пигулевская положила начало советским исследованиям истории Аравии доисламского периода, ее взаимоотношений с Византией и Ираном. В своей книге «Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв.» (М.—Л., 1964) она охарактеризовала социальную структуру сопредельных с Византией и Ираном арабских государств в IV—VI вв. и условия, в которых возник ислам и складывался восточный феодализм.

Своими исследованиями проблемы перехода от рабовладельческого общества к феодальному на материале Византии, Ирана и Аравии Н. В. Пигулевская способствовала разоблачению неверных представлений о застойности истории народов Востока, об их неспособности к самостоятельному творческому развитию и убедительно доказала единство исторического развития стран Запада и Востока. Совместно с академиком В. В. Струве она обосновала периодизацию истории народов Востока на основании их социально-экономического развития.

Н. В. Пигулевская внесла значительный вклад в разработку истории СССР. В своих монографиях «Сирийские источники по истории народов СССР» (Труды ИВАН, 1941, т. XLI) и «История мар Ябалахи III и раббан Саумы» (М., 1958) она поставила многие этнографические проблемы Закавказья, Средней Азии и Балкан, изучив известия сирийских авторов о народах этих областей. В центре ее внимания находились взаимоотношения Византии и Ирана с кочевыми племенами, известными в истории под общим названием гуннов. Ниной Викторовной были прослежены процесс складывания государства у гуннских племен, их переход к оседлости и возникновение письменности; много новых сведений приведены и о борьбе аваров и славян с Византией.

Последнее время Нина Викторовна трудилась над очередной большой монографией «Культура сирийцев», посвященной проблемам культуры народа, игравшей важную роль в духовной жизни восточного средневековья. Смерть оборвала работу над этой почти завершенной книгой.

Свою научно-исследовательскую деятельность Н. В. Пигулевская сочетала с громадной организационной и редакторской работой, а также с преподаванием на Восточном факультете Ленинградского государственного университета. Она воспитала много талантливых ученых, кандидатов и докторов наук. Ее ученики работают в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Ереване, Баку, Ташкенте. Н. В. Пигулевская создала школы советской сириологии, византиноведения, иранистики, арабистики, кумрановедения и сабенстики, завоевавшие высокую репутацию в мировой науке.

В годы блокады Ленинграда (1941—1942 гг.) Нина Викторовна исполняла обязанности заместителя директора Института востоковедения АН СССР (в штат которого была зачислена в 1938 г.) и руководила работами по спасению рукописных богатств Института и организацией эвакуации его сотрудников из Ленинграда. В 1944 г. Нина Викторовна возвращается в Ленинград. В 1946 г. за большие научные достижения ее избирают членом-корреспондентом АН СССР. В эти годы она становится руководителем Кабинета Ближнего Востока, который за короткое время превратился в важнейший семитологический центр Советского Союза. Активно помогает Н. В. Пигулевская академику И. Ю. Крачковскому в организации Восточного факультета Ленинградского университета, где читает курсы по истории средневекового Востока, сирийского языка и сирийской литературы. Ей было присвоено звание профессора. Много сил и энергии Нина Викторовна отдавала руководству Ленинградской межинститутской группой византинистов, важного центра византиноведения в нашей стране.

В 1952 г. Н. В. Пигулевская была избрана заместителем председателя Российского Палестинского общества при АН СССР и назначена ответственным редактором «Палестинского сборника», одного из лучших в мире изданий по истории и филологии Ближнего Востока. Она была не только редактором этого издания, но и неутомимым организатором работы авторского коллектива. В течение нескольких лет Нина Викторовна была председателем редакционного совета Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. Н. В. Пигулевская состояла членом ряда ученых советов и научных обществ, принимала активное участие в организации Всесоюзных сессий по византиноведению, истории древнего Востока, арабистике, семитологии.

Н. В. Пигулевская достойно представляла советскую науку на XXIII и XXIV Международных конгрессах востоковедов в Кембридже (1954 г.) и Мюнхене (1957). На XXV Международном конгрессе востоковедов в Москве она возглавляла работу V секции по византиноведению и смежным дисциплинам. Она была участником XI и XII Международных конгрессов византинистов. В 1960 г. она читала курс лекций по истории Византии и Ближнего Востока в Сорбонне для преподавателей и аспирантов. В декабре 1969 г. Нина Викторовна прочла несколько лекций в Коллеж де Франс

в Париже. «Азиатское общество» Франции избрало в 1960 г. Н. В. Пигулевскую своим членом. В 1965 г. Н. В. Пигулевская занималась сирийскими рукописями в Ватиканской библиотеке.

Н. В. Пигулевская была награждена орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами «Знак почета» и медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд в Отечественной войне», «250 лет Ленинграда».

Все знавшие Нину Викторовну Пигулевскую никогда не забудут ее удивительной увлеченности и преданности науке, трудолюбия, энциклопедичности ее знаний, бесконечной требовательности к себе, сочетавшихся с огромной душевной щедростью, теплотой, необыкновенной человечностью, готовностью в любое время помочь всеми средствами всем, кто нуждался.

Память о Нине Викторовне Пигулевской всегда будет жить в сердцах советских византинистов и специалистов по истории Ближнего Востока.

Редакционная коллегия

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВВ	— Византийский временник
ВДИ	— Вестник древней истории
ВИ	— Вопросы истории
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИП	— Исторически преглед
ИРАИК	— Известия Русского археологического института в Константинополе
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИНА	— Краткие сообщения Института народов Азии
МИА	— Материалы и исследования по археологии
ОИДР	— Общество истории и древностей российских
ППС	— Православный палестинский сборник
ПС	— Палестинский сборник
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ТОДРЛ	— Труды Отдела древнерусской литературы
ВСН	— Bulletin de correspondance hellénique
ВNgJbb.	— Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher
BS	— Byzantinoslavica
Byz	— Byzantion
BZ	— Byzantinische Zeitschrift
DOP	— Dumbarton Oaks Papers
ΕΕΒΣ	— 'Επετηρίς 'Εταιρείας Βυζαντινῶν Σπουδῶν
MGH SS	— Monumenta Germaniae Historica. Scriptores
MM	— <i>F. Miklosich — J. Müller. Acta et diplomata Graeca medii aevi</i>
Or. Chr. Per.	— Orientalia Christiana Periodica
PG	— Patrologiae cursus completus. Series graeca
PL	— Patrologiae, cursus completus. Series latina
RE	— <i>Pauli — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertums-wissenschaft</i>
REB	— Revue des études byzantines

ТАБЛИЦЫ

К статье Б. Л. Фонкича, рис. 1—3

К статье В. Г. Пуцко, рис. 1—6

К статье А. Ф. Червякова, рис. 1—4

К статье В. В. Кропоткина, рис. 1—7

К статье З. Г. Самодуровой, рис. 1

К статье И. С. Чичурова, рис. 1

И. С. ЧИЧУРОВА, А.
ПРИМЕЧАНИЯ
К РАБОТАМ
1971 г.

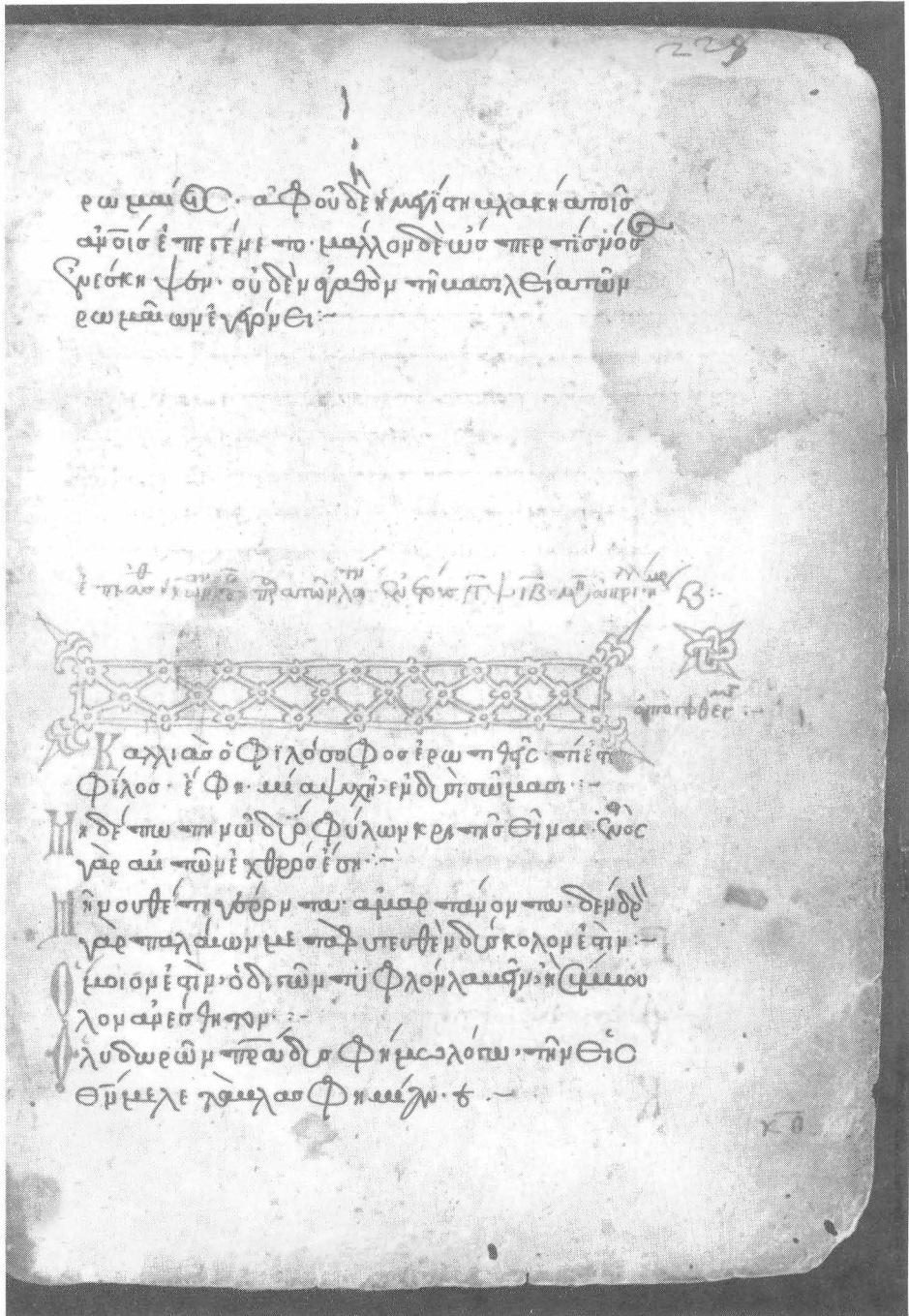

Рис. 1.
ГИМ, греч. 436, л. 229

16 Θίαμ πείρερσ· και υδρ ασ πηρασ ακ αθασι ασ ποισουσι
 καθεκαστη· και ραμ πρισμοσ εις αλποσ προσπημ ωνδι
 δι πτωμα· ιουδαϊκοισ δουλαμ πασ εθεσι·
 17 Η πατων επιμ πιδακ τυλων πληρωσ πωσ κατω φρα
 νιζομαι και λπερμ και ιερωμε πατουαμ επιγρ
 ροσ πημοσ ψμ επισ φραγιζοισι·
 18 Αποσ πλοσ τε τρωδισ· πλοσ πρωσ εγδωδωσ· και μβ
 χρησ πωπασ χαι· τοσ αγγλουσαι ουταλλοισι·
 φσμ φηλαλαμ· χοσ αρχι λιασ τελοσ·

Рис. 2.
 ГИМ, греч. 436, л. 350 об.

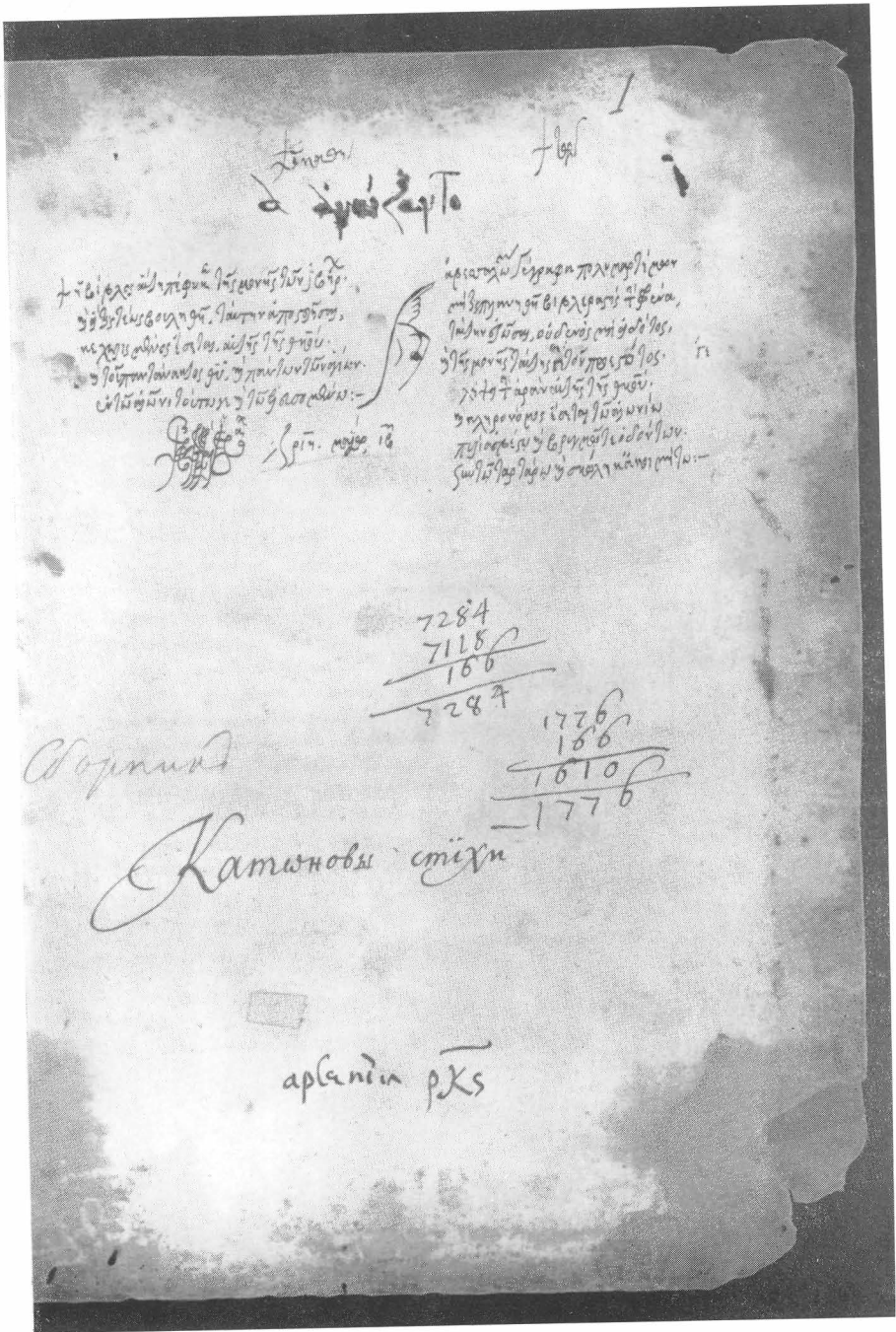

Рис. 3.

ГИМ, греч. 442, л. 1

Ἄμαχος ἔλασάντων
 δὲ τῶν μάρων· ὄφθη
 ἄγγελος κυτῶ· ἰσ
 σήφ μάρων· ἄβρ εἶπε
 παρὰ μου ἐκ τῶν
 δίορ καὶ τῆν ἡμέ
 αὐτοῦ· καὶ φέρε
 εἰς αἴγλητον· καὶ
 ἰσθι ἐκ εἶ· ἐσοσ ἀν
 τωσσι· μὲλλη γάρ
 ἠρώδης ζητεῖν
 τὸ παιδίον· τοῦ αἰ
 πορβόσαι αὐτό·
 ἀρασάσ δὲ ἰσ σήφ
 αὐτῆ τῆ ὄρα· καὶ
 τβίλ εἶσ αἴγλητον
 παροικί κατὰ τὸ
 ῥήμα τοῦ ἀγγέλου·
 ἰμασ μρωθῆ τὸ
 ῥήθῆν διὰ τοῦ προ
 φῆτου· ὅζαι γέπῳ
 ἔκαμεσ τὸν υἱόν
 μου τὸ τῆ ἠρώ
 δης· ἰδὼν ὅτι ἐβ
 πάχθη ὑπὸ τῶ
 μάρων· ἀποσείμασ
 σατράπασ· ἀμεί

βρ παρ τασ τοσ
 πάιδασ τοσ ἄμει
 θεβμ· καὶ βρ πάσι
 τοισ ὀρίοισ αὐτῆσ·
 ἀποδιδε τοσ καὶ κα

Рис. 1.

Слова Григория Богослова. — ГПБ, греч. 334. Третья четверть XI в., л. 1

τῶν τέρσων· κατὰ
 τοῦ χρόνου, ἡ
 κρίνωσθε παρὰ
 τῶν μαθῶν· ἄλφον
 ἴσθ' εἰσγαυαῖ·
Ἰαὶ ἄσραμαὶ καὶ
 ραχὴν· πὸ μῆσφν
 μῆσφν ὑβριαμῶν, αἰ
 πὸ κτεῖμαρ· παμ
 τασ τοῦ παίδας
 αὐτῶν· ἡ γὰρ φνκῆ
 ὑβριαμῶν, βῆ κμῆ
 ρωθῆσ' ἄρται μὲν
 ρουθῆσ' ἰούδα· ἴ
 πῆ μαχθῶν· ἡ αἰ
 πὸ λεισ' αὐτῶν· οἰ
 σσ· ἡ τὸ μὲν θλεθῶν·
 καὶ ἰθυσῶσ, αἰτῆ ἔ
 ατρίμῆ· οἰμοῖσ
 ἡ αἰ πὸ μῆσφν ὑβρι
 αμῶν· γαυαῖ αἰ ἡ
 ραμαὶ· καὶ ραχὴν·
 ἀμφότῃραι πὸ μῆσ
 τοῦ τῶ ἰούδα ἡ αἰ
 ὑβριαμῶν· πρῆσι
 ἀζουσαι ἀμῆμασ'
 τὸ τῶ βωλῆ ρῶθῆ

ἴσθ' ἰερῶ
 μῶν τοῦ προφήτου·
 φωνῆ βῆ ραμαὶ ἡ
 κούσθῆ· θρῆμοσ·
 ἡ αἰ κμαθῶσ· καὶ
 ὀδυρμὸσ· τωμῶ· ρα
 χὴν ἡ μαιούσ· αἰ τὰ
 τεκνα αὐτῆσ· ἡ αἰ
 οὐκ ἠθέβη· παρὰ
 ἡ μὲν θῆμα ὀτῆσ
 κείσθῆ·

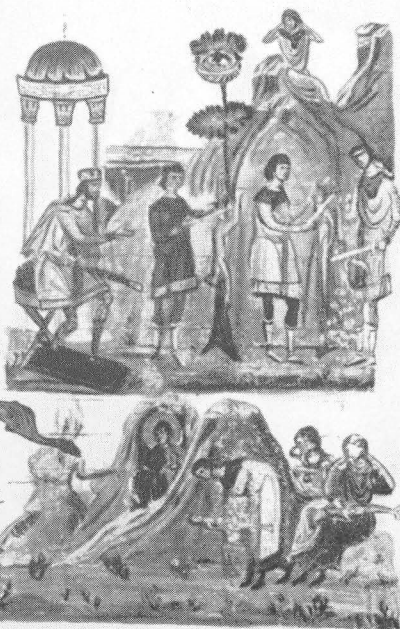

Рис. 2.
 Слова Григория Богослова. — ГПБ, греч. 334. Третья четверть XI в., л. 1 об.

Рис. 3.
а) Сон Иосифа; б) Бегство в Египет

ΚΕΙΣΙΜ

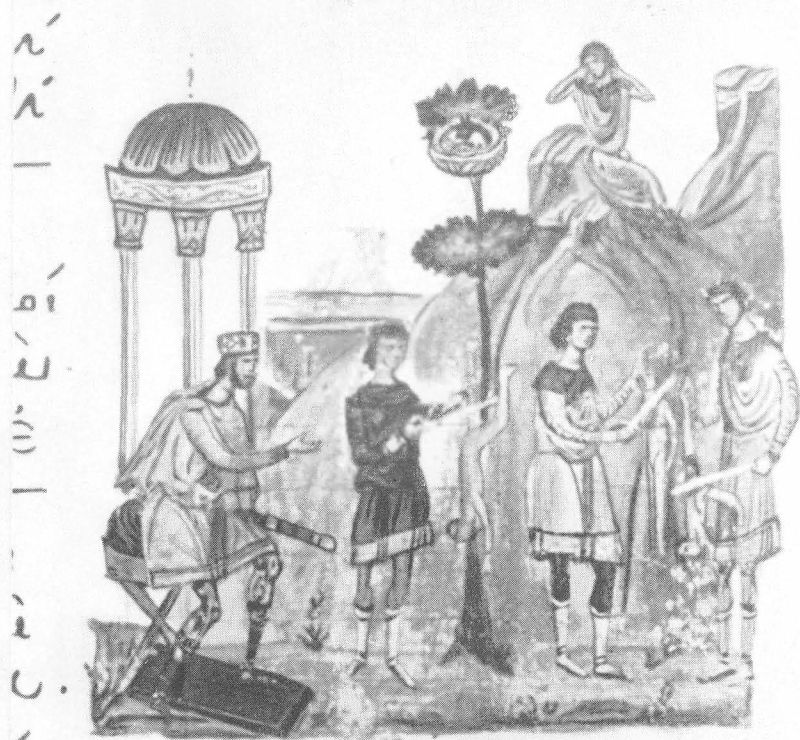

Рис. 4.
Избиение младенцев

ΜΗΤΩΝ ΤΩΝ Β

οι αἱ τοι τε

Το σάτις σαρβιόν τῶ
ἐλαμπαρῶ θησῶν ἀρε
ταίς καὶ θαύμασι
οἰμακαίροι· τοι οὐτοίς
την κίβητον ἐν φῶσιν
ποσφιλοτιμικασίδα
ροισ καὶ μεθ' αὐαυτο
ὄντος τὴν τῶν ἀνα
γύρων φιλαυτίαν· καὶ
τὰς καὶ ἐκαὶ τὴν ἀβρ
χθίας ἐν μεσομβύοις·
Θῆας ἀφροσύνης ἡ
κέραι καὶ φαχιασῶς,
οὐδὲ πρὸς τὸ μέγαλον
ἡμιτὸ ἐπαλάττωσι
ἐν χυτῷ τῶ· καὶ ἡ
μῶρ· ὡ· ἡ δὲ ζῶ καὶ
τὸ κρεῖσσος ἐισταῖσ
αἰσῶμασ τῶν
αἰσῶμασ.

Ω
H + N
M
J

μερ
Τύριον
τῶν ἀγίων καὶ
ἐν τῷ τῶν χεμερ
τῶρων
ἀκινδύων
πληγῶν ἀλλε
παλῶν
ἀφ' ὅτι
τοιαύτα

ἔλπιζα φέρον· ἡ γὰρ
καὶ πρὸς τὴν πᾶσιν
χρῆταισ δὲ χ' ἡμῶ
μεθ' ἐν πρὸς κ' ἡ σῶν·

Рис. 5.
Фрагмент Синаксаря. — ГПБ, греч. 373, 60-е годы XI в.

Рис. 6.

Свв. Акиндин, Пегасий, Анемподист, Афтоний, Елпидифор. Миниатюра из фрагмента Синаксаря. — ГПБ, греч. 373. 60-е годы XI в., л. 1 об.

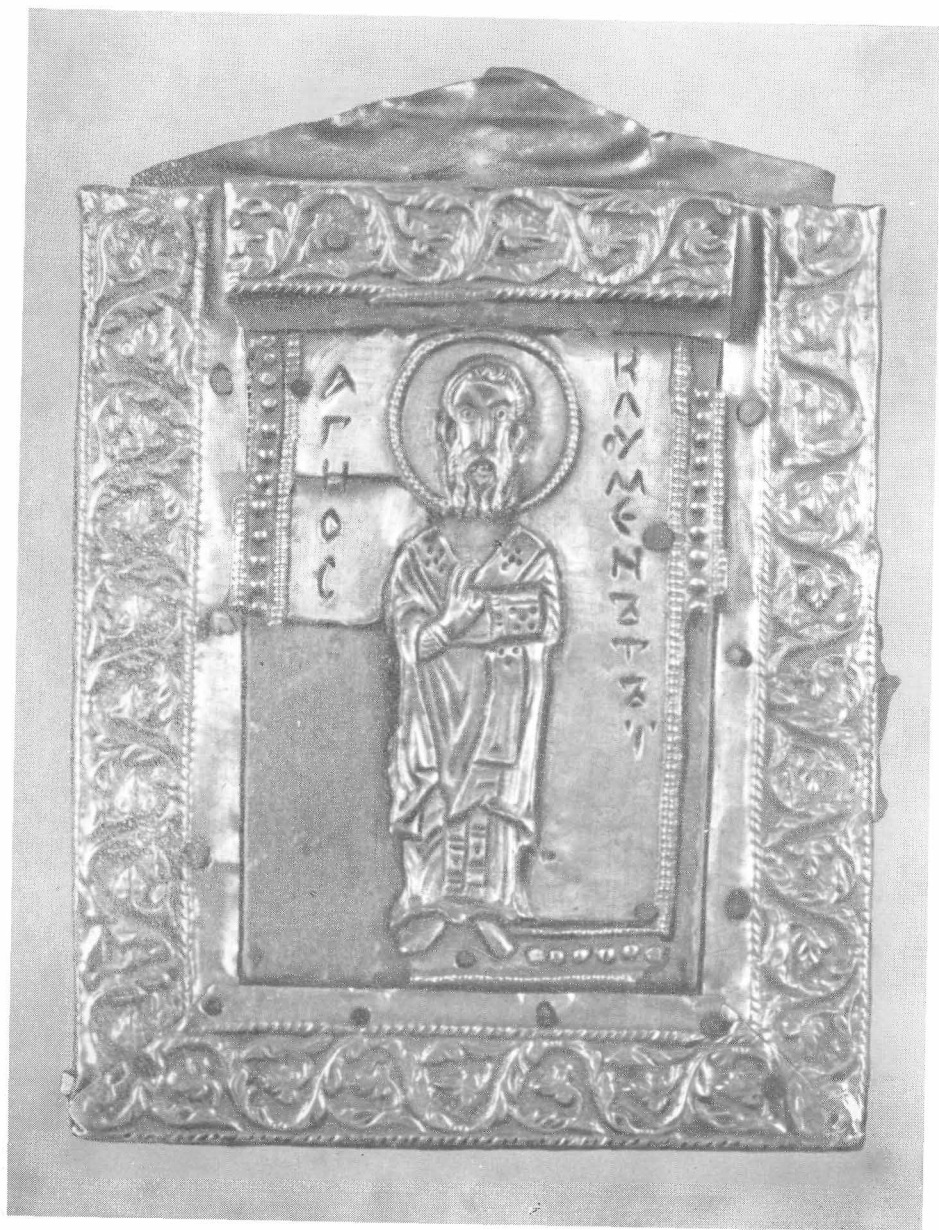

Рис. 1.

Ставроотека. XII в. Архангельский областной краеведческий музей. Общий вид с закрытой крышкой

Рис. 2.

Ставроотека с открытой крышкой.

Рис. 3.
Ставролика. Константин и Елена

Рис. 4.

Ставротека. Обратная сторона

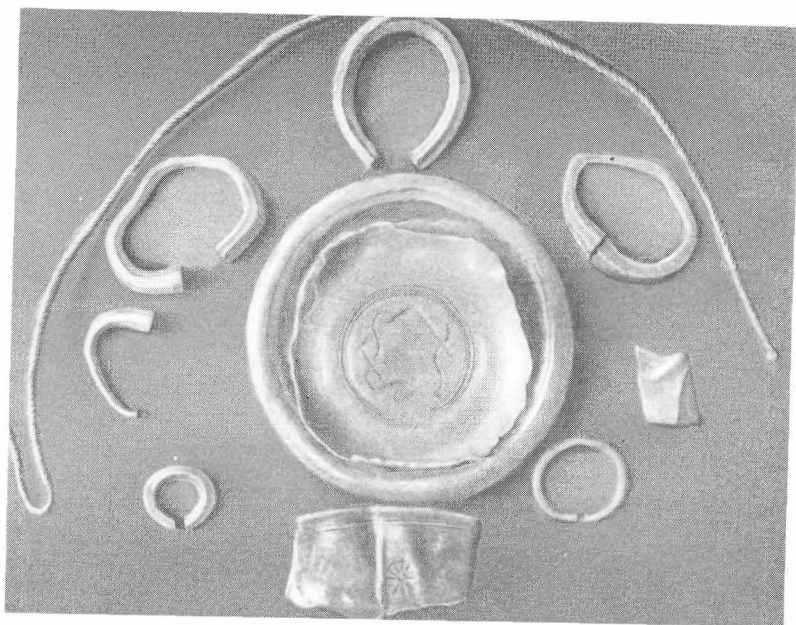

Рис. 1.

Серебряные вещи из Крылосского клада

Рис. 2.

Серебряная чаша с крестом

Рис. 3.

Серебряная чаша с крестом. Вид снизу с клеймом на дне.

Рис. 4.
Клеймо на дне Крылосской чаши

Рис. 5.
Серебряные изделия

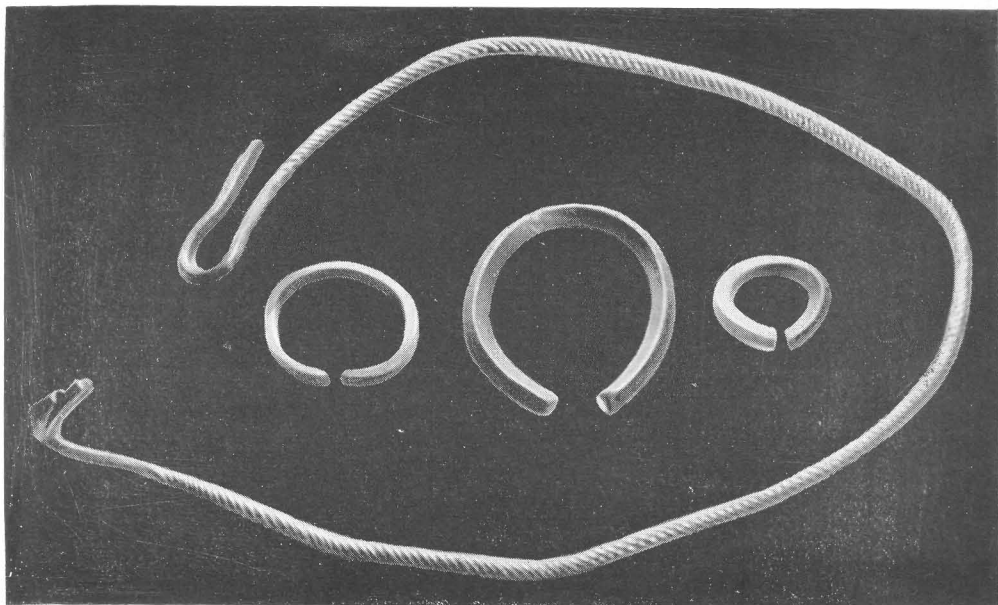

Рис. 6.
Серебряные изделия

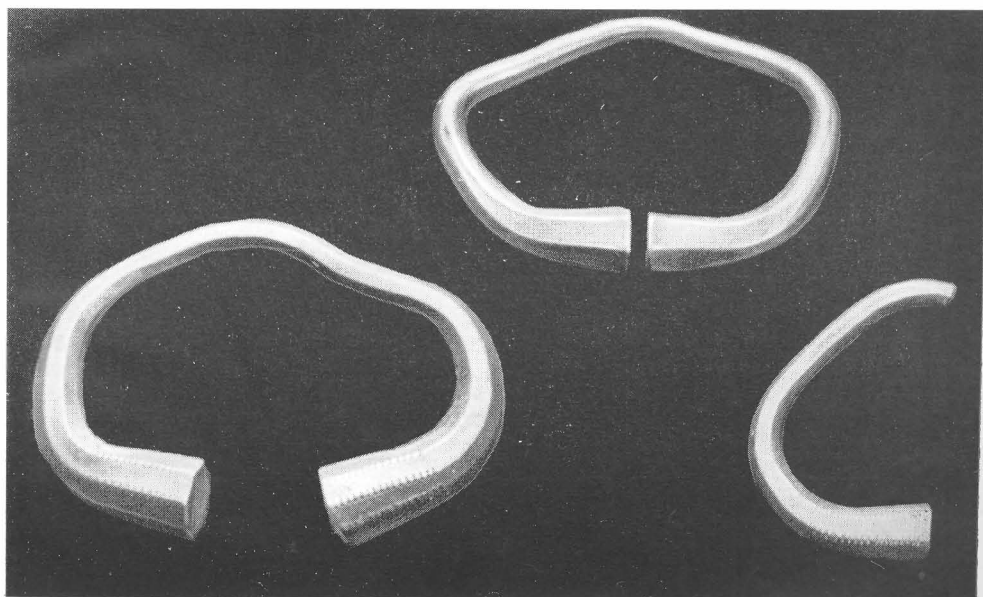

Рис. 7.
Серебряные изделия

απομα, ετιφμα. αδιδτ αδαμ, ετιφ υξ
 εϊτα, οι βασιλεις αυτων: ο σαουλ. ο δαδ.
 ο σολομων. ο εροαμ. ο αβια. ο ασα. ο ιωσαφατ.
 ο ιωσαμ. ο οξιας. ο γοβολιας. ο ιωσακ. ο αμμοσαμ.
 ο οξιας παλινετρος. ο ιωαθαμ. ο αχαζ. ο εξικι.
 ο μνασνε. ο αμμο. ο ιωσας. ο ιωαχαζ.
 ο ελιακμ. ο ιεχονιας. ο σεδεκιας. τουριχο^{νη}
 υφκ: απο δε του αδαμ, ετιφ δε
 + τοι βασιλεις χαλδαι. προσων. και ασουριων.
 + τρωτος ασουριων, γαριουχοδογοσρε. ος ε
 πορθησε την ιλμ. και ηεν αιχμαλωτισε
 μιν εαδας. μερικης. βαλτασαρ. δαρφοσ
 προσων. κυροσ μεζας. ος ελνωσε τρις μηδαν
 τρις περσας. εξαμφοτερων γαρ των χηλων
 εβανηθκ. και εχνησε βασιλεις σοφρων.
 ιπιφκης. εχεφρων. σεαλιωτη καστατος. σ
 ανδρεος. χαμβρυσκο υος αυτου. ος εφονησε
 τον αδελφον αυτου. δε τα βασιλεις, απο σελας
 τενας. ετα και αυτος. δε φησιν του φονευθεις
 ποιουντω εσοπα. αναβαινωσ γαρ τον ιππολ.
 εξ ηλθι το παραμχαρο και του απο την θηκ
 αυτου. και ετεωσεν αυτον δε τον μικρον και
 απεθωνε. και ελαφο νοιμαχοι τη βασιλεια.
 ομοσος τω μορφω υπαρχων ομοσος,

Рис. 1.
ГИМ, греч. 331 (477/т. II, XLI qu.), л. 364 об.

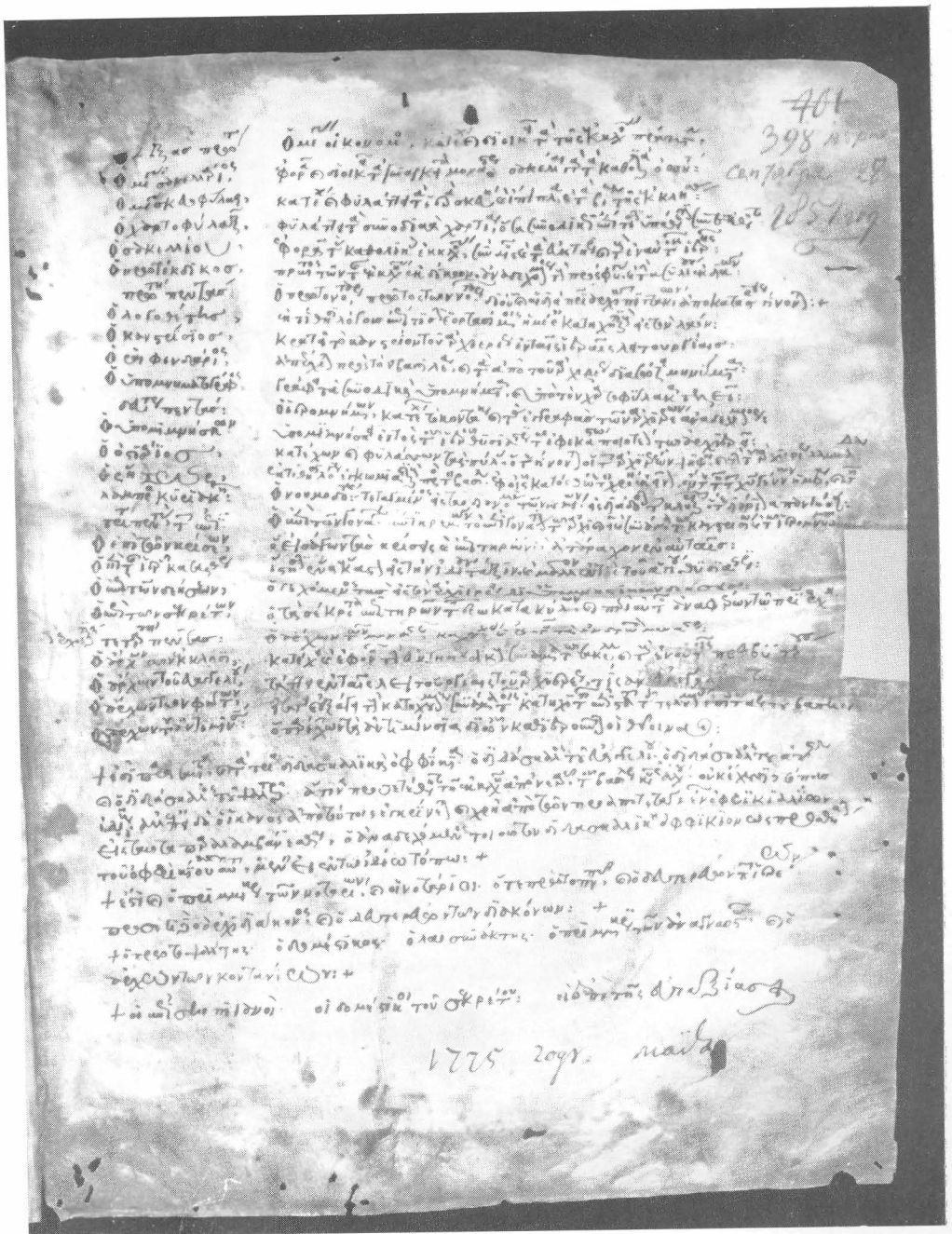

Рис. 1.

Список церковных должностей. — ГИМ, греч. 53/147, л. 328

СО Д Е Р Ж А Н И Е

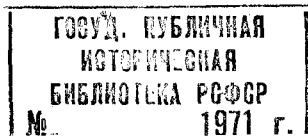
Статьи

Марксистско-ленинское учение и очередные задачи советского византиноведения	3
З. В. Удадьцова (Москва). Мировоззрение Прокопия Кесарийского	8
Я. Н. Любарский (Ленинград). О жанровой и композиционной специфике «Хронографии» Михаила Пселла	23
Ф. Винкельман (ГДР). «Церковная история» Никифора Каллиста Ксанфоула как исторический источник	38
А. П. Каждан (Москва). Византийский монастырь XI—XII вв. как социальная группа	48
Я. Н. Щапов (Москва). Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в.	71
Г. Л. Курбатов (Ленинград). Из истории научных связей русской византистики (В. Г. Васильевский в Германии)	79
М. А. Заборов (Москва). Известия русских современников о крестовых походах	84
Б. Л. Фопкич (Москва). О рукописи «Стратегикона» Кесавмена	108
В. Г. Пуцко (Истра). Два фрагмента константинопольских лицевых рукописей третьей четверти XI века из собрания ГПБ (греч. 334 и 373)	121
М. Ф. Тонберг (Ленинград). Греческие рукописи библиотеки им. М. Горького Ленинградского ордена Ленина Государственного университета им. А. А. Жданова	128
Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Выпуск 7. Рукописи XV века	132
Ф. Винкельман (ГДР). Ленинградский фрагмент жития Митрофана	145
М. М. Копылекко (Алма-Ата). О языке славянского перевода «Жития Нифонта» (Глагольно-именные фразеологизмы)	146
В. Д. Лихачева (Ленинград). Взаимодействие иконографического канона и художественного стиля в палеологовской живописи Византии	162
Н. К. Голейзовский (Москва). Заметки о Дионисии	175
А. Ф. Червяков (Москва). Ставротика XII века из Архангельского краеведческого музея	188
В. В. Кропоткин (Москва). Византийская чаша из Крылосскогоклада VII в.	194

Критика и библиография

Рецензии

А. В. Урушадзе (Тбилиси). О статье В. А. Арутюновой «К вопросу об <i>ζωροστοι</i> в «Типике» Григория Пакуриана»	196
А. П. Новосельцев (Москва). «Повествование Вардапета Аристакэса Ластивертци». Перевод с древнеармянского, вступительная статья, комментарий и приложения К. Н. Юзбашяна. М., 1968	197
Е. Э. Гранстрем (Ленинград). Э. Д. Фролов. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л., 1967	199
В. Д. Корольюк (Москва). А. Poppe. <i>Pánstwo i kościół na Rusi w XI wieku.</i> Warszawa, 1968	202
Х. Диттен (ГДР). <i>Les actes latins de S. Maria di Messina (1103—1250), édités par L. R. Ménager.</i> Instituto Siciliano di Studi Bizantini e Neo-ellenici. Palermo, 1963	207

С. С. Аверинцев (Москва). P. Nagel. Die Motivierung der Askese in der Alten Kirche und der Ursprung des Mönchtums. «Texte und Untersuchungen zur Geschichte der Altchristlichen Literatur», В. 95. Berlin, 1966, 120 S. 209

А н н о т а ц и и

Б. Ст. Ангелов. Из старата българска, руска и сръбска литература, т. I. София, 1958; т. II. София, 1967 212

Syméon le Nouveau Théologien. Traités théologiques et éthiques, t. 1—2. Paris, 1966—1967 213

G. Walter. La vie quotidienne à Byzance au siècle des Comnènes (1081—1180). Librairie Hachette, 1966 215

Ch. M. Brand. Byzantium Confronts the West. 1180—1204. Cambridge, Mass., 1968; W. Hecht. Die byzantinische Außenpolitik zur Zeit der letzten Komnenenkaiser (1180—1185). 216

F. Altheim and R. Stiehl. Die Araber in der Alten Welt, Bd. I—IV. Berlin, 1964—1967 219

D. M. Metcalf. Coinage in the Balkans. 820—1355. Thessaloniki, 1965. 221

Новые издания двух ценных справочников 223

Армянская миниатюра. Составил и оформил А. Тоцикян. Предисловие Э. Корх-мазян. Ереван, 1967. 225

Публикации

З. Г. Самодурова (Москва). Анонимная византийская хроника в списке XV в. из греческой рукописи собрания ГИМ 226

И. С. Чичуров (Москва). Новые рукописные сведения о византийском образовании 238

С. В. Полякова (Ленинград). Из истории греческого романа в Византии («Офионика» Гелиодора в толковании Филиппа Философа и Иоанна Евгеника) 243

Г. Г. Литаврин (Москва). Византийский медицинский трактат XI—XIV вв. (по рукописи Cod. Phil. VII, 19 Библиотеки Лоренцо Медичи во Флоренции) 249

Хроника

И. Ф. Фихман (Ленинград). Ленинградская межинститутская византийская группа 302

Нина Викторовна Пигулевская 306

Список сокращений 310

Таблицы 311

Византийский временник, т. 31

Утверждено к печати
Институтом всеобщей истории АН СССР

Редактор издательства Ф. Н. Арский
Технический редактор В. В. Тарасова

Сдано в набор 13/X 1970 г. Подписано к печати 26/IV 1971 г. Формат 70×108¹/₁₆. Усл. печ. л. 29,05. Уч.-изд. л. 33,5. Тираж 1400. Т-06477. Бумага № 1. Тип. зак. 1269. Цена 2 р. 15 к.

Издательство «Наука». Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12